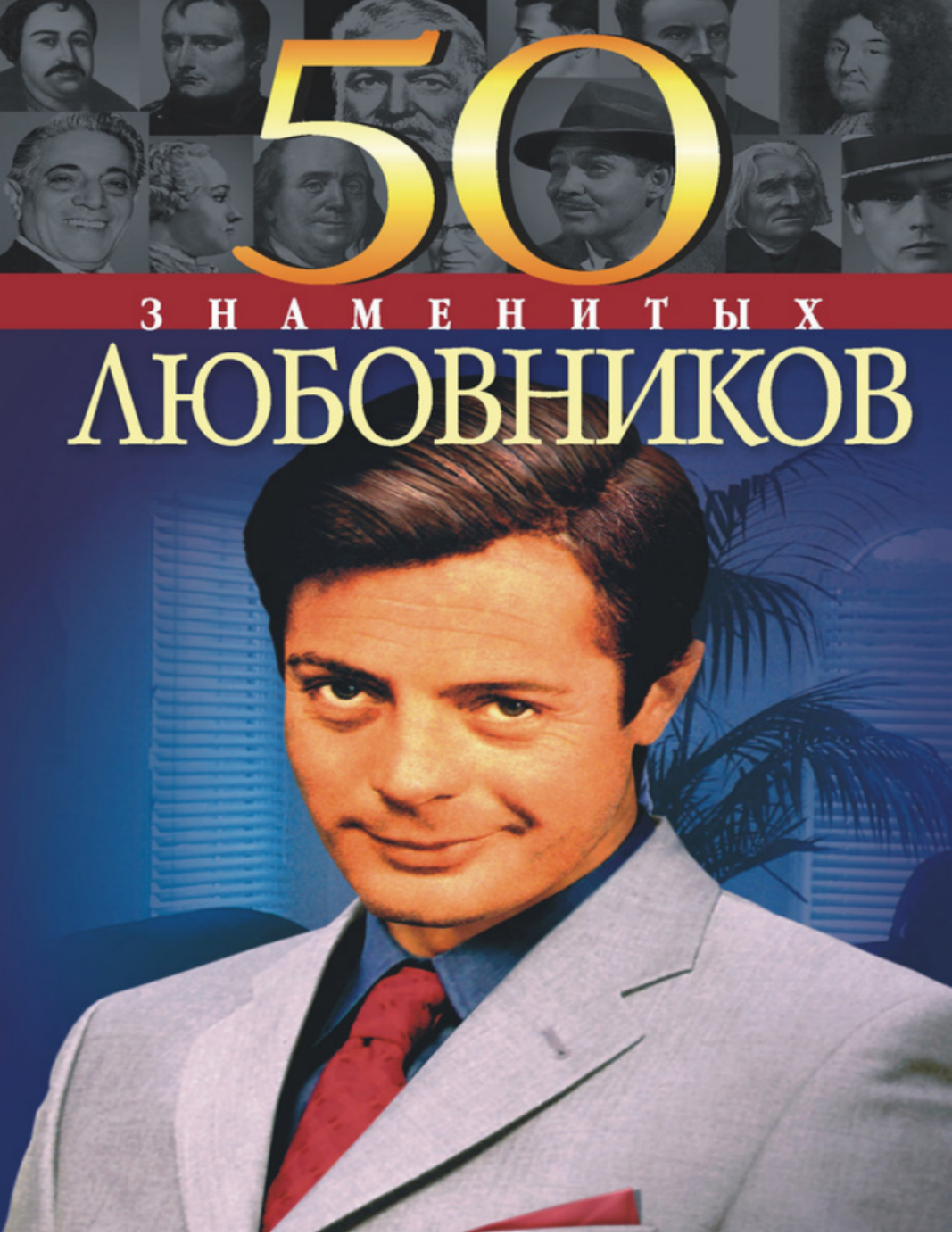
50 ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮБОВНИКОВ



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Личная, а тем более интимная жизнь знаменитостей — это причудливое сплетение событий, в которых вознесение к высшему наслаждению сопровождается, как правило, настоящими драмами и душевными потрясениями. А если к тому же эта жизнь богата необычайными приключениями, неистовыми страстями, романтическими порывами, то интерес к ней возрастает многократно.

Знаменитые любовники — это, прежде всего, великолепные мужчины. В этой книге рассказывается о 50 из них — тех, кто возносил женщину на невиданные высоты, давал ей возможность ощутить полноту жизни, почувствовать себя единственной и неповторимой. По справедливости, оценку великому любовнику и должна бы давать женщина — кому, как не ей, по достоинству оценивать таланты своего избранника. Но таких свидетельств в истории, к сожалению, мало. Поэтому предоставим слово самим мужчинам: Джакомо Казанове и Генриху VIII, кардиналу Ришелье и Людовику XIV, Виктору Гюго и Александру Дюма, Амедео Модильяни и Сальвадору Дали, Чарли Чаплину и Марчелло Мастроянни…

- Елена Васильева, Юрий Пернатьев
  - От авторов
  - Властительные Донжуаны
    - Папа Александр VI, Родриго Борджиа
    - Генрих VIII
    - Ришелье Арман Жан дю Плесси
    - Людовик XIV Бурбон
    - Мазепа Иван Степанович
    - Франклин Бенджамин
    - Орлов Григорий Григорьевич
    - Наполеон I
    - Александр I
    - Тито Иосип Броз
    - Онассис Аристотель
  - Пленники греховных наслаждений
    - Казанова джакомо
    - Де Сад Донасьен-Альфонс-Франсуа
    - Вольта Алессандро
    - Дюма Александр
    - Гюго Виктор
    - Тютчев Федор Иванович

        - Достоевский Федор Михайлович
        - Мопассан Ги де
        - Уайльд Оскар
        - Д’Аннунцио Габриэль
        - Уэллс Герберт
        - Пикассо Пабло
        - Чаплин Чарли
        - Сартр Жан Поль
    - Вдохновленные любовью
        - Лопе де Вега
        - Гете Иоганн Вольфганг
        - Бернс Роберт
        - Пушкин Александр Сергеевич
        - Рассел Бертран
        - Модильяни Амедео
        - Хемингуэй Эрнест
        - Брехт Бертольд
        - Вадим Роже
    - Кумиры женщин
        - Байрон Джордж Гордон
        - Лист Ференц
        - Есенин Сергей Александрович
        - Гейбл Кларк Уильям
        - Синатра Фрэнк
        - Мастроянни Марчелло
        - Пресли Элвис
        - Делон Ален
        - Челентано Адриано
    - Одна, но пламенная страсть
        - Абеляр Пьер
        - Шуман Роберт
        - Тургенев Иван Сергеевич
        - Черчилль Уинстон
        - Фицджеральд Фрэнсис Скотт
        - Эдуард VIII, герцог Виндзорский
        - Дали Сальвадор
- notes
    - 1

Елена Васильева, Юрий Пернатьев
50 знаменитых любовников

От авторов

Личная, а тем более интимная жизнь знаменитостей — это причудливое сплетение событий, в которых вознесение к высшему наслаждению сопровождается, как правило, настоящими драмами и душевными потрясениями. А если к тому же эта жизнь богата необычайными приключениями, неистовыми страстями, романтическими порывами, то интерес к ней возрастает многократно.

Надо заметить, что само понятие «любовь» настолько всеохватно, что к нему всегда приходится добавлять какое-либо определение, связанное то ли с религией, то ли с милосердием, то ли с родиной, семьей, природой, ремеслом и конечно же с сексом. Зато так называемые «любовные связи» вполне конкретизируют тот предмет, которым занимаются и профессиональные историки, и медики, и социологи, и вообще всякий любопытствующий человек. В этом смысле все нормальные мужчины, за редким исключением, так или иначе являются любовниками.

Впрочем, слово «любовник» неточно передает тонкость интимных отношений между мужчиной и женщиной. По устоявшемуся мнению, в ней что-то есть от бездумного флирта, с той или иной степенью страсти. Были, правда, времена, когда не быть любовником, как и не иметь его, считалось для светских дам и кавалеров чуть ли не зазорным. Иное дело, когда речь заходит о людях знаменитых, или, как сейчас говорят, публичных. Тогда любовная интрига чаще всего приобретает оттенок скандальности, которая иным идет на пользу, а иным и во вред.

Обозначенная тема книги дает повод поразмыслить и в несколько ином направлении: а кого вообще можно считать знаменитым любовником, если иметь в виду не столько выдающуюся личность, сколько человека, для которого постоянные любовные связи — это образ жизни, своеобразное кредо, а не просто состояние временной влюбленности. При такой постановке вопроса неизбежно встречаются трудности — хотя бы с выбором персоналий, потому что отнюдь не все знаменитости обладали безумной влюбчивостью и отнюдь не все любвеобильные мужчины стали известны широкой публике.

Стало быть, речь должна идти о мужчинах, которые оставили свой след в истории и в то же время обладали необыкновенной сексуальной возбудимостью или привлекательностью. Но как и по какой «шкале» оценивать их подвиги на любовном фронте? Или другой вопрос: сколько надо покорить женщин, чтобы войти в

мировую элиту героев-любовников? Ведь даже всеохватывающее чувство к «одной-единственной и неповторимой» может принести мужчине славу исключительной в любовном отношении личности.

По справедливости, оценку великому любовнику должна была бы давать сама женщина, ибо кому, как не ей, по достоинству оценивать таланты своего избранника. Но таких свидетельств в истории, к сожалению, мало, да и не всегда они достоверны. Если, конечно, не брать во внимание нынешние времена, когда движимые девизом «все на продажу» дамы охотно впускают в свои спальни досужих любителей «клубнички». Что же касается прошлых веков, то знаменитые политики, деятели искусства, науки и так далее в большинстве своем предпочитали держать свои любовные связи в тайне, дабы не навредить и карьере, и будущей славе, а то и просто родным и близким. Разумеется, сохранились дневники, письма, остались воспоминания современников, а касательно поэтов, писателей, композиторов, художников — еще и произведения, в которых нетрудно узнать образы их любви и поклонения. Собственно, эти документы и являются основным источником наших знаний об интимной жизни прославленных любовников. Более того, на сей счет существует целая наука, которая опирается на строго подтвержденные документы, а не на слухи, сплетни и даже признания самих исторических особ. Скажем, существует так называемый «донжуанский список» Пушкина, составленный его же рукой. Но для исследователя жизни и творчества русского классика одного этого признания будет недостаточно, как бы мы не доверяли откровениям пылкого поэта.

Словом, серьезный историк, литературовед, ступая на зыбкую стезю описания личной жизни знаменитостей, всегда проявит деликатность и уважение к ней, помимо профессионального отношения к исследуемому материалу. К такому подходу стремились и авторы настоящей книги, не оставляя, впрочем, в стороне и версии, которые существуют всегда и которые время от времени публикуют некоторые издания. При упоминании о таких версиях нужно понимать, что это лишь допущение, основанное не на вполне доказанных фактах, но тем не менее существующее.

Чтобы определенным образом упорядочить структуру книги, в нее введены тематические разделы, которые могут помочь лучше понять ту или иную сторону личности знаменитых покорителей женских сердец. Понятно, что в таком разделении есть некоторая вольность, хотя она, в принципе, не должна помешать по достоинству оценить чувства и порывы наших героев. Они оставили нам не только память о своих деяниях, но и

свидетельства высшего человеческого состояния, именуемого любовью. Той самой любовью, которая двигает историю и заставляет совершать неблаговидные поступки, ввергает в полное отчаяние и служит вечным источником подлинного вдохновения.

Властительные Донжуаны

Папа Александр VI, Родриго Борджиа

(род. в 1430 г. — ум. в 1503 г.)
Папа Римский, самый развратный из пап со времен Оттонов.

Среди знаменитых родов Италии эпохи Возрождения семейство Борджиа занимает особое и, надо сказать, отнюдь не почетное место. Его скверная репутация сложилась во времена правления папы Александра VI — Родриго Лензоло Борджиа, одного из самых развратных римских пап средневековья, а также его сына Чезаре и дочери Лукреции.

Понятно, что за пять минувших веков деяния всех Борджиа обросли всяческими легендами, а то и домыслами, и сегодня уже

сложно отделить правду от мифологических наслоений. В данном случае можно вполне довериться солидному изданию, каковым является Британская Энциклопедия. А в ней ясно сказано, что вся «система деятельности Борджиа была воздвигнута на довольно-таки нездоровом фундаменте». Попробуем разобраться, в чем состояло это «нездоровье», используя как документальные сведения, так и всевозможные версии.

Мать Родриго, урожденная Иоанна Борджиа, чью родословную некоторые историки ведут от арагонских королей, была супругой некоего Готфрида Лензоло. Она имела длительную связь со своим братом, Альфонсо Борджиа. Плодом этой преступной связи как раз и был Родриго, из-за чего Готфрид развелся с женой и отказался признать ребенка. Таким образом, Родриго унаследовал имя матери и своего фактического отца.

В молодости Родриго увлекался юриспруденцией и, надо сказать, весьма поднаторел в защите всяких сомнительных личностей. Однако необходимость вести строгий образ жизни для сохранения приличной репутации ему скоро надоела. На помощь пришел «дядя» (а по сути отец) — Альфонсо Борджиа. Этот ловкий и абсолютно беспринципный политик, умелый интриган и циник, в 1455 году, будучи уже в довольно преклонном возрасте, сумел обмануть конклав кардиналов и надеть на себя тиару, сделавшись Папой Римским под именем Каликста III. Он горячо любил своего незаконного сына и, движимый родственными чувствами, поспешил вызвать молодого юриста в Рим, предложив ему принять сан архиепископа Валенсии. Родриго с радостью согласился с этим предложением, поскольку новая должность открывала более широкие возможности для блестящей карьеры.

Уже в Риме Каликст III преподнес Родриго еще один, не менее щедрый дар — так называемый бенефиций, дававший двенадцать тысяч экю годового дохода. Эта сумма вместе с тридцатью тысячами дукатов ренты от родовых поместий позволила Родриго вести жизнь знатного вельможи.

На посту архиепископа новоиспеченный священник долго не задержался. Имея в лице Каликста III надежного покровителя, он вскоре стал кардиналом и вице-канцлером курии, заняв, таким образом, вторую после папской должность. Здесь-то в полной мере и раскрылись те стороны характера и личности Родриго Борджиа, которые снискали ему дурную славу.

Впрочем, образ жизни Родриго и раньше не отличался благонравием. Еще юношей он имел любовную связь с вдовой Еленой Ванноцци, подозреваемой в убийстве мужа, заставшего супругу в объятиях любовника. Когда же Елена надоела, Родриго обратил свой взор на ее хорошенькую дочь Розу, ненавидевшую

мать и мечтавшую о мести за убийство отца. Она согласилась отдаться сластолюбцу, если тот поможет избавиться от матери-убийцы. На следующий же день (не без участия своего вероломного любовника) Елена Ванноцци скоропостижно скончалась. Наградой Родриго за этот жестокий акт стала ее коварная дочь Роза.

На протяжении семи лет любовники наслаждались счастьем, не испытывая ни малейших угрызений совести. Роза родила Родриго пятерых детей, из которых в живых остались дочь Лукреция и сыновья Франческо, Чезаре и Джифрид. Все они, как, собственно, и сам Родриго, согласно католическим канонам, считались незаконнорожденными (руководящие деятели церкви дают обет безбрачия).

Получив высокие должности, Родриго стал неизменным спутником папы. Здесь надо отметить, что существует версия, будто бы любовь Каликста III, которую тот питал к своему незаконнорожденному сыну, отнюдь не была только отцовской. Тем не менее внешняя строгость поведения и лицемерная маска благочестия создали Родриго репутацию святого человека. Лишь очень немногие догадывались о подлинном характере связи его со святым отцом. Вскоре папа назначил Родриго вице-канцлером церкви и кардиналом и епископом Валенсии.

С этого момента все помыслы честолюбивого Борджиа были направлены к одной лишь цели — проложить себе путь к апостольскому трону. Усердно завоевывая симпатии своих коллег и выказывая необычайное смирение и благожелательность к людям, он привлек на свою сторону многих кардиналов, послов и итальянских сеньоров.

Дурача таким образом доверчивых людей, он в то же время вел постоянную переписку со своей возлюбленной и в письмах сам раскрывал мотивы, побудившие его разыгрывать роль благочестивого святого. «Роза, возлюбленная, — советовал Родриго, — следуй моему примеру: живи целомудренно в ожидании того дня, когда у меня появится возможность снова слиться с тобой в бесконечном блаженстве. Пусть ничьи уста не осквернят твоих прелестей, и ни одна рука не дерзнет сорвать покров с тела, которое принадлежит мне одному. Еще немного терпения — и тот, кто слывет моим дядюшкой, оставит мне в наследство трон Святого Петра. Все придет со временем и своим чередом. А пока прояви величайшую заботу о воспитании наших детей, ибо им предстоит управлять народами и королями!..»

Сама Роза с детьми тоже переехала в Рим. Родриго поселил их во дворце, расположенном в отдаленном квартале, подальше от людских глаз. Она приобрела титул графини Кастильской

(таково было имя интенданта дворца, который вступил с ней в фиктивный брак). Под предлогом визитов к своему другу Родриго навещал возлюбленную, проводя ночи напролет в оргиях, которые он устраивал с Розой, вовлекая в них дочь Лукрецию и сыновей Франческо и Чезаре. В это трудно поверить, но некоторые исследователи утверждают, что Лукреция была одновременно любовницей как своего отца, так и брата Чезаре. И это притом, что они и без нее имели предостаточно любовниц из знатных дворянских и духовных семей. И якобы Лукреция, вступив в кровосмесительную связь, охотно исполняла все сексуальные прихоти своих ближайших родственников.

В 1492 г. Родриго Борджиа, купивший голоса кардиналов, был избран папой под именем Александра VI. Вот тогда он и дал полную волю страстям, не останавливаясь ни перед какими прегрешениями. Стремясь сделать своих детей могущественными правителями Неаполя, Венеции, Флоренции, добросердечный отец решил для начала выдать замуж Лукрецию за богатого итальянского аристократа Джованни Сфорца. По случаю этого брака были устроен пир, во время которого кардинал Чезаре, его брат Франческо, куртизанки и благородные дамы с удовольствием наблюдали игру актеров, изображавших неприличные сцены. А затем Александр VI лично отвел молодых супругов в опочивальню, посреди которой возвышалось роскошное ложе. Святой отец разыграл у брачного ложа дочери роль матроны, а Лукреция искусно изображала девственницу, что делало всю эту комедию еще более непристойной.

Медовый месяц Лукреции длился лишь неделю. Она третировала мужа, предпочитая общество отца, его утонченные пиршества, и наотрез отказалась уехать из Ватикана во владения сеньора Сфорца. «Она почти не покидала комнат святого отца», — писал Иоганн Бурхард, епископ Читта ди Кастелло, неизменный свидетель деяний Александра VI. Он был папским цереммониймейстером и с наивной добросовестностью час за часом записывал все, что происходило в папском дворце. Именно благодаря епископу Бурхарду в истории остались многочисленные разоблачения «подвигов» Александра VI. Так, в дневнике Бурхарда описан и такой эпизод: «Сегодня его святейшество, чтобы развлечь госпожу Лукрецию, велел вывести на малый двор папского дворца несколько кобыл и молодых резвых жеребцов. С отчаянным ржанием табун молодых лошадей рассыпался по двору. Гогоча и кусая друг друга, жеребцы преследовали и покрывали кобыл под аплодисменты госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались этим зрелищем из окна спальни».

Пристроив Лукрецию, престарелый папа отдался новой страсти, влюбившись в юную девушку, которую звали Джулия Фарнезе. Она была сестрой некоего Александра Фарнезе, обвинявшегося в подлоге. Борджиа простил ему это преступление, более того, предприимчивая Джулия сумела выхлопотать брату сан кардинала, с тем чтобы в будущем он смог претендовать на папский престол.

В мае 1498 г. Александр VI устроил празднество по случаю рождения сына от Джулии Фарнезе. Он приказал поместить в базилике, выбранной для церемонии крещения, великолепный портрет Розы Ванноцци, которому должны были поклоняться вместо иконы Пречистой Девы. Затем он расторгнул брак Лукреции и Джованни Сфорца, обвинив его в бесплодии, и выдал свою дочь замуж за юного Альфонсо, герцога де Бисельи, побочного сына короля обеих Сицилий Альфонса Арагонского. Этот союз существенно укрепил влияние папы в Италии.

Впрочем, и этот брак оказался недолгим. Герцог каким-то образом умудрился перейти дорогу брату Лукреции, Чезаре, который уже в те годы прославился как один из организаторов крестовых походов. Однажды ночью Бисельи был обнаружен задушенным в своей комнате — это был результат заговора папы с Чезаре. После этого добрый родитель решил освятить третий брак Лукреции, на сей раз с Альфонсом д'Эсте, наследником герцога Феррарского. Свадьба Лукреции состоялась в 1501 г. «Свадьбу отпразновали с такой пышностью, — писал добросовестный Бурхард, — какой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные священники, причем каждый из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина пятьдесят блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие, — сначала одни, а потом с кардиналами. Затем перешли к другим забавам. Его святейшество подал знак, и в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, папа и гости бросали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец, папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женщинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руке приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому

любовнику».

Не забывал папа и о своем любимце Чезаре. Он решил уладить политические дела сына путем выгодного брака. Именно по его протекции в 1499 г. Чезаре повел под венец Шарлотту д'Альбре — родную сестру короля Иоанна Наваррского. В очень скором времени этот брак помог Чезаре прочно завладеть Урбиной и Пиомбиной.

Благословил любящий отец своего сына и на очередной крестовый поход, в результате чего Борджиа-младший подчинил себе ряд больших и малых владений. Крупных магнатов покоренных городов удавили или повесили по его приказу. А их родственников и родителей, дабы те не потребовали возврата захваченных владений, в мир иной отправлял уже святой отец с помощью яда.

О знаменитых ядах Борджиа стоит сказать отдельно. Используя достижения опытных химиков, папе и его родственникам удалось довести до совершенства способы устранения неугодных. Александр, Чезаре и Лукреция действовали либо сами, либо через своих сообщников. Достаточно было уколоть отравленной иглой намеченных заранее жертв, чтобы те падали замертво. Это можно было сделать совершенно незаметно, например, во время мимолетной встречи.

Излюбленным у этого семейства был яд, лишенный запаха и цвета. Получая одну каплю этого яда раз в неделю, приговоренный умирал постепенно, в какие угодно установленные сроки. Именно на это и рассчитывал отравитель, чтобы замести свои следы. А знаменитое вино Борджиа имело то свойство, что действие его сказывалось лишь через несколько лет: у человека выпадали зубы, волосы, сходила кожа, и он умирал после долгой и мучительной агонии.

У Лукреции же был с виду самый обыкновенный ключ, с помощью которого она отправляла на тот свет любовников, когда хотела от них избавиться. Рукоятка этого ключа заканчивалась неприметным острием, которое она натирала ядом, вручая его надоевшему любовнику. Открывая дверь, тот неизбежно царапал кожу на руке и через сутки умирал.

У Чезаре, в свою очередь, был не менее любопытный перстень, имевший на внутренней стороне подобие двух львиных когтей, изготовленных из тонкой стали. Во время рукопожатия когти вонзались в руку под нажимом пальца и глубокие желобки тут же выпускали яд. Кроме того, были у него и специальные перстни с миниатюрными тайниками для яда. Некоторые из этих колец сохранились до наших времен. На одном из них выгравированы имя Чезаре Борджиа, дата — 1503 год и надпись:

«Выполняй свой долг, что бы ни случилось».

В начале XVI века всеобщая ненависть к семье Борджиа достигла предела. Отец и сын изрядно надоели итальянцам своими грабежами, убийствами, интригами, распутством, казнокрадством. В конце концов Александр VI погиб, став жертвой собственного оружия. По одной из версий, дело обстояло так. В августе 1503 г. папа задумал очередное отравление нескольких неугодных кардиналов. Преступный план должен был осуществиться на торжественной обедне. В числе прочих лакомств гостям предназначалось дорогое кирпское вино, естественно, с добавленным в него ядом. Бутылки с этим вином были отданы под надзор надежного виночерпия. Однако случилось так, что он во время разлива вина отсутствовал. К несчастью для папы и его сына, другой слуга перепутал бутылки, и коварные отравители вместо кардиналов сами приняли яд. У святого отца начались страшные конвульсии. Его тут же перенесли во дворец, где он ночью и скончался. Долгое время и Чезаре находился между жизнью и смертью. Его спасло то, что он имел привычку пить вино, разбавленное водой, поэтому яд потерял свою силу.

После смерти отца фортуна отвернулась от пронырливого и наглого Чезаре. Обстоятельства сложились так, что, едва выздоровев, он оказался в плену у недругов, не отличавшихся христианскими добродетелями и склонностью к милосердию. Казалось, теперь все окончательно рухнуло и с Чезаре жестоко расправятся. Однако не тут-то было: хитроумный Борджиа все-таки сумел выкрутиться. В 1504 г., пробыв в плену почти год, путем многочисленных интриг, льстивых подкупов и клятвенных обещаний огромного выкупа ему все же удалось освободиться.

Оказавшись на воле, Чезаре скрылся у брата своей жены Шарлотты, короля Наварры. Не исключено, что предок знаменитого Генриха IV разгадал планы папского сына. Как бы то ни было, прожженного интригана Чезаре Борджиа убили в Наварре в 1507 году, когда ему было всего двадцать девять лет от роду.

Лукреция умерла в 1519 г. — последней из скандально известного рода. Из исторических документов известно, что ни один из Борджиа — по крайней мере в этой ветви рода — не оставил потомства.

Здесь следует заметить, что нравы и обычаи той эпохи отличались, мягко говоря, некоторым своеобразием. Разгул страстей, своеволие и распущенность в трижды прославленной Италии эпохи Возрождения были в порядке вещей. Священнослужители содержали мясные лавки, кабаки, игорные и

публичные дома, так что приходилось даже издавать декреты, запрещающие священникам «ради денег делаться сводниками проституток». Монахини взахлеб читали «Декамерон» и предавались оргиям. Тогдашние писатели сравнивали монастыри то с разбойничьими вертепами, то с публичными домами. В городах велись настоящие битвы между францисканскими монахами и монахинями. В церквах пьянствовали и пировали, а перед чудотворными иконами развешивались изображения половых органов, исцеленных этими иконами.

К этому можно добавить и такие любопытные факты. В 1490 г. в Риме насчитывалось 6800 проституток, а в Венеции в 1509 г. их было 11 тысяч. До наших дней дошли целые трактаты и диалоги, посвященные этому ремеслу, а также мемуары некоторых известных куртизанок. В них сообщается, что публичных женщин ежегодно привозили из Германии, что эти женщины занимались также физиогномикой, хиромантией, врачеванием, изготовлением лечебных и любовных средств. Из этих своеобразных любовных опусов можно также узнать, чем славились венецианки, в чем заключалась неодолимая сила генуэзок и каковы были особенные достоинства испанок. Некоторые папы, к примеру Пий V, пытались бороться с этим явлением. Но, если верить автору одной хроники, бывали и такие времена, когда институт куртизанок приходилось поощрять, поскольку уж слишком распространился «гнусный грех» мужеложества. Именно поэтому проституткам запрещалось для привлечения внимания мужчин одеваться в мужскую одежду и делать себе мужские прически.

Понятно, что при таких нравах деяния папы Александра VI вовсе не представляются чем-то исключительным. К тому же ко многим фактам жизни зловещего семейства Борджиа все же следует относиться с известной долей осторожности. Многое здесь основано на народной молве, как, впрочем, и некоторые выводы историков. Вполне вероятно, что большая часть грехов была выдумана политическими противниками всесильного клана. И все же один грех несомненен, поскольку падре Родриго на старости лет любил хвастаться им: он имел детей от своих многочисленных любовниц. От современников он отличался лишь количеством, а не качеством грехов. И если имя Александра VI стало синонимом вероломства и жестокости, то лишь потому, что он сам по себе был личностью значительной и конечно же выделялся в среде властителей средневековой Европы. Подтверждение тому — знаменитый труд философа и политика XV в. Никколо Макиавелли «Государь», в котором выведен образ идеального правителя и который является своего рода учебником

управления государством при помощи подлости, беспринципности, коварства и предательства. Чезаре Борджиа, превративший Флоренцию в центр политического терроризма, служил для Макиавелли образцом идеального руководителя, но идеального в особом смысле. Речь идет об определенном типе сильного политического деятеля, не гнушающегося никакими средствами.

Макиавелли можно доверять, особенно если учесть, что он был современником всех членов семейства Борджиа, а с Чезаре даже дружил. Во всяком случае, мы сегодня можем более или менее ясно понять, какое представление о моральных качествах властителей может дать писатель, имевший возможность соприкоснуться со всеми жестокими нравами, царившими в те отдаленные времена.

Генрих VIII

(род. в 1491 г. — ум. в 1557 г.)

Английский король с 1509 г., из династии Тюдоров, вошедший в историю как венценосный многоженец.

Генрих VIII, пожалуй, один из наиболее одиозных правителей средневековой Англии. Имя венценосного многоженца овеяно множеством легенд, наиболее популярная из которых даже легла в основу сказочной «страшилки» под названием «Синяя Борода». Конечно, великий сказочник Шарль Перро несколько сгустил краски: борода у Генриха была самая обыкновенная (что хорошо видно на одном из знаменитых его портретов), а вот жен

действительно было больше, чем у кого-либо из европейских монархов, а именно шесть. Из них он казнил только двух, да и то по подозрению в измене, которая в те времена считалась тяжким преступлением.

Здесь надо сказать, что многочисленные браки Генриха VIII диктовались не страстью короля к женитьбе или развращенностью его натуры, а сугубо политической, точнее, государственной необходимостью. Как раз в интимных связях король отнюдь не был беспорядочен, а его любовниц можно сосчитать на пальцах одной руки. В этом отношении он был превзойден обоими своими коронованными современниками — не только почтенным Франциском I Французским, но и рассудительным и благочестивым императором Священной Римской империи Карлом V.

Кроме того, в Средние века придерживались теории, согласно которой любовь должна следовать за браком, а не предшествовать ему. К тому же королевские браки в значительной степени были политическими актами, подобно тому как браки аристократические часто являются деловыми сделками. При этом королеве не полагалось протестовать против неверности своего господина (хотя она нередко это делала), но если венценосная супруга сама решалась пуститься в какое-нибудь любовное приключение, ее ожидали осуждение и тюремное заключение, а порой и смерть. Причина такого неравенства вполне ясна. Внебрачные дети короля никому не причиняли вреда и даже демонстрировали его мужскую силу. Но любое сомнение в законности ребенка, рожденного королевой, могло нарушить порядок наследования в государстве. Именно этот порядок заставлял Генриха и его приближенных так скрупулезно относиться к выбору супруги и ее физическим достоинствам.

О детстве и воспитании Генриха известно немного. Как младшему сыну короля Генриха VII, ему уже с колыбели предназначалось высокое положение в обществе, но не престол. Однако смерть его старшего брата Артура, принца Уэльского, женатого на испанской принцессе Екатерине Арагонской, сделала Генриха еще и главным претендентом на королевский трон.

В 1509 г. умер Генрих VII и королевская власть перешла к его младшему сыну, ставшему Генрихом VIII. С первых же месяцев правления восемнадцатилетний король проявил необычайную самостоятельность, удалив от двора некоторых непопулярных придворных, пользовавшихся влиянием при жизни отца. Следующим актом стала женитьба Генриха на вдове своего брата Екатерине Арагонской, с которой он, кстати, был помолвлен еще в 1504 г.

Трудно сказать, чем было вызвано это решение. Но, как будет видно далее, оно во всех отношениях осложнило политическую обстановку в Англии и внесло немало драматизма в личную жизнь обоих супругов. Пока же все представлялось королю прекрасным. Он был полон радости и жизнелюбия, а его цветущий вид вселял подданным чувство уверенности и оптимизма. В исторических хрониках отмечается, что молодой король выглядел настоящим мужчиной — высокий, хорошо сложенный, он обладал красивой внешностью и твердым характером. А благодаря прекрасному физическому развитию неизменно побеждал в рыцарских турнирах.

Казалось бы, принц, получивший достаточно серьезное образование и щедро одаренный физической энергией, должен был бы уже иметь определенный сексуальный опыт, однако нет оснований считать, что именно так было с юным Тюдором. Недаром один из его биографов отмечал, что Генрих сохранился перед своим вступлением на престол «как юная дева». Екатерина, супружеская жизнь которой с болезненным 15-летним принцем Уэльским продлилась всего четыре месяца, была столь же неопытна, несмотря на более зрелый возраст. К счастью, Екатерина и Генрих понравились друг другу. Она быстро зачала и уже в январе 1510 г. родила, увы, недоношенную девочку. Эта неудача не показалась слишком серьезной, и через несколько недель королева снова была беременна. В новогодний день 1511 г. она родила сына, который был крещен под именем Генриха. В честь наследника Генрих VIII устроил пышный рыцарский турнир, целью которого была демонстрация любовного согласия между королем и королевой.

Но ровно через семь недель Генрих Тюдор умер в своей роскошной колыбели. На этот раз во дворце воцарились и горе, и тревога. Екатерина обратилась к молитвам, король жалел самого себя. Насколько известно, взаимных обвинений не было. Согласно расхожим представлениям той эпохи, в отсутствии или неполноценности детей обвиняли, как правило, женщину, а детская смертность рассматривалась как наказание за грех обоих супругов. Вопрос состоял в том, что это за грех.

После столь драматических событий королевский брак уже не казался идиллией, и прошло более двух лет, прежде чем Екатерина снова забеременела. Если Генрих и развлекался в это время с другими женщинами, то он был на сей счет очень осторожен и не оставил незаконных детей, о которых было бы известно. Внешне он продолжал проявлять исключительное внимание к своей жене, а она оставалась образцом супружеского долга.

В январе 1515 г. королева родила еще одного недоношенного ребенка, что еще более усугубило трагизм положения супругов. Екатерине было уже тридцать, ее красота начала тускнеть, а набожность приобрела оттенок одержимости. Примерно в это же время Генрих начал флиртовать с хорошенькой придворной дамой по имени Елизавета Блаунт.

В феврале 1516 г. Екатерина наконец-то родила здорового ребенка. Радость была искренней, но не бурной, потому что ребенок оказался девочкой, которую крестили под именем Мария. Екатерина торжествовала, а у Генриха пробудилась надежда, что за дочерью последуют и сыновья. Но снова Екатерина забеременела только через два года. К этому времени она превратилась в тихую, неприметную женщину, занятую благочестивыми делами, домашними обязанностями, воспитанием дочери и постоянными молитвами.

В ноябре 1518 г. королева родила еще одну дочь. Неизвестно, родился ли этот ребенок живым. Если это и так, то прожила девочка недолго, поскольку нет никаких упоминаний о ее крещении. У Генриха это вызвало новое разочарование, уже граничившее со страхом. Надежды на рождение принца таяли, тем более что период деторождения у королевы закончился. Хотя ей было только тридцать два года, бесконечные беременности и страдания из-за повторяющихся рождений и смертей детей подорвали ее душевные силы и здоровье. Причем никто не обвинял Генриха в этом обострении династической ситуации. Вину возлагали только на Екатерину, которая, как считали, не смогла выполнить свой первостепенный долг. Ситуация усугубилась тем, что в 1519 г. Елизавета Блаунт, бывшая любовницей Генриха уже около двух лет, родила здорового сына, которого король тут же признал и назвал Генрихом Фитцроем.

К 1523 г. брак Генриха и Екатерины стал простой формальностью. Елизавету Блаунт сменила в постели короля Мария Болейн, старшая дочь сэра Томаса Болейна и Елизаветы Ховард. Она в 1520 г. вышла замуж за Уильяма Кэри, придворного короля. Был ли этот брак простой ширмой, устроенной королем для сокрытия реальной ситуации, или Мария стала его любовницей после свадьбы, неизвестно. Их отношения закончились в 1525 г., поскольку Генрих обратил внимание на младшую сестру Марии, Анну Болейн.

Особой красотой Анна не блистала. Высокого роста, темноволосая, с благородной осанкой, она больше привлекала мужчин своими изысканными манерами и тем чувственным магнетизмом, который сегодня называют сексапильностью. Так, Анна будто мимоходом ввергла в безрассудную страсть

несчастного Генри Перси, который был сыном и наследником графа Нортумберленда. Он был довольно неловким юношей, к тому же по контракту должен был жениться на Марии Тальбот, дочери графа Шрусбери. Все это завершилось своего рода скандалом и опалой несчастного Генри.

Как бы там ни было, к 1525 г. Анна в свои двадцать четыре года стала самой видной придворной дамой, но выгодного замужества все еще не предвиделось. Именно в этот момент она затеяла куртуазную игру с самим королем, строя далеко идущие планы, а именно стать новой королевой.

Надо сказать, что к тому времени вопрос о том, кто унаследует династию Тюдоров, был весьма актуальным для Генриха. Если дочь Мария, то в лучшем случае ее муж будет регентом, притом что у них родится сын. Если сына не будет, то худший вариант предполагал, что муж Марии сам мог стать королем, и тогда Англия теряла не только династию Тюдоров, но и свою независимость. У Генриха было два выхода, и оба были связаны с огромными трудностями. Первый состоял в том, чтобы узаконить Генриха Фитцроя. Формально это было возможно, стоило только заручиться поддержкой папы. Но здесь существовал риск, что подобное решение можно в будущем оспорить. Второй выход заключался в том, чтобы развестись с женой, с которой Генрих прожил шестнадцать лет и которая так и не смогла родить ему наследника, и вступить в новый брак. Тем более что Генрих уверил себя, что божье Провидение покарало его за то, что он вступил в брачный союз с женой своего брата.

К октябрю 1527 г. идея о снятии «проклятья» через повторный брак настолько овладела королем, что он послал своего секретаря Уильяма Найта в Рим с очень странной просьбой. Тому следовало уговорить папу издать буллу, позволяющую королю жениться на любой женщине, включая ту, с которой он связан первой степенью родства, даже если это родство будет незаконным, при условии, что его первый брак будет окончательно расторгнут. Однако папа оказался неуступчивым и просьбу короля отклонил.

Тогда Генрих собрал заседание советников, придворных и старейшин Лондона и зачитал покаянный вердикт, в котором сетовал на то, что до сих пор нет наследника трона: «…И хотя всемогущему Богу угодно было послать нам прекрасную дочь от меня и одной благородной дамы, принесшую нам большую радость, — говорил король, — однако многие великие священнослужители сказали нам, что ни она не является нашей законной дочерью, ни ее мать — нашей законной женой…»

Совершенно очевидно, что Генрих был искренне убежден в своей правоте, однако его покаянное послание было встречено

при дворе весьма недоброжелательно. Что, впрочем, не помешало Генриху предложить Анне стать его любовницей. Правда, успеха в этом он не достиг. Ловкая дама вполне определенно заявила, что король должен продолжать настаивать на аннулировании брака, после чего сможет жениться на ней.

Чтобы избавиться от Екатерины, Генрих предпринял попытку убедить ее уйти в монастырь. Тогда, как он считал, с точки зрения канонического права возникнет благовидный предлог, позволяющий ему жениться вторично. Он направил всю свою неукротимую силу на осуществление этого плана, но получил категорический отказ.

Тем временем отношения Генриха и Анны утратили свой завуалированный характер. Она наконец уступила долго сдерживаемой страсти короля и к концу декабря 1532 г. забеременела. Зайдя так далеко в своем стремлении иметь наследника, король теперь вынужден был действовать очень быстро, дабы обеспечить законность его рождения. Анна получила полноправный титул высшей знати Англии, став маркизой Пембок, что являлось знаком особой милости. А к концу января 1533 г. Генрих и Анна тайно сочетались браком, после чего формальное расторжение первого брака короля стало не только обязательным, но и спешным.

5 апреля 1533 г. Генрих бросил ошеломляющий вызов католической церкви — синод объявил (при наличии нескольких разгневанных епископов), что первый брак короля противоречил божественному закону и что папа не мог отпустить связанный с ним грех. 7 апреля парламент был распущен, а без него акт получил королевскую санкцию без права обжалования. Такой шаг послужил причиной разрыва юридических связей между Лондоном и Римом и сделал английское духовенство конечным арбитром в решении всех религиозных вопросов внутри государства. 10 мая был собран двор в Данстебле и архиепископ Крэнмер объявил статус Екатерины как королевы недействительным. А семь дней спустя была коронована Анна.

В сентябре 1533 г. новая королева родила дочь. Генрих был несколько разочарован этим, поскольку страстно ожидал сына, но девочка, которую окрестили Елизаветой, была здорова, хорошо сложена и потому супружеская идиллия продолжалась. Тем более что вскоре Анна опять забеременела. Окрыленный Генрих был настолько уверен в рождении наследника, что даже приказал ювелиру изготовить для будущего принца изысканную серебряную колыбель. Но летом, когда весь двор находился на отдыхе, у Анны случился выкидыш. Эта трагедия, по-видимому, обозначила конец затянувшегося медового месяца Генриха с его

второй женой. Он разрывался между инстинктивной потребностью обвинить во всем Анну и глубокими сомнениями относительно собственных сексуальных возможностей. К тому же его начала терзать мысль, что, возможно, он во второй раз чем-то оскорбил Бога.

Однако все эти страдания и сомнения не мешали Генриху флиртовать с придворными дамами. В то время иноземные послы заметили, что Генрих серьезно увлекся «одной очень красивой фрейлиной». Личность этой дамы так и не была установлена, и, скорее всего, интерес короля к ней был чисто внешним — не более чем общепринятым в придворном мире легким флиртом. Правда, есть и другие свидетельства того, что король, разочарованный тем, что королева так и не подарила ему наследника, стал заглядываться на других дам.

Но если отстраненная Екатерина мирилась с романами мужа, то позиция самолюбивой и дерзкой Анны была иной. Привычное положение отодвинутой в тень королевской супруги совершенно не соответствовало ее женской природе. В отличие от Екатерины, она так и не научилась молчать, когда нужно. Если она не соглашалась с королем или считала, что он делает глупость, она ему говорила об этом прямо в глаза. Кроме того, Анна прекрасно понимала, что завоевала сердце короля своим женским очарованием и сексуальной привлекательностью, потому и потерять его могла точно таким же образом. Поэтому вместо того, чтобы относиться к шалостям Генриха с легким пренебрежением и пониманием, Анна стала устраивать сцены ревности. Дело усугублялось еще и тем, что отношения Генриха и Анны всегда носили характер глубокой страсти, склонной к бурным ссорам и пылким примирениям, а королеве, как тогда было принято этикетом, так вести себя не полагалось.

В январе 1536 г. умерла удаленная Екатерина, которая именовалась как вдовствующая принцесса Уэльская. Анна в это время снова была беременна, и вновь воскресли надежды Генриха на рождение сына. Но, похоже, злой рок продолжал преследовать короля: Анна в результате выкидыша потеряла сына, и Генрих пережил очередной, почти истерический приступ жалости к себе. Особенно его удручало то, что за такой короткий срок это был второй выкидыш после трех беременностей.

После мучительных размышлений он пришел к тому же выводу, какой послужил причиной его развода с Екатериной Арагонской: брак с Анной неугоден божественному Провидению. Он недействителен, а потому необходимо жениться в третий раз. К этому времени, то есть в 1536 г., король обратил внимание на одну из придворных дам королевы, Джейн Сеймур. Вскоре его

отношения с ней перешли границу галантного «ухаживания» и предстали как впечатляющая реальность. Неизвестно, как реагировала Джейн на возможность стать королевой, но ее честолюбивый брат Эдвард Сеймур, недавно введенный в состав тайного совета, наверняка такую возможность предусмотрел. Джейн старательно обучали тактике «сдержанности», которой умело пользовалась и Анна в начале ее отношений с Генрихом. Так, когда король послал Джейн дорогой подарок и письмо (а он всегда поступал подобным образом с приглянувшейся ему дамой), та вернула с демонстративной непреклонностью и подарок, и письмо, хотя и выразила при этом нижайшее почтение и покорность.

Врагами Анны Болейн был разработан вероломный план, который должен был заставить Генриха разорвать брачные отношения с королевой. Как сумели убедить Генриха в том, что он живет рядом с вероломной блудницей, неясно и сегодня. Но факт остается фактом. Была искусно использована публичная ссора Анны с сэром Генри Норрисом, одним из старейших и ближайших друзей короля, во время которой королева обвинила его в том, что он претендует на ее руку, «если с королем случится несчастье». После чего Норрис был отправлен в Тауэр. Затем туда последовал Марк Смитон, придворный музыкант, который в течение некоторого времени вздыхал по Анне. На допросе он признался в адюльтере с королевой, что почти наверняка было выдумкой, а может быть, и самооговором в результате психологического давления. Таким образом, появилось «веское доказательство» измены королевы.

Кроме того, брат Анны, лорд Рошфор, был очень дружен с сестрой. И при сложившихся обстоятельствах нетрудно было внушить Генриху мысль о том, что между ними существовала кровосмесительная связь. Анна, которая стала для короля «проклятой и извергающей яд блудницей», и лорд Рошфор тут же были арестованы и тоже отправлены в Тауэр.

На суде палаты лордов Анне было предъявлено обвинение в супружеских изменах, насмешках над королем и участии в заговоре с целью его убийства. Надо отдать должное королеве: она держалась с удивительным достоинством, все обвинения отрицала, чем, кстати, даже вызвала некоторую симпатию в народе, которой никогда не ощущала в дни своего процветания.

Но Генрих так жаждал смерти Анны, что не хотел слушать никаких оправданий. Суд утвердил смертный приговор, предоставив королю решать, будет ли Анна обезглавлена или сожжена заживо. В результате жертвам была определена милосердная и почетная смерть путем отсечения головы. В день

казни, состоявшейся 18 мая 1536 г., Анна уже не была ни королевой, ни маркизой Пембок. Вместе с репутацией верной жены ее лишили и всех титулов.

Как только весть о смерти Анны дошла до короля, он тут же отправился на встречу с Джейн Сеймур, и на следующий день, 19 мая 1536 г., они уже были обручены.

Что касается Джейн, то она явно не была красавицей, и к своему замужеству подошла уже в 27-летнем возрасте. Она оказалась полной противоположностью своей непокорной и опасной предшественницы. Джейн не была ни страстной, ни требовательной и стала для Генриха истинным бальзамом после возбуждающих, но утомительно бурных отношений с Анной. «Король попал из ада в рай, обретя нежность взамен злобы и несчастья, свойственных первому», — писал сэр Джон Рассел.

При Джейн английский двор стал чуть ли не образцом добродетели. Ее вкусы ограничивались роскошными платьями и драгоценностями, но отнюдь не страстью к чрезмерным и, тем более, рискованным развлечениям. Придворные ювелиры изготовили для новой королевы роскошную золотую чашу, украшенную королевской монограммой с гербом Джейн и удивительно соответствующим ее натуре девизом: «Готовая служить и повиноваться». Другими словами, Джейн была почти идеальной женщиной XVI века.

В начале октября 1537 г. третья королева после очень трудных родов родила долгожданного мальчика, красивого и здорового. Современники свидетельствовали, что король рыдал от волнения и счастья, узнав о столь радостной вести. 18 октября сын Генриха VIII был провозглашен принцем Уэльским, герцогом Горнуэлом и графом Кенарфоном.

Между тем у королевы, перенесшей очень тяжелые роды, развилась родильная горячка, и ее жизнь оказалась в опасности. Затем началось заражение крови, и королева впала в бессознательное состояние. 24 октября ее не стало. «Никто в королевстве не страдал больше самого короля… он скорбел и долго пребывал в сокровенном одиночестве…» — отмечалось в хрониках того времени. Действительно, Генрих скорбел искренне, ибо Джейн не только подарила ему бесценного законного сына, с ней у него были такие доверительные отношения, каких он не знал с начала своего первого брака.

Трудно сказать, выдержали бы они испытание временем, возможно, позже ее кротость и отсутствие красоты показались бы Генриху столь же утомительными, как страсть и ум Анны. Но, так рано уйдя из жизни, Джейн осталась для него образцом совершенства, и когда пришел его собственный час, Генрих

приказал, чтобы его похоронили рядом с ней.

Как бы ни переживал Генрих потерю любимой жены, среди его советников вскоре пошли разговоры о том, что королю следует снова жениться, поскольку одного наследника для королевства явно недостаточно. Теперь невесту было решено искать среди особ королевской крови. Уже дважды Генрих женился «по плотскому влечению» на своих собственных подданных, пришла пора подумать и о международных интересах. В начале июня 1538 г. Джон Хаттон, представитель Генриха при дворе Марии Венгерской, намекнул на возможность брака с герцогиней Анной Киевской. Перспективы такого брака были одобрены, и в середине марта следующего года начались специальные переговоры.

Как личность, Анна Киевская не представляла из себя ничего примечательного. Ей было двадцать три года, она умела говорить и читать только на нижнегерманском диалекте, и если у нее и были какие-то интеллектуальные способности, то они не развились. Серьезного образования Анна не получила, в совершенстве владела только рукоделием и была воспитана для того лишь, чтобы стать женой какого-нибудь соседнего германского принца. Послы всячески превозносили ее скромность, застенчивость и непререкаемую добродетель, пытаясь таким образом представить ее неким подобием Джейн Сеймур.

К концу сентября наконец был подписан брачный договор. В Англию Анна прибыла в конце декабря и… королю не понравилась. Он был разочарован отсутствием в ней элегантности и сообразительности. Мало что изменилось и в первую брачную ночь. Анна оказалась не просто девственницей, она обнаружила полную неосведомленность в сексуальных отношениях. Конечно, в таком случае пылкому любовнику следовало проявить мягкость, понимание, терпение, что было совершенно несвойственно Генриху.

Что сама Анна думала о своей первой брачной ночи, неизвестно, хотя одна из ее придворных дам заметила, что если судить по началу, то еще одного королевского сына придется ждать очень долго. Королева, казалось, не была ни удивлена, ни особенно обескуражена тем, что произошло, но с ужасом отвергла предложение о том, что она может получить совет от какой-то более опытной дамы.

Король, естественно, объяснил неудачу не слишком привлекательной внешностью Анны. Еще несколько раз Генрих пытался пробудить в себе страсть к своей новой жене, но затем отказался от дальнейших усилий. Разумеется, неудача не была

его виной. С его сексуальными рефлексами все было в порядке, просто Анна его не возбуждала. Единственной заслугой этой несчастной королевы можно считать тот факт, что у Генриха снова проснулся интерес к хорошеньким девушкам.

Страдая от перемежающегося неудовлетворенного желания и осознавая свой возраст и положение, король был готов на любую связь, чем не преминула воспользоваться придворная дама Анны 19-летняя Екатерина Ховард, дочь лорда Эдмунда Ховарда и Джойс Калпеппер. Несмотря на юный возраст, Екатерина была уже опытной кокеткой. В четырнадцатилетием возрасте у нее был первый страстный роман с молодым учителем музыки Генри Мэнноксом. Отношения между ними, вероятно, продолжались не менее года, а связь Екатерины с Френсисом Дэрхемом была гораздо более серьезной и длительной. В отличие от бедного учителя музыки Дэрхем имел подходящий статус и состояние, чтобы стать серьезным претендентом на ее руку. Одним словом, Екатерина была ловкой девицей и на предостережения подруг отвечала, что «женщина может миловаться с мужчиной и не зачать ребенка, если сама этого не хочет…»

По описаниям современников, Екатерина Ховард была очень маленького роста и отнюдь не красавица. Скорее всего, не внешность, а ее юность, живость и властная чувственность изначально привлекли внимание короля.

Вряд ли чары Екатерины особенно повлияли на решение Генриха положить конец своему четвертому браку, хотя это могло дать дополнительный стимул желанию быстрее завершить процесс аннулирования брака. Расторжение брака влекло за собой множество проблем, но они не шли ни в какое сравнение с теми, которые вызвал аналогичный поступок короля в 1529 г. Главным аргументом теперь стал неполноценный брак, что соответствовало вполне определенной статье канонического права.

24 июня Анну отослали в Ричмонд, якобы для того, чтобы оградить ее от вспышки чумы, и туда на следующий день явились королевские парламентеры, которые уведомили королеву, что ее брак с Генрихом является недействительным. К величайшему облегчению послов, она приняла эту весть с абсолютным спокойствием. Какие чувства в действительности испытывала Анна в тот момент, остается тайной. Может быть, она пришла в ужас, вспомнив о том, что случилось с одной отвергнутой ранее женой Генриха, о судьбе которой в Европе судачили четыре года назад. А возможно, она была благодарна судьбе за то, что с нее снято бремя ответственности за рождение сына. Во всяком случае, Анна ответила, что довольна любым решением, которое примет

король, и в своем официальном согласии о разводе королю подписалась своим девичьим именем: «Анна, дочь герцога Киевского».

Для Генриха все сложилось в высшей степени удачно. В июле 1540 г. синод пришел к решению, что последний брак короля был незаконным. Впрочем, покорность Анны была вознаграждена щедрым даром — земельными владениями, которые приносили неплохой доход. Она удалилась в замок Хевер, который стал ее главной резиденцией, и мирно зажила на задворках английской общественной жизни.

Между тем парламент обратился к королю с просьбой снова жениться ради сохранения наследования и соответственно отменил пункт о кровосмешении, касавшийся кузин в первом поколении, какими являлись Анна Болейн и Екатерина Ховард. Брак Генриха и Екатерины был заключен 28 июля. В определенном смысле новая супруга оказалась именно той женщиной, в которой 49-летний Генрих нуждался. Своей сексуальностью она дала новый импульс его слабеющей энергии и внушила уверенность в неизбежном продолжении рода.

К несчастью, представления короля о непорочности и чистоте юной жены оказались иллюзией. Во всяком случае, он мог заметить то, что Екатерина досталась ему не девственницей. С другой стороны, ему могли бы броситься в глаза и такие, отнюдь не украшающие женщину качества, как тщеславие, жадность и отсутствие здравого смысла. В начале супружеской жизни Екатерина была довольно послушной и верной долгу женой. Она выбрала (или ей выбрали) великолепный девиз: «Никаких других желаний, кроме его» — и казалось, что это действительно передавало то настроение, с которым она вступала в брак. Однако истинную природу ее чувств к мужу понять нелегко. Она была прекрасной любовницей, но свои чувства не умела подчинить воле и здравому смыслу. Все могло сложиться иначе, если бы Екатерина сразу забеременела после пылких объятий короля. Но этого не произошло. Возможно, она страдала бесплодием и это спасало ее от последствий прежних тайных романов, а может, сомнительной стала плодовитость ее стареющего мужа.

Но ветреная королева, казалось, вовсе не переживала, что не может подарить Генриху наследника. Кроме того, весной 1541 г. она возобновила отношения с одним из своих прежних поклонников, молодым дворянином Томасом Калпеппером, слывшим честолюбивым волокитой. По-видимому, в его планы входила перспектива женитьбы на Екатерине после смерти Генриха, который в то время был очень плох. Мало того, Екатерина умудрилась сделать своим личным секретарем еще

одного бывшего любовника, Френсиса Дэрхема.

Разумеется, услужливые придворные постарались, чтобы сведения о неверности королевы стали известны и королю. Взбешенный Генрих назначил тайное расследование, вследствие чего и Дэрхем, и Калпеппер были отправлены в Тауэр и вскоре сознались в прелюбодеянии, скорее всего, не без психологического и физического давления.

Перепуганной Екатерине ничего не оставалось, как тоже признаться в тайных отношениях со своими любовниками, но она страстно уверяла Генриха, что связь с ними прекратила «почти за год до того, как Его Королевское Величество женился на моей госпоже Анне Киевской».

Однако вскоре были получены признания Калпеппера в сексуальных отношениях с Екатериной уже после брака, подтвержденные ее страстными письмами к нему. Это вынуждена была подтвердить и леди Джейн Рошфор, которая была в курсе всех любовных забав королевы.

В конце ноября после долгих заседаний и совещаний тайный совет согласился признать вину всех троих, а именно Екатерины, Калпеппера и Дэрхема. Было объявлено, что Екатерина предала честь и достоинство королевы и должна быть именована просто как леди Екатерина Ховард. В декабре Калпеппер был обезглавлен по воле короля, а Дэрхем прошел все этапы мучительного наказания — от подвешивания и вытягивания до четвертования. Головы казненных любовников королевы были выставлены на мосту Тауэра.

Сама же Екатерина, а вместе с ней и леди Рошфор, была обвинена в государственной измене, ибо публичный суд еще над одной королевой, тоже обвиненной в супружеской измене, мог выставить в смешном свете английскую корону. Обе дамы были казнены в феврале 1542 г. на лужайке перед Тауэром и погребены в ближайшей часовне Святого Петра. Так бесславно закончилось недолгое царствование пятой супруги короля Генриха VIII.

Но Генрих никак не мог угомониться. И спустя некоторое время серьезно увлекся леди Лэтимер, больше известной под своим девичьим именем Екатерина Парр. К 30 годам она успела дважды выйти замуж и дважды овдоветь. В определенном смысле леди Лэтимер стояла перед жесткой дилеммой: ей меньше всего нужен был третий неудачный брак, а король к тому времени превратился в уродливую карикатуру на того страстного красавца-любовника, каким был еще десять лет назад. Он стал невероятно тучен и постоянно мучился от простуды и колик. Портрет Генриха VIII, гравированный Корнелием Мэтсью примерно в это время, изображает фигуру печально-угрожающую,

с лицом, которое не без основания сравнивали с огромной картошкой.

И все же брак с королем имел свою привлекательность. Ну какая женщина не хочет стать королевой! Потому Екатерина дала согласие, и в июле 1543 г. состоялось бракосочетание Генриха с леди Лэтимер.

Как королева, Екатерина скорее воплощала мягкость, чем властность. В отличие от Екатерины Ховард, она была достаточно умна, умела поддержать серьезный разговор, но настоящее удовольствие ей доставляли наряды, музыка и танцы. Она также обожала животных и цветы, держала при себе шутов. Веселый нрав и скромность — вот два качества, которые современники постоянно отмечали, описывая шестую жену Генриха VIII.

Пожалуй, Екатерина выполняла долг королевы и обязанности жены лучше, чем любая из ее предшественниц. Взяв себе девиз «Быть во всем полезной», она не только подтверждала его постоянными заботами о физическом и душевном здоровье короля, но и была хорошей мачехой его детям — Эдуарду, Марии и Елизавете. Кроме того, Екатерина отличалась удивительным самообладанием и не была замешана ни в одном скандале. Ее краткий брачный союз с Генрихом, продлившийся всего три года, был знаменателен во многих отношениях, но больше всего миром и покоем, которые ей удалось подарить своему третьему мужу, обладавшему взрывоопасным характером и буйным нравом.

Генрих VIII Тюдор умер в 1547 г., будучи еще не очень старым человеком. Но жизнь этого короля была столь бурной и насыщенной событиями, в том числе и кровавыми, что историки и биографы до сих пор не устают анализировать каждый его шаг и поступок, включая, разумеется, и многочисленные браки. Возможно, желанный покой Генрих VIII нашел лишь на склоне лет, хотя это уже трудно было назвать настоящим человеческим счастьем. А с другой стороны, кто может ответить, что для королей является счастьем?!

Ришелье Арман Жан дю Плесси

(род. в 1585 г. — ум. в 1642 г.)

Кардинал, глава королевского совета, фактический правитель Франции, известный многочисленными любовными похождениями.

Жизнь одного из самых могущественных властителей Франции XVII в. кардинала Ришелье полна загадок и тайн, хотя, казалось бы, описана до мельчайших подробностей. Известны и его любовные похождения, имена знатных и не очень знатных дам, от которых плодовитый монсеньор имел внебрачных детей. Но, опять-таки, мемуаристы в каждом случае оговариваются: возможно, все было так, а возможно, и несколько иначе. И все же

основную цепочку любовных связей сладострастного министра проследить можно благодаря дневникам и прозаическим произведениям самого Ришелье, а также архивам, которыми, кстати, пользовался Александр Дюма при создании своего романа «Три мушкетера». Вопрос только в том, верно ли передал французский писатель образ кардинала и так ли однозначна его трактовка при ближайшем рассмотрении. Здесь-то как раз и оказывается, что Ришелье — личность гораздо более сложная, чем тот «тиран и злой гений», каким его описывают литераторы.

Арман Жан дю Плесси, будущий кардинал и герцог Ришелье, родился 9 сентября 1585 г. в старинной дворянской семье. Его отец Франсуа дю Плесси верой и правдой служил принцу Анжуйскому, занявшему французский престол под именем Генриха III. После убийства короля он стал главным прево при Генрихе VI и умер от лихорадки на сорок втором году жизни, оставив жену и пятерых детей почти без средств к существованию. Чтобы похоронить главу семьи, пришлось даже заложить бриллиантовую цепь Ордена Св. Духа, пожалованного ему еще Генрихом III. Но верная служба дю Плесси-старшего не осталась без награды. Известный своей скупостью, Генрих VI тем не менее оказал осиротевшей семье солидную денежную помощь. И все же вдова покойного, в девичестве Сюзанна де ла Порт, еще долго пребывала в довольно стесненном материальном положении.

Эта достойная женщина, отличавшаяся умом, скромностью, набожностью и, вопреки придворным обычаям того времени, супружеской верностью, происходила из семьи адвоката парижского парламента, получившего дворянство за свои глубокие познания в юриспруденции. Отнюдь не избалованная достатком, мужественно пережив смерть мужа, она, несмотря на относительную молодость и красоту, так и не вышла больше замуж, полностью посвятив себя воспитанию детей.

Когда Арману исполнилось девять лет, его отдали в один из самых престижных парижских коллежей — Наваррский, где обучение было преимущественно светским. Через шесть лет он блестяще освоил латынь, прилично говорил по-итальянски и по-испански, досконально знал античную историю. В 15 лет получил титул маркиза де Шиллу и поступил в военную академию, которая готовила кавалерийских офицеров для королевской армии.

Юный маркиз де Шиллу получал огромное удовольствие от занятий в академии. Сын, внук и правнук военных, он готовился стать «веком шпаги» — элитой французского дворянства. Как знать, распорядись судьба иначе, возможно, капитана

королевских мушкетеров звали бы не де Тревиль, а де Шиллу. Во всяком случае, его физическая подготовка и трезвый, практичный ум открывали реальные возможности для блистательной военной карьеры.

Но два года спустя жизнь юного маркиза внезапно круто изменилась. Его старший брат отказался занять место епископа в Люссоне, которое традиционно приносило семейству Ришелье скромный, но прочный доход. Он предпочел постричься в монахи, а следующий по старшинству брат не испытывал ни малейшего желания сменить камзол придворного на сутану епископа. К счастью для матери, младший сын Арман ставил интересы семьи выше личных, да к тому же не стремился связать себя узами брака. Правда, претендент на титул епископа должен был достичь 23-летнего возраста, но король, из уважения к старинной французской фамилии и заслугам отца, собственным решением утвердил назначение Ришелье, едва тому исполнилось 20 лет.

В 1607 г. молодой Ришелье отправился в Рим. Здесь его приняли настороженно, поскольку папское окружение и сам папа Павел V не особо благоволили к королю Генриху, памятуя его гугенотство. Однако юный богослов, получивший к тому времени степень магистра, быстро сумел добиться расположения французских кардиналов и племянника папы, кардинала Боргезе. А вскоре в беседе с папой Ришелье удалось замолвить доброе слово за своего короля, что было принято благосклонно. Папе определенно понравился молодой магистр. Римский первосвященник сумел оценить и его образованность, и ораторские способности, и необыкновенную память, позволявшую в точности повторять проповеди дворцовых проповедников. В результате Ришелье был посвящен в сан епископа, теперь уже советом кардиналов.

В августе того же года новый епископ Люссонский вернулся в Париж, где в конце октября состоялась защита его диссертации на степень доктора богословия. Примечательно, что Ришелье посвятил свой научный труд Генриху IV — случай небывалый в практике того времени. Остается лишь гадать о том, было ли это вызвано искренним восхищением деятельностью короля или трезвым расчетом, за которым скрывалось раннее стремление молодого епископа как можно скорее приблизиться к кормилу государственной власти.

Очень скоро епископу Люссонскому удалось стать одним из самых известных проповедников в Париже и приобрести множество полезных связей. Однако появились и враги, завидовавшие росту его популярности при дворе. Будущий кардинал отлично понимал, что для приобретения прочного

положения ему необходимо что-то более основательное, чем прекрасные манеры, обаяние и ораторское искусство. Ришелье оставил двор и отправился в Люссон, намереваясь завоевать авторитет и получить административный опыт в провинции.

Несколько лет Ришелье провел в своей епархии в Люссоне. После трагической гибели короля Генриха IV королева-регентша назначила перспективного политика сначала личным духовником юной супруги французского короля, 14-летней Анны Австрийской, а вскоре 30-летний епископ стал государственным секретарем по иностранным делам. Через два года судьба вновь улыбнулась Ришелье. Новый всемогущий фаворит короля Людовика, герцог де Люинь, предложил поженить своего племянника и одну из племянниц Ришелье, обещая свое содействие в получении кардинальского сана. Герцог, правда, уже начинал раздражать слабохарактерного и капризного короля, но вот жена влиятельного вельможи, герцогиня де Люинь, была первой женщиной, с которой Людовик имел физическую близость, а это значило многое. Герцогиня была прекрасна и умна: именно ею восхищался Александр Дюма, описывая неотразимую герцогиню де Шеврез, подругу и наперсницу королевы Анны Австрийской.

В августе 1624 г. кардинал Ришелье стал первым министром Людовика XIII, который, не отличаясь особой проницательностью, все же сумел распознать политический талант «скромного» служителя церкви. Этот пост Ришелье бессменно занимал более восемнадцати лет, вплоть до самой смерти. Правда, лучшие годы остались позади, но новая полоса жизни позволила кардиналу стать тем, кем он стал — истинным королем Франции.

Пребывая на вершине власти, монсеньор не забывал и о земных утехах. Хотя он и дал по долгу службы обет верности «церкви — моей супруге», однако был весьма неравнодушен к женскому полу. Молва приписывала Ришелье многих любовниц, но достоверных сведений о большом количестве покоренных женщин нет, хотя бы потому, что в чувственных проявлениях Ришелье был очень осторожен и всячески скрывал свои любовные связи. Правда, некоторые из них утаить было не так-то просто. Как, например, роман с известной в те годы французской куртизанкой Марион Делорм. Чем привлекла многоопытного кардинала красивая, но уже не первой свежести 35-летняя женщина? Прежде всего своими незаурядными способностями обольщать мужчин, что сулило определенную выгоду в политическом плане. Агенты Ришелье собрали о ней немало сведений: Марион родилась в богатой семье, отец назначил дочери солидное приданое, но ветреная красавица предпочла

тихой семейной жизни длинную череду быстро сменяющихся поклонников. Выяснилось, что Марион к моменту встречи с кардиналом имела сразу семерых любовников, среди которых были и гвардейские офицеры, и банкиры, и литераторы, то есть люди, которые могли служить источником ценной информации.

Для тайных встреч кардинал устроил в глубине своего сада беседку, куда Марион, переодетая пажом, пробиралась вечерами. Однако как любовница она быстро наскучила Ришелье, поскольку в постели не проявила той пылкой страсти, на которую тот рассчитывал. По-видимому, высокопоставленный поклонник не шел ни в какое сравнение с другими, более молодыми, энергичными и неутомимыми в любви мужчинами.

Но Ришелье не собирался расставаться с Марион, решив, что лучшей осведомительницы ему не найти. Иными словами, их интимная связь прекратилась, но сохранились деловые отношения: завсегдатаи салона мадам Делорм, которые не всегда были сдержанны и осторожны в суждениях, даже не подозревали, что их чересчур откровенные высказывания тут же доводились до сведения кардинала. Причем не без выгоды для Марион, которая получала солидное вознаграждение за свои услуги.

Между прочим, именно Ришелье впервые во французской истории создал разветвленную шпионскую сеть, содержа на жалованье агентов и сыщиков, среди которых женщины играли не последнюю роль. Если кто-либо из черни или знати произносил крамольные речи, кардинал тут же узнавал об этом и, следовательно, мог уже в зародыше подавить любой заговор. Он всегда держал при себе несколько искусных помощников, умеющих приготовить яд и противоядие, точно скопировать почерки, дешифровать тайное послание. Ришелье нанимал убийц, подкупал противников, сталкивал между собой лидеров враждебных ему кланов, натравливал друг на друга завистливых вельмож, пытавшихся ослабить его влияние на членов королевской семьи. Сыск, доносительство, шпионаж, фабрикация судебных дел, провокации достигли при кардинале Ришелье небывалого размаха. Особенно отличился на этом поприще глава секретной службы кардинала, его ближайший советник, монах ордена капуцинов отец Жозеф. Ему мы обязаны устойчивыми словосочетаниями «серый кардинал» (самого Ришелье прозвали «красным кардиналом») и «черный кабинет» (так назывались специальные секретные покои в Лувре, где перлюстрировалась почта). Словом, первый министр был един в трех лицах, олицетворяя одновременно законодательную, исполнительную и карательную власти.

Можно по-разному оценивать эти стороны деятельности

всесильного правителя, но справедливо и другое: вся воля, энергия и влияние Ришелье так или иначе были направлены на укрепление государственности Франции и усиление монархии. В этом смысле многие деяния кардинала, безусловно, отражали национальные интересы страны, во многом способствуя развитию ее культуры и науки. И уж никак нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что именно этому политическому деятелю принадлежит честь официального учреждения Французской академии, кроме того, он основал знаменитый Сорбоннский университет и был в числе инициаторов создания первой во Франции (а возможно, и в мире) еженедельной газеты.

Власть Ришелье была столь велика, что одно время он даже пытался породниться с Людовиком XIII путем бракосочетания своей племянницы, Мари-Мадлен де Виньеро, герцогини д'Эгийон, с братом короля, принцем Гастоном Орлеанским.

В свое время Ришелье заставил юную Мари выйти замуж за Антония де Комбалле, старого горбуна, чье лицо еще в молодости изъела оспа. Вскоре после свадьбы де Комбалле скончался от загадочной болезни, а молодая вдова унаследовала знатное имя и приличное состояние. Руки Мари просили поочередно маршал де Брэзе и богач де Бетюнь, граф Ледигьер и граф Суассон. Всем этим уважаемым людям было отказано, и не только потому, что на горизонте появился Гастон Орлеанский. Как выяснил отвергнутый маршал, Мари уже давно сожительствовала с самим кардиналом! По утверждению де Брэзе, очаровательная племянница даже одарила монсеньора четырьмя отпрысками. Это означало, что Ришелье уже был отцом пятерых детей, если прибавить к ним еще и Шевиньи — статс-секретаря его преосвященства, побочного сына от некой госпожи де Бутийе.

Правда, кардиналу, считавшему, что дети — дар Божий, внебрачные «плоды любви» не доставляли особых хлопот. И когда его камердинер, надзирающий над служанками, почтительно докладывал, что очередная девушка, убиравшая в спальне монсеньора, разрешилась от бремени, тот лишь выяснял пол ребенка и отправлял его в деревню на воспитание к родителям матери, снабдив ее некоторой суммой.

В числе прочих любовниц кардинала некоторые биографы называют жену маршала де ля Мейере мадам де Брисак, дочь Валуа, герцога Орлеанского, мадам де Шон, одну из красивейших женщин Парижа, и, наконец, еще одну знаменитую куртизанку, по имени Нинон де Ланкло. Между прочим, чтобы добиться любви последней, кардинал без всякого стеснения избрал посредницей ту же Марион Делорм, поручив ей предложить очередной «жрице Венеры» 50 тысяч экю. Неизвестно, достиг ли

своей цели Ришелье, но сам факт предложения «оплаты услуг» установлен достоверно.

Надо заметить, что «любовный аппетит» Ришелье не ограничивался светскими дамами, куртизанками, служанками и собственной племянницей. Его желанной целью была сама королева Анна Австрийская. Кардинал выказывал ей запретные при его сане чувства: осыпал комплиментами, преподносил сентиментальные стихи собственного сочинения, чуть ли не открыто признавался ей в своих сердечных страданиях. Хитрый и всегда очень осторожный Ришелье настолько увлекся Анной, что потерял всякую бдительность и даже поверил хитроумной герцогине де Шеврез, которая сообщила ему, что, дескать, королева не прочь провести наедине час-другой в обществе кардинала. Но чтобы подтолкнуть ее к чувственным порывам, советовала каверзная герцогиня, неплохо бы послать королеве записку с изъявлением страсти, а когда поклонник будет допущен в покои, предстать в костюме балаганного петрушки и станцевать перед ее величеством сарабанду.

И случилось необъяснимое: Ришелье вырядился шутом и так и выплясывал перед Анной Австрийской в дурацком колпаке с погремушками. Хотя некоторые мемуаристы, говоря об этом факте, считали, будто кардинал сознательно унизил себя ради блага отечества. Дескать, Людовику XIII не удавалось зачать наследника, и Ришелье задумал взять на себя эту ношу, для чего, как минимум, необходимо было снискать расположение королевы. Относительно «соблазнительной ноши» эта версия, возможно, и верна, а вот то, что Анна ответит на его чувство, — в этом есть некоторые сомнения. Даже ослепленный, жаждущий обладать прелестной Анной, такой ловкий и дальновидный политик, как Ришелье, не мог не понимать, чем он рискует. И точно, вдоволь натешившись, Анна Австрийская не замедлила сообщить супругу о двусмысленном поведении первого министра. Подлила масла в огонь и герцогиня де Шеврез, расцветив рассказ королевы такими подробностями, от которых Людовик побагровел от гнева. Но Ришелье, впрочем, как и всегда, вышел сухим из воды. Он сумел найти веские оправдания своему поведению, оконфузив при этом обеих дам.

Как известно, Анна предпочла всесильному первому министру лорда Бэкингема. Ришелье, который, помимо всего прочего, был еще и плодовитым драматургом, отомстил ей весьма оригинальным способом. Он написал и поставил в придворном театре пьесу «Мирам», заставив королеву посмотреть этот спектакль. В этой пьесе Бэкингем был представлен как любовник в весьма жалком виде, а кроме того, еще и побежденным на поле

боя под гугенотской Ла-Роше-лью. Попутно стоит заметить, что о тех событиях сохранились документы, которые легли в основу романа Дюма «Три мушкетера», — от дуэлей (на одной из которых погиб брат кардинала) до использования отставной любовницы Бэкингема графини Карлейль (пресловутой Миледи), успешно выполнившей шпионскую миссию при английском дворе, и весьма пикантных подробностей свиданий королевы и Бэкингема.

В конце своей жизни и правления охочий до женщин Ришелье вроде бы потерял к ним интерес, особенно после того как над ним так жестоко подшутила Анна Австрийская. Давали о себе знать и болезни. В 1632 г. у кардинала обнаружилась почечно-каменная болезнь, через два года усилились ревматические боли в суставах, его мучили постоянные лихорадки, а спустя еще три года вследствие упадка сил кардинал уже мог передвигаться только на носилках. Но даже будучи тяжелобольным, он до последнего дня по нескольку часов диктовал приказы армии, дипломатические инструкции, распоряжения губернаторам различных провинций. 28 ноября 1642 г. наступило резкое ухудшение самочувствия. Кардинал временами терял сознание, но, приходя в себя, пытался еще работать.

2 декабря умирающего навестил Людовик XIII. «Вот мы и прощаемся, — слабым голосом сказал Ришелье. — Покидая Ваше Величество, я утешаю себя тем, что оставляю Ваше королевство на высшей ступени славы и небывалого влияния, в то время как все Ваши враги повержены и унижены. Единственно, о чем я осмеливаюсь просить Ваше Величество за мои труды и мою службу, это продолжать удостаивать Вашим покровительством и Вашим благоволением моих племянников и родных. Я дам им свое благословение лишь при условии, что они никогда не нарушат своей верности и послушания и будут преданы Вам до конца».

Почти до самой смерти с Ришелье неотлучно находилась его племянница, герцогиня д'Эгийон. Однако перед самым концом Ришелье попросил оставить его одного. «Помните, — сказал он ей на прощание, — что я любил вас больше всех на свете. Будет нехорошо, если я умру у вас на глазах…»

Возле умирающего остался отец Леон, давший ему последнее отпущение грехов. «Предаюсь, Господи, в руки твои», — прошептал Ришелье, затем вздрогнул и затих. Святой отец поднес к его рту зажженную свечу, но пламя осталось неподвижным. Кардинал был мертв. Смерть наступила 5 декабря 1642 г.

Ришелье и после смерти продолжал управлять Францией, так как Людовик XIII предписал своему государственному совету

руководствоваться во внутренней и внешней политике программой великого кардинала. После кончины Людовика XIII, лишь на полгода пережившего своего первого министра, Анна Австрийская, которая при жизни Ришелье его ненавидела, все же отдала должное заслугам покойного в деле государственного управления Францией. Как-то остановившись перед его портретом, она произнесла знаменательные слова: «Если бы этот человек не умер, он пользовался бы теперь еще большим могуществом, чем когда-либо».

Конечно, при желании можно обнаружить и другую характеристику Ришелье, данную знаменитым мыслителем Монтескье, который назвал кардинала «негоднейшим из французских граждан». Контраст в этих двух высказываниях, как видим, разительный, что, впрочем, неудивительно. Ибо жизнь всякого великого политика состоит из подобных контрастов и противоречий. А если при этом иметь в виду интимные связи кардинала, то здесь более всего уместны слова еще одного французского мыслителя, Блеза Паскаля, как-то заметившего, что «господин кардинал не пожелал быть разгаданным». Пожалуй, это наиболее точные слова, подтвержденные историей. В биографии кардинала Ришелье, действительно, оказалось немало темных мест, что делает его личность необычайно притягательной как для историков, так и для любителей пикантных моментов из жизни знаменитых людей.

Людовик XIV Бурбон

(род. в 1638 г. — ум. в 1715 г.)

Король-Солнце; был известен не только роскошью своего двора, но и тем, что построил Версаль и вел бесчисленные войны. Но едва ли не в первую очередь он прославился громкими любовными историями, в которых играл главную роль.

«Я всем приказываю: если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более двадцати четырех часов для того, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение». Так говорил Людовик XIV своим

придворным. Он любил подчеркивать, что государственные интересы для него всегда стоят выше личных. В своих «Мемуарах» король писал: «Время, которое мы отдаем нашей любви, никогда не должно наносить вреда нашим делам. Как только вы дадите свободу женщине говорить с вами о важных вещах, она заставит вас совершать ошибки».

Тем не менее женщины играли в жизни монарха большую и важную роль. В молодости Людовик XIV часто менял своих любовниц. И каждая из его фавориток имела официальное положение при дворе. Стоило Его Величеству обратить внимание на какую-нибудь очаровательную даму, как перед ней тут же начинали заискивать окружающие. Придворные вставали, когда она входила и выходила. Многочисленные дети, появлявшиеся на свет божий от фавориток, получали титулы герцогов и графов, занимали генеральские и адмиральские должности. Все они обладали большими личными состояниями, вступали в браки с отпрысками самых известных аристократических семей Европы.

Содержание фавориток дорого обходилось государственной казне. Сластолюбивый монарх был щедр. Он одаривал любовниц дворцами, поместьями, землями, драгоценностями, деньгами. Их просьбы безропотно удовлетворяли министры и другие государственные чиновники. Даже отвергнутые фаворитки до конца своих дней пользовались милостями владыки.

Людовику было пять лет, когда умер его отец, и он стал королем. Управление страной взяла на себя Анна Австрийская, его мать. Однако, даже достигнув совершеннолетия, он не спешил брать бразды правления в свои руки, предпочитая заниматься любовными делами, оставляя дела государственные на свою мать и кардинала Мазарини.

Что же касается любовных дел, здесь Людовик был настоящим королем. Его первой женщиной была 42-летняя камеристка королевы, ему же было пятнадцать лет. С тех пор в его постели побывали практически все фрейлины королевы-матери. Затем пошли в ход все девушки, находившиеся под рукой, а дочь садовника даже родила от него ребенка. Особое внимание он уделял племянницам кардинала Мазарини — сначала Олимпии Манчини, а потом и ее сестре Марии. Во многом благодаря Марии Людовик стал тем, кого современники называли Король-Солнце и которому приписывали изречение: «Государство — это я». После смерти кардинала Мазарини в 1661 г. король упразднил должность первого министра, взяв управление всеми без исключения делами в стране в свои руки.

Марии Манчини удалось привить ему любовь к литературе и искусству, а также подвигнуть его на возведение Версаля,

который стал самым блестящим двором и законодателем мод Европы. В годы царствования Людовика XIV возникли Академии наук, архитектуры, живописи и ваяния, Парижская обсерватория, Королевская академия музыки. Вытеснив латынь, французский язык стал языком дипломатов, а затем проник и в салоны знати.

Получив единоличную власть, Людовик XIV, попирая законы Божьи и человеческие, дал волю своим страстям. Нельзя сказать, что он быстро менял свои сердечные привязанности. Роман со следующей заметной фавориткой, Луизой де Лавальер, продолжался около десяти лет. Молодая женщина любила Людовика искренне, не преследуя далеко идущих эгоистических целей. Как отмечала одна из современниц, «Лавальер была единственной из фавориток Короля-Солнце, которая действительно любила Людовика, а не „Его Величество“». О ней писали многие авторы, среди которых были Александр Дюма-отец и мадам де Жанлис.

Луиза родилась в 1644 г. в Туре в католической дворянской семье. В семнадцать лет она стала фрейлиной Генриетты Английской — жены Филиппа Орлеанского, младшего брата короля. Филипп был гомосексуалистом, поэтому Людовик XIV старался утешить, по мере возможностей, свою прелестную невестку. А «возможности» молодого короля Франции были неограниченны.

Об этом романе стало известно матери Людовика — единственному человеку, который имел на него влияние. Сын пообещал ей, что прекратит встречаться с Генриеттой. На самом деле влюбленные задумали хитрость: король сделает вид, будто увлекся какой-нибудь другой дамой, обязательно из числа фрейлин Генриетты, он будет оказывать ей знаки внимания, возможно, приблизит ее к себе. Даму, за которой следовало приударить королю, возлюбленная выбрала сама. Ее выбор пал на Луизу де Лавальер — самую скромную, невзрачную, бедную провинциалку, не имевшую при дворе жениха и защитника. Генриетта никак не ожидала, что Людовик слишком хорошо «войдет в роль».

Вначале король скрывал свою связь с Лавальер, нигде вместе с ней не появлялся, а в 1663 г. она переехала во дворец. У Луизы было четверо детей от Людовика XIV. Сразу после рождения малышей у матери отбирали. Двое сыновей умерли в младенчестве, а третий сын, Луи, в двухлетнем возрасте стал графом де Вермандуа, адмиралом Франции, дочь Мари-Анн вышла замуж за принца Конти.

Всеми делами «хромоножки из Тура» (в детстве Луиза упала с коня, сломала ногу и после этого немного прихрамывала)

занимался генеральный контролер финансов Жан-Батист Кольбер. По поручению короля Кольбер купил для нее имение Вожур в Ренси за 800 тыс. ливров. Неизвестно, посещала ли когда-нибудь мадемуазель де Лавальер принадлежавшие ей владения, но отныне она стала именоваться герцогиней Вожур. Сама Луиза у любовника ничего не просила, но и от подарков не отказывалась. Она получала через Кольбера крупные суммы и тратила их быстро и безрассудно.

Но уже в 1666 г. придворные стали замечать признаки охлаждения короля к своей фаворитке. У Людовика XIV появилось новой увлечение — замужняя дама, маркиза Атенаис де Монтеспан, которая за все время их связи родила королю восьмерых детей.

Жестокость Его Величества, казалось, была безграничной. Он поселил Луизу и Атенаис в замке Сен-Жермен-ан-Ле в смежных апартаментах с одной входной дверью и настаивал, чтобы женщины делали вид, что поддерживают хорошие отношения. Они втроем обедали, гуляли в парке, но, возвращаясь с прогулки, Людовик заходил к Луизе, переодевался и, едва бросив ей несколько слов, направлялся к Атенаис, у которой оставался на весь вечер (ночь он проводил в спальне законной жены — королевы Марии Терезии).

Людовик заставил Луизу стать крестной матерью его дочери, которую родила Монтеспан. На следующий день после крестин брошенная фаворитка отправилась к настоятельнице монастыря, расположенного на бульваре Сен-Жак в Париже и принадлежащего ордену Босоногих Кармелиток, с просьбой постричь ее в монахини. Но в обитель принимали только девушек, а не женщин со скандальной репутацией.

В течение двух месяцев Луиза часами стояла на коленях перед порогом монастыря и, в конце концов, своими мольбами тронула сердце настоятельницы. В монашеской келье она провела 36 лет — большую часть своей жизни. Молодая, полная сил Луиза ушла в небытие. При дворе Людовика XIV наступила «эпоха Монтеспан».

Но надо сказать, что произошло это не вдруг. Атенаис давно мечтала о Людовике и добивалась его внимания всеми возможными и невозможными способами, даже приняла участие в «черной мессе», проведенной знаменитой колдуньей Катрин ла Вуазен и предводителем парижских сатани-стов, отступником-аббатом Гибуром. Во время «черной мессы» Атенаис обнаженная лежала на алтаре, а на ее животе приносили в жертву младенца… Когда король одарил ее своим вниманием, Атенаис сочла это результатом сатанинских ритуалов и стала еще чаще посещать

«черные мессы» в надежде стать его единственной фавориткой.

Франсуаза Атенаис де Монтеспан происходила из знаменитого аристократического рода. По своему внешнему облику она отвечала тогдашним придворным вкусам: полная, светловолосая, с голубыми глазами. Но новая фаворитка не отличалась ни манерами, ни благородным характером. Ей, правда, нельзя было отказать в уме и наблюдательности. Ее злого языка боялись, и не без оснований: она не щадила никого, лишь бы развлечь и заинтересовать Людовика XIV.

Монтеспан отличали тщеславие и самовлюбленность. Если Марии Терезии шлейф нес ее паж, то Атенаис — старшая статс-дама герцогиня де Ноай. У фаворитки был собственный двор, ее посещали генералы, министры, послы. В Версале она имела 20 комнат, а королева — 10 вместе с помещениями для придворных дам.

Людовик XIV не жалел денег на свою любовницу. Неподалеку от Версаля, в Кланьи, для Атенаис построили большой замок, стоивший 28 млн ливров. Не только там, но и в королевском дворце она чувствовала себя хозяйкой. «Госпожа де Монтеспан пишет мне, что вы, Кольбер, спрашиваете ее, какие еще пожелания следует учесть в ходе строительных работ в Версале, — писал Людовик. — Вы правильно сделали, поступив таким образом. Продолжайте угождать ей всегда». И министры угождали: строились дворцы, оказывались почести, фаворитку охранял отряд именитых дворян.

Ее муж, маркиз де Монтеспан, до конца своих дней так и не простил Атенаис измены. Он похоронил в родовом склепе пустой гроб и высек на могильной плите имя неверной жены. Покинутый муж постоянно устраивал Людовику сцены ревности и открыто жаловался на короля придворным. Он отправил письмо Марии Терезии, в котором сообщил о любовной истории короля, что, разумеется, усилило ненависть Людовика XIV к маркизу. Через несколько лет, после всех скандалов, получив от короля значительную материальную компенсацию на достойное воспитание детей, маркиз Монтеспан согласился на расторжение брака.

С тех пор Атенаис царила и властвовала. «Султанша», как ее называли при дворе, позволяла себе не только решать судьбы придворных, даровать состояния и титулы, изгонять в опалу, разорять, но даже подшучивала над королевой. Марии Терезии приходилось обращаться к фаворитке, чтобы через нее добиться какой-либо королевской милости. И когда Людовик приказал удалить от жены всех испанских фрейлин, Монтеспан по просьбе королевы «ходатайствовала» перед ним, и Марии Терезии

высочайше позволили оставить одну.

Поволноваться Франсуазе все же пришлось. Женолюбивый Людовик, хотя и был привязан к ней, но увлекался и другими женщинами. Королю никто не отказывал. За 16 лет «царствования» Монтеспан не раз пришлось отстаивать свое право на венценосного любовника. Принцесса Субиз родила королю сына. Мимолетные увлечения графиней Граммон, госпожой де Людр и девицей Гедам болезненно ударяли по самолюбию «султанши». Но особенно волновала ее юная фрейлина королевы, мадмуазель де Фонтанж, серьезно претендовавшая на место фаворитки. Казалось, что Монтеспан была спасена благодаря тяжелой беременности своей соперницы, которая выглядела измученной и непривлекательной. Ребенок родился мертвым, а через два года скоропостижно скончалась маркиза Фонтанж. Препятствия больше не существовало.

Шло время, и отношения Людовика с фавориткой становились все более напряженными. Монтеспан утомляла и раздражала короля своими капризами, непомерными требованиями, неуемной жаждой денег и власти. Конец многолетней связи приближался, но и после окончательной отставки Монтеспан Людовик XIV продолжал выплачивать ей крупные суммы. По свидетельству современников, щедрость монарха была безмерной: отвергнутая любовница ежегодно получала от короля 1 млн 200 тыс. ливров.

Монтеспан покинула двор и последние годы жизни провела в одиночестве, вымаливая прощение у Бога. Для искупления грехов она носила подвязки и пояс с острыми гвоздями. Ее постоянно терзал страх адских мучений. Бывшая «султанша» умерла в 1707 г. в возрасте 66 лет. До этого она просила мужа о прощении, но маркиз ответил, что и слышать не хочет о своей бывшей жене.

Следующим увлечением Людовика XIV стала Франсуаза д'Обиньи, известная под именем маркизы де Ментенон. Родилась она в 1635 г. в городе Ниоре, в 410 км от Парижа в семье фальшивомонетчика, картежника и убийцы Констана д'Обиньи, ставшего впоследствии губернатором острова Мартиники.

Франсуаза была привлекательной шатенкой, с черными глазами и смуглым лицом. Она обладала такими редкими для ее возраста качествами, как сдержанность и рассудительность. Необычно складывалась ее жизнь. В шестнадцать лет ее выдали замуж за разбитого параличом 42-летнего талантливого поэта Поля Скаррона. «Я предпочла замужество монастырю», — говорила Франсуаза и в течение восьми лет ухаживала за тяжелобольным мужем, разделяя с ним и беды и радости до самой его смерти.

Однажды она познакомилась с маркизой де Монтеспан. «Султанша» поступила очень опрометчиво, пригласив новую подругу в свой дом на должность воспитательницы незаконнорожденных детей короля Франции. Там ее и увидел Людовик XIV. Она была прямой противоположностью шумной, капризной, раздражительной Монтеспан, что очень импонировало королю, уже основательно уставшему от бурной жизни.

Теплые отношения подруг постепенно перерастали во враждебные. Мадам Скаррон проявляла незаурядное искусство обольщения, два года «героически» сопротивляясь притязаниям Людовика XIV. Уступила она только тогда, когда окончательно убедилась, что король в нее безумно влюблен. В 1678 г., когда Монтеспан вернулась с курорта Бурбон-л'Аршамбо, где она находилась несколько месяцев, место, которое ей ранее принадлежало, уже прочно заняла бывшая подруга.

На полученные от короля 200 тыс. ливров новая фаворитка купила себе имение Ментенон, в сорока километрах от Версаля. Дворец в стиле ренессанса, построенный при Франциске I, был отремонтирован. Людовик XIV как-то назвал свою любовницу мадам де Ментенон, под этим именем она и вошла в историю.

Перемены в жизнь очередной любовницы короля внесла смерть 53-летней Марии Терезии летом 1683 г. Людовик XIV, казалось, был потрясен кончиной жены. В это трудно было поверить, хотя во имя собственного престижа внешне Людовик XIV соблюдал приличия: он изображал нежного супруга, неизменно проводившего ночи в семейной спальне. И королева, в свою очередь, была вынуждена любезно относиться к фавориткам мужа, принимать их у себя. Людовик не только полностью подчинил себе жену, но и бесконтрольно распоряжался ее личным состоянием.

После смерти Марии Терезии что-то надломилось в сознании Людовика. Король, устав от развлечений, преисполнился религиозного страха, боялся небесного наказания за земные грехи. Обстановка в Версале изменилась: придворные вели себя более сдержанно и осторожно. Впрочем, нравы при дворе остались прежними, просто, опасаясь гнева короля, трусливо скрывалось то, что раньше демонстрировалось открыто.

Монарх, вдруг сделавшийся богобоязненным, решил жениться на Ментенон. Тайное бракосочетание состоялось в 1683 г. в Версальской часовне. Брак мадам Ментенон остался для всех тайной, он не был узаконен и публично объявлен. Несмотря на все ее настояния, король не решился возвести на трон вдову поэта Скаррона. До самой смерти она так и осталась фавориткой.

Вскоре для Ментенон отвели четыре небольшие комнаты в

Версальском дворце напротив апартаментов короля. Тщательно скрывая глубокую обиду, Ментенон на всех официальных церемониях вела себя как придворная дама, а не как королева. Казалось, она не претендовала на особое положение, жила в Версале скромнее, чем Монтеспан.

Отношения между супругами складывались необычно. Интимная жизнь короля претерпела существенные изменения. Франсуаза не обладала достоинствами молодости: она была на три года старше Людовика и холодна в постели. Вильгельм Оранский по этому поводу шутил: «Французский король — противоположность другим государям: у него молодые министры и старая любовница». Известный историк Луи Бертран писал: «Людовик XIV был разочарован. Новая супруга вступила в конфликт со всеми его вкусами, со всеми влечениями, со всем, что было свойственно его натуре. Невозможно представить себе супругов, столь отличных друг от друга. У нее не было никакой женской нежности. И к тому же ее едва ли можно было считать настоящей женщиной».

Франсуаза также переносила супруга с трудом. Эгоизм Людовика XIV не знал границ. В угоду своим желаниям он не считался ни с чем и ни с кем. Ментенон, больная, с высокой температурой и головной болью, должна была посещать балы, отправляться в различные поездки вместе с двором. Она боялась сквозняков — он настежь открывал окна в любую погоду. Она любила рано ложиться спать — он работал допоздна и непременно при этом хотел иметь собеседницу.

Ментенон вынуждена была не замечать любовные интриги своего супруга: более десяти лет продолжалась связь Людовика XIV с рыжеволосой красавицей Анной де Роан. Обладая богатейшим жизненным опытом, Франсуаза понимала, как легко потерять то исключительное положение, которое она занимала. Да и надежда официально занять место королевы ее никогда не покидала. Хотя Людовик и растерял свой юношеский пыл, он иногда еще позволял себе «пошалить», поэтому высоко ценил выдержку, спокойствие, такт и ум супруги.

Исследователи считали маркизу де Ментенон женщиной «амбициозной, ненасытной и скрытной». Идеал Ментенон — всеобщее обожание ее персоны: «Все хорошо, если это связано с ней; все отвергается, если делается без нее. Люди, дела, назначения, правосудие, помилования, религия — все без исключения в ее руках; король и государство являются ее жертвами. В одном только она не изменяла себе: в страсти к господству и властвованию».

Члены королевской семьи, министры, придворные через нее

нередко обращались к королю. В Версальском дворце она сидела в кресле в присутствии Людовика, его сына — наследника престола, его брата, английских коронованных особ. При этом она избегала дорогих нарядов, не носила драгоценностей, одевалась со вкусом, но скромно, не по возрасту. Ее называли «дамой в черном», хотя платья черного цвета Ментенон носила редко — король этот цвет не любил.

В апартаментах Франсуазы Людовик XIV работал, а его супруга читала или вышивала. Присутствующие говорили громко, а она делала вид, что поглощена работой, но ничто не ускользало от ее внимания. Маркиза редко высказывала свое мнение, между тем король сам советовался с ней. Она никогда не проявляла заметного интереса к тому или иному событию или лицу, но всегда умело направляла волю венценосного монарха в нужное ей русло. Поэтому придворные придавали очень большое значение беседам с Людовиком XIV в покоях Ментенон. Фактически все министры зависели от нее. Вместе с тем с ее помощью они укрепляли свою власть.

Маркиза умело оберегала своих сторонников. В ожидании министра или после его ухода она интересовалась мнением короля о том или ином государственном деятеле, тонко превозносила заслуги, верноподданнические чувства своих людей. Это была своеобразная круговая порука. Если же министр не придерживался ее точки зрения, то «королева» всегда и достаточно быстро добивалась его смещения. Цель достигалась просто: в ход шли ложь, домыслы, оговоры. Многим Ментенон испортила карьеру, а они даже не подозревали об истинных причинах, которые привели к их отставке.

Борьба с протестантами, проводившаяся Людовиком XIV, требовала воспитания подданных в католическом духе. С этой целью Ментенон создала в 1686 г. учебное заведение для девушек из небогатых дворянских семей. Находилось оно в Сен-Сире, неподалеку от Версаля и было рассчитано на 250 воспитанниц. Франсуаза уделяла много внимания своему детищу, пропадая в институте целыми днями. Директриса сама учила девиц орфографии, истории, литературе, читала специальный курс по воспитанию детей.

Людовик XIV с одобрением относился к начинанию своей супруги. Беседуя однажды с поэтами Расином и Буало, он говорил о Сен-Сире: «Не забудьте упомянуть в анналах моего царствования основание института».

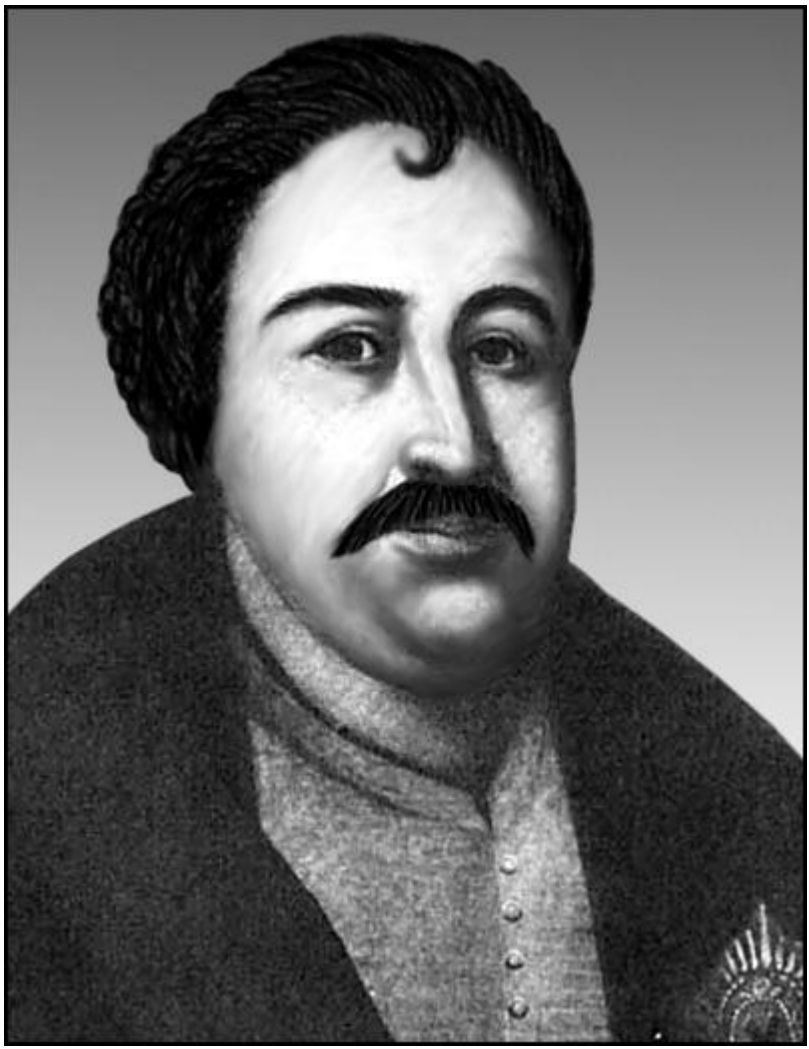
Жизнь последней фаворитки Людовика XIV была полна противоречий. Богобоязненная женщина, вопреки католической морали, стала любовницей короля. Все знала, многое могла и

вместе с тем всего боялась, скрывая свои истинные мысли и эгоистические цели. Она обвенчалась с королем, но так и не была официально признана королевой. Маркиза де Ментенон пережила своего царствующего супруга всего на четыре года.

Людовик XIV умер в возрасте семидесяти шести лет, оставив казну страны более чем опустошенной — долг достигал двух миллиардов ливров. По этому поводу Вольтер заметил: «Несмотря на все, что написано против него, его имя будут произносить не без благоговения, и с этим именем будут соединять идею столетия, которое навсегда останется благодарным». Людовик XIV правил дольше, чем любой король в Европе, царствовавший до него, — 72 года.

Король-Солнце пережил и своего сына, и внука. А после него новым монархом Франции стал его пятилетний правнук, известный в истории под именем Людовика XV.

Мазепа Иван Степанович



(род. в 1639 г. — ум. в 1709 г.)

Украинский гетман, деяния и любовные похождения которого нашли отражение в произведениях Пушкина, Байрона и Гюго.

В последнее десятилетие интерес к личности украинского гетмана Ивана Мазепы повысился неизмеримо. Историки, особенно украинские, исследуют неизвестные ранее архивы, воспроизводят отдельные эпизоды деятельности ясновельможного пана Мазепы, создают новые мифы о хитроумном властолюбце, окутывая его жизнь ореолом героизма и вольнолюбия. Выходит, не совсем прав был Пушкин, когда в поэме «Полтава» писал, что

Петра I будут помнить и прославлять всегда, а изменника Мазепу забудут напрочь. Спустя столетия имя человека, с весьма приблизительным сходством изображенного на национальной денежной купюре Украины, снова становится предметом жаркой полемики.

И не напрасно, если учесть, что к образу украинского гетмана обращались, кроме Пушкина, такие литературные гении, как Вольтер, Байрон и Гюго. Правда, их оценки деятельности Мазепы несколько разнятся от нынешних, что, впрочем, лишь вносит дополнительную интригу в историческую картину событий и судеб минувших лет.

После всей этой разноголосицы черты самого героя повествования начинают как-то расплываться, теряя свой истинный, по-человечески узнаваемый облик, что плодит еще более фантастические версии.

Несомненно одно: Иван Мазепа — фигура значительного исторического масштаба, а для нашего времени еще и знаковая, как с точки зрения его государственных деяний, так и проявлений таких качеств, как ум, расчетливость, склонность к интригам и, не в последнюю очередь, чувственным проявлениям. Простор здесь открывается необъятный. Одни исследователи делают упор на вклад Мазепы в обретение украинской независимости, другие ищут золото гетмана, третьи с не меньшим энтузиазмом прослеживают его любовные приключения.

В чем же состоит загадка одиозной личности Мазепы, и какими материалами располагают историки?

Достоверно известно, что Иван Мазепа происходил из старинной дворянской семьи. Его отец Степан-Адам Мазепа-Колядинский был сподвижником Богдана Хмельницкого и занимал пост казацкого атамана в Белой Церкви. А в 1622 г. польский король Ян Казимир назначил его черниговским воеводой. Мать Мария принадлежала к дворянскому роду Мокиевских, который издавна селился на землях Белоцерковского полка. Их сын Иван родился в родовом имении Мазепинцах 20 марта 1639 г. (по некоторым источникам — в 1632 г.)

О детстве и юности Мазепы сведений почти не сохранилось. Можно лишь предположить, что Иван получил достойное домашнее воспитание, в которое включались умение ездить верхом, владеть саблей, освоение военных упражнений. В течение трех лет юный Мазепа овладевал риторикой, латынью, пытался писать стихи, подражая древним римским авторам. После обучения в Киево-Могилянской коллегии отец, мечтавший о большой карьере сына, отправил Ивана ко двору польского короля Яна Казимира.

Украинские историки особо подчеркивают личностные качества молодого Мазепы — способность очаровывать людей, дипломатичность, осторожность, умение вести светскую беседу. Как пишут историки И. Борщак и Р. Мартель: «До поздней старости Мазепа сохранил тайну привлекательности: короли, князья, женщины, казаки и даже духовные лица не могли устоять перед его удивительной силой пленять сердца». Наверное, так оно и было, иначе Мазепа не сумел бы войти в доверие к коронованным особам трех враждебных друг другу стран — Польши, России и Швеции, будучи при этом украинским гетманом.

Деятельность Мазепы при дворе польского короля началась с дипломатических миссий. Ян Казимир доверял ему передачу писем украинскому гетману Ивану Выговскому, а через год отправил с миссией к его преемнику гетману Юрию Хмельницкому. Перед Мазепой открывалось блестящее будущее. Обязанности были не слишком обременительными, да и к тому же открывались перспективы женитьбы на какой-нибудь хорошенькой панночке из королевского окружения. Но тут у Мазепы возник некстати серьезный конфликт с Пасеком, одним из приближенных польского короля. По одной из версий, ссора произошла из-за дамы, которая нравилась обоим. Дело дошло до того, что в одной из словесных перепалок Пасек так оскорбил Мазепу, что тот, не сдержавшись, замахнулся на него саблей.

Странный поступок для осторожного Мазепы. Ведь он не мог не знать, что такой жест в королевских покоях считался преступлением. Конечно же, Ян Казимир при оценке поведения своих фаворитов предпочел пожертвовать украинцем, нежели польским дворянином. Но отставка Мазепы отнюдь не удовлетворила честолюбивого Пасека, который, между прочим, обладал еще и литературным талантом. Позже он издал томик мемуаров под названием «Воспоминания», который до сих пор считается одним из наиболее популярных трудов европейской мемуаристики.

Именно с легкой руки Пасека пошла гулять по свету то ли быль, то ли легенда о том, как был наказан Мазепа за свою чрезмерную любвеобильность к женскому полу. Будто бы поселившись по соседству с польским помещиком Фальбовским, Иван уж очень увлекся его женой, красавицей Вандой, вышедшей замуж за старого богача по расчету. Мазепа не упустил случая очаровать молодую женщину, вступил с ней в «порочащую связь», в коей и был уличен слугами. Уязвленный супруг подстерег соблазнителя, приказал слугам раздеть его, облить смолой, обвалять в пуху и привязать задом наперед к лошади. Но и этого

обманутому супругу показалось мало. Он самолично стеганул коня и несколько раз выстрелил в воздух. Обезумевшая лошадь долго носила незадачливого любовника по колючим зарослям, пока на него не наткнулись казаки атамана Петра Дорошенко.

Надо заметить, что не один Пасек испробовал свое перо на этом трагикомическом эпизоде. Вдохновил он не только Вольтера, который поведал об этом случае в «Истории Карла XII», Байрона и Гюго, изобразивших в своих творениях эпизод наказания Мазепы, но даже композитора Ференца Листа. После чего миф о «голом Мазепе» вырос буквально до величины символа, драматической эпопеи. Что, в общем-то, и понятно: яркость картины скачущего по степи незадачливого любовника может и впрямь поразить не только поэтическое воображение. В 70-х гг. XIX в. эта легенда нашла воплощение даже в цирковых пантомимах во Франции и Англии. Зрители были в восторге от артистки, одетой в трико телесного цвета и мчавшейся, привязанной к коню, по цирковой арене.

Но вернемся к историческим фактам. Несостоявшаяся дипломатическая карьера при Яне Казимире, возможно, заставила Мазепу пристальнее вглядеться в украинские реалии. Он понял, что Украина представляет собой широкое поле для политической деятельности, тем более что уже тогда Мазепа почувствовал безграничную волю к власти. В тот период на Украину небезразличным взглядом смотрели три могучих соперника — Варшава, Москва и Константинополь. Каждый из них имел там свою партию и своего гетмана. Наиболее авторитетным считался гетман Войска Запорожского Петр Дорошенко, мечтавший объединить Украину в одну державу. Не случайно образ этого сурового воина вошел в украинскую песенную фольклористику. Кстати, Дорошенко хорошо знали не только в Москве, но и в Париже, Лондоне, Гамбурге. К нему и явился Мазепа, ведомый только одному ему понятным инстинктом. Он уже имел некоторый опыт дипломатической службы, обретенный при польском дворе, был образован и, самое главное, умел нравиться окружающим.

Карьера Мазепы была стремительной. Сначала его назначили комендантом гетманской гвардии, а затем удостоили чести стать генеральным писарем, то есть представителем всей дипломатии в казацком государстве. Как раз в этот период начинается целая череда любовных похождений Мазепы, которые сохранились не только в исторических хрониках, но и в народной памяти. Можно легко понять молодых красавиц: перспективный, элегантный, остроумный и словоохотливый Мазепа не мог не привлечь внимания. Он не только наслаждался их любовью, но даже иногда

и извлекал из этого политическую выгоду. К сожалению, большинство имен хорошеньких воздыхательниц не сохранилось, а вот имя жены Мазепы — Анны, богатой вдовы полковника Самуила Фридрикевича, на которой он женился из сугубо материальных соображений, зафиксировано в исторических документах. Анна очень скоро оставила сей бренный мир, а ее суженому досталось богатое наследство.

Впрочем, один более ранний эпизод известен достоверно. В 1663 г. Мазепа, живший тогда на Волыни, в отцовском имении, познакомился с соседом-помещиком Загоровским. Внимание Ивана привлекла его юная красавица-жена Елена. Презирая своего мужа, которого считала совершенно безвольным человеком, она, не задумываясь, ответила на любовь красивого ухажера, подкреплявшего вспыхнувшее чувство дорогими подарками. Мазепа так увлекся, что уже мечтал каким-то образом избавиться от надоевшего мужа. Однако тот оказался не таким уж слабохарактерным — обманутый и возмущенный, Загоровский разорвал все отношения с женой, лишив ее возможности вступать в новый брак. Самому же Мазепе пришлось срочно ретироваться с «любовного поля боя».

Дослужившись у Дорошенко до чина генерального писаря, Мазепа стал подумывать о дальнейшей карьере. Случай отличиться представился очень скоро. В марте 1674 г. гетман решил заключить договор с Турцией с целью обеспечить свободу Украины от посягательств Польши и России. Выполнение этой деликатной миссии было поручено энергичному Мазепе. Прихватив семнадцать невольниц в качестве подарка турецкому султану, дипломат отправился в дорогу. Но до султанских палат он так и не добрался. Кошевой атаман Иван Сирко, автор знаменитого «Письма запорожцев турецкому султану», состоявший на службе у промосковского гетмана Левобережья Ивана Самойловича, сумел перехватить обоз. Над жизнью Мазепы нависла серьезная угроза. И спасло его от кары лишь заступничество самого Сирка. Однако Самойлович потребовал от запорожцев выдать пленника с тем, чтобы самолично учинить над ним расправу, поскольку гетман, как и рядовые запорожцы, посчитал Мазепу изменником. Бедный дипломат, попав из огня да в полымя, и тут нашел применение своему таланту очаровывать даже врагов. Удачливому интригану не только удалось избежать наказания, но еще и стать учителем и наставником гетманских детей.

Через некоторое время власть в Москве переменилась: на трон взошла царица Софья, регентша при малолетних Петре и Иване. Воспользовавшись возникшей ситуацией, Мазепа тут же

сочинил донос на Самойловича, передав письменное свидетельство князю Василию Голицыну, фавориту Софьи. В доносе, помимо прочего, содержалось утверждение, будто Самойлович намерен оторвать Украину от России. Князь пока никак не использовал эту кляузу, поскольку гетман Левобережья во время военной кампании 1687 г. против Крымского ханства пожелал присоединиться к царским войскам с 50-тысячами казаков. Но вот когда поход Василия Голицына на Крым закончился неудачей, то он сполна использовал мазепинское донесение, возложив с его помощью всю вину за поражение на Самойловича. Опального гетмана тут же сослали в Сибирь, а гетманская булава перешла к Мазепе. Наконец-то он получил власть, о которой мечтал все предыдущие годы.

Долгое время верил Мазепе и новый российский государь Петр I. И поначалу это доверие гетман вполне оправдывал. На Украине он развернул бурную деятельность в духе петровских реформ: отливал пушки, посылал молодых людей из шляхетских семей учиться за границу, открывал типографии, строил новые крепости, превратил Киево-Могилянскую коллегию в академию. В то время награды и титулы на Мазепу сыпались как из рога изобилия: в 1700 г. Петр I сделал его вторым кавалером ордена Андрея Первозваного; король Польши Август II наградил орденом Белого Орла; а австрийский император Иосиф I присвоил титул князя Священной Римской империи. Благодаря безграничному доверию Петра I гетман обезопасил себя от такого смертельного оружия, как доносы, которые приходили на петровского любимца десятками. Его обвиняли в угнетении простых людей, казнокрадстве, взяточничестве и конечно же в прелюбодеянии. Что касается казнокрадства, то официальных расследований не проводилось, но то, что Мазепа был одним из крупнейших землевладельцев не только на Украине, но и в России, и золота имел предостаточно, факт широко известный.

С одним из таких доносов связана драматическая история, которая по накалу страстей не уступает нынешним латиноамериканским сериалам. А именно: история любви гетмана Мазепы к 16-летней Матрене Кочубей. Ее отец, генеральный судья Василий Кочубей был давним войсковым товарищем Мазепы, еще со времен гетманства Петра Дорошенко. Богатству Кочубея завидовали многие, но наибольшее восхищение вызывала его дочь Матрена, крестница Мазепы. Ее красоте Пушкин, не без романтической восторженности, посвятил в поэме «Полтава» такие строки:

Как пена, грудь ее бела.

Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.

Мазепе было уже за шестьдесят, когда он влюбился в Матрену, решив непременно на ней жениться. Он засыпал свою возлюбленную дорогими подарками и даже пытался сочинять ей поэмы. Но старый Кочубей и слышать не хотел о свадьбе. Не говоря уже о разнице в возрасте, имелась и другая, не менее веская причина, препятствовавшая этому союзу. Православная церковь строго запрещала браки между крестным отцом и его крестницей. А кроме того, репутация Мазепы как соблазнителя женщин никак не могла вдохновить Кочубея на подобный мезальянс. Так или иначе, но, получив от родителей Матрены категорический отказ, Мазепа не придумал ничего лучшего, как выкрасть крестницу (по другим сведениям, девушка сама убежала из дома к пленившему ее престарелому суженому). Друзья посоветовали убитому горем отцу обратиться за помощью к царю. На свою беду, Кочубей послушался их совета. Он написал донос Петру, где говорилось о тайных переговорах гетмана с польским королем Станиславом Лещинским и шведским королем Карлом XII. А кроме того, прилагалась жалоба на посягательства Мазепы на его дочь. Прочитав послание генерального судьи, Петр I, как обычно, предоставил возможность самому Мазепе разобраться с жалобщиком. После чего Кочубей был подвергнут суровым пыткам и 15 июля 1708 г. казнен под Белой Церковью.

После гибели Кочубея Мазепе пришлось отступиться от Матрены, но любить ее он не перестал. В доказательство этой любви сохранилось несколько писем, в которых престарелый ухажер на все лады превозносит красоту и добродетели Матрены, скорбно сетуя на силы, препятствующие воссоединению влюбленных. Вот один из образчиков чувственных излияний влюбленного гетмана: «Моя любимая Мотронька! Поклон мой отдаю Вашей милости, мое серденько, а при поклоне посылаю Вашей милости гостинец — книжечку и колечко бриллиантовое, прошу эту благодарность принять, а меня в любви своей непременно прятать. Даст Бог, на лучшее надеюсь, а затем целую уста коралловые, ручки беленькие и все членики тельца твоего беленького, моя возлюбленная». В таком же сентиментально-слащавом духе написаны все послания Мазепы к своей «любимой Мотроньке».

Из исторических хроник известно, что очаровательная панна

Мотря, так и не вкусившая любовных прелестей неистового поклонника, в конце концов благополучно вышла замуж.

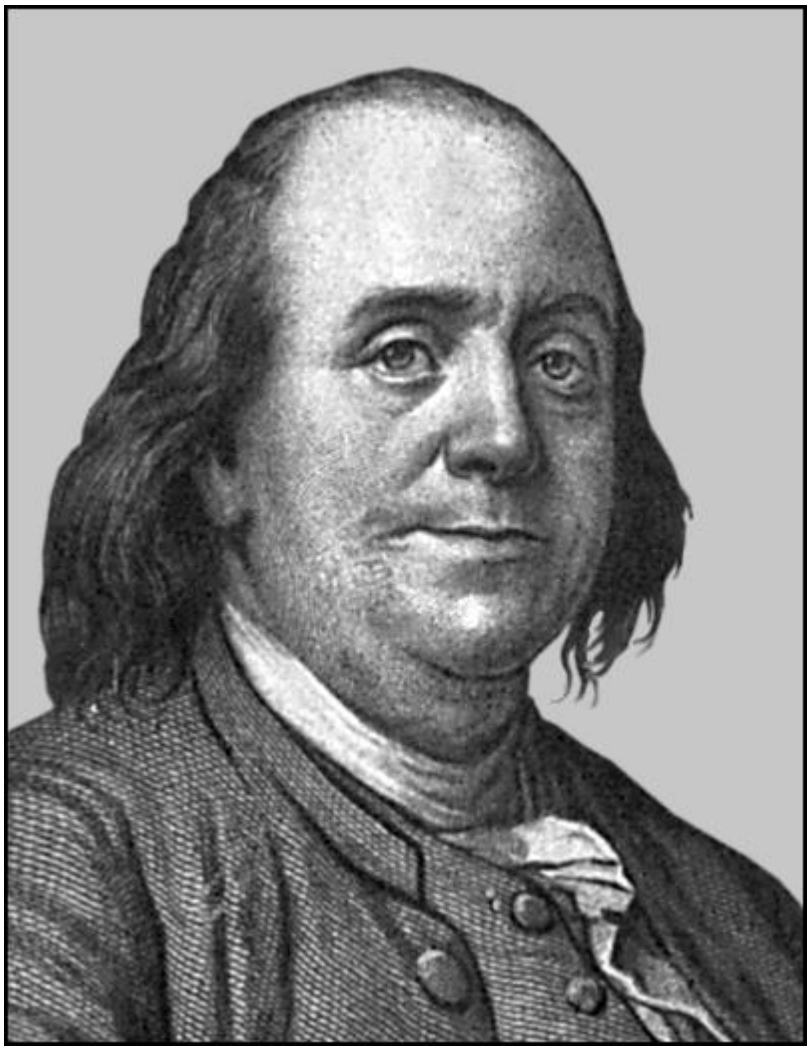
Жизнь тем временем продолжалась. И казалось, ничто не предвещало бури, которая грозила не только личному счастью гетмана, но и всей его политической карьере. Полтавская битва стала роковой ошибкой в цепочке блистательных политических интриг Мазепы. Он сделал ставку на сотрудничество с врагом Петра I, шведским королем Карлом XII. Дальнейшее известно. Гетманская ставка, расквартированная в Батурине, была разгромлена российскими войсками, а шведы разбиты Петром I. Мазепе пришлось вместе с Карлом XII бежать в Турцию. Там он прожил недолго, страшные потрясения последних лет исчерпали жизненные силы старого гетмана. Иван Мазепа скончался в 1709 г. в селе Варницы близ Бендер. В точной дате смерти Мазепы имеются существенные расхождения. Согласно одним источникам, гетман умер 22 или 28 августа, а по другим — 22 сентября или 2 октября, упоминается даже 18 марта 1710 г.

Но даже смерть и упокоение тела гетмана Ивана Мазепы вызвали множество различных легенд. Вот некоторые из них. Первая: Мазепа умер от неизвестной болезни, напоминающей сифилис, а на смертном одре страдал от вшей, которые ничем нельзя было вывести и которые буквально заедали его. Вторая: его отравили наймиты Петра I. И наконец, согласно третьей, инсценировав свою смерть и даже похороны, Мазепа тайно перебрался в Киев, принял иночество и в покаянии закончил свою жизнь, замаливая грехи.

Что касается погребения, то Мазепу похоронили в церкви Св. Юрия в румынском городе Галац. Но янычары в поисках золота отрыли труп гетмана, сорвали с него одежды и бросили в Дунай. Позже верные Мазепе люди нашли его тело и вновь захоронили.

Что ж, надо прожить поистине необыкновенную жизнь, чтобы даже своей смертью суметь озадачить потомков.

Франклин Бенджамин



(род. в 1706 г. — ум. в 1790 г.)

Американский философ, ученый, политик, отдавший много сил не только науке, но и любовным увлечениям.

По давней исторической традиции некоторые американские биографы одного из «отцов-основателей» Соединенных Штатов Америки Бенджамина Франклина считают, что большинство его любовных увлечений строились на весьма платонических чувствах. Однако так не думают европейцы, в частности французские исследователи, которые отмечают прочную репутацию великого американца как ценителя и знатока женщин,

сохранившего немалую сексуальную энергию до глубокой старости. Сыграли свою роль и отменное здоровье

Франклина, полученное по наследству от родителей, и желание доказать свою состоятельность во многих областях деятельности — науке, бизнесе, литературе, политике. И разумеется, в интимной сфере, которой он очень интересовался, особенно в молодые годы.

Да и женщины почти всегда отвечали взаимностью на ухаживания остроумного, жизнерадостного Франклина, привлекавшего к себе внимание не столько внешностью, сколько уважительным отношением к независимым взглядам своих прекрасных собеседниц. К такому поведению его приучила сама жизнь — насыщенная и бурная.

Бенджамин Франклин родился 17 января 1706 г. в г. Бостоне. Его отец Джозайа Франклин содержал многочисленную семью и занимался не очень приятным, но зато прибыльным ремеслом: его небольшая мыловаренная мастерская поставляла на бостонский рынок мыло и сальные свечи. Мать Бенджамина, Абиа Фолгер, была второй женой Джозайи, а всего в семье было семнадцать детей.

Даже при самых скромных потребностях прокормить такое семейство было нелегко. Поэтому Франклин-отец трудился не покладая рук и приобщал к профессии старших сыновей. А девочки с семи лет становились помощницами матери. Все домочадцы носили самую простую одежду и были приучены к умеренности в еде и экономии на всем, на чем только можно сэкономить. Видимо, такой образ жизни и вдохновил уже зрелого Бенджамина на целый ряд блестящих афоризмов о бережливости, типа: «Прежде чем советоваться с прихотью, посоветуйся со своим кошельком» или «Легче подавить в себе первое желание, чем удовлетворить все последующие».

Дети росли физически крепкими, веселыми и здоровыми. Бен, как называли юного Франклина, еще в раннем детстве научился прекрасно плавать, был отличным гребцом. Отменное здоровье, унаследованное от родителей, он сохранил до глубокой старости.

Из-за скудных средств отец не мог дать Бену хорошее образование, хотя мальчик отличался незаурядными способностями и тягой к знаниям. Учеба ограничилась двумя годами грамматической школы, после чего Бен вынужден был стать помощником отца в свечном и мыловаренном деле. Но Джозайа видел, что оно сыну не по душе, а потому познакомил его с бостонскими ремесленниками, которые научили подростка работе в кузнице и на токарном станке, а также обжигу кирпича.

Владение этими ремеслами очень пригодилось Франклину позже — во время научных исследований, при которых все оборудование он изготавливал собственными руками.

Читать Бенджамин научился еще в пять лет. Чуть позже он зачитывался «Жизнеописаниями» Плутарха, любил книги, популярно рассказывающие о различных изобретениях и научных опытах. Страсть к чтению определила и дальнейшую судьбу Бена. В конце концов отец пришел к выводу, что есть единственная профессия, которая понравится сыну-книголюбу — печатание книг. Так в 12 лет Франклин стал учеником своего старшего брата Джемса, который, изучив типографское дело в Англии, оборудовал в Бостоне собственную типографию.

Целеустремленность Бена, его готовность пожертвовать всем ради знаний были поистине поразительными. Круг его интересов быстро расширялся. Он теперь читал книги по геометрии, арифметике, риторике, логике, увлекся диалогами Сократа в изложении Платона. Особенно Франклина привлек сократовский метод ведения полемики. Подражая древнегреческому мудрецу, Бен научился так формулировать свои вопросы, что ставил собеседников в тупик. Однако, приобретя опыт в споре, юный полемист вскоре почувствовал что-то неладное в своих победах. Перелом произошел после того, как к нему подошел один из друзей и сказал: «Бен, ты невозможен. Твои мнения носят оскорбительный характер для каждого, кто с тобой не согласен. Они стали обходиться так дорого, что ими уже никто не интересуется». Бенджамин проанализировал свое поведение и сделал правильный вывод. Позже в своей «Автобиографии» он вспоминал: «Теперь я предпочитал говорить „мне кажется“ или „мне думается“, „я бы сказал, что…“, „если я не ошибаюсь“». Вполне возможно, что именно из этих воспоминаний сложился у Франклина другой, не менее точный афоризм: «Опыт — это дорогая школа, но что делать, если для дураков нет другой школы».

Тем временем подходил к концу срок контракта, заключенного между Бенджамином и Джемсом, а заодно и ученичества. 17-летний Франклин стал одним из лучших специалистов в типографском деле. К тому же у него был и опыт литературной работы: несколько его статей на актуальные социально-политические темы имели большой успех у жителей Бостона. К этому времени относится и начало самостоятельного изучения языков. Франклин прекрасно владел французским, испанским, итальянским, хорошо знал латынь.

Получив возможность самостоятельно распоряжаться своей судьбой, Бенджамин покинул родительский дом и уехал в

Филадельфию — один из быстро развивающихся городов Северной Америки. Устроившись в местную типографию, молодой бостонец вскоре стал хорошо зарабатывать, что позволило ему безбедно существовать в новых условиях. В 1730 г. определенным образом упорядочилась и личная жизнь 24-летнего Франклина. Полутора годами раньше, уезжая в Лондон для закупки оборудования, он оставил в Америке невесту, девушку по имени Дебора Рид. Вернувшись на родину, Бенджамин узнал, что она вышла замуж, но крайне неудачно. Почувствовав себя в какой-то мере ответственным за неудавшийся брачный союз, он решил жить с Деборой в гражданском браке. Избранница Бена оказалась хорошей женой, такой же трудолюбивой и бережливой, как он сам. Она охотно помогала мужу в его делах, складывая и сшивая брошюры, скупая льняные полотнища для изготовления бумаги и присматривая за домом. Супруги не держали слуг, их стол был простым, а обстановка самой скромной. «Дебора, — писал один из биографов Франклина, — была статной, яркой женщиной, правда, не очень образованной, а иногда резкой. Она мало интересовалась занятиями мужа и его размышлениями, но была предана ему, бережлива и благоразумна». Преданность и благоразумие Деборы оказали благотворное влияние на Бенджамина, который весьма критически отзывался о своих увлечениях женщинами до женитьбы. «Неукротимые страсти юношеского возраста, — вспоминал прагматичный Франклин, — часто толкали меня на связи с женщинами легкого поведения, что влекло за собой известные расходы, большие неудобства, а также постоянные угрозы моему здоровью, хотя, к величайшему счастью, я избежал этой опасности».

Дебора Рид родила дочь Сару и сына, умершего в четырехлетием возрасте. Она также воспитывала незаконнорожденного сына Франклина, Уильяма, родившегося от связи с женщиной, имя которой осталось неизвестным. Впрочем, Бенджамин и Дебора, несмотря на то что долгие годы состояли в гражданском браке, вместе жили не так уж и много. Дебора очень боялась морских путешествий и отказывалась сопровождать Франклина в его многочисленных поездках по стране и Европе, — а он и не настаивал.

В 1734 г. Франклин познакомился в Бостоне с молодой красивой женщиной по имени Кэтрин Рэй. Вместе они совершили путешествие в дилижансе в Ньюпорт. Что произошло между ними во время этого путешествия, так и осталось их тайной, но до конца жизни Бенджамин поддерживал с Кэтрин тесную связь. Однако на этом любвеобильный Франклин не остановился, попытавшись позже завести небольшую интрижку с Бетти,

двоюродной сестрой Кэтрин, также пригласив ее в путешествие. Но в этом случае он потерпел фиаско.

У Бенджамина была еще одна романтическая связь, не оставшаяся незамеченной друзьями и знакомыми. Одно время Франклин был страстно увлечен красивой вдовой Маргарет Стивенсон, владелицей дома, в котором он жил вместе с Деборой. Их любовные отношения длились несколько лет. Однажды Дебора получила письмо от старого друга Франклина, Уильяма Страхана, который был весьма озабочен тем, что Бенджамин постоянно подвергается «сильному искушению». Возможно, он имел в виду то, что какое-то время и дочь Маргарет, юная Полли, тоже была любовницей Франклина.

Выше уже было сказано о разносторонних дарованиях Франклина, в том числе и литературных. Он писал на самые различные темы. Но один из его опусов заслуживает особого внимания, учитывая тему нашей книги. В 1745 г. 39-летний Франклин написал письмо, в котором высказал ряд своих соображений по поводу сексуальных отношений между мужчиной и женщиной. Это послание со временем стало одним из самых ценных эпистолярных раритетов. Оригинал письма хранился в архивах министерства иностранных дел США и впервые был опубликован лишь в 1926 г. До сих пор неизвестно, написал ли Франклин это письмо для кого-либо из своих друзей или же сочинил его для собственного развлечения. В том случае, если это ответ действительно живущему в то время «другу», то тот, видимо, просил совета у Франклина относительно того, как научиться контролировать свои сексуальные желания. Ответ был лаконичен: «друг» должен был срочно подыскать себе жену, причем он поступит мудро, если выберет не молодую, а более зрелую женщину. Этим советом практичный Франклин не ограничился и подробно, по пунктам обосновал оправданность такого шага. Доказательства он привел следующие:

«1. Зрелые женщины умнее, они больше видели и знают. Они более приятны в качестве собеседников.

2. Когда женщины теряют красоту, они учатся всегда быть примерными. Чтобы сохранить свое влияние на мужчину, они учатся быть ему полезными во всем — оказывать всяческие услуги, быть нежными. Они — лучшие друзья и помощники, если у тебя случилась какая-либо неприятность или ты заболел.

3. Зрелые женщины имеют меньше шансов родить ребенка. А как ты знаешь, рождение нежеланного ребенка вызывает огромное количество проблем и неудобств.

4. Если зрелая женщина решается на интимную связь с другим мужчиной у тебя за спиной, она всегда сделает это с

большим умением и тактом. Зрелая женщина, в отличие от молодой, всегда старается сохранить твою репутацию. Что же касается ее собственной репутации, то в том случае, если о ее связи становится известно, люди всегда постараются понять и простить зрелую женщину (но уж никак не молодую!), которая решила взять под свое покровительство молодого человека с тем, чтобы обучить его хорошим манерам или, например, дать ему несколько ценных советов относительно здоровья и благополучия во время встреч с проститутками.

5. При встречах со зрелыми женщинами ты гораздо меньше грешишь. Если же ты встретил на своем пути юную девственницу и согрешил с ней, ты можешь сделать ее несчастной на всю жизнь.

6. У тебя будет меньше угрызений совести. Ты можешь впоследствии горько сожалеть о том, что сделал молодую девушку несчастной, но ты никогда не будешь раскаиваться в том, что сделал зрелую женщину счастливой.

7. И последнее. Они так признательны потом за все!!!»

Правда, в своих отношениях с женщинами Франклин далеко не всегда придерживался им же определенных правил. Даже в старости он проявлял необычайное пристрастие к любовным приключениям с дамами, которые были гораздо моложе его. Так, в Париже предметом ухаживания 70-летнего Франклина стала 30-летняя очаровательная француженка Брийон де Жуй. Романтичная и музыкально одаренная, она кружила головы многим. Влюбчивый Бенджамин не мог не поддаться ее обаянию. Широкую известность получил в Париже случай, когда Франклин со своим другом играл партию в шахматы возле ванны, в которой нежилась Брийон. Интимных отношений между ней и знаменитым американцем скорее всего не было, но явно не по причине отсутствия желания у восторженного поклонника.

Вообще, парижский период жизни составил особую страницу биографии Бенджамина Франклина. Впервые он посетил столицу Франции в 1767 г. как частное лицо. К этому времени он уже сменил свой скромный костюм на модное платье и даже надел напудренный парик. «Подумайте только, — с иронией писал Франклин друзьям, — какой у меня вид с маленькой косичкой и открытыми ушами». К слову сказать, прибыв во Францию в 1776 г., уже в качестве посла, Франклин полностью отверг французскую моду — теперь он ходил в скромном коричневом кафтане, его длинные волосы были гладко причесаны, а парик заменила шапка из куньего меха. Но популярность заокеанского посла во Франции была так велика, что ему не только простили эксцентричность в одежде, но даже сделали ее образцом для

подражания. Парижские франты отказывались от париков и заказывали у парикмахеров прически «а-ля Франклин». Его бюсты и портреты украшали витрины модных магазинов и кафе, а его барельеф изображали на кольцах, медальонах, тросточках и табакерках.

Кроме вышеупомянутой Брийон де Жуй в Париже Франклин завел близкое знакомство еще с одной прелестной женщиной, Анной Катрин Гельвеций, вдовой известного философа. Именно ей суждено было стать его последней любовью. Франклин даже делал ей предложение, и хотя Анна Катрин не приняла его, их близкие отношения длились до 1785 г. — до его отъезда в Америку, а любовная переписка между ними продолжалась до самой смерти Франклина.

Сексуальная раскованность американского джентльмена нередко вызывала искреннее недоумение окружающих. В анналы его биографии вошел почти анекдотический эпизод, наглядно демонстрирующий пренебрежение знаменитого политика ко всяким условностям. В зрелом возрасте он очень полюбил принимать солнечные ванны, причем делал это полностью обнаженным. Одна из его многолетних пассий Полли Стивенсон по этому поводу говорила: «Он очень любит быть в костюме Адама и нисколько не боится в нем простудиться». Как-то Франклин загорал в своем любимом «костюме» на лужайке перед домом своего друга. Заметив, что к нему приближается служанка с письмом, он поднялся и быстро пошел ей навстречу, поскольку очень ждал этого письма. И был чрезвычайно удивлен, когда женщина, увидев его, в ужасе бросилась бежать прочь. Заскочив в дом, служанка подняла страшный крик, рассказывая всем, что Франклина убили индейцы, а за ней гнался сам вождь краснокожих.

Подобные шутки были вполне в стиле Бенждамина. Можно вспомнить еще одну. В данном случае речь идет об эпитафии, о которой он сам побеспокоился заранее. Вот какой текст желал бы видеть на своем надгробии «отец-основатель» Америки:

БЕНДЖАМИН ФРАНКЛИН
ИЗДАТЕЛЬ
Подобно переплету старой книги,
Лишенной своего содержания,
Заглавия и позолоты,
Покоится здесь его тело На радость червям.
Но само произведение не пропало,
Ибо, сильное верой, оно вновь возродится
В новом,

Лучшем издании,
Проверенном и исправленном автором.

И хотя эта эпитафия осталась лишь в проекте и на могиле Франклина в Филадельфии, где он покоится вместе с женой, лежит простая каменная плита, на которой указаны лишь их имена, сам факт ее существования свидетельствует об огромном заряде оптимизма, который никогда не покидал этого человека. Даже в последний год жизни, будучи прикованным к постели, страдая от нестерпимых болей, вызванных почечно-каменной болезнью, он сохранял бодрость духа и ясность мысли.

Бенджамин Франклин скончался 17 апреля 1790 г. Никогда до этого в Америке никого не хоронили так торжественно и при такой всенародной скорби. В последний путь его провожали тысячи людей, в гавани Филадельфии в знак траура все суда приспустили флаги, а артиллерийская батарея пенсильванской милиции во время погребения отсалютовала своему создателю. Таким был итог земного бытия великого американского философа-просветителя и не менее великого жизнелюба.

Его считают великим писатели-моралисты и изобретатели, философы, ученые и политики, люди, которые признают истинную демократию и свободу высшими ценностями человеческого общества. Франклин вошел в историю, хотя с несколько меньшим триумфом, и как покоритель женских сердец, словно продемонстрировав тем самым жизнеспособность, стойкость и выносливость нарождавшейся американской нации.

Орлов Григорий Григорьевич

(род. в 1734 г. — ум. в 1783 г.)
Фаворит российской императрицы Екатерины II.

Фамилия Орловых, хотя и не особенно знатная, но весьма древняя, стала одной из самых знаменитых в российской истории XVIII века. Глава семейства, Григорий Иванович Орлов, долгие годы тянул солдатскую лямку и в царствование Петра I дослужился до полковника стрелецкого войска. Участвовал в Северной войне и Турецком походе и, как сказано в графских дипломах Орловых, «на всех баталиях за отличную храбрость и за претерпленные раны почтен был от императора Петра Великого

золотой цепью». В царствование Елизаветы Петровны Орлов-старший перешел на гражданскую службу и некоторое время был губернатором в Новгороде. Однако наибольшую славу России и фамилии принесли его сыновья, коих у Григория Ивановича было пятеро, — Иван, Григорий, Алексей, Федор и Владимир.

Дети воспитывались в сухопутном шляхетском кадетском корпусе, где получили лучшее для того времени военное образование. По окончании корпуса братья Орловы освоились в Петербурге, где начали службу в знаменитом Преображенском полку. Это была большая честь, а самое главное, возможность попасть под покровительство государыни Елизаветы Петровны.

Солдаты-преображенцы пользовались особой вольницей. К их услугам были трактиры и питейные дома, вино и карты, бильярд и красавицы. Братья Орловы так легко и естественно вписались в этот быт, в этот новый жизненный ритм, так хорошо освоили незамысловатые пути-дороги от казармы до кабаков и прочих увеселительных заведений, что скоро стали первенствовать в разгульной жизни и сделались постоянными героями устной столичной скандальной хроники.

«Все пятеро, — писал об Орловых историк Тьебо, — были громадного роста и необычайной силы, какую редко встретишь, по крайней мере в Европе. Второй брат, Григорий, был самый красивый; а третий, Алексей, — самый сильный из всех».

А по свидетельству историка В. Ключевского: «Центром, около которого соединялись офицеры, служило целое ядро братьев Орловых, из которых особенно выделялись двое, Григорий и Алексей: силачи, рослые и красивые, ветреные и отчаянно смелые, мастера устраивать по петербургским окраинам попойки и кулачные бои насмерть, они были известны во всех полках как идолы тогдашней гвардейской молодежи».

Григорий Орлов (собственно, благодаря ему Орловы и возвысились) был, пожалуй, самым непутевым и самым добрым из братьев. В гвардии его обожали все: рубаху последнюю снимет и отдаст, не жалея, чтобы выручить человека. А вот Алексей Орлов (имевший прозвище Алехан) был прижимист и дальновиден. Внешне добродушный и ласковый, он никогда не упускал своей выгоды, а прибыль издали чуял. Алехан был самым сильным и дерзким. Ударом палаша отрубал быку голову, одной рукой останавливал за колесо карету, запряженную шестеркой лошадей. Алехан вызывал на кулачный бой десяток гренадеров, бился об заклад — на деньги. Весь в крови, но в ногах стойкий, укладывал наземь десятерых. Если старший Иван не успевал деньги у братьев отнять, то они шли в кабак и пропивали все вместе с такими же, как и они, разгульными подругами.

Как уже говорилось, богатырским сложением и необычайной силой отличались все пятеро братьев Орловых, а Григорий выделялся еще и той красотой, которая удивительным образом сочетается с мужской статью и необыкновенной энергией. Выдвинулся он во время Семилетней войны, когда в сражении при Цорндорфе был тяжело ранен, но не покинул поле боя. Григорий Орлов лично пленил графа Шверина, бывшего адъютантом прусского короля; вместе с пленником был отправлен в Кенигсберг. Там Орлов разбил немало женских сердец, став желанным гостем в домах прусских бюргеров. И впрямь красавцу-гренадеру равных в любви не было, о его неутомимости в постели сплетничало все столичное офицерство.

После возвращения в Петербург Григорий стал адъютантом генерал-фельдцейхмейстера, всесильного графа Петра Шувалова. При знатном вельможе Орлову жилось весьма вольготно. Но в один из дней, после обеда при дворе, Шувалов принес в Артиллерийскую контору огромный ананас со стола царицы, еще не ведая, что этот заморский фрукт, не без помощи ловеласа-адъютанта, словно бомба, взорвет его счастье и благополучие.

Эту экзотическую диковинку граф и сам не съел, и жену не угостил, а велел своему адъютанту отнести княгине Елене Куракиной. Связь княгини с Шуваловым была известна всему Петербургу. В старинных мемуарах отмечалось: «Куракина была слишком опытная дама и всегда гордилась, что имела лук Купидона, постоянно натянутый…»

Елена Куракина осталась довольна не только ананасом, но и Григорием. Таким образом, Шувалов сам толкнул адъютанта в объятия своей возлюбленной.

Попутно Григорий вступил в связь с еще одной знатной дамой, графиней Прасковьей Брюс, ближайшей подругой великой княгини Екатерины, будущей императрицы.

Как-то в ненастный день скучающая великая княгиня обратила внимание на незнакомого офицера. Она даже подумала: «Вот редкая картина: голова Аполлона на торсе Геракла». Чуть позже, встретив свою подругу, графиню Прасковью Брюс, она обратила внимание на то, что та имеет подозрительно блаженный вид. Тогда графиня и не преминула похвастаться Екатерине, что провела поистине счастливую ночь. И назвала имя своего возлюбленного — Григорий Орлов.

Правда, счастье графини длилось недолго. Вскоре она узнала, что Григорий, посещая ее вечером, по утрам ублажает княгиню Куракину. Рассерженная Прасковья Брюс решила открыть глаза Шувалову, рассказав ему о шалостях его адъютанта. Графа настолько потрясло это известие, что он тут же слег, разбитый

параличом, и вскоре скончался.

С тех пор Екатерина и заинтересовалась Григорием Орловым. Причем интерес ее был чисто женский — развращенная эпоха диктовала свои нравы, при которых мужчина становился тем желаннее, чем больше у него было любовниц. Со всем пылом истосковавшейся женщины Екатерина отдалась Григорию, и лишь потом, опомнясь от чувственных наслаждений, сообразила, что популярность Орловых в столичной гвардии может сослужить ей немалую пользу. Более того, она поняла, что нуждается не столько в любовнике, сколько в верных соратниках, имеющих большое влияние в армии.

В конце лета 1761 г. Екатерина ощутила признаки беременности. В положенный срок, боясь вскрикнуть, она родила у себя в покоях сына (будущего графа Бобринского), и ее верный слуга Вася Шкурин, завернув младенца в простыню, будто сверток с бельем, тайком вынес его из дворца. Теперь, освободясь от плода, Екатерина могла действовать более решительно.

События при дворе вскоре последовали с такой быстротой, что любовный роман превратился в политический союз — решающий для Екатерины, для Орловых и для всей России.

Еще более нуждался в Екатерине сам Григорий Орлов. Понятно, что он был не последним человеком при дворе, а как-никак популярным светским кавалером, блестящим боевым офицером, чья отвага проявлялась и в воинском деле, и в любви. Но ему этого было мало. Григорий мечтал о более высоком положении, достичь которого было возможно лишь благодаря тесной связи с претенденткой на престол. Страсть великой княгини могла разом решить все проблемы, удовлетворив честолюбие и создав благодатную почву для собственного возвышения и возвышения всего клана Орловых. Вот почему эту связь необходимо было закрепить более основательно. Видимо, именно тогда Екатерина дала Григорию слово стать его женой после смерти Петра III. Намек Орлову был ясен: кончину императора следовало ускорить.

28 июня 1734 г. произошел дворцовый переворот, во главе которого стояли братья Орловы. Вскоре, тоже не без участия Орловых, а именно Алексея, при загадочных обстоятельствах скончался император Петр III. Путь к трону Екатерине был расчищен. Она щедро отблагодарила Орловых за помощь: братья были возведены в графское достоинство, а Григорий произведен в генерал-майоры и действительные камергеры. Фаворит занял комнаты в Зимнем дворце на первом этаже. Над ним располагались покои императрицы, которые соединялись с нижними тайной винтовой лестницей.

Влияние Григория Орлова на Екатерину после восшествия ее на престол было столь велико, что даже встал вопрос о возможном браке и причислении их незаконнорожденного сына к царской семье. Но молва эта вызвала недовольство гвардейцев, к тому же один из влиятельных вельмож, воспитатель цесаревича Павла, граф Панин доходчиво объяснил Екатерине: «Приказание императрицы для нас закон, но кто же станет повиноваться графине Орловой?»

Став фаворитом, Орлов не изменил своих пристрастий ко всякого рода забавам. Он вообще был натурой увлекающейся. В крещенские морозы, например, забавлялся тем, что заливал емкости водой, оставлял их на улице и радовался, как ребенок, громким ночным взрывам. Он перепортил все ценные шелковые обои в спальне Екатерины, пытаясь извлечь из них электрические искры. Наконец, электричество он сумел обнаружить даже на Екатерине — голубые искры сыпались из ее волос, когда она расчесывала их в темноте, а между простынями ее постели слышалось легкое потрескивание. Екатерина совсем потеряла покой, когда Орлов начал на полигонах испытывать орудия. Он закладывал в них столько пороха, что пушки разносило в куски, прислугу калечило и убивало.

Но Григорию прощалось все. А своей подруге Прасковье Брюс Екатерина не раз жаловалась, что как женщина глубоко несчастна: здоровая красота Орлова ее совсем не утешает, ибо ею пользуется слишком много других женщин.

Это и понятно: их разделяла незримая социальная преграда. Орлов, при всей его неимоверной храбрости, становился труслив перед препятствием, которое стояло между ним, мужчиной, и ею, женщиной, разделявшим их на императрицу и верноподданного. Фаворит хотел бы видеть в Екатерине равную себе и приходил в ярость при мысли, что все считают его приближенным императрицы. Впрочем, обладая ею, Орлов не обманывался: перед ним — императрица, стоящая намного выше его, а потому он, как мужчина, искал забвения в среде женщин, которые стояли на социальной лестнице гораздо ниже его. Отсюда — фрейлины и прачки, отсюда и Прасковья Брюс!

В таком положении, которое по-человечески легко понять, Екатерина для обретения душевного спокойствия избрала самый опасный путь. Муки ревности она предпочитала подавлять не уговорами или упреками, а откупом. Это означало следующее: когда Григорию приглянулась жена Олсуфьева, Екатерина пожаловала своему фавориту тысячу крепостных, только бы тот оставил любовницу в покое. Увлекся Гришенька княжной Гагариной — императрица подарила ему пряжки с бриллиантами,

только чтобы больше не слыхать об этой наглой девке. А когда Орлов обижался на свою Като, та задабривала его собственным портретом с алмазами.

Это была постоянная борьба, но борьба неравная. И у Орлова конечно же было больше сил и нервов для того, чтобы неизменно выигрывать эти мучительные поединки, заканчивавшиеся циничной коммерческой сделкой…

Но изредка между Орловым и Екатериной все же возникали благостные минуты. В такие моменты они одевались попроще, незаметно выскальзывали из дворца и, не узнанные никем, ехали на Васильевский остров — там их встречал Василий Шкурин, бывший лакей, а ныне камердинер.

Шкурин выводил мальчика, и они суетливо засыпали его царскими подарками и сластями. Это был их сын Алексей Григорьевич — граф Бобринский (от названия имения Бобрики), плод их любви.

Иностранные дипломаты пристально следили за романом императрицы с Орловым, гадая между собой — чем все это завершится? Людовик XV исправно получал депеши из Петербурга такого характера: «Орлову недостает только звания императора… Его непринужденность в обращении с императрицей поражает всех, он поставил себя выше правил всякого этикета, позволяя по отношению к своей повелительнице такие чудовищные вольности, которых не могла бы допустить ни одна уважающая себя женщина…»

Екатерина действительно внешне держалась как любовница, потакавшая всем капризам своего любовника. Она писала в Париж мадам Жоффрен: «Когда пришло Ваше последнее письмо, граф Орлов был в моей комнате. Есть одно место в письме, где Вы называете меня деятельной, потому что я работаю над составлением законов и вышиваю шерстями. Он, отъявленный лентяй, хотя очень умный и способный, воскликнул: „Это правда!“ И это первый раз, что я услышала похвалу от него. И ею я обязана Вам, милостивая государыня».

Милости, которыми осыпала императрица своего фаворита, поражали воображение современников. Кроме графского достоинства, Орлову были даны чины генерал-адъютанта, генерал-директора инженеров, генерал-аншефа, генерал-фельдцейхмейстера, иначе говоря — командующего всей русской артиллерией, президента Канцелярии Опекунства иностранных колонистов, начальника всех укреплений. Кроме того, при бесплатной квартире, пропитании и покрытии всех расходов, фаворит получал 10 000 рублей ежемесячно карманных денег, имел десятки тысяч крепостных крестьян, земли, дворцы, дачи.

Похоже, что все годы связи с Григорием Орловым Екатерина пыталась всем представить его таким, каким он никогда не был, да и не мог быть в силу своего мягкого и добродушного характера. Императрица старалась доказать всем (и в первую очередь — Европе), что ее фаворит — не любовник, а главнейший помощник в государственных делах. Иностранным послам она рассказывала сущие небылицы о том, как Орлов помогает ей распутывать самые сложные политические вопросы. А в письмах к мадам Жоффрен она даже уверяла, что при чтении Монтескье фаворит делал столь тонкие замечания, что все только ахали.

Между тем Григорий по-прежнему любил кулачные драки, вольтижировку в манежах, фехтование на шпагах, поднятие непомерных тяжестей и любовные игры со случайными девицами. Разумеется, представлять Орлова только лишь праздным фаворитом-гулякой и развратником было бы большим заблуждением. Став одним из первых сановников государства, Орлов старался восполнить свое образование, в особенности интересовался естественными науками, покровительствовал драматургу Фонвизину, был другом Ломоносова, состоял в переписке с Ж. Ж. Руссо. Григорий Григорьевич стал одним из основателей Вольного Экономического Общества и первым выборным его председателем. Орлова также серьезно интересовал вопрос об улучшении быта крестьян; именно он подсказал Обществу объявленную известную тему: «Полезно ли дарование собственности крестьянам?» Он участвовал в Комиссии по составлению Уложения в качестве депутата от дворян Копорского уезда и был выбран в маршалы комиссии, но отказался от этого звания.

Казалось, привязанность Екатерины к Григорию Орлову никогда не ослабеет. Но ведь известно, что опытные властители всегда интуитивно чувствуют необходимость в политических переменах, и особенно в «кадровых перестановках». От внимания придворных не ускользнуло то, что между Екатериной и ее возлюбленным время от времени начали возникать «небольшие недоразумения», часто переходящие в ссоры. Это были первые трещины, сулившие в будущем более серьезные последствия.

В 1771 г. Екатерине, которая уже начала охладевать к Орлову, представился случай избавиться от фаворита раз и навсегда. Она отправила его в Москву, где в то время свирепствовала чума, чтобы тот утихомирил перепуганный и взбунтовавшийся народ. Никто из ближайшего окружения императрицы не сомневался в том, что вряд ли Орлов возвратится из чумного города в столицу. Это понимала и сама императрица, горячо с ним попрощавшаяся.

Но Орлов заверил всех, что вернется с триумфом. И действительно, в Москве он проявил незаурядное мужество: от чумы не прятался, всюду ходил открыто, с веселым и приветливым лицом. Свой дворец на Вознесенской улице Орлов сразу же по приезде отдал под размещение госпиталя. Затем отправился в тюрьму, где собрал убийц и воров, предложив им убрать из Москвы все трупы, пообещав за это волю. Тюрьма мигом опустела. Удивительно, но вся эта братия не разбежалась, а честно приступила к выполнению очистных работ.

Когда Орлову сообщили, что все служители при больницах умерли, он тут же объявил по Москве, что люди крепостного состояния, кои добровольно пожелают в госпиталях ухаживать за чумными больными, после вольными станут. Жертвуя собой, крепостные таким образом избавлялись от рабства.

По выходе выздоровевших из больницы Орлов давал холостякам по пять рублей, женатым по десять. А тех, «кто добра не понимал и по домам выморочным заразные пожитки грабил», Григорий вешал с удивительной легкостью, будто всю жизнь только этим и занимался.

Постепенно Москва очистилась: от заразы, от покойников, от собак, от кошек, от крыс. Чума отступала, а морозы, ударившие разом, довершили дело. После таких тяжких трудов фаворит императрицы, попутно успев соблазнить еще одну глупую вдову, вконец ошалевшую от внимания к ней столь высокой персоны, умчался обратно в Петербург.

И хотя Екатерина не ожидала увидеть его снова, но расплатилась с ним сполна. Она приказала воздвигнуть в Царском Селе триумфальную арку с надписью: «Орловым от беды избавлена Москва». Тогда же ему был присвоен титул князя. А на берегу Невы построен для фаворита Мраморный дворец, на фронтоне которого императрица велела начертать: «Здание Благодарности». Тогда же Григорий Орлов стал носить княжеский титул (он был князем Священной Римской, то есть Австрийской империи). Однако Екатерина называла своего фаворита и князем, и графом.

Правда, достаточно было Григорию в 1772 г. уехать в качестве полномочного посла на переговоры с турецкими представителями в Фокшаны, как все стремительно изменилось. Екатерина тут же использовала благоприятную для нее ситуацию. При дворе стало известно о появлении нового фаворита. Сначала это был Васильчиков, а после сердце императрицы надолго завоевал сиятельный князь Григорий Потемкин. Как остроумно заметил один историк: «Место фаворита при Екатерине никогда не было пустым, но всегда оставалось потенциально свободным».

Переговоры с турками о заключении мира были сорваны. И главной причиной их срыва стал горячий нрав Орлова. Когда до него дошла весть о том, что в его отсутствие место при императрице занял другой, он тут же покинул Фокшаны и помчался в Петербург. Добраться до столицы Григорий Орлов не успел, ибо навстречу ему был выслан курьер с распоряжением Екатерины отправляться в имение. Ему предлагалось подать в отставку. Вчерашнему некоронованному правителю России был запрещен въезд в Петербург. Его право и обязанность — так звучал приказ Екатерины — выехать подальше от Петербурга «в любую иную местность Российской империи».

Но не таков был Орлов, чтобы сдаться без боя. Остановившись неподалеку от столицы, он негодует, отказывается подчиниться, забрасывает бывшую возлюбленную письмами, умоляя о встрече и, очевидно, надеясь, что при виде его Екатерина не устоит.

Но наступил момент, когда ни об уступках, ни о снисхождении со стороны императрицы речь уже не шла. Теперь ей ничего не стоило сказать: «Григорий Григорьевич Орлов был гений, силен, храбр, решителен, но мягок, как баран, и притом с сердцем курицы». Она и брату бывшего фаворита Алексею Орлову решительно предложила, хотя и за сказочно высокую цену, «все прошедшее придать совершенному забвению».

Начался торг, в результате которого Григорий Орлов получил титул светлейшего князя, огромную пенсию и прочие блага. Ему лишь не разрешалось жить в Петербурге и докучать императрице. Впрочем, примерно через год, когда чувства обоих уже охладели, Екатерина приняла его, и в ноябре 1773 г. бывший фаворит, один из богатейших людей России, преподнес своей императрице знаменитый алмаз «Орлов» — один из самых крупных в мире.

Правда, и после отставки Григорий не угомонился. Он еще немало попортил нервы Екатерине, когда вздумал составить счастье принцессы Луизы, для которой его ухаживания закончились непоправимой девичьей катастрофой. Луиза была сестрой принцессы Вильгельмины Ангальт-Цербстской, невесты царевича Павла. Ландграфиня-мать была смущена, а Екатерину душила запоздалая ревность, и она тут же отправила принцессу Луизу с матерью в Пруссию от греха подальше, щедро одарив на прощание этих знатных особ.

В 1776 г. 43-летний Григорий Орлов преподнес очередной «подарок» Екатерине — он страстно влюбился в одну из ее фрейлин, хорошенькую и грациозную Екатерину Зиновьеву, которая была его двоюродной сестрой. Юная прелестница не отвергла ухаживания такого знатного вельможи как Орлов, и год

спустя они поженились. Но этот брак был расторгнут постановлением Синода согласно закону, по которому брачные отношения не могут иметь место среди особ с близкой степенью родства.

И здесь Екатерина проявила великодушие. Она не только не утвердила постановление Синода, но и наградила графиню своим усыпанным бриллиантами портретом — отличие статс-дамы двора.

Современники не жалели самых восторженных похвал молодой Орловой. Это ей, «романтической графине», по выражению одного из иностранных наблюдателей жизни русского двора, приписывались положенные на музыку, ставшие одним из популярных романсов конца XVIII в. стихи:

Желанья наши совершились,
Чего еще душа желает —
Чтоб ты мне верен был,
Чтобы жену не разлюбил.
Мне всякий край с тобою рай!

А Гаврила Державин посвятил Орловой такие возвышенные строки: «Как ангел красоты, являемый с небес, приятностью лица и разума блистала».

К сожалению, это была почти эпитафия. Счастливый брак Орловых оказался непродолжительным. У молодой княгини были слабые легкие, и с 1780 г. супруги жили за границей, поскольку врачи советовали ей переменить климат на более мягкий. Но болезнь оказалась неизлечимой, и, несмотря на многочисленные консультации знаменитых специалистов, в 1782 г. Екатерина Орлова-Зиновьева скончалась от чахотки в Лозанне.

Григорий Орлов пережил свою жену всего на шесть месяцев. «Тронувшийся в уме», по выражению современников, он вернулся в Москву, чтобы закончить земные дни в своем имении Нескучное на пятидесятом году жизни. Как писал один из очевидцев: «Орлов умирал в ужасном состоянии…»

Подводя итог, можно сказать, что светлейший князь Григорий Григорьевич Орлов испытал на своем веку столько, сколько может испытать только очень русский по духу человек, с его бесшабашной удалью, широтой натуры и душевной щедростью. Это была удивительная жизнь удивительного человека со всеми его нравственными взлетами и падениями, безудержным стремлением быть первым во всем — в ратных подвигах, в дворцовых интригах, в богатстве, славе и любви. Таким Григорий Орлов запечатлелся в истории государства Российского, таким

вошел и в когорту легендарных любовников XVIII века.

Наполеон I

Настоящее имя Наполионе ди Буонапарте (род. в 1769 г. — ум. в 1821 г.)

Французский император, политический деятель и талантливый полководец. Благодаря победоносным войнам значительно расширил территорию империи, поставил в зависимость от Франции большинство государств Западной и Центральной Европы. Проявлял властность не только в государственных делах, но и в отношениях с женщинами.

Ни Жозефина, ни Мария-Луиза Австрийская, ни актриса Веймер, ни графиня Валевская и вообще никто из женщин, с

которыми на своем веку сближался Наполеон, никогда сколько-нибудь заметного влияния на него не только не имели, но и не претендовали на это, понимая эту неукротимую, деспотическую и раздражительную натуру. Он терпеть не мог знаменитую мадам де Сталь еще до того, как разгневался на нее за оппозиционное политическое умонастроение, и возненавидел ее именно за излишний, по его мнению, для женщины политический интерес, за ее претензии на эрудированность и глубокомыслие.

А уж этих качеств, неприличных, по его мнению, для женщин, Наполеон простить не мог. Беспрекословное повиновение и подчинение его воле — вот то необходимейшее качество, без которого женщина для него не существовала. Да и не хватало ему времени в его бурной жизни на то, чтобы много думать о чувствах и длительно предаваться сердечным порывам.

Будущий французский император родился 15 августа 1769 г. в корсиканском городе Аяччо в семье мелкопоместного дворянина Карло-Марии Буонапарте и Летиции Рамолино. Это произошло три месяца спустя после завоевания Корсики французами. Семья была небогата и многодетна, и отец, стремясь дать сыновьям образование за казенный счет, отвез двух старших — Жозефа и Наполеона — в декабре 1778 г. во Францию.

После кратковременного пребывания в коллеже Отена Наполеон сначала был помещен на стипендию в Бриеннское военное училище, где и пробыл пять лет. Потом он учился в Парижской военной школе, которую окончил в 1785 г. по специальности артиллериста, получил звание младшего лейтенанта и был отправлен в полк, расквартированный неподалеку от Лиона.

14 июля 1789 г. взятием Бастилии началась Великая французская революция, которая круто изменила судьбу безвестного артиллерийского офицера. Бедный лейтенант без роду и племени, корсиканец с оливковым цветом лица, писавший и говоривший по-французски с ошибками, пришелец, прозябавший в глухом гарнизоне без связей, знакомств и денег, всего через пять лет стал бригадным генералом и близким другом самого влиятельного комиссара Конвента — Огюстена Робеспьера.

Однажды, весной 1794 г. старший брат Наполеона привел его в дом марсельского негоцианта Клари, где центром притяжения были дочери — Жюли и Дезире. С первого же посещения Наполеон и Дезире нашли общий язык. Сохранившаяся переписка между влюбленными, которым приходилось часто разлучаться, показывает, как быстро развивались их взаимные чувства. В своих письмах он признавался подруге: «Ваше очарование, Ваш

характер незаметно завоевали сердце Вашего возлюбленного». Но в отличие от Дезире, всецело поглощенной любовью — «Люби меня всегда, все остальные несчастья для меня ничто!» — Бонапарта занимало многое другое. Все его помыслы были обращены к будущей войне в Италии. Она должна была приумножить славу Республики, славу ее полководцев, а значит, и его.

В письмах, которыми часто обменивались влюбленные, постоянно присутствовали слова любви и уверения в верности. «Я узнаю в каждом твоем слове мои собственные чувства, мысли… Твой образ запечатлен в моем сердце… Твой на всю жизнь», — писал Наполеон. Эти клятвы в неизменности чувств имели теперь более прочные основания: с весны 1795 г. Дезире и Наполеон были официально объявлены женихом и невестой.

Летом того же года генерал Бонапарт появился в доме Терезии Тальен — одном из наиболее влиятельных парижских политических салонов. Позднее на острове Святой Елены он вспоминал: «Мадам Тальен в то время была поразительно красива; все охотно целовали ей руки и все, что было можно».

В посланиях к своей невесте Бонапарт отзывался о салоне госпожи Тальен в пренебрежительно-равнодушном тоне, лишь слегка поддразнивая ее напоминанием об общепризнанной красоте Терезии. Но цель была достигнута. Дезире Клари была встревожена, с присущим ей даром интуиции она поняла, что из всех сообщаемых женихом новостей небрежные упоминания о мадам Тальен — самые важные.

Дезире волновалась не напрасно, когда к зиме 1795 г. реже стала получать почту от своего жениха, тем более что письма становились все холоднее. Она недоумевала, а разгадка оказалась совсем проста. В доме Тальен Бонапарт познакомился с одной из частых ее посетительниц. Она была уже не первой молодости и, по его собственному признанию, уступала в красоте хозяйке салона, но все-таки с первого взгляда показалась ему обворожительной.

Это была Мари-Жозефина Таше де ла Пажери, в замужестве виконтесса Богарне, вдова генерала, сложившего голову на гильотине в 1794 г. по приговору Революционного трибунала. Креолка с острова Мартиника, живая, быстрая в движениях и речи, умная, много испытавшая за 32 года жизни, она была, как говорили в начале XIX в., «авантюрьеркой» — женщиной смелой, готовой идти на риск. Злые языки приписывали ей много любовников, в том числе и всесильного диктатора Барраса.

По сравнению с простодушной, наивной Дезире новая знакомая казалась Бонапарту необыкновенной женщиной,

воплощением аристократизма. Его житейский опыт был невелик, в особенности в том, что касалось женщин. Жозефине же Наполеон показался неловким, недостаточно легкомысленным, вероятно, ее отпугивала какая-то внутренняя сосредоточенность этого человека, бывшего в ее глазах по годам почти мальчишкой.

Однако оставаться и дальше только вдовой Богарне было уже невозможно. У Жозефины были дети — сын и дочь, их надо было воспитывать, а денег, которые она так любила, не хватало даже на самое необходимое. Брак с революционным генералом прочно страховал бы ее, жену казненного аристократа, от преследований или придирок нового режима.

Жозефина от природы была не глупа, и жизнь приучила ее быстро ориентироваться в обстоятельствах. Ей было нетрудно сообразить, что так пылко увлекшийся ею, нетерпеливый и даже чем-то напугавший ее своею страстностью корсиканец готов к тому, от чего упорно уклонялись ее прежние поклонники, — он был готов на ней жениться. Своей мягкой вкрадчивостью, умением сочувственно слушать речи собеседника Жозефина приворожила Бонапарта. Очарованный, он не без удовлетворения отмечал знатный титул и светский такт красивой любовницы. Он был от нее без ума и торопил скорее вступить в брак.

Бонапарт написал Дезире Клари холодное, жесткое письмо. Оно означало разрыв, и он ничуть не заботился о том, чтобы как-то смягчить силу удара. Наполеон не мог тогда даже предположить, что эта простенькая, наивная провинциалка из Марселя, которую он с легким сердцем бросил плачущей, через какое-то время станет королевой Швеции и Норвегии и переживет его на троне. Когда он, потеряв жену и сына, доживал свой век пленником на затерянном в океане острове, его первая невеста в Стокгольмском королевском дворце стала родоначальницей династии, и ныне царствующей в Швеции.

Бонапарт пренебрег и недовольством матери, несмотря на то, что привык считаться с ее мнением. Он никого и ничего не слушал. 8 марта 1796 г. в особняке мадам Богарне на улице Шантерен он зарегистрировал свой брак с Жозефиной. Причем их брачный контракт был полон сознательных неточностей: ради жены, которая была на шесть лет старше Бонапарта, были неправильно указаны годы рождения «молодых»: Наполеон прибавил себе два года, Жозефина убавила четыре, и разница исчезла.

Но хотя Наполеон и был всецело увлечен захватившим его сильным чувством к женщине, он ни на минуту не забывал о предстоящем ему испытании. Впервые ему было доверено командование армией: победить или погибнуть — среднего быть

не могло. Через три дня после свадьбы он уже мчался на юг, в расположение французской армии.

Следует заметить, что всю итальянскую кампанию Бонапарт совершил, не расставаясь мысленно с Жозефиной. В частых письмах он не переставал умолять ее приехать к нему. Эти послания, полные страстного любовного бреда, свидетельствуют о необузданной, чувственной любви к жене. Он ревновал, болезненно подозревал ее в изменах, опять и опять вспоминал о поцелуях и ласках.

Жозефина не отказывалась ни от одной случайной интрижки и поехала к мужу лишь из-за желания поразвлечься, но отнюдь не гонимая тоской и любовью. Кроме того, шумные победы Бонапарта, популярность его имени, зависимость от него Директории — все это заставляло ее верить в возвышение Наполеона и предстоящее блестящее будущее. Она разъезжала по Италии, ее осыпали подарками, окружали вниманием молодые офицеры.

Возвращение Наполеона из Италии было с восторгом встречено парижанами. Успех похода, а значит, и успех мужа, которого она сразу не могла разгадать, теперь окрылял Жозефину. В осанке, в ее манере держать себя появилось что-то величественное. Казалось, она была рождена для того, чтобы царствовать. Бонапарту это льстило и нравилось. Он все еще находился под обаянием чар своей жены, ее власть над ним была велика. Впрочем, он тоже не был обижен, его постоянно окружало плотное кольцо почитателей и поклонниц: каждый стремился быть представленным самому знаменитому человеку Франции.

Итальянская кампания закончилась триумфом, и Буона-парте тут же убрал из имени и фамилии лишние буквы, чтобы покончить с корсиканским духом. Теперь его мечты простирались к владычеству над Францией, а там, глядишь, и над всем миром.

Соединение тонкого политического расчета и полуфантастического замысла порождало в голове Наполеона план похода в далекий Египет. Больше года он отсутствовал, а Жозефина не теряла времени даром. В Париж из «итальянской» армии она привезла штабного офицера Ипполита Шарля, который стал ее любовником и чиновником для поручений. А кроме того, были непрерывно сменяющиеся романтические забавы, о которых говорил весь Париж.

В самом начале сирийской кампании Наполеон узнал о проделках и недостойном поведении оставшейся во Франции жены. Слухи о Шарле и длинном, приумноженном сплетней списке случайных любовников были нестерпимы самолюбию Бонапарта. Его ярость была беспредельна: он осыпал

проклятиями, солдатской бранью имя, которое еще вчера было самым дорогим.

Чтобы не остаться в долгу перед Жозефиной, он сошелся с Полиной Фуре, молоденькой женой одного из офицеров. Худенькая, мальчишеского сложения, она сумела, облачившись в мужскую одежду, обмануть всех и последовать за мужем в поход. Увы, ее вызывавшая восхищение преданность супругу оказалась не слишком прочной: она не устояла перед льстившим ей своими ухаживаниями Наполеоном. Лейтенанту, мужу Полины, во избежание нежелательных осложнений, было дано срочное поручение во Францию. Но корабль, на котором он отплыл от берегов Египта, был перехвачен англичанами. Всех пленных они задержали, кроме одного — лейтенанта Фуре. Со всей предусмотрительностью они поспешили отправить его назад в Каир.

Прибыв на место, обманутый муж все узнал. Супруги развелись, инцидент был исчерпан. Но эта «маленькая дурочка», как называл Полину Бонапарт, сама по себе его мало занимала. К тому же, как мог он покарать Жозефину, отдаленный тысячами километров от Франции? Поэтому он больше ни с кем не говорил о своей жене. Да и к чему? Долг солдата повелевал ему идти вперед, отбросив личные переживания.

Из Египта в Париж Наполеон прибыл в октябре 1799 г. Было долгое и тяжелое объяснение, покаянные обещания жены. Конечно, он был искренен в желании расстаться с обманувшей его женщиной, но он все еще ее любил и к тому же ясно понимал, что в его положении нежелателен бракоразводный процесс. Дать пищу слухам, что жена ему изменяет, значило отказаться от блестящего будущего. Для парижан, в особенности для парижанок, это было бы хуже проигранного сражения. В конце концов Наполеон помирился с Жозефиной. Не до переустройства личных дел было первому консулу Республики, твердо идущему к французской короне.

Теперь все усилия Жозефины были направлены на то, чтобы роскошью, богатством и великолепием Тюильрийский дворец затмил все дворцы европейских монархий. Теперь здесь был создан двор — двор первого консула. День рождения Наполеона Бонапарта был объявлен национальным праздником. Госпоже Бонапарт были назначены четыре фрейлины, конечно, все они были взяты из старинных аристократических семей. Вместо слов «гражданин» и «гражданка» вернулись обращения «мадам» и «месье». И теперь уже был не гражданин Бонапарт, а Наполеон. Неслыханно: по имени только королей зовут, а этот ловкач играет в республику, но сам заложил новую династию!

Все слабости и недостатки жены стали для Бонапарта очевидны. И все-таки он был к ней бесконечно привязан, она имела над ним какую-то власть. Эта стареющая креолка все еще сохраняла очарование, женственность, грацию; она владела особым даром располагать к себе людей. Со своей ролью первой дамы Франции она справлялась легко и уверенно, так, словно была приучена к ней с детских лет. Она была умна, быстро все схватывала, ее мягкость так контрастировала с угловатостью и резкостью Бонапарта. Она была самым умелым, самым надежным союзником и другом во всех его трудных партиях.

И вдруг в решении самой важной и тонкой задачи Жозефина оказалась против него. Жена была против монархии Бонапарта, как бы она ни называлась. Ее мотивы в своей основе были далеки от каких-либо политических расчетов: она не могла больше иметь детей, у Наполеона не будет наследника и, следовательно, развод неминуем. Понятно, эти доводы не выносились на публичное обсуждение.

Чем больше ширилась слава Бонапарта, чем больше утверждалась его власть и вытекающие отсюда почести и богатство, тем сильнее цеплялась Жозефина за звание жены Наполеона. В то время как он, уже не любя ее, с каждым годом все чаще изменял ей. Они поменялись ролями: равнодушие Жозефины, некогда так мучавшее Наполеона, сменилось безудержной страстью и сценами ревности стареющей женщины. Особенно страшилась она того, что какая-нибудь из многочисленных фавориток, родив сына, займет ее место.

Но Бонапарт сумел умиротворить Жозефину, с которой в 1802 г. он не мог и не хотел расставаться. Он дал ей все требуемые заверения и, чтобы полностью ее успокоить, предложил выдать замуж ее дочь Гортензию за своего младшего брата Луи, а потом усыновить детей от этого союза. Это был изобретательно продуманный вариант политического брака, в котором было учтено все, кроме взаимной склонности сторон. Брак Гортензии и Луи был несчастливым, и супруги вскоре фактически разошлись. Но это случилось позже, а пока Бонапарту удалось преодолеть сопротивление жены задуманным планам.

В мае 1804 г. постановлением сената «правительство Республики доверялось императору, который примет титул императора французов». На серебряных монетах, выпущенных после этого события, было обозначено: «Французская республика. Император Наполеон I». Жозефина стала императрицей, братья Жозеф и Луи — принцами императорского дома. Им полагались теперь собственные дворцы и дворы.

В это время Наполеон продолжал все более отдаляться от

Жозефины и находил утешение в обществе многочисленных любовниц, которые не могли отказать новоиспеченному императору Франции. Сводником выступал его ближайший друг и помощник генерал Дюрок, находившийся рядом со своим хозяином в течение 15 лет. Именно он подбирал и лично доставлял любовниц в спальню, находившуюся рядом с кабинетом императора в Тюильри. Помимо случайных, мимолетных связей были у Наполеона и более продолжительные привязанности. Широкую огласку получили его романы с актрисой «мадемуазель Жорж» (Маргерит Веймер) и фрейлиной Элеонорой Дэнюэль, которая в 1806 г. даже родила от него сына.

Варшавская зима 1807 г. навсегда осталась в памяти Наполеона. После тяжелых переходов по петляющим среди бескрайних лесов вязким дорогам, залитые светом гостиные, звуки полонеза, естественная для полячек французская речь, восхищение, восторженные ожидания. В эту недолгую зиму в его судьбу вошла 19-летняя жена престарелого польского графа Мария Валевская. И 38-летний Наполеон почувствовал, что его могут любить не потому, что он император, а ради него самого.

На балу во дворце Радзивиллов, который давался в его честь, Бонапарт оказывал Валевской всяческие знаки внимания. А после бала написал ей в коротенькой записке, приложенной к великолепному букету цветов: «Я не видел никого, кроме Вас, я не восхищаюсь никем, кроме Вас, никто не может быть желанней, чем Вы. Только быстрый ответ может успокоить нетерпеливый пыл. Н.»

Но Валевская отвергла Наполеона, чем сбила его с толку. Такого с ним еще не случалось. Он чувствовал себя младшим лейтенантом, влюбившимся в первый раз. Он слал любовные записки, томился у себя в покоях, но гордая полячка была непреклонна. Наконец, под напором князя Понятовского и старых польских вельмож Мария сдалась и согласилась присутствовать вместе с мужем на обеде у императора.

Лед был сломан — любовь победила. Она стала взаимной, искренность и пылкость чувств Наполеона передались ей. Марии было теперь так же трудно без Наполеона, как ему — без нее. Они почти не расставались, едва лишь она уезжала от него, он слал ей вдогонку записку: «Я испытываю потребность сказать Вам, насколько Вы мне дороги… Мария, думайте о том, как я Вас люблю и как меня услаждает то, что Вы разделяете мои чувства…» То была не банальная «походная интрижка», не случайная связь, о которой забывают на другой день; то была любовь, постигшая императора и заставившая ради нее позабыть обо всем на свете.

Вести с театра военных действий также требовали сугубого внимания. Дважды он выезжал к армии вместе со «своей польской супругой», как он говорил о любовнице, когда это становилось необходимым. Наполеон надеялся пробыть в Варшаве до весны, но уже в 20-х числах января он спешно выехал в войска, покинув Марию.

Вторая встреча Наполеона и Валевской состоялась в Вене в октябре 1809 г. Этому предшествовало ее письмо, в котором она спрашивала, хочет ли он ее видеть. Наполеон отправил ответ, в котором просил приехать как можно скорее, уверяя ее в полной преданности и любви. Мария Валевская приехала. В один из вечеров она призналась, что ждет от него ребенка.

Вначале Наполеон был счастлив. Какое-то время он даже решил, что это и есть будущий наследник императорской короны, продолжатель династии. Однако счастье оказалось недолгим. Неожиданно пришли мелкие, суетные мысли. Наследник престола, сын чужеземной польской графини — примет ли это французский народ? Не оскорбит ли это чувства французского величия? Логика этих сомнений возвращала Наполеона к тешившей его тщеславие и ставшей уже привычной мысли: только принцесса старейших европейских императорских династий может быть матерью наследника его славы и престола.

Он простился с Валевской торопливо, почти холодно, объяснив наспех, что неотложные государственные дела требуют его возвращения в Париж. О будущем не было сказано ни слова.

Вскоре у Марии родился сын, который вошел в историю под именем графа Валевского, министра иностранных дел Второй империи. Тогда его имя было у многих на устах. Иные даже предсказывали, что это начало восхождения по лестнице славы. Но Наполеон III — племянник великого императора — не склонен был поощрять успехи прямого сына основателя династии. Граф Валевский должен был отойти в сторону. Он затерялся в толпе мелкой придворной знати и в 1868 г. умер.

Наполеон, вернувшись в Париж, сразу позабыл и о сыне, и о женщине, без которой, как ему недавно казалось, нет жизни. По-видимому, он был даже доволен, что не поддался сантиментам и непростительной слабости. Пора было увенчать здание империи блистательным браком с царственной особой из самых знаменитых монархий.

В 1808 г. Наполеон поручил Талейрану довести до сведения русского царя, что он собирается развестись с Жозефиной и просит руки одной из великих княжон, «чтобы укрепить деяния и династию императора новым брачным союзом». Великая княжна Екатерина, единственная достигшая брачного возраста, была не

прочь стать французской императрицей, но Александр I никогда не согласился бы отдать свою любимую сестру на съедение Минотавру. Одна только мысль о том, что русская великая княжна заменит в постели Наполеона потаскушку Жозефину, приводила его в негодование. Поэтому он поспешно обручил Екатерину с мелким немецким князьком герцогом Ольденбургским.

Венский двор, наоборот, с готовностью отозвался на такие же намеки Талейрана. А родословная не очень красивой Марии-Луизы Австрийской вполне устраивала французскую сторону.

Жозефина последнее время уже понимала, что дело идет к разрыву, и все же решающее объяснение для обоих было очень тяжелым. Наполеону пришлось преодолеть немало препятствий формального характера. Чтобы осуществить юридический акт развода, он вынужден был нарушить не только конституционные законы, им же самим и установленные, но и церковные.

1 апреля 1810 г. в Сен-Клу состоялся торжественный акт оформления гражданской свадьбы, а на следующий день в Лувре — церковная церемония. В Париже и во всей империи были большие торжества, но ни народ, ни армия, ни даже послушная во всем элита не одобряли этого брака. Французской императрицей снова стала «австриячка», принцесса из дома Габсбургов. Разве для того была казнена Мария-Антуанетта, чтобы через пятнадцать лет ее племянница, носящая почти то же имя, взошла на французский трон? В этом браке было нечто оскорбительное для французской нации.

Политически «австрийский брак» не дал и не мог дать тех преимуществ, на которые рассчитывал Наполеон. Он не укрепил престижа династии ни внутри страны, ни вне ее. По-видимому, первое время Наполеон был поглощен новой, многое меняющей в его жизни ситуацией. Может быть даже, женившись на юной девушке, начинавший стареть Наполеон почувствовал себя как бы помолодевшим.

Но это длилось недолго. Мария-Луиза была абсолютно равнодушна к мужу. Она беспрекословно выполняла его требования, добросовестно исполняла супружеские обязанности. Но и только. В марте 1811 г. она родила Наполеону сына, получившего трон римского короля. Ее последующее равнодушие к падению императора и измена с каким-то ничтожным Нейпергом были, конечно, не случайны: то было продолжение брака по расчету. После шумно справленной свадьбы и даже после счастливого отцовства Наполеон почувствовал себя еще более одиноким, чем раньше.

Падение Бонапарта произошло в апреле 1814 г., когда он

после поражения в русской кампании подписал договор, сохранявший за ним звание императора и предоставлявший ему в пожизненное владение остров Эльба. Туда он тотчас же и отправился.

Но Наполеон был недоволен: обязательства, принятые по договору в Фонтенбло, не были выполнены. Он был разлучен с женой Марией-Луизой и с сыном. В Париже опасались будущего Наполеона II, и, чтобы сделать невозможным появление на троне продолжателя династии Бонапартов, было решено сына французского императора превратить в австрийского принца. Отца ему должен был заменить дед, император Франц, во дворце которого и воспитывался будущий герцог Рейхштадтский.

В конце мая 1814 г. в возрасте 51 года умерла Жозефина. Кстати, и Наполеон прожил всего 51 год. Когда позже бывший император спросил лечившего ее доктора, чем она болела, какова причина ее смерти, тот ответил: «Горе, тревога, тревога за вас».

Но окончательно великий полководец, государственный деятель, человек необыкновенной судьбы Наполеон Бонапарт сошел с исторической сцены в июле 1815 г. после неудавшейся попытки вернуть власть в результате военного переворота. Шесть лет после этого на затерянном в океане скалистом острове Святой Елены еще теплилась жизнь человека, пережившего свою славу. Это была растянувшаяся на долгие месяцы агония узника, обреченного на медленную смерть. Он умер 5 мая 1821 г. в полном одиночестве.

Александр I

(род. в 1777 г. — ум. в 1825 г.)
Российский император с 1801 г.
Один из самых обаятельных венценосных любовников.

По яркости и блеску правления российский император Александр I был прямым наследником Петра I и Екатерины II. Другими путями, в иных условиях, чем они, но с таким же размахом он сумел расширить, укрепить и прославить Российскую державу. В начале своего царствования Александр был всеми обожаемым монархом. Молодой красавец с обворожительной улыбкой, взявший от XVIII века энциклопедизм,

гуманизм, а также приятную изысканность манер, он умел и хотел пленять. История дала ему такой шанс. Благодаря блестящим победам, одержанным в наполеоновских войнах, Россия неожиданно превратилась из полуазиатского царства в сильнейшую из европейских держав, а ее правитель — Александр, император Всероссийский был признан победителем Наполеона. Какими только хвалебными эпитетами, то льстивыми, то искренними, не осыпали его тогда: Агамемнон, Благословенный, России божество, Царь Царей.

Но всем этим хвалителям и льстецам сложно было понять натуру Александра, целиком состоявшую из противоречий. Он жаждал истины — и не умел быть искренним. Питал отвращение к насилию — и вступил на престол, перешагнув через изуродованный труп отца. Мечтал о всенародном просвещении и еще от царственной бабки своей воспринял правило: «Будьте мягки, человеколюбивы, сострадательны и либеральны», а под конец жизни предоставил полную свободу действий Аракчееву, которого ненавидела вся либеральная Россия.

В юности Александр прошел через искушение стать ангелом-хранителем России: освободить крестьян, установить равенство подданных перед законом. Позже даже вознамерился быть ангелом-хранителем Европы, пытаясь создать братство наций, которое следовало бы христианским заповедям. А закочил тираническим правлением, символом которого во внутренней политике стали военные поселения, а во внешней — Священный союз, вылившийся в инструмент подавления любого сопротивления установленному в Европе порядку.

Таким же Александр был и в любви — противоречивым, непостоянным, самовлюбленным и при этом необыкновенно обаятельным и притягательным.

Черты характера русского царя, в частности та из них, которая именуется «нарциссизмом», сформировались благодаря безграничному влиянию на мальчика его бабки, Екатерины II. Материнский инстинкт Екатерины, не проснувшийся в ней при рождении сына Павла, которого она ненавидела всю жизнь, с неожиданной силой пробудился при появлении на свет первого красавца-внука. Эта вспышка запоздалой материнской нежности привела ее в восторг, и все свои помыслы и чувства императрица сосредоточила на новорожденном. Повитуха только издали показала матери, великой княгине Марии Федоровне, ее первенца, после чего им завладела Екатерина и унесла в свои покои, а с тех пор до самой своей смерти почти не допускала мать к сыну. Имя Александр ему тоже было дано по желанию бабки, чтобы он был столь же великим человеком, как Александр

Македонский, и столь же святым, как Александр Невский.

Поручив внука нянькам, воспитателям, гувернанткам и учителям, Екатерина тем не менее составила для главного надзирателя за его обучением генерал-адъютанта Н. И. Салтыкова «Наставление к воспитанию внуков» в семи главах. В нем она доказывала важность физического и нравственного здоровья, величия души и учтивых манер. Хотя в этих взглядах не было ничего оригинального, Екатерина очень гордилась своей инструкцией, велела сделать с нее десятки копий и дарила лицам, заслужившим ее благосклонность.

Признаки возмужалости у Александра обнаружились уже в 14-летнем возрасте. Об этом есть свидетельство его воспитателя Протасова, который отмечал в своем дневнике: «От некоторого времени замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания, как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошенькими женщинами». Кроме того, наставник подмечал в своем воспитаннике такие черты, как беспечность, беззаботность и жажда удовольствий. Но как бы ни мечтал Александр по ночам о хорошеньких женщинах, встреченных днем, физическое влечение к ним еще не проснулось. Ему хватало и сновидений.

Беспокоясь, как бы не затянулся подростковый возраст внука, Екатерина решила женить 15-летнего юношу. Она посчитала, что только в супружестве к Александру придет настоящее возмужание. Выбор пал на баденскую принцессу Луизу. В октябре 1792 г. тринадцатилетняя Луиза прибыла в Петербург на смотрины. Екатерина с первого взгляда оценила полудетскую грацию и привлекательность юной принцессы. Окружение императрицы тоже разделяло ее восхищение. Одна из придворных дам так описывала избранницу великого князя: «У нее стройный стан, пепельные волосы, локонами ниспадающие на плечи, кожа розовых лепестков, очаровательный рот. Есть что-то невыразимо притягательное и волнующее в мягком и одухотворенном взоре ее голубых миндалевидных глаз, обрамленных черными ресницами и смотрящих на вас из-под черных бровей».

Итак, молодые люди начали изучать, присматриваться и оценивать друг друга. Наконец, с трудом преодолевая застенчивость, Александр написал слова признания своей невесте; она ответила ему в том же духе. А Екатерина умилялась молодыми, считая, что «никогда еще не было более подходящей пары, они прекрасны, как день, полны грации и ума». Находя Александра «замечательным, красивым и добрым», бабка не льстила ему. По единодушному отзыву современников, юный

наследник отличался редким изяществом манер, высоким ростом, стройным станом, тонкими, благородными чертами лица и очаровательной улыбкой.

В мае 1793 г. принцессу крестили по православному обряду и заменили ее протестантское имя Луиза на русское Елизавета Алексеевна. А бракосочетание шестнадцатилетнего Александра и четырнадцатилетней Елизаветы состоялось спустя три месяца, 28 сентября в большой церкви Зимнего дворца.

Вступив в брак, Александр неожиданно ощутил себя совершенно свободным. Ему показалось, что, став супругом, он переступил незримую черту между его зависимостью от воспитателей с обязательными уроками и положением взрослого человека, чья жизнь, как он считал, посвящена только наслаждениям. Великий князь совсем разленился: туалеты, болтовня, игры привлекали его куда больше, чем скучные страницы трудов по истории, юриспруденции или политике.

Юношеский нарциссизм Александра буквально расцвел от восторженных похвал придворных, которыми его осыпали со всех сторон. Тот же Протасов с горечью замечал: «Поведение Александра Павловича не соответствовало моему ожиданию. Он прилепился к детским мелочам, а паче военным, подражал брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Всем таковым непристойностям, сходственным его летам, но не состоянию, была свидетельница супруга».

Протасов огорчался не напрасно. Женившись слишком рано, почти на подростке, Александр не умел ни удовлетворить жену, ни сам получить удовольствие. Она же, романтичная и стыдливая, и вовсе не способна была ответить на его ласки. К тому же будущий император никогда не обладал страстным темпераментом, ибо был слишком влюблен в самого себя. И если он охотно искал общества других женщин, то лишь для того, чтобы в их восхищенных глазах, как в зеркале, любоваться собой, снова и снова убеждаясь в своей неотразимости. Дальше этого его ухаживания не шли. Возвратившись к жене, он признавал, что она нежна, утонченна, умна, прекрасно образованна. Беда была в том, что ее достоинства не обольщали, а охлаждали его.

После смерти Екатерины II на престол взошел Павел I, хотя все знали, что наследником трона императрица желала видеть Александра. Подавляя отвращение, великий князь был вынужден подчиниться воле отца, согласившись выполнять множество его мелких поручений. Занятый службой, он почти все время проводил вне дома, во дворец возвращался измученный, усталый, не выказывая жене ни нежности, ни внимания, которых она так ждала. Поэтому редкие встречи наедине оставляли у обоих лишь

горечь и разочарование.

Елизавета тосковала по настоящей мужской любви, захватывающей страсти, о которой так мечтала в первые дни замужества и которой так и не получила от своего красавца-мужа. Долго ждать не пришлось: утешителем покинутой супруги стал лучший друг Александра, обольстительный князь Адам Чарторыйский. Как ни странно, но самого Александра эта любовная интрига лишь забавляла, и он не только закрывал глаза на любовные шалости жены, но даже помогал влюбленным сблизиться. В течение трех лет великий князь со снисходительностью постороннего зрителя наблюдал за перипетиями этой любовной истории.

Действительно ли Александру была безразлична неверность жены, о которой судачил весь двор, или же он испытывал извращенное наслаждение, деля Елизавету со своим любимцем? Скорее всего, измена жены освобождала его от супружеского долга по отношению к ней, и, пока еще не пользуясь этой свободой, он просто ей радовался.

18 мая 1799 г. Елизавета родила черноволосую и черноглазую девочку Марию. Внешность младенца стала поводом для откровенного злорадства придворных. Тем более что во время крестин император Павел, обращаясь к графине Дивен, показавшей ему новорожденную, заметил сухо: «Мадам, верите ли вы, что у блондинки жены и блондина мужа может родиться ребенок брюнет?» На секунду смешавшись, графиня ответила: «Государь, Бог всемогущ».

Карьера в России окончательно скомпрометировавшего себя Адама Чарторыйского была закончена. По повелению Павла он отправился с дипломатической миссией в Сардинию. А вскоре после отъезда возлюбленного Елизавету постиг новый удар: умерла ее крошечная дочь. Чувствовал себя потерянным и Александр, но больше из-за разлуки с Адамом Чарторыйским, чем из-за смерти ребенка.

Собственно, Александр и Елизавета давно уже не испытывали влечения друг к другу. Их теперь связывала не любовь, а скорее дружба, общие интересы и взаимное доверие.

Восшествие на престол в 1801 г. коренным образом изменило не только общественное положение Александра, но и его личную жизнь. Только теперь он понял, как популярен в народе и как умеет нравиться приближенным, в том числе и женщинам.

Во время коронационных торжеств в Москве, когда он ехал верхом, медленно продвигаясь сквозь толпы народа, люди падали на колени, крестились, целовали его сапоги, величая нового государя: «Наш царь-батюшка», «Наше красное солнышко»…

Знатнейшие фамилии города в честь царя устраивали праздничные приемы, на которых выражали императорской чете благоговейный восторг и верноподданические чувства. Все единодушно восхищались высокой статной фигурой Александра, его красотой, простыми и изящными манерами. Балы не прекращались целую неделю. Ни усталость, ни боль в ногах не могли удержать московских красавиц, и они кружились в хороводе вокруг двадцатичетырехлетнего царя, настоящего «порфироносного ангела».

Александр всегда был чрезвычайно учтив со всеми членами своей семьи, особенно с матерью. А став императором, он изменил и свое отношение к жене, проявляя к ней больше почтительности и внимания. Правда, к любовным приключениям интерес так и не утратил. Он ухаживал за женами двух своих друзей — Строганова и Кочубея, завел мимолетную связь с французской певичкой мадемуазель Шевалье; поддался чарам другой французской актрисы, мадемуазель Жорж; мимоходом влюблялся в мадам де Бахарах, мадам де Креммер, мадам де Северен и мадам де Шварц, чьи мужья закрывали глаза на любовные забавы своих жен с царем.

В довершение всего Александр признался своей красавице-сестре Екатерине Павловне в, по меньшей мере, двусмысленной страсти. У какой же черты остановились брат с сестрой во время нежных встреч наедине? Об этом можно судить из писем. Например, после одного из свиданий Александр писал ей: «Прощайте, очарованье моих очей, владычица моего сердца, светоч века, чудо природы». И в другой раз: «Что поделывает Ваш дорогой носик? Мне так приятно прижиматься к нему и целовать его…», «Если Вы безумица, то самая восхитительная из всех! Я без ума от Вас…», «Ваша любовь необходима для моего счастья, потому что Вы самое красивое создание во всем мире…», «Я безумно люблю Вас!.. Я радуюсь, как одержимый, когда вижу Вас. Примчавшись к Вам, как безумный, я надеюсь насладиться отдыхом в Ваших нежных объятьях».

Но Александру мало и этого кровосмесительного увлечения. Он жаждал воспламенять все женские сердца. «Вы не понимаете прелести любовной игры, — поучал он одного из приближенных. — Вы всегда заходите слишком далеко». И вот наступает момент, когда он сам «зашел слишком далеко», влюбившись в 1802 г. в Марию Нарышкину, жену богатейшего сановника, обер-егермейстера Его Величества Дмитрия Нарышкина.

По общему мнению, дочь польского князя Святополк-Четвертинского Мария Антоновна Нарышкина затмевала всех

придворных красавиц. «Разиня рот, стоял я в театре перед ее ложей и преглупым образом дивился красоте ее, до того совершенной, что она казалась неестественной, невозможной», — вспоминал через много лет один из ее поклонников. «Скажи, что она ангел, — вторил ему генералиссимус М. Кутузов, говоря жене, — и что если я боготворю женщин, то для того только, что она — сего пола; а если б она мужчиной была, тогда бы все женщины были бы мне равнодушны». Правда, за прелестным обликом скрывалась постоянная жажда наслаждений и ум, не обнаруживающий серьезных интересов. Поэтому придворные шутники говорили, что муж Нарышкиной имеет две должности: явную — обер-гофмейстера и тайную — «снисходительного мужа» или «великого мастера масонской ложи рогоносцев».

В отношениях с Александром Мария Нарышкина не претендовала на роль мадам Помпадур, она никогда не докучала царю ни просьбами, ни советами. В ее обществе он отдыхал от государственных дел, расслаблялся и предавался развлечениям. Поскольку Александр по натуре был холоден, то Нарышкину он боготворил за то, что она пробуждала в нем такие порывы страсти, о которых он даже и мечтать не смел. В ее объятиях Александр забывал все: залы императорского дворца, где его неотступно преследовала окровавленная тень отца, убиенного заговорщиками, и жену, которая была рядом с ним в ночь убийства и тем самым была неотделима от его душевных мук.

Все же Александр не совсем оставил Елизавету — он не делал выбор между двумя женщинами, он просто жил двумя, дополняющими друг друга, жизнями. Как и раньше, император почти всегда обедал и ужинал с императрицей, на людях был почтителен и нежен с ней. Он даже время от времени проводил с ней ночь в надежде на то, что Елизавета все-таки подарит ему законного наследника. Но у Елизаветы все еще нет детей, и ей приходится молча страдать, видя, с какой радостью Александр рассказывал придворным о том, что, наконец, забеременела Мария Нарышкина, и терпеть неслыханное унижение: будущая мать сама сообщила императрице о своем «интересном положении».

Поскольку признанная фаворитка всегда была рядом с Александром, то Елизавета уступила нежному чувству к красивому гвардейскому офицеру Алексею Охотникову. Красавец-корнет погиб при таинственных обстоятельствах: неизвестный заколол его кинжалом при выходе из театра. После гибели своего возлюбленного Елизавета откровенно стала предпочитать одиночество. Она полностью смирилась с неверностью Александра и даже горевала вместе с ним, оплакивая смерть его

недавно родившейся дочери от Марии Нарышкиной. Великодушная Елизавета, не в силах видеть мужа страдающим, даже принесла соболезнования его любовнице.

В декабре 1806 г. императрица наконец родила дочь, которую нарекли в честь матери Елизаветой. Чувствуя себя одинокой и никому не нужной, она перенесла всю свою любовь на этого ребенка. Но через пятнадцать месяцев девочка неожиданно умерла от воспаления, вызванного режущимися зубками. «Теперь, — пишет Елизавета матери, — мое сердце очерствело, душа моя мертва». Больше у императрицы детей не было.

А император, прекрасно уживаясь с двумя женщинами — законной женой и фавориткой, тем не менее редко когда пропускал других красивых женщин. Всей Европе был, например, известен его роман с королевой Луизой Прусской, женой короля Фридриха-Вильгельма III. Он познакомился с ней в мае 1802 г., во время своего визита к королевской чете, и сразу же пленился красотой и умом 26-летней королевы. Да и Луиза не скрывала, что для нее русский царь — самое совершенное творение на земле.

Александр с удовольствием увлекся обменом утонченными любезностями, влюбленными взглядами, двусмысленными комплиментами. Но, от души забавляясь этой словесной дуэлью, он вовсе не собирался идти до конца. «Лишь в очень редких случаях, — замечал язвительный Адам Чарторыйский, — добродетели дам, к которым благоволил этот монарх, угрожала реальная опасность». Когда королева становилась слишком пылкой, Александр укрывался за личиной робости или светской учтивости. Он даже, опасаясь ночного вторжения, запирал на ночь дверь своей спальни на два замка.

Но это была напрасная предосторожность, ибо «чаровница», как называл Луизу Александр, оказалась слишком романтичной, чтобы опуститься до плотских желаний. Она наслаждалась сознанием, что увлекла императора, впрочем, так же как и он наслаждался мыслью, что покорил королеву. Платонический роман укреплял их взаимную симпатию. Александр, покорив еще одну «даму сердца», при этом и пальцем не коснувшись ее, в дальнейшем будет поклоняться ей лишь издали. К тому же королева олицетворяла Пруссию со всеми ее соблазнами, и император уже сам не разбирал, какую ведет интригу — политическую или любовную.

Они встретились еще раз в январе 1809 г., когда Луиза посетила Петербург по случаю бракосочетания великой княжны Екатерины и была принята с исключительным блеском. В великосветских гостиных сплетничали: «В этом визите нет

никакой тайны: Луиза приехала спать с императором Александром». Правда, большинство наблюдателей все же не верили этим слухам, хотя всех изумляла чрезмерная роскошь подарков, приготовленных для королевы Луизы: дюжина расшитых жемчугом придворных туалетов, редкой красоты бриллианты… Несомненно, эстет Александр хотел пополнить оскудевший гардероб этой многострадальной королевы, потерявшей все после разгрома своей родины. От пережитых невзгод красота молодой женщины несколько поблекла и хотя она по-прежнему старалась привлечь внимание Александра, тот уже избегал полусентиментальных, полуполитических бесед с этой неугомонной кокеткой. Уезжая из Петербурга, Луиза в прощальном письме написала царю: «Я Вас мысленно обнимаю и прошу верить, что в жизни и смерти я Ваш преданный друг… Все было великолепно в Петербурге, только я слишком редко видела Вас».

Следует заметить, что Александр был из той породы мужчин, которые степенны дома и ветрены за его стенами. Примером тому может быть Венский конгресс, который состоялся в 1814 г. Со дня открытия конгресса Вена превратилась в некую международную ярмарку, куда съехались со всех концов Европы коронованные особы и легкомысленные женщины, дипломаты и мошенники, принцы и торговцы. Передел Европы велся не только за столом переговоров, где яростно схлестывались заинтересованные стороны, но и в светских гостиных. Самые очаровательные женщины пытались, танцуя, болтая или предаваясь любви, выведать что-нибудь у своего партнера. В театральных ложах и альковах, между двумя улыбками или двумя объятиями они буквально соревновались в добывании секретов.

Александр чувствовал себя здесь в своей стихии. На пороге своего сорокалетия он был еще очень красив и утонченно галантен в обращении с дамами, расточая им витиеватые комплименты. То поочередно, то одновременно он увлекался княгиней Габриэль д’Ауэрсперг — «добродетельной красавицей», графиней Каролиной Сеченьи — «кокетливой красавицей», графиней Софи Зичи — «тривиальной красавицей», графиней Эстергази — «удивительной красавицей» и графиней Юлией Зичи — «ослепительной красавицей». К ним добавились две подруги Меттерниха — герцогиня де Саган и княгиня Багратион, вдова героя 1812 г., павшего в Бородинском сражении, а также немалое количество молодых женщин более скромного происхождения.

Одним словом, Александр забавлялся вовсю. Что, кстати, не ускользало от глаз бдительных шпионов, приставленных по приказу австрийского министра полиции к российскому

императору и следящих за каждым его шагом. Так, по свидетельству одного полицейского, «за ужином у Карла Зичи царь Александр и графиня Вбрна спорили, кто переодевается быстрее, мужчина или женщина. Они держали пари и удалились для переодевания в соседние комнаты. Выиграла графиня Вбрна».

Впрочем, вся эта цветистая болтовня и светские игры не имели серьезных последствий. Любитель неуловимых прикосновений, мимолетных влюбленных взглядов и куртуазных намеков, Александр довольствовался лишь легким трепетом чувств и не заходил слишком далеко. Свидетельством тому могут служить те же обильные, но разнообразные донесения полиции: «Княгиня Леопольдина Лихтенштейн больше других светских дам нравится Александру. По этому поводу острят, что он выказывает себя истинно русским человеком, предпочитая женщин холодных, как лед». И еще: «Александр уделяет много внимания графине Софи Зичи и княгине Ауэрсперг. Он много танцует и любезничает с княгиней Лихтенштейн и юной Сеченьи. Обе они убеждены, что поймали его в свои сети; но остальные хорошо понимают, что здесь, как и повсюду, все это для Александра — одно лишь чистое кокетство».

Правда, наблюдательные шпионы отмечали и то, что царь, случается, поздно ночью проскальзывает в особняк княгини Багратион и украдкой выходит оттуда, проведя три часа в обществе своей восхитительной соотечественницы. Некоторые уверяли, что видели императора быстро идущим по темному коридору к комнатам, отведенным двум фрейлинам его супруги.

Но как бы там ни было, после блестящих торжеств в Вене, Штутгарте и Мюнхене Александр почувствовал усталость. Он стал мечтать об уединении, где можно было бы погрузиться в благочестивые размышления. И здесь судьба его свела, как он считал позже, с «ангелом-хранителем», взявшимся указать ему путь к Богу. Это была баронесса Юлия де Крюденер. Дочь лифляндского дворянина старинного рода барона Фитингофа и вдова видного дипломата барона де Крюденера, она провела бурную молодость, исколесила всю Европу, завязала дружеские отношения с французскими литераторами, королевой Гортензией, королевой Луизой. После смерти мужа, потеряв часть состояния, она мало-помалу отдалилась от общества красавцев-офицеров и блестящих дипломатов, до той поры смущавших воображение и будораживших ее чувства, и с возрастом нашла утешение в соблюдении церковных обрядов и религиозной экзальтации. Баронесса страстно увлеклась доктриной Сведенборга и уверовала, что призвана самим Провидением нравственно возродить человечество.

Баронесса Крюденер посетила российского императора в немецком городке Гейльбронн, где разместилась в то время главная квартира русской армии. И Александр сразу поддался ее влиянию. Конечно, царь, обхаживавший стольких красавиц в Вене, не испытывал никакого влечения к новой знакомой, которая представляла собой увядшее создание с неправильными чертами лица, заострившимся носом и покрытой красноватыми пятнами кожей. В этой пятидесятилетней даме он видел не женщину, которую стоило бы обольстить, а пророчицу, сверкающий взгляд которой наполнял его душу сладким ужасом.

В течение трех часов «спасительница» голосом, в котором звучали металлические ноты, обличала раздавленного угрызениями совести государя, намекая при этом и на убийство Павла. Она довела бедного Александра до слез. В конце концов, спохватившись, что зашла слишком далеко, баронесса начала было оправдываться, ссылаясь на Божью волю. Но он успокоил ее и попросил следовать за ним и укреплять его душу назидательными беседами.

Баронесса, причем не одна, а с дочерью, зятем и своим сотрудником, проповедником Эмпейтазом, последовала за

Александром сначала в Гейдельберг, где готовилось решающее сражение между армиями союзников и новой армией Наполеона, затем, уже после победы над Наполеоном, прибыла в Париж. В первое время российский император проводил у нее почти каждый вечер, читал вместе с ней Библию, вел беседы о спасении души или о посетивших ее видениях, смиренно выслушивал какое-нибудь из яростных обличений, тайной которых она владела. Она была бедна и, хоть и пыталась казаться бескорыстной, охотно принимала от русского царя денежную помощь. При этом баронесса растроганно называла его своим «небесным кредитором», а тот уверял, что возле нее чувствует, как приобщается к благодати и проникается духом Христа.

Благочестивая идиллия продолжилась и в Париже, где Крюденерша, как называли ее злые языки, принимала участие в торжествах, устроенных в честь Александра. Она разъезжала в элегантном придворном экипаже, воображала себя героиней праздника и даже настоящей императрицей, чье место рядом с императором, ее мистическим супругом.

Но расставшись с пророчицей в Париже и вернувшись в Россию, Александр совершенно от нее отдалился. Он, по обыкновению, быстро уставал от человека, которым страстно увлекался. И ее письма-заклинания типа: «Великий император, дитя в душе, открою Вам без страха — не продвинуться Вам без меня по пути к Богу, ибо Господь направляет меня…», которыми

она засыпала Александра, хотя и льстили ему, но наводили скуку и остались без ответа.

Так и не дождавшись приглашения в Россию, «спасительница заблудших душ» некоторое время скиталась по Швейцарии и Германии, как всегда, нуждаясь в деньгах. Посеяв везде понемногу слово Божие, она, утратив наконец иллюзии, вернулась на родину в Лифляндию, в свое поместье.

А Александр, в молодости так любивший общество дам, в зрелом возрасте совсем к ним охладел. За годы войны с Наполеоном он отдалился от любовницы, прекрасной Марии Нарышкиной. Та же, в свою очередь, много путешествовала по России и Европе, пережила за это время немало любовных приключений. Возвратившись в Петербург в 1818 г., она поняла, что свою власть над Александром полностью утратила. Душевно надломленный, он больше не поддавался обольщениям плоти. Присутствие бывшей фаворитки вызывало у него лишь стесненность и чувство вины. Их связывала только дочь, София Нарышкина. У Александра не было детей от императрицы, и он души не чаял в этом «дитяти адюльтера» — прелестной восемнадцатилетней девушке, изящной и образованной. Но у Софьи была чахотка, и она умерла в июне 1824 г. накануне своей свадьбы с графом Шуваловым. Узнав об этом, Александр буквально обезумел от горя.

Странным образом горе сблизило Александра не с бывшей любовницей, а с женой. Елизавета, как всегда все понимающая, оплакивала вместе с мужем смерть ребенка, которого ему родила другая. Увядшая, исхудавшая, с проступившей на лице сетью красных прожилок, она понимала, что безвозвратно утратила женскую привлекательность, и надеялась удержать Александра лишь душевной чуткостью. «Я знаю, что с моим лицом мне не на что рассчитывать, — говорила она. — Остаток моего кокетства я посвящаю лишь морали».

Действительно, после долгого взаимного отчуждения Александр только возле Елизаветы начал обретать чувство защищенности. Давно угасшую любовь заменила нежность. Супруги часто проводили время вдвоем в Царском Селе. В Зимнем дворце Елизавета, стараясь избежать любопытных взглядов, выбирала укромные коридоры, чтобы незаметно проскользнуть в покои императора. Но влекло их друг к другу вовсе не страстное чувство: они вместе читали Библию, откровенно говорили о семейных делах, обсуждали политические вопросы. Во время этих бесед она была воплощенной мягкостью, он — воплощенной предупредительностью. Елизавета чувствовала себя счастливой и без мужских посягательств

супруга.

К закату своей жизни Александра перестала интересовать и власть. Пережив крах всего, в чем видел свое высокое предназначение, он вернулся к мечте юности: отказаться от трона, удалиться от мира и кончить свои дни в уединении, посвятив себя служению Богу. К концу своего царствования он начал вести жизнь нелюдимого затворника, с облегчением переложив управление огромной страной на зловещего Аракчеева. Подолгу Александр молился перед иконами, от чего на коленях, как свидетельствовал его лечащий врач Тарасов, даже образовывались мозоли.

В июне 1825 г. резко ухудшилось состояние Елизаветы. Врачи полагали, что у нее начала развиваться чахотка, и советовали перевезти ее в теплое место. После долгих совещаний было решено везти царицу на Азовское море, в Таганрог. Александр решил сопровождать жену в этой поездке и только к концу года планировал вернуться в Петербург.

В конце сентября монаршая чета обосновалась в Таганроге. С этого времени супруги как бы заново переживают медовый месяц. Они прогуливаются вдвоем, приветливо отвечая на поклоны прохожих, объезжают в коляске окрестности, останавливаются полюбоваться скифскими курганами или же следят, как неторопливо проходят снаряженные татарами караваны верблюдов. По любому поводу Александр спрашивает жену: «Удобно ли вам? Не надо ли вам чего-нибудь?» Завтракают и обедают они тоже вдвоем, без свиты.

Но такая идиллия продлилась недолго. В октябре в сопровождении приближенных Александр с инспекционной поездкой отправился в Крым. Там он посещает живописные места, любуется крымскими пейзажами и даже говорит: «Я скоро переселюсь в Крым и буду здесь жить как простой смертный. Я отслужил двадцать пять лет, и солдату после этого дают отставку…»

Однако этим мечтам не суждено было сбыться. В начале ноября Александр вернулся из Крыма с сильной простудой, которая перешла в горячку. 1 декабря (по старому стилю — 19 ноября) 1825 г. в возрасте сорока семи лет российский император Александр I скоропостижно скончался. При вскрытии врачи констатировали, что большая часть органов была в превосходном состоянии, а причиной смерти, по мнению некоторых экспертов, скорее всего, стала желчная болезнь, давшая осложнение на мозг.

Елизавета была рядом с Александром до последних минут его жизни. Она же закрыла ему глаза и, сложив платок, подвязала подбородок. Измены, унижение, былое равнодушие — все было

прощено и забыто, и душой Елизаветы владел лишь возвышенный, идеальный образ человека, давно вошедшего в ее жизнь и на закате дней одарившего ее своей нежностью. Она писала своей матери: «Все земные связи между нами порваны… Встретившись детьми, мы шли вместе тридцать два года и вместе пережили все периоды нашей жизни. Мы часто разлучались, но всегда снова обретали друг друга. Наконец нам открылся истинный путь, и мы вкушали сладость нашего союза. И в этот момент его отняли у меня».

29 декабря 1825 г. траурная процессия покинула Таганрог, а императрица осталась в городе, она была слишком слаба и ей было не по силам выдержать такое долгое путешествие. Только в конце февраля 1826 г. тело Александра прибыло в Петербург, а 13 февраля его похоронили в Казанском соборе. Немного времени спустя Елизавета, несмотря на крайнюю слабость, решилась вернуться в Петербург. Но в Келеве, городе в Тульской области, 3 мая 1826 г. она скончалась, пережив всего на полгода своего супруга. 21 июня 1826 г. гроб Елизаветы опустили в склеп и установили рядом с гробом ее венценосного супруга.

Исследователи жизни императора Александра I не раз задавались вопросом: «Любил ли кого-нибудь Александр по-настоящему?» Ведь сколько было у него любовей! Купчихи, актрисы, жены адъютантов, жены станционных смотрителей, королева Луиза Прусская, королева Гортензия… Вот только со многими дело доходило лишь до поцелуев. Возможно, Александр и не мог по-настоящему любить женщин, поскольку ему самому были присущи некоторые женские черты. Недаром же королева Гортензия называла его «Кокеткой», неисправимым щеголем, «который в глазах женщин, как в зеркалах, только самим собой и красуется».

Права ли была королева — судить историкам или психологам. Одно очевидно: ее слова мало проясняют истину. Они лишь прибавляют загадочности к образу одного из самых противоречивых императоров России.

Тито Иосип Броз

Настоящее имя Иосип Броз (род. в 1892 г. — ум. в 1980 г.)

Одна из самых мощных и загадочных личностей XX века. Пожизненный президент Югославии, Председатель Президиума СФРЮ, маршал, трижды Народный герой Югославии и Герой Социалистического Труда. Выступал поборником внеблоковой политики, был одним из лидеров Движения неприсоединения. Известен также своими бесчисленными любовными связями, за что его называли «балканским любовником».

Историки считают, что режим Тито, в отличие от других социалистических стран, держался не на советских танках, а на

собственном авторитете и на крестьянском менталитете его подданных: он был для народа богом, королем и хозяином в одном лице. При жизни Тито сумел обеспечить своей стране такое высокое международное положение и влияние, каких СФРЮ по своему политическому и экономическому потенциалу не заслуживала. А сам маршал, по признанию президента США Никсона, воспринимался на одном уровне с легендарными руководителями стран антигитлеровской коалиции, о чем нынешние политики распавшейся Югославии могут только мечтать.

В своей автобиографической книге «Тито рассказывает», которая была написана через шесть лет после окончания войны, «балканский любовник», как называли его современники, не делал попыток затушевать свои человеческие слабости, такие, например, как нескромность в одежде, известная доля бесшабашности и даже нечестность в отношении денег. И хотя он не афишировал свои бесчисленные любовные связи и своих незаконнорожденных отпрысков, но и не строил из себя добропорядочного семьянина.

«Исполин революционного движения» Иосип Броз, вошедший в историю под партийным псевдонимом Тито, родился 25 мая 1892 г. в селении Кумровец, в Хорватии. Будущий маршал был седьмым ребенком крестьянина-хорвата Франца и словенки Марии. Несмотря на то что семья Броз имела и надел, и свой большой дом, жили они небогато.

Как и сотни тысяч его сверстников, мальчик приучался к труду с раннего детства — пас скот, помогал взрослым в поле. Случалось, бабушка поколачивала его, да так, что даже на закате жизни он вспоминал об этом. Иосип окончил начальную школу, научился слесарить и отправился искать счастья. Работал в Словении, Чехии, Австрии и Германии.

В 1913 г. юноша завербовался в австро-венгерскую армию и принимал участие в боях против своих братьев-сербов. Позже, когда Иосип Броз превратился в «товарища Тито», соратники по партии рекомендовали ему поменьше вспоминать о своем боевом прошлом: все-таки в югославском освободительном движении именно сербы составляли большинство. Воевал Иосип и против русской армии на восточном фронте, и даже был представлен к награде, что в последующем тщательно скрывалось. В апреле 1915 г., во время неожиданной атаки черкесской кавалерии, Иосип Броз был ранен пикой и в бессознательном состоянии попал в плен. Тринадцать месяцев он провел в госпитале в городке Свияжске, а затем оказался в Кунгурском лагере для военнопленных.

После Февральской революции Иосип бежал из лагеря, добрался до Петрограда и даже попал под пулеметный обстрел на одной из улиц столицы. Он намеревался проникнуть в Финляндию, но был задержан и просидел три недели в Петропавловской крепости. Его выслали назад в лагерь, однако по дороге он вновь бежал. После Октябрьской революции Иосип, по официальной версии, вступил в Красную гвардию, а затем «скрывался от банд Колчака в захолустной сибирской деревне».

В своих мемуарах Тито умалчивает о том, как в 1917 г. он, бывший австро-венгерский военнопленный, а ныне красногвардеец встретил в Омске 13-летнюю крестьянскую девушку по имени Пелагея Белоусова и через два года на ней женился. В 1920 г., когда власть большевиков окрепла и в стране восстановилось железнодорожное сообщение, Тито уехал с женой в Петроград, а затем присоединился к группе югославов, следовавших в Штеттин. Проведя полгода в Германии, в октябре 1920 г. они, наконец, добрались до Хорватии.

Ни тогда, ни позже о времени, проведенном на родине мирового пролетариата, Тито распространяться не любил, хотя русский язык выучил. Кстати, кроме русского и родного сербскохорватского он владел немецким, словенским, хуже — чешским, понимал английский и мог даже изъясняться на киргизском языке.

После нескольких неудачных попыток Иосип поступил на работу механиком и, видимо, именно тогда стал членом коммунистической партии. Деятельность компартии в Югославии с 1921 г. была нелегальной, и высокая политическая активность молодого рабочего была по достоинству оценена властями: в конце концов он был арестован.

С ноября 1928 г. по март 1934 г. Тито находился в тюрьме, расположенной в бывшем паулинском монастыре Белых братьев около Загреба, куда он был помещен по приговору суда за «хранение бомб и нелегальной коммунистической литературы». В это время его жена Пелагея вернулась домой в Россию, где полюбила другого мужчину, а сына Жарко бросила, оставив скитаться по детским домам (позже отец разыскал мальчика и забрал к себе). Неверность жены глубоко задела Тито, но в те дни партия косо смотрела на подобные проявления «буржуазных чувств», поэтому свой брак они расторгли по взаимному согласию в Москве в 1936 г.

В 1938 г. Пелагея Белоусова была арестована органами НКВД. К тому времени она вторично вышла замуж. Через два года ее освободили. В 1948 г. после конфликта Сталина и Тито она была снова репрессирована как бывшая жена Генерального секретаря

ЦК КПЮ и приговорена к 10 годам тюремного заключения. Реабилитировали ее в 1957 г. Только в 1966 г. советские власти разрешили Жарко приехать в Москву и увидеть мать. По такому случаю ей даже дали двухкомнатную квартиру в доме № 30 по Староконюшенному переулку. В апреле 1968 г. Пелагея Денисовна умерла от сердечного приступа. Тито поручил югославскому послу в Советском Союзе возложить венок на могилу бывшей супруги от его президентского имени. По утверждению людей, близко знавших вождя, он неохотно вспоминал о своем первом браке.

В марте 1934 г. Иосип вышел на свободу. В Югославии назревали перемены, но он покинул страну и направился в Москву для работы в Исполкоме Коминтерна. В это время он второй раз женился. Его женой стала Люция Боуэр (Иоганна Кениг), немка по национальности, которая осенью 1937 г. по приказу Сталина была арестована «за сотрудничество с гестапо» и сгинула в застенках НКВД. Убедившись в деловых качествах Тито и его верности делу мировой революции, Сталин назначил его на должность Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Югославии и отправил на родину.

Выполняя поручения московского руководства, перед началом Второй мировой войны Тито познакомился с двумя девушками, которых позднее называл своими «гражданскими женами».

Первой «женой» стала красивая замужняя студентка Терта Хас Мацика — словенка австрийского происхождения, которая была на 22 года моложе Иосипа. Член компартии с 1936 г., она была курьером Политбюро ЦК КПЮ, а затем стала личным секретарем генсека. В начале 1941 г. у Терты Хас и Тито родился сын Александр-Мишо.

Весной того же года в Югославии произошел государственный переворот. Новое правительство подписало пакт о дружбе и ненападении с СССР, а днем позже немецкие самолеты засыпали Белград бомбами. Город горел, радио молчало, мародеры грабили магазины. Через границу двинулись немецкие, венгерские, итальянские и болгарские дивизии. Хорваты, составлявшие значительную часть армии Югославии, не собирались умирать за сербского короля, который был вынужден бежать из страны.

Гитлер разделил страну на несколько частей. Участники агрессии отхватили каждый по куску, а на остатках Югославии возникло так называемое Независимое государство Хорватия. Возглавил его фанатик-националист Анте Павелич и его партия усташей. С первого дня существования новой власти католики-

хорваты развернули чудовищный геноцид сербов. Доходило до того, что настоящие оккупанты — немцы и итальянцы — спасали население сербских деревень. Насилие хорватов вызвало ответную народную войну, но коммунисты в ней на первых порах главной роли не играли. Борьбу против усташей начали сторонники изгнанного короля — четники, во главе с полковником Драголюбом Михайловичем.

В оккупированной Югославии разгоралась гражданская война. В это смутное время Тито принял безумное на первый взгляд, но оказавшееся гениально верным решение: с легким стрелковым оружием, почти без боеприпасов его маленькая армия двинулась на запад, в Боснию, в самый центр усташского царства Павелича. Партизан-коммунистов поддержало местное население, в первую очередь потому, что у народа к тому времени уже не было никаких других вождей.

Поздней осенью 1942 г. в штабе партизанской армии Тито, расположенном в городе Бихач, было провозглашено Антифашистское вече народного освобождения Югославии, зародыш будущего правительства страны. Но союзники и даже коммунист Сталин поддерживали только Михайловича. Это было для Тито серьезным ударом.

Совсем иначе относились к партизанам их враги. Командующий немецкими войсками на Балканах фельдмаршал барон фон Вейхс докладывал в ставку, что его противник «сильная, приспособленная к боям в гористой местности, хорошо вооруженная и централизованно управляемая армия». Он считал, что главный враг рейха на Балканах — Иосип Броз Тито. Еще более определенно высказывался рейхсфюрер Гиммлер: «Он наш враг, но мне хотелось бы, чтобы у нас в Германии было десяток таких Тито — лидеров, обладающих огромной решимостью и крепкими нервами…»

Успехи Тито были отмечены не только его врагами. Главное — к нему росло доверие союзников. Летом 1943 г. Уинстон Черчилль направил в Югославию военную миссию. Сталин тоже отказал Михайловичу в поддержке и переключился на коммунистов.

В ноябре Тито присвоили звание маршала. Очевидцы рассказывали, что он сиял от счастья. Его боевая подруга Герта Хас после года пребывания в загребском подполье попала в засаду и была арестована усташами. По счастливой случайности ее удалось спасти буквально за день до расстрела — группу партизан обменяли на захваченных в плен фашистов.

В это время маршал уже состоял в связи со второй «женой» — Даворианкой (Зденкой) Паунович. После своего освобождения

Герта уехала в родную Словению, где до конца войны находилась в партизанском отряде. После победы вернулась к законному мужу и, проживая в Белграде, работала в Институте международной политики и экономики.

Паунович была гражданской женой Тито с 1943 по 1946 гг. Она тоже, как и Герта, была студенткой и годилась ему в дочери. Зденка отличалась редкой красотой, но вместе с тем слыла жуткой эгоисткой и скандалисткой. Поэтому она не пользовалась популярностью у других коммунистических лидеров, отдававших предпочтение первой гражданской жене Тито — храброй и доброй Герте. Маршал же потерял из-за Зденки голову — возможно, из-за ее бьющей ключом сексуальности. И в середины войны, когда Герта была в подполье, он сделал Паунович своей радиотелеграфисткой, секретаршей и любовницей.

Она прошла вместе со своим любовником множество фронтовых дорог, нередко подвергаясь смертельной опасности, но заболела туберкулезом и после безуспешного лечения в СССР вернулась в Белград лишь затем, чтобы вскоре умереть. Тито похоронил ее в саду Белого дворца. Официальные биографы маршала не упоминают о Зденке, нет ее также и на фотографиях военных лет. И все же, по свидетельству современников, «старик» был очень расстроен ее смертью.

Военные действия на территории Югославии завершились уже после 9 мая 1945 г. Остатки немецких сил, пытавшиеся пробиться в Австрию и сдаться американцам, были окружены и буквально раздавлены восьмисоттысячной партизанской армией и ее советскими союзниками.

Можно по-разному оценивать роль Тито в войне, но нельзя не отдать должное его мужеству и организаторским способностям. Иосип Броз — единственный из главнокомандующих Второй мировой войны, начавший войну без собственной регулярной армии, и единственный из главнокомандующих, получивший ранения в боях.

По окончании войны, когда прославленному маршалу было уже за пятьдесят, у него вспыхнуло романтическое чувство к звезде советского кино и театра Татьяне Окуневской. Роман Тито с этой тридцатилетней красавицей долгое время был овеян легендами. Лишь после публикации воспоминаний актрисы и ее интервью журналистам в 90-е гг. стали известны некоторые подробности их отношений. Они познакомились во время гастролей Окуневской с фильмом «Ночь над Белградом» в Югославии. Влюбленный Тито очень красиво ухаживал за очаровательной гостьей, не забыл о ней и после ее возвращения в СССР. «Наши отношения были в высшей степени

романтическими, — рассказывала актриса. — Он замечательно говорил по-русски, и у него было прекрасное чувство юмора. Я вспоминаю его посещение театра… И розы… Целый год на каждый спектакль он присылал из Югославии роскошную корзину черных роз. Восхитительных!»

А потом Тито приехал в Москву и сразу же устроил прием в ресторане гостиницы «Метрополь», на который пригласил Татьяну Окуневскую с мужем, писателем Борисом Горбатовым. Здесь он и сделал ей предложение. Актриса вспоминала о том, как это было: «Мы сидим за столом, звучит музыка, и тут Тито встает и через весь зал идет приглашать меня на танец. Мы кружились в вальсе, я — в бархатном красном платье, он — в расшитом золотом мундире. Я не могла себе представить, что маршал может так блистательно танцевать… Тито мне говорит: „Наконец-то я держу вас в своих объятиях! Я нарочно устроил этот прием. Вы мне непреодолимо нужны, я ни жить, ни существовать без вас не могу… Это уже давно, после того как я увидел вас в „Ночи над Белградом“… Я приглашаю вас на свою родину, в Хорватию. Мы построим вам в Загребе студию, вы будете сниматься в каких угодно фильмах…“ А я ответила: „Не могу уехать из своей страны“».

Отказ Окуневской был продиктован не только патриотической причиной. В это время она была влюблена в помощника Тито, молодого дипломата Поповича. Именно ему маршал поручил от своего имени приносить актрисе цветы, те самые черные розы… Но и Попович недолго оставался победителем в этом любовном треугольнике: роман, поначалу такой счастливый, оказался коротким.

А югославский лидер нашел утешение на государственном поприще. В 1945 г. Тито стал премьер-министром Югославии. Проведя политическую чистку, он начал строительство основ югославского социализма. Оно давалось маршалу с трудом — все его познания в экономике ограничивались теорией Маркса — Ленина — Сталина. Испортились и отношения с Западом — в первую очередь из-за территориальных претензий Югославии к итальянцам. Еще одной серьезной проблемой стала наметившаяся размолвка с СССР.

В 1947 г. под руководством «отца народов» в Москве начало заседать Информбюро коммунистических партий. Сталин собрал этот орган, чтобы проводить единую линию на строительство социализма в большинстве освобожденных советскими войсками стран. Но Тито считал, что ВКП(б) не вправе принимать решения, обязательные для отдельных партий. Он понимал, как много сделал Советский Союз для освобождения его страны от Гитлера,

но еще в 1944 г. заявил: «Прежде всего мы хотим сильной и независимой Югославии, построенной на демократических принципах». И никакое чувство благодарности не могло заставить его отступить.

Сталин же требовал от югославской делегации согласиться на создание федерации Югославии с Болгарией — а ведь сербы в XX в. дважды воевали с болгарами и не могли этого забыть. В 1948 г. Компартия Югославии вышла из Информбюро, отношения с СССР резко ухудшились. Обвинение в «титоизме» стало расхожим аргументом в борьбе с соперниками, «титоисты» пополнили сибирские лагеря. Не было, наверное, газеты или журнала, считавших своим долгом так или иначе задеть Тито. Лучшие советские художники изощрялись в мастерстве, изобретая карикатуры на югославского руководителя. Советские спецслужбы готовили несколько вариантов покушения на Тито, однако Сталин колебался, и приказ на эту акцию так и не был отдан.

Югославия осталась белой вороной соцлагеря и после смерти Сталина. Ни Хрущев, ни Брежнев не смогли заставить упрямца Тито, с 1953 г. — президента Югославии, отказаться от собственных представлений о социализме. А они были далеки от советских канонов. Например, начав после войны коллективизацию земель, югославы обнаружили ее неэффективность и отказались от этой программы. Национализация в промышленности тоже была проведена не полностью, а начиная с 50-х гг. югославские коммунисты стали внедрять систему «социалистического самоуправления». В общем, административно-командная система в Югославии не сложилась, а вот известная доля рыночной экономики присутствовала.

Вторая серьезная размолвка с «большим братом» случилась из-за ввода советских войск в Чехословакию. «Вступление иностранных воинских частей в Чехословакию без приглашения или разрешения со стороны законного правительства, — заявил Тито в августе 1968 г., выступая по Белградскому радио, — вызвало у нас глубокую озабоченность. Таким образом нарушен, попран суверенитет одной из социалистических стран и нанесен серьезный удар силам социализма и прогресса в мире». Это была настоящая оплеуха — единственная от «стран победившего социализма».

В Чехословакию вторглись войска всех стран Варшавского Договора. Для Тито это стало подтверждением того, что его политика неприятия любых блоков была правильной. Югославия стала одной из самых активных участниц Движения неприсоединения, а Тито — явным его лидером. Не случайно

первый Конгресс неприсоединившихся стран заседал в 1961 г. в Белграде.

После окончания войны у Тито были власть, богатство, преданные друзья. Не хватало только молодой и красивой женщины, которая могла бы разделить с ним постель и которую найти было совсем не просто. В годы подпольной деятельности и войны идейные коммунисты мирились с существованием Терты или Зденки, но теперь они требовали, чтобы Тито придерживался принципов морали. Белград не был похож на бериевскую Москву, поэтому звезды местной оперы, с которыми флиртовал Тито, могли отказать ему без всяких для себя последствий. Кроме того, маршала постоянно сопровождала многочисленная охрана, и он не мог ускользнуть на тайное свидание или незаметно привести женщину к себе в спальню.

Таким образом, Тито был вынужден искать подругу среди своего окружения. Выбор пал на «эффектную, красивую, чрезвычайно привлекательную, пышущую здоровьем сербку» майора Йованку Будисавлевич, которая была моложе его на 32 года. Она входила в состав личной охраны Тито и одновременно выполняла роль домоправительницы. Йованке пришлось ждать долгих шесть лет, прежде чем между ней и Тито возникла такая степень близости, которая подтолкнула его к решению сделать ее своей женой. Они поженились в 1952 г. после выписки Тито из клиники, где он был прооперирован по поводу воспаления желчного пузыря.

После свадьбы молодая жена вождя сильно нервничала и стеснялась своего положения, но затем переменилась, и ее стали обвинять в чрезмерном щегольстве, высокомерии и вульгарности. Тем не менее Тито получал удовольствие от супружеской жизни, чего нельзя было сказать о его сыновьях, которые люто ненавидели мачеху. Вполне возможно, что счастье в семейной жизни отчасти определяло приподнятое настроение, в котором пребывал Тито, проводя либеральный курс в экономике, праве, международных отношениях, средствах массовой информации.

В последние годы Тито жил с молодой женой в резиденции на острове Бриони. К услугам состарившегося правителя была яхта, коллекция шикарных автомобилей, десятки костюмов и мундиров и даже токарный станок, на котором он время от времени с удовольствием работал. Он по-прежнему любил путешествовать, но с конца 60-х гг. делал это все реже и реже.

В мае 1974 г. Скупщина избрала Йосипа Броз Тито президентом страны без ограничения срока полномочий, и в том же году он стал председателем Союза Коммунистов Югославии без ограничения срока мандата. Тито был почетным членом всех

югославских академий наук и искусств, почетным доктором множества университетов, первым в Югославии доктором военных наук, кавалером всех высших орденов страны, высшего советского военного ордена «Победа», трижды Народным героем Югославии. Но не стоит думать, что к старости его одолела «звездная болезнь». Писатель Ричард Уэст, долгое время живший в Югославии, считал, что, «законно гордясь своими заслугами, он в то же время никогда не присваивал себе чужих».

Если можно охарактеризовать Тито одним словом, лучше всего к нему подойдет эпитет «живой». Он действительно был поразительно живым человеком, со всеми слабостями и достоинствами. Азартно работал, любил повеселиться, посидеть с друзьями, обожал красивых женщин, знал толк в еде — в общем, любил жизнь так, как умеют это делать нормальные, здоровые люди.

Летом 1977 г. мадам Тито перестала появляться вместе с мужем на официальных и неофициальных мероприятиях. В последний раз жену югославского вождя видели на приеме в честь прибывшего в Белград премьер-министра Норвегии. Она не появилась в аэропорту для проводов норвежского гостя, не сопровождала мужа в его визитах в Советский Союз, Северную Корею и Китай. Поговаривали, что якобы Йованка выступила на стороне генералов-сербов, которые решили сместить престарелого диктатора. Но сам глава Югославии так объяснил иностранным журналистам пропажу жены: «В 85 лет у меня крепкие нервы, но и они не выдержали ее постоянного ворчания».

Тем не менее Йованка была идеальной женой руководителя государства: она не вмешивалась в политику, не стремилась занять высшие должности, обожала бриллианты и меха. Встреча с сербскими генералами, говорят, была первым самостоятельным шагом Йованки Броз. И последним. Ее обвинили в попытке узурпировать власть, встречавшихся с ней военных примерно наказали, а она была отправлена под домашний арест. Больше с мужем она не встречалась, хотя и проживала в его официальной резиденции.

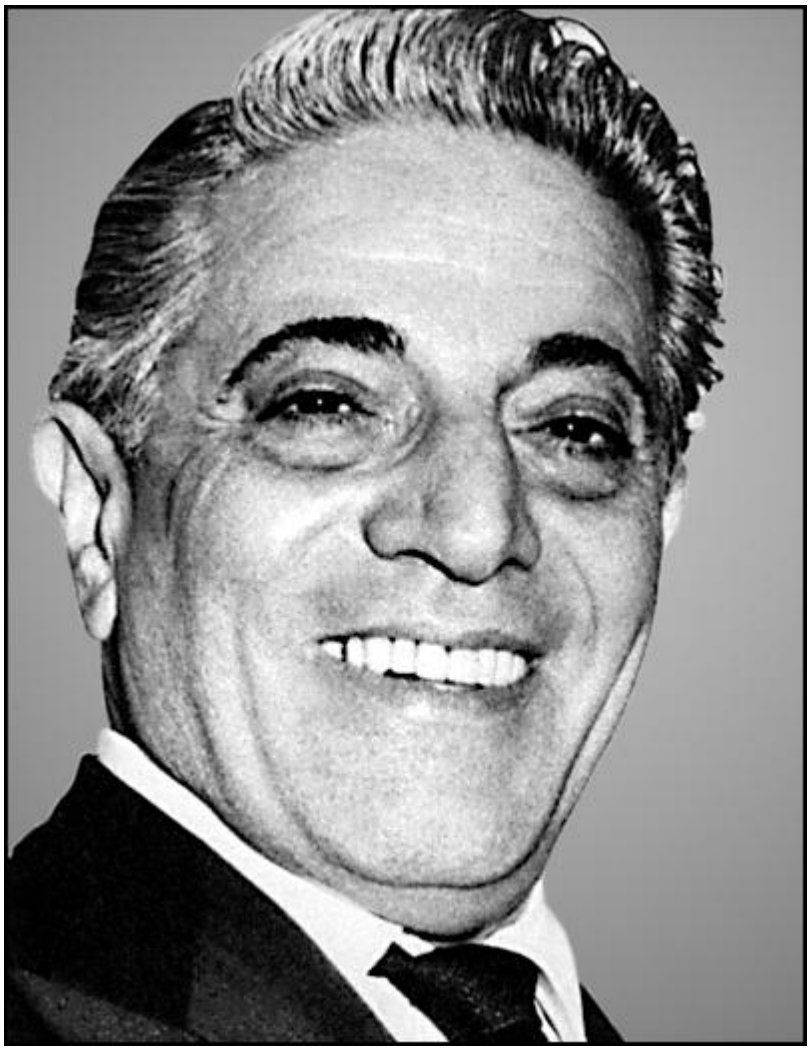
В конце 1979 г. врачи обнаружили у Тито закупорку вен левой ноги, которая могла привести к гангрене. Его положили в госпиталь в Любляне, где хирурги ампутировали ему сначала одну, а затем и другую ногу. Маршала навещали сыновья и Йованка, которая глубоко переживала болезнь мужа. За коммунистом Тито ухаживали католические монахини. Врачам удалось продлить жизнь главы государства до

4 мая 1980 г. Создавалось впечатление, будто вся страна боится его ухода из жизни. На похоронах присутствовали старые

товарищи по оружию, Маргарет Тэтчер, Леонид Брежнев, вице-президент США и многие руководители стран «третьего мира».

Еще десять лет 4 мая в 15 часов 5 минут дату смерти вождя вся Югославия отмечала минутой молчания.

Онассис Аристотель



(род. в 1906 г. — ум. в 1975 г.)

Греческий судовладелец, миллиардер.

Его финансовые успехи были столь же значительными, как и успех у женщин.

Имя одного из самых богатых людей в мире Аристотеля Онассиса еще при жизни было овеяно легендами. Они возникали благодаря и необычайной судьбе греческого миллиардера, и его неординарному характеру, и, безусловно, его бесчисленным любовным романам, о которых знала вся Европа и Америка. Онассис стремился быть первым во всем — в бизнесе, любви,

рекламе собственной жизни, — и почти всегда ему это удавалось.

Знаменитый магнат, международный бизнесмен, создавший огромный флот супертанкеров и грузовых кораблей, родился в 1906 г. Он происходил из состоятельной семьи табачных дилеров, которая вела свои дела в тогда еще греческом городе Смирне (ныне турецкий Измир). В 1922 г. Смирну захватили турки, и семейство Онассисов вынуждено было бежать, потеряв почти все накопленные богатства. В поисках средств к безбедному существованию молодой Аристотель

Онассис отправился в Южную Америку, где очень скоро обнаружил незаурядные способности к коммерции. Говорили, что когда пароход прибыл в Буэнос-Айрес, в его кошельке насчитывалось не более сотни долларов. Около года будущий миллиардер перебивался случайными заработками в порту, пока, наконец, не устроился электриком в аргентинском филиале американской телефонной компании ИТТ.

Первой счастливой сделкой Онассиса был ввоз греческого табака на аргентинский рынок. Спустя некоторое время Аристотель занялся ремонтом купленного им полузатопленного старого танкера. Так началась его карьера судовладельца, его «звездный путь» к вершинам мирового бизнеса. К середине 70-х гг. состояние грека превысило 1,5 млрд долл. Онассису принадлежал тогда мощный торговый флот, в том числе 50 крупнотоннажных судов, включая 15 танкеров, а также исчисляемые сотнями миллионов долларов капиталовложения в компании США и Западной Европы.

Что же помогло Онассису так высоко взлететь? Среди особенностей его характера выделялись поразительная энергия, упорство и удивительная работоспособность. Отличался он и завидным здоровьем. В молодые годы Онассис спал не больше 3–4 часов, отдавая все остальное время работе. Помогли Аристотелю и его склонность к различным авантюрам, риску, неразборчивость в средствах.

Энергия Онассиса поражала современников. Он успевал заключать контракты, следить за прохождением судов, вести сложную бухгалтерию, принимать участие в многочисленных переговорах и в то же время находил время для любви и наслаждений. Тем более что удачливый бизнесмен с удивительной легкостью покорял сердца женщин — от простых рыбачек до звезд первой величины, очарованных магнетизмом его личности. При этом кредо Ари, как называли его друзья, было до цинизма простым: «В постели я не хочу глупых разговоров. Никаких вопросов типа: „Было ли тебе так же хорошо, как и мне?“» Он всегда руководствовался принципом: значение имеет

лишь то, что «приносит мне пользу». И здесь уместно одно замечание. Несмотря на множество любовных связей, серьезные отношения у Онассиса были только с женщинами высшего света, поскольку он, помимо чувственных наслаждений, стремился иметь и практическую выгоду.

Примером этого может служить его кратковременный роман в Буэнос-Айресе с 35-летней примой итальянской оперы Клаудиа Музийо. Став любовником Клаудиа, молодой и предприимчивый Онассис уговорил ее появиться на людях курящей сигареты его производства. А поскольку в 20-е гг. XX в. женщине курить в обществе считалось верхом неприличия, то лучшей рекламы для увеличения спроса на табачную продукцию было и не придумать. Тем более бесплатно!

Очень кстати оказался для Онассиса и роман с дочерью владельца флотилии китобойных судов молодой норвежкой Ингеборг Дедиехен. С ней он познакомился на борту трансатлантического лайнера в 1934 г. Правда, у самой фрекен Дедиехен, успевшей лишиться отца, в то время за душой не было ни кроны, но среди скандинавских судостроителей семья Ингеборг имела большой вес. И ловкому Онассису, который в то время владел несколькими судами и разрабатывал программу строительства собственного танкерного флота, не составило большого труда через нее завязать важные знакомства на судостроительных верфях Скандинавии.

Этот бурный роман продолжался достаточно долго, почти двенадцать лет, но так и не привел к браку. Инга восхищалась Онассисом как любовником, была без ума от его кожи, страстных поцелуев, но вместе с тем познала и дикую южную ревность. Позже она говорила, что он ревновал ее даже к собственной тени. Причем сцены ревности нередко сопровождались побоями. Когда Онассис поднял руку на Ингу в первый раз, она не придала этому серьезного значения и даже восхищалась его профессиональными ударами, не оставлявшими на теле ни малейших следов. Но побои стали повторяться все чаще и чаще, причем и по поводу, и без повода. При этом Онассис признавался своей любовнице, что насилие доставляло ему сексуальное удовольствие. С гордостью говорил он, что у греков это в крови, и приводил даже циничную пословицу: «Кто хорошо бьет — тот хорошо любит».

Жениться на Ингеборг Онассис так и не решился: слишком велика была разница в характерах любовников. Да и неистовая страсть, подкрепляемая побоями, со временем стала надоедать Ингеборг. Кроме того, кто же женится на любовницах?

После разрыва с Ингеборг Дедиехен в одиночестве Онассис оставался недолго, причем даже всерьез задумался о женитьбе.

Его избранницей стала Афина (ее все называли Тина) Ливанос, дочь крупнейшего греческого судовладельца Ставроса Ливаноса. С ней Онассис познакомился в 1943 г. в Нью-Йорке на одном из светских приемов и вскоре сделал ей предложение. Правда, в то время Тине исполнилось всего 14 лет, и Онассису пришлось почти три года ждать, пока подрастет его невеста. Но все-таки он дождался! За это время, кстати, будущий тесть и будущий зять скрупулезно изучили бухгалтерские книги друг друга.

Аристотель Онассис и Афина Ливанос обвенчались в декабре 1946 г. Одним из свадебных подарков невесте от жениха был роскошный браслет с бриллиантами — с монограммой «ТЛ.Ь.У». (Тина. Я люблю тебя). Здесь следует заметить, что Тина была первой из трех великолепных женщин, которым Онассис дарил такие браслеты. Впоследствии по очереди их получили Мария Каллас и Жаклин Кеннеди. Текст на монограмме оставался тот же, менялись только имена.

Для 46-летнего Онассиса эта женитьба была очень выгодной сделкой. В жены ему досталась прелестная девушка, интеллигентная, хорошо воспитанная, из знатной греческой семьи. К тому же Тина являлась богатой наследницей, поскольку состояние ее отца насчитывало почти 1 миллиард долларов. В качестве свадебного подарка Ливанос вручил будущему зятю дарственную на два судна, стоимость которых превышала миллион долларов. Правда, когда дело дошло до оформления документов, выяснилось, что тесть, мягко говоря, схитрил, и вместо двух суден Онассису досталось лишь одно.

Что касается денег, полученных Тиной в приданое, то они была вложены в специально созданную Ливаносом для этой цели «Тина риэлти корпорейшн». Из миллионов, отказанных Ливаносом любимой дочери, молодые супруги получили на руки 446 тысяч долларов — на аренду апартаментов в Нью-Йорке. Остальные деньги компании «Тина риэлти корпорейшн» надежно охранялись различными пунктами контракта от возможных посягательств Онассиса.

Итак, семейная жизнь начиналась вполне благополучно. Юная Тина, влюбленная в своего опытного супруга, восхищалась его обаянием, страстностью, неиссякаемым любовным пылом. Через полтора года после свадьбы у четы Онассисов родился сын Александр, а в 1950 г. — дочь Кристина.

Бизнес тоже складывался как нельзя лучше, и Аристотель уже был в состоянии приобретать то, чего не могли себе позволить даже очень богатые люди. Пожалуй, самым значительным из таких дорогостоящих приобретений была яхта, названная в честь любимой дочери «Кристиной». С 1954 г. эта знаменитая яхта

практически стала для Онассиса и его семьи настоящим домом.

Денег на обустройство и отделку «плавающего дворца» высотой с пятиэтажный дом и длиной в 100 метров Онассис не жалел. Роскошный салон украшали подлинные полотна Эль Греко, бесценные мозаичные картины на древнегреческие сюжеты. В курительной был установлен камин, украшенный лазуритом, а ванные комнаты были отделаны мрамором. Краны системы водоснабжения судна были сделаны из золота, поручни в баре — из слоновой кости, паркет — из ценных пород дерева. На борту имелась даже посадочная площадка для небольшого самолета, который мог взлетать непосредственно с яхты. Многочисленных гостей обслуживало около 40 человек. Разумеется, имелся на яхте и плавательный бассейн, который легко переоборудовался в танцевальную площадку.

На «Кристине» постоянно гостили знаменитости со всего мира. В свое время здесь отдыхали члены королевских семей, голливудские «звезды» (такие, как Грета Гарбо, Мэрилин Монро, Марлен Дитрих, Элизабет Тэйлор, Фрэнк Синатра, Грейс Келли), ведущие европейские политики. Особенно гордился Онассис визитом 80-летнего Уинстона Черчилля, уже удалившегося к тому времени на покой. Собственно, знаменитые гости, как и сама яхта, поддерживали имидж Онассиса как преуспевающего миллионера.

На яхте Онассис предавался и любовным утехам. Этот уверенный в себе, обаятельный, брызжущий энергией грек практически не получал отказов. Лишь однажды Аристотель признал свое поражение: несмотря на все старания, Грета Гарбо осталась непреклонной и не поддалась его чарам.

Брак Онассиса с Тиной длился более десяти лет. Пока не произошло то, чего, вероятно, и следовало ожидать от Онассиса с его неуемной энергией, страстями и амбициями. Имя женщины, которая его надолго покорила — Мария Каллас, всемирно известная оперная певица. Онассис серьезно увлекся ею летом 1959 г. в Венеции, куда отправился вместе с женой на ежегодный бал, даваемый графиней Костельбарко. И хотя всеобщее внимание было приковано к Тине, одетой в роскошное платье, украшенное гирляндой бриллиантов, рубинов и изумрудов, Онассис весь вечер не сводил глаз с Марии. До этого он встречался с ней лишь однажды, тоже в Венеции и тоже на светском рауте.

Позже он говорил, что эти встречи были историческими, «ведь мы были самыми знаменитыми греками в мире».

Восхищенный Марией, Онассис не преминул пригласить певицу и ее мужа Джованни Батиста Менеджини на «Кристину». Мария сначала отказалась, но противостоять настойчивости

Онассиса было трудно. В итоге она дала согласие.

В самом начале этого знаменательного путешествия Онассиса и Марию охватила настоящая любовная лихорадка, причем им не помешало присутствие на борту яхты ни Тины, ни Джованни, который был буквально потрясен и очень обижен. Ведь ради Марии Каллас он, богатый промышленник из Вероны, оставил семью и бизнес, в течение десяти лет был преданным мужем и полностью посвятил себя карьере молодой жены. Несмотря на почти 30-летнюю разницу в возрасте, все считали их брак благополучным. И вдруг на яхте Онассиса Мария так изменилась! Ночи напролет она танцевала с Аристотелем, а позже уединялась с ним в его каюте. Конечно, это был скандал! И супруг Марии настоял на том, чтобы в ближайшем порту они покинули яхту, сели на самолет и возвратились в Милан.

Этот круиз стал роковым для семейной жизни Каллас. Она настолько самозабвенно полюбила Онассиса, что ради него решилась расстаться с мужем, пренебречь светскими условностями. В одном из интервью она заявила о разрыве с супругом, а в ноябре 1959 г. последовал официальный развод.

Возмущенная Тина тоже подала на развод. Правда, к этому времени у супругов уже разладились отношения, свидетельством чему были постоянные скандалы, от которых очень страдали дети. Тина давно чувствовала себя беззащитной и слабой перед сильной, напористой, эгоистичной личностью мужа. Связь Онассиса с Марией как бы подвела итог этому не очень счастливому браку. Бракоразводный процесс знаменитой пары был длительным и скандальным и завершился в ноябре 1960 г. Аристотель оставил жене часть своего многомиллионного состояния, а через полтора года она вышла замуж за английского лорда.

Со стороны могло показаться, что уж теперь честолюбие Онассиса удовлетворено: он обладал знаменитой женщиной, голосом и удивительной красотой которой восхищался весь мир. Но что-то было неладно и в этом любовном союзе, хотя Мария страстно любила Аристотеля. По его желанию она могла почти всю ночь петь для его гостей и в то же время отказывалась от выгодного контракта и спектакля, если Арни этого не хотел! Ей нередко приходилось долгие дни проводить в одиночестве, ожидая вечно занятого сделками возлюбленного. Она переехала в Париж, чтобы «перехватывать» Онассиса во время его постоянных вояжей между Лондоном и Монте-Карло, где находились офисы империи миллиардера. И даже прервала беременность на позднем сроке (в семь месяцев!) только потому, что этого потребовал Онассис. Ради любви она пожертвовала всем, в том

числе и карьерой певицы. «Я не хочу больше петь, — призналась она в одном из своих интервью. — Я хочу жить. Жить, как любая женщина».

Каллас мечтала о браке с Онассисом и однажды даже публично объявила о том, что он состоится. Однако уже на следующий день Онассис назвал это заявление «всего лишь фантазией». Он по-своему любил Марию, она стала второй женщиной, которой он подарил знаменитый бриллиантовый браслет, изменив первую букву Т на М, но о женитьбе на ней и не помышлял. К тому же в его жизни появилась женщина, которая более подходила для роли миссис Онассис. Это была легендарная Жаклин Кеннеди, вдова 35-го президента США. Позже Онассис назвал ее «своим высшим достижением».

Онассис познакомился с Жаклин еще тогда, когда Джон Кеннеди был сенатором. Супруги побывали на «Кристине» в то время, когда там гостил Уинстон Черчилль. Пока политики вели продолжительные беседы, Онассис показывал очаровательной гостье яхту.

Второй раз Жаклин отдыхала на знаменитой яхте в августе 1963 г. В то время она потеряла третьего, недавно родившегося ребенка, и греческий магнат предложил ей немного развеяться и избавиться от депрессии. Джон Кеннеди был отнюдь не в восторге от этого круиза, а потому поставил условие: Жаклин будут сопровождать ее сестра Ли и заместитель госсекретаря по торговле со своей супругой.

Онассис сделал все возможное, чтобы Жаклин чувствовала себя комфортно. К ее услугам были два парикмахера, массажистка, для нее играл оркестр, повара готовили изысканные блюда. Первая леди Америки отдыхала, буквально купаясь в роскоши. Но все испортили публикации на страницах американских газет фотографий Жаклин, прогуливающейся по улочкам Измира или отдыхающей в бикини вместе с Онассисом. Они произвели эффект взорвавшейся бомбы. Под сомнение ставилась благопристойность поведения первой леди!

Разъяренный Кеннеди потребовал, чтобы Жаклин немедленно вернулась домой. Она отказалась, но все же согласилась сопровождать его в предвыборной поездке по Техасу, которая должна была состояться через месяц. В этой роковой поездке 34-летняя Жанклин стала вдовой: президент Кеннеди был застрелен прямо в центре Техаса на глазах у многотысячной толпы. Онассис немедленно вылетел на похороны. С Жаклин он снова встретился спустя год после этих трагических событий, теперь уже в своем доме на Фош-авеню в Париже. Он так старался сохранить в тайне это свидание, что даже отослал слуг и прислуживал за обедом

сам. Затем Аристотель все чаще и чаще навещал ее в Нью-Йорке, иногда они вместе ужинали в ресторанах. И постепенно Джекки начала чувствовать себя в безопасности с этим человеком, обладавшим огромной жизненной энергией. Ей нравилось, что Онассис очень внимателен к ней, необычайно щедр. С ним она могла открыто говорить о своей неудавшейся семейной жизни, о смерти ребенка и об ужасе, который она испытала во время убийства мужа. В мае 1968 г. она уже была готова принять предложение Онассиса выйти за него замуж, но попросила отсрочки до президентских выборов, победу в которых должен был одержать брат ее погибшего мужа Роберт Кеннеди. Роберта она очень любила и принимала активное участие в его избирательной кампании.

5 июня 1968 г. случилась очередная трагедия, поразившая клан Кеннеди. Роберта смертельно ранили в отеле «Амбассадор» в Лос-Анджелесе. Жаклин была в ужасе. «Я ненавижу эту чертову Америку, убивающую своих лучших людей. Когда-нибудь эта страна убьет и меня саму, и моих детей!» — говорила она своей секретарше.

А Онассис, узнав об этом несчастье, не мог скрыть своей радости: «Наконец она свободна от этих Кеннеди!» — воскликнул он.

В конце концов Онассис добился желаемого. 20 октября 1968 г. на острове Скорпиос в Эгейском море состоялось его бракосочетание с Жаклин Кеннеди. Жениху к тому времени уже исполнилось 62 года.

Эту свадьбу вся западная пресса смаковала целый месяц. Со всеми подробностями сообщалось и про «воздушный мост», по которому из Голландии на Скорпиос доставлялись горы тюльпанов; и про армаду судов, день и ночь разгружавших в порту Скорпиоса снедь и ящики с напитками; и про флотилию моторных лодок с репортерами, которые тщетно пытались прорвать кольцо блокады, образованное сторожевыми судами самого Онассиса и кораблями греческого военно-морского флота. Не был обойден вниманием и некий отважный журналист, сумевший обмануть бдительность вертолетчиков, прикрывавших остров с воздуха, и опуститься на парашюте. Покрой фрака жениха, драгоценности на свадебном платье невесты, бриллиантовый браслет с монограммой «J.I.L.Y»; гости, которых удостоили чести присутствовать на «свадьбе века»; и даже расправа с журналистами в Афинском аэропорту, где послушные Онассису полицейские перебили фотокамеры сотням репортеров, примчавшимся освещать прибытие невесты из Нью-Йорка, — все это преподносилось как мировая сенсация.

«Молодые», несмотря на то, что невеста была католичкой, обвенчались по православному обряду. Гостей было немного — самые близкие родственники и деловые партнеры, всего около 30 человек. И конечно, никакой прессы!

Члены семьи Кеннеди эту свадьбу проигнорировали. Роза Кеннеди, мать убитого президента, нашла в себе силы поздравить по телефону бывшую уже теперь невестку, пожелать счастья, но, положив трубку, заплакала. Этель, вдова Роберта Кеннеди, с которой Жаклин была очень дружна, прислала поздравительную телеграмму, но на свадьбу, как и остальные члены семьи, не приехала.

Америка восприняла замужество Жаклин Кеннеди как национальную трагедию. При всем своем демократизме американцы так и не смогли принять такой вопиющий мезальянс. Газеты писали: «Великолепный шедевр упал с пьедестала, и оказалось, что он сделан из плоти и крови. Жаклин больше не мистический символ трагедии нации, она — просто женщина».

И все же, для чего Онассису нужна была блистательная Жаклин? Ради чего он оставил Марию Каллас и настроил против себя своих детей, поскольку Кристина и Александр не желали видеть рядом с отцом другую женщину, кроме их матери?

Пресса прямо заявляла: из тщеславия богатый грек, который владел танкерным флотом, сравнимым с флотом крупной морской державы, и половиной игорного бизнеса в Монте-Карло, купил себе самую знаменитую женщину мира. Действительно, женитьба на Жаклин Кеннеди была лишь выгодной сделкой: Онассис обеспечивал жене финансовую независимость и безопасность ей и ее детям, она же вводила мужа в заоблачный высший свет Америки, так необходимый ему для бизнеса. Их брачный контракт, в котором насчитывалось 170 пунктов, соответствовал лучшим торгашеским канонам. Он скорее напоминал обычное фрахтовое соглашение, по которому судно предоставляется в пользование по колеблющимся в зависимости от сезона расценкам. Вот только несколько примеров. Сразу после свадьбы Жаклин получила 3 миллиона долларов и по одному миллиону было положено на имя ее детей. В случае, если Онассис оставит ее, она получит по 10 миллионов долларов за каждый прожитый совместно год; если же покинутым окажется Онассис (но лишь после пяти лет семейной жизни), то денежная компенсация ей составит 18,75 миллиона долларов. В случае смерти мужа она должна была получать 200 000 долларов ежегодно…

Журналисты со сладострастием расписывали бесчисленные траты новой миссис Онассис, которые ошеломляли обывателей и

поднимали тиражи газет. Жаклин контейнерами скупает обувь и белье, приобретает коллекции одежды лучших кутюрье за баснословные деньги, собольи шубы стоимостью в 60 000 тысяч долларов каждая, уникальные драгоценности, выполненные ювелирами в единственном экземпляре, яхты… Жаклин ездит в «роллс-ройсах», летает на частных самолетах, имеет телохранителей, в ее распоряжении роскошные виллы в Париже, Марокко, Италии — с вышколенным персоналом и безмолвными, хранящими любую тайну секретарями…

Но находя удовольствие в безумных тратах, в присутствии Онассиса счастливой Жаклин себя не чувствовала, скорее, она была чужой ему. Поведение и привычки мужа раздражали и даже угнетали, казались насмешкой над ее изысканным вкусом, сдержанной манерой поведения, непроницаемостью, прячущей ранимость. Онассис был, как говорится, «простым в доску», любил шумное веселье, широкие жесты, был импульсивен, не скрывал своих эмоций. Они с Жаклин были настолько разными, что предпочитали проводить время порознь. Она — в Париже и Нью-Йорке, он — в Греции. Или наоборот.

Позже газеты вопрошали: «Фортуна ли приревновала Аристотеля к его последнему трофею и решила отомстить любимцу? Или Жаклин Кеннеди принесла с собой несчастье?» Как бы там ни было, но начиная с 1969 г. удача, так долго сопровождавшая Онассиса в бизнесе и в любви, вдруг отворачивается от него. Начала рушиться его финансовая империя. Он вынужден был отказаться от эксплуатации трети своего флота и от постройки уже заказанных новых супертанкеров. Кроме того, под угрозой банкротства оказалось и другое его детище — авиакомпания «Олимпик Эйрвэйз».

Какой-то зловещий рок стал преследовать его семью и родственников. В январе 1973 г. в авиакатастрофе погиб сын Александр (он сам сидел за штурвалом), обожавший небо также, как отец — море. За одну ночь после известия о смерти сына Онассис превратился в старика. В том же роковом 1973 году ушла из жизни Тина, его первая жена, как полагали, из-за передозировки наркотиков. Дочь Кристина, ненавидевшая Жаклин, окончательно рассорившись с ней, сбежала из дома и вышла замуж за престарелого ловеласа.

Да и Жаклин, как оказалось, — не тот идеал, какой искал Онассис. Если в начале брака он не видел ничего предосудительного в огромных тратах жены, восхищался ее неотразимой красотой, женственностью и обаянием и благодушно говорил: «Она много страдала, пусть теперь покупает что хочет», то со временем восторги поутихли. По мере роста счетов Онассис

становился все менее щедрым: «Что она делает со всеми этими тряпками? — теперь уже вопрошал он. — Я никогда не видел ее в чем-нибудь, кроме джинсов». Не очень радовали Онассиса и снимки жены в бульварных журналах: как-то папарацци даже запечатлели миссис Кеннеди — Онассис в обнаженном виде.

Но самый сильный удар Жаклин нанесла ему, когда в феврале 1970 г. в американских газетах было опубликовано ее интимное письмо к предыдущему возлюбленному Родзвиллу Гилпатрику, написанное во время медового месяца с Онассисом. «…Я помню все, — писала она, — о чем мы с тобой говорили, дорогой Рос. Думаю, что и ты понимаешь, какое место ты занимал, занимаешь и будешь занимать в моей жизни. Любящая тебя Джекки». Онассис был в бешенстве: «Боже, каким посмешищем я сам себя сделал!»

Разочаровавшись в жене, Онассис даже нанял адвоката, чтобы начать бракоразводный процесс. Но трагическая смерть Александра отодвинула все остальное на задний план. Онассис устал бороться. Из жизнерадостного и энергичного бизнесмена и пылкого любовника он превратился в дряхлого старика, которого одолевали всевозможные хвори. Сломленный болезнями и горем, Аристотель Онассис скончался 15 марта 1975 г. в американском госпитале в Париже, не дожив девяти месяцев до своего 70-летия.

Так закончил свои земные дни человек, жизнь и деяния которого журналисты сравнивали с деяниями настоящего монарха. Правда, сам Онассис говорил, что в том мире, в котором он родился и вырос, есть нечто более важное и существенное, чем скипетр, корона или президентское кресло. И приводил свою любимую заповедь, которой следовал всю жизнь: «Единственное, что принимается сегодня во внимание, — это деньги. Те, кто обладает ими, — настоящие короли наших дней».

Свои миллионы Аристотель Онассис разделил между 24-летней дочерью Кристиной и фондом, учрежденным в память о погибшем в авиакатастрофе сыне. Жаклин в завещании не была даже упомянута. После восемнадцати месяцев упорных переговоров с Кристиной Онассис она получила всего 26 миллионов долларов, согласившись при этом полностью разорвать связи с семьей Онассис.

Сразу после смерти своего второго мужа Жаклин, которую Кристина называла «черной вдовой, приносящей несчастья», сделала официальное заявление: «Аристотель Онассис спас меня в тот момент, когда моя жизнь была погружена во тьму. Он значил очень много для меня. Вместе мы пережили прекрасные моменты, которые я никогда не забуду и за которые я ему вечно признательна».

Оставаясь по-прежнему на виду, Жаклин яростно защищала от назойливой прессы свою частную жизнь, в которой появился известный ювелир, владелец южноафриканских алмазных копей Морис Темпельсман. Бывшая супруга пережила Онассиса на двадцать лет и скончалась ранней весной 1994 г. от рака лимфатических желез, успев дважды стать бабушкой. Но в памяти американцев эта удивительная женщина осталась не как миссис Онассис, а как Жаклин Кеннеди.

А Кристина Онассис, которая сменила нескольких мужей и вела довольно беспорядочный образ жизни, умерла в ноябре 1988 г. Тело дочери греческого магната полицейские нашли в доме ее школьной подруги. Врачи констатировали смерть от инфаркта, но знакомые и друзья Кристины полагают, что она приняла слишком большую дозу наркотиков.

Что касается Марии Каллас, то потрясение от разрыва с Онассисом оказалось настолько сильным для нее, что она потеряла свой великолепный голос. А что могло быть страшнее для такой великой певицы, как она?! Мария с горечью говорила о связи Аристотеля и Жаклин: «Он коллекционирует знаменитых женщин. Он преследовал меня, потому что я знаменита. Теперь он нашел объект, более подходящий его тщеславию, — вдову президента США! А я потеряла все, подобно Медее — героине самой любимой моей оперы, поверив в его Любовь!» Хотя после женитьбы Онассиса они продолжали встречаться, но его предательства она так и не простила. Бульварная пресса сообщала даже о том, что Мария якобы прокляла своего возлюбленного за измену и за смерть их не родившегося ребенка.

Умерла Мария Каллас в конце 1977 г. в возрасте 53 лет. Она закончила свои земные дни, живя в роскошной парижской квартире в полном одиночестве, которое скрашивали только два пуделя. И поскольку Каллас не оставила завещания, то заработанные певицей 12 миллионов долларов по иронии судьбы, но в строгом соответствии с законом, достались людям, которых она любила меньше всего, — матери и мужу.

Последняя из рода Онассисов — дочь Кристины Афина Руссель — в трехлетнем возрасте унаследовала огромную империю деда и вошла в историю как самая юная миллиардерша. Она живет во Франции в семье отца и опекуна бизнесмена Терри Русселя.

На сегодняшний день Афина является самой завидной партией для великосветских охотников за невестами. Самые представительные женихи мира уже давно не обращают внимания на фотомоделей, манекенщиц и прочих красавиц, думая только о том, что 30 января 2003 г. Афине исполнилось 18 лет, и она стала

хозяйкой миллиардного состояния.

Сама же Афина как-то призналась, что, если ей когда-нибудь достанутся дедушкины миллиарды, она сразу же их пожертвует на благотворительные цели, а себе оставит сущую мелочь — миллионов двадцать, чтобы ни от кого не зависеть, и отправится куда-нибудь в сельскую глушь разводить лошадей.

При желании этому можно и поверить. Правда, при одном условии — если только юная Афина не унаследовала неукротимую энергию своей матери и деда.

Пленники греховных наслаждений

Казанова джакомо

Полное имя Джакомо Джироламо Казанова де Сейнгальт (род. в 1725 г. — ум. в 1798 г.)

Венецианский авантюрист международного масштаба, солдат, писатель и тайный агент на службе у французского короля Людовика XV. Автор и герой всемирно известных воспоминаний, отличавшихся предельной откровенностью в описании интимной жизни их создателя. Мемуары принесли ему скандальную известность и сделали его имя синонимом распущенности и плутовства.

О великом итальянском обольстителе женщин Джакомо

Казанове известно всему миру. Но наверняка мало кто знает, что знаменитый авантюрист пробовал свои силы не только на этом поприще. Перед современниками Казанова представал как писатель, переводчик, химик, математик, историк, финансист, юрист, музыкант, алхимик… Главным в его желаниях, безусловно, оставалось чувственное наслаждение. Однако единственным подлинным символом жизни Джакомо стала… игра. Кем же все-таки он был? В разные времена знаменитый авантюрист выдавал себя то за католического священника, то за мусульманина, то за офицера, то за дипломата. В Лондоне он однажды сказал знакомой даме: «Я распутник по профессии, и вы приобрели сегодня дурное знакомство».

О себе же он писал: «Я, Джакомо Казанова, венецианец, по склонностям — ученый, по привычкам — независимый человек и настолько богат, что не нуждаюсь ни в чьей помощи. Путешествую я для удовольствия. В течение моей долгой страдальческой жизни я являюсь жертвой интриг со стороны негодяев». Мемуары же он завершил уверениями, что «жил, как подобает философу», и «умирает, как подобает христианину». Похождения Джакомо дают лучший ответ на вопрос, каким был знаменитый собеседник коронованных особ, узник европейских тюрем и завсегдатай игорных домов и вертепов.

Он пользовался милостями прусского короля Фридриха Великого, интересовавшегося его мнением о делах государственного управления, был советником Штутгартского князя, двору которого прививал французские нравы, обедал у супруги Людовика XV, вел беседы с маркизой де Помпадур. Казанова был знаком с Екатериной II и даже хотел стать личным секретарем императрицы или воспитателем Великого князя. Между тем каждое из деяний знаменитого итальянца становилось лишь очередной авантюрой.

Будущий великий обольститель родился 2 апреля 1725 г. в Светлейшей Республике Венеция в семье актера Гаэтано Казановы и дочери сапожника Дзанетты Фарусси. Впрочем, есть основания полагать, что настоящим отцом Джакомо был владелец театра Сан-Самуэле венецианский патриций Микеле Гримани. «Я не родился дворянином — дворянства я добился сам», — объявил однажды Казанова, для которого вопрос о его происхождении всегда был весьма чувствительным.

Джакомо было 2 года от роду, когда его мать, молодая актриса, отправилась в Лондон. Там она играла в итальянской комедии, стала любовницей принца Уэльского и родила от него ребенка. На этом основании предполагают, что брат Казановы, Франческо, является незаконнорожденным сыном короля Англии

Георга II. Франческо Казанова стал известным художником, автором батальных картин. Это ему Екатерина Великая заказала картину «Битва в Очакове», которая хранится в Эрмитаже. У Казановы были еще два брата и сестра: Джованни — художник, ученик Менгса, директор Дрезденской Академии художеств; Гаэтано — священник и проповедник; Мария Магдалина — танцовщица Дрезденского оперного театра.

Первые девять лет своей жизни Джакомо жил у своей бабушки Марции Фарусси. Его отец умер, когда мальчику было восемь лет.

Два года спустя его мать отправляется в Санкт-Петербург с труппой актеров «Комеди дель арте». А Джакомо посылают в Падую, где он живет в пансионе у доктора Гоцци, который дает ему уроки скрипки и знакомит с науками. Образование Казанова продолжает в Падуанском университете. В 1741 г. он принимает постриг и становится послушником. Затем начинает путешествовать: сначала на Корфу, потом в Константинополь.

В 1743 г. Казанову принимают в духовную семинарию, но вскоре выгоняют оттуда за поведение, не приличествующее духовному лицу. И снова в путь — Анкона, Рим, Неаполь, Калабрия, Неаполь, опять Анкона. В Риме Казанова был принят на службу к кардиналу Аквавива и беседовал с папой Бенедиктом XIV. Обвиненный в соучастии похищения одной девицы, в чем он был абсолютно неповинен, Казанова вынужден покинуть Рим. В Анконе он встречает Терезу-Беллино, молодого певца-кастрата. Его охватывают подозрения, что певец на самом деле — переодетая женщина…

После приключения с Беллино (ее настоящее имя — Анджола Калори — выдающаяся певица, получившая впоследствии всеевропейскую известность) Казанова снял рясу и поступил на военную службу. На острове Корфу он стал адъютантом командующего галеасами Джакомо да Рива. Из Корфу направляется опять в Константинополь. В 1746 г. Казанова возвращается в Венецию и становится рядовым скрипачом в театре Сан-Самуэле. Он играл на свадьбах и вечеринках, даже помогал знаменитому Антонио Вивальди в сочинении ораторий. И обольщал, обольщал…

Ради пары прекрасных глаз несостоявшийся священнослужитель переезжал из города в город. С некоторыми дамами он вел философские беседы, а одной даже подарил целую библиотеку. Казанова спал с аристократками, проститутками, монахинями, с девушками, со своей племянницей, может быть, и со своей дочерью. Но за всю жизнь, кажется, ни одна любовница ни в чем его не упрекнула. Впрочем, любовь была для Казановы

не только жизненной потребностью, но и профессией. Он покупал понравившихся ему девиц (более всего по душе ему были молоденькие худые брюнетки), обучал их любовной науке, светскому обхождению, а потом с большой выгодой для себя уступал другим — финансистам, вельможам, королю. Составление счастья бедных девушек — таким был для Казановы один из постоянных источников дохода.

Весной 1746 г., в одну из темных ночей, Казанова встретил в Венеции человека в красной мантии, который на его глазах уронил письмо. Джакомо поднял и вернул это письмо хозяину. Человеком в мантии оказался венецианский сенатор Маттео Джованни Брагадини. В знак благодарности Брагадини предложил подвезти Казанову на своей гондоле. В пути у сенатора случился удар. Казанова приказал остановить гондолу и разыскал врача. После первой медицинской помощи он доставил больного домой, куда немедленно прибежали двое друзей сенатора — венецианские патриции Марко Дандоло и Марко Барбаро. Казанова понял, что врач неправильно лечит пациента, и принялся за дело сам. Наутро сенатор почувствовал себя превосходно. Так произошло знакомство Казановы с его покровителями.

Венецианские патриции тайно занимались каббалистикой и алхимией. Казанова признался, что сам этим увлекается и что у него есть свой каббалистический метод, хотя он и не совсем уверен в его надежности. Все вместе они взялись проверить — и метод сработал. Брагадини, Барбаро и Дандоло задавали разные вопросы, а оракул давал им именно те ответы, которых они ожидали. Патриции убедились, что молодой Казанова великий чародей.

Трюк со своим собственным каббалистическим методом Казанова применит еще не раз, в особенности в Париже с мадам д'Юрфе, богатой маркизой, которая слепо верила в магические способности Казановы.

Оставив музыкальное поприще, Казанова, пользуясь дружбой и благодеяниями Брагадини, поселился в его доме в качестве названого сына и стал на досуге заниматься магией и предсказаниями. Свой тогдашний образ жизни авантюрист характеризовал в немногих словах: «Я был не беден, одарен приятной и внушительной внешностью, отчаянный игрок, расточитель, краснобай и забияка, не трус, поклонник женского пола, ловкий устранитель соперников, веселый компаньон… Я наживал себе врагов на каждом шагу, но я умел постоять за себя и потому думал, что могу позволить себе все, что угодно».

В Казанове прежде всего покорял его врожденный артистизм,

умение привлечь и мгновенно заинтересовать. Прославленный итальянец блестяще умел, оставаясь самим собой, попеременно и продуманно превращаться то в светского льва, неотразимого пожирателя женских сердец, то в мудрого философа, впитавшего в себя тексты сотен ученых книг, то в многоопытного специалиста по рудному делу и финансам, дающего компетентные советы по этим вопросам, то в видного политика, то в маститого дипломата…

О его внешности современник писал: «Он был бы красив, когда бы не был уродлив: высок, сложен, как Геркулес, лицо смуглое… Он горд, ибо он ничто и не имеет ничего… Богатая фантазия и природная живость, опыт многочисленных путешествий, испробованных профессий, твердость духа и презрение к житейским благам делают его человеком редкостным, интереснейшим для знакомства, достойным уважения и преданной дружбы небольшого числа лиц, снискавших его расположение».

Покровители Казановы сенатор Брагадини и его друзья Барбаро и Дандоло советовали ему на время удалиться из Венеции — они опасались, что государственная инквизиция может обвинить их друга в богохульстве и чернокнижии.

Но в это время разыгрался роман Джакомо с Анриеттой — любовная история, которая вдохновила на создание литературных произведений, среди прочих, английского писателя Ричарда Олдингтона и русскую поэтессу Марину Цветаеву.

Никакая другая женщина не вызывала в душе Казановы таких нежных воспоминаний, как Анриетта, которую он встретил в обществе венгерского офицера в Чезене. Три месяца, которые он прожил с ней в Парме, были счастливейшим временем в его жизни: «Кто думает, что женщина не может наполнить все часы и мгновения дня, тот думает так оттого, что не знал никогда Анриетты… Мы любили друг друга со всей силой, на какую были только способны, мы совершенно довольствовались друг другом, мы целиком жили в нашей любви».

В 1750 г. Казанова отправился во Францию: «В Лионе я сделался вольным каменщиком. Два месяца спустя, в Париже, поднялся я на вторую ступень, а еще через несколько месяцев — на третью, иными словами, стал мастером. Эта ступень высшая. Все прочие титулы, какие даровались мне с течением времени, — всего лишь приятные выдумки и, хоть и имеют символический смысл, ничего к званию мастера не добавляют».

Затем Казанова совершил путешествие по Центральной Европе и вернулся в Венецию, где продолжил прежний образ жизни. Он навлек на себя неприязнь инквизиции и 26 июля

1755 г. был обвинен в масонстве, распущенном образе жизни, вольнодумстве, оккультизме и приговорен к пятилетнему содержанию под стражей во Дворце дожей. Через 15 месяцев Казанова бежал из тюрьмы Пьомби, о чем впоследствии рассказал в «Истории моего бегства», написанной на французском языке и опубликованной в Праге в 1788 г.

И вновь странствия: Милан, Феррара, Болонья. Всюду игра, всюду кутеж… В Париже Казанова вошел в доверие к министру Шуазелю, пробовал свои силы в бизнесе и торговле, но блистательно прогорел… И опять пустился в странствия: Германия, Швейцария, Италия, Россия и снова — Европа.

Он много играл в эти годы, ведь игра, по сути дела, была единственным подлинным смыслом его жизни.

Еще в возрасте двадцати лет итальянец писал: «Мне нужно как-то зарабатывать себе на жизнь, и в конце концов я выбрал профессию игрока». Удача часто сопутствовала Казанове в азартных играх, что дало серьезный повод многим его биографам того времени прозрачно намекать: знаменитый итальянец «подозрительно часто пользовался благосклонностью Его Величества Случая во всем, что касалось азартных игр». Впрочем, везение можно было объяснить тем, что Казанова хорошо запомнил наставления своего названого отца Брагадини: «Не платить долг, если проиграл на слово, никогда не вистовать, а самому держать банк и бросать игру тотчас, как только удача начинает переходить на сторону партнера».

Истории известно, что лишь однажды, оказавшись в Венеции и зайдя в игорный дом, где привилегией держать банк пользовались, кстати, только игроки благородного происхождения, Казанова за одну ночь проиграл 500 000 золотых цехинов. Однако вскоре ему удалось полностью компенсировать понесенные потери. Правда, основная заслуга принадлежала здесь его очередной любовнице, которая на собственные деньги сумела отыграть, казалось бы, безвозвратно утерянное золото. Однако самую значительную в своей жизни сумму итальянец заработал не на игре, а на организации государственной лотереи в Париже в 1757 г.

Тогда король Франции задумал открыть Высшую военную школу. Но на эту затею требовалось 20 миллионов ливров. При этом правительство не хотело обращаться к помощи государственной или королевской казны, а намеревалось получить необходимую сумму от народа. Но как заставить людей добровольно раскошелиться? И тут на сцену вышел Казанова, предложив королю организовать лотерею.

Он убедительно доказывал, что народ с готовностью станет

раскупать лотерейные билеты, так как в розыгрыше будут довольно крупные призы, а вырученные деньги наверняка принесут королю прибыль. К тому же лотерея, по замыслу мошенника, должна была проводиться под эгидой короны, а не от лица частных предпринимателей, что значительно укрепит доверие к ней со стороны обывателей и рассеет любые сомнения относительно честности и порядочности устроителей. В конце концов предложение приняли, и Казанова был назначен официальным представителем короля, ответственным за проведение лотереи. Тут-то он и развернулся, возглавив шесть из семи отделений по продаже лотерейных билетов. Сверх того, Казанове было назначено вознаграждение в 4 тысячи ливров.

В течение двух месяцев Казанова богател и жуировал. Он нанял хорошую квартиру, прекрасно ее обставил, обзавелся каретой и окружил себя роскошью, подобающей собирателю королевских миллионов. Скоро его знал в лицо весь Париж. Всюду — в театрах, в гостях, на балах к нему подходили люди, соблазненные возможностью выиграть, совали в руки деньги и просили прислать билеты лотереи. Чем все это кончилось, история умалчивает. Но известно, что никогда еще фортуна не одаривала Казанову своей благосклонностью в таком размере. Затея с лотереей, по его словам, оказалась самым удачным, хотя и последним крупным предприятием блистательного проходимца.

Чем только ни занимался Джакомо за оставшиеся 35 лет жизни! Продавал «рецепт вечной молодости» и «формулу философского камня», торговал красотой юных девушек. Но не только. Когда в революционной Франции настали дни якобинского террора, старый Казанова направил Робеспьеру гневное многостраничное письмо, где были такие слова: «Какое вы имеете право ломать жизни тысячам и тысячам людей ради „всеобщего счастья“? Надо оставить людям их убеждения, даже их предрассудки — об этом я спорил с Вольтером в 1760 г. Иначе вы делаете их несчастными».

Последующие несколько лет его жизни — это бесконечный ряд кутежей, романтических происшествий и карточной игры. Однако в конце концов наступило пресыщение, подкрадывалось утомление. Все чаще в любовных делах, разного рода проделках и азартных играх Казанову подстерегали неудачи.

«Любовь — это только любопытство» — эта фраза часто встречается в мемуарах Казановы. Неутомимое любопытство было настоящей страстью этого человека. Он не был банальным любимцем женщин, не был счастливым баловнем, случайным дилетантом. К сближению с женщинами он относился так, как серьезный и прилежный художник относится к своему искусству.

Казанова не всегда был погружен в торопливый и неразборчивый разврат. Такие периоды случались у него лишь тогда, когда ему хотелось заглушить вое-поминания о только что прошедшей большой любви и вечную жажду новой.

Среди бесчисленных женщин, упоминаемых этим «распутником по профессии», есть несколько оставивших глубокий след в его душе. Им посвящены лучшие страницы мемуаров. Рассказывая о них, Казанова избегал непристойных подробностей. Их образы становятся для читателей такими же близкими и живыми, как образ самого венецианского авантюриста. Первая любовь юного обольстителя была в духе мирной венецианской новеллы. Ему было шестнадцать лет, и он любил Нанетту и Мартон, двух племянниц доброй синьоры Орио: «Эта любовь, которая была моей первой, не научила меня ничему в школе жизни, так как она была совершенно счастливой, и никакие расчеты или заботы не нарушили ее».

Легкий оттенок элегии появился в его второй любви. Быть может, это оттого, что она протекала в Риме, в вечно зеленых садах Людовизи и Альдобрандини. Там Джакомо любил Лукрецию: «О, какие нежные воспоминания соединены для меня с этими местами!..»

Во время пребывания на острове Корфу Казанова испытал любовь, напоминающую своей сложностью и мучительностью темы современных романов. Долгая история этой любви драматична. Много лет спустя воспоминание о венецианской аристократке Андриане Фоскарини, скрытой за инициалами «Ф. Ф.», заставило Казанову воскликнуть: «Что такое любовь? Это род безумия, над которым разум не имеет никакой власти. Это болезнь, которой человек подвержен во всяком возрасте и которая неизлечима, когда она поражает старика. О любовь, существо и чувство неопределимое! Бог природы, твоя горечь сладостна, твоя горечь жестока…»

Очередную подругу, Розалию, он подобрал в одном из марсельских притонов: «Я старался привязать к себе эту молодую особу, надеясь, что она останется со мной до конца дней и что, живя с ней в согласии, я не почувствую больше необходимости скитаться от одной любви к другой». Но, конечно, и Розалия покинула его, и его скитания начались снова.

Вместо преданной любовницы Джакомо встретил маленькую танцовщицу Ла Кортичелли, которая заставила его испытать ревность и горечь обмана. Она была из Болоньи и «только и делала, что смеялась». Она причинила Казанове много бед всякого рода: интриговала против него и изменяла ему при каждом удобном случае. Но тон его рассказов выдает, что

никогда, даже в минуту их окончательного разрыва, эта «сумасбродка» не была безразличной для сердца начинавшего стареть авантюриста.

Так продолжалось до 1764 г., когда в Лондоне 38-летний Казанова, страстно влюбившись в юную куртизанку Шарпильон, встретил холодный и презрительный расчет, а не взаимность. И тогда, вспоминал Казанова, «я понял — молодость позади…»

После бурного романа с Шарпильон великий соблазнитель решил уйти на покой. В течение следующих тридцати лет в его жизни, вероятно, вообще не было женщин. Удовольствие Казанова получал теперь лишь от еды, от написания мемуаров и от чтения. Он приступил к пространным воспоминаниям о своем веке. Они долго не печатались, ибо издательства, видимо, боялись его откровений, а следующее поколение романтиков вообще не верило в существование самого Казановы.

В конечном счете ему пришлось вернуться в Венецию, где он нашел себе заработок в качестве полицейского осведомителя. В 1782 г. очередной скандал вынудил его покинуть Италию.

Три просторные комнаты старинного замка в живописном уголке Северной Чехии стали последним пристанищем авантюриста и писателя Джакомо Казановы. Однажды на пути из Вены в Берлин в 1785 г. он встретил графа Иосифа Вальдштейна. И тот предложил дряхлеющему старцу (Джакомо шел седьмой десяток) стать библиотекарем в его замке, где Казанова и провел последние тринадцать лет своей жизни.

Здесь в Дуксе, в Богемии (современный Дучков) из-под пера знаменитого венецианца вышли «Мемуары» и пятитомный роман «Икозамерон». Воспоминания Казановы, написанные по-французски, доведены лишь до 1774 г. Поначалу их подлинность подвергалась сомнению, но специальные исследования подтвердили достоверность упомянутых в них исторических событий и персонажей. Автор явно приукрашивал свои похождения, представляя себя «героем распутства и любовных побед».

Он вел оживленную переписку с многочисленными адресатами в разных городах Европы, со многими даже встречался, но в конце концов превратился в вечно недовольного, больного и брюзжащего старика, который доживал свои дни почти в полном одиночестве. 4 июня 1798 г. Джакомо Джироламо Казанова скончался. Имя же великого итальянского авантюриста и по сей день является нарицательным. И как бы там ни было, свой след в истории он оставил…

«Любовь — это мое призвание, а не профессия», — любил повторять Казанова. Для него любовь сама по себе всегда

содержала высший смысл жизни, все прочие победы, поражения и блага — по сравнению с ней — второстепенны. Этот удивительный человек всю жизнь был убежден, что нельзя делить любовь на «высокое чувство» и «продажную», «низменную», «плотскую» страсть, ибо душа и тело — единое целое, потому едины и неразрывны все компоненты любви. И даже несмотря на то (а может, благодаря тому), что Казанова честно признавался: «Я любил женщин до безумия, но всегда предпочитал им свободу», — несравненный итальянец не знал поражений в любви.

Де Сад Донасьен-Альфонс-Франсуа

(род. в 1740 г. — ум. в 1814 г.)

Французский писатель, произведения которого отражали сексуальные переживания автора.

«Будучи в родстве через свою мать с самыми знатными семьями королевства, связанный по отцовской линии со всеми наиболее выдающимися людьми Лангедока, рожденный в Париже в роскоши и изобилии, как только научился размышлять, я полагал, что природа и фортуна соединились, чтобы осыпать меня своими дарами». Эти слова принадлежат одному из самых знаменитых людей XVIII ст. Донасьену-Альфонсу-Франсуа де

Саду, более известному как просто маркиз де Сад. Со временем интерес к этой незаурядной личности нисколько не ослабел, наоборот, постоянно возрастает. Более того, психологи и сексологи уже давно ввели в оборот слегка шокирующий термин «садизм», хотя он и не совсем точно отражает своеобразные сексуальные наклонности самого маркиза. Под садизмом сегодня понимают грубое насилие, издевательство над человеческой плотью, тогда как утонченный вид сексуальных проявлений де Сада предполагал именно совместное наслаждение болью, при которой страдания практически равнозначны радости обладания телом. Разумеется, данное толкование — из разряда предположений, ибо никому еще не удавалось проникнуть в психологию страсти. Но если исходить из подлинных фактов, то можно с уверенностью говорить, что маркиз де Сад прожил жизнь бурную, необычайно богатую на любовные увлечения.

Маркиз де Сад родился в 1740 г. в Париже в старинной дворянской семье. Его отец, профессиональный дипломат, служивший одно время послом в России, был не чужд литературных занятий и даже писал стихи, не лишенные, правда, некоторой фривольности. А по материнской линии, как было сказано выше, де Сад состоял в родстве с младшей ветвью королевского дома Бурбонов.

Литературные аналогии, впрочем, не ограничиваются отцовскими наклонностями. Причудливым образом они уходят в глубь веков, а точнее, в XIV в. Можно даже назвать дату начала романтической истории, имеющей определенное отношение к нашему герою, — Страстная пятница, 6 апреля 1327 г. Именно в этот день Франческо Петрарка, тогда еще скромный студент, впервые увидел в церкви Св. Клары провансальского города Авиньон привлекательную молодую женщину, в которую влюбился с первого взгляда и на всю жизнь. Позже эта любовь была запечатлена в сонетах, ставших известными всему миру. Имя молодой женщины — Лаура де Нов, в замужестве — де Сад. За полтора года до встречи с Петраркой она вышла замуж за доблестного авиньонского рыцаря Уго де Сада, которому оставалась верна до конца своих дней. А скончалась она от чумы в сорок с небольшим лет.

Применительно к жизни самого маркиза эта история, разумеется, выглядит слишком возвышенной. Тем не менее из всех знатных предков де Сад дорожил своей прародительницей более всего, что в некотором смысле может смягчить впечатление от его изощренных сексуальных наклонностей.

В полном соответствии с семейной традицией юный Донасьен получил прекрасное домашнее воспитание, после чего был отдан

в одно из лучших учебных заведений Парижа — коллеж Людовика Великого. Дворянская грамота затем дала возможность учиться в школе при полке легкой кавалерии королевской гвардии Версальского гарнизона. В конце 1755 г. он получил звание лейтенанта и был направлен в карабинерский полк графа де Прованса в качестве корнета, что соответствовало должности офицера-знаменоносца. Спустя четыре года де Сад — уже капитан, но тут неожиданно его военная карьера обрывается по не совсем ясным причинам. Возможное объяснение тому кроется в словах одного из товарищей маркиза, заметившего, что «его маленькое сердце или, лучше сказать, тело было чрезвычайно пылким».

23-летнему де Саду пришлось подать в отставку, о чем он, впрочем, нисколько не жалел. Его вполне устраивала гражданская жизнь, тем более что он серьезно увлекся некой Лаурой де Лорис, миловидной прованской девицей, и даже хотел на ней жениться. Но этому браку воспротивились его родители. Они присмотрели своему непутевому сыну другую невесту, намного богаче и аристократичнее: старшую дочь президента Высшего податного суда господина де Монтрея. Избранницу звали Рене (ее полное имя Рене-Пелажи Курье де Лонэ де Монтрей), и она была всего на год младше будущего супруга.

Бракосочетание, однако, оказалось под угрозой: у жениха обнаружилось венерическое заболевание. Казалось бы, узнав об этом, добродетельная Рене должна была заявить, что не желает иметь дело с развратником. Но ничего подобного не произошло, невеста отнюдь не возмутилась, более того, она даже не прервала помолвку. Дело в том, что юная женщина «беззаветно полюбила злодея, полюбила так же страстно, как обожествляла своего Бога, свою религию… и свою добродетельность». Так объяснял поведение невесты много лет спустя сам маркиз в своем романе «Жюстина, или Несчастная добродетель» — «самом ужасном из всех непристойных романов», как официально охарактеризовали власти это сочинение.

Таким образом, за несколько дней до брачной церемонии у жениха обнаруживается неприличная болезнь, однако невеста, всем сердцем полюбившая суженого, терпеливо ждет, пока он вылечится. Наконец 17 мая 1763 г. в церкви Св. Роха совершается пышный, под патронажем самого короля, обряд венчания. А спустя полгода грянул скандал — молодожена упекли в приспособленную под тюрьму мрачную башню Венсенского замка. Ему предъявили обвинение в богохульстве, жестокости по отношению к партнерше, которой оказалась продавщица вееров Жанна Тестар. Как выяснилось, Жанна согласилась на любовную

встречу с молодым красивым дворянином в его доме. Тот привел ее в небольшую комнату без окон, стены которой были задрапированы тяжелыми черными портьерами, а в углу лежало несколько плетей. Дворянин предложил Жанне принять участие в необычном сексуальном действе: сначала он отстегает ее плетьми, а затем она его. Перепуганная Жанна отказалась. Тогда де Сад, угрожая ей смертью, заставил разбить одно из распятий, которое висело на стене в окружении порнографических рисунков.

Из заточения де Сад писал жене: «Я нахожусь в башне, запертой девятнадцатью железными дверями. Свет я вижу через два крошечных окошка, каждое из которых закрыто двадцатью решетками. На девять-двенадцать минут ко мне приходит человек, приносящий еду, остальное время я провожу в слезах». Плакала и молодая жена, читая горестное послание мужа. То были слезы жалости, сострадания, а может быть, и обиды. Но все же, пересилив себя, Рене отправилась к матери, женщине властной, предприимчивой, имеющей влиятельные знакомства, умоляя ее вызволить из неволи мужа. Госпожа де Монтрей в конце концов согласилась пойти навстречу дочери. Но предупредила, что делает это в первый и последний раз.

Итак, маркиз де Сад после двухнедельного заключения был отпущен на свободу под честное слово своего влиятельного тестя, на которого госпожа де Монтрей имела неограниченное влияние. Развратному зятю была, разумеется, прочитана мораль, которую тот смиренно выслушал и дал ответ, правда, некоторое время спустя: «Наслаждение всегда оставалось для меня самым дорогим из всех благ. Я поклонялся ему всю жизнь и желаю умереть в наслаждении» — так заканчивается «Разговор священника с умирающим» — своеобразный манифест де Сада. В нем, правда, не уточняется, о какого рода наслаждениях идет речь, но это раскрывается с предельной откровенностью в других произведениях маркиза. Наслаждение для него было неотделимо от страданий, как физических, так и моральных. Их вид возбуждал де Сада чрезвычайно: «В самом деле, — размышлял он, — почему бы не заставить страдать предмет страсти, его боль увеличивает наши наслаждения. Ведь жестокость, как и боль, есть жестокость души, абсолютно не зависящая от нас, и нам нет нужды ни стыдиться, ни похваляться ею».

После освобождения из тюрьмы де Сад вроде бы образумился и стал заводить себе любовниц, как любой добропорядочный французский дворянин. Но его душа, а точнее, плоть, по-прежнему жаждала новых приключений, способных дать совершенно необычные любовные переживания. И тут судьба

свела его с мадам Бовуазьен — особой далеко не юной, но зато имевшей огромную популярность как танцовщица. Связь с ней дала де Саду то, чего он так долго искал. Презрев все законы и обычаи света, он привел свою любовницу в фамильный замок Лакост, где представил мадам Бовуазьен как свою жену. Общество пришло в ужас — «супруга» маркиза танцевала, словно циркачка, на домашних представлениях, специально затеянных для знатной публики Прованса.

Между тем полиция продолжала следить за поведением де Сада, хотя это его почти не беспокоило: в 1767 г. скончался его отец, и сын унаследовал не только огромные владения и земли, но и стал наместником короля в ряде провинций. Таким образом, де Сад оказался почти недосягаем для стражей порядка, он поставил себя выше любого закона и сам решал, что есть зло, а что есть благо. И полицейские могли только советовать содержательницам борделей, чтобы те не пускали в свои заведения распутного маркиза.

Но вскоре удача отвернулась от неистового любовника. Весной 1768 г. в день Пасхи, совершая на городской площади Лиона утреннюю прогулку, маркиз встретил молодую женщину Розу Келлер. Она была вдовой, к тому же в весьма стесненных материальных обстоятельствах. Роза охотно приняла знаки внимания, который оказал ей молодой представительный господин. Без колебаний она согласилась последовать за ним в маленький загородный домик в предместье Аркей, где галантный кавалер пообещал ей несколько незабываемых часов.

И де Сад не обманул Розу Келлер. Ту загородную прогулку вдова запомнила на всю жизнь. Понятно, что она не надеялась на исключительно галантную беседу и благородные ухаживания. Но действительность превзошла все ее опасения. В доме маркиза вместо вина и фруктов мадам Келлер ждали кожаная плетка и острый нож. Сопротивляться было бесполезно — де Сад, предварительно связав свою жертву, проделал с ней все, что пожелал. Удовлетворившись, он смазал кровоточащие раны женщины снадобьем, сваренным по собственному рецепту, и оставил ее одну. Это оказалось роковой ошибкой — Роза сумела освободиться от пут и убежать.

О происшедшем полиции стало известно в тот же день со слов самой Розы. Ее ужасный вид был красноречивее всех данных под присягой показаний. Но уже через три дня потерпевшая от них отказалась. Обошлось это семейству де Сад (точнее, родственникам жены) в приличную по тем временам сумму в две с половиной тысячи ливров.

Тем не менее очередной сексуальный «подвиг» маркиза

получил широкую огласку. «Ненависть к нему, охватившая всю публику, превосходит всякое описание, — с ужасом сообщала близким родственникам де Сада знакомая его семьи. — Люди считают, что он учинил это недостойное хлестание кнутом, чтобы поиздеваться над страстями Христовыми». Впрочем, маркиз и не пытался скрывать свою причастность к насилию. Напротив, был убежден, что достоин всяческого поощрения, поскольку им был изобретен специальный бальзам для заживления ран, испробованный на злосчастной вдове. Правда, эти доводы не убедили судей. И несмотря на то, что Розе была выплачена солидная компенсация, де Сада приговорили к заточению в замке Сомюр. И только после вмешательства самого короля маркиз был помилован. По-видимому, из уважения к коронованной особе его обязали выплатить в казну чисто символический штраф в 100 ливров.

Казалось, уж теперь де Саду пора бы и остепениться. И действительно, в течение последующих двух лет громких скандалов, связанных с его любовными похождениями, не возникало. Он вернулся на военную службу и даже получил чин полковника от кавалерии. Однако его неистовая натура взяла свое, и вновь разразился скандал, затмевающий предыдущие. Это случилось в Марселе. Однажды утром де Сад в компании слуги отправился в местный публичный дом, где провел почти целый день, развлекаясь с присущей ему изощренностью сразу с пятью девицами. Он кормил их возбуждающими конфетами, «угощал» излюбленной плеткой, перемежая эти забавы интимными играми, среди которых анальный секс был самым невинным.

Перепуганные жертвы тут же подали властям жалобу об истязаниях и отравлении. Полиция вновь принялась за расследование. И хотя история с отравлением не подтвердилась (несмотря на то, что девиц почти неделю мучили сильные боли в животе), события приняли для де Сада серьезный оборот: его обвинили в свальном содомском грехе. А в те времена во Франции этот вид преступления карался смертью. Посему решение суда предписывало ни больше ни меньше как «отрубить де Саду голову», а его слугу Латура «повесить на виселице». Заканчивался приговор грозным требованием: «Тела де Сада и Латура должны быть сожжены, а прах их развеян по ветру».

Парламент Прованса утвердил решение суда, но поскольку оба преступника успели скрыться, показательной казни подвергли их соломенные чучела. Одному снесли на глазах сотен любопытствующих горожан голову, другое повесили, после чего оба чучела сожгли, а прах, как того требовал суд, развеяли по ветру.

Маркиз же в это время вовсю развлекался в Италии с родной сестрой своей жены мадемуазель Анной. Причем у де Сада вдруг обнаружились способности драматурга, и он занялся постановкой эротических спектаклей, задействовав в них не только Анну, но и свою жену Рене.

И вот тут-то, наконец, лопнуло терпение суровой тещи де Сада. Отныне она стала смертельным врагом своего зятя. И поскольку неприятелем она была могущественным, с многочисленными, простирающимися далеко за пределы Франции связями, то после личного вмешательства короля Сардинии французский подданный де Сад без лишних слов был взят под стражу и препровожден в крепость Миолан.

А что же делала Рене? С точки зрения ее матери, поступки дочери иначе как безумными трудно было и назвать. Узнав об аресте мужа, Рене, в целях конспирации, облачилась в мужской костюм, надела парик и отправилась к месту его заточения. Никем не узнанная, она пыталась разными средствами вызволить узника, но сделать ей это не удалось. В Париж Рене вернулась ни с чем. Однако через четыре месяца она вновь оказалась у стен крепости — теперь уже в роли организатора побега. На сей раз ее замысел удался, и маркиз снова оказался на свободе. И хотя решение прованского парламента о смертной казни все еще оставалось в силе, оно никак не повлияло на поведение де Сада, который с еще большим упоением предавался оргиям, жертвами которых оказывались проститутки, горничные в гостиницах и даже светские львицы.

Эта бесконечная вереница скандальных любовных похождений продолжалась пять лет. В 1777 г. скончалась мать де Сада, и он отправился в Париж на ее похороны, несмотря на предупреждение друзей о том, что теща попытается снова его арестовать. Опасения были не напрасными: сразу же после появления в столице маркиз был арестован. Далее происходит настоящая вакханалия: снова побег, снова арест и заключение, которое на сей раз продлилось более десяти лет, причем половину из них де Сад просидел в Бастилии.

В заточении маркиз де Сад (благо времени у него было предостаточно!) увлекся сочинительством и стал лихорадочно писать свои ставшие впоследствии скандально знаменитыми романы. Его цель — и он прямо говорит об этом — показать человека «таким, каким он может стать, если подвержен преобразующему влиянию порока и полон страсти». Герои его произведений таковы, как и их создатель. И потому он честно предупреждает читателя: «Вы должны приготовить свое сердце и свой разум для самого мерзостного рассказа, который когда-либо

звучал с сотворения мира, к книге, подобной которой не встретишь ни у древних, ни у новых авторов». Скорость, с которой он сочинял свои произведения, воистину впечатляет: его знаменитый роман «120 дней Содома, или Школа разврата» был написан всего за 37 дней!

Но в неволе де Сад сочинял не только романы, он еще писал письма, в основном своей жене. И в них он тоже был предельно откровенным. «Властный, наделенный холерическим темпераментом, импульсивный, склонный к крайностям во всем, с безумно богатым воображением, такой, равного которому в жизни нет, — вот я весь в двух словах. И еще добавляю: вы должны или убить меня, или принимать таким, каков я есть, ибо я не изменюсь».

Как ни странно, Рене все понимала и принимала. Возможно, объяснение этому дал сам маркиз в своем романе «Жюстина, или Несчастная добродетель»: «Она часами думала о жестокости этого человека, о его развращенных вкусах, о непреодолимости моральной пропасти, которая их разделяла, но ничто на свете не могло погасить ее страсть».

Здесь следует заметить: несмотря на то что у маркиза было несметное количество женщин, истинно добродетельной можно назвать лишь одну — его законную жену Рене. Ее-то прежде всего он и имел в виду, когда повествовал о фантастических приключениях своей богобоязненной героини в романе «Жюстина».

Отчаянная Рене добилась свидания с мужем, она снабжала его книгами (маркиз де Сад был одним из самых начитанных людей своего времени), организовала ему в тюремном замке прекрасное питание. «Разве можно отказать тому, кого любишь!» Единственное, чего она не могла сделать, так это поселиться с ним в камере, а раз она на воле, то с ней рядом могли быть мужчины. И маркиз, этот певец свободной любви, терзался банальной ревностью, рисуя в своем болезненном воображении жуткие картины измены. И тогда Рене, которой едва исполнилось сорок лет, мать троих детей, добровольно заточила себя в монастырь, лишь бы избавить любимого человека от мук неизвестности и подозрений, над которыми он был не властен.

Чем же заворожил ее этот человек, наводивший ужас на всю Францию, имя которого отождествлялось с пороком еще при жизни? Или, может быть, она не знала о нем то, что знали другие?

Рене знала. Де Сад объяснил ей в одном из писем: «Да, я распутник и признаюсь в этом: я постиг все, что можно было постичь в этой области, но я, конечно, не сделал всего того, что

постиг, и конечно, не сделаю никогда. Я распутник, но я не преступник и не убийца». Слова «преступник» и «убийца» в письме подчеркнуты.

Зато преступниками всех мастей, в том числе и убийцами, причем убийцами изощренными, заселены его книги. А правильнее сказать — перезаселены. Почему? Писатель маркиз де Сад исчерпывающе ответил на этот вопрос в своего рода литературном манифесте под названием «Мысли о романах», где речь шла о романах вообще и о его в частности. «Мое перо, говорят, слишком остро, я наделяю порок слишком отвратительными чертами: хотите знать почему? Яне хочу, чтобы любили порок, и у меня нет… опасного плана заставить женщин восхищаться особами, которые их обманывают, я хочу, напротив, чтобы они их ненавидели; это единственное средство, которое сможет уберечь женщину; и ради этого я сделал тех из моих героев, которые следуют стезею порока, столь ужасающими, что они не внушают ни жалости, ни любви».

Из тюремных застенков маркиза освободила Великая Французская революция. Блестящее перо и скандальная слава де Сада оказались востребованы якобинцами. И вначале он оправдал их надежды, начав гневно разоблачать безнравственность растленных аристократов. Он даже сделал себе карьеру в революционной Франции. Вначале де Сада назначили комиссаром кавалерии, а с 1793 г. он стал членом революционного трибунала. Правда, по некоторым свидетельствам, маркиз не был сторонником чрезмерной жестокости в приговорах. Более того, излишняя лояльность по отношению к противникам революции привела к очередному трагическому финалу. Де Сад оказался не в состоянии потребовать смертной казни для своей тещи, дело которой было ему передано для рассмотрения. Он был объявлен «умеренным» и чудом сумел избежать гильотины.

На время маркиз затаился, а в 1800 г. издал памфлет «Золоэ и два ее спутника», в котором зло высмеивал Наполеона Бонапарта и его жену Жозефину Богарне. Но он не учел того, что с первым консулом Франции шутки плохи. Вскоре де Сад был объявлен сумасшедшим, опасным для общества и помещен в лечебницу для душевнобольных в Шарантоне. Причем главный врач больницы отчаянно сопротивлялся этому, считая, что место де Сада в тюрьме, а не в больнице, ибо «его единственная болезнь — порок».

В сумасшедшем доме больной, обрюзгший и неимоверно растолстевший де Сад провел почти 13 лет — до самой смерти. Вел себя он смирно, и ему даже разрешили ставить свои драмы в

местном любительском театре. Он и сам как актер участвовал в спектаклях, талантливо изображая злодеев.

Смерть маркиза де Сада была легкой. «В 10 часов вечера, едва утолив жажду, де Сад без единого стона умер», — отметил в своем дневнике живший при клинике доктор Рамон. Это случилось в декабре 1814 г.

В своем завещании маркиз просил при его погребении не устраивать никаких церемоний, не произносить никаких речей. «Когда яма будет засыпана, надлежит набросать сверху желудей, которые прорастут, и след от моей могилы навсегда исчезнет с поверхности земли. Как, я надеюсь, сотрется в людских умах и память обо мне».

В завещании маркиза был также указан категорический запрет на вскрытие его тела под любым предлогом. Запрет нарушил немецкий врач Фран Гааль, который всю свою жизнь посвятил изучению связи формы черепа с умственным потенциалом личности и ее моральными качествами. Понятно, маркиз де Сад представлял для него огромный сугубо научный интерес. Могила была вскрыта и останки тщательно изучены. В официальном акте исследования говорилось: «Череп подобен всем старческим черепам. Шишка отцовской нежности и любви к детям развита сверх меры».

Вопреки надеждам де Сада на забвение, он не только не забыт, но и до сих пор волнует, смущает умы и как скандальный любовник, и как незаурядный писатель. Несмотря на бесконечные конфискации его рукописей, несмотря на то, что после смерти пожизненного узника его архив был сожжен в камине одним из его сыновей, книги де Сада издавались и издаются, и чем дальше, тем больше. Ровно через полтора века после кончины маркиза увидело свет его пятнадцатитомное собрание сочинений.

Удивляться тут, пожалуй, не стоит. Падкую до сенсаций публику всегда интересовали и будут интересовать крайности в человеческом поведении и характере. А уж маркиз де Сад ими был наделен сверх меры, отчего его личность с годами еще более окутывается тайной, которая вряд ли будет прояснена до конца.

Вольта Алессандро

(род. в 1745 г. — ум. в 1827 г.)

Итальянский ученый — физик и физиолог, один из основоположников учения об электричестве. Его страсть к науке была так же велика, как и к женщинам.

Алессандро Вольта жил в бурное время. На его глазах обновлялась наука, в полный голос заявляла о себе молодая Америка, возносился на вершину власти Наполеон, в очередной раз перекраивая карту Европы. Вольта был не только свидетелем, но и участником многих знаменательных событий, особенно тех, которые происходили в мире науки и технического прогресса.

При этом его профессиональная страсть по силе накала ничуть не уступала страстям человеческим. Правда, здесь были несколько иные параметры. Силу и непредсказуемость любовных увлечений Вольты уж никак не измерить той физической величиной, которая вошла в историю под термином «вольт». Парадоксально, но прирожденный семьянин, ласковый и заботливый отец, Вольта женился лишь тогда, когда ему было уже под пятьдесят. Но до женитьбы он отнюдь не был аскетом, чуравшимся радостей жизни. Вольта много путешествовал, встречался со знаменитыми людьми, знавал и большую любовь, и всепоглощающую страсть, о которых помнил всегда.

Полное имя ученого — Алессандро Джузеппе Антонио Анастасио Вольта, хотя на самой крупной итальянской купюре достоинством в 10 000 лир надпись гораздо скромнее — «А. Вольта». Но даже это краткое обозначение имени гения о многом скажет не только итальянцу, но и любому жителю земли, хоть что-нибудь слышавшему об электричестве.

Родился Алессандро в не совсем обычной семье. Его отец, красавец Филиппо Вольта, состоявший в иезуитском ордене, без памяти влюбился в девятнадцатилетнюю послушницу одного из монастырей, дочь графа Инзаги Маддалену, поражавшую всех ангельской красотой. Неодолимая страсть так захватила молодого иезуита, что он, не колеблясь, пожертвовал карьерой священника, похитил свою любимую, бежал с ней и тайно обвенчался. Молодые поселились в небольшом местечке Комо. Однако их счастье навсегда осталось омраченным клеймом позора, который лег на похитителя и нарушившую обет послушницу. Да и на семерых детей (среди которых Алессандро, или, как его называли, Сандро, Сандрино, был четвертым ребенком) пала тень родительского проступка. Графская семья Инзаги навсегда вычеркнула имя грешницы Маддалены из сердца и памяти, ибо такой грех считался несмываемым.

Маленького Сандро родителям пришлось отдать кормилице в деревню, где он провел первые три года своей жизни, предоставленный самому себе. В крестьянской семье за ребенком следить было особо некому, потому слово «мама» Сандрино выговорил года в четыре, а нормально начал разговаривать только к семи годам.

Окружающие считали Сандро недоразвитым, и если бы тогда кто-нибудь сказал, что это будущий великий ученый, — его посчитали бы большим шутником. Зато внешне мальчик взял всем — красотой, живостью характера, отзывчивостью, словом, явно пошел в родителей.

После смерти Филиппа Вольты, не оставившего бедной жене

ничего, кроме семерых детей от одного до семнадцати лет, семилетнего Алессандро взял на воспитание дядя со стороны отца, соборный каноник Александр. Он вплотную занялся обучением не совсем развитого, но довольно-таки способного племянника. Словно наверстывая упущенное, Алессандро быстро освоил азы латыни, историю, арифметику, а также правила поведения за столом, в семье, в общении с посторонними людьми. Одним словом, счастливое бездумное существование, как и положено отпрыску благородного семейства, сменилось культом духовного развития.

Плоды воспитания не заставили себя долго ждать. К удивлению родни, Сандрино словно пережил второе рождение: в нем обнаружилось остроумие, дар блестящей импровизации, понимание абстрактных идей и сути научных проблем.

Далее последовали годы учебы в школе иезуитов на философском факультете и в семинарии Санта-Катарина, где Алессандро впервые приобщился к физике, занятие которой приносило ему огромную радость. К восемнадцати годам энергичный молодой человек уже свободно владел французским и латынью, достаточно глубокими и прочными знаниями по науке и искусству. Но первой и самой сильной любовью на всю жизнь осталась физика, которой Вольта не изменял никогда.

Когда Алессандро исполнилось двадцать лет, родственники заявили, что время безделья миновало: положение семьи таково, что пора самому зарабатывать деньги. И здесь Вольта впервые проявил твердый характер. Он решительно отказался быть банкиром, нотариусом, врачом, как того желали родные, остановив свой выбор на науке, в частности на любимой им физике.

Начиная с 1768 г. Вольта работал как одержимый. Вместе со своим другом Джулио Чезаре Гаттони он изучал теоретические трактаты, мастерил приборы и ставил опыты. Сенсацией среди жителей Комо стал первый в городе громоотвод, который друзья смонтировали на шпиле башенки одного дома. Внешне невзрачный Гаттони буквально боготворил своего длинноного красавца-друга и был при нем своеобразным Санчо Пансой, во всем помогая, прислуживая и ссужая деньгами. Этот странный, крайне тщеславный человек легко раздражался по любому поводу, имел вздорный характер, но в отношениях с Алессандро преображался, видя в нем великого исследователя.

Да и местные жители уверовали в необыкновенные таланты Вольты, считая его чуть ли не колдуном, способным на любые чудеса. Стоит парню открыть одну из своих заумных книг, шептались они, как тут же со страниц выскакивает сам черт и

дает команды, а Сандро приходится их выполнять.

К этому времени Вольта завершил свою первую диссертацию «О притягательной силе электрического огня и феноменах, ею вызванных», адресованную патрицию Беккариа, профессору математики в Королевском университете Турина. Она была оценена по достоинству, и этот хвалебный отзыв придал молодому ученому еще больше энергии и честолюбивых надежд.

Годы с 1769 по 1775 прошли под знаком старой дружбы, новых открытий и поисков службы. Активным занятиям способствовало знакомство Вольты с графом Джовьо, который поддерживал его любые начинания как морально, так и материально. В октябре 1771 г. Алессандро познакомился с соседкой Джовьо — юной графиней Терезой Чичери ди Кастильоне.

В детстве Тереза была стройной умненькой девочкой, но когда подросла, превратилась в массивную невысокую женщину с крупным лицом, энергично сжатыми губами, тяжелым прямым носом и большими черными глазами. Главными ее достоинствами оставались ум и хорошее воспитание. Эти-то качества и пленили молодого физика. Жениться, правда, он не собирался, считая, что пока не располагает достаточными средствами, чтобы содержать семью. Но это не помешало донне Терезе не только самой серьезно увлечься молодым ученым, но и его увлечь своими добродетелями. Путешествуя по Европе, Алессандро непременно посылал из разных городов «салюты моей очаровательной донне», делился с ней впечатлениями, добросовестно перечисляя достопримечательности Турина, Ульцио, Шамбери, Лиона, Женевы, Базеля, Страсбурга.

Несколько иначе описывал Вольта свои поездки в письмах к брату, архидьякону Луиджи. В них восторги касались не только достопримечательностей великих городов. Так, из Парижа неутомимый путешественник писал: «Здесь лучшие в мире женщины, поистине здесь царит сама женственность… Гуляю по городу, часто обедаю в знаменитых домах, куда приглашают любители и знатоки естествознания».

Действительно, обаятельный, разговорчивый и высокообразованный итальянец Вольта, который, по отзывам современников, «был высокого роста, имел правильное античное лицо со спокойным взором, говорил ясно, просто, легко, иногда красноречиво, но всегда скромно и изящно», на время привлек внимание всего аристократического Парижа. И если раньше желанными гостями великосветских салонов были музыканты, певцы, поэты, философы, то теперь в них не менее почетное место заняли физики и химики, среди которых Алессандро по праву

занимал первое место. К примеру, мадам Нантейфель, дочери которой Вольта давал уроки физики, просила его не о чем-то отвлеченном, а ни больше ни меньше как прочесть в узком кругу на званом обеде лекцию об электричестве. Другая светская львица, мадам Бульон, передавала ему «миллион комплиментов» не только за высокую ученость, но и за обходительность и галантность с дамами.

Обласканный таким вниманием, всеобщим восхищением и почитанием, Вольта и не предполагал, что судьба преподнесет ему неожиданный сюрприз. В мае 1782 г., будучи в Лондоне, он получил письмо от Луиджи, в котором брат среди прочих новостей сообщал, что «заплатил шесть цехинов за содержание роженицы». Алессандро сразу же догадался, о какой роженице идет речь: это была Тереза, которая родила от него сына, получившего имя Джузеппе. Затем пошли письма с еще более прозрачными намеками: ребенка следует отдать на воспитание в один из монастырей, благо выбор их был большим.

Такое уведомление не на шутку встревожило Вольту, ибо грозило потерей сына, которого он даже не видел. Жениться он не собирался, а вот о Джузеппе решил позаботиться, о чем сообщил брату. Терезе он тоже отправил ласковое и трогательное письмо. На какое-то время любовница успокоилась, но затем Вольта получил от нее очередное страстное послание, где несчастная женщина уже прямо просила: «…женись на мне, Алессандро, умоляю тебя ради себя и сына!»

На это письмо Вольта ответил уже без особых сантиментов: «Мой тебе совет: выходи за кого-нибудь замуж. Я немного жестоко отвечаю на твое откровенное письмо, потому что занят одной научной статьей. Над ней столько работы, что голова кругом идет. Я вряд ли могу скоро жениться, потому что дела неважны… Здесь, в Павии, свирепствует краснуха… Против этой хвори лекари бессильны, больницы переполнены. Привет тебе».

Тактику Алессандро выбрал нехитрую, но верную. Рассказал обо всем (чтобы отвлечь внимание), о чужих бедах (своя боль покажется меньше), об объективных трудностях, после чего всякие надежды на брак у Терезы исчезли. Она вынуждена была довольствоваться ролью его подруги, советчицы и утешительницы.

И все же почему Вольта не женился на Терезе Чичери, с которой имел долгую связь и ребенка? Причины тому могли быть разные — так, хотя Тереза и была графиней, однако приданого за ней давали очень немного, а Алессандро хотелось более обеспеченной жизни. К тому же физическое влечение — еще не любовь, а Вольта все еще мечтал о романтической страсти. Кроме

того, в те времена среди интеллектуалов брак считался «непозволительным мотовством».

Впрочем, и ранее ученые мужи не желали обременять себя супружескими узами. Вольтер называл брак «единственным развлечением, доступным трусу». К примеру, Галилео Галилей, умнейший человек и обаятельный мужчина, тоже так и не женился, поскольку должен был заботиться о сестрах, ожидавших приданого, о беспутном брате-фанфароне и сварливой матери. А потому верная подруга, родившая ему троих детей, после десяти лет ожидания свадьбы, так и не став супругой, ушла от него.

Вот и Вольта поступил так же и считал, что совесть у него была чиста. Сердобольный любовник успокоил Терезу, умело переключив ее интересы на другое дело, а именно изготовление новой ткани. Она блестяще справилась с этой задачей. В декабре 1783 г. Вольта с гордостью сообщал одному из своих друзей, «что аббат Аморетти преподнес патриотическому обществу образец оригинального полотна, а синьора донна Тереза Чичери, моя единственная хозяйка и возлюбленная, описала все операции по изготовлению ткани и заслужила премию!» В мае 1784 г. Вольта продемонстрировал новую ткань в Милане и оттуда сообщал Терезе: «Сударыня, это находка для мусульман и для детей, а малая золотая медаль заслужена вами недаром».

Но ткань тканью, а брак, хотя и гражданский, требовал немалых хлопот. Вольта старался быть заботливым отцом. Сына Джузеппино, которому уже исполнилось шесть лет, по его настоянию отправили в коллегию Кальчи — своеобразный детский дом. Алессандро постоянно сообщал Терезе в письмах-отчетах о здоровье мальчика, его поведении, воспитании и успехах. А та в свою очередь послушно выполняла просьбы Вольты, узнавала для него новости, сводила с нужными людьми. Взять сына к себе она не могла: не было денег, боялась сплетен. В конце концов Тереза смирилась с мыслью о том, что отношения между ней и Алессандро остались спокойными и надежными.

Более романтичными были связи Вольты с другими женщинами. Весной 1785 г. в Комо приехала юная маркиза Александра Ботта. Алессандро слышал о ней и раньше — говорили, что она чудо как хороша, умна, обаятельна, окружена блестящими поклонниками. Увидев юную донну, Вольта сразу же был очарован ее красотой и грацией. Маркизе тоже понравился новый знакомый: высокий, красивый, умный, так интересно говорит, к тому же член многих академий и даже поэт. Одним словом, герой, которого она видела в своих грезах! А главное — совсем не похож на вьющихся вокруг нее юнцов. Без Вольты маркиза тосковала, с ним робела. И наконец, решилась послать

ему письмо.

Вольта был польщен и почти счастлив. Его душа заволновалась, дав простор мечтам и чувствам. Правда, вскоре пришли сомнения. Жениться на Александре — но он уже немолод, и денег нет. А не жениться, стать пожилым любовником, покуда не укажут на дверь, — стыдно.

И Вольта, борясь со своими любовными страстями, решил не злоупотреблять чувствами неопытной девушки. От его прощального письма веяло благородством и сдержанностью: «Любезная маркезина!.. Я уже стар для такого цветущего создания, как вы. Не конфузьте меня: вы свежи, я изношен… Легко понять, что я полон любви к вам и симпатии, но разве гожусь я стать объектом вашей склонности? Вы льстите моему самолюбию, я вовсе не так гениален, как вы полагаете…Ах, как много фантазий посетило мою голову об устройстве жизни с вами, но все они отлетели, как только пришлось серьезно поразмыслить над ними…»

Александра молча и гордо приняла вежливый отказ. Больше они на людях вместе не появлялись. Через год она уехала с родителями в большое путешествие по Голландии, и до Вольты доходили слухи о том, что Александра тоскует.

Через десять лет, в июне 1795 г. пришло известие о ее смерти. И здесь уж Вольта дал волю своим чувствам. Он был настолько потрясен этой вестью, что некоторое время даже считал, что именно он убил ее своим отказом, что из-за него Александра умерла, не дожив до тридцати лет, так и не обретя счастья!

Разрыв с маркизой Ботта мало что изменил в привычках Вольты. О женитьбе он не задумывался до тех пор, пока, наконец, не встретил женщину, о которой мечтал всю жизнь. Страсти вокруг новой возлюбленной ученого бушевали нешуточные. А уж сколько заинтересованных лиц почти три с половиной года на все лады склоняли действия влюбленных! Среди них были и родственники, и друзья, и начальство, и коллеги, и даже сам император Священной Римской империи!

А все началось с письма, которое Алессандро получил в декабре 1788 г. от старинной знакомой их семьи, графини делла Порта де Салазар. Опытная сводница писала ему о певице римлянке Марианне Парис: «Девушка — чудо, необычайно порядочна, весьма интересна, речь благородна, хорошо одета и весела. Редкость среди подобных персон… И хотя считают, что с артистками связываться нельзя, но эта будет настоящей подругой».

Письмо заронило в сентиментальной душе Вольты искру

надежды. Он давно уже мечтал о романтической страсти и о красавице-жене. При первой же возможности Алессандро отправился в Милан, где гастролировала Римская опера, солисткой которой была Марианна, и был очарован ею. Юная певица тоже отнеслась к ученому благосклонно.

И тогда буря чувств охватила романтичного профессора — страсть, опьянение молодостью и красотой, очарование, — и все это на фоне великолепной музыки. В присутствии возлюбленной Вольта многозначительно молчал, сверкал глазами или взрывался страстными монологами, смешил, заставлял исторгать слезы. Одним словом, любовь захватила его полностью.

Только спустя год Алессандро решился поведать о своих чувствах брату: «Уже давно на душе тяжко, меня заботит, это между нами, любовь, которую я прячу даже от себя. Много раз я пытался рассказать тебе, но нет мужества… Я поражен в сердце, меня одолел соблазн… Кто же она? Боюсь сказать, но она — театральная звезда… Но прежде, чем нападать на предмет моего обожания, вспомни, что искусство не позор. Не веди себя как инквизитор. Ее ничто не может запятнать, так чиста, так порядочна!»

Реакция близких не заставила себя ждать. Брат Луиджи был категорически против: «Преодолей свою слабость, не иди на поводу у обстоятельств, ты потеряешь мое уважение, если не освободишься ото всех обещаний, которые успел надавать Парис».

Не надеясь на благоразумие слабохарактерного брата, Луиджи обратился за помощью к другу их семьи, графу Вилзеку, и тот из Милана подключился к попыткам погасить любовный костер: «…При выборе жены надо бы совмещать свои стремления с мнением родных, — увещевал он Вольту. — Думается, что следовало бы отречься от своих планов и предположений относительно этого дурного альянса, который наверняка для вас не нужен, хотя б это было нелегко вашему сердцу…»

В ответ Вольта писал: «Да, дорогой брат, я все рассказал Терезе Чичери, но „это не очередное развлечение“, „это не слабость“, не будет, „как в прошлый раз“. Я совершенно искренен: разве не горе, когда требуют: отвернись от своей любви!»

Но постепенно холодный разум начинает брать верх над любовной страстью. Да и как могло быть иначе, если все вокруг были против его любви. Чичери вела себя деликатно, но советовала подчиниться семье. Вилзек писал снова и снова и тоже советовал одуматься: «Когда в женитьбе какое-то неравенство, то это станет причиной многих драм, поэтому не надо поднимать этого груза в одиночку, а пока, впрочем, уступите своей натуральной страсти».

Вольта как будто прислушался к доводам. И даже вновь занялся научными делами, доселе заброшенными из-за любви к Марианне. Но через год, а именно в конце 1790 г., пламя страсти вспыхнуло с новой силой. Алессандро уже в который раз приводит своим благоразумным советчикам те же доводы, говорит о любви, чистоте суженой, благородном происхождении ее семьи. «Где ваша добродетель, любовь, терпимость? — взывает он к брату. — Кто же будет рубцевать язвы этого мира, о которых все сострадают? Позор вам и презрение, развели канитель вокруг желающих жениться, чтобы развести их!.. Неужели любовь греховна? Ведь без любви не может быть счастья, любовь пришла, а вы губите ее!»

Он даже написал Терезе Чичери, осмеливаясь в конце письма раздраженно и воинственно вступиться за свою любовь против согласованного давления близких. Но к кому он обращался? К женщине, которая сама искала его любви и которая все еще надеялась на брак с ним!

Затем на невидимую сцену любовной драмы вышла мать Марианны. Так и не дождавшись свадьбы, она предъявила возлюбленному своей дочери ультиматум: «Если вам угодно продолжать разговоры о женитьбе, то поручитесь в своих обещаниях… От вашего имени нотариус должен объявить, что если вы не можете жениться, то до смерти родителей вы обязуетесь взять дочь на иждивение».

Луиджи и его сторонники торжествовали: ведь они предупреждали, что от Вольты семье Марианны нужны только деньги. Чтобы их добыть, родители торгуют своей дочерью.

От всего этого у влюбленного профессора голова пошла кругом. Платить требуемый пенсион он был не в состоянии, а брат Луиджи не желал взять на себя заботы о расходах. Пытаясь вырваться из замкнутого круга, Алессандро решается на отчаянный шаг — добивается аудиенции у императора Леопольда II во время его пребывания в Милане. Он устно и письменно умоляет властителя предоставить ему должность в Милане, чтобы жениться на римлянке.

Решение двора было нетрудно предугадать. Через пять месяцев на прошении появилась пометка императора: «Настойчивость просителя удовлетворена быть не может». Но любовь Вольты оказалась сильнее рассудка. Он продолжал упорно утверждать, что «добродетель восторжествует… Марианна доказала искренность своих намерений, она превосходит меня красотой, грацией, благородством… Да это чудо, что она меня заметила! Ведь я уже не молод, фамильный дом стар и даже мне не принадлежит».

Еще два года звучали его страстные заверения в неизменности чувств и жалобы на горькую судьбу. Остатки надежды исчезли, когда несчастный влюбленный получил очередное письмо от матери Парис. Несостоявшаяся теща в сердцах высказала то, что давно наболело в ее душе. Ханжески причитая, она напомнила Вольте, что ему уже под пятьдесят, денег нет, а у них, бедных родителей, плохое здоровье, смерть близится, и как может при этом всем Марианна оставить театр, дающий заработок и возможность развлечений.

И тут уже Вольта вынужден был смириться, хотя все еще пытался оттянуть официальный разрыв. Он еще причитал в письмах: «О, Парис! Как бы я был с ней счастлив! О Боже, сколь горька судьба моя!» Но уже к концу 1792 г. Вольта с грустью сообщил канонику Петиросси, что его брак с Марианной Парис не состоится.

В конце концов родственникам надоели любовные приключения Алессандро, и они активно занялись поисками подходящей невесты. В январе 1793 г. отпала кандидатура Антониетты Джовьо, сестры старинного друга Вольты, графа Джовьо. Лучше уж Чичери, чем Джовьо, писал капризный Вольта брату, а тот выговаривал сердито, что сам, мол, мечтал породниться, склонялся то к старшей Луизе, то к младшей Антониетте, а теперь на попятную? Наконец, в ноябре Луиджи облегченно вздохнул, столковавшись о браке с семьей Терезы Перегрини — младшей дочери королевского делегата от Комо дона Людовико, спокойной, рассудительной, разумной женщины. Правда, невесте было уже под тридцать, но ведь и жених вот-вот отметит полувековой юбилей.

«Что ж, я согласен, — отвечал Вольта брату, — только финансовые дела утрясай сам… А что касается Перегрини, то я уж сделал три-четыре визита, и довольно. Как-никак два года топчусь в женихах». И при этом жених сетовал: увы, с Марианной его невесту не сравнить!

В сентябре 1794 г. Алессандро Вольта обвенчался с Марией Алонесо Терезой Перегрини. Родные постарались на славу и устроили по поводу бракосочетания пышное пиршество, продлившееся не один день.

И началась семейная жизнь. Причем счастливая. Вольта, который фактически не знал отца, давно лишился матери, и единственной опорой ему в жизни были братья, наконец, после стольких лет любовных побед и поражений, обрел свой собственный дом. Через год после свадьбы появился первенец, Занило, затем второй сын Фламинго. И еще одного сына родила Тереза, которого назвали Луиджи, в честь брата Алессандро.

Конечно, Тереза не Марианна, и письма ей Вольта писал другие. Слов о любви не было, все больше речь шла о детях, семейных проблемах и неурядицах, таких, как, например, кража в миланском доме. «Приехали, все распахнуто, — сообщал Вольта жене, вернувшись в их дом в Милане, — даже двери сняты с петель с помощью деревянной лесенки, тут же брошенной. В комнате и кабинете хоть шаром покати, из спальни исчез гардероб, три пары простыней, скатерти, посуда. Да что там простыни, кровати и то нет. Ни тряпочки, ни бумажки, канделябров и свечей след простыл. Ни-че-го».

В целом же супружество, хоть и позднее, стало для Вольты закономерным итогом поиска счастья. Он мечтал о нем с той же страстью, с какой отдавался науке, отстаивая право самому определять свою судьбу. Тем более что при всех личных неудачах утешением ему всегда служила любимая физика. А уж в этой области Вольта был полновластным хозяином положения, полагаясь только на интуицию, здравый смысл и твердо веруя в свою звезду. То, что он совершил в науке, поражает воображение. Знаменитым Алессандро стал уже в тридцать лет, когда изобрел электрофор — прибор для опытов со статическим электричеством. Затем последовало еще одно выдающееся изобретение — электрическая батарея, названная им «короной сосудов». Она состояла из многих последовательно соединенных цинковых и медных пластин, опущенных попарно в сосуды с разбавленной кислотой, и представляла собой уже довольно солидный источник электрической энергии.

Заслуги великого ученого и изобретателя были оценены по достоинству не только на его родине, но и во всем мире. Во Франции в его честь была отчеканена медаль, а первый консул Директории генерал Бонапарт основал фонд в 200 000 франков для «гениальных первооткрывателей» в области электричества и первую премию вручил автору вольтова столба. Вольте было присвоено звание рыцаря Почетного легиона, Железного креста, он стал сенатором и графом, членом Парижской и Петербургской академий наук, членом Лондонского Королевского общества, которое наградило его Золотой медалью Коплея. Именем Алессандро Вольты названа единица электрического напряжения. Так что произнося фразы типа «в сети напряжение 220 В» или «батарейка на 1,5 В», стоит вспомнить имя великого итальянского физика, внесшего неоценимый вклад в развитие электротехники.

Последние годы жизни Вольта, удалившись на покой, провел в родном городке Комо. 28 июля 1823 г. апоплексический удар (ученому было уже 78 лет) надолго приковал его к постели. От удара полностью он так никогда и не оправился. Скончался

великий итальянец 5 марта 1827 г. Муниципальная конгрессия Комо известила, что ушел из жизни «дон Алессандро Вольта, сенатор бывшего Итальянского королевства, член итальянского Института науки, литературы и искусства, декан философского факультета и заслуженный профессор университета Павии, член многих академий Европы».

Свое последнее пристанище Алессандро Вольта обрел на старом кладбище в родном городе Комо, где через несколько лет его семья воздвигла над могилой сооружение, напоминающее небольшой замок, украшенный аллегорическими фигурами и горельефами, а также бюстом Вольты, выполненными известным скульптором Комолли.

Дюма Александр

Полное имя Александр Дюма Дави, маркиз де ля Пайетри (род. в 1802 г. — ум. в 1870 г.)

Французский писатель. Автор многочисленных исторических авантюрно-приключенческих романов. Выдающийся французский драматург, поэт, сказочник, биограф, журналист. Самый читаемый француз на планете, известный также своими любовными похождениями.

«Это не человек, а сила природы, — говорил об Александре Дюма-отце историк Жюль Мишле, — гигант, живший не по средствам, широкая натура, тонкий знаток кулинарного

искусства, неистощимый автор, которого всегда сопровождал успех, долги и женщины. Его жизнь — самое увлекательное из всех его произведений, и самый интересный роман, который он нам оставил, — это история его приключений».

А вот как писал о своем отце Александр Дюма-сын: «Необыкновенный, исключительный человек, для которого у современников нет мерила, этот своего рода добродушный Прометей, которому удалось обезоружить Юпитера и насадить его коршуна на вертел… Я раздавлен его воодушевлением, эрудицией, красноречием, добродушием, его остроумием, милосердием, его мощью, страстью, темпераментом, способностью поглощать вещи и даже людей, не подражая им и не обкрадывая. Он всегда ясен, точен, ослепителен, здоров, наивен и добр».

Жорд Санд называла Александра Дюма «гением жизни». К этой характеристике вполне можно было бы прибавить слова «и любви».

Об обычном детстве, проведенном в местечке ВиллеКоттре, где 24 июля 1802 г. Дюма родился и жил со своей любимой матерью Мари-Луиз, но где ему не хватало простора, об учебе, весьма поверхностной из-за страстного увлечения театром, писатель поэтично рассказал в книге воспоминаний «Мои мемуары». В них сквозит ненасытная жажда жизни, неистовое стремление одержать верх над всем и вся.

Когда Александру исполнилось 15 лет, он стал подрабатывать рассыльным у нотариуса, а в свободное от работы время брать уроки танцев. В этот период Дюма познакомился с приезжими парижанками Лоране и Витторией. Чтобы понравиться им, он вырядился в старомодный дорогой костюм и пытался обольстить их остроумием и ловкостью, но высокомерные девушки лишь насмехалась над маленьким провинциалом. Расстроенный Александр серьезно заболел: у него обнаружили воспаление мозга. Оправившись от болезни, он энергично ринулся в бой за женские сердца и вскоре добился победы — девятнадцатилетняя блондинка Адель Дальвэн стала его первой любовницей. После этого случая никто и никогда в будущем уже не смог устоять перед его натиском.

В 20-летнем возрасте Александр отправился в Париж, надеясь на протеже старых друзей отца Тома-Александра Дюма, генерала наполеоновской армии. Действительно, один из них — генерал Фуа устроил его переписчиком в канцелярию герцога Орлеанского, будущего короля Луи-Филиппа, поскольку юноша больше ничего не умел делать. Но несмотря на это, Дюма был уверен: он завоюет своим пером не только Париж и Францию, но

и весь мир.

После нескольких бесплодных попыток написать театральную пьесу к начинающему автору наконец-то пришла известность: на сцене была поставлена первая драма Дюма «Генрих III и его двор». Герцог Орлеанский лично способствовал успеху премьеры, ради привлечения на свою сторону романтической молодежи. Театр дал Дюма первый билет к славе. Стесненный в средствах молодой человек, сочиняя произведение за произведением, скоро начал завоевывать парижские салоны, великосветских дам и известных актрис.

В Париже молодой драматург жил в доме на площади Итальянцев. Часть свободного времени он посвящал Манет Тьери, бывшей жительнице Вилле-Коттре, которая теперь работала кастеляншей в пансионате, но вскоре переключился на 29-летнюю белошвейку Мари-Катрин-Лор Лабе, свою соседку по лестничной площадке.

По свидетельству одного мемуариста, «Катрин не была красавицей, но в ее лице сквозила какая-то прелесть, которая нравилась». Прелесть эта не ускользнула от пылкого провинциала, сумевшего быстро покорить сердце своей соседки. 27 июля 1824 г. Катрин Лабе подарила своему любовнику сына Александра, который вошел в историю мировой литературы как автор романа «Дама с камелиями». Дюма-отец признал ребенка в 1831 г., но с матерью не поддерживал почти никаких отношений. Правда, в следующем году он помог Катрин открыть так называемый «кабинет для чтения», мода на которые в то время была необычайно высока.

Александр часто дарил своим любовницам непристойные эпиграммы и стихи собственного сочинения. Если дама обижалась, он успокаивал ее тем, что «все, что вышло из-под пера папаши Дюма, когда-нибудь будет стоить очень дорого».

Летом 1827 г. в салоне ученого и литератора Матье Вильнава Дюма познакомился с его дочерью Мелани Вальдор.

Судьба и личность Мелани весьма романтичны. Она родилась 28 июня 1796 г., ее детство прошло в поэтичном поместье отца в Вандее. В феврале 1818 г. внезапно умерла лучшая подруга Мелани, в брата которой она была безответно влюблена. От отчаяния она вышла замуж за капитана интендантской службы Франсуа-Жозефа Вальдора, и у них родилась дочь. Но супруги не жили вместе: мужа служба бросала из одного отдаленного гарнизона в другой, а жена стала хозяйкой парижского литературного салона своего отца.

Дюма, с бешеной энергией покоривший Париж, заодно покорил, но гораздо быстрее, за три с половиной месяца, и 30-

летнюю поэтессу, замужнюю даму с доселе безупречной репутацией. Известна даже дата, когда это свершилось: 23 сентября 1827 г., а десятью днями раньше произошло бурное объяснение в любви — обе эти даты должны были быть высечены, согласно завещанию Мелани, на белом могильном мраморе.

Вальдор — натура страстная, безумно ревнивая, романтичная — мечтала стать музой-вдохновительницей молодого таланта. Она поняла, что Дюма ждет великое будущее, и поощряла его стремление всерьез отдаться театру и поэзии. Мелани была очень талантливой женщиной и сама писала стихи, которые ее возлюбленный печатал в издаваемом им журнале «Психея».

Роман Мелани и Александра был бурным, грозовым и пылким; Вальдор терзалась ревностью, потому что ее кумир не пропускал ни одной хорошенькой актрисы, которые оказались не способны «сопротивляться такой огромной любви». Одной из них была величайшая трагическая актриса Мари Дорваль, другой — актриса Белль Крельсамер. Последняя родила ему дочь Мари-Александрину, которая никогда впоследствии не виделась со своей матерью.

Мечтала о ребенке от Александра и Мелани. У замужней женщины и вольнолюбивого Александра это стремление обзавестись совместным младенцем носило кодовое название «вырастить герань», но в 1830 г. у нее случился выкидыш. Несчастная женщина слегла от потрясения. Дюма успокаивал подругу: «Не терзайся из-за сломанной герани… Наши бурные объяснения привели к этому преступлению — потому что это было преступление».

В начале 1831 г. произошел мучительный разрыв. Мелани угрожала покончить жизнь самоубийством (тогда и появилось завещание), писала своему любовнику умоляющие письма: «О, как ты жесток! Какой позор моя любовь к тебе и как я презираю себя!» Однако Дюма остался непреклонен.

Писатель обессмертил Мелани Вальдор в своей самой прославленной драме «Антони», на премьеру которой он пригласил отвергнутую им возлюбленную. Герой драмы в финале убивает замужнюю Адель, которую любит. Дюма признавался, что перенес на сцену свой бурный роман с Вальдор: «„Антони“ — это пятиактная любовная сцена ревности и ярости. Антони — это я, но без убийства. Адель — это она…»

После разрыва с Александром Мелани вела светскую и литературную жизнь. Она писала стихи и романы, в 1841 г. была поставлена ее пьеса «Школа девушек», где в одном из героев легко угадывается Дюма. Она была принята в салоне Виктора Гюго, переписывалась с Готье, Сент-Бёвом и Флобером.

Мелани Вальдор пережила своего знаменитого любовника всего на несколько месяцев. После его смерти она писала Дюма-сыну: «Если на свете когда-либо жил человек неизменно добрый и сострадательный, то это был, без сомнения, твой отец. Я никогда не переставала его любить».

30 марта 1830 г. состоялась премьера пьесы Дюма «Христина». На следующий день он шел по площади Одеон, как вдруг рядом с ним остановился фиакр, дверца распахнулась, и его окликнула незнакомая женщина: «Садитесь ко мне и поцелуйте меня… Ах, какой же вы талантливый и как хорошо вам удаются женские образы!» Этой восторженной поклонницей молодого драматурга оказалась прославленная актриса французского театра эпохи романтизма Мари Дорваль.

Мари родилась в 1798 г. Внебрачная дочь бродячих комедиантов, она в пятнадцать лет вышла замуж за актера Дорваля, который вскоре умер. Другой актер, Шарль Потье, привез Мари в Париж и устроил ее в театр «Порт-Сен-Мартен». Именно здесь в 1823 г. юный Александр впервые увидел Мари на сцене. Позже она исполняла роль Адели в драме Дюма «Антони».

Актриса вознаградила автора за мастерство в изображении женских характеров и стала его любовницей в конце 1833 г. Мари в шутку называла Александра «мой добрый пес». «Это была дружеская, я бы даже сказал, любовная кличка, которую мне дала Дорваль, — писал он в „Мемуарах“. — И „добрый пес“ остался ей предан до конца».

Связь их продолжалась недолго. Мари решила не огорчать изменой влюбленного в нее поэта Альфреда де Виньи, а Дюма — свою любовницу Иду Ферье.

Весной 1849 г. умирающая, впавшая в бедность Мари Дорваль послала за своим давним другом и умоляла его не допустить, чтобы ее похоронили в общей могиле. Дюма исполнил последнюю волю актрисы, для чего продал свои ордена, к которым относился с благоговейным трепетом. Через шесть лет Александр написал книгу «Последний год Мари Дорваль», посвятив ее Жорж Санд, а на вырученные деньги купил в вечное владение участок на кладбище, где воздвиг своей подруге достойное надгробие.

В июле 1830 г. Дюма вместе с восставшими стрелял, воздвигал баррикады на улицах Парижа. Когда народ волнуется, писатель не может оставаться в стороне. Дюма был республиканцем, но это не мешало ему дружить с аристократами и восхищаться империей, сочувствуя представителям династии Бурбонов.

Весной 1832 г. в театре «Порт-Сен-Мартен» состоялась премьера пьесы «Нельская башня» (не подписанной автором),

которую встретили бурными аплодисментами. К этому времени за неполных 17 месяцев на сцене было поставлено семь пьес Александра Дюма: пять за его подписью и две без. А ему уже стало скучно.

С театром у Дюма все происходило, как с женщинами: пылкая страсть вначале и безразличие потом, когда они сдались. Он был подобен охотнику, для которого главное — погоня. И Дюма отошел от театра, чтобы открыть для себя жанр повести и рассказа, а затем исторического романа. Один или с помощью «литературного негра» Огюста Маке он создал «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо», «Королеву Марго», «Двадцать лет спустя», «Шевалье де Мезон Руж», «Графиню де Монсоро», «Жозефа Бальзамо» и «Сорок пять» (эти восемь романов написаны меньше чем за четыре года, с 1844 по 1847 гг.).

Но не следует думать, будто он в то время только писал. В его жизни большое место занимали друзья — Виктор Гюго, Альфред де Виньи и герцог Фердинанд Орлеанский. К тому же еще женщины. А кроме того, путешествия, охота на косуль, сеансы спиритизма, интерес к недвижимости…

В 1839 г. тридцатисемилетний драматург уже десять лет был парижской знаменитостью. К этому времени Дюма около семи лет жил с актрисой Идой Ферье. Однажды он имел неосторожность явиться с любовницей на бал, который давал герцог Орлеанский, сын короля Луи-Филиппа. «Я счастлив видеть госпожу Дюма. Надеюсь, вы вскоре представите нам вашу жену в более узком кругу», — любезно заметил герцог, приветствуя известного писателя. Дюма понял прозрачный намек и решил жениться. Подписание брачного контракта состоялось в феврале 1840 г.; свидетелями со стороны жениха были сам великий Шатобриан и министр народного просвещения Франсуа Вильмэн.

Этот странный брак изумил весь Париж, который знал, что у Дюма есть сын и дочь от разных женщин, а кроме того — бесчисленные любовницы. Когда же писателя напрямую спросили, зачем он женился на Иде, он коротко ответил: «Да чтобы отделаться от нее…» По другой версии, единственная официальная женитьба Александра была результатом шантажа. Ида Ферье, актриса, попросила сообщника скупить все долговые расписки начинающего писателя и великодушно предоставила ему выбор: жениться на ней или угодить в тюрьму за неуплату долгов.

Ходили слухи, что супруга изменила Дюма в первую же брачную ночь с его лучшим другом Роже де Бовуаром. Дюма, заставший их в своей постели, великодушно простил обоих. А

обряд примирения друзья совершили, возложив руки на лоно Иды, намекая тем самым на публичность этого интимного места…

Маргарита Жозефина Ферран (по сцене — Ида Ферье) родилась в Нанси 31 мая 1811 г. Когда ей было семнадцать лет, отец умер, оставив семью в тяжелом положении. Девушка, получившая хорошее образование и усвоившая азы драматического искусства в маленьком театре при пансионе в Страсбурге, решила «завоевать Париж», куда и переехала к своему брату, который контролировал театральные заведения в столичных пригородах. Под псевдонимом Ида она дебютировала в театре Бельвиля, получая 50 франков в месяц. Актриса быстро нашла себе богатого покровителя Жака Доманжа, который именовал себя ее опекуном; он снял ей квартиру в Париже и устроил в театр «Нувоте».

Впервые Дюма увидел Иду в декабре 1831 г.: актриса репетировала роль молоденькой девушки в его пьесе «Тереза». Тогда Ферье была пухлой блондинкой с ослепительно белой кожей и голубыми глазами. Только к сорока годам она, по словам одной мемуаристки, «стала толстой, как гиппопотам». В феврале 1832 г. с большим успехом прошла премьера; Ида, бросившись в объятия Дюма, воскликнула: «Я просто не знаю, как вас благодарить!» Прославленный драматург, у которого тогда была связь с актрисой Белль Крельсамер, не отказался вкусить прелестей дебютантки.

Несколько лет Ида потратила на то, чтобы завоевать своего ветреного любовника. В 1836 г. она окончательно поселилась в доме у Дюма. Ферье очень любила дочь Александра, но терпеть не могла Дюма-сына.

Мемуаристы рисовали малопривлекательный портрет единственной законной жены Дюма. «На земле Ида любила только себя и больше никого», — писала графиня Даш. Ферье была женщиной страстной, расчетливой, капризной и ревнивой. Она беспрестанно устраивала Александру сцены и ссоры, занималась главным образом своими туалетами и посвящала все время заботе о собственной красоте. Ее актерский талант был невелик, и в 1839 г. она оставила сцену.

Мадам Дюма недолго была верна своему знаменитому супругу. В 1841 г. она встретила знатного сицилийского вельможу, князя де Виллафранка, и стала его любовницей. В октябре 1844 г. Александр Дюма и Ида Ферье расстались. Умерла Ида сорока восьми лет от роду в Генуе, унеся с собой в могилу, говоря словами князя, «половину его души». Но Александр навсегда вычеркнул ее из своего сердца.

Говоря о Дюма, трудно обойтись без цифр: дотошные биографы подсчитали, что будто бы у творца «Трех мушкетеров» было около 350 возлюбленных и 500 детей, разбросанных по всему свету. В Париже ходили легенды о бурном темпераменте писателя. «Поговаривают о моих „африканских страстях“», — признавался он. Создатель бессмертного д'Артаньяна даже бравировал своей любвеобильностью: «Много любовниц я завожу из человеколюбия; если бы у меня была одна любовница, то она умерла бы через неделю».

Когда Дюма-отца навещал подросший Дюма-сын, что было не так уж и часто, в доме поднимался переполох, отец метался по комнатам, пытаясь спрятать в чуланах и комнатах для слуг многочисленных полуодетых женщин.

Весной 1864 г. Дюма встретился в городской мэрии с бывшей своей любовницей Катрин Лабе на бракосочетании их сына с княгиней Надеждой Нарышкиной. У Дюма-сына возникла мысль поженить престарелых родителей, но успеха он так и не добился. Катрин скончалась в Париже 22 октября 1868 г.

Дюма всегда считал себя человеком театра, добившись признания и известности прежде всего как драматург. Среди множества пережитых писателем сердечных авантюр были трагедии и комедии, романтические мелодрамы и легкие веселые водевили. Поэтому большинство героинь его любовных романов — актрисы. В бесконечной пьесе о любви, в которой для него самым важным была захватывающая интрига страсти, Александр сумел сыграть все роли — от пылкого первого любовника до обманутого мужа.

Незабываемой для Дюма стала встреча с итальянской певицей Фанни Гордозой. Первый муж Фанни так устал от ее сексуального аппетита, что заставлял ее носить обвязанное вокруг талии мокрое холодное полотенце, чтобы хоть как-то охладить любовный жар. Благодаря «африканскому пылу» писателя она была надолго избавлена от этой процедуры. Дюма, впрочем, вскоре выставил Фанни из дому: она, связавшись с учителем музыки, тем не менее ревновала его к другим женщинам.

Дюма объехал всю Италию, сопровождаемый актрисой Эмилией Кордье, которую он называл «мой адмирал». Днем она одевалась в костюм опереточного матроса и выдавала себя за мальчика. Впрочем, об этом маскараде все знали. Вскоре «мальчик» оказался беременным. У «адмирала» в положенный срок родилась дочь Микаэла, которую Дюма нежно любил. Эмилия склоняла Александра к женитьбе, а когда он отказался, не позволила официально объявить о своем отцовстве. Правда,

крестным отцом девочки стал друг писателя Джузеппе Гарибальди.

Следующей любовницей Дюма была актриса Изабель Констан, которая родила ему сына. Но это обстоятельство не долго удерживало их вместе. Александр не на шутку увлекся поэтессой Эммой Маннури-Лакур, отношения с которой он увековечил в романе «Госпожа де Шамбле». С молодой вдовой, которая вторично вышла замуж, но до встречи с Дюма оставалась девственницей, завязался бурный роман. Эмма чуть было не родила ему еще одного ребенка, но, к большому огорчению Дюма, ее тяжелая беременность закончилась выкидышем. В 1857 г. любовники издали совместный сборник стихов «Два одиночества», где рассказали о своем чувстве поэтическим языком. Когда через три года 37-летняя Эмма скончалась от чахотки, Александр признавался: «…мое сердце, как мне кажется, хотя я и не утверждаю этого, умерло вместе с ней».

Затем Дюма развлекался со знаменитой танцовщицей Лолой Монтес, чьи выступления шокировали женщин и восхищали мужчин. Лола добавила Александра к длинной череде своих знаменитых любовников, проведя с ним лишь две ночи. Сделала она это, впрочем, с необыкновенным изяществом.

Одним из самых ярких любовных романов Дюма стала его связь с американской цирковой наездницей Адой Айзекс Менкен, начавшаяся летом 1866 г. Эта молодая, эффектная еврейка с красивой фигурой и привлекательным лицом могла долго рассуждать о литературе, теологии и философии и при этом залпом опрокинуть три рюмки водки. Когда они познакомились, Александру Дюма было уже 64 года. Но возраст не стал помехой в деле укрощения страстной наездницы. Сохранились фотографии, где Ада Менкен стоит в весьма фривольной позе, опершись на сидящего толстяка. Фотограф Либерт, с которым Дюма так и не расплатился, выставил снимки на продажу. Разразился скандал. И в сатирическом журнале «Суматоха» появился стишок с весьма едким куплетом:

Она была свежа, легка,
Была в расцвете сил,
А он чуть меньше бурдюка
Животик отрастил.

Это фото привело в восторг молодого Поля Верлена, который написал стихотворение, где есть такие строчки:

С мисс Адой рядом дядя Том,

Какое зрелище, о Боже!

Но дочь Дюма, Мария, была другого мнения: она делала все возможное, чтобы изъять открытки из продажи. Александр Дюма судился с Либертом, и через несколько месяцев фотографии исчезли из парижских витрин. Дюма-сын, со своей стороны, заклинал отца не афишировать скандальную связь с эксцентричной американкой, которая уже успела четырежды побывать замужем. Но Дюма не слушал: в июле 1868 г. он снова встречался в Гавре с Адой, которая возвращалась из гастролей по Англии.

Судьба последней любовницы Александра оказалась трагичной. Она внезапно заболела и 10 августа 1868 г. в возрасте тридцати четырех лет умерла от острого перитонита. В сохранившемся письме Дюма к Аде Менкен автор «Графа Монте-Кристо» писал: «Если верно, что у меня есть талант, — то верно, что у меня есть любовь, и они — принадлежат тебе».

В 1870 г. Александр Дюма вновь, в двадцатый раз в жизни, разорился. «Все говорят, что я мот, — сказал Дюма перед смертью своему сыну. — Видишь, как все заблуждаются? Когда я впервые приехал в Париж, в кармане у меня было два луидора. — И, указывая взглядом на стол возле постели, закончил: — Взгляни… Они все еще целы». Через несколько дней, 5 декабря, его не стало. Великий писатель прожил бурную жизнь. Наслаждался и работал, жил на широкую ногу и трудился не покладая рук. Натуры заурядные вынуждены выбирать, чем довольствоваться. Он же брал от жизни все.

Знаменитая актриса эпохи романтизма Мари Дорваль, подруга Дюма, удивлялась: «Ну где же ты так хорошо узнал женщин?» Теперь можно ответить на ее вопрос: он постиг их в жизни своим гением. Дюма понимал душу женщин, а самое главное — он их любил и всегда был благодарен им за любовь. Этот страстный донжуан имел доброе сердце, что чувствовали и ценили все его возлюбленные.

Гюго Виктор

Полное имя Виктор Мари Гюго (род. в 1802 г. — ум. в 1885 г.)

Классик французской литературы, знаменитый поэт, писатель, драматург и художник. Всемирно известный создатель шедевров многожанровой лирики и художественной прозы; вождь и теоретик демократического романтизма. Великий гражданин Франции; в настоящее время в каждом городе страны есть улица, носящая его имя.

Личность Гюго поражает своей разносторонностью. Один из самых читаемых в мире французских прозаиков для своих соотечественников является, прежде всего, великим

национальным поэтом, реформатором французского стиха, драматургии, а также публицистом-патриотом, политиком-демократом. Знатокам он известен как незаурядный мастер графики, неутомимый рисовальщик фантазий на темы собственных произведений.

Некоторые стороны творческого наследия Гюго уже принадлежат прошлому: сегодня кажутся старомодными его ораторско-декламационный пафос, многословное велеречие, склонность к эффектным антитезам мысли и образов. Однако человечество никогда не забудет того, кто перед смертью, подводя итог своей деятельности, с полным основанием сказал: «Я в своих книгах, драмах, прозе и стихах заступался за малых и несчастных, умолял могучих и неумолимых. Я восстановил в правах человека шута, лакея, каторжника и проститутку».

Гюго сказал как-то, что «жизнь — это оборванная фраза». Но фраза, которую он писал всю свою жизнь, так длинна, так бесконечна, сложна, так напитана мыслями и чувствами, что вряд ли когда-нибудь оборвется. В этой фразе все его творчество: его поэмы, пьесы, романы и статьи, памфлеты, дорожные зарисовки, эссе. Вступив в жизнь монархистом (в 20 лет он получил пожизненную ежемесячную пенсию в 1000 франков от двора), Гюго стал республиканцем, демократом, гуманистом, противником смертной казни, защитником бедных и отверженных. Он стал тем знаменитым стариком, который в свои 68 лет, во время осады Парижа прусской армией записался в национальную гвардию и нес караульную службу…

Великий сын французского народа родился в Безансоне 7 вантоза X года Республики по революционному календарю (28 февраля 1802 г.). Его родителями были наполеоновский офицер Жозеф Леопольд Сижисбер Гюго и урожденная Софи Франсуаз Требюше де ла Ренодьер. Крестными родителями ребенка стали генерал Виктор Лагори и госпожа Мари Дезирье, супруга коменданта крепости генерала Делеле. В их честь мальчика назвали Виктор Мари.

Маленький Виктор с двумя старшими братьями Абелем и Эженом находился то при отце, то при матери, переезжая из одного города в другой, из Франции в Италию и Испанию. С пяти лет он был приписан к отцовскому полку и считал себя солдатом. Действительно, в таком нежном возрасте ему довелось увидеть ужасы войны и смерти — на пути в Мадрид, через всю отчаянно сопротивляющуюся наполеоновскому вторжению Испанию.

Отец поэта, майор (впоследствии генерал) Леопольд Гюго, был человеком пылким и страстным, мужчиной того типа, который у итальянцев называется «Господин Всегда Готов». Он

был влюблен в жену и, пользуясь законным правом, так часто пытался склонить ее к исполнению супружеских обязанностей, что в скором времени это привело к размолвкам и тяжким скандалам. Госпожа Гюго резонно не желала все время пребывать в счастливом ожидании прибавления семейства, а оптимистичный супруг в этом вопросе придерживался мнения «чем больше, тем лучше».

Эту черту характера Виктор Гюго от отца унаследовал полностью. Вообще же от отца ему передался жизненный напор, активность, а от матери — чувствительность, мечтательность, не исключавшие известной рассудительности и хладнокровия.

В жилах семейства Гюго не текло ни капли дворянской крови. Все они были выходцы из буржуазного сословия, исповедовали культ благопристойности, семейного порядка и уюта, экономии с некоторой долей скаредности. К примеру, Виктор до конца дней сохранил привычку записывать свои ежедневные расходы, вплоть до мельчайших. Но буйный темперамент отца у младшего сына усилился природной склонностью к лирическому видению человеческих отношений. Романтический пафос вознес Виктора Гюго на вершину славы, и он же погружал его в пучины выдуманных и невыдуманных страстей и страданий.

Пламенный Леопольд Гюго, не снеся воздержания, завел любовницу, в результате чего супруги стали жить раздельно (спутником Софи Гюго стал ее давний друг генерал Виктор Лагори, сподвижник знаменитого Моро, вставшего на пути Бонапарта к безраздельной власти). Софи, женщина с сильным бретонским характером, не пожелала терпеть обычное для того времени «раздвоение» мужа и забрала детей себе. Маленький Виктор страдал и одновременно получал уроки, пошедшие не впрок.

Литераторы — эти пленники вдохновенья — о частной жизни и семье мечтали, как обыкновенные люди. Однако в своих избранницах они упорно хотели видеть неземных созданий, единомышленниц и античных богинь, и романтически страдали, обнаруживая в них всего лишь женщин. Гюго не был исключением.

С подростковых лет он по уши влюбился в соседскую дочку, Адель Фуше — буржуазную и благопристойную девицу из весьма состоятельного семейства. Роман, отразившийся эпистолярно в нескольких чемоданах длиннейших писем, главным образом Виктора к Адели, переваливший через имущественно-денежные преграды, завершился в 1822 г. счастливой свадьбой. Адель Гюго-Фуше стала первой и последней, единственной законной супругой будущего великого поэта, достоверной матерью его

детей. И — жертвой своего гениального мужа.

К тому времени Виктор, начав зарабатывать пером, уже вышел из материальной зависимости от отца и стал бывать в свете. Почти сразу он получил у современников кличку «Фавн». Поначалу монархист и добрый католик, Виктор писал друзьям и невесте огромные письма-трактаты, исполненные величавых рассуждений о добродетели и нравственности. Но театрально-литературная атмосфера, множество красивых и вполне доступных дам быстро изменили его взгляды. Тем более что любимая супруга довольно скоро обнаружила свою умеренность и ограниченность в страстях.

Подобно свекрови, Адель Гюго обоснованно не хотела погрязать в семейных хлопотах и проводить все время на брачном ложе. У нее было собственное представление о достойной жизни и «высоких отношениях», в то время как муж то и дело норовил затащить ее в спальню. Ему это часто удавалось — в короткое время супруги обзавелись четырьмя детьми. Теперь Гюго уже стал общепризнанным литератором, автором «Собора Парижской Богоматери», нескольких сборников стихов и не сходящих до сегодняшнего дня со сцен театров пьес: «Эрнани», «Рюи Блаз», «Король забавляется». К этому времени он достиг известности как на литературном, так и на политическом поприще.

В доме писателя чаще других стал бывать друг семьи, литератор Сент-Бёв. Именно в нем Адель Гюго увидела свой идеал мужчины, поклонника-воздыхателя и единомышленника, державшегося до поры до времени очень скромно. А Виктор, все видя и понимая, страдая от гнева и благородства по отношению к другу, тоже не стал монашествовать и обзавелся доступной «подругой для удовольствий» — второсортной актрисой Жюльеттой Друэ. Впоследствии случайная любовница станет его Музой и верным другом до самой смерти, а любовь к ней будет для талантливого поэта «важнее всего на свете, важнее дочери, важнее Бога…»

Они познакомились в театре Порт-Сен-Мартен в 1833 г., во время репетиций новой пьесы Гюго «Лукреция Борджа», где Жюльетте была доверена небольшая роль принцессы Негрони. В это время ей было 26 лет, и она уже привыкла к вниманию мужчин, которые были покорены ее красотой, жгучим темпераментом и импульсивностью. Каких взглядов на жизнь она придерживалась, можно судить по ее знаменитому высказыванию: «Женщина, у которой всего один любовник, — ангел, у которой два любовника, — чудовище. Женщина, у которой три любовника, — настоящая женщина». Она прошла через все эти этапы, став типичной парижской куртизанкой, жившей за счет

своих богатых поклонников. Среди ее любовников был и знаменитый скульптор Д. Прадье, для которого актриса вначале служила моделью, а спустя два года стала матерью его ребенка.

Жюльетта вела настоящую полусветскую жизнь, умела красиво одеваться, тратить деньги, брать кредиты и делать долги. Кроме того, она обладала чувством юмора и была очень элегантна, несмотря на свое простое происхождение. Кстати, молодая актриса этого не скрывала и не стеснялась, наоборот, подчеркивала и кокетливо использовала в своих отношениях с мужчинами. Поэтому у нее никогда не было проблем с деньгами: всегда находился кто-то, кто мог бы заплатить за нее.

Настоящая фамилия Жюльетты — Говэн, ее родители умерли, когда она была еще младенцем. Воспитанием девочки занимался дядя, чье имя — Друэ впоследствии и стало ее сценическим псевдонимом. Затем был католический пансионат, в котором Жюльетта впервые ощутила прелесть литературы. Получив неплохое образование, она много читала, найдя свой собственный, довольно оригинальный, принцип отношений с противоположным полом. Жюльетта полагала, что женщина, вышедшая из низов, может привлекать не только красивым телом, но и своей образованностью, до сих пор считавшейся привилегией французских аристократок. Для начала XIX в. это была довольно смелая мысль.

Вырвавшись из пансионата, она решила стать актрисой. В то время это была не столько профессия для девушки, сколько образ жизни, наполненной богатыми мужчинами. Работа в театре на первых порах давала возможность безбедного существования, но Жюльетта была достаточно умна, чтобы понимать, что так не может продолжаться всю жизнь. Возможно, поэтому ее улыбка всегда была немного грустна.

Именно эта улыбка и пленила великого Гюго. Много лет спустя он писал: «У меня два дня рождения, оба в феврале. В первый раз, появившись на свет 28 февраля 1802 г., я был в руках моей матери, во второй раз я возродился в твоих объятиях, благодаря твоей любви, 16 февраля 1833 г. Первое рождение дало мне жизнь, второе дало мне страсть». Страсть любви, страсть к творчеству, страсть к жизни. Это было духовное и литературное возрождение литератора: поменялся и его стиль — из далекой истории («Собор Парижской Богоматери», «Мария Тюдор», «Кромвель») он окунулся в реальную жизнь.

Жюльетта, недавняя натурщица смелых поз и посредственная актриса, была женщиной не только очень красивой, но и чувственной. Молодой «Фавн», к тому времени уже прославленный поэт и прозаик, сходил с ума от того, что они с

новой подругой вытворяли наедине. Боязливая покорность и нескрываемое равнодушие супруги к «радостям любви» не выдерживали сравнения с веселой вседозволенностью.

Гюго тиранил свою новую подругу. Снимал для нее жилье, оплачивал расходы и требовал безоговорочного послушания.

Жюльетта не имела права появляться где-либо одна, ей запрещалось даже выходить на улицу подышать. Знаменитый писатель, ввиду большой занятости, не мог посещать ее каждый день, иногда отделывался записками и письмами. По мере привыкания его отлучки становились все продолжительней.

Но несмотря на это, любовники оставались вместе всю жизнь. Жюльетта сопровождала Гюго в дальних поездках, последовала за ним в политическое изгнание на остров Гернси. Она не требовала узаконить их отношения, зная, что Виктор никогда не согласится развестись с женой, не просила устроить жизнь ее единственной дочери Клер (отцом которой Гюго не был), в добровольном затворничестве по прихоти любовника провела десятилетия, сносила его выходки и терпела его охлаждения.

Жюльетта стала всепонимающей спутницей жизни знаменитого писателя и вдохновительницей его творчества. В основу этого союза легла пятидесятилетняя переписка, порой страстная, порой интеллектуальная, ставшая классикой эпистолярного жанра: свыше 15 тысяч писем и посланий друг другу. Рядом с Жюльеттой Гюго нашел успокоение, а она ради него покинула театр, отказалась от светской жизни, забыла о своих многочисленных поклонниках, превратившись в тень гениального поэта. Вся ее дальнейшая жизнь была неразрывно связана с его судьбой, разделившись между радостью редких встреч и грустью расставания.

Летом 1834 г. Гюго еще соблюдал правила семейного этикета и, как обычно, отдыхал с семьей в провинции. Но Жюльетта уже была рядом, в нескольких километрах. Любовники продолжали встречаться вдали от всех, а старый каштан служил им почтовым ящиком. Казалось, нежные письма компенсировали их нечастые свидания: «Да, я пишу тебе! И как я могу не писать тебе… И что будет со мной ночью, если я не напишу тебе этим вечером? Моя Жюльетт, я люблю тебя. Ты одна можешь решить судьбу моей жизни или моей смерти. Люби меня, вычеркни из своего сердца все, что не связано с любовью, чтобы оно стало таким же, как и мое. Я никогда не любил тебя более, чем вчера, и это правда… Прости меня. Я был презренным и чудовищным безумцем, потерявшим голову от ревности и любви. Не знаю, что я делал, но знаю, что я тебя любил…»

Адель, не самая верная жена, как будто высказывала свое

недовольство, официально оставаясь мадам Гюго, в действительности каждый из супругов сделал свой выбор и их отношения были чисто номинальными.

А Жюльетта жила в уединении, занимаясь перепиской рукописей поэта. Она первой узнавала обо всех его новых шедеврах. Свое убежище женщина покидала только для совместных летних путешествий по Франции, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Германии, Испании. Эти путешествия расширяли и ее и его кругозор. Гюго делал многочисленные зарисовки, поэтические и художественные. Письма к друзьям этого периода свидетельствуют об углубленном и философском взгляде на мир, что отразилось и в его поэзии. Появились изумительные сборники стихов «Лучи и тени», «Осенние листья», «Песни сумерек», «Внутренние голоса».

Страстные чувства к Жюльетте видны в лирике Гюго, которая приобрела в ту пору очень личностный характер. Он воспевал обычные радости семейной жизни, домашнего очага, красоту природы, величие любви, счастье иметь детей. Эти темы впервые появились в его творчестве, ранее он интересовался только средневековой историей и междоусобными войнами.

В 1841 г. Гюго избрали во Французскую Академию, через четыре года удостоили почетнейшего звания пэра Франции, а в 1848 и 1849 гг. он был избран депутатом Парижа. Это был расцвет его литературной и политической карьеры. Виктор удачно лавировал между республиканцами и монархистами, но когда нужно было принять окончательное решение, он отказался поддержать кандидатуру будущего короля Луи Бонапарта Наполеона III, племянника великого императора и героя будущего сатирического памфлета Гюго «Наполеон Малый». Это стоило писателю двадцати лет жизни вдали от родины. После государственного переворота 1851 г. он покинул Францию вместе с Жюльеттой, закрывавшей глаза на его многочисленные измены (по ее подсчетам, только за два последних года у Виктора было по меньшей мере 200 любовных связей).

В начале 1843 г. очередной дамой сердца Гюго стала молодая блондинка Леони д'Онэ, жена придворного художника Огюста Биара. Однажды по просьбе мужа, подозревавшего измену, в укромную квартиру Гюго, предназначавшуюся для тайных свиданий, нагрянула полиция, застав любовников «за интимным разговором». В то время во Франции адюльтер сурово карался. Леони была арестована, а Гюго отпущен, поскольку имел статус неприкосновенности пэра. Над этой комичной ситуацией немало поиздевались газеты: любовница оказалась за решеткой в обществе проституток, а ее соблазнитель — на свободе.

Дело дошло до короля, посоветовавшего писателю уехать на время из Парижа. Но Виктор предпочел спрятаться у верной Жюльетты — женщины, которая не боялась скандалов, соперниц и политических перипетий. Именно она нашла в момент прихода к власти Наполеона III необходимые для Гюго подложные документы, организовала быстрый отъезд из страны и тайно последовала за ним сначала в Бельгию, а затем в Англию. С этого времени Гюго стал символом интеллектуального сопротивления диктатуре.

Жюльетта Друэ все время была рядом. Из просто любовницы она превратилась в друга, единомышленника, секретаря, занимаясь документами и архивами Гюго. Их связь стала настолько плодотворной, что даже Адель перед своей смертью просила прощения у мужа и его Музы. В последний месяц своей жизни она разрешила Жюльетте войти в круг их семьи, смирившись с неотделимой «тенью» своего супруга.

Адель умерла в 1868 г., а через три года Гюго в сопровождении Жюльетты Друэ вернулся во Францию. Писатель стал национальным героем, а его подруга — общепризнанным компаньоном, женой во всем, кроме имени. Впрочем, тогда это для нее уже было не столь важно. Она прожила со своим кумиром почти целую жизнь в качестве любовницы и свыклась с этим положением, не претендуя на большее. Тем более что свои привычки молодости в отношении беспорядочных связей престарелый «Фавн» никогда не оставлял.

Последние годы жизни Гюго прошли в атмосфере внешнего почитания со стороны официальной Франции. Он был сказочно богат благодаря бесконечным переизданиям своих книг. В январе 1876 г. его избрали в Сенат, пресса расточала похвалы всему, что выходило из-под его пера. Между тем все явственнее давал о себе знать надвигающийся конец земного пути. В июне 1878 г. у Гюго произошло кровоизлияние в мозг, от которого он оправился, но после этого практически не написал ничего нового. Он стал затворником, хотя иногда принимал знатных иностранцев, желавших поглядеть на национальную знаменитость, и между делом умудрился соблазнить замужнюю Жюдит Мендес, 22-летнюю дочь писателя Теофиля Готье.

28 февраля 1882 г. Гюго отметил свое восьмидесятилетие. В этот день мимо его дома на проспекте Эйлау прошло более 500 тыс. человек, приветствуя великого национального поэта, а вечером состоялось сотое представление его драмы «Эрнани», в котором роль доньи Соль играла знаменитая французская актриса Сара Бернар, не без оснований считавшаяся его любовницей. Через несколько дней Сенат стоя троекратно

повторенными аплодисментами приветствовал Виктора Гюго, которому только что воздала высшие почести нация.

Все эти триумфы разделяла его верная подруга 75-летняя Жюльетта Друэ, которая теперь уже почти не расставалась с писателем. Вместе с тем они сохранили привычку по всякому поводу писать друг другу письма. В январе 1883 г., посылая спутнику своей жизни новогодние пожелания, Жюльетта написала: «Обожаемый мой, не знаю, где я буду в эту дату в следующем году, но я счастлива и горда подписать тебе мое удостоверение на жизнь сейчас вот этими только словами: Я люблю тебя». Это было последнее ее новогоднее поздравление — 11 мая 1883 г. она скончалась. Гюго был раздавлен горем до такой степени, что не мог даже присутствовать на ее похоронах. Отныне все ему стало безразлично: с Жюльеттой ушло все его прошлое, вся его жизнь.

Великий поэт, «наиболее француз из всех французов», щедрый и скаредный, верный и ветреный, милосердный и гневный, прожив жизнь святого грешника, расплатился за свои метания, измены и раскаяния полной мерой. Судьба метко наносила удары по дорогим ему людям: старшая дочь Гюго Леопольдина погибла в кораблекрушении, младшая дочь Адель, не сумевшая выйти замуж, на этой почве тихо помешалась. От сердечной болезни умерла жена, а затем и верная любовница. Смерть унесла и обоих сыновей — Шарля и Франсуа. На старости лет Гюго остался одиноким дедом двоих внуков — Жоржа и Жанны.

Летом 1884 г. он совершил последнее свое путешествие — в Швейцарию. В записной книжке наряду с неразборчивыми набросками стихов, начатых и неоконченных поэм появилась запись: «Скоро я перестану заслонять горизонт». Однако даже в это время старец Гюго остался верен себе: он не только целовал ручки и отвешивал знакомым дамам комплименты, но и еще вполне мог показать через окно спальни «небо в звездах» — тому есть свидетельницы. Записи в его дневнике рассказывают о том, что за последние четыре месяца перед смертью 83-летний Виктор восемь раз имел сексуальные отношения с женщинами.

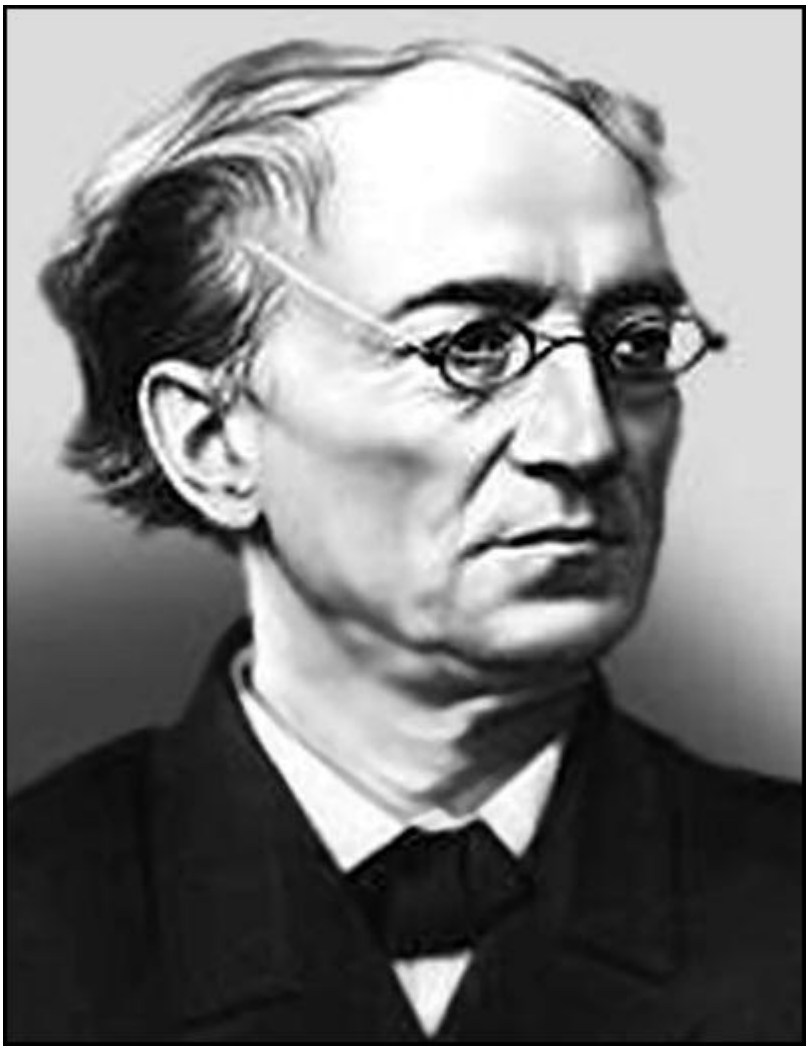
15 мая 1885 г. Гюго, перенесший инфаркт, заболел воспалением легких. Ничто уже не могло его спасти, и 22 мая, в день именин Жюльетты Друэ, он скончался со словами: «Я вижу… темный свет».

На другой день после смерти Гюго правительство приняло решение о национальных похоронах, которые были назначены на 1 июня. Развернулась грандиозная, не имеющая себе равных церемония: в ночь накануне похорон более 200 тыс. парижан

прошли перед гробом, стоящим под Триумфальной аркой, с которой свешивалась огромная креповая вуаль. Днем около 2 млн человек выстроились вдоль пути следования катафалка с площади Звезды в Пантеон. По словам присутствовавшего там Мориса Барреса, страна хоронила «поэта-пророка, старого человека, который своими утопиями заставлял трепетать сердца».

Слава Гюго давно перешагнула национальные границы, уже при жизни он стал принадлежать всему миру, а что касается Франции, то каждое новое поколение французов в своем восприятии Гюго, конечно, ставило свои акценты, но изумление, если не восхищение перед этой фигурой было почти всеобщим. Однако, кроме литературной славы у себя на родине, то уменьшающейся, то загорающейся вновь ярким светом, у Гюго есть постоянная популярность среди массового читателя во всем мире, которая не считается ни с табелями о рангах литературных поколений, ни с ярлыками историков литературы.

Тютчев Федор Иванович



(род. в 1803 г. — ум. в 1873 г.)

Русский поэт, любовные связи которого стали источником создания лирических шедевров.

Федор Иванович Тютчев принадлежит к числу наиболее оригинальных русских поэтов. В его творчестве легко уживались глубокие, философские темы и нежная, тонкая лирика. Не случайно многие его любовные стихотворения становились популярными романсами. При этом Тютчев никогда не стремился стать профессиональным стихотворцем, избрав полем своей деятельности дипломатическую службу. Истоки поэтического

вдохновения, отразившегося в лирике, следует искать в любовных связях поэта, коими во все годы своей сознательной жизни он не был обделен.

Женщины любили Тютчева всю его жизнь, любили преданно и верно. Но и сам Федор Иванович, полюбив, весь без остатка отдавался своему чувству.

Родился Федор Иванович Тютчев в семье потомственных дворян 5 декабря 1803 г. в одном из живописнейших уголков России — селе Овстуг Орловской губернии, там же провел детство и отрочество. С 1810 г. семья Тютчевых перебралась в Москву, где имела собственный дом. По свидетельству современников, Тютчевы жили открыто, широко, хлебосольно. Они четко соблюдали ритуалы праздников, крестин, свадеб, именин. В просторном доме находились многочисленные родственники, гости и жильцы. Так что Феде и в детстве, и в юности жилось вольготно и спокойно.

После окончания в феврале 1822 г. словесного факультета Московского университета Тютчев был зачислен в Государственную коллегию иностранных дел. С этого времени началась и всю жизнь продолжалась его дипломатическая карьера. Он служил в Германии, Италии, Франции, принимал участие во многих дипломатических миссиях, сумел проявить политическую и историческую прозорливость во время Крымской кампании и в 1865 г. дослужился до ранга тайного советника.

Надо сказать, что служебная карьера для проницательного и предусмотрительного Тютчева почти всегда шла более или менее предсказуемо. Сложнее складывалась его личная жизнь, претерпевшая немало драматических поворотов. Любовь или, вернее, стихия любви занимала в бытии и сознании Федора Ивановича исключительное место. Пожалуй, трудно найти человека, которого страсти захватывали и потрясали так, как его. Полюбив, он уже не умел, не мог разлюбить: любимая женщина становилась для него как бы воплощением целого мира — удивительным и неповторимым.

Первой любовью Тютчева принято считать юную Амалию фон Лерхенфельд, которой он страстно увлекся вскоре после приезда в Мюнхен, по-видимому, весной 1823 г. (хотя первые любовные увлечения Тютчев пережил еще в России до отъезда в Германию, но сведений о них не сохранилось).

Амалия, внебрачная дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма III и княгини Турн-и-Таксис, была одарена редкостной, уникальной красотой. Ею восхищались многие выдающиеся люди, такие, как Генрих Гейне, Пушкин, Николай! Баварский король Людвиг I даже заказал портрет Амалии для

собираемой им коллекции портретов европейских красавиц.

Взаимоотношения Амалии с Тютчевым продолжались целых полвека. И этот факт говорит о том, что она сумела оценить его любовь, но все же не смогла или не захотела связать с ним свою судьбу. До потомков дошли неясные сведения о драматических перипетиях начала 1825 г., когда молодой дипломат едва не оказался участником дуэли (неизвестно, с кем, но явно в связи со своей любовью к Амалии) и вынужден был уехать из Мюнхена, взяв долгосрочный отпуск. За время отсутствия Тютчева Амалия обвенчалась с его сослуживцем, бароном Александром Сергеевичем Крюденером, который впоследствии был русским послом в Швеции. Королевская дочь, да к тому же ослепительная красавица, Амалия явно стремилась добиться как можно более высокого положения в обществе. И это ей удалось. Уже в 1830-х гг. она играла первостепенную роль в петербургском высшем свете и пользовалась большим влиянием при дворе. После смерти Крюденера Амалия Максимилиановна вторично вышла замуж за финляндского губернатора и члена Государственного совета графа Н. В. Адлерберга, бывшего к тому же сыном всесильного министра двора. В то время ей исполнилось сорок шесть лет, но она все еще оставалась красавицей.

Амалия не однажды и совершенно бескорыстно оказывала Тютчеву очень важные услуги, что его сильно смущало. В частности, об одной из таких услуг в 1836 г. Тютчев сказал: «Ах, что за напасть! И в какой же надо быть мне нужде, чтобы так испортить дружеские отношения! Все равно, как если бы кто-нибудь, желая прикрыть свою наготу, не нашел для этого иного способа, как выкроить панталоны из холста, расписанного Рафаэлем… И, однако, из всех известных мне в мире людей она, бесспорно, единственная, по отношению к которой я с наименьшим отвращением чувствовал бы себя обязанным».

Здесь можно усомниться: так ли уж Тютчева огорчали заботы Амалии о нем. Ведь они как бы подтверждали глубокую взаимную симпатию. Недаром же поэт полушутя-полусерьезно просил своего тогдашнего друга князя Ивана Гагарина: «Скажите ей, что если она меня забудет, ее постигнет несчастье».

Но Амалия так и не смогла забыть Тютчева. Как и он, любивший ее всегда, хотя это была скорее нежная дружба, нежели страстная любовь. В 1840 г. он писал родителям: «После России госпожа Крюденер моя самая давняя любовь… Она все еще очень хороша собой, и наша дружба, к счастью, изменилась не более, чем ее внешность».

В 1870 г., случайно встретившись с Амалией Максимилиановной в курортном городе Карлсбаде (ныне

Карловы Вары), 67-летний Тютчев посвятил ей знаменитое стихотворение «Я встретил вас…»

Но вернемся к событиям конца 1825 г. Неизвестно, когда Тютчев узнал о свадьбе Амалии, но легко представить себе его боль и отчаяние. И тем не менее очень скоро, 5 марта 1826 г. он женился на Элеоноре Петерсон, урожденной графине Ботмер. Это был во многих отношениях странный брак. Неожиданно для окружающих 22-летний молодой человек тайно обвенчался с недавно овдовевшей женщиной, матерью четверых детей, которая к тому же была на четыре года старше его. К этому следует еще добавить, что, согласно суждению одного из биографов поэта К. В. Пигарева, «серьезные умственные запросы Элеоноре были чужды». Даже через десять лет, в 1836 г. мюнхенский начальник Тютчева Г. И. Гагарин, очень к нему благоволивший, писал о тяжелых последствиях «неприятного и ложного положения, в которое он поставлен своим роковым браком».

Правда, в пользу этого брака свидетельствует то, что Элеонора была очень обаятельной женщиной, о чем свидетельствуют и ее портреты, и посвященные ей стихи. Дочь графа Теодора Ботмера, принадлежавшего к одной из самых родовитых баварских фамилий, она еще совсем юной вышла замуж за русского дипломата Александра Петерсона и прожила с ним около семи лет, до его кончины. Кстати, трое ее сыновей от первого брака стали впоследствии русскими морскими офицерами.

Многие биографы поэта считают, что он решился на эту женитьбу от отчаяния, чтобы хоть как-то смягчить боль, вызванную утратой истинной своей возлюбленной.

Так или иначе, но Тютчев не ошибся в женщине, которая беспредельно его любила. Он ценил ее чувства, что видно из письма к родителям: «…Я хочу, чтобы вы, любящие меня, знали, что никогда ни один человек не любил другого так, как она меня… не было ни одного дня в ее жизни, когда ради моего благополучия она не согласилась бы, не колеблясь ни мгновения, умереть за меня».

С Элеонорой, которая была не только преданной женой, но и превосходной хозяйкой, Тютчев прожил двенадцать лет. И первые семь из них, до 1833 г. (когда в его жизнь вошла новая любовь), были временем почти безоблачного семейного счастья. Позже поэт не раз вспоминал об этих годах как об утраченном рае.

В феврале 1833 г. на одном из балов Тютчев познакомился с сестрой своего друга, баварского публициста Карла Пфеффеля, двадцатидвухлетней красавицей Эрнестиной и ее мужем, бароном Дёрнбергом, месяц назад приехавшим в Мюнхен. На этом вечере,

кстати, произошла удивительная история: Дёрнберг почувствовал себя плохо и покинул бал, сказав на прощанье Тютчеву: «Поручаю вам свою жену», — а через несколько дней скончался.

После смерти мужа Эрнестина уехала из Мюнхена, но вскоре вернулась. И вспыхнула любовь, которая принесла поначалу больше страданий, чем счастья. Тютчев явно не мог ради новой любви не только расстаться с Элеонорой, но даже разлюбить ее. И в то же время он не имел сил разорвать отношения с Эрнестиной.

Эрнестина сумела понять и оценить Тютчева, вероятно, более, чем кто-либо, — и как человека, и как мыслителя, и как поэта (впоследствии она специально изучила русский язык, чтобы иметь возможность читать тютчевские стихи). В их любви была та полнота близости, которой явно недоставало в первом — в какой-то мере случайном — брачном союзе поэта. В этой любви присутствовало и глубокое духовное взаимопонимание, о чем свидетельствует их переписка (Эрнестине Тютчев написал более 500 писем), и властная страсть, которая в своих предельных выражениях как бы даже страшила поэта. Отсюда и его стихи, посвященные ей — «Люблю глаза твои, мой друг…» и «Итальянская villa».

Полнота любви так соединяла их, что расстаться было неимоверно трудно, хотя, как можно не без основания предположить, они пытались разорвать свои отношения. Тем более что их связь не могла долго оставаться незамеченной. Уже в июле 1833 г. Элеонора писала Николаю Тютчеву, брату поэта: «Он, как мне кажется, делает глупости, или что-то близкое к ним… Я думаю, что Федор легкомысленно позволяет себе маленькие светские интрижки, которые, как бы незначительны они ни были, могут неприятно осложниться. Я не ревнива, и у меня для этого нет оснований, но я беспокоюсь, видя, как он уподобляется сумасбродам».

По-видимому, Тютчев расстался с Эрнестиной в конце 1833 г., поскольку ни зимой, ни весной 1834 г. в Мюнхене ее не было. Возможно, она сама решила бежать от своей любви. Ничего не известно об их встречах в 1834 г. (возможно, их и не было), но в июне 1835 г. Эрнестина внесла в свой альбом запись о «счастливых днях, проведенных в Эглофсгейме».

Следующая из этих записей — «Воспоминание о 20 марта 1836 года!!!» В это время встречи Тютчева с Эрнестиной стали, вероятно, слишком явными, что привело к драматическим последствиям. Речь идет о попытке Элеоноры кончить жизнь самоубийством. В отсутствие мужа она нанесла себе несколько ударов кинжалом, служившим дополнением к маскарадному костюму. Скорее всего, это был жест отчаяния, нежели твердая

решимость умереть. Увидев кровь, выступившую из ран, Элеонора выбежала на улицу и потеряла сознание. Соседи принесли ее домой. Вскоре пришел Тютчев и, по-видимому, пообещал разорвать отношения с Эрнестиной.

Элеонора нашла в себе силы простить мужа, и их отношения остались прежними. Кроме того, они решили уехать из Мюнхена в Россию. В июне 1837 г. семья Тютчевых прибыла в Петербург. Пробыв на родине два месяца, Тютчев, пока один, без семьи, отправился к новому месту службы — в Турин. И уже оттуда он писал родителям: «Я хочу поговорить с вами о жене… Было бы бесполезно стараться объяснить вам, каковы мои чувства к ней. Она их знает, и этого достаточно. Позвольте сказать вам лишь следующее: малейшее добро, оказанное ей, в моих глазах будет иметь во сто крат больше ценности, нежели самые большие милости, оказанные мне лично».

Несомненно, это было выражением глубоко искренних чувств к жене. И все же… Через несколько дней после написания этого письма Тютчев отправился в Геную, чтобы встретиться с Эрнестиной. Хотя биографы поэта считают, что это свидание могло быть прощанием Тютчева со своей любовью, о чем сказано им в написанном тогда стихотворении «1 декабря 1837 г.»:

Так здесь-то суждено нам было
Сказать последнее прости…

Вполне вероятно, по обоюдному согласию поэт и его возлюбленная решили навсегда расстаться.

Сказав «последнее прости» Эрнестине, Тютчев все свои помыслы обратил к семье. В Турине он с нетерпением ждал жену и детей, находившихся в России. И здесь он пережил страшную трагедию: в 1838 г. Элеонора безвременно скончалась. Косвенной причиной ее смерти был пожар, случившийся на теплоходе, направлявшемся из Кронштадта в Любек. Среди трехсот пассажиров, в числе которых были известный русский поэт Петр Вяземский и молодой Иван Тургенев, находилась и Элеонора с тремя малолетними дочерьми. Спасая своих детей, она испытала тяжелейшее нервное потрясение. Оно усугубилось еще и тем, что во время пожара пропали документы, деньги, вещи. Тютчевы испытывали сильную материальную нужду после этого события, живя на правительственное пособие, которого едва хватало. Все это окончательно подорвало здоровье Элеоноры, и после сильной простуды в возрасте 39 лет 27 августа она умерла на руках у мужа, который за одну ночь поседел от горя.

Пережитая трагедия еще очень долго оставалась в душе

Тютчева незаживающей раной. 1 декабря 1839 г. он писал родителям: «…есть вещи, о коих невозможно говорить, — эти воспоминания кровоточат и никогда не зарубцуются».

Но при всей глубокой скорби Тютчев не забыл о прежней любви. В декабре 1838 г. в Генуе состоялась его тайная помолвка с Эрнестиной Пфеффель; об этом не знали даже ближайшие родственники. 1 марта 1839 г. Тютчев подал официальное заявление о своем намерении вступить в новый брак и 17 июля обвенчался с Эрнестиной Федоровной в Берне, в церкви при русском посольстве. Ему было тридцать пять лет, ей — двадцать девять. Жизнь как бы начиналась заново. В феврале 1840 г. родилась их первая дочь, Мария. В следующем году родился сын Дмитрий. Кроме того, Эрнестина Федоровна удочерила Анну, Дарью и Екатерину — дочерей Тютчева от первого брака, и стала им настоящей матерью.

В 1844 г. Тютчев окончательно вернулся на родину, быстро освоившись в культурной и политической жизни петербургского общества. И за те тридцать лет, которые ему оставалось жить, за границу он выезжал лишь изредка. В то время очень немногие петербуржцы знали о его поэтическом даре и тем более думали о Тютчеве как о выдающемся поэте. Перед ними предстал человек, беседы с которым восхищали многих мыслителей и политиков Европы. И Тютчев в прямом смысле слова затмил всех остроумных людей своего времени.

Однако вскоре современникам предстояло увидеть в Тютчеве достойного продолжателя славы Пушкина и Лермонтова. С 1849 г. начинается новый расцвет творчества поэта, продолжавшийся более полутора десятилетий. А в следующем, 1850 г. началась наиболее глубокая и захватывающая любовь его к Елене Денисьевой.

Трудно понять, что этому предшествовало. Отношения с женой у Тютчева были близки к идеальным. Они счастливо прожили семнадцать лет, и за это время он ни разу не увлекся другой женщиной. Его потомок и биограф К. В. Пигарев считал это своеобразием поэта. Он писал: «С семьей Тютчев никогда не „порывал“ и не смог бы решиться на это. Он не был однолюбом. Подобно тому, как раньше любовь к первой жене жила в нем рядом со страстной влюбленностью в Э. Дёрнберг, так теперь привязанность к ней, его второй жене, совмещалась с любовью к Денисьевой, и это вносило в его отношения к обеим женщинам мучительную раздвоенность».

Однако дело не только в том, что Тютчев не мог ограничиться одной любовью. Каждая из них была для него вершиной блаженства: полюбив, он уже не мог разлюбить. Правда состоит и

в том, что именно Эрнестина Федоровна всегда оставалась для Тютчева незаменимым другом. В июле 1851 г., через год после начала его любви к Денисьевой, Тютчев писал Эрнестине Федоровне из Петербурга в Овстуг, где она тогда жила: «Я решительно возражаю против твоего отсутствия… С твоим исчезновением моя жизнь лишается всякой последовательности, всякой связности. Нет на свете существа умнее тебя. Мне не с кем поговорить… мне, говорящему со всеми…» Еще одно письмо, написанное через месяц: «Ты… самое лучшее из всего, что известно мне в мире…»

Такие признания можно найти в десятках тютчевских писем того времени, и нет никаких оснований усомниться в искренности поэта. Можно даже предположить, что не будь его отношения с женой столь идеальными, он все же порвал бы с ней ради другой.

Новая избранница Тютчева, Елена Денисьева была племянницей инспектрисы института благородных девиц А. Д. Денисьевой, где учились его дочери Дарья и Екатерина. Она в то время заканчивала Смольный. Когда поэт впервые увидел Денисьеву, ей было двадцать лет, ему — сорок два года. В течение последующих четырех лет они встречались достаточно часто, но их отношения не шли дальше взаимной симпатии, поскольку Елена была девушкой непростой и, можно даже сказать, несколько загадочной. Исключительная живость и свобода характера сочетались в ней с глубокой религиозностью; но в то же время высокая культура поведения и сознания, изящная отточенность жестов и слов вдруг могли смениться резкими, даже буйными вспышками гнева.

У Денисьевой было немало блестящих поклонников, в том числе знаменитый тогда писатель граф Сологуб. Но среди многих своих воздыхателей, которые с разных точек зрения были гораздо предпочтительнее немолодого отца семейства Тютчева, она все же выбрала именно его. Первое объяснение произошло 15 июля 1850 г. Ровно через пятнадцать лет Тютчев напишет об этом «блаженно-роковом дне»:

Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

Тайные свидания Елены Денисьевой с поэтом вскоре стали известны всему Петербургу. Ее отец в гневе отрекся от дочери и запретил родственникам встречаться с нею. Но тетка, воспитывавшая Елену с детских лет и любившая ее как родную дочь, отнеслась к чувствам племянницы с пониманием. Получив

отставку в Смольном, она поселилась с Еленой на частной квартире. К Тютчеву, который был камергером, к тому же имел определенный вес при дворе, она относилась с большим почтением, а потому не препятствовала любви своей племянницы.

В мае 1851 г. Денисьева родила дочь, которую в честь матери назвали Еленой. Это окончательно соединило возлюбленных нерасторжимой связью. Правда, рождение ребенка вызвало некоторые осложнения: хотя Елена Александровна окрестила девочку как Тютчеву, этот акт не имел юридической силы. Это означало, что дочь должна была разделить печальную судьбу незаконнорожденных детей. Но самолюбивая Денисьева, которая и себя называла Тютчевой, видела в формальных преградах лишь роковое стечение обстоятельств. Она была убеждена, что Тютчев не может вступить с ней в брак потому, что «он уже три раза женат, а четвертый брак не может быть освящен в церкви… Но так Богу угодно, и я смиряюсь перед Его святою волею, не без того, чтобы по временам горько оплакивать свою судьбу».

Непонятно, почему в сознании Елены Александровны сложилось это убеждение, не соответствовавшее действительности (включая и то, что Тютчев будто бы был женат не два, а три раза), но, по-видимому, оно хоть как-то примиряло ее с «жалким и фальшивым положением».

Тютчев всегда старался как можно больше времени проводить с Денисьевой. Этому способствовало то, что Эрнестина Федоровна с младшими детьми обычно большую часть года жила в Овстуге, куда Тютчев приезжал хотя и часто, но ненадолго. А зимние месяцы жена иногда проводила за границей.

Новая любовь, тем не менее, не заслонила былые чувства к жене. В августе 1851 г. Тютчев писал Эрнестине: «Ах, насколько ты лучше меня, насколько выше! Сколько выдержанности, сколько серьезности в твоей любви — и каким мелким, каким жалким я чувствую тебя сравнительно с тобою…»

Можно предположить, что Тютчев испытывал беспредельное упоение той любовью, которую вызывал у обеих женщин. С другой стороны, ему казалось, что вызванная им любовь — ничем не заслуженный, поистине чудесный дар. Он сам не раз признавался: «Я не знаю никого, кто бы менее чем я достоин любви. Поэтому, когда я становился объектом чьей-нибудь любви, это всегда меня изумляло…»

Любовь Денисьевой в самом деле была явлением исключительным. По воспоминаниям Георгиевского, мужа ее сестры, «самоотверженная, бескорыстная, безграничная, бесконечная, безраздельная и готовая на все любовь… — такая любовь, которая готова была и на всякого рода порывы и

безумные крайности с совершенным попранием всякого рода светских условностей и общепринятых условий». О безмерной любви своей Лели поэт не раз говорил в стихах, сокрушаясь, что он, породивший такую любовь, не способен подняться до ее высоты и силы.

Тем не менее, к Денисьевой Тютчев был очень привязан. Когда он на более или менее длительный срок уезжал в Москву, он брал ее с собой. Наконец, уже в последние годы ее жизни они не раз вместе путешествовали по Европе. Этими поездками Елена особенно дорожила, говоря, что во время них Тютчев был «в полном и нераздельном ее обладании».

Широко распространено мнение, что Денисьева из-за своей незаконной любви превратилась в своего роду парию. Но если это и было так, то лишь в самом начале ее отношений с Тютчевым. С годами она так или иначе вошла в круг людей, близких к нему.

Как же воспринимала Эрнестина Федоровна любовь мужа к другой женщине? Ей надо отдать должное. В очень мучительных для нее жизненных обстоятельствах Эрнестина Федоровна проявила редчайшее терпение и достоинство. За четырнадцать лет она ничем не обнаружила осведомленность о любовнице мужа и никогда не унижалась до разговоров о ней с кем бы то ни было. Единственное, о чем она говорила в письмах к мужу, так это о том, что он разлюбил ее.

Тютчев, как всегда в таких случаях, решительно возражал жене, отрицавшей его любовь к ней. И в этом состояло трудно-понимаемое, пожалуй, даже пугающее раздвоение его души. Можно доказывать, что субъективно, внутри мятущегося сознания, он был по-своему честен и прав. Но понять и оправдать его с житейской точки зрения — задача не из легких.

Однако и жена, и дети все-таки пытались понять. В 1855 г. старшая дочь поэта Анна, ясно представлявшая положение вещей, писала о своей мачехе: «Мама как раз та женщина, которая нужна папе, — любящая непоследовательно, слепо и долготерпеливо. Чтобы любить папу, зная его и понимая, нужно… быть святой, совершенно отрешенной от всего земного».

Взаимоотношения Тютчева с женой в течение долгих периодов, по сути дела, сводились только к переписке, как, например, было в период с 1851 по 1854 гг. По возвращении Эрнестины Федоровны из Германии в мае 1854 г. наступило примирение, хотя, конечно, и неполное. Установилось некое условное равновесие между двумя разными жизнями, которыми, в сущности, жил Тютчев.

В октябре 1860 г. в Женеве Денисьева родила второго ребенка — сына Федора. Через четыре года на свет появился сын Николай.

Сразу после родов у Елены начал быстро прогрессировать туберкулез. Тютчев был безутешен. «Он печален и подавлен, — писала в июле его дочь Екатерина своей тетке Дарье, — так как Д. тяжело больна, о чем он сообщил мне полунамеками; он опасается, что она не выживет, и осыпает себя упреками… Со времени его возвращения в Москву он никого не видел и все свое время посвящает уходу за ней. Бедный отец!»

4 августа 1864 г. Елена Денисьева скончалась. На другой день после похорон Тютчев писал Георгиевскому: «Пустота, страшная пустота… Даже вспомнить о ней — вызвать ее, живую, в памяти — как она была, глядела, двигалась, говорила, и этого не могу. Страшно невыносимо…»

Через три недели после смерти Денисьевой Тютчев приехал к своей старшей дочери Анне, находившейся в Германии, в Дармштадте. Она была потрясена его состоянием, несмотря на то что едва ли не более всех осуждала его любовь: «Папа только что провел у меня три дня — и в каком он состоянии — сердце растапливается от жалости, — писала она сестре Екатерине. — Он постарел лет на пятнадцать, его бедное тело превратилось в скелет». В следующем письме она говорила, что отец «в состоянии, близком к помешательству…» В это время в Дармштадте пребывал царский двор, с которым и приехала туда Анна, и ей было «очень тяжело видеть, как папа проливает слезы и рыдает на глазах у всех».

В сентябре Тютчев приехал в Женеву, где его ждала Эрнестина Федоровна. По словам очевидицы, «они встретились с пылкой нежностью». И под воздействием этой встречи Тютчев на какое-то время не то чтобы успокоился, но словно бы примирился со своей страшной потерей. Однако это примирение с трагедией было недолгим. Тютчев даже не смог сохранить его видимость перед Эрнестиной. Она рассказывала много позднее, что видела тогда мужа плачущим так, как ей никого и никогда не доводилось видеть. Но высота души ее была поразительной: «Его скорбь, — говорила она, — для меня священна, какова бы ни была ее причина».

В Петербург Тютчев вернулся в марте 1865 г. Он вернулся туда, «где еще что-нибудь от нее осталось, дети ее, друзья, весь ее бедный домашний быт…» Дочь поэта и Денисьевой, Елена, которой было уже около четырнадцати лет, находилась в частном пансионе; четырехлетний Федя и десятимесячный Коля жили у своей двоюродной бабки А. Д. Денисьевой. Вскоре после возвращения Тютчева у Елены открылась скоротечная чахотка. 2 мая 1865 г. она скончалась. На следующий день от той же болезни умер маленький Коля. Похоронив детей рядом с Еленой

Александровной, Тютчев писал своему другу Георгиевскому: «Последние события переполнили меру и довели меня до совершенной бесчувственности. Я и сам не сознаю, не понимаю…» На что у него хватило сил, так это на то, чтобы убедить старшую дочь Анну взять к себе единственного оставшегося ребенка, Федю.

В течение нескольких месяцев после смерти детей Тютчев был снова на грани отчаяния. В июне 1865 г. он писал сестре Денисьевой: «Не было ни одного дня, который бы я не начинал без некоторого изумления, как человек продолжает жить, хотя ему отрубили голову и вырвали сердце».

Через год после смерти Елены Александровны поэт в какой-то мере преодолел горечь безвременных утрат. Но все же чувство мучительной пустоты мира продолжало томить его. 23 ноября 1865 г. Тютчев пишет стихи:

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем…

Эту томящую пустоту так или иначе заполнила своего рода иллюзия любви к женщине, которая была близкой подругой Денисьевой. Она носила то же имя, и ее судьба во многом совпадала с судьбой Елены Александровны. Елена Богданова, урожденная баронесса Услар, училась вместе с Денисьевой в Смольном институте. Тютчев познакомился с ней, по-видимому, в то же время, что и с Денисьевой. И после смерти возлюбленной он ценил возможность говорить о ней со столь давно и хорошо знавшей ее женщиной. А в конце 1865 или начале 1866 г. стал с ней постоянно встречаться.

Отношение Тютчева к Елене Богдановой, высокообразованной и даровитой женщине, было своего рода поклонением, которое продолжалось до самого конца его жизни. И все же в этом «культе» чувствовалось что-то искусственное: привязанность поэта к этой уже далеко не молодой женщине воспринималась только как средство заполнить «пустоту».

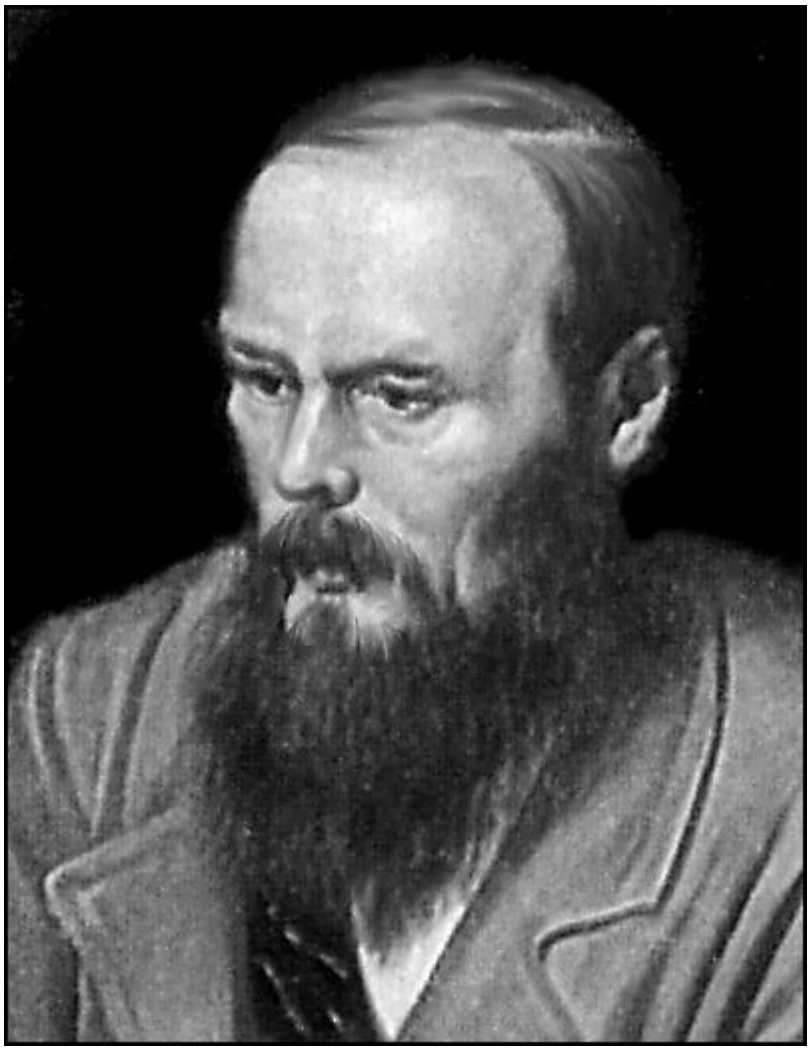
В начале 1870 гг. смерть снова вторгается в семью поэта. В 1870 г. скончался его сын от второго брака, Дмитрий, вслед за сыном умер младший, любимый брат Николай; через два года — дочь Мария.

Можно только поражаться самообладанию поэта, перенесшего столько потерь и горестных разочарований. Понятно, что все эти невзгоды сказались на самочувствии Тютчева.

Единственным утешением было, что до самой его смерти рядом с ним оставалась Эрнестина Федоровна. Она почти не отходила от мужа после того, как 1 января 1872 г. у него случился удар, в результате которого была парализована левая часть тела.

Пройдя все круги рая и ада, Федор Иванович Тютчев 15 июля 1873 г. наконец обрел вечный покой. Отошло в прошлое все, что волновало и заставляло страдать поэта. Но остались бессмертные строки, которые будут волновать нас до тех пор, пока существует великая и безмерная страсть.

Достоевский Федор Михайлович



(род. в 1821 г. — ум. в 1881 г.)

Русский писатель, интимная жизнь которого была такой же мучительной и болезненной, как и у героев его романов.

Описывая личную, а тем более интимную жизнь Федора Михайловича Достоевского, любой рассказчик столкнется с неизбежными трудностями. Как соблюсти чувство такта и меры, если речь идет о такой гениальной и в то же время больной индивидуальности, ни в чем не знавшей границ и пределов? В любом случае волей-неволей биографы вынуждены следовать за всеми неистовыми порывами и неукротимыми страстями

писателя, в том числе и погружаться в мятежное «подполье» его души.

В отличие от другого русского классика, Льва Толстого, чьи книги представляют собой одну огромную исповедь с подробным описанием самых скрытных желаний, Достоевский неохотно открывал потаенные стороны своего существования. Он вообще был очень сдержан в том, что касалось его чувственных переживаний, избегал подобных признаний даже в письмах к близким людям, за исключением, возможно, писем к брату. Зато полную волю своим чувствам в словесных излияниях Достоевский дал в последние годы жизни, когда испытал абсолютную сексуальную свободу в отношениях с Анной Григорьевной, своей второй женой. Правда, эти откровения сегодня уже не прочесть. Анна Григорьевна Достоевская ревниво вымарывала все те места в письмах мужа, которые казались ей чересчур эротичными. Причем ее цензура распространялась и на прошлое, и на настоящее любовных увлечений супруга.

Безусловно, сам Достоевский был личностью гораздо более сложной, чем об этом можно судить из переписки или характеристик героев его произведений. Пройдя через тяжкие испытания, каторгу, нужду и одиночество, патологический любовник и искатель святых истин прожил удивительную жизнь, полную неожиданностей и кричащих противоречий.

Федор Михайлович Достоевский родился 11 января 1821 г. в Москве. Ни знатностью, ни богатством родители будущего писателя похвастать не могли, да и особой удачливостью не отличались. В большой семье (у Достоевских было восемь детей) безраздельно властвовал отец, Михаил Андреевич, врач Мариинской больницы для бедных. Крутой нрав главы семейства ощущали и жена, и дети. Вероятнее всего, болезненность Федора как раз и связана со вспышками отцовского гнева и насилием над близкими. Правда, происходило это редко. В основном отношения отца с детьми, особенно с сыновьями, были дружескими. Детей воспитывали в строгости и послушании, почтении к старшим, пресекая всякие вольности в поведении и суждениях. В частности, о женщинах разрешалось говорить только на примерах стихов классиков. А уж о каком-либо флирте и упоминать не приходится.

Несколько большая свобода допускалась лишь в их небольшом имении Даровое, куда семья Достоевских выезжала на лето. Младшие сестры и крестьянские девочки — вот то женское общество, которое окружало Федора до шестнадцати лет. Его первые эротические ощущения связаны именно с этими детскими воспоминаниями, что впоследствии нашло отражение и в

творчестве. Достоевский-писатель всегда испытывал повышенный интерес к маленьким девочкам (говоря современным языком, «нимфеткам»). Привлекала его и тема растления малолетних. Ей посвящены поразительные страницы из романов «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Бесы» (особенно глава «У Тихона», не вошедшая в основной текст романа по вполне понятным причинам).

Обостренной впечатлительности Федора способствовала и обстановка, царившая в семье. Доктор Достоевский, конечно, любил сыновей, но держал их в чрезмерной строгости. Именно от него Федору передались такие черты характера, как мрачность, угрюмость, раздражительность, от чего он так страдал, но от чего так и не смог избавиться до конца своей жизни.

Зато мать, Марию Федоровну, мальчик очень любил, отвечая ей той же нежностью, с какой она к нему относилась. Но, по-видимому, отцовские гены оказались все же сильнее, и хотя Достоевский навсегда сохранил к матери чувство благодарности за ее искренность, характер его впоследствии так и не изменился. Образ матери, мягкой и доброй женщины, остался в памяти Федора на всю жизнь. Судьба ее, однако, оказалась не очень счастливой. У нее рано открылся туберкулез, и умерла она сравнительно молодой в 1837 г., когда юному Достоевскому не исполнилось еще и шестнадцати лет.

Оставшись вдовцом, отец отправил Федора и его младшего брата Михаила в Петербург, на учебу в Инженерном военном училище. Сверстники по училищу встретили Федора недоброжелательно из-за его замкнутости, робости, отсутствия манер и знатного происхождения. Он был нелюдим, держался особняком, порою бывал смешным и, вероятно, казался неоперившимся птенцом всем этим дворянским сынкам, которые в семнадцать лет уже познали тайны любви в объятиях крепостных девок или петербургских проституток. Федор же избегал ходить в гости, не умел держать себя на людях и смущался в женском обществе.

После отъезда старших сыновей лейб-лекарь Достоевский вышел в отставку и поселился в своем имении Даровое вместе со своей бывшей московской служанкой Катериной Александровой, сделав ее своей любовницей. Михаил Андреевич постоянно пьянствовал, жестоко обращался с крестьянами и дворовыми, а его гнев порой доходил до нервных припадков. Крестьяне ненавидели своего барина и однажды устроили против него настоящий заговор, в котором приняли участие родственники его любовницы Катерины. Это и привело его к трагической гибели: летом 1839 г. крестьяне жестоко расправились со своевольным

помещиком,

Обстоятельства смерти отца, причиной которой были и разврат, и пьянство, и насилие, потрясли восемнадцатилетнего юношу. Эти переживания так отложились в его памяти, что через сорок лет писатель использовал их в «Братьях Карамазовых», хотя трудно сказать, в какой мере портрет старика Карамазова соответствовал истинному облику отставного лейб-лекаря Михаила Достоевского. Так или иначе, трагедия в Даровом наложила роковой отпечаток на личность Федора. В частности, знаменитый Зигмунд Фрейд даже предположил в одной из своих работ, что травматическое потрясение от гибели отца обострило болезнь будущего писателя, придав ей характер эпилепсии. Впоследствии тема отношений отца и сына не раз возникала в творчестве Достоевского. Возможно, в какой-то мере поведение отца в Даровом стало той психологической основой, на которой и строился образ сладострастного старика Карамазова.

Из всего этого можно сделать вывод, что формирование личности Достоевского в молодые годы происходило тяжело и болезненно. Ранняя смерть матери, ненависть крестьян к отцу, приведшая к убийству, лицемерие окружающих порождали в хрупкой душе Федора хаос и сумятицу. Положение усугублялось бюрократической, бездушной обстановкой в Инженерном училище. Достоевский мечтал о творчестве, высоком искусстве, свободе и чистой любви, в то время как жизнь преподносила иные реалии — злобное высокомерие сверстников, тупость преподавателей и начальников. Нередко восторг нарождавшейся творческой мысли, острота новых впечатлений так захватывали Достоевского, что будущая служба представлялась ему настоящим кошмаром. Не случайно в письме к брату Михаилу промелькнула многозначительная фраза: «У меня есть прожект сделаться сумасшедшим» — то есть остаться независимым и свободным, прикрывшись маской безумия. Да и как не поверить его словам, если в свои восемнадцать лет Достоевский произнес пророчески: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать; ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время. Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком».

Одиночество, нелюбовь к будущей профессии и военной муштре привели к тому, что уже через год после окончания училища Достоевский оставил службу в Инженерном департаменте, решив посвятить себя литературе, в основном переводам. Некоторый опыт у него уже был: в 1844 г. в печати появился его перевод романа Бальзака «Евгения Гранде».

Жизнь между тем складывалась неудачно, прежде всего в материальном отношении. Нельзя сказать, что Достоевский был

полностью лишен средств к существованию. Вместе с казенным жалованием и помощью опекунов он получал до

5 тысяч ассигнациями в год. Но Достоевский оказался крайне непрактичным в житейском отношении. Деньги уходили от него с неимоверной быстротой, и почти все его расходы были тратами капризного и прихотливого человека: он любил играть в бильярд, в рулетку и почти всегда проигрывал. Постоянное безденежье мучило его самого, но справиться с собой он и не хотел, и не умел. Когда в 1844 г. Достоевский оставил службу, нищета стала постоянной спутницей его жизни.

Перелом в творческой судьбе Достоевского произошел в мае 1845 г. После нескольких месяцев упорной работы он закончил свое первое художественное произведение — повесть «Бедные люди», которая сразу же вызвала многочисленные восторги критиков и читателей. Успех повести ввел Достоевского в круг известных литераторов, среди которых были Григорович, Некрасов, Белинский, Тургенев.

Увы, эта дружба оказалась недолгой. Раздражительность, высокомерие, убежденность в своей гениальности вскоре оттолкнули от Достоевского тех, кого он поразил своим внезапным талантом. Его желчность и мнительность дали повод к едким замечаниям, колкостям и даже пародийным стихам, в которых высмеивался герой «Бедных людей» Макар Девушкин.

Кстати, в «Бедных людях» (любовь Макара Девушкина к Вареньке) нашли отражение собственные переживания Достоевского. Часами мечтая о любви и прекрасных незнакомках, отвечающих взаимностью, он в присутствии не воображаемых, а живых женщин смущался, робел, становился неловким и смешным. А его попытки физической близости с ними неизменно заканчивались полным фиаско.

Между тем успех «Бедных людей» раскрыл перед Достоевским двери петербургских салонов. Тогда он и познакомился в доме известного литератора Панаева с его молодой женой Авдотьей Яковлевной и сразу же увлекся 22-летней кокетливой брюнеткой с безукоризненными чертами красивого лица. Об этом Достоевский сам рассказал брату через три месяца после встречи с ней: «Я был влюблен не на шутку в Панаеву, теперь проходит…» Эта первая влюбленность была и мучительна, и унизительна. С самого начала он понял, что на взаимность ему рассчитывать невозможно и что его чувство обречено на медленное увядание. Любовь к Панаевой Достоевский переживал тем мучительнее, что в то время она была, вероятно, единственной женщиной, которая так сильно его возбудила. В его переписке тех лет нет никаких других женских имен, кроме Панаевой.

На основании этого все же не следует делать вывод, что 25-летний Достоевский вообще не имел физической близости с женщинами. В той среде, где он жил — а он, по собственному признанию, частенько участвовал в товарищеских пирушках, — шумные вечера обычно завершались посещениями публичных домов, и трудно поверить, что поручик Достоевский не бывал в них. Сомнительно также, чтобы во время блужданий по трактирам большого города он не соприкасался с проститутками. Федор Михайлович, должно быть, хорошо знал женщин легкого поведения, достаточно прочесть такие его произведения, как «Хозяйка», «Неточка Незванова», «Двойник», чтобы убедиться в разнообразии личного эротического опыта писателя.

Впрочем, именно эти произведения, появившиеся после «Бедных людей», вызвали недоумение и нещадную критику со стороны прежних почитателей Достоевского. Это и побудило обидчивого автора отойти от литературного общества и примкнуть в 1847 г. к революционному кружку Петрашевского. Восхищенный их идеями, Федор Михайлович даже пытался организовать тайную типографию для печатания литературы и прокламаций антиправительственного содержания.

23 апреля 1849 г. Достоевский был арестован по делу петрашевцев и помещен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. 22 декабря 1849 г. в числе других петрашевцев он был выведен на Семеновский плац в Петербурге, где обвиняемым зачитали смертный приговор. Лишь после того, как первой группе осужденных завязали глаза и приготовили к расстрелу, было объявлено, что казнь заменяется каторгой с последующей службой в армии рядовыми. По окончательному приговору суда Достоевский был отправлен на каторжные работы в Омский острог сроком на 4 года, ас 1854 г. начал солдатскую службу в Семипалатинске, где и пребывал до февраля 1859 г., т. е. до той поры, пока ему не разрешили вернуться в Европейскую Россию.

Во время пребывания в Сибири, после выхода из острога, Достоевский, несмотря на подорванное здоровье, отсутствие денег и перспектив, пожалуй, впервые по-настоящему влюбился. Его избранницей стала Мария Исаева. Это была обоюдная любовь со сценами ревности, необузданной страстью, ссорами и примирениями. В 1857 г. Федор женился на Марии, которая казалась ему и милой, и грациозной, и умной, и доброй, и желанной. Но после того, как рассеялся туман первой влюбленности, Достоевский довольно хорошо разобрался в тех особенных обстоятельствах, при которых зародилось его чувство к Марии Дмитриевне. «Одно то, что женщина протянула мне руку,

уже было целой эпохой в моей жизни», — писал он впоследствии.

В конце 1859 г. чета Достоевских вернулась в Петербург. С этого времени происходит как бы второе рождение Федора Михайловича как писателя. В 1860-х гг. были написаны «Записки из Мертвого дома», романы «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Игрок», «Идиот», принесшие писателю всероссийскую славу.

А вот семейная жизнь не задалась. С годами Достоевский убедился, что Мария Дмитриевна не могла и не хотела разделять его сладострастие и чувственность. Они раздражали, изматывали и истязали друг друга в постоянных ссорах, резкие упреки сменялись обоюдным раскаянием и самобичеванием, уверения в бесконечной любви не могли дать удовлетворения плоти. Полного соединения не получилось, а телесное раздражение только усиливало тоску и недовольство. По сути дела, начиная с 1861 г. супруги стали жить порознь не только физически, но и духовно. А уже в следующем году тяжелая болезнь, чахотка, навсегда приковала Марию Дмитриевну к постели. В апреле 1864 г. она скончалась. Позже, вспоминая о своем несчастном браке в письме к другу Врангелю, Достоевский писал: «Она любила меня беспредельно, я ее любил без меры, но мы не жили счастливо».

Мария Исаева оставила заметный след в творчестве писателя. Наташа в «Униженных и оскорбленных», жена Мармеладова в «Преступлении и наказании», отчасти Настасья Филипповна в «Идиоте» и Катерина в «Братьях Карамазовых» — все эти образы женщин с бледными щеками, лихорадочным взором и порывистыми движениями навеяны той, которая, несмотря на всю сложность отношений, была первой и большой любовью писателя.

Надо сказать, что в последние годы жизни Марии Дмитриевны Достоевский отнюдь не чувствовал себя одиноким. Петербургская жизнь его захватила целиком. Теперь он уже не страшился, а, наоборот, желал женского общества. Его публичные чтения на студенческих вечерах, рассказы о каторге пользовались огромной популярностью. В один из таких вечеров Достоевский познакомился с 22-летней Аполлинарией Сусловой, которой суждено было сыграть роковую роль в жизни писателя. Девушка первой призналась Достоевскому в любви, что особенно взволновано его ранимую душу. Аполлинарию отличали не только молодость, свежесть и стремление к духовному единению с любимым человеком. Она была очень хороша собой, и, что не менее важно, Достоевский был ее первым мужчиной, потрясшим воображение. В начале 1863 г. они уже были любовниками, хотя сам Федор Михайлович не строил никаких иллюзий относительно

своей привлекательности. Одна из современниц описывает его так: «Это был очень бледный, немолодой, усталый человек, с мрачным измученным лицом, впалыми щеками и широким возвышенным лбом… Он был точно замкнут на ключ: никаких движений, ни одного жеста, только тонкие бескровные губы нервно подергивались, когда он говорил».

Впрочем, Аполлинарии и не нужны были в Достоевском ни красота, ни обаяние. Она прежде всего видела в нем знаменитого автора, в произведениях которого представал необъятный мир человеческих страстей. И то, что писатель такого таланта и такой популярности влюбился в нее с первого взгляда, не могло не льстить девушке-идеалистке, какой она была в ту пору. Тем не менее отношения между Сусловой и Достоевским развивались не просто. Спустя два года после начала их романа от идеализма Аполлинарии не осталось и следа. Она стала ревновать Достоевского ко всем подряд, ее не устраивало положение любовницы, с которой, как с проституткой, встречаются в меблированных комнатах. Проявился и подлинный характер Сусловой — властный, резкий, бескомпромиссный и ревнивый. Летом 1863 г. она неожиданно покинула Достоевского, уехала в Париж, где влюбилась в некоего испанского студента-медика и отдалась ему со всей страстью, словно забыв о прежней любви.

Разумеется, Достоевский не мог смириться с потерей любимой. Тем же летом 1863 г. он устремился в Париж и после бурного объяснения с Аполлинарией узнал, что она полюбила другого человека и это чувство захватило ее полностью. Любовь, от которой Достоевский так много ждал, предвещала печальный финал. И действительно, после недолгого путешествия по Италии и Германии Достоевский и Суслова расстались, так, кажется, и не поняв, чем была для них эта страстная и такая драматическая связь. Правда, они еще раз встретились, на этот раз в Петербурге в феврале 1866 г., уже после смерти жены Достоевского. Аполлинария не только отклонила предложение бывшего любовника о браке, но и заявила, что после трех лет измен, ссор и неудачных попыток примирения им необходимо расстаться. Это заявление не удивило Достоевского, оно только подтвердило то, что он раньше предвидел и предчувствовал. И как бы ни было ему тяжело, он испытал вместе с болью и стыдом определенное облегчение.

В 1880 г. Суслова вышла замуж за провинциального учителя Василия Розанова, будущего писателя и философа. Ему в ту пору было 24 года, а ей уже исполнилось 40. Брак этот оказался неудачным и закончился разрывом в 1886 г., когда Достоевского уже не было в живых. Суслова прожила долгую жизнь и умерла в

1918 г. 78-летней старухой в Крыму. Она и не подозревала, что на том же Крымском побережье, в том же году умерла Анна Григорьевна Сниткина — женщина, которая пятьдесят лет назад заняла ее место в сердце великого писателя и стала его женой.

Но до встречи с женщиной, принесшей ему настоящее счастье, облегчение и покой, у Достоевского было еще два несколько странных романа.

После окончательного разрыва с Аполлинарией он попытался как-то отвлечься, решив, что теперь должен непременно жениться на хорошей и чистой девушке. Случай свел его с красивой и талантливой барышней из дворянской семьи, 20-летней Анной Корвин-Круковской. Поначалу Достоевскому показалось, что он влюблен. Они встретились в марте 1866 г., а уже в апреле взволнованный поклонник был готов просить руки Анны. Но из этого романа ничего не вышло, поскольку Анна начала понимать, что ее вовсе не любят той любовью, какая необходима для замужества. «Ему нужна совсем не такая жена, как я, — говорила она младшей сестре Софье, — его жена должна посвятить себя ему, всю жизнь отдать, только о нем и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить».

Другой любовный роман был не менее странным, хотя и более страстным. Достоевский увлекся известной европейской куртизанкой Марфой Браун. Она родилась в небогатой дворянской семье, но в ранней молодости ушла из дому и стала, как говаривали ранее, «гулящей». Исколесила всю Европу, жила во Франции, Италии, Австрии, Испании, меняя любовников с необычайной быстротой и попадая в самые невероятные переделки. Среди ее друзей были шулера и фальшивомонетчики, авантюристы и бродяги с уголовным прошлым.

Всякими правдами и неправдами вернувшись в Россию, Марфа и здесь завела многочисленные связи с подозрительными личностями, в том числе и из среды окололитературной братии. Некто Горский, мелкий газетчик, однажды привел Марфу в редакцию журнала, редактируемого Достоевским. Тот сразу заинтересовался этой необыкновенной женщиной и даже предложил ей переехать к нему на квартиру. Как далеко зашло расположение писателя и удалось ли Марфе Браун близко сойтись с ним, неизвестно. Однако сохранилось письмо Марфы к Достоевскому, в котором есть такие слова: «Удастся ли мне или нет удовлетворить вас в физическом отношении и осуществится ли между нами духовная гармония, от которой будет зависеть продолжение нашего знакомства, но поверьте мне, что я всегда останусь вам благодарна за то, что вы на некоторое время удостоили меня вашей дружбы».

Если такая связь действительно и была, то она длилась недолго, потому что уже через два месяца Достоевский увлекся молодой девушкой, которая была полной противоположностью беглой куртизанки.

Анна Григорьевна Сниткина появилась в жизни Достоевского почти случайно. Работая над романом «Игрок», писатель решил обратиться к стенографии, что в то время было новинкой, и владели ею немногие. Ему была рекомендована Анна Григорьевна, которая обрадовалась возможности поработать вместе со знаменитым литератором, произведения которого она читала и которыми восхищалась: плакала над «Записками из Мертвого дома», была влюблена в Ивана Петровича, скромного и благородного героя из романа «Униженные и оскорбленные».

Сниткина была невысокой худощавой 20-летней девушкой, считавшей себя передовой шестидесятницей во всем, что касалось женского равноправия, образования, независимости. Ее учительница по стенографии Стоюнина утверждала, что Анна Григорьевна с юности отличалась живым, пылким темпераментом: «Она из тех пламенных натур, у кого трепещущее сердце, не знающее ровного биения».

Конечно, для этой слегка экзальтированной девушки знакомство с Достоевским было огромным событием. Ей очень понравились простота и искренность писателя, но его речи и манера говорить взволновали и несколько озадачили ее. Она делилась с матерью сложными чувствами, которые пробудил в ней Достоевский: здесь были и жалость, и сострадание, и изумление. А главное, ее неудержимо тянуло к этому обиженному жизнью, но такому замечательному, доброму и необыкновенному человеку.

Прошло несколько недель совместной работы, и Федор Михайлович начал осознавать, что, возможно, впервые встретил женщину, о которой всегда мечтал. Вскоре он сделал Анне Григорьевне Сниткиной предложение, и оно было с благодарностью принято. 15 февраля 1867 г. молодые обвенчались в Троицко-Измайловском соборе. Затем последовала совместная поездка за границу, продлившаяся более четырех лет.

Что касается интимной жизни супругов, то вначале у Достоевского не было страстного влечения к молодой жене, и он обращался с ней сдержанно и даже слегка отстраненно. Но с годами его супружеский восторг перед плотским единением с любимой женщиной вырос до подлинной страсти. Анна отвечала ему естественно и пылко, поскольку у нее был здоровый темперамент молодой и любящей женщины. И именно ее простота, неопытность и желание понравиться ему ночью так же,

как и днем, пробудили у Достоевского настоящую любовь. С ней можно было играть как с женой, как с любовницей, как с ребенком. Анна Григорьевна предоставила ему всю свободу, по его собственному признанию, «позволяла» ему очень многое. И не только потому, что «шутки» мужа нравились ей, но и оттого, что она настолько сильно любила его, что с радостью готова была все вытерпеть, все покорно снести. Лишь бы ее возлюбленный был счастлив.

Эротика всегда была присуща их отношениям. Достоевский знал, что любовь и влюбленность — не одно и то же, что можно любить глубоко и верно, не испытывая больше физического влечения, и поэтому так поражался своей способности вновь и вновь влюбляться в Анну Григорьевну. Об этом свидетельствуют и многочисленные письма писателя к жене, когда супругам случалось бывать в разлуке. В них он, не стесняясь, описывал все свои интимные желания, вкрапляя фразы и слова, которые явно не предназначались посторонним. Наверное, поэтому Анна Григорьевна, зная, что эти письма когда-нибудь будут обнародованы, впоследствии тщательно вымарала целые абзацы из тех, где содержались, по-видимому, наиболее откровенные излияния ее страстного супруга. Вот один из образчиков любовного эпистолярного стиля писателя: «Да кто же меня так балует, как ты, кто слилась со мной в одно тело и в одну душу? Да все тайны наши на этот счет общие! И я не должен после этого обожать каждый твой атом и целовать тебя всю без насыщения, как и бывает? Ведь ты и сама понять не можешь, какая ты на этот счет ангел женочка!.. Пусть я страстный человек, но неужели ты думаешь (хоть и страстный человек), что можно любить до такой ненасытности женщину, как я тысячу раз уже тебе доказывал».

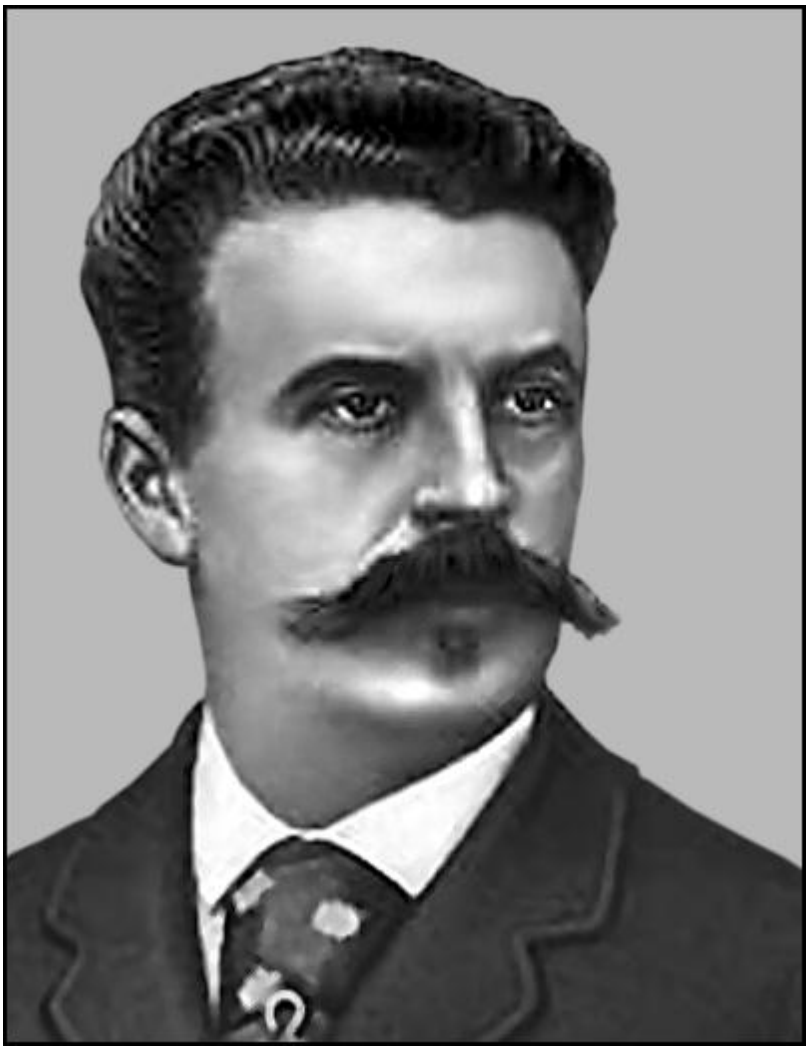
Годы мало изменили характер и темперамент Достоевского. Разве только что он стал чаще молиться в тишине и уединении и все охотнее обращался к своему детству. В конце жизни воспоминания о давно прошедших временах вдохновляли его на создание многих образов своих произведений.

В начале 1880 г. здоровье Федора Михайловича сильно пошатнулось. Речь на открытии памятника Пушкину стала и его лебединой песней, и литературным завещанием. В начале января следующего года, когда он готовил к печати новый выпуск «Дневника писателя» с этой знаменитой речью, то был уже безнадежно болен. Об этом знали только жена и близкие друзья. «Он был необыкновенно худ и истощен, — писал Страхов, видевший его в те дни. — Он жил, очевидно, одними нервами, и все остальное его тело дошло до такой степени хрупкости, при которой его мог разрушить один, даже небольшой толчок».

Федор Михайлович Достоевский скончался 28 февраля 1881 г. от разрыва легочной артерии. Последние слова его были обращены к жене: «Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе никогда, даже мысленно».

Анна Григорьевна сохранила загробную верность мужу. В год его смерти ей исполнилось лишь 35 лет, но она сочла свою женскую жизнь законченной и посвятила себя служению имени Достоевского. Она издала полное собрание его сочинений, составила библиографию о его творчестве, основала школу Достоевского в Старой Руссе, собрала его письма и заметки, заставила друзей написать его биографию и сама написала воспоминания. И все годы до самой кончины в ее памяти жил Достоевский — только в нее влюбленный, верный и беззаветно преданный только ей одной.

Мопассан Ги де



Полное имя Анри-Ренэ-Альбер-Ги де Мопассан (род в 1850 г. — ум. в 1893 г.)

Французский писатель. Один из самых удивительных любовников своего времени.

Несмотря на то что жизнь Ги де Мопассана была у всех на виду, современники писателя знали о ней немного, возможно, потому, что сам он не желал быть слишком открытым для людей — черта не совсем характерная для «модного писателя». Лучшее подтверждение тому слова Мопассана, которые он не раз повторял: «Если я когда-нибудь стану достаточно известным для

того, чтобы любопытное потомство заинтересовалось тайной моей жизни, то одна мысль о том, что тень, в которой я держу свое сердце, будет освещена печатными сообщениями, разоблачениями, ссылками, разъяснениями, порождает во мне невыразимую тоску и непреодолимый гнев».

Зато в своей прозе Мопассан был всегда искренним и откровенным, а уж о любви писал так, как редко кому удавалось из европейских литераторов. Более того, никто, даже проницательный Флобер, знавший Мопассана с детства, не мог предположить, что «гуляка праздный», предпочитавший удовольствия грубые и сильные, имевший дело с уличными девицами, способен писать о любви нежно и немного печально, хотя порой и насмешливо.

Такому тонкому пониманию отношений между мужчиной и женщиной Мопассан обязан не только своей поразительной интуиции, позволявшей ему каким-то шестым чувством улавливать незримые движения души. В произведениях мастера ощущается великолепное знание человеческой психологии, мотивов поведения и поступков, за которыми легко угадывается богатый жизненный опыт, основанный на личных впечатлениях. Любой исследователь жизни и творчества писателя подтвердит, что Мопассан был одним из самых удивительных любовников своего времени. За четверть века активной жизни он, по их утверждению, имел сексуальную связь с сотнями молодых женщин, а своими любовными подвигами гордился не меньше, чем собственными книгами.

Выходец из Нормандии, Ги был воспитан среди рыбаков и фермеров. Он любил этот народ, его традиции, добродетели и пороки. Отсюда его юношеские страсти и прагматичное отношение к жизни. Однако в семье маленький Ги воспитывался в лучших традициях буржуазной интеллигенции. Его мать, Лаура Ле Пуатвен, род которой принадлежал к высшей нормандской знати, была женщиной умной и образованной. Ее дар рассказчицы воодушевлял сына на собственные фантазии. К несчастью, Лаура передала своему сыну и наследственную болезнь — неустойчивую психику, усугубленную в дальнейшем самим Мопассаном неупорядоченным образом жизни и жаждой дешевых удовольствий.

В доме семьи Пуатвен часто бывали друзья Лауры, известные французские художники и литераторы, внимательно следившие за учебой и развитием юного Ги. В частности, Флобер, сыгравший впоследствии большую роль в становлении Мопассана как писателя, отмечал ум, образованность и обаяние ребенка, желая видеть в нем «усидчивого и работоспособного писателя».

Конечно, Мопассан и в юности, и в зрелом возрасте не обладал огромной эрудицией Флобера, но, как замечал сам наставник Ги, «когда тот найдет свой путь, он будет производить новеллы, как яблоня яблоки». А пока Флобер учил юного Мопассана наблюдательности, искусству понимать характеры людей самых обычных, тех, которых он видит каждый день.

В Руанском лицее, где Ги без труда постигал науки, он еще и увлекся стихотворчеством. Большей частью это были сентиментальные стихотворные обращения к женщинам, как, например, «Послание к госпоже Х.», считавшей его дикарем; или же стихотворение «Юность», отличающееся больше горячностью чувства, чем оригинальностью формы:

О, счастлив, счастлив тот, кто душу мог излить,
Мечты веселые, надежды, вдохновенье,
У сердца женщины: все может исцелить
Река, где черпаем мы наших зол забвенье.

Эти первые стихотворные опыты, равно как и другие, столь же порывистые и вдохновенные (можно назвать хотя бы стихотворение «Последний вечер, проведенный с моею любовницей», напечатанное в одном из журналов), относятся, вероятно, к периоду первой связи молодого человека с красавицей Е., о которой упоминает в своих «Воспоминаниях» мать Мопассана.

С романтической поэзией связана еще одна история, которую поведала современница писателя, Жизель д'Эсток. По ее описанию, в один из вечеров подросток Ги повстречал некую парижанку Фанни де Кл., наслаждавшуюся пейзажами Этрета. Фанни была хороша, смешлива, благоухала тонкими духами. Юный Ги мгновенно воспылал страстью к молодой и опытной прелестнице. Этот маленький любитель острых ощущений был довольно оригинальным поклонником: попеременно сочинял то циничные, то сентиментальные стихи и тут же преподносил предмету своего обожания. Как-то вечером дерзкий мальчишка, решительно настроенный испытать себя в любви, отправился к ней с очередным стихотворным посланием. Едва очутившись в саду, он услышал взрыв хохота. Это Фанни, давясь от смеха, декламировала подругам стихи своего юного воздыхателя. Жизель д'Эсток так описывала происшедшее: «Этого оскорбления Ги никогда не позабыл. Эти страдания он никогда не простил другим женщинам… При одном только воспоминании об этой жестокой сцене ему становилось не по себе, и он не в силах был сдержать отвращения».

Если все то, что рассказывала Жизель д'Эсток, следует воспринимать с осторожностью, то сведения, полученные от личного врача Мопассана, не подлежат сомнению. Доктор Шарль Ладам также объяснял отношение Мопассана к женщинам «ранней травмой», серьезным разочарованием, которое потрясло душу юноши. «Отказ от любви обострил пессимизм писателя», — говорил Ладам.

Писать Мопассан начал довольно рано, но как профессиональный писатель он состоялся лишь после появления в печати его знаменитого рассказа «Пышка». И опять-таки, эта новелла стала литературным шедевром во многом благодаря тому же Флоберу, заставлявшему Ги по многу раз переписывать сделанное. Когда Мопассан прочел свою «Пышку» друзьям, среди которых, кстати, был и Золя, те непроизвольно встали в знак признания его таланта. Откликнулся на новеллу и Флобер, он написал автору: «Я восхищен… У меня было желание целовать тебя в течение четверти часа. Я действительно счастлив! Я в восхищении».

Отныне, как и предсказывал Флобер, новеллы, романы, повести, написанные Мопассаном, появлялись на прилавках книжных магазинов, в газетах и журналах, как из рога изобилия. За десять лет, то есть между тридцатилетием и сорокалетием Мопассана, им было написано 29 томов. Естественно, пришла и слава, причем сразу всемирная, поскольку произведения писателя тут же начали переводить во многих странах.

Современники, и в частности французский писатель Эмиль Золя, описывали молодого Мопассана как красивого малого, небольшого роста, но хорошо сложенного, сильного, с вьющимися усами, густыми волосами, неподвижным взглядом, наблюдательным и в то же время рассеянным, с квадратным лбом, «с внешностью молодого бретонского бычка».

Этот портрет можно дополнить словами Анри Ружона, одного из приятелей Мопассана: «В его внешности, — вспоминал он, — не было ничего романтического. Круглое лицо, загорелое, как у рыбака, открытость, простое обхождение, простые манеры… Он только и мечтал о прогулках за город, о спорте и речной гребле по воскресеньям. Ги хотел жить только на берегу Сены. Ежедневно вставал он с зарей, мыл свой ялик, выкуривал несколько трубок и как можно позднее вскакивал в поезд, чтобы ехать в город. Он много пил, ел за четверых…»

Став знаменитым, Мопассан полностью изменил свое окружение. Если раньше он имел дело с хорошенькими и легкодоступными барышнями, то теперь стал обедать у знатных дам, принимать у себя ровно в пять часов вечера светских

любовниц, которых ожидал неизменный подарок, часто в виде флакона дорогих духов. Когда же его приглашали дамы, Ги доставал маленькую записную книжку с золотым обрезом и, словно врач своим пациентам, назначал день весьма отдаленный.

Несмотря на свою невероятную популярность в высших кругах, Мопассан все же не любил светское общество. Конечно, когда Ги стал известным писателем, перед ним открылись все двери недоступных прежде великосветских салонов, пытавшихся «заполучить» писателя с той комической ревностью, которую он сам изобразил в романе «Наше сердце». Но Мопассан всегда хранил высокомерную независимость и немного презрительную, холодную вежливость по отношению к восторженным поклонницам и почитателям его таланта. Он отдал любовь во власть своей чувственной жизни, но не позволял ей вторгаться в жизнь духовную. Поэтому умным, кокетливым и холодным светским дамам он предпочитал жриц наслаждения или менее сложных героинь «Милого друга».

Светским дамам Ги не раз отвечал презрением, а однажды сказал друзьям то ли в шутку, то ли всерьез: «Я не променял бы форель даже на прекрасную Елену». В одном из своих рассказов писатель болезненно жаловался на собственное пренебрежение к женщинам: «Я никогда не любил… Думаю, что я слишком строго сужу женщин, чтобы поддаваться их очарованию… В каждом человеке есть существо моральное и существо физическое. Чтобы любить, мне надо встретить такую гармонию между этими двумя существами, какую я никогда не встречал. Постоянно одно преобладает над другим, — то моральное, то физическое».

Кроме того, Мопассаном владела навязчивая идея, которую разделяли в ту пору многие его соотечественники, что долг мужчины перед самим собой, по образному выражению С. Моэма, «заваливаться в постель с каждой встречной женщиной моложе сорока лет». По-видимому, поэтому многие персонажи рассказов Мопассана о любви удовлетворяют свои плотские потребности просто ради самоуважения, лишь потому, что это возвысит их в глазах окружающих.

И все же, появляясь в аристократических салонах, Мопассан делался весел, насмешлив, остроумен и находчив. Так, на одном из вечеров он перевел однажды разговор с прекрасных обнаженных плеч женщин на людоедство и с напускной серьезностью заявил, что человеческое тело — превосходное кушанье. Когда его собеседник выразил искреннее изумление и спросил: «Вы ели мясо человека?» — «Нет, — ответил Мопассан вполголоса, — но я отведал мясо женщины: оно нежно и вкусно, я не раз к нему возвращался». Эту шутку он повторял не раз.

Отличительной чертой Мопассана-любовника была его невероятная возбудимость при виде привлекательной женщины. Каким-то образом он ухитрялся иметь несколько любовных связей одновременно. Друзья Мопассана часто язвили по этому поводу, говоря, что когда Мопассан не работает, когда он не занимается греблей и не лечится, то он охотится за женщинами.

В связи с этим достойна описания квартира Мопассана в Париже, где он по очереди принимал приглянувшихся ему многочисленных дам. В этом экзотическом жилище были кровати времен Генриха II и буфеты эпохи Ренессанса, диковинные меха, изображения итальянских святых. Кабинет хозяина был обставлен во вкусе взыскательной кокотки: золоченые головки ангелов, витражи из цветного стекла, окованные железом, сочная зелень вьющихся растений, ковры и драпировки. Огромный Будда с двумя христианскими святыми по бокам, водруженный на стол красного дерева, настраивал вальяжного хозяина на восточную нирвану.

Среди женщин, с которыми имел дело Мопассан, трудно выделить надолго занявших место в его сердце. Ему почему-то всегда было скучно в обществе светских дам, хотя визиты к ним, как и их визиты к нему, были постоянными и неизменными. Видимо, отсюда его образное выражение: «Разум светских женщин напоминает рис, сдобренный кремом». Возможно, одна из причин такого отношения — сильнейшие мигрени, преследовавшие Ги с молодых лет, и его психическая неуравновешенность, которая часто приводила к резкой смене настроений — от необыкновенного воодушевления до состояния полной депрессии.

Почти все биографы Мопассана отмечают, что с большинством женщин он имел лишь непродолжительную интимную связь. Однако с некоторыми дамами, в основном замужними, поддерживал близкие и дружеские отношения в течение ряда лет.

Особым расположением Ги долгие годы пользовалась Эрмина Леконт дю Нуи, к которой он относился с искренней нежностью. Эрмина была женой королевского архитектора и жила в Этрете, по соседству с Мопассаном, одна с маленьким сыном, поскольку муж имел постоянную работу в Бухаресте.

Сохранились письма Мопассана к Эрмине, в которых после отчетов о путешествиях неизменно следовало «целую ваши руки», а позднее и более интимное «целую ваши ножки». Как и всегда, неисправимому донжуану потребовалось немного времени, чтобы покорить сию благородную даму, хотя вначале Эрмина никак не хотела изменить мужу. Но после того как ей пришлось уступить

возникшему чувству, галантный кавалер тут же охладел к соблазненной женщине, и она стала «просто другом». Писатель и здесь остался верен себе. Как он писал: «Любовь должна ограничиться у мужчины периодом ожидания. Каждая победа над женщиной еще раз доказывает нам, что в объятиях у нас все они почти одинаковые…»

Впоследствии Эрмина написала и анонимно издала роман «Любовная дружба», в котором несколько идеализированный Мопассан фигурирует под именем Филиппа де Люзи.

В 1883 г. Ги познакомился с графиней Эммануэлой Потоцкой. Сумасбродная графиня, урожденная принцесса Пиньятелли ди Чергариа, дочь герцога де Режина и благочестивой римлянки, была женой графа Феликса Николаса Потоцкого, атташе при австро-венгерском посольстве. Супруги жили порознь, не считали нужным скрывать свой разрыв, хотя и сохраняли «приличия».

«Она не преклоняется перед властелинами мира, она свободна в своих мыслях (по крайней мере, я так полагаю), в своих сомнениях и в своей неприязни. Вот почему я так часто думаю о ней», — писал Мопассан о Потоцкой. Решительная, независимая, взбалмошная — такой он ее увидел и такую решил покорить. Их длительный флирт превратился в непрерывную череду разрывов, возвратов, малодушия, примирений, капризов, питаемый искренней дружбой и привязанностью.

Не менее длительной оказалась связь писателя и с молодой богатой красавицей Мари Канн, которая, кстати, была близкой подругой графини Потоцкой. За восемь лет «любовной дружбы» Ги написал Мари более двух тысяч восторженных писем. Правда, цифра эта фигурирует в биографических источниках лишь со слов самой мадам Канн, так как ни одно из них опубликовано так и не было.

Известно еще одно имя не менее привлекательной женщины, с которой Мопассан довольно долго поддерживал любовные отношения. Это вдова композитора Жоржа Бизе, Женевьева Стро, вторично вышедшая замуж за состоятельного адвоката. Ги не замедлил обольстить блистательную хозяйку одного из самых известных парижских салонов, отличавшуюся незаурядным умом и обаянием, постоянно подкрепляя свои чувства множеством довольно-таки фривольных писем. Между прочим, из переписки между Женевьевой Стро и Мопассаном можно узнать о тактике проникновения в светский салон, которой успешно пользовался сам писатель и которую так умело использовал Жорж Дюруа, герой его романа «Милый друг».

Несмотря на многочисленные признания в любви десяткам женщин, Ги так ни разу и не сделал решительного шага к

женитьбе. Такому отношению к браку способствовала и его мать, властная аристократка, не желавшая и слышать о супружеских намерениях со стороны любой женщины. А после смерти сына Лаура де Мопассан словно накинула покрывало на его прошлое. Когда кто-то спросил ее о внебрачных детях Ги, она гневно воскликнула: «Дети! Я не знаю никаких детей, кроме этих», — и показала на книги сына.

К этому можно добавить и утверждение писателя Ш. Лапьера, хорошо знавшего Мопассана. В своей книге «Интимные воспоминания» он писал: «Ни одна из женщин не может похвалиться тем, что пробудила в Мопассане страсть, которая лишила бы его независимости ума и духа».

К несчастью, Мопассан никогда не жил строгой, размеренной жизнью. Он без меры повиновался властным велениям своей страстной натуры: с лихорадочной поспешностью стремился получить сразу все возможные наслаждения, словно предвидя быстрый конец. Он находил острое сладострастие в том, чтобы переступать обычные границы человеческих сил. Всякое безудержное проявление воли и чувства, всякое нервное потрясение, всякое опьянение фантазией и утонченные эмоции — все это глубоко восхищало его. И если при помощи здоровой логики ума Мопассан старался избегать опасных связей, то никогда не отказывал своей могучей натуре в сексуальном удовольствии. Сами его произведения свидетельствуют о грубой чувственности: в его книгах постоянно присутствует беспокойство, навязчивая мысль об обладании женщиной, даже какая-то одержимость — не любовью, но тем, что в ней есть самое первобытное, т. е. половой инстинкт. Все порывы, связанные с любовью, он рассматривал как естественные явления и считал, что описывать их следует без всякого смущения и волнения. При этом беспрестанно обновляющиеся желания представляли для Мопассана интерес только благодаря их немедленному удовлетворению.

Париж боготворил своего кумира. Но мало кто знал, что этот красавец с загорелым лицом и спортивной фигурой, о любовных похождениях которого ходило столько легенд, — болен, причем болен тяжело. К 38 годам Мопассан из цветущего здоровяка превратился в дряхлого старика. О его болезни, а точнее, о версиях ее возникновения писали и продолжают писать многие его биографы, считая причинами ее и чересчур активный, неупорядоченный образ жизни, и умственное истощение, и увлечение наркотическими веществами, и наследственность.

Болезнь быстро прогрессировала, сопровождаясь манией преследования, резкими переходами от подавленности к

возбуждению, пока не вступила в предсмертную фазу — безумие. В его последних письмах слышен крик ужаса: «Я не имею ни одной последовательной мысли, я забываю слова, названия всего, и мои галлюцинации, мои страдания раздирают меня. Я не могу писать: я больше не вижу, это крушение моей жизни».

В ночь на 2 января 1892 г., в одну из последних минут просветления Мопассан, не желая пережить крушение своего рассудка, попытался покончить жизнь самоубийством, но неудачно. С этого дня он почувствовал себя окончательно сломленным, его ум, «чуждый страданию», погрузился в беспросветный мрак. 7 января из Канна, где он последние годы жил с матерью, его привезли в Париж и поместили в лечебницу доктора Мерио. После 18 месяцев почти безжизненного существования 6 июля 1893 года Ги де Мопассан скончался.

Хоронили его на третий день, 9 июля на Монпарнасском кладбище. На похоронах присутствовали друзья и почитатели писателя, многие литераторы и артисты. Эмиль Золя произнес речь на могиле друга: «Мы, знавшие Мопассана, сохраним в нашей душе его яркий и трагический образ. А впоследствии те, которые будут знать его только благодаря его произведениям, полюбят этого писателя за вечную песнь любви, которую он пел жизни».

Трудно сказать, искал ли великий жизнелюб свой идеал женщины, которая бы смогла утолить все его страсти и направить в более спокойное и безопасное житейское русло. Возможно, такой образ нередко и возникал перед его мысленным взором. Тому есть красноречивое свидетельство, записанное рукой самого писателя: «Я люблю только одну-единственную женщину — Незнакомку, Долгожданную, Желанную — ту, что владеет моим сердцем, еще невидимая глазу, ту, что я наделяю в мечтах всеми мыслимыми совершенствами…»

Сказанное Мопассаном звучит возвышенно и страстно. Но, скорее всего, это лишь плод творческой фантазии. Вопреки устремлениям своей души он твердо знал — такой женщины на свете не существует, иначе бы не произнес в конце жизни совсем иную фразу, окрашенную не романтической возвышенностью, а глубоким трагизмом: «Я никогда не любил!»

Кто после этого скажет, что любовь не величайшая загадка из всех мыслимых человеческих тайн!

Уайльд Оскар

(род. в 1854 г. — ум. в 1900 г.)

Английский писатель и драматург, отстаивающий право на сексуальную свободу личности.

Вся жизнь этого человека напоминала спектакль — порой великолепный, порой комический, порой драматический, — но с неизбежным трагическим финалом. В этом спектакле он играл главную роль, а кроме того, был режиссером, гримером, костюмером. И конечно же, автором невероятно остроумных диалогов и афоризмов, которые после «премьеры» подхватывались лондонской публикой. Проще было бы назвать

его талантливым фатом. Но как-то не поднимается перо для начертания этого слова. Ибо речь идет не только об уникальном мужчине, но и о классике английской литературы, вошедшем в мировую историю под именем Оскара Уайльда.

Отец Оскара, сэр Уильям Роберт Уилз Уайльд, считался одним из самых уважаемых граждан Дублина. Его таланты были у всех на виду: замечательный хирург, историк, археолог, этнограф, популярный лектор — чем только не одарила природа отца будущего писателя! Не менее образованна была и мать Оскара леди Джен Франциска Уайльд. Она знала латынь, греческий, несколько европейских языков, да и сама сочиняла отнюдь не бездарные стихи, прославлявшие доблесть ирландцев в пору их легендарных подвигов. Но более всего леди Уайльд притягивала светская жизнь. Недаром же свою девичью фамилию Элджи она считала искаженной формой от Алигьери и причисляла Данте к своим предкам.

В такой благодатной атмосфере и вырос юный Уайльд. В салоне матери прошли его детские годы, навсегда определив страсть к высшему обществу, дорогим ресторанам и новомодным, иной раз слишком экзальтированным нарядам. Тяга к эстетизму проявилась в Оскаре очень рано. Еще будучи воспитанником знаменитой в Ирландии Портола-скул, он выделялся среди остальных мальчиков подчеркнутой опрятностью в одежде, идеальной прической. Всегда веселый, остроумный, он был прекрасным рассказчиком, придумывал язвительные прозвища для товарищей и учителей. Оскар никогда не принимал участия в развлечениях, не играл в крикет только потому, что, по его мнению, при этой игре приходилось порой принимать «некрасивые позы», презирал гимнастику, а заодно и ее преподавателя. Зато много читал, и книжная жизнь интересовала его гораздо больше, чем реальная. Он пока еще не знал, суждено ли ему стать великим поэтом или великим художником, но в том, что в будущем он совершит нечто выдающееся, юный Уайльд не сомневался.

Не изменилось его поведение и в колледже Троицы, где юноша проучился три года. Нравы там были грубые, ученики шатались по кабачкам, проводили ночи у кельнерш и в публичных домах. Посему сдержанный, изысканный в манерах Оскар ни с кем не дружил, а свободные дни старался проводить дома, наслаждаясь великосветским обществом Дублина, которое собиралось по субботам в доме Уайльдов.

Колледж Троицы Оскар закончил с золотой медалью и в октябре 1884 г. поступил в Оксфорд. И уже здесь четко проявилась истинная суть его натуры — выделяться среди других,

поражать необычностью внешнего облика, шокировать окружающих, скрываясь за маской иронии, парадоксов, остроумных эпиграмм.

Образ, умело создаваемый Уайльдом для самого себя, углублялся и все больше приобретал черты изысканности уже в Лондоне, где он поселился после окончания Оксфорда. Свое жилище, несмотря на скудость средств, он обставил с претенциозной роскошью: ковры, вазы, драпировки соседствовали с портретами знаменитых актрис и изображениями обнаженных женщин. Щеголеватый денди не пропускал ни одной театральной премьеры, часто бывал за кулисами, дружил с артистами и актрисами, посылал им сонеты. Вскоре он и сам выступил с «любовным дебютом», увлекшись начинающей актрисой Флорри Бэлкум. Причем в его романтическом воображении хорошенькая, но простоватая девушка представала то Розалиндой, то Джулией, то Беатриче.

Правда, возлюбленная Оскара разделяла его восторги с некоторой оглядкой. Она мечтала перейти с захудалой сцены в большой театр, и полагала, что Уайльд ей в этом поможет, поскольку принимала его за влиятельного журналиста. Убедившись, что просчиталась, она резко порвала с ним. Оскар перенес любовную неудачу довольно спокойно и в дальнейшем вспомнил о Флорри лишь тогда, когда создавал образ Сибиллы Вейн в «Портрете Дориана Грея».

В 1881 г. Уайльд издал, скорее всего, за собственный счет, книгу «Стихотворения». В вычурных заглавиях и словесных переливах было все, что может волновать возвышенную натуру — музеи, путешествия, книги, герои, любовь, боги и статуи, озаренные солнцем Греции и Италии. Несмотря на равнодушие критики, книга обрела неожиданно шумный успех, какого давно не знала Англия. И потому Уайльду не составило большого труда попасть в великосветские салоны. Правда, многие считали его эстетствующим шутом, готовым ради саморекламы на любые литературные фокусы и эксцентричные выходки. Чего, собственно, и добивался Оскар. Он продумывал свои эскапады до мелочей, включая и оригинальный костюм. И впрямь, уайльдовский наряд вызывал у публики если не оторопь, то скандальное внимание: короткие штаны до колен, черные длинные чулки, золотистый пиджак, украшенный огромным цветком, нередко подсолнечником. И уж совершенно немыслимыми для строгого английского общества были его длинные кудри до плеч.

Женился Уайльд довольно поздно, в 30-летнем возрасте. Его избранницей стала дочь дублинского адвоката Констанция

Ллойд. Хрупкая, обаятельная девушка представляла собой тип истинной английской леди. Оскар увидел в ней женщину, о которой всегда мечтал. А в нем эта скромная, застенчивая девушка увидела сказочного принца и влюбилась без памяти.

Почти год продолжалась нежная супружеская любовь. Со свойственным ему романтизмом Оскар восхищенно расхваливал друзьям свою юную жену: «Она прекрасна, бела и стройна, как лилия, и глаза ее словно пляшут, и смех ее трепещет и волнует, как музыка». Он любил демонстрировать Констанцию гостям, среди которых были Марк Твен, Сара Бернар, Рескин, придумывая для нее экзотические наряды. В гостиной она появлялась то в греческом, то в голландском, а то и в средневековом костюме. И самой себе казалась одним из созданий, порожденных воображением Оскара.

Менее чем за два года Констанция родила двух сыновей, Сирила и Вивиана. Любить жену и детей Оскару казалось занятием легким и приятным, и он решил начать жизнь, полную труда и самоотверженности. В итоге Уайльд занял должность главного редактора «Вуменз уорлд» — журнала, посвященного женским модам. Почти два года он самозабвенно писал о всякой всячине — прислуге, убранстве дома, моделях шляпок, качестве духов и прочее.

Но вскоре оказалось, что повседневная, будничная жизнь с заботами о жене и сыновьях была не для него. И Констанция вечерами все чаще оставалась дома одна. А где бывал Оскар, что делал — вряд ли могли бы сказать даже самые близкие люди. Иногда он возвращался домой в таком странном наряде, что это могло навести на весьма неуместные подозрения.

Первые намеки на нетрадиционную ориентацию Уайльда современники увидели в его рассказе «Портрет У. Х.». Это произведение появилось в результате усердного чтения Шекспира, чьи сонеты принадлежали к любимым книгам Уайльда. В любую минуту он мог цитировать наизусть десятки этих великолепных стихов, насыщенных скрытым содержанием. Его привлекала их тайна, затемненная сотнями исследований, трактатов, пытающихся ее объяснить. В то время было довольно распространено мнение, что «Сонеты» адресованы лорду Уильяму Херберту. Оскар же выдвинул давно забытую теорию, что героем их на самом деле является молодой актер Уильям Хьюз, чей образ полон изящества и поэтичности. Издатели рукопись не приняли, побоявшись распространять сомнительную, на их взгляд, версию о любви Шекспира к юношам. Наконец, скандальный очерк опубликовал один журнал, после чего в гостиных, клубах, в прессе разгорелась жаркая дискуссия. Дело закончилось тем, что

очерк был воспринят как личное признание Уайльда в том, что он испытывает нездоровую симпатию к молодым особам мужского пола.

Оскар абсолютно не был этим смущен и вел себя вызывающе. С недавних пор он часто заглядывал в итальянский ресторанчик в Сохо и его постоянно сопровождал один молодой литератор, Роберт Росс. Уайльд познакомился с ним в приемной редакции «Сэтердей ревю», где тот смиренно ждал, пока его вызовет редактор. И вскоре между ними возникла довольно странная дружба, впрочем, со стороны Уайльда великодушная, доброжелательная и благодарная; а со стороны Росса — покорная, преданная, непоколебимая. Между прочим, Росс был одним из немногих, кто испытывал чувство восхищения и преданности к Уайльду в течение всей жизни.

В апреле 1891 г. в книжных магазинах Лондона появился роман «Портрет Дориана Грея». Сюжет, навеянный бальзаковским романом «Шагреневая кожа», повествовал о нетленной красоте юноши, который ради сохранения своей молодости пошел на сделку с совестью. Все его пороки и преступления находят отражение лишь в портрете, который с каждым днем и месяцем становится все страшнее. Смерть Дориана Грея, описанная в таких же жутковатых тонах, становилась естественным следствием его неутомимых желаний и злодеяний. И лишь с гибелью Дориана портрет обрел первоначальную красоту, словно подтверждая тленность жизни и вечность искусства. В романе четко вырисовывались два главных персонажа — лорд Генри Уоттон, рассуждающий по-уайльдовски, и юный Дориан Грей, вдохновленный уайльдовскими страстями.

Кстати, всего две недели потребовалось Уайльду для написания книги о демоническом красавце Дориане, чья мечта о вечной молодости так будоражила его создателя.

«Портрет Дориана Грея» вызвал всеобщее недовольство, если не сказать негодование, чему, впрочем, немало способствовал сам Оскар. В клубах, театре, на прогулках его видели в обществе молодого человека чарующей внешности, о котором говорили, что он наделен большим поэтическим даром. Звали юношу Джон Грей. Уайльд познакомился с ним через месяц после окончания работы над своим скандальным романом и счел эту необычную встречу лучшим доказательством своей теории о том, что жизнь подражает искусству.

Но по Лондону упорно распространялись и другие слухи: будто именно Джон Грей послужил прототипом для создания образа Дориана. Публика находила это обстоятельство скандальным, а пресса подняла шум, обвинив писателя в

безнравственности и попытках умственного разложения общества. Несколько недель Уайльд активно боролся со своими критиками, рассылая объяснения и протесты во все лондонские газеты. В конце концов ему это надоело. Согласившись с тем, что он написал книгу аморальную и возмутительную, Уайльд самонадеянно заявил: «Прошу сделать мне любезность предоставить эту книгу Вечности, которой она принадлежит», закончив на этом дискуссию с негодующей публикой.

К этому времени Оскар уже мог позволять себе подобные вольности. Блистательная комедия «Веер леди Уиндермир», на премьере которой публика была вне себя от восторга, сделала Уайльда знаменитым и богатым. А это означало, что теперь он имел досуг, свободу и деньги — три вещи, без коих фантазия, как ее понимал денди, сводилась лишь к пустым мечтам и бессилию. Еще со времени Оксфорда Оскар верил в свою миссию певца и носителя истинной красоты. А понятие красоты у него не имело границ. У красоты столько же форм, сколько у человека настроения. И посему Оскар считал, что нет вещей дурных или порочных, есть красота и безобразие, изысканность и пошлость. Сражение с пошлостью он вел с редким мастерством, преследуя и высмеивая ее в ходячих фразах и мещанских пороках, со свойственной только одному ему язвительной манерой обличая лицемерие нравов и ханжество. Он был человеком, который Англию больше всего изумлял и которого больше всего ненавидели. Бесчисленные фотографии и карикатуры на Оскара Уайльда украшали дворцы, мещанские дома и мансарды. Во многих романах того периода Уайльд если не сам выступал под вымышленным именем, то в чертах героев этих произведений проявлялось отдаленное сходство с ним. Так, название романа «Зеленая гвоздика» ясно говорило, кто выведен в образе героя романа Эсме Амаринта. Автором был некий Роберт Хиченс, который случайно повстречался Уайльду в Египте и не отставал от него во время всего путешествия по Нилу, да и в Лондоне некоторое время пытался с ним сблизиться.

В этом романе описывалось общество молодых бездельников с чрезмерно чувствительными нервами и эстетической восторженностью, связанных между собой легкоузнаваемыми отношениями. Книга представляла собой неприкрытый пасквиль, и в любом другом случае привлекла бы внимание полиции. Но Оскар стоял слишком высоко. Титул Принца Парадокса, который он сам себе присвоил и навсегда связал со своим именем, как бы оправдывал исключительность его положения и давал право ставить себя наравне с пэрами Англии. Он чувствовал себя принадлежащим к высшей аристократии, он был для нее

образцом и законодателем ее прихотей. Он был советчиком и арбитром во всем, что касалось туалета, мебели, драгоценностей, духов. У него были друзья самых именитых родов. Ни в одном дворце не сочли бы вечер, проведенный с Уайльдом, унижением для старинных гербов. Принц Уэльский, будущий Эдуард VII, чувствуя угрозу своему давнему званию короля моды, скрывал досаду под маской любезности — его не раз видели в Опере под руку с Уайльдом.

Пожалуй, это был последний счастливый период его жизни. Причиной несчастий и дальнейших злоключений стала любовь к стройному юноше с золотистыми волосами и глазами цвета фиалки, который появился в его жизни осенью 1891 г. Звали обворожительного эфеба Альфред Брюс Дуглас. Он был третьим сыном маркиза Куинсберри. После первой встречи с ним Оскару показалось, что каким-то чудом к нему явилось живое, зримое воплощение идеала.

Счастье представлялось в таком виде: оба усаживались у камина, рядом коробка с папиросами, на столике рейнское вино. С невозмутимой серьезностью Оскар внушал своему юному слушателю, что борьба с искушениями — это признак отсталости. Надо заменить ее инстинктом, облагороженным культурой. То, что называют грехом, — важный элемент прогресса. Без него мир закостенел бы в застое, одряхлел бы и померк. «Мы будем, как боги, — проповедовал Уайльд, — в наслаждении непорочны, во всякой любви незапятнанны».

Все в Дугласе казалось Уайльду совершенным — его улыбка, выражение лица, он постоянно говорил об особом изяществе его жестов и движений. Каждый поступок друга он готов был одобрить, потакая всем его капризам, навещая в Оксфорде, ревнуя к каждому, кто приближался к объекту обожания Уайльда. Самая короткая разлука была для них невыносима. Они даже обменялись перстнями — как помолвленные, вместе много путешествовали, совершая великосветские поездки в Париж, Венецию, Флоренцию, Рим, Алжир.

Конечно, отношения Оскара и Дугласа не всегда были безоблачными. Они часто ссорились, затем начинали писать друг другу покаянные письма, и все начиналось сначала. Совместные поездки, совместный отдых очень часто шокировали окружающих. Как, например, случай, когда они проводили лето в Горинге, на берегу Темзы. Там их решил навестить пастор местного прихода. И каково ему было увидеть в саду такую картину — на лужайке возлежал совершенно голый Дуглас, а Оскар поливал его из шланга. Уайльд приветствовал священнослужителя возгласом: «Вы явились в самую удачную минуту, чтобы полюбоваться

сценой из греческой древности». Ошеломленный пастор бросился прочь, сопровождаемый громким смехом Уайльда.

Так продолжалось четыре года. Угроза над друзьями нависла в лице отца Дугласа, маркиза Куинсберри, человека злобного, жестокого и мстительного. Он страшно возмутился тем, что Дуглас оставил Оксфорд, так и не сдав экзамены. Свои претензии маркиз высказал в письме к сыну: «Не надейся, что я буду оплачивать твою праздность. Ты готовишь себе нищенское будущее, и было бы жестоко и безнравственно с моей стороны помогать тебе в этом… Я касаюсь самого болезненного пункта — речь пойдет о твоей близости с этим типом, с Уайльдом. Это должно прекратиться, или я от тебя отрекусь и лишу тебя средств к существованию. Не буду анализировать эту близость и ни в чем не обвиняю, но я видел вас вдвоем — как бесстыдно и отталкивающе вы выказывали свои интимные отношения. В жизни не видел ничего более мерзкого, чем выражения ваших лиц. Не удивительно, что о вас столько говорят. Я знаю из надежного источника — что, впрочем, может быть и неверно, — будто его жена добивается развода, обвиняя его в содомии и прочем разврате. Если это подозрение имеет какие-то основания и если о нем пойдет молва, я буду вправе пристрелить его при первой встрече».

Дуглас на это письмо ответил язвительной телеграммой: «Какой ты смешной человечишка!» После чего маркиз разъярился окончательно. Осыпая проклятиями «развратного ирландца», он оставил в клубе, членом которого был Уайльд, оскорбительную карточку, на которой было написано: «Оскару Уайльду, позирующему в качестве содомита».

Тут уже разъярился Оскар, и злость толкнула его на необдуманный поступок. Он подал в суд на маркиза Куинсберри, обвинив его в клевете. Однако силы оказались неравными. К процессу маркиз подготовился основательно. Не считаясь с расходами, он нанял целую команду частных детективов, которые добросовестно разыскивали свидетелей в вертепах Пиккадилли. В чем очень преуспели, найдя некоего Тейлора, полупрофессионала-сутенера, который у себя дома предпочитал носить женскую одежду. Как они уверяли, он-то и поставлял Уайльду молодых юношей — мелких клерков, лакеев, продавцов газет. Обвинение потребовало вызвать их в качестве свидетелей, к тому же попросило у Оскара объяснения, для какой цели тот имел постоянную квартиру в отеле «Савой».

Когда стало ясно, что эти свидетели могут дать показания в суде, адвокат Уайльда решил прекратить дело. Но маркиз тут же подал встречный иск, обвинив Оскара в безнравственности,

подкрепив свое обвинение доказательствами его сексуальной извращенности. На основании показаний свидетелей, обвинявших Уайльда в «глубоко непристойных действиях», 11 апреля 1895 г. дело было передано в главный уголовный суд. В течение трех недель в ожидании суда над писателем вершился суд общественный. Книготорговцы прекратили продажу его произведений, театры вычеркнули его имя на афишах, пьесы Уайльда были изъяты из репертуара. Два его сына, Сирил и Вивиан, вынуждены были оставить школу, словно они стали прокаженными.

Правда, у Оскара была еще возможность исчезнуть из Англии, избежав тем самым судилища. Но он не пожелал бежать и предпочел защищаться на суде сам. Он делал это, как всегда, блистательно и остроумно, нередко вызывая аплодисменты в зале суда. Тем не менее эффектные речи не спасли Уайльда от сурового приговора. Он был приговорен к двум годам каторжных работ, что являлось максимальным наказанием по действующему в то время английскому законодательству.

Два года сломленный Уайльд провел в тюремном заключении, которое в те времена в Англии было очень жестоким. В тюрьме Уайльд даже пытался покончить жизнь самоубийством, отрекся от Дугласа, обвинив его в том, что тот привел его к падению. «Я убью его, убью. В тот же день, когда отсюда выйду, в тот самый день, когда его увижу, я убью его, как собаку!» — кричал он перепуганной Констанции, которая навестила его. Это был вопль отчаяния. Он остался один: жена его сменила фамилию, она теперь стала миссис Голланд, закон отнял у него детей. Что касается сыновей, то для старшего, Вивиана, отец стал фигурой страшной, для младшего, Сирила, — таинственной. Вместе с матерью им пришлось много путешествовать по Европе, и везде Констанция трепетала от страха, что кто-нибудь может узнать о происхождении ее детей.

Из тюрьмы Уайльд вышел больным, угнетенным, униженным, без всяких средств к существованию. Он уехал в Париж, где поселился в скромной квартирке под именем Себастьяна Мельмона. Средств к существованию у него не было. И он принял помощь жены. Сердобольная Констанция назначила ему небольшую ренту из собственных средств, однако поставила условие, чтобы он не встречался с Дугласом. А вот это, как оказалось, выполнить Уайльду было труднее всего. Он снова начал встречаться с Дугласом, оправдываясь психологической необходимостью: он должен кого-то любить и чувствовать себя любимым, независимо от цены, которую ему придется заплатить. Ему придется еще не раз изведать горе, но что с того, если он

любил Дугласа. Любил, быть может, именно потому, что тот разрушил его жизнь. Мир закрывал перед Уайльдом двери, и лишь врата любви оставались открытыми.

Кончилось тем, что после угрожающих писем Констанции Уайльду прекратили выплату ренты. С другой стороны, леди Куинсберри требовала, чтобы сын немедленно оставил Уайльда, если хочет получать помощь из дому. Друзья-любовники то расставались, то встречались, и так продолжалось до самой смерти Уайльда. Он скончался 30 ноября 1900 г. от менингита. Последнее его творение «Баллада Редингской тюрьмы» — редчайшее по красоте и величию произведение искусства, написанное классически простым языком английских баллад. Его похоронили в предместье Парижа, на кладбище в Банье. В последний путь бывшего Короля жизни провожало чуть больше двадцати человек, среди которых был и лорд Альфред Дуглас.

Биографы утверждали, что перед смертью Уайльд сказал своему самому преданному другу Роберту Россу: «Я не переживу нашего века. Уйду вместе с ним. Мы были созданы друг для друга, а будущему столетию я не мог бы дать ничего нового». Оказалось, что и для XX века фигура английского классика, как и прежде, осталась притягательной. А его образ приобрел черты загадочности, словно подтвердив знаменитый уайльдовский афоризм: «Маска всегда скажет нам больше, чем само лицо».

Д’Аннунцио Габриэль

(род. в 1863 г. — ум. в 1938 г.)

Итальянский поэт, писатель, драматург, известный также своими легендарными любовными подвигами.

У каждой нации есть свой великий герой-любовник, который может служить своеобразной «визитной карточкой» любвеобильного мужчины. Если говорить об Италии конца XIX и первой трети XX века, то таким героем, безусловно, был воин, поэт, писатель и драматург Габриэль Д’Аннунцио. Его легендарные любовные подвиги описаны не только в воспоминаниях современников, писатель сам воспроизвел их на

страницах собственных романов, многие из которых до сих пор сохранили скандальную славу.

Габриэль Д'Аннунцио вышел из самого что ни есть простонародья, впрочем, это не мешало ему всю жизнь называть себя благородным дворянином. Более соответствует истине другое определение, данное им же самому себе, — «певец эротики».

Действительно, жизнь и творчество Д'Аннунцио неотделимы от образов женщин, во множестве встречавшихся на его жизненном пути. Впервые он влюбился в семилетнем возрасте, а когда ему исполнилось двенадцать лет, в богословской школе, где он учился, произошел настоящий скандал. Юный воспитанник пытался прижимать руку монахини, поправлявшей ему одежду, к самой интимной части своего тела. Неудивительно, что уже в шестнадцать лет Габриэль испытал любовь проститутки. В качестве оплаты за ее услуги ему пришлось заложить свои часы.

Уверенный в своем дворянском происхождении, Д'Аннунцио всегда тянулся к дамам родовитым и светским. И первое тому подтверждение — экстравагантная женитьба двадцатилетнего Габриэля на Марии, дочери герцога Ардуа ди Галлезе. Экстравагантность заключалась в том, что герцог ди Галлезе был категорически против замужества дочери с безродным самозванцем, и даже грозился от нее отречься. Тогда настойчивый жених попросту выкрал невесту из родительского дома. У этой четы впоследствии родилось трое сыновей.

Однако роль верного супруга Габриэлю надоела уже после первых лет брака. Вдоволь насладившись женскими прелестями прекрасной Марии, он, не задумываясь, бросился в омут любовных авантюр, время от времени одаривая свою жену, как он писал, «восхитительной ночью». Спустя четыре года и эти ночи были забыты. Д'Аннунцио окончательно порвал с женой.

Среди причин непостоянства новоявленного дон-жуана — его пристрастие к неизведанным областям секса. Есть свидетельства его любовной страсти к юношам и лесбиянкам, известны и факты поиска случайных женщин, чья «новизна может стимулировать фантазию». Правда, чаще всего такие связи были кратковременными, но некоторые из них заканчивались трагически. После бурного романа с писателем религиозная графиня Манчини испытала столько страданий от сознания своей вины, что сошла с ума и была помещена в психиатрическую лечебницу. Другая брошенная Габриэлем любовница, маркиза Алессандра ди Рудини Карлоти, дочь самого премьер-министра Италии, покинула свою семью и, чтобы замолить свой грех, приняла постриг и умерла в одном из монастырей Савойи.

Галерею «сердечных подруг» после Марии продолжила супруга графа Леоне, которую Д'Аннунцио называл Барбарой. Он встретил ее на одном из концертов в 1887 г. Красота графини произвела на неуемного ловеласа ошеломляющее впечатление. Любовь оказалась взаимной и продолжалась в течение пяти лет. При каждой встрече Габриэль осыпал Барбару лепестками роз, а когда она спала, садился рядом и записывал свои ощущения от близости с возлюбленной. Эти впечатления Д'Аннунцио увековечил в одном из лучших своих романов «Триумф смерти», а также в романе «Невинная».

К этому времени легкий, лирический стиль писателя начал окрашиваться в более мрачные, трагические тона, естественно, не без влияния музыки Вагнера и модной тогда философии Ницше. После романа с Барбарой в его сочинениях явственно проступили мотивы смерти, насилия, безраздельной свободы, которые позже материализовались в прославлении идей фашизма.

Но это случится позже, пока же смысл жизни писатель-эротоман видел в реальных любовных приключениях. Трудно понять, чем покорял представительниц прекрасного пола этот некрасивый, маленького роста человек, по-крестьянски плотно сложенный, с кривыми ногами, рано облысевший и с дурным запахом изо рта по причине гнилых зубов. Можно только предположить, что он притягивал женщин изощренной магией поэтического и прозаического слова, которое в иных случаях воздействует сильнее, чем привлекательный внешний облик.

В 1891 г. Габриэль открыл для себя новую страницу любовных историй. На сей раз его возлюбленной стала графиня Мария Гравина ди Рамакка — красивая, грациозная женщина, жена неаполитанского дворянина. Пожалуй, тогда впервые Д'Аннунцио ощутил на себе всю силу женской ревности. Мария тратила огромные средства на то, чтобы удержать возле себя знаменитого любовника. Однако дело кончилось тем, что суд обвинил влюбленную парочку в прелюбодеянии и приговорил обоих к пяти месяцам тюремного заключения. Приговор, правда, затем отменили, а соблазнитель усыновил двух детей графини. Вскоре у них родился сын, и ревнивая Мария тут же пригрозила Д'Аннунцио, что убьет ребенка, если тот не перестанет ей изменять.

Влюбчивого повесу такая угроза отнюдь не остановила. И он без промедления завел роман со знаменитой актрисой Элеонорой Дузе. Она была старше Габриэля на четыре года и к тому времени уже имела большой опыт любовных связей со своими многочисленными поклонниками. Тем не менее с Д'Аннунцио Дузе, по ее признанию, испытала самые сладострастные чувства.

С некоторыми перерывами эта связь длилась почти девять лет. Актриса ничего не требовала от Габриэля, наоборот, она даже снабжала его деньгами, вдохновляла на новые произведения, выступая при этом в роли советчика и настоящего друга. Д'Аннунцио, в свою очередь, писал пьесы, где возлюбленной отводились главные роли.

В 1900 г. Элеоноре пришлось испытать настоящее потрясение от появившегося в печати очередного романа ее любовника, в котором он, в свойственной ему эротической манере, подробно описал всю их совместную жизнь. Они расстались в 1904 г., поскольку стареющая любовница уже порядком надоела Д'Аннунцио.

Надо отметить, что в донжуанском списке Д'Аннунцио оказалось немало женщин из артистической среды. Кроме Элеоноры Дузе в разное время его вдохновляли Ида Рубинштейн и Тамара де Лемпика, великолепная Сара Бернар и не менее знаменитая Айседора Дункан. Впрочем, что касается Дункан, то она оказалась единственной женщиной, которая сумела устоять перед чарами Д'Аннунцио. Да и то только потому, что, как она сама признавалась: «Я оказала ему сопротивление из-за своего преклонения перед Дузе».

Свои отношения с художницами, актрисами и певицами Д'Аннунцио рассматривал больше в деловом, нежели любовном плане. Измученному вечным безденежьем писателю они помогали не только материально, но и создавали, как он считал, достойный имидж. Имена же многочисленных танцовщиц, служанок, поклонниц и просто девиц легкого поведения история не сохранила.

Но Д'Аннунцио славился не только своими любовными подвигами. Почти в 50-летнем возрасте он решил стать добровольцем итальянской армии, которая помимо своей воли была втянута в Первую мировую войну. Его самыми известными военными подвигами стали первые в истории ручные бомбардировки с воздуха, которые новобранец осуществлял с биплана. Прославился он и полетом над Веной, во время которого разбрасывал, правда, не бомбы, а собственноручно написанные памфлеты. Вошел в историю и совершенный Д'Аннунцио ночной рейд на 300 миль в тыл врага на шлюпке, снабженной двумя торпедами. Но наибольшую, хотя, скорее, дурную славу принес ему разбойничий захват сербского города Фиуме. Тогда-то и оказалась рядом с ним женщина по имени Луиза Баккара, вероятно, самая некрасивая из тех, кем он обладал. Похоже, отсутствие внешней привлекательности синьора Баккара компенсировала какими-то другими достоинствами. Биографы

писателя до сих пор теряются в догадках, каким образом ей удалось на протяжении многих лет удерживать внимание неравнодушного к женской красоте Д'Аннунцио. Своей любовью она заполнила образовавшуюся пустоту в душе храброго воина после боевых сражений и отвоевала себе место «патологической Музы», как называли Луизу фронтовые друзья Д'Аннунцио. В Фиуме, который, как уже упоминалось, захватили итальянские авантюристы во главе с Д'Аннунцио, Луиза почувствовала себя первой дамой при штабе самопровозглашенной городской власти. Она настолько вознеслась в своем желании командовать всем и всеми, что вскоре ее возненавидели все квартировавшие в городе офицеры. Некоторые из них даже строили планы похитить назойливую «Музу», отвезти ее на безлюдный остров близ Далматинского побережья и оставить там навечно. Есть предположение, что Габриэль знал об этих планах и вовсе им не противился.

Д'Аннунцио закончил войну командиром звена бомбардировщиков. Он устал воевать и полагал, что настало время вновь заняться собой, тем более что обустроить быт писателя взялась деятельная Луиза. На вилле Витториале, где они поселились в 1921 г., она развила кипучую деятельность, и вскоре монополизировала все сферы его жизни. Единственное, над чем была не властна Луиза, так это над эротическими страстями своего любовника. И потому ей приходилось закрывать глаза на многочисленных горничных, швей и проституток, с которыми он забавлялся.

События в сербском городе Фиуме сделали Д'Аннунцио национальным героем Италии. И этим поспешила воспользоваться новая итальянская власть во главе с Муссолини, ориентированная на нарождающийся фашизм. Заинтересовался писателем и сам дуче. Он настолько высокого оценил заслуги бывшего бравого воина, что в 1924 г. даровал ему титул князя ди Монтеневозо. Однако позже Муссолини почувствовал, что популярный в народе национальный герой Д'Аннунцио может составить ему серьезную конкуренцию. А кроме того, Муссолини заметил у писателя признаки отрезвления от их идеологически насыщенной дружбы. В этом случае Д'Аннунцио выгоднее было держать на расстоянии и без опасения пользоваться созданным им образом. Муссолини явно лепил свой образ с образа, зафиксированного народной памятью бывшего сотапс1ап1е Фиуме. Особенно удавались дуче речи с балкона, в подражание тому, как это делал сам Д'Аннунцио. Муссолини даже старался походить на него внешне. И это послужило еще одной причиной того, что оригинал желательно было удалить со сцены. Поэтому

вилла Витториале еще при жизни Д’Аннунцио была превращена в музей его личной славы и стала пусть и недобровольным, но все же спокойным прибежищем утомленного путника и неутомимого волокиты.

Вот так и получилось, что певца итальянского фашизма власти держали в его вилле в качестве вполне барствующего, но бесправного узника. Государство взяло на себя содержание дома и парка, а также оплату персонала, который состоял из его поклонников и домочадцев. Для автомобиля была установлена скромная норма бензина, дабы хозяин виллы не смог уехать далеко от дома. Наверняка и шофер участвовал в заговоре. Есть даже версия, будто Луиза Баккара играла роль не столько любовницы, сколько надзирательницы над невольным узником.

Говоря о последних годах жизни Д’Аннунцио, необходимо упомянуть о женщине, которая оставалась ему верной на протяжении десятилетий. Речь идет о некой Эмилии Мазуайле, более известной как Алис, служившей у писателя горничной еще с довоенных времен. В 1950 г. она поведала биографам писателя, в чем заключались ее обязанности. Понятно, что Алис должна была заниматься с Д’Аннунцио и любовью, от чего он не освобождал ее до последних дней жизни, при этом постоянно внушая Луизе Баккара мысль о своей мужской несостоятельности. Кроме того, она должна была обслуживать всех гостей, которые по предложению хозяина участвовали в эротическом трио или квартете. Алис же приводила ему на виллу свежих крестьянских девушек, чьими именами сам любовник даже не интересовался.

Женщины приходили и уходили, а Эмилия Мазуайле оставалась, потому что, благодаря своей преданности и верности, так и не смогла надоесть любвеобильному писателю. Ей же довелось присутствовать и при смерти Д’Аннунцио, последовавшей 1 марта 1938 г. от кровоизлияния в мозг. До своего 75-летия он не дожил всего одиннадцать дней.

Любопытно, что навязчивой идеей последних лет жизни Д’Аннунцио было умереть так, чтобы его смерть стала таким же запоминающимся событием, как и его многочисленные подвиги при жизни. То он настаивал на том, чтобы его тело использовали в качестве ядра при выстреле из пушки, то требовал, чтобы умертвили, погрузив тело в резервуар с кислотой. Можно с определенной долей вероятности утверждать, что знай Габриэль Д’Аннунцио о своей более чем прозаической кончине, он наверняка бы испытал разочарование.

Уэллс Герберт

(род. в 1866 г. — ум. в 1946 г.)

Английский писатель-фантаст, личная жизнь которого была под стать его произведениям.

Критики и журналисты нередко называли английского писателя Герберта Уэллса великим экспериментатором. Он открывал новые направления в английской прозе, не чуждался смелых пророчеств в социальной и научно-технической сферах, на протяжении всей жизни не оставлял попыток определить смысл человеческого предназначения. И с такой же неуемной страстью ставил эксперименты в личной жизни, которая была не

менее насыщенной, чем самые динамичные эпизоды в его знаменитых романах.

Казалось бы, внешность Уэллса не давала особых поводов для проявлений симпатий, особенно со стороны женщин — его никак нельзя было назвать красавцем. Он был невысок ростом, коренаст, с короткими руками и не очень выразительным лицом. Да и характер Герберт Уэллс имел отнюдь не ангельский. Тем не менее один из его биографов, ничуть не покривив душой, написал: «Несмотря на все его недостатки, его невозможно было не любить. Он был необычайно умным, имел необыкновенное чувство юмора и мог быть просто обворожительным. Все это подтвердили бы многие женщины».

Детство Берти, как называли Герберта в семье, было далеко не безоблачным, а что такое семейный уют, в доме Уэллсов и понятия не имели. Его отец, Джозеф, владелец посудной лавки, целые дни проводил в крикетном клубе, а что касается матери, Сары, то, по словам Герберта, «полная неспособность матери справиться с кухней относилась к числу ее врожденных качеств». Берти не был милым и послушным ребенком. Целыми днями без устали он с криком носился по лестницам, постоянно пытался отнимать у старших братьев приглянувшиеся ему игрушки и поднимал дикий рев, когда те прикасались к чему-либо, принадлежащему ему. Единственное, что утешало Сару Уэллс, так это успехи Берти в учении. Еще ребенком он все схватывал буквально на лету, хорошо рисовал и легко заучивал стихи. Не было проблем и в «Коммерческой академии Морли», которую он тоже закончил успешно.

В восемнадцать лет Герберт решил заняться педагогикой. Ему удалось получить место практиканта в одной из сельских государственных школ, где он, как ему казалось, нашел свое призвание. Его ученики успешно сдали экзамены, за что Герберт получил денежное вознаграждение и обратил на себя внимание чиновников министерства просвещения. А в 1884 г. Уэллсу было предложено прослушать курс лекций в Королевском колледже науки на биологическом факультете. Здесь он проучился три года, и хотя первый курс закончил с прекрасными отметками, на двух последующих, где начались практические занятия, стал учиться хуже, и в 1887 г. провалился на выпускных экзаменах, что закрыло ему путь к научной карьере.

Проработав некоторое время в провинциальной школе, Уэллс решил попытать счастья в Лондоне. После полутора лет безработицы он наконец получил постоянное место в школе, дававшее 60 фунтов в год. Кстати, это заведение принадлежало Джону Вайну Милну. Эту фамилию весь мир узнал несколько

позже, когда сын владельца школы Ален Милн, бывший одно время учеником Уэллса, написал своего знаменитого «Винни-Пуха». Педагогическая карьера Уэллса продвигалась успешно, и уже в начале 1890 г. он, сдав экзамены, получил звание действительного члена Колледжа наставников и начал преподавать в Заочном университетском колледже.

В Лондоне жила невестка отца Уэллса, тетя Мэри, которая сдавала меблированные комнаты. Она и приютила Берти. Очень скоро он увлекся дочерью тети Мэри, Изабеллой, грациозной черноволосой красавицей, которая осваивала профессию фотографа. Герберт с кузиной стали часто проводить вместе время, гуляли по городу, посещали художественные выставки, тайком целовались в темных подъездах. И наконец, дело дошло до свадьбы: 31 октября 1891 г. они обвенчались в приходской церкви.

Однако семейным уютом Уэллс наслаждался недолго. Позднее он рассказал в романе «Тоно-Бенге», что тогда чувствовал: «Семейная жизнь стала… казаться мне узкой, глубокой канавой, перерезавшей широкое поле интересов, которыми я жил… Мне казалось, что каждый прочитанный мною любовный роман — насмешка над нашей унылой жизнью; каждая поэма, каждая прекрасная картина только оттеняли скуку и серость длинной вереницы часов, которые мы проводили вместе».

Уэллс недолго оставался верным супругом. Вскоре после свадьбы он успел изменить Изабелле с ее приятельницей, уже весьма искушенной в любовных делах. Хотя сделал он это словно для того, чтобы доказать себе, что по-прежнему любит свою жену. Наверное, доказательств не получил, поскольку подлинного удовлетворения не было теперь ни дома, ни на работе, к которой Герберт тоже стал относиться прохладнее.

Все изменилось в начале 1892/1893 учебного года. Во время знакомства со студентами нового набора он сразу же приметил худенькую девушку с тонкими чертами лица, глубокими карими глазами и светлыми волосами. Звали ее Эми Кэтрин Робинс. Однако позже Уэллс стал называть ее Джейн, и это имя она носила до конца жизни.

«Она подхлестнула мое воображение… — вспоминал он, — и я мог говорить с ней об идеях и надеждах свободнее, чем это удавалось мне сделать когда-либо прежде. Я высказывал теперь все, что успело, не находя выхода, накопиться во мне со студенческих дней…. Мы были друзьями и с безупречной неискренностью убеждали друг друга, что никогда не пойдем дальше. А мы шли все дальше и дальше».

Как ни странно, Уэллса не влекло к ней как к женщине. Она

виделась ему — и тогда, и потом — просто «прелестной статуэткой дрезденского фарфора». Единственной и желанной женщиной для него по-прежнему оставалась Изабелла. Но Джейн он считал единомышленницей, другом, помощницей и все чаще приходил к мысли, что это — главное для него в женщине. Закончилась вся эта история тем, что Изабелла, понимая, насколько велика была взаимная привязанность мисс Робинс и ее мужа, напрямик заявила Герберту, что лучше уж разойтись. Официально их развод был оформлен в январе 1894 г.

Переписка между бывшими супругами никогда не прекращалась. Уэллс платил Изабелле неплохие алименты и поддерживал во всех ее начинаниях. А их было немало. Сначала она, вообразив себя деловой женщиной, завела птицеферму, но дохода та почти не приносила. Затем надумала приобрести прачечную (Уэллс дал на это тысячу с лишним фунтов), а под конец жизни решила строить собственный дом. Но стать владелицей прачечной Изабелле помешала операция аппендицита, которую она плохо перенесла, а строительству дома — скоропостижная смерть. В сентябре 1931 г. Изабелла, страдавшая диабетом, внезапно впала в коматозное состояние и сутки спустя, не приходя в сознание, умерла.

Но вернемся к отношениям Уэллса и Джейн. Они поженились 27 октября 1895 г. Но действительно ли Герберт любил свою вторую жену? Скорее, он ее ценил. За внутреннюю интеллигентность, за поразительный такт, позволявший ей закрывать глаза на его недостатки, наконец, за веру в его талант, пришедшую тогда, когда в Уэллса не просто было поверить, за то, как она возилась с ним, больным, неустроенным, несчастным… К тому же Джейн была превосходной хозяйкой дома. Кроме того, что она с утра до вечера была занята, исполняя секретарские обязанности при муже, перепечатывая с удивительной быстротой его рукописи, прорабатывая для него нужные книги и выписывая оттуда цитаты, Джейн еще занималась и садом, который не доверяла никому.

Уэллс же, несмотря на слабое здоровье (еще с молодости он страдал туберкулезом легких), после женитьбы на Джейн проявил настоящие чудеса работоспособности. В среднем у него каждые полгода печаталось по одной книге и еще по три десятка рассказов и статей. С 1896 по 1901 гг. появились романы «Остров доктора Моро», «Колеса фортуны», «Человек-невидимка», «Война миров», «Когда спящий проснется», «Любовь и мистер Льюшем» и «Первые люди на Луне». От «Машины времени» до «Первых людей на Луне» прошло всего шесть лет, но их оказалось достаточно, чтобы Уэллс завоевал себе славу великого фантаста.

Итак, благодаря терпению и благоразумию Джейн в семье Уэллсов царил порядок, покой и взаимное согласие. С самого начала их брака она знала, что Герберт склонен к супружеским изменам, но предпочитала не замечать увлечений мужа ради его будущего и благополучия детей. В 1901 г. у супругов родился сын Джордж Филипп, а через два года второй сын Фрэнк Ричард.

После Фрэнка у Джейн уже не могло быть детей. Любовь к переменам, к которым всегда стремился Уэллс, проявилась теперь в полной мере. Как женщина Джейн его уже больше не интересовала. Благополучие, и материальное, и моральное, было обеспечено, а значит, можно было полностью отдаться стихии чувств. И хотя семья жила в некотором отдалении от Лондона, это обстоятельство ничуть не мешало Уэллсу постоянно уезжать в город и свободно распоряжаться своим временем. Тем более что жена предоставила ему полную сексуальную свободу. Факт, конечно, поразительный, если учесть, что Джейн была безумно предана своему мужу и любила его. Но, возможно, именно такая терпимость и позволила ей сохранить супружеские отношения до конца жизни.

Получив свободу действий, Уэллс в полной мере проявил силу страсти и тягу к разнообразным любовным приключениям. В его жизни стали появляться, сменяя друг друга, самые разные женщины. Сначала он завел роман с молоденькой писательницей Вайолет Хант, которая прекрасно знала жизнь лондонского района Сохо с его дешевыми кабачками и непременной комнаткой для любовных утех. Правда, связь эта длилась недолго. Вайолет поступила на работу в журнал «Иглиш ревю», владельцем которого был Форд Медокс, друг Уэллса. Форд оценил не только литературные способности Вайолет, но и ее женские прелести. Он сделал ее рецензентом своего журнала, а заодно и любовницей.

Правда, Уэллс очень скоро утешился. Место Вайолет заняла школьная подруга жены Дороти Ричардсон. Почувствовав, что у Джейн что-то не ладится с мужем, она, с самыми искренними намерениями, решила помочь приятельнице в укреплении семейных отношений. И… не устояла перед напором страсти Уэллса.

Позже Дороти поведала об этой связи в одном из своих романов, который назывался «Левая рука восхода». Прочитав книгу, Уэллс с немалым удивлением узнал, как он разочаровал свою возлюбленную. Оказывается, Дороти мечтала о глубокой духовной близости, интеллектуальном общении, в то время как Герберта интересовала в красивой блондинке лишь ее чувственность, и не более того. Впрочем, доля правды в

признаниях Дороти была. В дальнейшем Уэллс вспоминал о ней постольку, поскольку она постоянно напоминала ему о себе. Дело в том, что как писательница Дороти Ричардсон не преуспела и большую часть жизни прожила на деньги, который ей платил Уэллс за чтение своих корректур.

С годами число женщин, в которых влюблялся Уэллс, множилось, и постепенно писатель стал приобретать славу лондонского донжуана. Несмотря на довольно-таки неказистую внешность, женщин покоряли его ум, обаяние, чувство юмора, любовная энергия и, не в последнюю очередь, всемирная слава писателя. Естественно, при такой широкой популярности у Уэллса никогда не было недостатка в поклонницах. Среди молодых почитательниц его таланта одной из самых увлеченных была юная леди по имени Эмбер Ривс, которая называла Уэллса не иначе как «учитель». Она была очень увлечена своеобразными взглядами Уэллса на отношения между мужчиной и женщиной, особенно же ее интересовала не раз высказанная им мысль о допустимости группового брака.

Как-то во время прогулки Эмбер призналась Уэллсу, что влюблена. И когда тот поинтересовался, кто же ее счастливый избранник, пылкая девушка, к совершеннейшему его восторгу, бросилась ему на шею. Так они стали любовниками.

Преданность Эмбер была настолько велика, что даже на старости лет, уже расставшись со своей любовницей, Уэллс всегда говорил о ней с неизменным восторгом. В ее увлечении идеей группового брака не было никакой женской уловки, и когда Уэллс в самом начале их связи в порыве страсти предложил ей выйти за него замуж, она решительно отказалась. Благородная Эмбер любила Уэллса самозабвенно, но Джейн вредить не хотела.

Однако Джейн знала все. И как всегда, терпела, предпочитая видеть в Эмбер просто друга семьи. Так продолжалось весь 1908 год. Но потом события приобрели неожиданный для Джейн поворот. В апреле 1909 г. выяснилось, что Эмбер беременна, и Уэллс решил уехать с ней из Англии. Любовники отправились во Францию, сняли там жилье, после чего разрыв с семьей казался неизбежным. Уэллс даже решил продать свой дом в Спейнд-Хаус и срочно приобрел в Лондоне дом для Джейн и детей. Но вскоре писатель понял, что совершил большую глупость, — расстаться с Джейн он был не способен.

Разрешила почти тупиковую ситуацию сама Эмбер. Живя с Уэллсом, она вынуждена была самостоятельно вести хозяйство, чего не умела, да и особого желания учиться этому не имела. Уэллс же, избалованный Джейн, постоянно требовал все большей и большей заботы и внимания к себе. И в один прекрасный день

Эмбер сказала: если это необходимо — они расстанутся. Тем более что в нее уже несколько лет был влюблен молодой адвокат Бланко Уайт, который, хотя и знал о ее отношениях с Уэллсом и беременности, все же предложил Эмбер руку и сердце.

Уэллс вернулся к жене, и та его вновь приняла. Кстати, Джейн никогда и словом не попрекнула мужа за подобные истории: она давно решила для себя, что их отношения строятся на такой духовной близости, какую ничто не разрушит, а его частые увлечения другими женщинами рассматривала как вспышки какой-то хронической болезни. Так было и на сей раз. Уэллс же объяснил жене (кстати, в это он сам искренне верил!), что продажу дома и переезд в Лондон затеял ради нее самой: она, дескать, любит музыку и сможет там ходить на концерты.

Впрочем, на этом его отношения с Эмбер не закончились. Так как ее мать отказала дочери в материальной поддержке, то о молодоженах пришлось заботиться самому Уэллсу. Он снял для них домик, стал их навещать… и снова между ним и Эмбер вспыхнула страсть. В конце концов, собравшись с духом, Бланко Уайт просто запретил Уэллсу появляться где-либо поблизости, и Эмбер на этот раз во всем его поддержала. Но и после того, как она родила дочь от Уэллса, которую назвала Анна-Джейн, писатель несколько раз демонстративно гулял с ними в парке, шокируя знакомых. И все же «групповой брак» на практике выглядел несколько иначе, чем в романах. Да и сам Уэллс не был таким уж героическим борцом против условностей, каким временами хотел себе казаться. Он расстался с Эмбер и несколько лет вообще ничего не знал о ней. Встретились они уже тогда, когда чувства совсем угасли.

Надо заметить, что Уэллс всегда был неравнодушен к женщинам, склонным к сочинительству. В ноябре 1910 г. его очередной литературной пассией стала графиня Элизабет (Беттина) фон Арним, преуспевающая немецкая писательница. Это была хрупкая, прекрасно сложенная женщина, обладавшая ровным характером, воркующим голосом и вкрадчивыми манерами. Она была так мила, что Джейн как-то сказала: «В ее устах даже немецкий язык кажется приятным».

Ну разве мог Уэллс не поддаться ее чарам! К тому же со временем у него выработался какой-то удивительный рефлекс: непременно добиваться взаимности красивой женщины, которая встречалась на его жизненном пути. Правда, Элизабет, хотя и выглядела на редкость молодо, была его ровесницей и опыт в общении с мужчинами имела большой. Поэтому ей не составило труда сначала заставить Уэллса помучиться, поревновать. И лишь после того, как он неожиданно приехал в ее швейцарское

поместье, Элизабет уступила.

Эта связь продолжалась весь 1911, 1912 и до начала 1913 года. Но назвать ее, в отличие от других увлечений Уэллса, «романом» весьма проблематично. Его чувства, по сути, оставались незатронуты, ее, кстати, тоже. Ко времени знакомства с Уэллсом Элизабет была уже вдовой, считала себя самостоятельной и независимой женщиной. Отбивать Герберта у Джейн она не собиралась, ибо считала, что в мужья он ей не годился. Она считала Уэллса требовательным, капризным, непостоянным в любви. Да и любовником-то, по ее мнению, он был далеко не идеальным: каждый день писал жене письма, искренне радовался, когда получал ответные. К тому же Элизабет понимала, что, несмотря на все знаки внимания к ней, на первом месте у него всегда будет работа. А ей хотелось совсем другого: «Я тоже хочу быть любимой или быть понятой — что одно и то же».

После двух лет общения с Элизабет Уэллс охладел к ней так же, как и к другим любовницам. Дело закончилось тем, что в один прекрасный день он упаковал свои вещи и после короткого объяснения вернулся домой. Ни от любви, ни от страсти не осталось и следа.

С Элизабет, которая вышла замуж за графа Джона Рассела, брата известного английского философа Бертрана Рассела, Уэллс встретился во Франции, где в 1927 г. он построил дом. Оказалось, что графиня Рассел с семьей живет по соседству. Они изредка виделись и вели чинные беседы на литературные и политические темы. Между прочим, Уэллс именно тогда признался Элизабет, что изменял ей с поклонницами своего таланта, чьих имен он уже и не помнил.

Да и скрывать-то было уже нечего. Все давно обо всем знали и, что хуже всего, — не восхищались Уэллсом и даже не возмущались, а просто жалели. Выражение «помешан на женщинах» звучало применительно к нему отнюдь не преувеличением. Это было уже нечто большее, нежели еще одно проявление эксцентричности. Хладнокровным англичанам, как известно, к эксцентричности не привыкать. Но вот к страстям Уэллса они так и не смогли до конца привыкнуть.

Жалела его и давно уже ничему не удивлявшаяся Джейн. Она знала о слабостях мужа, но знала и другое: при любых обстоятельствах он ее не оставит. Джейн была единственной женщиной, с которой мог жить Уэллс. История с Эмбер была случайным срывом. После этого он и помыслить не мог о том, чтобы оставить жену, хотя так и не остепенился. Уже в конце сентября 1913 г. в его жизнь вошла еще одна замечательная

женщина — Ребекка Уэст.

Как-то Уэллс прочел в еженедельнике «Свободная женщина» разгромную рецензию на свой роман «Женитьба» и, вопреки своему обычаю, нисколько не обиделся. Рецензия была подписана псевдонимом «Ребекка Уэст». Статьи под этой фамилией писатель встречал не раз, и они очень нравились ему остротой и смелостью мысли. Теперь, когда Ребекка Уэст избрала объектом своей критики его самого, появился повод для знакомства. Уэллс послал ей письменное приглашение на обед. В назначенный день и час Ребекка пришла и сразу же очаровала и Герберта, и Джейн.

Настоящее имя Ребекки было Уэст Сесили Фэрфилд. Ей едва исполнилось двадцать лет. Она была хороша собой, умна, весела, остроумна, не по возрасту начитанна и обладала прекрасной памятью. Сесили хотела стать актрисой, некоторое время безрезультатно пыталась устроиться в какой-нибудь лондонский театр, но, в конце концов, решила избрать другой путь. Она послала статью в журнал «Свободная женщина», где ее сразу опубликовали. Вскоре Ребекка стала журналисткой, а позже писательницей, причем довольно известной.

Как оказалось, новый роман с Ребеккой Уэст стал для Уэллса одним из самых серьезных в его жизни. Важен он был и для самой Ребекки. Сверстников своих она презирала и поскольку была твердо уверена, что ей предстоит стать знаменитой писательницей, не могла даже представить себе связь с человеком меньшего масштаба, чем Герберт Уэллс. Что, впрочем, не мешало ей сохранять по отношению к нему независимость.

Правда, некоторые черты характера Уэллса при более близком знакомстве показались ей не совсем интеллигентными. Уже в старости Ребекка рассказывала, каким комическим самоуважением он проникался, ощутив себя в очередной раз значительной общественной фигурой. После встречи с Лениным, вспоминала она, Уэллс ходил, раздувшись от важности, а когда во время очередной своей поездки в Америку увидел, как при всяком его появлении перед слушателями весь зал дружно встает, сделался просто невыносимым. Дело доходило до смешных казусов. Однажды, когда они были на Гибралтаре и у Герберта случился сильный насморк, он потребовал, чтобы хозяин гостиницы (местный врач был в отпуске) немедленно связался с командующим британским флотом, базирующимся в Гибралтаре, и сказал ему: «Уэллс заболел. Немедленно вышлите врача». Ребекка, по ее словам, тогда чуть не сгорела со стыда.

Но несмотря ни на что, она страстно любила Герберта, хотя не раз у нее возникало желание оставить его. Поводов тому было предостаточно. Ребекка очень часто чувствовала себя униженной,

поскольку Уэллс никогда не бывал с ней в обществе, не водил в театр, предпочитая посещать захолустные кинотеатры. А ведь их связь ни для кого не была секретом! И чем более укреплялась ее собственная литературная репутация, тем двусмысленней становилась ее роль любовницы Уэллса.

Этот роман длился десять лет. Несмотря на рождение в 1914 г. сына Энтони, на большее их не хватило. Для Уэллса разрыв с Ребеккой стал настоящей душевной травмой. В своем «Постскриптуме к автобиографии» он писал: «Я никогда не встречал женщину, ей подобную, и не уверен, что когда-либо нечто подобное снова появится на земле».

Однако далеко не обо всех своих женщинах Уэллс отзывался с такой любовью и нежностью. Совершенно иную характеристику он дал Одетте Кён, с которой сблизился в 1923 г. Позже, вспоминая о ней, Уэллс выстраивает такой длинный и колоритный список бранных слов, что их, пожалуй, хватило бы на несколько отвратительных женских особей. «Дрянная баба» в этом списке — самое безобидное определение. Он даже сделал ее Одетту прототипом героини романа «Кстати о Долорес», где показал ее неким воплощением всех возможных женских пороков, исследованных подробнейшим образом.

Одетта Кён была дочерью переводчика голландской дипломатической миссии в Константинополе. После окончания греческой школы-пансиона в Голландии она начала сочинять романы, которые писала очень быстро и только карандашом, поскольку, как она объясняла, перо не поспевает за ее мыслью. Затем, увлекшись религией, Одетта поступила послушницей в монастырь. Но поскольку один из монашеских обетов, а именно отказ от плотских утех, ее не устраивал, она покинула монастырь и сделалась проповедницей свободной любви. Своим духовным наставником молодая писательница считала Уэллса и даже посвятила ему свой роман «Современная женщина», где рассказывалось об одной замечательной женщине, стоявшей выше светских условностей. Уэллса попросили дать отзыв о нем, и он отметил в своей рецензии, что автор — существо в высшей мере занятное.

Сразу же после этой рецензии писатель получил восторженное письмо от Одетты, в котором она называла его «героем ее жизни». Уэллс не был бы Уэллсом, если бы не затеял с ней переписку. Это привело к тому, что в августе 1924 г., когда он, окончательно расставшись с Ребеккой, уехал в Женеву, Одетта немедленно отправилась к нему. Они встретились в недорогой гостинице. Как позже вспоминал Уэллс, когда он вошел в пахнущий жасмином номер, где горел лишь один слабый ночник,

ему навстречу устремилась миниатюрная женщина в прозрачном халатике и, обнимая и целуя его, начала клясться в вечной любви. Ну как тут было устоять великому женолюбу! Тем более что и эта возлюбленная была моложе его на двадцать лет: в то время Одетте было тридцать шесть лет, Уэллсу — пятьдесят семь.

В начале их связи Одетта проявила себя как заботливая, экономная хозяйка, а главное, с благоговением и пониманием отнеслась к его работе. И Уэллс (уже в который раз!) решил, что наконец-то нашел тихую пристань в теплых краях. Любовники сняли во Франции виллу в ожидании, когда будет построен собственный дом. В английскую жизнь Уэллса Одетта не вмешивалась, сопровождать его в Лондон или Париж не стремилась, к жене не ревновала. Она даже писала письма Джейн, где объясняла, с каким чудесным человеком она соединилась и как будет о нем заботиться.

Конечно, настоящим ангелом Одетту назвать было трудно: она изводила прислугу мелкими придирками, ни с того ни с сего отказывалась разговаривать с Уэллсом и так скандалила с жившей неподалеку владелицей виллы, что та только и мечтала о дне, когда они съедут. Но ко всем таким выходкам любовницы Уэллс относился с необычным для него хладнокровием, поскольку верил, что оказался объектом горячей любви. Над камином дома, который он в 1927 г. наконец построил, решено было даже выбить надпись «Этот дом построили двое влюбленных».

Свой дом любовники назвали Лу Пиду, что не совсем точно переводится как «маленький бог» — так Одетта именовала Уэллса. Правда, от такого прозвища ему легче не стало. С момента, когда исчезла возможность травить хозяйку чужой виллы, Одетта перенесла свой пылкий темперамент по части скандалов на Уэллса. Ум у нее был живой, быстрый, способностью впадать в истерику она намного превосходила «маленького бога». И Уэллс быстро понял, что жизнь с Одеттой будет несладкой. Особенно она любила поддеть его при посторонних, чем постоянно выводила из себя. Скандалили они довольно часто, причем на глазах у многих.

Неизвестно, как долго могла продолжаться эта связь, если бы не одно печальное обстоятельство — из Англии пришла весть о том, что Джейн смертельно больна, и Уэллс, наскоро закончив свои дела, немедленно отправился домой. Там потрясенный писатель узнал, что врачи обнаружили у Джейн запущенный, неоперабельный рак желудка. Он всегда был уверен, что Джейн переживет его, и теперь, когда увидел неотвратимость быстрого конца, его скорби не было предела. Мучимый чувством вины

перед женой, Уэллс не переставал восхищаться ее мужеством и стойкостью, нисколько не изменившимися перед лицом смерти.

Джейн скончалась 6 октября 1927 г. Отпевали ее в соборе Святого Павла при огромном стечении народа — эту удивительную женщину любили очень многие. Уэллс взял у настоятеля собора образцы поминальных проповедей и одну из них переписал от начала до конца. В ней были такие слова: «Она при жизни была подобна звезде, и теперь огонь возвращается к огню, свет — к свету».

И все же потрясение, вызванное смертью Джейн, не помешало Уэллсу вернуться к Одетте, с которой он оставался до 1932 г. К этому времени Герберт уже с трудом переносил ее и решил с ней расстаться. Разошлись они со скандалом. Одетта угрожала, что продаст его письма, и Уэллсу пришлось их у нее выкупить. Он любил Лу Пиду и хотел оставить его за собой, но и от этой идеи ему пришлось отказаться. Он понял, что бывшая возлюбленная затаскает его по судам и обольет грязью.

И все же жизнь напоследок подарила писателю еще одну любовь. Его последней возлюбленной стала Мария Игнатьевна Закревская, которую все называли Мура. Закревская (в то время графиня Бенкендорф) была знакома с Уэллсом еще с 1914 г., но сблизилась с ним во время его пребывания в России в 1920 г. Все эти годы Мура, ставшая баронессой Будберг, прожила в качестве секретаря и гражданской жены Максима Горького под Неаполем, в Соренто. Но после окончательного отъезда писателя в Советский Союз осталась одна и переехала в Берлин, где и встретилась с Уэллсом в 1929 г. С этого времени они уже не расставались. До 1933 г., пока Уэллс полностью не порвал с Одеттой, они скрывали свою связь, но потом жили открыто, и Уэллс мечтал лишь об одном — чтобы Мура вышла за него замуж. Он много раз делал ей предложение, но она неизменно отказывала. Несколько раз он пытался порвать с ней — но ничего не получалось: Мура с одинаковым спокойствием пропускала мимо ушей и его предложения пожениться, и его заявления, что между ними все кончено. Однажды она, правда, пригласила знакомых на свадебный ужин, однако тут же объявила им, что все это — розыгрыш. «Я женат, но моя жена не желает выходить за меня замуж», — жаловался друзьям после этого Уэллс.

Мура оставалась с Гербертом до конца его жизни. В 1944 г. врачи обнаружили у него цирроз печени. Писателя лечил лейб-медик лорд Хордер. Однажды, спустившись из его спальни, он сказал домашним, что пациент приговорен, ему осталось жить, скорее всего, несколько месяцев. Мура решила не говорить Уэллсу о таком страшном диагнозе, но его сын Джордж

возмутился, заявив, что это неуважение к его отцу: тот должен знать все. И сам сказал о приговоре врачей. Однако Уэллс не проявил мужества, какое выказала Джейн, он впал в тоску. Мура теперь проводила у него все свободное время, хотя он почти не узнавал ее.

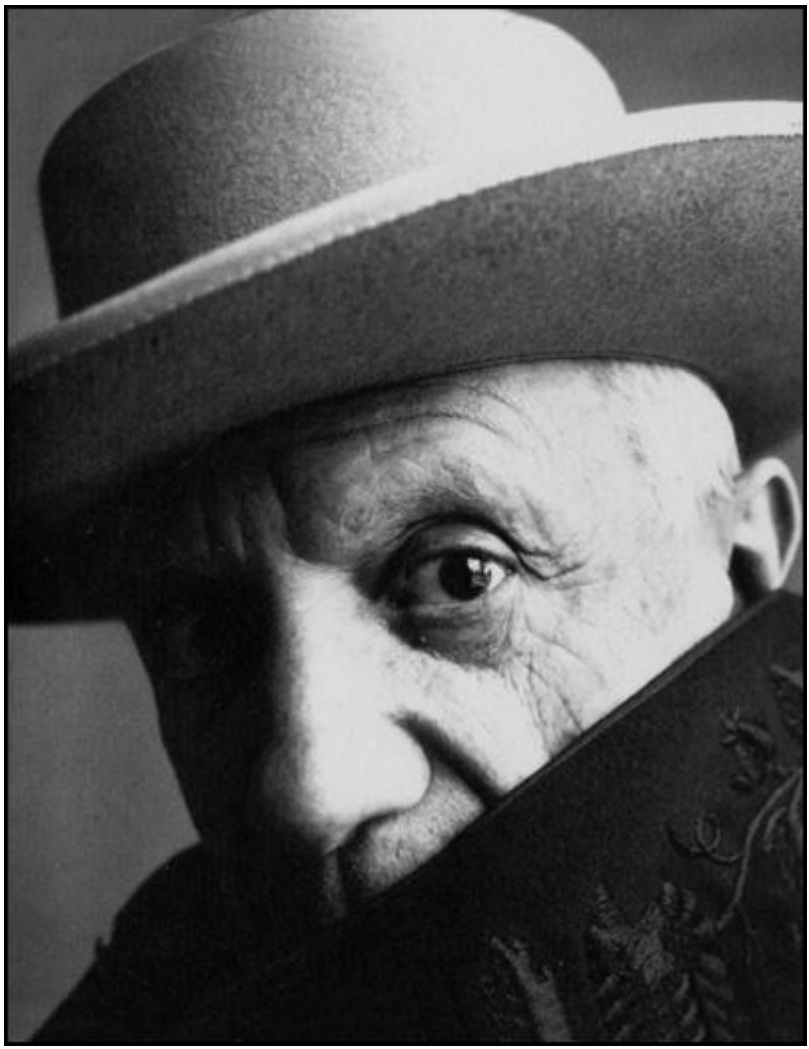
Герберт Уэллс скончался 13 августа 1946 г., не дожив чуть больше месяца до своего восьмидесятилетия. Жизнь его оказалась долгой и плодотворной как в творчестве, так и в любви.

Р. 8. Что касается любви, то итог ей попытался подвести сам Уэллс. В 1933 г. он серьезно занялся работой над автобиографической книгой, которая получила позже название «Опыт автобиографии». Свой рассказ он закончил 1900 г., объясняя читателям, что живы еще многие люди, о которых бы хотелось написать. И никто даже не подозревал тогда, что он все-таки о них написал! Не обо всех, правда, а преимущественно о женщинах.

Появление в 1984 г. книги Уэллса «Уэллс в любви» оказалось совершенной сенсацией. Никто даже не знал, что у его сына Джорджа Уэллса хранится некий «Постскриптум к автобиографии». Писатель завещал издать его, когда умрет последняя из упомянутых в нем женщин. Этой «последней из упомянутых» была видная английская писательница и общественная деятельница Ребекка Уэст. Умерла «дама Ребекка» (ей было присвоено звание «дамы», соответствующее для женщины званию рыцаря) девяноста лет от роду, пережив своего возлюбленного на тридцать семь лет. И все это время книга дожидалась своего часа, что, впрочем, и сделало ее сенсационной.

Правда, сенсация оказалась весьма относительной. Почти все женщины, отношения с которыми Уэллс не считал возможным предавать широкой огласке, придерживались на этот счет другого мнения, и в опубликованной с такими предосторожностями книге не содержалось, по сути дела, ни одной новой фамилии.

Пикассо Пабло



(род. в 1881 г. — ум. в 1975 г.)

Французский живописец, испанец по происхождению. Его жизнь была долгой и плодотворной, как в творчестве, так и в любви.

Исследователи жизни и творчества Пабло Пикассо оставили о художнике столько противоречивых свидетельств, что порой кажется, будто мы имеем дело с совершенно разными личностями. Для одних он был странным, внушающим ужас чудовищем; для других — оракулом, наделенным чуть ли не божественной мудростью. С одной стороны, перед нами предстает пресыщенный богатством и славой гений с постоянной

потребностью в любовных связях; с другой — человек, простота и даже скромность которого не может не вызывать симпатию.

Истоки этих парадоксов кроются помимо прочего в испанском происхождении Пабло Пикассо. С давних времен испанцы известны как возвышенной страстью в любви, так и непредсказуемым поведением. И хотя Пикассо более полувека прожил в эмиграции, в глубине души он всегда оставался истинным испанцем с характерным для этой нации взрывным, нередко неистовым темпераментом. Что в полной мере проявилось и в творчестве, и в любви.

Дарования юного Пабло проявились очень рано. Его мать, Мария Пикассо Лопес любила рассказывать, что первым произнесенным звуком сына было подобие слова, обозначающее карандаш. Пабло часами с удовольствием выводил на бумаге круги, спирали, любил наблюдать из окна за голубями, которых затем рисовал на протяжении всей жизни. Свою лепту в развитие талантов сына внес и отец, художник-любитель Хосе Руис Бласко, служивший в местном художественном музее. Однажды дав Пабло задание сделать рисунок голубя и увидев, как блестяще он справился с этой работой, дон Хосе в порыве чувств вручил сыну свой мольберт, краски и кисти, заявив при этом, что талант Пабло превзошел способности отца.

Вскоре Пабло так преуспел в рисовании, что заставил и родственников относиться к себе с уважением. Да и внешне юный художник изменился: коротко подстриженные смоляные волосы, округлый овал лица, правильные его черты вполне сочетались с крепко сбитой низкорослой фигурой. Особенно поражали черные глаза Пабло и его пронзительный взгляд. На протяжении всей жизни они вызывали восхищение и удивление у всех, кто встречался с художником. Казалось, эти глаза обладали способностью проникать сквозь предметы и вскрывать их суть, а искры гнева или иронии в них способны были буквально обжечь собеседника. Словом, не одной славой пленял Пикассо женские сердца.

В конце 1895 г. семья переехала в Барселону, где 14-летний Пабло поступил в школу изящных искусств, причем ввиду явной одаренности подростка приняли сразу на последний курс. А уже через два года в Барселоне была устроена выставка картин Пикассо (по испанской традиции Пабло принял фамилию матери).

Летом 1897 г. семья решила провести отдых в родном городе Малаге. Родственники устроили молодому Пикассо торжественную встречу. Чуть позже они с интересом наблюдали, как развиваются отношения между Пабло и его юной

племянницей Кармен Бласко. Всем казалось, что он влюблен, многие даже надеялись на то, что эта любовь побудит Пикассо остаться в родном городе. Кульминационный момент наступил тогда, когда Пабло преподнес девушке прекрасный букет цветов, но не живых, а нарисованных на бубне. Однако родственников ожидало разочарование — Пикассо так и не сделал предложение Кармен. Да и вообще это было последнее лето, которое он провел вместе с семьей в Андалусии.

Свое образование Пабло продолжил в Мадриде, блестяще закончив Королевскую академию Сан Фернандо. Таким образом, в 16 лет он уже получил высшее художественное образование. В Барселоне, куда Пикассо вернулся после учебы, он много и упорно работал. Правда, его неуклонно растущая слава отнюдь не сопровождалась ростом доходов. Художник переезжал из студии в студию, порой снимая ее в складчину с кем-либо из друзей, чтобы свести расходы к минимуму. Он все острее ощущал потребность в более широком масштабе деятельности. Поэтому и решил уехать из Испании, хотя всегда был искренне привязан к родным и близким. Барселону Пабло покидал с чувством надежды и радости, уверенный в своем призвании художника. Незадолго до отъезда Пикассо написал автопортрет, украсив одну из бровей броской надписью: «Я — король», выведенной красной краской трижды.

Пикассо планировал жить и работать в Англии, перед которой он преклонялся. Париж, по его замыслу, был лишь недолгой остановкой на творческом пути. И если бы столица Франции не оказалась столь соблазнительным городом, то кто знает, возможно, жизнь художника сложилась бы совсем иначе.

Довольно скоро Пикассо добился признания своего таланта в глазах искушенных французских критиков и художников. Однако Париж ему нужен был не столько для того, чтобы покорить его, а чтобы, как писал его друг Морис Рейналь, «обрести целебное средство для жизни».

Такое «целебное средство» Пабло находил не только в творчестве. В 1904 г. он обратил внимание на девушку по имени Фернанда Оливье, которая жила по соседству с домом «Бато Лавуа», где обитали художники и скульпторы. Ее зеленые миндалевидной формы глаза и правильные черты лица, обрамленного густыми каштановыми волосами, не могли оставить его равнодушным. Как-то Пабло перекинулся с ней несколькими словами, и эта мимолетная встреча привела к первому серьезному любовному увлечению.

В своих воспоминаниях Фернанда Оливье рассказала о впечатлении, которое на нее произвел Пикассо: «На первых порах

в нем было трудно обнаружить какие-либо особые привлекательные черты. Однако его несколько странная, но неизменная предупредительность привлекала к себе внимание. Он не блистал в окружении людей, но исходящая от него теплота, горевший в нем огонь порождали какой-то магнетизм, перед которым я не могла устоять».

Свою любовь к Фернанде Пикассо выразил в многочисленных ее портретах и рисунках. Как истый испанец, Пабло ухаживал за ней, как за новобрачной. Он повсюду сопровождал Фернанду, сам убирал квартиру, ходил в магазин за продуктами.

«Прекрасная Фернанда», как называли ее друзья Пикассо, стала неразлучным спутником художника, она делила с ним тяготы жизни и первые успехи в течение последующих шести лет. Правда, их жизнь не всегда протекала гладко. Близкие друзья не могли не видеть размолвок между Пабло и его подругой. И хотя последствия частых ссор удавалось загладить, постепенно становилось ясно, что их связь не выдерживает испытания временем, особенно после того как стало улучшаться материальное положение Пикассо. По собственному грустному признанию Фернанды, она, будучи верным другом художника в течение стольких лет нужды, не смогла остаться самой собой после того, как в их дом пришел достаток. За время, проведенное с Фернандой, Пикассо из нищего живописца превратился в мастера, уважаемого ценителями искусства не только во Франции. Его слава распространилась по всему миру. Предупредительность, с которой Пабло опекал Фернанду до сих пор, уступила место менее обязывающей форме отношений. В конце концов и она была нарушена. Установившееся между ними доверие исчезло прежде, чем появились доказательства неверности.

Пикассо имел обыкновение сразу разрубать клубок запутанных отношений. В данном случае разрыв с Фернандой в 1912 г. произошел без взаимных упреков. Пабло обрел свободу, которая в тот период более всего отвечала его внутреннему состоянию.

Это открыло ему дорогу для установления отношений с другой девушкой. Свою новую подругу Марселлу Амбер Пикассо называл Евой. Она не обладала загадочной красотой Фернанды, но была более покладистой, ласковой и терпеливой. Художник поселился с ней на вилле «Ле Клоше» в небольшом городке Сорг и вновь неистово принялся за работу.

В начале 1914 г. Пикассо вместе с Евой отправился в любимый им Прованс, где его застало известие о начале Первой мировой войны. Пришлось спешно возвращаться в Париж. Здесь

Пабло пережил личную трагедию: хрупкая, очаровательная Ева скончалась от туберкулеза. На траурной церемонии присутствовало лишь несколько близких друзей. Позже художник Хуан Грис в своих воспоминаниях рассказал об этом горестном дне: «Это было горькое зрелище, если не считать попыток Макса Жакоба поднять дух каламбурами, что еще более оттеняло трагедию случившегося». К сожалению, Пикассо не оставил ни одного портрета Марселлы Амбер. Но он обессмертил ее иначе: на нескольких его полотнах можно обнаружить надписи: «Радость моя» и «Я люблю Еву!»

Весной 1917 г. поэт Жан Кокто неожиданно предложил Пикассо отправиться в Рим, чтобы помочь в создании декораций и костюмов для спектакля «Парад», который готовил к постановке знаменитый в те годы «Русский балет» Дягилева. Не очень большой охотник к перемене мест, Пикассо, к удивлению многих, согласился. И, как оказалось, весьма кстати: воодушевление от общения с талантливыми русскими танцорами помогло художнику развеять меланхолию, связанную со смертью Евы. Надо заметить, что Пикассо вообще не мог долго жить без общения с женщинами. Сразу же после смерти своей подруги он, искренне скорбя о ней, тем не менее пережил несколько романов, знакомя своих любовниц с писательницей Гертрудой Стайн — почитательницей его таланта и близкой приятельницей. Все эти случайные и неслучайные возлюбленные обладали красотой, некоторые даже талантом, но ни одной так и не удалось завоевать его сердце. Лишь встреча в Риме с русской балериной Ольгой Хохловой породила волну чувств, которым суждено было продлиться долгие годы.

Хохлова, дочь русского генерала, была очень красива, талантлива, но выдающейся балериной так и не стала. Она танцевала в кордебалете, и хотя очень любила балет, после встречи с Пикассо ее карьера профессиональной балерины закончилась.

После завершения гастролей в Риме и Париже Дягилев отправился сначала в Мадрид, а затем в Барселону. Пикассо сопровождал труппу в этой поездке. В Барселоне он познакомил Ольгу со своей матерью. Донье Марии возлюбленная сына понравилась, хотя она честно предупредила будущую невестку: «С моим сыном, который создан только для самого себя и ни для кого другого, не может быть счастлива ни одна женщина». Но в то время Ольга была счастлива, как, впрочем, и Пикассо. Верный себе, он выразил весь свой накал страстей в портрете Ольги в мантилье, первом из многочисленных полотен с ее изображением. Этот портрет он подарил своей матери.

Когда «Русский балет» покинул Барселону и отправился в турне по Южной Америке, Ольга Хохлова осталась с Пикассо. Она вернулась с ним в Париж, и 12 июля 1918 г. состоялась их свадьба. Свидетелями при регистрации брака выступали Аполлинер, Макс Жакоб и Жан Кокто.

Молодожены обосновались в двухэтажной квартире неподалеку от галереи, где выставлялись полотна Пикассо. Ольга позаботилась о том, чтобы комнаты были обставлены мебелью, отвечающей ее вкусу, и чтобы в них было достаточно красивых кресел для многочисленных гостей: она собиралась принимать их подобающим образом. Студия Пикассо находилась этажом выше.

Здесь надо сказать, что полная блестящих открытий жизнь Пикассо в искусстве почти не соприкасалась с его семейной жизнью, а часто даже они шли противоположными путями. Он всегда стремился к достижению гармонии с женщиной, которая была бы для него источником чувственных наслаждений, опорой в семье, и в то же время не мешала бы творческим планам. И в первые годы их семейной жизни Пикассо казалось, что изысканная и утонченная Ольга была той идеальной женщиной, о которой он мечтал.

Многие прекрасные портреты жены и обожаемого сына Пауло (Поля), родившегося в 1921 г., — убедительное свидетельство трогательного внимания художника к семейному очагу в первые годы. Но постепенно в семье начался разлад. И он объясним исключительно переменчивой натурой Пикассо. Стоило отношениям между ним и женой потерять остроту и новизну, как тут же у Пикассо появлялось ощущение угрозы его духовной свободе, без которой он не мог существовать.

Как оказалось, у красивой и страстной Ольги имелись еще и немалые претензии. Выросшая в богатой семье, она стремилась к тому, чтобы ее и Пабло принимали в высшем свете как равных, а этого, по ее мнению, можно было добиться только с помощью соблюдения традиционных условностей в семейной жизни. Пикассо же был совершенно безразличен к светским условностям. Его привычки оставались такими же простыми, как и в пору молодости. И если Ольга предпочитала носить самые дорогие наряды, то Пабло мог довольствоваться старыми, ношеными вещами. Ему больше нравилось тратить деньги на экзотические предметы, привлекавшие его внимание, или ненавязчиво помогать друзьям, находившимся в стесненных обстоятельствах. Много лет спустя на вопрос о том, почему он не мог жить той жизнью, что и его жена, Пикассо ответил просто: «Она слишком много от меня хотела».

Весной 1932 г. Пикассо создал серию крупных полотен, на

которых были изображены чувственные фигуры спящих нагих женщин. Их профили выполнены одним мастерским движением, соединяющим лоб и нос с толстыми чувственными губами. Легко узнаваемый профиль всех фигур дает ключ к отгадке модели. Новой натурщицей художника, чье сладострастное влияние столь сильно ощущается в этих полотнах, стала случайно встреченная молодая девушка Мария-Тереза Вальдер, привлекшая его внимание крупным телом, нордической внешностью и какой-то странной отрешенностью. Кстати, массивные головы из алебастра, сделанные Пикассо, тоже навеяны образом Марии-Терезы. Понятно, что после бурной связи с ней разрыв с Ольгой стал неизбежен. Утешением, которое, впрочем, только осложняло возникшую ситуацию, стала дочь, родившаяся у Пикассо и Марии-Терезы в 1935 г. Ей дали имя Мария Консепсьон, хотя с детства называли Майей. Пикассо видел только один выход из создавшегося положения: развод с Ольгой, которая изводила его своей ревностью, и создание новой семьи с Марией-Терезой. Но процедура развода для лица, имевшего испанское гражданство, от которого Пикассо не собирался отказываться, была настолько сложна, что он, в конце концов, отказался от этой идеи. Так что Ольга официально до самой своей смерти в 1953 г. оставалась женой Пикассо.

Но и эта, казалось бы, счастливая связь продлилась недолго. В начале 1936 г. поэт Поль Элюар познакомил Пикассо с Дорой Маар, очаровательной молодой черноволосой девушкой, чей низкий голос и живая убедительная речь свидетельствовали о твердом характере и уме. Она увлекалась живописью и фотографией и вначале заинтересовалась Пикассо прежде всего как выдающимся художником. И хотя многие привлекательные девушки постоянно добивались его внимания, Дору Пикассо выделил сразу. Возможно, он почувствовал в ней родственную душу, подолгу беседуя с ней об искусстве, причем по-испански, поскольку Дора некоторое время жила в Южной Америке и в совершенстве знала этот язык.

Прекрасные, запоминающиеся черты лица Доры Маар впервые появились на выполненных тушью рисунках в сентябре 1936 г. За ними последовали другие, в том числе и полотно, на котором похожая на Дору женская голова посажена на тело получеловека-полуптицы. Ее профиль без труда можно узнать в русалке, взирающей из воды на минотавра, погружающего в лодку нагое тело девушки. Иногда художник изображал Дору в окружении цветов или летящей женщиной с длинными распущенными волосами. Позже Пикассо шутя признавал, что в течение Второй мировой войны его основными натурщиками

была любимая афганская овчарка Казбек и Дора Маар.

29 апреля 1937 г. в Париж пришло сообщение о том, что немецкие бомбардировщики, воевавшие на стороне Франко, стерли с лица земли маленький испанский городок Гернику, бывшую в древности столицей басков. Этот бессмысленный акт жестокости, совершенный в тот момент, когда улицы города были заполнены приехавшими на рынок людьми, послужил темой для картины, которой впоследствии суждено было стать самой знаменитой из всех полотен, написанных на антивоенную тему.

Когда Пикассо начал работу над знаменитой «Герникой», Дора постоянно находилась рядом, она фотографировала картину, фиксируя постоянно вносимые в нее изменения. По ее многочисленным фотографиям, представляющим уникальную хронику работы над полотном, можно проследить непрерывный процесс создания этого гениального произведения.

Вторую мировую войну Пикассо вместе с Дорой пережил в Париже. В период оккупации немцы его не трогали, хотя одной репутации как «революционера в искусстве» было достаточно, чтобы расправиться с ним. Но завоеватели не предпринимали против него никаких мер, что, очевидно, объяснялось их опасением подвергнуться критике со стороны Америки и французской интеллигенции, которую нацисты в тот момент пытались привлечь на свою сторону. Пикассо, в отличие от некоторых других деятелей культуры, отказывался от всех сделанных ему предложений, будь то поездка в Германию, дополнительный паек или лишняя поставка угля для камина. В ответ на последнее предложение он гордо ответил: «Испанцу никогда не бывает холодно».

Пикассо даже не вывел из себя обыск, учиненный у него на квартире агентами гестапо, во время которого художник в ответ на вопрос нацистского офицера произнес фразу, ставшую знаменитой. Увидев фотографию «Герники», офицер спросил: «Это ваша работа?» — на что Пикассо ответил: «Нет, ваша».

В августе 1945 г. художник на короткое время уехал из Парижа. После шестилетнего перерыва он вернулся к берегам Средиземного моря. Здесь в небольшой деревушке Манебр он приобрел старинный дом, построенный прямо на крепостном валу. Этот дом он преподнес в качестве прощального подарка Доре Маар. Дора, к этому времени перенесшая серьезную болезнь, была счастлива, оказавшись в этом живописном месте. Здесь же она обрела позже и вечный покой.

Пикассо было уже за шестьдесят, но он, как и прежде, проявлял чудеса работоспособности и пылкость в любви. Новая пассия — Франсуаза Жило — была моложе его почти на сорок

лет. Ее молодость, жизнерадостность, блеск карих глаз, ум создавали одновременно образ идиллический и земной. К тому же она серьезно увлекалась живописью и сама неплохо рисовала. Осенью 1946 г., когда Пикассо в очередной раз отправился на побережье Средиземного моря, он взял ее с собой. Художник вновь почувствовал себя счастливым, причем присутствие Франсуазы играло в этом не последнюю роль.

В 1947 г. Франсуаза родила сына Клода. Через два года на свет появилась дочь. Как уже говорилось, Пикассо очень любил голубей, потому и назвал новорожденную Палома, что по-испански означает голубь. В то время он с Франсуазой и детьми жил на вилле «Ла Галуаз», расположенной в живописном месте близ небольшого городка Валлориса. Все друзья знали, что в определенные часы Пикассо со всеми домочадцами можно найти на пляже, и потому к обеду на берегу собиралась большая компания, которая затем направлялась в расположенный тут же на берегу ресторанчик. В эти годы художник создал много картин и рисунков, на которых его дети, одетые в яркие одежды, увлечены игрой, беззаботны и веселы.

И все же, несмотря на то что Франсуаза была, по сути, в те годы единственной женщиной, с которой Пикассо имел любовную связь, из его жизни не ушли ни Ольга, ни Мария-Тереза, ни Дора Маар. Он переписывался со своей бывшей женой и любовницами, часто бывал у них в гостях, приглашал к себе на обеды. Правда, при этом настаивал, чтобы во время их визитов с ним рядом всегда находилась Франсуаза.

Со стороны казалось, что это был благополучный союз. Свидетельством любви Пикассо к Франсуазе являлись его многочисленные полотна, в которых он отразил ее красоту.

Оба они очень любили своих детей. Как художникам, их работа приносила им удовлетворение, хотя рядом с Пикассо талант Франсуазы, конечно, терял блеск. Но тем не менее со временем их отношения становились все более натянутыми. Наконец, в конце лета 1953 г. Франсуаза вернулась в Париж с детьми, оставив Пабло одного в Валлорисе. Ее фраза о том, что она не желает проводить остаток жизни с историческим памятником, получила широкую огласку и больно отозвалась в душе Пикассо. На что, возможно, с не совсем оправданным гневом он заявил: «Ничто не похоже так на пуделя, как другой пудель. То же самое можно сказать о женщинах». И это притом, что разрыв с Франсуазой он переживал очень тяжело.

Впоследствии, а точнее, осенью 1964 г., обиженная Фрасуаза Жило опубликовала в Нью-Йорке написанную совместно с американским журналистом Карлтоном Лейком книгу «Жизнь с

Пикассо». В ней она описывала период своей жизни с 1943 г., с момента встречи с художником, до 1953 г., когда между ними произошел разрыв. В этой книге ее бывший возлюбленный предстал в весьма неприглядном виде. Взбешенный и возмущенный Пикассо пытался через суд предотвратить выход этой книги, но проиграл процесс. Ее публикация имела серьезные последствия: отношения между Клодом, Паломой и отцом обострились, вплоть до полного их отчуждения. На разрыв всех родственных отношений повлиял и судебный иск, поданный Клодом в 1969 г. против отца, очевидно, с целью получить право на часть его наследства.

В том же несчастливом для Пикассо 1953 г. умерла Ольга. В последние годы жизни она жила в Каннах и часто жаловалась на здоровье. По словам ее подруги Алисы Токлас, навещавшей Ольгу в больнице, та тепло отзывалась о Пикассо и их сыне. Еще до смерти жены Пикассо стал дедом. Пауло в честь отца назвал сына Пабло.

Спасением от одиночества и разочарований для Пикассо стала 27-летняя Жаклин Рок, молодая и красивая женщина, с которой он случайно познакомился в местной лавке. Ко времени их знакомства Жаклин пережила несчастливый брак и одна воспитывала дочь Кэти.

Когда в газетах 14 марта 1961 г. было опубликовано сообщение о предстоящем бракосочетании Пабло Пикассо и Жаклин Рок, большинство его друзей не поверили сообщению, посчитав его мистификацией. Но 24 марта в мэрии Валлориса действительно состоялась регистрация брака, прошедшая без пышной официальной церемонии. В течение десяти дней никто, кроме мэра и двух свидетелей, ничего не знал об этом важном событии в жизни 80-летнего художника.

Нет никаких оснований сомневаться в бескорыстной любви Жаклин, буквально боготворившей Пикассо. Она неукоснительно выполняла обязанности секретаря, постоянно следила за его питанием, поддерживала порядок в доме, проявляла внимание к малейшим деталям быта. Жаклин смогла создать Пикассо такие условия, при которых он мог полностью отдаваться творчеству, не отвлекаясь на бытовые мелочи. В одном из интервью она говорила, что Пикассо был для нее всем — великим художником, чуть ли божеством, и в то же время ребенком: «Он без меня не мог обходиться и секунды, постоянно спрашивая: „Ты здесь, Жаклин?“ И повторял эти слова так часто, что наш попугай выучил их, и я уже не знала, кто меня зовет — попугай или Пабло?»

Конечно же, такая подвижническая преданность художнику обрекала Жаклин на затворничество. Ей, как никакой другой

женщине, удавалось смягчить неожиданные смены настроения капризного Пикассо, его взгляды на окружающих. Со временем Жаклин стала не только полноправной хозяйкой дома Нотр-Даде-Ви, в котором художник жил до самой смерти, но и оказывала решающее влияние на жизнь самого Пикассо, оставаясь в то же время источником его вдохновения.

Великий Пикассо скончался 8 апреля 1973 г. Среди его друзей сразу же возникла проблема: какая форма прощального ритуала будет подобающей для Пикассо. Верная Жаклин, знавшая, что пышная церемония абсолютно не соответствовала желанию мужа, настояла на скромных похоронах в часовне небольшого городка Вовнарг. При погребении присутствовали Жаклин, его сын Пауло и небольшая группа избранных друзей. Пресса допущена не была.

Биографы художника единодушно отмечали, что в разное время и с различной силой страсти он любил всех женщин, встречавшихся на его жизненном пути. Хотя он нередко примешивал к любви чувство гнева, обиды и неприязни. Но в чем не откажешь великому мастеру, так это в качестве, которое он определил так: «Самое важное в жизни — это пробудить порыв». А как известно, без порыва и страсти невозможны ни любовь, ни искусство.

Чаплин Чарли

Полное имя Чарльз Спенсер Чаплин (род. в 1889 г. — ум. в 1977 г.)

Выдающийся американский киноактер, сценарист, режиссер, продюсер, автор музыки к своим фильмам, интимная жизнь которого была бурной и насыщенной, но не всегда счастливой.

Нет человека, над которым бы смеялись больше. На самом деле он сильно отличался от того выдуманного персонажа, который видели зрители в кинотеатрах. Иначе говоря, тот Чарли, которому на экране давали пинки все кому не лень, в жизни предпочитал не получать их, а раздавать. Щедро. И за это его

называли «тираном», «развратником», «совратителем». Был ли он таким на самом деле или зависть современников в очередной раз сгустила краски? С более чем полувекового расстояния его романы, измены и слабость к молоденьким девочкам видятся иначе.

Не одно десятилетие киноведы всего мира горячо спорили о темпераменте Чарли Чаплина: одни утверждали, что он был человеком флегматичным, другие говорили — невероятно вспыльчивым и агрессивным. Свет на многолетние распри пролила найденная недавно в его поместье Мануар-де-Бан на берегу Женевского озера любительская цветная кинопленка, на которой запечатлены рабочие моменты съемки его фильма «Великий диктатор». Этот кинематографический реликт обнаружил младший сын Чаплина Христофер, когда забрался в подвал семейной обители, чтобы подготовить ее к капитальному ремонту. Лента продолжительностью в 25 минут окончательно развенчала миф о том, что великий комик был сдержанным в проявлении эмоций и вел себя всегда очень корректно. В частности, на пленке запечатлен момент, когда Чарли с кулаками бросился на одного из операторов за то, что тот не успел вовремя отснять очередную сцену.

Чарльз Спенсер Чаплин родился 15 апреля 1889 г. в Лондоне, в семье артистов, и уже в семь лет пел и танцевал на сцене. Детство Чарли было нищим, голодным, жестоким и одиноким, как у большинства детей того времени. Именно пережитое в эти годы впоследствии легло в основу его многих замечательных кинофильмов.

Отец Чаплина, тоже Чарльз, сообщал о своих предках, что они бежали из Парижа после Варфоломеевской ночи. Отец был комическим певцом, баритоном-эксцентриком. Мать, урожденная Ханна Хилл, была родом из полуирландской, полуеврейской семьи. В 16 лет она ушла из дому и поступила танцовщицей в оперетту. От первого мужа у нее было трое сыновей, из них один лишь Сидней (на четыре года старше Чарльза Спенсера) был вместе с ней. Выйдя замуж за Чаплина, она выступала с ним в комическом дуэте в мюзик-холлах.

Родители развелись, когда Чарльзу исполнился год, а в пять лет он впервые вышел на сцену и запел. Это случилось при трагических обстоятельствах, когда его мать внезапно потеряла голос прямо во время представления. В тот вечер родилась его практичность: он объявил, что сначала подберет монетки, которые ему накидали слушатели, а потом продолжит выступать.

Голос к матери так и не вернулся. Бедность сменилась нищетой, вместе с Сиднеем и маленьким Чарльзом Ханна была

вынуждена отправиться в работный дом. Потом детей перевели в Хэнуэллский приют для сирот и бедных детей. Унижения, наказания, розги… Мать заболела душевным расстройством, которое затем сопровождало ее всю оставшуюся жизнь, детей отправили к отцу, их тиранила мачеха Луиза…

Одновременно это были годы учебы в школе: Чарльз любил историю, поэзию и естественные науки и недолюбливал арифметику, ассоциировавшуюся с клерком-бухгалтером. Не все детали в автобиографии, посвященной детским годам, логически пригнаны одна к другой, есть противоречия и неясности, поэтому Чаплина впоследствии упрекали в возможных выдумках, в желании усилить диккенсовский колорит начального периода жизни.

Под влиянием матери Чарли все больше заинтересовывался театром. Из школы он ушел, не доучившись, в труппу «Восемь ланкаширских парней», которые танцевали в башмаках с деревянными подошвами. Потом он напишет, что на самом деле ему хотелось смешить зрителей, а не танцевать.

Вскоре Чарльз возвращается в школу, потом вновь ее оставляет, чтобы зарабатывать деньги. Рассыльный в мелочной лавке, регистратор в приемной у двух врачей с одновременной обязанностью выливать принесенную на анализы мочу, слуга в доме у доктора, стеклодув, мальчик для закладки бумаги в печатную машину… У матери вновь обостряется психическое расстройство. А Чарльзу всего 11 лет.

Через полтора года счастье улыбнулось ему. Зарегистрировавшись в театральном агентстве, он стал искать работу и получил ее. Для юного актера главное — скрыть от работодателей, что он почти не умеет читать и может разучить роль только с голоса.

Когда ему исполнилось 17, его заметил знаменитый Фред Карно, антрепренер пантомим для мюзик-холла, с ним Чаплин подписал контракт и вначале был занят в «комедии пощечин» под названием «Футбольный матч», а потом и в других.

Чарли не было и 18 лет, когда он впервые влюбился. Однажды он играл благородного пьяницу в скетче «Молчаливые пташки». Это был третий спектакль Чарли за сегодняшний день (комическая труппа Фреда Карно успевала каждый вечер исколесить пол-Лондона) и, кажется, двухсотый за его недолгую актерскую жизнь.

В этот вечер в театре-варьете «Стризам Эмпайэр» было так жарко за кулисами и так пусто в зале, и еще эти «Американские дурочки Берта Кутса» все тянули свои бесконечно унылые песни и пляски, а «Пташек» еще предстояло отыграть в трех местах… И

когда девицы наконец прыснули за кулисы, Чаплин было подумал, что выступление окончено, но оказалось, что у них еще сольный номер, и даже не последний. Тут Чарли уже буквально заскрежетал зубами, и наверное, громко, потому что одна из девиц подошла к нему и попросила: «Вы не подержите зеркальце? Мне нужно поправить прическу». Это была Хетти Келли.

Позже Чарли вспоминал: «Внезапно меня пленили два огромных озорно блеснувших карих глаза, которые принадлежали стройной козочке с правильным овалом лица, чарующе полными губами и красивыми зубами. Меня словно током пронзило».

Он пригласил ее на свидание. Она согласилась. Он ждал на трамвайной остановке, мучаясь, что не узнает ее без грима, и на всякий случай снимал шляпу перед всеми сходившими с трамвая девушками. А она без грима оказалась еще лучше — с лебединой шейкой и капризными локонами… Чарли окликнул кэб, и они покатили в Вест-Энд в роскошный ресторан «Трокадеро». Накануне Чаплин взял в банке целых три фунта из накопленных за последний год двадцати — это была гигантская сумма для недавнего обитателя нищих кварталов и воспитанника сиротского приюта. Всю дорогу он с упорством дрессированного попугая повторял: «Я знаю, что еще пожалею об этой встрече, но это сильнее меня. Ваша красота вскружила мне голову!»

Извиняет его только то, что шел 1907 г. и, когда дамы поднимались по лестнице, мужчины жадно ловили волшебное движение, коим они прихватывали юбку, на краткий миг являя взору лодыжку. И хотя в актерских кругах с моралью было попроще, Чаплин из своего театрального отрочества почерпнул скорее как раз обратное: пафосно-возвышенное восприятие любви — в духе кульминационных монологов в конце второго акта.

Спустя всего три дня Хетти Келли охладела к своему пылкому кавалеру. Чувствуя, что теряет любимую, Чаплин во время последнего свидания бросил свою судьбу к ее ногам, попросив руки и сердца. «Но мне же пятнадцать лет!» — резонно возразила Хетти. «Вот видите! Я же говорил, что пожалею о нашей встрече! — воскликнул Чаплин. — Но скажите хотя бы, вы любите меня?» Хетти колебалась с ответом: «Вы мне нравитесь, Чарли», — нашлась она наконец. На том они и расстались, и, право, Хетти Келли грешно в том винить. Замуж она вышла через восемь лет, и очень удачно: за лейтенанта Алана Хорна, молодого человека из весьма влиятельной семьи. А Чаплин еще много дней после разрыва караулил Хетти у дома в надежде увидеть, как она входит в дверь.

Его сердце было разбито. По сути, Чарли так никогда и не оправился от этого удара: «Хотя я и встречался с нею всего пять

раз, это короткое знакомство произвело на меня неизгладимое впечатление». До конца своих дней он оставался неравнодушен к несовершеннолетним девушкам.

На протяжении последующих сорока лет модель отношений с женщинами не претерпела у Чаплина почти никаких изменений. Он успел трижды жениться и развестись, обзавестись двумя детьми и всемирной славой, но так и не смог совместить любовь и секс под крышей собственного дома. И за сексом он ходил в бордели, а ради любви, бывало, с бьющимся сердцем караулил женщин у чужого подъезда.

Меньше чем через год труппа Карно отправилась с гастролями в Париж, где старшие товарищи обучили Чарли паре-тройке нужных французских выражений и ознакомили с местным прейскурантом на уличных девиц. Почин оказался успешным, и в следующих гастролях — теперь по США — Чаплин был уже одним из главарей набегов на окрестные бордели, где о его энергии и изобретательности начали слагать легенды прежде, чем он стал известен остальному населению земного шара.

В 1910 г. в Америке он был замечен будущим боссом компании «Кистоун Копе» Маком Сеннетом и через три года уже дебютировал в фильме «Зарабатывая на жизнь» — такие фарсы штамповались на киностудии по паре в неделю. Сюжет их должен был быть смешным и занятным, система мимики и жестов отработана в деталях. Это был настоящий эксцентрический балет в бешеном ритме, язык которого сейчас уже малопонятен и давно утрачен. Для второго фильма — «Невероятно затруднительное положение Мейбл» — Чаплин придумал образ, который потом узнавали повсюду. Костюм Бродяги родился в общей гримуборной, где Чарли позаимствовал широченные брюки толстяка Арбакля, крохотный пиджак Чарлза Эйвери, огромные ботинки Форда Стерлинга, маленький котелок тестя Арбакля и приклеил чужие усы. Походку Чаплин перенял у старика Чудилы Бинкса, который присматривал за лошадьми у кабачка его дяди в Лондоне.

За год работы на студии Мака Сеннета Чаплин сделал 35 фильмов, многие из которых сам ставил по своим же сценариям. В этот период на любовные удовольствия у него почти не оставалось времени. Тем не менее у Чарли был короткий роман с Пегги Пирс, инженю Мака Сеннета, и актрисой Мейбл Норман. В 1915 г. он подписал контракт со студией «Эссеней» (там платили гораздо больше) и выпустил фильм «Бродяга», где его фирменный персонаж приобрел окончательный вид, а сама картина стала считаться первым шедевром Чарльза.

В 1916 г. Чаплин отправился в Нью-Йорк заключать контракт

с «Мючуэл Филм Корпорейшн» и остановился в отеле «Плаза». Его популярность была уже неимоверна. На протяжении всей дороги от Лос-Анджелеса поезд останавливался на каждой станции, потому что пути были перекрыты всем населением полустанка во главе с мэром, которые хотели увидеть любимого киноактера. Чаплинские короткометражки приносили сотни тысяч долларов прибыли. Он был завален рекламными предложениями от производителей тростей, котелков, ботинок и всего остального, что только выпускалось в Америке.

Случайно Чарли узнал, что в Нью-Йорке у сестры гостит Хетти Келли. Он пошел к ее дому и… опять не решился позвонить. Послонялся на противоположной стороне улицы с полчаса — впрочем, уже довольно вальяжный и независимый. Начинало темнеть. Из дома никто не вышел. В дом никто не вошел. Чаплин вздохнул и пошел к Таймс-сквер. Когда он добрался туда, стояли уже сумерки и издалека видны были яркие буквы, бежавшие по световому табло на здании Таймс: «Чарли Чаплин заключает контракт на 670 тысяч долларов».

Осенью того же года сошли на нет отношения Чарли с его партнершей актрисой Эдной Первиенс, ни шатко ни валко продолжавшиеся полтора года. Пожалуй, это была одна из немногих его любовных связей, в которых стороны, хотя бы на первых порах, ощущали себя на равных. А сам Чаплин не только не способствовал сближению полюсов в своих романах, а, наоборот, еще дальше их разделял. Объектами его чувств отныне все чаще становились девочки-подростки.

Первой оказалась актриса Милдред Харрис, обладательница «чарующих глазок и нежных ручек». Хотя, пожалуй, насчет актрисы — это слишком громко сказано. Она, правда, снялась в фильме Д.У. Гриффита «Нетерпимость», но, во-первых, в десятилетнем возрасте, а во-вторых, запомнилась в основном тем, что появилась на экране практически голой. К моменту их знакомства Милдред было 14 лет, Чаплину — 28. И он влюбился, хотя впоследствии описывал отношения с ней как нечто, во что оказался втянут почти по принуждению и чем необычайно тяготился. В 16 лет Милдред забеременела, и Чарли, опасаясь преследования со стороны закона, был вынужден связать себя узами Гименея. Церемония была деловитой и короткой — актер торопился на съемку. Судья Спаркс, оформивший акт гражданского состояния, буквально на пороге остановил его возгласом: «Мистер Чаплин! Вы же забыли поцеловать новобрачную!»

Как и следовало ожидать, тревога по поводу беременности оказалась ложной, что не прибавило любви и согласия. Через год

Милдред все же родила, но ребенок страдал множеством врожденных патологий и прожил лишь три дня. Семейная жизнь супругов Чаплин стала фальшивой. Милдред и раньше замечала толпы юных актрис, проходивших сквозь гримерную мужа. Тогда, оставив супружеское ложе, она стала делить его с пользовавшейся дурной славой лесбиянкой Аллой Назимовой. Брак Чаплина распался, чтобы смениться в 1924 г. новым.

Но еще до второго брака он съездил в Англию. Чарли просто устал от работы и соскучился по Лондону. И еще он получил письмо от Хетти. «Помните ли вы маленькую глупую девчонку, Чарли?..» Она была замужем и приглашала в гости. Он собирался, откладывал из-за важных дел, снова собирался… На ее записку Чаплин, конечно, ответил, но второго письма не получил.

В Саутгемптоне его встречали десятки тысяч людей. Путь до вокзала был оцеплен тройным полицейским кордоном. А соседом по вагону лондонского поезда оказался родной брат Хетти Артур, с которым Чаплин был знаком. Они вместе смотрели в окно. Артур — меланхолически-доброжелатель-но, Чарли — возбужденный встречей, вдохновленный родным пейзажем, предвкушающий, как сообщит Артуру о самом первом в списке своих визитов — впереди Герберта Уэллса и Бернарда Шоу — визите к его сестре! Он специально не говорил о письме Хетти, выдерживая паузу. Молчал и Артур. Наконец Чаплин сдался: «Кстати, Артур! Я ведь получил приглашение от вашей сестры! И не преминул его принять! Хетти ждет меня в гости?» «Хетти? — Артур казался смущенным. — Но… Она ведь полгода как умерла…»

В коротком промежутке времени между первым и вторым браком у Чарли был бурный роман с Пегги Хопкинс Джойс, успевшей побывать пять раз замужем и заработать во время бракоразводных процессов 3 млн долларов. Газетные сплетни в то время связывали имя Чаплина с Тельмой Моран Конверс, Лайлой Ли, Анной К. Нилссон, а также художницей и писательницей Клэр Шеридан, кузиной У. Черчилля.

Ходили слухи о помолвке Чарли с известными американскими актрисами Мей Коллинс и Клэр Виндзор. В Берлине Чаплин познакомился со знаменитой польской актрисой Полой Негри, которая обладала ослепительно яркой внешностью. Но роман «короля комедии с королевой трагедии», который должен был закончиться свадьбой, продлился только пять недель. На пресс-конференции актер вдруг заявил, что «слишком беден, чтобы жениться».

Сама же Пола говорила: «Теперь я понимаю, что никогда не смогла бы выйти за него замуж. Он слишком темпераментен,

изменчив, словно ветер. И все драматизирует. В любви же обожает эксперименты». Беда заключалась в том, что в свои тридцать лет Пола была для 35-летнего Чарли слишком стара. Для «экспериментов в любви» ему больше подходили юные девушки.

Одна из них, 15-летняя Лита Грей (Лиллит Мак-Мюррей) играла главную роль в «Золотой лихорадке», и под неусыпным вниманием Чаплина находилась, говорят, уже несколько лет. Известно также, что ее матушка Нана Мак-Мюррей, служившая у Чаплина костюмершей, всячески тому потворствовала. Когда в актерском коллективе стало известно, что юная актриса беременна, перед хозяином студии замаячила перспектива 30-летнего тюремного заключения. Калифорнийские законы были суровы к совратителям несовершеннолетних.

Наученный горьким опытом, Чарли умолял Лиллит сделать аборт, требовал оставить его в покое, обещал 20 тысяч долларов, если она спешно найдет фиктивного жениха. В ответ семейство Мак-Мюррей тоже прибегло к политике кнута и пряника. Дедушка Томас ввалился прямо на съемочную площадку «Золотой лихорадки», размахивая дробовиком. А дядюшка Эдвин прислал Чаплину свою карточку, в которой черным по белому значилось: «мировой судья». Второй брак продержался два года и подарил Чаплину двух здоровых сыновей — Чарльза и Сиднея. Да и закончился, к счастью, не трагедией, а фарсом.

Бракоразводный процесс Чарльза Спенсера Чаплина и Лиллит Мак-Мюррей можно считать провозвестником грядущих сексуальных революций в США. Иск Лиллит о разводе был напечатан многими издательствами, шел по 25 центов за экземпляр и пользовался фантастической популярностью у читателей. Предусмотрительная молодая женщина втайне от мужа вела дневник, куда скрупулезно записывала все происходившее между ними на протяжении двух лет брака. Выдержки из этого дневника и легли в основу искового заявления.

Оказывается, за это время Чаплин имел связь не менее чем с пятью известными актрисами (имен Лиллит не называла, но в приватных беседах давала понять мужу, что непременно их разгласит, если не получит миллион долларов)… Он регулярно пользовался услугами проституток и ставил их мастерство в пример жене… Часто предлагал супруге оживить сексуальную жизнь, пригласив в постель еще одну девушку… Порывался заснять Лиллит на фотокамеру в момент полового акта… Склонял к противоестественному и противозаконному виду сношения… Зачитывал в постели страницы из запрещенной книги

«Любовник леди Чаттерлей»… И так далее — на 25 страницах. Стороны разошлись после того, как Лиллит согласилась на 625 тыс. долларов.

Чаплин медленно и достойно отступал под натиском звукового кино. Он снял «Цирк» и «Огни большого города», «Новые времена» и «Великого диктатора». После скандальных оргий с бывшей натурщицей Луизой Брукс 46-летний режиссер тайно женился на 19-летней Полетт Годдард, тоже молоденькой, но все же совершеннолетней. Она была комической актрисой, и даже успела самостоятельно один раз выйти замуж за миллионера и развестись. Она родилась в том году, когда Чарли впервые снялся в кино. Знакомство с ней он сравнил в автобиографии со встречей Робинзона с Пятницей: оба были одиноки. Чаплин прославил Полетт ролью в «Новых временах», после чего они по-хорошему расстались (в третий и последний раз Годдард вышла замуж за Ремарка).

Чаплин продолжал оставаться собой. Разве что пытался быть осторожнее и начал недолюбливать барышень со склонностью вести дневник. В это время он говорил: «Нельзя взять и овладеть в совершенстве каким-либо видом искусства. Интимные отношения — это тончайшее искусство, и чтобы добиться в нем успеха, его нужно постоянно и неустанно совершенствовать».

Ему приписывали связи с Мэрион Дэвис, Кэрол Ландис, Хейди Ламарр и даже великой затворницей Гретой Гарбо, а также с десятками безвестных дебютанток, и даже с испанской певицей Ракель Меллер. Но для общественного мнения все это были пустяки в сравнении с тем, в чем его обвинили чуть позже.

Шла Вторая мировая война. И хотя США числились в стане противников Гитлера, в стране хватало и его сторонников — и на весьма высоких постах. Чаплин же снял «Диктатора», а в конце 1941 г., приглашенный на митинг по случаю гипотетического открытия Второго фронта, начал свою речь обращением «товарищи». Он сказал, что русские, истекая кровью под Москвой, защищают не только свою большевистскую столицу, но и американскую демократию тоже. Ему поаплодировали и взяли на карандаш. А на горизонте возникла 22-летняя «девушка для вечеринок» Джоан Бэрри. Потом уже высказывались версии, что она была нанята одной из нацистских организаций США, а то и вовсе сотрудничала с ФБР: слишком уж настойчиво рвалась Бэрри к Чаплину в постель. Впрочем, это не аргумент: к нему, уже разменявшему шестой десяток, в любовницы все еще рвались очень многие. Но она, крупная, пышногрудая, совсем не похожая на подростка, однако чертовски соблазнительная, прорвалась.

Вскоре Чаплин стал тяготиться ее неуемной

эксцентричностью и способностью беременеть самым неожиданным образом. С помощью довольно щедрой суммы он попробовал прекратить отношения. Как бы не так! Джоан пробиралась в его дом через окно и нагишом спускалась в гостиную, когда Чарльз привозил на переговоры продюсеров и прокатчиков. В том же виде плясала на газоне перед его окнами. Обещала покончить с собой. Чаплину меньше всего хотелось очередного публичного скандала. И он все же уговорил ее наконец успокоиться и уехать.

Но через полтора года Джоан вернулась, расположилась лагерем у его ворот и заявила, что беременна. Разумеется, от Чарли. Тут уж великий комик не выдержал и вызвал полицию. Сперва Бэрри даже посадили в тюрьму. Но потом ее стоявшие на низком старте адвокаты извлекли на свет давнишний закон, по которому Чаплина можно было признать виновным «в распространении проституции путем перемещения морально сомнительных лиц из штата в штат». Наказание — до 23 лет тюрьмы. И началось: «Чаплин швырнул за решетку мать своего ребенка!», «Грязный еврейский извращенец», «Похотливый советский прихвостень»… Ему припомнили все.

Подробностей хватило бы на пару столь любимых Голливудом судебных драм. Человека, сделавшего этот самый Голливуд и кино синонимами, составившего славу и гордость Америки, не говоря уже о миллионах долларов налогов в местную казну, судили с упоением. Чарли Чаплин сидел на скамье подсудимых, близоруко вглядываясь в лица присяжных. Но лица расплывались в блеклые пятна, а очки надевать не велел адвокат, считая, что это неблагоприятно отразится на имидже подзащитного. Тогда Чаплин принимался рисовать, но адвокат отбирал листок и рвал в клочки, шипя, что репортеры могут выкрасть рисунок и отнести к психоаналитику, а потом еще такого написать!..

Как ни странно, Чаплина оправдали. А после рождения ребенка Бэрри анализ крови подтвердил и невозможность его отцовства. Хотя отцом ему предстояло стать еще восемь раз. Но уже совсем в другой жизни — в спокойной и счастливой.

В перерывах между скандалами с Джоан Бэрри Чарльз познакомился с 17-летней Уной О’Нил, дочерью великого драматурга и начинающей актрисой. И снова влюбился и загорелся идеей снять ее в новой главной роли — по вечному сценарию своей жизни. А потом вдруг понял, что не нужно ее снимать. Что она должна быть его женой и рожать ему детей. И ей отчего-то пришла в голову точно такая же мысль. Именно в тот момент и начался суд над «грязным извращенцем».

Каждый день Чаплин возвращался из зала суда домой — постаревший, седой, оплеванный, а Уна встречала его на пороге со словами любви. Назавтра он снова шел в суд, а она читала в газетах про «опасного распутного негодяя» и «похотливого прихвостня». Они поженились в 1944 г., невесте было 18, жениху — 54. В этом браке родилось восемь детей, в их числе — Джеральдина Чаплин, очень похожая на отца, ребенком дебютировавшая в его фильме «Огни рампы».

Вторая мировая война подходила к концу, и все это время режиссер ратовал за открытие Второго фронта в помощь России. За это он получил ярлык «красного», к тому же американцев раздражало, что Чаплин не желает принимать американского гражданства. Его собирались вызвать на заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, и он пустил слух, что явится на нее босиком. Чтобы не попасть в глупое положение, конгрессмены отказались от этой затеи. В 1952 г. Чарли сам покинул Америку, объявив, что уезжает «в длительный отпуск», и, видимо, понимая, что назад он может уже не вернуться. Обратно в США его действительно не пустили.

Тогда Чаплин объявил себя «гражданином мира» и обосновался с женой в деревушке Корсье у Женевского озера в швейцарском кантоне Во.

Спустя двадцать лет Америка решила примириться с гением, подарившим ей свои талант и славу. Киноакадемия наградила Чаплина специальным «Оскаром» за «неоценимые заслуги в области киноискусства», и 83-летний мэтр отправился вместе с Уной за океан, чтобы получить золоченую статуэтку. Штаты устроили настоящий праздник по поводу его возвращения.

«Они как дети, которых отшлепали и которые извиняются за то, что нашалили», — произнес тогда уставший от многочисленных бурных изъявлений любви, но счастливый Чарли. Он и не надеялся, что когда-нибудь вернется. Но он вернулся, и его встречал Лос-Анджелес, пестревший огромными плакатами с надписью «Хэлло, Чарли!» А в вечер церемонии переполненный зал Линкольн-Центра приветствовал его мелодией из картины «Новые времена». Очевидцы вспоминали, что за несколько минут до получения премии он задремал в кресле, но когда ведущий объявил: «Чарли Чаплин!» — великий актер мгновенно встрепенулся и бодрым шагом вышел на сцену… Принимая «Оскара», он сиял, как ребенок, и чуть не плакал. Чарли был счастлив!

Его не стало 25 декабря 1977 г. Он умер в Швейцарии в окружении близких. Ему шел 89-й год. Вся его жизнь была полна необыкновенных историй, слухов и сплетен, и даже смерть не

положила им конец. Через три месяца после похорон гроб с телом Чаплина был похищен из могилы. Похитители требовали от родных актера выкуп в 600 тыс. франков. Когда семья ответила отказом, за дело всерьез взялась полиция. Через полгода преступники были пойманы, а гроб с останками возвращен на место… Даже после смерти Чарли продолжал дарить сюжеты для фильмов…

Историю его жизни никому не удалось рассказать до конца. Да и, наверное, у нее не может быть окончания, как нет конца у всех его старых, еще немых, фильмов… В них бродяга Чарли, заставив нас вдоволь погрустить и посмеяться, уходил по пустынной дороге, куда-то в глубь кадра, навстречу новой истории, новым бедам и радостям… Он всегда уходил не прощаясь…

Сартр Жан Поль

(род. в 1905 г. — ум. в 1980 г.)

Французский философ и писатель, сторонник сексуальной свободы личности.

Французский философ и писатель Жан Поль Сартр всегда был в центре внимания европейской критики. О нем спорили, его опровергали, с ним соглашались, восхищались и негодовали, так что в конце концов политические и философские взгляды Сартра затмили литературное творчество, а личная жизнь приобретала характер настоящего шоу. Неизменный интерес у публики вызывали многочисленные любовные похождения и шокирующие

высказывания по поводу сексуальной свободы, супружеских отношений, проблем деторождения и так далее, чему Сартр даже пытался дать философское обоснование.

Сам писатель распорядился этой свободой весьма своеобразно, открыто продемонстрировав обществу полное пренебрежение ко всяким моральным ограничениям, дойдя и в поведении, и в интимной жизни до таких проявлений, которые явно переходили границы обыкновенного эпатажа. И этот индивидуализм Сартра был так же притягателен, как и его философия экзистенциализма, и его художественное творчество.

Семья Жан Поля Сартра принадлежала к мелкой французской буржуазии, о чем он не раз упоминал в своих статьях и воспоминаниях. Его отец, Жан Батист Сартр, морской офицер, умер от тропической лихорадки, подхваченной в Индокитае, когда сыну исполнилось всего два года. Мать, Анн-Мари Швейцер, происходившая из семьи известных эльзасских ученых, оставшись вдовой, нашла приют у родителей в Париже.

Дед по материнской линии Шарль Швейцер, профессор, филолог-германист и литератор, в чьем доме прошло детство Жан Поля, обожал внука, восхищался его проделками и исподволь готовил его к преподавательской деятельности, которая в основном сводилась к чтению книг. Позже Сартр писал: «Я начал свою жизнь, как, по всей вероятности, и кончу ее, — среди книг». Важное признание, свидетельствующее о том, что будущий писатель постигал мир главным образом посредством книжных знаний, в том числе почерпнутых из 17-томного Большого всеобщего словаря XIX в.

Дедовское воспитание, таким образом, естественно вело к преподавательской профессии. Но сам Пулу, как домашние называли юного Сартра, мечтал о большем. В какой-то момент ему показалось, что на него возложена некая важная миссия. Правда, реальность давала не много поводов для подобных мечтаний. Начав общаться со сверстниками, Жан Поль вдруг обнаружил, что он мал ростом, физически намного слабее своих друзей и не всегда готов за себя постоять. Это открытие его потрясло. Однако рядом были все же не только обидчики, но и любящий дед. «Он спас меня, сам того не желая, — писал позже Сартр, — и тем самым подтолкнул к стезе нового самообмана, который перевернул мою жизнь».

Этим «самообманом», а вернее, бегством от реальности было писательство. Жан Поль принялся сочинять романы в рыцарском духе, черпая сюжеты из книг и кинофильмов.

В своих мечтах он был храбрецом, авантюристом, воином. И эти мечтания теперь воплощались в собственном творчестве.

Восьмилетний романист становился подлинным господином своих героев и хозяином всех авантюрных ситуаций. «Я был избран, отмечен, но бездарен, — вспоминал писатель. — Все, чего я добьюсь, будет плодом моего терпения и невзгод».

Учеба Пулу началась с лицея Генриха IV и продолжилась в 1924 году в привилегированном высшем учебном заведении Эколь Нормаль. Избрав предметом своих занятий философию, Жан Поль быстро завоевал авторитет среди преподавателей и сокурсников. Вокруг него образовался кружок талантливой молодежи, увлеченной идеей Сартра создать новое направление в философском осмыслении бытия. Тогда-то и приметил Жан Поль способную, красивую, а главное, умную студентку Симону де Бовуар, которая в отличие от остальных девушек держалась гордо и непринужденно. Через своего приятеля Поля Низана Сартр признался в любви Симоне, которая, как и он, считала философию важнейшей из наук. Затем состоялось более близкое знакомство, которое через некоторое время перешло во взаимную любовь, особенно после того, как Жан Поль изложил своей избраннице не совсем обычные взгляды на брак, дружбу и интимные отношения.

Слова практичного молодого человека упали на благодатную почву. Дело в том, что Симона была личностью неординарной. Ее отец, известный парижский адвокат Жан де Бовуар страстно мечтал о сыне и долго не мог примириться с мыслью, что родилась дочь. Видимо, стремясь доказать свою «полноценность», Симона уже в детстве приобрела несвойственные девочкам черты характера: она держала себя довольно независимо, презирала девчоночьи слабости, никогда не плакала, не уступала мальчишкам в драках, а в тринадцать лет окончательно решила, что не будет иметь детей и станет известной писательницей. Как бы то ни было, наблюдая за семейной жизнью родителей и их друзей, смышленая Симона рано пришла к выводу о том, что семья убивает любовь, превращая жизнь в размеренную череду банальностей: спальня, столовая, приемы, работа.

Почему же она обратила внимание на Сартра? Ведь внешне его никак нельзя было назвать представительным, а тем более привлекательным молодым человеком: невысокого роста, узок в плечах, редкие волосы, несимметричное лицо, заметное косоглазие, а вдобавок ко всему — весьма солидное брюшко. Правда, как оратору, ему не было равных. Его горячим речам восторженно внимали многие поклонники и поклонницы, среди которых, разумеется, была и Симона де Бовуар.

Наконец, произошло долгожданное признание в любви и совершенно неординарное предложение руки и сердца. Жан Поль

заявил своей невесте, что придерживается антимещанских и антибуржуазных принципов. А потому их отношения должны строиться на совершенно иной основе, то есть на своеобразном семейном контракте. И Сартр тут же изложил основные пункты этого экстравагантного договора:

Жениться и жить под одной крышей как муж и жена — это буржуазная пошлость и глупость. Дети тоже связывают и убивают любовь, а кроме того, возня с ними — это бессмысленная суета и потеря времени. Поэтому лучше их не заводить.

С другой стороны, если они соединятся, то обязуются всегда быть рядом, считать себя принадлежащими друг другу и бросать все, если кому-то из них требуется помощь или внимание.

Кроме того, они обязаны не иметь тайн и рассказывать друг другу обо всем, как на исповеди или в кабинете психоаналитика.

И наконец, самое главное, влюбленные должны предоставить друг другу полную сексуальную свободу.

От такого «брачного договора» Симона пришла в неописуемый восторг: ее отношения с Сартром будут уникальными, а это как раз то, о чем она мечтала. Правда, Симона тогда не очень вникала в смысл фразы «полная сексуальная свобода», но, по-видимому, решила, что это понятие тесно связано с философскими идеями ее возлюбленного.

Однако был человек, который отнюдь не разделял восторг Симоны — ее отец. Более того, он был вне себя от гнева. Мало того, что дочь выбрала совершенно «неприличную» для их круга профессию философа, она еще и собирается вступить в брак с человеком радикальных убеждений, чуть ли не марксистом, подрывающим нравственные устои общества.

Но Симоне всегда нравилось дразнить родителей, как ретроградов вообще. Она считала, что именно так должна проявляться независимость женщины. А кроме того, в среде ее друзей, где главенствовал Жан Поль, особенно презирались такие вещи, как собственность, деньги, светские манеры и буржуазная благовоспитанность.

Да, Сартр умел убеждать, и при этом вовсе не был позером, относясь ко всем своим теориям со всей страстностью решительного реформатора социального устройства жизни. И это Симону привлекало вдвойне.

После окончания университета Симоне и Сартру пришлось расстаться, поскольку вакансий в Париже не было. Она уехала в Марсель, он — в Гавр, преподавать философию. Встречаться приходилось редко — два-три раза в месяц, зато письма другу друг они писали почти каждый день.

В Марселе Симона явно скучала и не знала, что ей делать с

пресловутой свободой. Часов в лицее у нее было немного, коллеги-преподавательницы казались ей глупыми и неинтересными, а Сартр был далеко. Потому, получив очередное письмо, где он сообщал, что на некоторое время выехал в Берлин, она решила отправиться к нему. А когда появилась в крохотном номере захудалой гостиницы в Берлине, то муж вместо приветствия радостно сообщил, что у него «наметился небольшой романчик». А поскольку знакомить жену с героинями «небольших романчиков» входило в условие их договора, Сартр сначала заочно представил ей свою новую подругу, подробно описав ее. А затем уговорил Симону познакомиться с ней.

Мари Жирар была женой одного из местных французских студентов. Красивая, томная, она привлекла молодого преподавателя своей мечтательностью и каким-то необыкновенным взглядом «поверх предметов и людей». При знакомстве рыжеволосая красотка лишь мельком взглянула на жену своего друга и посоветовала ей научить Сартра заниматься любовью, а то уж очень он скучен в постели.

Симона еле сдержала себя, чтобы не показаться оскорбленной. А Сартр после этой встречи с упоением рассказывал друзьям, что их некогда скрепленный союз с Бобром (такое странное прозвище он дал своей жене) выдержал испытание временем: годы, в течение которых супруги преподавали, не разрушили их отношения. Они по-прежнему единомышленники, ищущие свой путь в творчестве.

Действительно, их творческий путь складывался удачно. В 1938 г. вышла повесть Сартра «Тошнота», сделавшая его известным писателем, а Симона напряженно работала над романом «Гостья».

Вскоре супружеская пара поселилась в Париже, занявшись преподавательской и писательской деятельностью. Их ежевечерним местопребыванием стало знаменитое кафе «Три мушкетера» на авеню Мэн. Сюда стекались десятки поклонников Жан Поля, чтобы послушать его речи и поспорить. Правда, вид у модного писателя и философа был довольно-таки странный: грязная рубашка, помятая шляпа, надетая набекрень, стоптанные ботинки, причем иногда разного цвета.

Внешность же Симоны почти не претерпела изменений, разве что стала еще больше аскетичной. Накладная коса на гладко зачесанных черных волосах, непритязательные клетчатые юбки, строгие приталенные жакеты. Среди развязной парижской богемы она выглядела несколько необычно, но такой стиль одежды считала для себя наиболее приемлемым, тем более что одежда для Симоны никогда не играла особой роли.

С некоторых пор супруги везде стали появляться вместе с какой-либо хорошенькой девушкой. Все вокруг знали, что это была очередная молоденькая любовница Сартра. В середине 30-х гг. в этой роли выступала Ольга Козакевич, дочь русских эмигрантов, бывшая еще в Руане студенткой Симоны.

В обществе Ольга вела себя довольно развязно: демонстративно садилась на колени Сартру, вдруг начинала обнимать его и страстно целовать, могла устроить небольшой скандал. Что, впрочем, нисколько не раздражало Жан Поля, напротив, даже в чем-то импонировало ему.

Ольгу Козакевич сменила ее сестра Ванда, потом появилась Камила Андерсон, затем Бьянка Бинефелд. Кстати, две последние барышни тоже были студентками Симоны в бытность ее преподавательницей парижского лицея Мольера перед самой войной.

После первых романов Сартра, выносить которые Симоне становилось все труднее, ей пришлось признаться себе, что, как ни старалась она быть независимой и свободной личностью, в действительности, увы, оказалась самой обыкновенной женщиной. Презирая себя за слабость, она тем не менее мучительно ревновала своего мужа и ненавидела его часто сменяющихся любовниц.

Пресытившись студентками и ученицами Симоны, Сартр увлекся экзотическими восточными красавицами, которых находил неизвестно где. От ревности Бобр стала пить, нередко появлялась в аудитории навеселе, но при этом даже самым близким своим друзьям продолжала твердить, что «абсолютно счастлива с Сартром» и что у них «идеальное супружество нового типа».

«Идеальное супружество» Сартра и де Бовуар в Париже было притчей во языцех. Они жили порознь, на разных этажах захудалой гостиницы на улице Сель — оба категорически отказывались иметь какую бы то ни было собственность. С утра, перед занятиями они неизменно вместе пили утренний кофе; в семь часов вечера, несмотря на погоду и обстоятельства, встречались и гуляли по городу, говорили о философии или о своих литературных трудах. Обедали обычно в кафе «Три мушкетера», где и оставались до поздней ночи.

Но затем произошло событие, которое стало неожиданностью даже для самой Симоны: она влюбилась, в чем сразу же призналась Сартру. Тот был немало изумлен, хотя, казалось, не должен был удивляться роману жены, ведь право на «сексуальную свободу» согласно договору они имели оба. Ее нешуточным увлечением стал американский писатель Нельсон Олгрен, с

которым де Бовуар познакомилась в Чикаго. Ей в то время было тридцать девять лет, ему под пятьдесят. Надо отдать должное Сартру. Какой бы неожиданной ему не показалась эта новость, он, взяв себя в руки, отнесся к ней с философским спокойствием.

С этого времени начались бесконечные перелеты через Атлантику, встречи Симоны с новым возлюбленным, иногда на неделю, иногда на две, в общем, сколько она могла выкроить времени. Нельсон жил в собственном благоустроенном доме с подстриженными газончиками, мелодичным колокольчиком у двери. Он приносил Симоне кофе в постель, заставил правильно и регулярно питаться, давал уроки кулинарного мастерства, дарил ей пеньюары, кружевное нижнее белье, нижние подвязки. На Симону подобные «мелочи быта» и интимные аксессуары производили большое впечатление. И хотя это было пошло, буржуазно, по-мещански, но она чувствовала себя счастливой.

В Париже, однако, ей приходилось вести совсем другую жизнь. Вышедшая в 1949 г. книга де Бовуар под названием «Второй пол» стала классикой феминизма. Не прошло и недели после ее выхода в свет, как Симона стала самой знаменитой и популярной писательницей во Франции. Сартр был доволен: идея книги принадлежала ему.

В разгар славы Симоны в Париж приехал Нельсон Олгрен и поставил перед ней дилемму — он или Сартр. После долгих, мучительных сомнений Симона сделала свой выбор. Она осталась с Сартром, поскольку не могла «предать общие идеалы». Но это означало и потерю единственной надежды на новую любовь и освобождение. Когда-то они вместе придумали эту спасительную формулу, но с годами она превратилась в аксиому. Каждый из супругов достиг своей цели. Симона написала десятки книг, Сартр в 1964 г. удостоился Нобелевской премии по литературе за роман «Слова», которую, правда, отказался получать из-за своих крайне левых убеждений.

Во второй половине 1960-х гг. Сартр больше занимался политикой, чем литературой или философией. С усердием религиозного реформатора он стремился восстановить «доброе имя социализма». Писатель много путешествовал, активно выступал против классового и национального угнетения, отстаивал права ультралевых групп, участвовал в студенческих бунтах в Париже в 1968 г. Решительно осуждая американское военное вмешательство во Вьетнаме, Сартр принял активное участие в организованной Бертраном Расселом антивоенной комиссии, обвинившей США в военных преступлениях. Он горячо поддержал китайские преобразования, кубинскую революцию, однако в дальнейшем разочаровался в политике этих стран.

В 1965 г., когда Сартру уже исполнилось шестьдесят, а его союзу с Симоной — тридцать шесть лет, он нанес ей последнюю душевную травму, удочерив свою семнадцатилетнюю алжирскую любовницу Арлет Элкаим. Той грозила депортация из страны, а Сартр не желал с ней расставаться. К негодованию Симоны, эта, по ее словам, беспардонная девица поселилась на квартире у Сартра и даже осмеливалась не пускать ее к любимому человеку. Однажды взбешенная Симона в сердцах швырнула в лицо своей юной сопернице увесистый банан.

Сартр ее понимал, но по своей натуре он никак не мог обойтись без женского общества, особенно если это была молоденькая девушка. Он объяснял это так: «Главная причина, по которой я окружаю себя женщинами, заключается в том, что я предпочитаю их общество мужской компании. Мужчины обычно нагоняют на меня скуку».

И все же, несмотря на то что Сартр был окружен многочисленными поклонницами и друзьями, он по-прежнему нуждался в Симоне, которая оставалась единственным человеком, кто понимал его мысли и идеи даже лучше, чем он сам.

В последние годы жизни Сартр почти ослеп из-за глаукомы. Писать он больше не мог, но от активной жизни не отошел: давал многочисленные интервью, обсуждал политические события с друзьями, слушал музыку, просил Симону де Бовуар читать ему вслух. Правда, в то же время он пристрастился к алкоголю, которым его снабжали молодые поклонницы, что конечно же не могло не раздражать Симону.

Когда 15 апреля 1980 г. Жана Поля Сартра не стало, Симона де Бовуар была вне себя от горя и отчаяния. Она на шесть лет пережила своего неверного, но любимого друга и скончалась почти в один день с ним, 14 апреля 1986 г. Соединенные такими непостижимыми узами в мире земном, они и упокоились рядом — на монпарнасском кладбище в Париже. Их необычная супружеская жизнь оказалась долгой, а путь к своим идеалам — извилистым и нередко запутанным. Но ведь Сартр и де Бовуар никогда и не помышляли о простоте и ясности своих путей ни в творчестве, ни в любви.

Вдохновленные любовью

Лопе де Вега

Полное имя — Лопе Фелис де Вега Карпио (род. в 1562 г. — ум. в 1635 г.)

Испанский писатель, основатель испанского национального театра. Отличался огненным темпераментом и любвеобильностью.

Человек бурных страстей, неуемной энергии и авантюрного склада характера, Лопе де Вега на протяжении своей долгой жизни испытал все мыслимые и немыслимые приключения. Он изгонялся из страны, судился, сидел в тюрьме, терпел кораблекрушение. Кроме того, Лопе де Вега можно назвать и величайшим донжуаном своего времени. О любовных приключениях знаменитого кабальеро уже при жизни ходили легенды. Как утверждал его биограф Баррера: «Лопе де Вега не мыслил жизнь без любви. Она служила живительным источником для его неуемных фантазий». Разумеется, речь идет не только о той возвышенной любви, которую описывали в своих бессмертных произведениях Данте или Петрарка. Чаще всего это была любовь страстного мужчины, наделенного огненным темпераментом, страсть которого требовала немедленного удовлетворения.

Объяснение такой любвеобильности может быть лишь одно: в своих чувственных устремлениях Лопе был так же неистощим, как и в творчестве.

Лопе де Вега родился 25 ноября 1562 г. в Мадриде в семье золотошвея Феликса де Вега Карпио и его жены Франсиски Фернандес Флорес. Ребенок был необыкновенно талантлив. Уже в пять лет Лопе начал сочинять стихи, причем настолько увлекся этим занятием, что, как вспоминал впоследствии его друг Хуан Перес де Монтальбан: «…пока не научился писать, делился завтраками со старшими учениками, чтобы они записывали то, что диктовал Лопе».

Род Лопе де Вега происходил из астурийских крестьян-горцев, которые гордились участием предков в Реконкисте (борьбе с арабами) и не прочь были причислить себя к идальго. Но Лопе дворянских прав не имел, и его никогда не именовали доном. Тем не менее, благодаря покровительству епископа де Авилы, пораженного способностями юного Лопе, в 15-летнем возрасте он поступил в Университет Алкала де Энарес близ Мадрида, где четыре года не только старательно изучал грамматику и риторику, но и блестяще освоил искусство танца и владение шпагой.

Тогда же с не меньшим энтузиазмом он начал постигать и азы любви. Первой сердечной страстью 17-летнего Лопе де Вега была замужняя женщина Доротея, которую юноша очаровал и пылким темпераментом любовника, и поэтическим даром: поклонник предпочитал выражать свои чувства к любимой исключительно в стихотворной форме. Вскоре Доротею сменила вдова Марфисса, которая родила от него ребенка. Но жениться, а тем более обременять себя отцовскими обязанностями юный ловелас не собирался. Ловко ускользнув от семейных тягот, он отплыл с военной экспедицией на Азорские острова, результатом которой было присоединение Португалии к испанской короне.

Вернувшись в Мадрид, 22-летний Лопе де Вега очень скоро приобрел известность талантливого поэта и сочинителя пьес. В то время в Испании царил поистине Золотой век театра. Надо сказать, что испанский театр XVI в. и по форме, и по содержанию несколько отличался от современного. Начать с того, что в так называемых корралиях (подобие зрительного зала) существовали сословные перегородки — партер для стояния, отдельная галерея для женщин, ложи для знати. По-иному развивалось и действие пьес, заключавшееся в активном общении актеров со зрителями. Чтобы понять суть этого сценического драматизма, достаточно хотя бы один раз посмотреть современное телевизионное ток-шоу, ритм и динамика которого заставляют зрителя пребывать в

постоянном напряжении. Только испанский театр выглядел, пожалуй, еще живее, и сам автор, в данном случае Лопе де Вега, мог ежедневно наблюдать за реакцией чуткой к импровизациям публики.

Удачливый, красивый, талантливый Лопе де Вега быстро вошел в театрально-богемное сообщество, испытывая истинное наслаждение от каждодневного праздника театральной жизни, а с другой стороны, мало задумываясь о последствиях своих поступков. О страстных увлечениях и авантюрной импульсивности Лопе свидетельствуют факты нескольких месяцев его жизни в начале 1588 г. Приобретающий все большую известность автор встретил новый год в достаточно необычном для молодого дарования месте, а именно в тюрьме.

Накануне он был арестован прямо в театре во время спектакля. К суду де Вега был привлечен известным мадридским актером и постановщиком комедий Херонимо Веласкесом, дочь которого, замужнюю даму Елену Осорио (прекрасная Филида в стихах Лопе) он пытался совратить. Рассорившись с Еленой, которая предпочла ему другого любовника, де Вега был до того разгневан, что обрушил целый поток едких памфлетов на бывшую возлюбленную, ее отца и своего соперника в любви, дона Франсиско де Гранвеля. Веласкес был обозлен не столько разрывом связи поэта с дочерью, сколько потерей дарового репертуара. Потому предъявленное обвинение было достаточно серьезным — «оскорбление дворянина».

Оправдываясь, Лопе не мог отказать себе в удовольствии ядовито острить по поводу истца, поэтому суд, не успев осуществить январский приговор — два года изгнания из королевства (а именно из Кастильи) под страхом смерти и четыре года изгнания из столицы, — в феврале усилил наказание: в новом приговоре фигурировали уже восемь лет изгнания из столицы под страхом отправки на галеры.

Меж тем, выпущенный на свободу, чтобы, как предписывал приговор, немедленно выехать из города, Лопе умудрился в запрещенном ему для проживания Мадриде похитить дочь знатного вельможи, юную Исабель де Урбину (Белиса в его стихах). Судебный процесс, затеянный родственниками девушки, означал бы для Лопе смертный приговор, но влюбленная Исабель умолила родных отозвать иск, согласившись выйти замуж за похитителя. 10 мая в отсутствие изгнанного жениха, которого в церкви представлял родственник, состоялось ее заочное венчание с Лопе.

И что же? Новоиспеченный муж, вместо того чтобы соединиться с молодой женой, неожиданно для всех изменил

свои планы. Вместе со своим братом 29 мая 1588 г. он ушел в море из Лиссабона на галеоне «Сан Хуан» в составе легендарной Армады. В одном из сражений брат Лопе погиб, а сам он, претерпев всяческие невзгоды и испытания, связанные с поражением испанского флота, вернулся в декабре в Кадис с написанной во время похода поэмой «Красота Анхелики».

Примерно в таком же русле продолжалась вся бурная жизнь Лопе де Вега. В начале 1589 г. он с Исабель поселился в Валенсии, в старинном городе Леванте, и буквально завалил театры своими пьесами.

После кончины Исабель в 1593 г. (обе дочери от этого брака умерли в младенчестве) был отменен приговор Лопе де Вега, поскольку Веласкес, осознавший, насколько он прогадал от разрыва с плодовитым драматургом, простил ему все былые прегрешения.

Кстати, уже на склоне лет Лопе написал искрометную комедию «Доблести Белисы», где вспомнил о временах своей молодости и преданной любви своей первой жены. В этой комедии соблазнительная ветреность Белисы сменяется всепоглощающей страстью, в которой она, дама, а не ее избранник, дважды обязанный ей жизнью, представляет активное начало. Увидев еще неизвестного ей кабальеро в неравном бою, Белиса отважно бросается к нему на помощь, выпрыгнув из кареты с выхваченной у одного из мужчин шпагой в руке. Во второй раз, когда Белиса смогла предвидеть опасность, она со служанкой переодевается в мужское платье и пускает в дело пистолет. Подталкиваемое Белисой действие комедии несется — через объяснения, ночные стычки под окнами и в домах знатных дам — весело и сокрушительно. Вывод из этой почти автобиографической комедии можно сделать только один — никто не может любить так страстно, как испанки.

В 1596 г. Лопе де Вега вернулся в Мадрид — и снова чуть было не угодил в тюрьму, на сей раз по обвинению в нарушении общественных приличий. Любвеобильный Лопе даже не пытался скрывать своего греховного сожительства с вдовой Антонией Трильес. Однако через два года 35-летний драматург решил остепениться, женившись во второй раз. Его новая избранница, Хуана де Гуардо, была дочерью богатого мясника. И, по всей видимости, это был деловой брак, породивший, правда, больше насмешек, чем приданого. От этого брака родилось трое детей (сын Карлитос, который умер в детстве, и две дочери).

С 1605 г. и до конца жизни Лопе служил секретарем у герцога де Сессы. С этим довольно распущенным, но, правда, не чванливым и к тому же весьма щедрым вельможей у Лопе

установились дружеские отношения. Между тем из-под его пера продолжали выходить стихи и пьесы, и к 1608 году его называли не иначе как «фениксом испанского остроумия».

Плодовитость Лопе де Вега была поистине феноменальной. Его перу принадлежит более полутора тысяч пьес, причем все они написаны в стихах, — рекорд, кажется, никем не превзойденный. По подсчетам одного ученого, у которого, вероятно, было много свободного времени, поэтическое наследие Лопе насчитывает 21 316 000 строк! Трудно даже представить, с какой скоростью он набрасывал на бумагу свои стихи. Ни над одной из пьес Лопе не работал больше трех дней, а очень многие писал за двадцать четыре часа. Актеры буквально стояли у него за спиной — не успевали чернила высохнуть на рукописи, как они выхватывали листы и бежали с ними в театр. Сам драматург признавался, что «более сотни пьес в 24 часа от Муз переходили на подмостки». Но при этом добавлял, что в такие часы он уносил Плавта и Теренция в другую комнату и запирал их в шкаф, поскольку «ему стыдно было им смотреть в глаза». Соответственными были и доходы. Точных сведений о них нет, известно лишь, что литературная работа принесла ему 105 000 золотых. Правда, с деньгами расточительный драматург обращался довольно небрежно, и их ему постоянно недоставало.

Литературный размах у Лопе де Вега был широчайший — от комедий любовных, комедий «плаща и шпаги» до постановочных, с явлением святых, ангелов и чертей, и драм «чести».

Его недраматические произведения, при первой публикации составившие 21 том, складываются из «Доротеи» (длинное прозаическое повествование в форме диалога), трех романов, нескольких новелл, пяти крупных и четырех малых эпических поэм, трех больших дидактических поэм, рассказа о христианских мучениках в Японии, двух религиозных произведений и множества лирических стихотворений.

А вот реальная жизнь Лопе де Вега, увы, состояла не только из легких и непринужденных сюжетов. В 1613 г. при родах умерла его вторая жена, Хуана, оставив младенца, девочку Фелициану. Последние годы Хуаны были омрачены связью мужа с актрисой Микаэлой де Лухан, которую поэт воспел в своих стихах под именем Камилы Лусинды. От этой страстной любви появилось еще двое детей.

В 1614 г., пережив серьезный душевный кризис, вызванный смертью жены и любимого сына Карлитоса, Лопе де Вега принял духовный сан. Он вступил в религиозное братство, членом которого, кстати, состоял и великий Сервантес. Но не прошло и трех лет, как 55-летний Лопе де Вега снова оказался охвачен

всепоглощающей страстью, теперь уже к замужней красавице Марте де Неварес, умной и образованной женщине, писавшей стихи и игравшей на различных музыкальных инструментах. Ее он воспел под именем Амарилиды и посвятил ей знаменитую «Валенсианскую вдову» со словами: «свобода совести, проявляющаяся в независимости нрава» (черта характера, которую он особенно ценил в Марте).

Прелестница тоже не осталась равнодушной к Лопе, который, в отличие от ее грубого и алчного мужа, был галантен и ласков. К тому же ей, безусловно, импонировала слава драматурга, которая к тому времени стала всенародной, а восхищение им переросло в настоящее обожание. Стоило только Лопе де Вега появиться на улице, как его сразу окружала толпа, женщины бросали с балконов ему цветы, а ученые и литераторы из всей Европы специально приезжали в Мадрид, чтобы встретиться со знаменитым драматургом.

Марта родила от Лопе де Вега дочь, которую он признал своей. И снова Лопе пришлось защищаться в суде, — на сей раз судебный процесс против него начал разгневанный муж Марты. Правда, драматургу повезло: истец умер, не успев довести дело до конца.

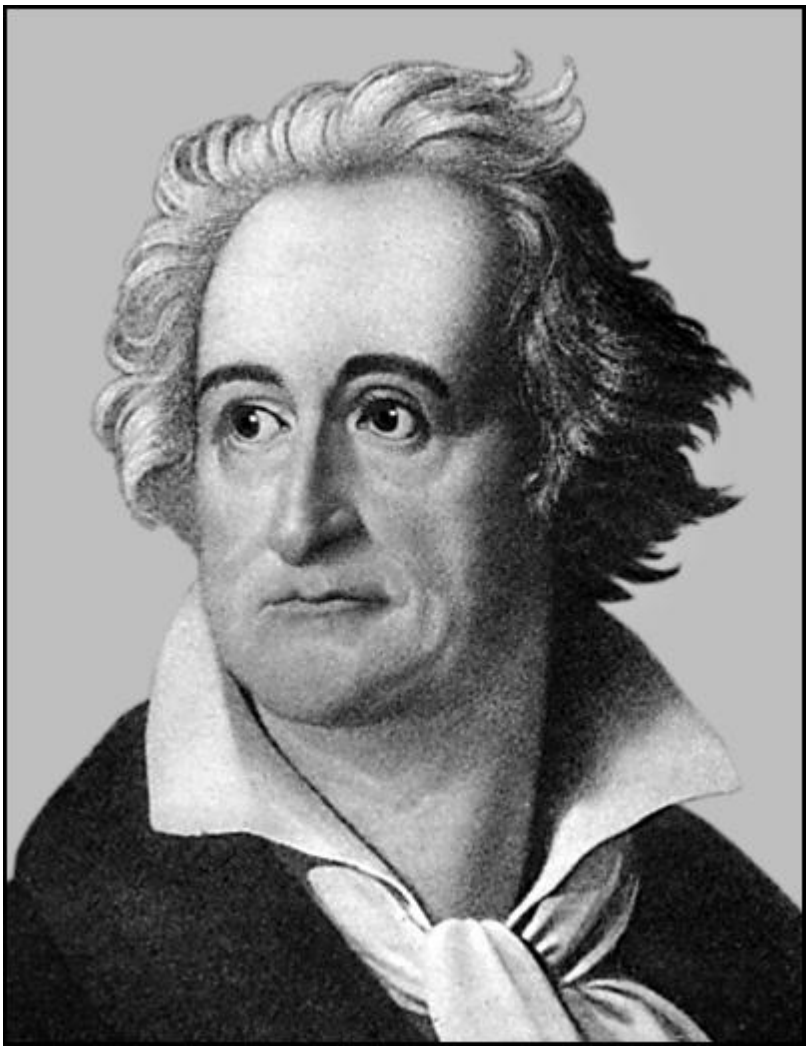
Последние годы жизни Лопе де Вега были сопряжены с тяжелыми переживаниями. Счастье с Мартой оказалось недолгим. В середине 1620-х гг. она тяжело заболела, неожиданно ослепла, а позже потеряла рассудок. «Несчастна любовь, противопоставляющая себя небу», — горестно писал Лопе, но от своего чувства не отказался, ухаживая за несчастной женщиной до самой ее кончины в 1632 г.

Едва оплакав смерть Марты, в 1634 г. Лопе де Вега пережил еще два удара судьбы — смерть единственного оставшегося в живых сына Феликса, который отправился в экспедицию с ловцами жемчуга и погиб во время кораблекрушения; и похищение 17-летней Антонии Клары, любимой младшей дочери, которая вынуждена была жить в унизительном положении возлюбленной одного знатного кабальеро. Лопе был бессилен вызволить дочь: похититель принадлежал к высшей знати, и, судя по всему, похищение было совершено с молчаливого согласия короля. Кроме того, другая дочь, Марселла, осуждавшая беспутство отца, демонстративно постриглась в монахини.

Оправиться от горестей Лопе де Вега уже не смог. Он скончался 27 августа 1635 г., и его смерть повергла в траур всю Испанию. Похороны великого драматурга были необычайно пышными. Все население Мадрида прощалось с «Чудом Природы», как называл Лопе другой великий испанец,

Сервантес. Сто пятьдесят испанских поэтов написали в память о нем свои панегирики, которые составили целый том, опубликованный через год после его смерти.

Гете Иоганн Вольфганг



(род. в 1749 г. — ум. в 1832 г.)

Немецкий поэт, прозаик и драматург. Слыл любимцем и баловнем женщин.

В ряду немецких гениев Иоганн Вольфганг Гете возносится на недосягаемую высоту. Его жизнь настолько многообразна, насыщена великими событиями, что ее с избытком хватило бы на несколько выдающихся биографий. Пожалуй, лучшую характеристику великому немцу дал чешский писатель Карел Чапек: «Гете — поэт. Гете — естествоиспытатель. Гете — драматург. Гете — советник двора. Гете — рисовальщик. Гете —

мыслитель. Гете — археолог. Гете — романист. Гете — классик. Гете — гражданин мира. Гете — человек. Для бессмертия достаточно было бы того, что Гете был поэтом, но для самого Гете этого оказалось мало. Он представляет собой тип человека всестороннего, деятельно увлеченного многообразными интересами и наделенного универсальным интеллектом… Чем настойчивее в современную эпоху посягают на наши души односторонность, узкая специализация и строгий профессионализм, тем ярче сверкает почти мифический идеал универсального человека, олицетворяемого Гете».

К этому следует добавить только одно: всю жизнь Гете был любимцем и баловнем женщин. Но, зная о своем таланте обольщать прелестных барышень и дам, он в то же время не без законной гордости заявлял: «Я не мужчина, я — Гете!»

Иоганн Вольфганг Гете, родившийся 28 августа 1749 г., был первенцем зажиточной и довольно знатной супружеской четы, занимавшей видное место в обществе имперского города Франкфурта-на-Майне. Отец поэта, Иоганн Каспар Гете — человек весьма умный и начитанный, по профессии юрист, отличался суровым и даже несколько жестким характером. Мать, Катарина Элизабет Гете, дочь высшего сановника Франкфурта, напротив, была веселой и доброй. Выйдя замуж в семнадцать лет за почти сорокалетнего мужчину, она всю любовь перенесла на ненаглядного Иоганна Вольфганга, красивого ребенка с чудными каштановыми кудрями и большими черными глазами. Свое отношение к родителям и предкам поэт как нельзя лучше выразил в небольшом игривом стихотворении:

Отцу обязан ростом я,
Серьезной к жизни целью,
От матушки — любовь моя
К рассказам и веселью.
Мой дед красавицам был рад,
И я в том грешен, каюсь;
Любила бабушка наряд,
И я, — не отрекаюсь.
И если в целом части все
Срослись так радикально, —
То вот оно во всей красе:
Что в нем оригинально?

Поэтические способности проявились у Иоганна еще в раннем детстве. Он с удовольствием сочинял сказки, рассказывал их своим сверстникам, выдавая плоды своей фантазии за

действительность. Собственно, с умением сочинять стихи связана и первая любовь Гете, которая пришла к нему в четырнадцать лет. А дело было так: юные друзья начинающего поэта, пользуясь его поэтическим даром, находили заказы на различного рода (свадебные, хвалебные, похоронные и тому подобные) эпиграммы, бывшие в то время в большой моде. Деньги, добытые таким образом, тратились на дружеские пирушки. На одном из таких сборищ Гете познакомился с миловидной блондинкой лет шестнадцати, по имени Гретхен, которая иногда прислуживала веселой компании. И сразу же в нее влюбился, тем более что и девушка проявила некоторую симпатию к влюбленному мальчику. Правда, первый и последний знак ее благосклонности к юному поэту выразился в поцелуе в лоб.

Между тем оказалось, что друзья, с которыми Иоганн весело проводил время, были замечены в не очень благовидных поступках, а именно в подделке векселей. И хотя в ходе следствия выяснилось, что лично Гете ни в чем не виноват и даже не подозревал о дурных поступках своих товарищей, произошедшее привело к серьезному нервному потрясению. Но этот же случай помог юному влюбленному «излечиться» от любви к Гретхен, поскольку он узнал, что девушка, давая свидетельские показания на суде, отнеслась к нему как к ребенку. Такого самолюбивый подросток простить не мог. «Для меня была невыносима мысль, — писал он, будучи уже в преклонном возрасте, в „Автобиографии“, — что девочка, имевшая каких-нибудь два года более, чем я от роду, могла считать меня ребенком, тогда как я себе самому казался уже ловким взрослым мужчиной».

В 1765 г. отец Иоганна, мечтавший о том, чтобы сын получил профессию юриста, отправил его в Лейпцигский университет изучать юриспруденцию. Однако в этом знаменитом учебном заведении молодого Гете мало интересовали университетские занятия, он охотнее развлекался, заводил светские знакомства, играл в карты, писал стихи, брал уроки рисования, изучал историю искусств. К этому времени относится его серьезное увлечение дочерью трактирщика Шенкопфа, хорошенькой Анной Катариной, которую все называли просто Аннета или Кетхен. Девушка не осталась равнодушной к ухаживаниям красивого студента, и вскоре между молодыми людьми возникла настоящая любовь. Но длилась она недолго. Гете оказался капризным возлюбленным, он постоянно ревновал Аннету, причем совершенно необоснованно. Все закончилось тем, что она потеряла к нему интерес.

Историю своей любви к Аннете Шенкопф, разумеется, в несколько измененном виде, Гете поведал в своей комедии

«Хандра возлюбленного» — его первом драматическом произведении. Как он позже писал, страдания от разлуки с Аннетой стали главной причиной последовавшей за этим разрывом разгульной жизни, что, в конце концов, основательно подорвало его здоровье.

Однако здоровье Гете пошатнулось не только из-за любовных горестей, но и по причине обильного употребления пива, кофе, вина, а также вдыхания ядовитых паров во время уроков по гравировке на меди. Дело дошло до того, что как-то ночью у него пошла горлом кровь, а позже даже образовался огромный нарыв на шее. Юноше пришлось возвращаться домой, во Франкфурт.

Выздоровление молодого Гете шло медленно. Утешало лишь то, что все это время за больным заботливо ухаживали мать и сестра. Но не только они. В этот период Иоганн сблизился с девицей фон Клетенберг, которая занимала и утешала его религиозными беседами. Разговоры эти, правда, были больше похожи на жаркие дискуссии, хотя почти всегда заканчивались миролюбиво.

Восстановив здоровье, Гете снова вернулся к мысли об учебе. На этот раз отец потребовал от сына более серьезного отношения к изучению юриспруденции. Весной 1770 г. Гете приехал в Страсбург, где слушал лекции по анатомии и химии. Правда, и здесь занятия юриспруденцией были чем-то вроде отбывания повинности. Интересовала студента и общественная жизнь города. Он быстро завел знакомства со многими известными людьми, часто бывал в семейных домах, брал уроки танцев у одного танцмейстера, с дочерьми которого — Люциндой и Эмилией — заводил легкие романы.

Более серьезные отношения возникли с Фридерикой Брион. Она была дочерью пастора, ко времени знакомства с Гете ей исполнилось всего шестнадцать лет. Грациозная блондинка с голубыми глазами и вздернутым носиком сразу покорила сердце влюбчивого поэта. Она и сама вскоре увлеклась им. Что, впрочем, неудивительно: Гете обладал впечатляющей внешностью — высокая стройная фигура, классически правильные черты лица, огромные черные глаза всегда производили сильное впечатление на окружающих, и в первую очередь на молодых девиц.

Молодые люди полюбили уединенные прогулки, постоянно обменивались уверениями во взаимной любви и горячими поцелуями, а в разлуке вели оживленную переписку. Гете посвятил Фридерике цикл стихотворений, часть из них позже вошла в собрание его сочинений.

Однако финал этой полудетской любви оказался грустным. В конце концов Иоганн охладел к своей возлюбленной. Несмотря на

все прелести Фридерики, он прекрасно понимал, что эта любовь не могла завершиться браком. Богатый и чопорный отец, от которого он находился в полной зависимости, никогда не согласился бы на его брак с бедной деревенской девушкой. А разрыв с отцом, ни разу не отступившим от своих убеждений, грозил бы полным крушением жизненных планов молодого Гете.

Фридерика ни разу не упрекнула Иоганна за охлаждение к ней, мужественно перенеся боль разлуки. Замуж она так и не вышла, хотя не раз получала предложения руки и сердца. О Гете всегда отзывалась с уважением, с грустью говоря при этом, что он не мог с ней связать свою судьбу, так как был слишком велик для нее.

В августе 1771 г. Гете защитил диссертацию и получил степень лиценциата права. До докторской степени он, правда, не дотянул, но в семье и среди знакомых его всегда считали и называли доктором права. Занятия юриспруденцией были не по душе поэту. Чтобы заставить сына серьезнее отнестись к профессии, отец отправил его в Вецлар, небольшой городок неподалеку от Франкфурта, где размещалась имперская судебная палата, при которой молодому Гете предстояло стать практикантом.

В Вецларе он без труда вошел к небольшой круг образованных молодых людей, любивших весело провести время. Среди них был некто Кестнер, жених миловидной дочери одного видного чиновника, Шарлотты Буфф, которую Гете называл Лотта. Она представляла собой тип немецкой барышни, обещающей стать примерной женой, хозяйкой и воспитательницей своих детей. Гете, чье сердце постоянно жаждало женской ласки, самозабвенно влюбился в 19-летнюю Лотту с первого же дня знакомства. Она относилась к нему приветливо, но сдержанно. Ее жених тоже был в дружеских отношениях с Гете и даже поощрял его встречи с невестой, считая, что Гете слишком порядочен, а Лотта слишком благородна, чтобы снизойти до банальной любовной интрижки.

Страсть Гете между тем не ослабевала, и, чтобы выйти из двусмысленного положения, он решил уехать во Франкфурт. По дороге поэт на некоторое время остановился погостить в семействе госпожи Ларош — довольно известной в то время романистки. Здесь он быстро нашел общий язык с молоденькой дочерью хозяйки дома Максимилианой и вскоре увлекся ею. Что оказалось очень кстати: несмотря на разлуку с любимой Лоттой, поэт на какое-то время нашел утешение в обществе этой грациозной черноглазой девушки.

Возвратившись во Франкфурт, к великому удовольствию

своего отца, Гете продолжил адвокатскую практику и даже принял участие в нескольких процессах. К этому времени Лотта вышла замуж. Но тоска о потерянной любви продолжала мучить Гете, и именно она послужила поводом к созданию его знаменитого романа «Страдания молодого Вертера». «Вертер» имел успех, превзошедший все ожидания, и сразу принес автору громкую славу как в Германии, так и за границей. На сентиментальную немецкую молодежь роман этот так сильно подействовал, что в подражание его герою возникла настоящая эпидемия самоубийств.

К концу 1774 г. относится знакомство Гете с семейством богатого франкфуртского банкира Шенемана. У него была дочь Анна Элизабет, которую все звали уменьшительным именем Лили. В эту красивую семнадцатилетнюю блондинку поэт не замедлил влюбиться, и, как оказалось, взаимно. Лили была настоящей светской барышней — капризной, кокетливой, привыкшей жить в роскоши и в окружении многочисленных поклонников. Но Гете она среди них выделила сразу. В течение наступившего 1775 г. молодые люди сблизились настолько, что их чувство переросло в настоящую любовь. Что же касается женитьбы, то Гете вовсе не был склонен к этому, боясь, что она повредит его карьере. И тут появилась некая госпожа Дельф, старая дева, с удовольствием сыгравшая роль свахи. Застав однажды Гете и Лили вместе, она объявила им, что они созданы друг для друга, и соединила их руки. Влюбленным ничего не оставалось, как согласиться с этим. Помолвка состоялась. «Таким образом, — писал Гете, — в числе событий моей чудной жизни пришлось мне испытать и то, что происходит в душе жениха».

В течение некоторого времени он терпеливо исполнял роль жениха. Но в глубине души его терзали сомнения. Он не мог не понимать, что примерной и благонравной женой Лили стать не сможет. Смысл ее жизни сводился к светским удовольствиям, и даже в роли невесты она позволяла себе кокетничать с другими молодыми людьми. Была еще одна причина: Лили не нравилась семье Гете. Его отец не хотел видеть своей невесткой блестящую светскую даму, полагая, что она не даст сыну счастья.

В этом странном положении, объявленный женихом, но боясь жениться более чем когда-либо, Гете, даже не простившись с Лили, отправился с друзьями в небольшое путешествие по Швейцарии. Свой поступок он объяснял тем, что хотел проверить, как подействует на него разлука с Лили. Вернувшись из Швейцарии, Гете почувствовал, что Лили заметно к нему охладела и даже стала отдавать предпочтение другим своим поклонникам. Частые размолвки между женихом и невестой,

сопровождавшиеся сценами ревности, привели к окончательному отчуждению некогда влюбленных молодых людей. Стало очевидным, что этот брак не состоится.

И все же любовь Гете к Лили имела свое продолжение, правда, чисто литературное. Почти все произведения, написанные им в 1775 г., носят явный отголосок его страстной привязанности к ней. Это и стихотворения «Тоска», «Блаженство печали», «Лили», «Новая любовь, новая жизнь», «Белинде», посвященные ей; и оперетта «Эрвин и Эльмира», где любовь и страдания, связанные с ней, играют не последнюю роль. И наконец, сцена из «Фауста» («Погреб Ауэрбаха»), написанная в том же году, не лишена подобного отзвука былой любви: в образах Зибеля и отравленной крысы поэт отчасти высмеивает себя самого.

Осенью 1775 г. во Франкфурт приехал Карл-Август, ставший к тому времени герцогом Веймарским, и пригласил Гете ко двору в Веймар. В этом небольшом городке поэту суждено было прожить большую часть своей жизни и создать наиболее значительные свои произведения.

Веймарское придворное общество приняло Гете с восторгом. Молодой поэт, ставший к тому времени знаменитым, кроме неотразимой внешности обладал тем обаянием, неистощимой веселостью, остроумием, которые так привлекают сердца, особенно женские.

Сблизившись с герцогом Веймарским, Гете буквально за несколько лет сделал блестящую служебную карьеру: 1776 г. — тайный советник посольства; 1779 г. — директор веймарского военного и дорожного строительства; 1780 г. — тайный советник; 1781 г. — первый министр, возведен в дворянское звание.

Что касается интимной жизни Гете, то надо заметить, что в первые месяцы по приезде в Веймар он никак не мог забыть Лили Шенеман, хотя и сам принял решение расстаться с ней. Утолить боль разлуки помогло знакомство с госпожой фон Штейн, женой шталмейстера, бывшей придворной дамой герцогини Амалии. В то время 33-летняя баронесса Шарлотта Эрнестина фон Штейн была уже матерью семерых детей, но все еще оставалась очень эффектной женщиной. Будучи опытной кокеткой, она сумела привязать к себе 26-летнего Гете достаточно сильно и прочно, не позволяя ему, однако, переходить известные границы. Скорее всего, в первые годы их связь носила платонический характер, поскольку самые страстные объяснения в любви не могли поколебать самообладания этой женщины.

Новая любовь заслонила облик Лили, и когда в июле 1776 г. Иоганн узнал, что та выходит замуж за банкира Тюркгейма, то отнесся к этому известию вполне равнодушно.

Биографы Гете много спорили о том, какое влияние имела Шарлотта фон Штейн на поэта, любила она его или только кокетничала с ним. Одни, защищая ее, говорили, что баронесса всеми силами стремилась удержать Гете от разгульной жизни. Другие обвиняли ее в том, что она, долгое время обольщая поэта, тем самым не позволила ему жениться на какой-нибудь достойной женщине.

И то и другое едва ли справедливо. С одной стороны, сама натура Гете и все его воспитание были таковы, что он, без сомнения, и помимо госпожи фон Штейн не мог бы вести праздный образ жизни. С другой стороны, его нерасположенность к браку в те годы была слишком очевидной. Гете, по своей влюбчивости и по той потребности в женском обществе, которая была ему присуща, несомненно должен был влюбиться в какую-либо из веймарских дам, и если выбор пал на госпожу фон Штейн, то это свидетельствовало, конечно, о ее красоте и талантах. Но влияние, которое она на него имела, сводилось, по всей вероятности, к умению опытной кокетки держать своего любовника в сетях как можно дольше, исключительно из-за своего женского тщеславия. Кстати, помимо Шарлотты фон Штейн, Гете увлекался и другими веймарскими дамами. Отношения между поэтом и красавицей Короной Шретер были, по свидетельству его биографа Римера, весьма близкими и нежными.

В конце лета 1785 г. Гете неожиданно для всех уехал в Италию, попросив у герцога отпуск на неопределенное время. Он побывал во Флоренции, Венеции, Сицилии. Около трех месяцев жил в Риме, изучая памятники искусства, побывал на знаменитом карнавале. В Веймар он вернулся только спустя три года. За это время его чувства к госпоже фон Штейн заметно ослабели, угасшую любовь к стареющей женщине поэт надеялся заменить дружбой, но это ему не удалось. Более того, он даже приобрел в ее лице весьма опасного врага. Причиной этого стала Христина Вульпиус, девушка из низшего сословия, с которой поэт познакомился в июле 1788 г. во время прогулки в парке. Именно ей, а не одной из титулованной дам, суждено было стать женой тайного советника Иоганна Гете.

Вскоре после знакомства Христина — миловидная блондинка невысокого роста с довольно правильными чертами лица и большими синими глазами — переселилась к Гете. Вначале он пытался скрывать эту связь. Но вскоре их отношения стали известны веймарскому обществу, которое было возмущено этим неожиданным адюльтером. Особенно негодовали дамы, а более всех баронесса фон Штейн, с которой у Гете после обмена несколькими письмами произошел полный разрыв.

Таким образом, с 1788 г. началась семейная жизнь Гете. Христину он любил, дорожил ею тем сильнее, чем больше о ней злословили. Да и Христина искренне любила Гете, была хорошей хозяйкой и отличалась живым, веселым нравом.

Что же повлияло на выбор Гете, чем привлекла его простая цветочница, да так, что он не побоялся великосветских сплетен и кривотолков? Она была миловидна — но не красавица; неглупа — но и не отличалась особыми дарованиями. По всей вероятности, Гете пленили простота, наивность, естественность, то есть те черты ее характера, которые выгодно контрастировали с притворными чарами светских дам, столь оскорбленных его пренебрежением к ним и сближением с простой девушкой. А кроме того, Христина вызывала у него чисто физическую, чувственную любовь.

Почему же Гете сразу не женился на Христине? Мысль о браке у него возникала. Но, во-первых, брак не ослабил бы, а усилил скандальное впечатление от этой связи, поскольку тогда бы Христина, как госпожа тайная советница, заняла соответствующее положение в светском обществе Веймара, чего дамы, безусловно, не допустили бы. А во-вторых, сама Христина не только не настаивала на бракосочетании, но даже желала отсрочки его, понимая, что светской дамой она никогда не сможет стать.

Наладив семейную жизнь, Гете развил бурную творческую деятельность. Под воздействием своего чувства к Христине он сочинил великолепные «Римские элегии», затем опубликовал драму «Эгмонт», написанную еще в Италии, закончил драму «Тассо». Результатом его научных работ в то время стала теория метаморфозы растений, которую он поэтически изложил в прелестном стихотворении, обращенном к Христине.

В конце декабря 1789 г. Христина родила сына, которого назвали Августом. Герцог, не разделявший предрассудков веймарского общества, был крестным отцом этого ребенка. Правда, Христина на обряде крещения не присутствовала, а мать Гете узнала о существовании внука, когда Августу уже исполнилось пять лет.

Но после нескольких безоблачных лет семейной жизни Христина стала проявлять некоторые не совсем приятные наклонности. Она любила веселиться и танцевать, посещала балы иенских студентов и низших слоев общества, а кроме того, пристрастилась к вину. По-видимому, она унаследовала эту вредную привычку от своего отца, который был горьким пьяницей. Есть и другое объяснение: молодой женщине, лишенной возможности бывать в высшем обществе, пришлось

довольствоваться дешевыми развлечениями простолюдинов. Можно себе представить, какова была реакция знатных веймарцев на подобное поведение и как переживал Гете, несомненно дороживший своим чувством к этой женщине.

И все же, несмотря на презрительное отношение общества к Христине, Гете все-таки решил жениться на ней. Это произошло в 1806 г., когда в Веймар вошли французские войска под предводительством Наполеона. Именно эти дни всеобщего беспорядка и смятения поэт избрал для того, чтобы, наконец, закончить браком свое семнадцатилетнее сожительство с Христиной. 19 октября они обвенчались в дворцовой церкви.

И хотя теперь фрау фон Гете уже по праву занимала одно из первых мест в веймарском обществе, она предпочла ему уединение. С годами Христина сильно располнела, а к концу жизни превратилась в расплывшуюся старуху. Скончалась фрау фон Гете в 1816 г. от апоплексии. Несмотря на многочисленные любовные приключения поэта, она так и осталась его единственной официальной женой.

Нельзя сказать, что все эти годы Гете хранил верность Христине. Была у него хотя и кратковременная, но страстная привязанность к Минне Герцлиб, восемнадцатилетней девушке, приемной дочери иенского книготорговца Фромана. Историю своих отношений с Минной Гете отчасти отразил в романе «Избирательное сродство».

Была и довольно странная связь с Беттиной Брентано (впоследствии баронесса фон Арним), дочерью Максимилианы Брентано, которой Гете увлекался в молодости. Беттина была пылкая и чрезвычайно эксцентричная девушка, которая еще почти ребенком заочно влюбилась в Гете. Посетив его впервые в апреле 1807 г. в Веймаре, она сразу же бросилась ему на шею с признаниями в страстной любви. Сам же поэт относился к ней ласково, как к ребенку. Впрочем, дружба с Беттиной продолжалась недолго: вскоре после своего замужества она поссорилась с женой Гете, и в их веймарском доме ее перестали принимать.

Беттина написала целую книгу, в которой доказывала, что Гете был влюблен в нее и даже писал ей сонеты. Но позже биографы поэта утверждали, что все это не соответствует действительности.

В 1814 г. во время пребывания во Франкфурте Гете близко сошелся с семейством банкира Виллемера, заинтересовавшись главным образом его молодой женой Марианной. Марианна фон Виллемер была удивительной женщиной. В ранней молодости она участвовала в балетах и комедиях, затем ее взял под свое

покровительство фон Виллемер и вскоре женился на ней. Марианна обладала умом, веселостью, а также была незаурядной поэтессой.

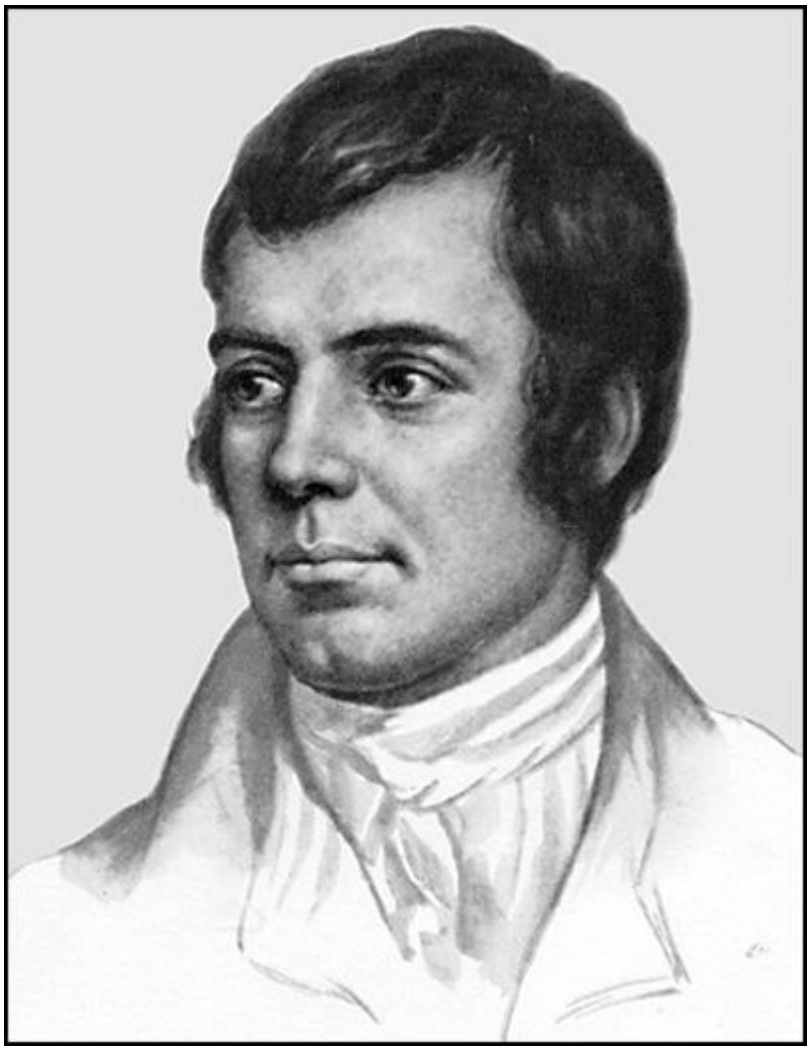
Гете посвятил ей немало строк в поэтическом сборнике, написанном в восточном стиле и озаглавленном «Западновосточный диван». Во многих стихотворениях этого сборника поэт под именем Хатема и Марианна под именем Зулейки играют роль влюбленных и обмениваются страстными излияниями. Между прочим, некоторые стихи «Дивана» принадлежат перу самой Марианны.

С годами Гете все более уединялся и стал, наконец, настоящим «веймарским отшельником», затворничество которого прерывалось лишь деловыми поездками в Иену и лечебными — в Карлсбад и Мариенбад. В одну из таких поездок престарелому поэту суждено было встретить еще одну женщину, возбудившую в нем любовное чувство. Летом 1822 г. он познакомился в Мариенбаде с красивой молодой девушкой — Ульрикой фон Левецов, которая приняла живейшее участие в его научных занятиях, в особенности метеорологией. Ульрика тоже увлеклась Гете, но умела сдерживать себя, а потому поэт, только возвратившись в Веймар, почувствовал всю тяжесть разлуки. В середине следующего лета Гете снова поспешил в Мариенбад, куда приехала и Ульрика фон Левецов. Их общие занятия метеорологией возобновились, а вместе с ними усилилась и взаимная привязанность, которая даже породила слухи об их предстоящей помолвке. Но благоразумие все же взяло верх над увлечением, и неравный брак 74-летнего старика с молодой девушкой не состоялся. Ульрике фон Левецов суждено было стать последней любовью поэта.

Скончался Иоганн Вольфганг Гете 22 марта 1832 г., окруженный родными, врачом и слугами. Он похоронен в великогерцогской усыпальнице рядом с саркофагами Карла-Августа, великой герцогини Луизы и Фридриха Шиллера.

Со смертью Гете ушла в небытие целая эпоха, насыщенная беспримерным подвигом творчества и великими страстями, на которые способна лишь гениальная личность.

Бернс Роберт



(род. в 1759 г. — ум. в 1796 г.)

Шотландский поэт, жизнь которого была чрезвычайно богата любовными похождениями.

«Я часто думал, что нельзя быть подлинным ценителем любовных стансов, если ты сам однажды или много раз не был горячим приверженцем этого чувства… Что до меня, то я не имел ни малейшего намерения или склонности стать поэтом, пока искренне не влюбился, а тогда рифма и мелодия стиха стали в какой-то степени непосредственным голосом моего сердца». Так писал о себе и своем творчестве один из самых любвеобильных

поэтов XVIII в. Роберт Бернс. Нет сомнения, что всем женщинам, которых любил прославленный шотландец, он доставлял истинную радость, даря им не только любовь, но и награждая своих подруг незаконнорожденными детьми.

Самое отрадное, что все это (то есть любовные похождения) Бернс проделывал легко и непринужденно, словно жизнь для него была не серьезным испытанием, а веселой игрой, в которую вовлечены важные дамы, юные леди, очаровательные пастушки, встречавшиеся на его в общем-то непростом жизненном пути. «Мое сердце мгновенно воспламенялось, как трут, стоило только какой-нибудь богине заронить в него искру», — признавался «резвый, шустрый Робин».

Литературоведы несколько произвольно определяют Бернса как романтического поэта. Однако его миропонимание основывалось отнюдь не на романтическом восприятии жизни, оно опиралось на практицизм и здравомыслие крестьян, среди которых он вырос. Это означает, что его творчество знаменовало расцвет шотландской поэзии на родном языке — поэзии земной, сатирической, подчас озорной, а нередко и довольно фривольной. Свое вдохновение поэт описывал весьма своеобразно:

> Сейчас я в творческом припадке,
> Башка варит, и все в порядке.
> Строчу стихи, как в лихорадке,
> А ты, мой друг,
> Прочти их бегло, если краткий
> Найдешь досуг.[1]

Родился Роберт Бернс 25 января 1759 г. в деревушке Аллоуэй (графство Эр). Он был первенцем в многодетной семье мелкого шотландского фермера Уильяма Бернса и его жены Агнес Броун. Детство его прошло среди таких же бедняков, как и его отец, арендовавших участки у крупных землевладельцев. Уже с 12 лет Робину, как называли его в семье, пришлось работать как взрослому, при этом частенько недоедая. И все же, несмотря на нужду, Уильям Бернс постарался дать детям хорошее образование. Он отправил Роберта и его младшего брата Гилберта в приходскую школу, а затем в складчину с соседями нанял домашним учителем молодого Джона Мердока, в будущем известного педагога, который обучал местных ребятишек английскому и французскому языкам, а также познакомил их с произведениями Шекспира и Милтона, от которых юный крестьянин Бернс был в восторге. Роберт так полюбил чтение, что даже в поле ходил с книжкой в кармане. Стихи он начал сочинять

с 17 лет, нередко прямо за плугом, а в 27 ему удалось опубликовать свой первый сборник «Стихотворения, написанные преимущественно на шотландском диалекте». В общей сложности за свою недолгую жизнь Бернс сочинил более 500 поэм и 300 песен.

В 1777 г. семья Бернс переехала в небольшой городок Тарболтон, и для 18-летнего Роберта началась новая жизнь. Тяжелый крестьянский труд не помешал жизнерадостному подростку встретить там таких же, как и он, неунывающих друзей, единодушно признавших в нем лидера. Сверстники восхищались Робертом. Когда он бывал в хорошем настроении, то не было человека веселее, остроумнее, находчивее. Он был первым во всем — и в работе, и в шутке, гордился своей физической силой: одной рукой поднимал тяжелые мешки, лучше всех косил и жал, быстрее всех убирал снопы. На вечеринках Роберт всегда был желанным гостем и, само собой, лучше всех умел ухаживать за девушками.

Одной из первых затей этого вольного товарищества было создание в 1780 г. «Клуба холостяков», имевшего целью «облегчить жизнь человеку, утомленному жизненными трудами». Устав этого клуба написал Роберт. Он состоял из десяти пунктов, главным среди которых стал последний, десятый, гласивший: «Самый подходящий кандидат для этого содружества — жизнерадостный, чистый сердцем малый, тот, кто, имея верного друга и добрую подругу и обладая средствами, при которых можно прилично сводить концы с концами, считает себя самым счастливым человеком на свете».

Бернс и не подозревал, какая долгая жизнь предстоит этому легкомысленному заведению. Вот уже на протяжении более 200 лет члены «Клуба холостяков» в Тарболтоне празднуют день рождения великого шотландца по раз и навсегда установленному ритуалу. Они устраивают праздничный ужин в честь Бернса, где по традиции главным блюдом является хаггис, то есть пудинг, приготовленный из овечьих потрохов, перемешанных с овсом, приправами и нашпигованных в овечий желудок. Кроме того, рекой льется виски, звучат музыка, песни, стихи. Одним словом, происходит все то, что так любил Бернс.

Высокий, стройный, хорошо сложенный, черноглазый Роберт Бернс уже с юности питал слабость к хорошеньким девушкам. Впервые, по его собственному признанию, он влюбился в 15-летнем возрасте в Нелли Киркпатрик, славную девочку в крахмальном чепчике и беленьком фартучке. Нелли была его партнершей по танцам на традиционном шотландском празднике. Позже он подробно описал свою первую юношескую

влюбленность: «У нас в Шотландии о таких говорят: „хорошая, пригожая да ласковая“. Она, сама того не зная, впервые пробудила в моем сердце ту пленительную страсть, которую я и по сей день, несмотря на едкие разочарования, опасную житейскую мудрость и книжную философию, считаю самой светлой из человеческих радостей, самой дорогой нашей усладой на земле».

Именно с Нелли к Бернсу пришла «Любовь и Поэзия». И свое первое стихотворение он посвятил юной подруге, назвав любовный опус «Красавица Нелл». В этих трогательных стихах пятнадцатилетний деревенский мальчик поведал о том, какая приветливая и скромная у него подружка, как мило ее чистенькое платьице — «такой славной девочке все будет к лицу!» — и под конец радостно сообщил, что она «беспредельно царит в его сердце!»

Правда, отношения двух юных влюбленных были чисто платоническими и, возможно, по этой причине недолгими. Такой же чистотой чувств отмечено увлечение Роберта прехорошенькой девушкой Пэгги Томпсон, к которой он приходил на свидания в сад, писал ей романтические письма и тоже посвящал стихи.

Любовь так захватила Бернса, что он, дабы стать изящным кавалером и танцором, поступил в тарболтонскую школу танцев, несмотря на запрет отца, считавшего этот род занятий «шутовским делом». Но Роберт настоял на своем и, окруженный хорошенькими девушками, с упоением разучивал всевозможные танцевальные па и фигуры.

Другое любимое место отдыха молодого Бернса — тарболторнская таверна, где после тяжкого физического труда приятно было отдохнуть, выпить, развеселить компанию. Завсегдатаи таверны были и первыми слушателями его стихотворений. А Роберт им читал о том, как хорошенькая Анни провожала его поздней осенью через поле ячменя. Возможно, что старый Джон Рэнкин, отец Анни, хлопая по плечу Роберта, сожалел, что у парня ничего нет за душой: такой ни за что не пойдет бедным зятем к нему, Рэнкину, в Адам-хилл — на одну из лучших ферм в округе, хотя там он всегда желанный гость.

Сама же практичная Анни на страстные письма, в которых поэт доказывал преимущества настоящей любви и родства душ перед земными благами, рассудительно отвечала, что ее сердце занято и Роберту надеяться не на что.

Надо заметить, что в те времена нравы в сельской местности Шотландии были достаточно свободными. И частенько дело до свадьбы доходило лишь тогда, когда невеста уже ждала ребенка. Церковь относилась к этому снисходительно. Грех прелюбодеяния

прощался, если провинившиеся выплачивали небольшой штраф и публично раскаивались перед прихожанами. И когда Бернс писал: «И какая нам забота, / Если у межи / Целовался с кем-то кто-то / Вечером во ржи!!!» — то он знал, о чем говорил. Он сам не однажды целовался в высоких шотландских хлебах, и со служанкой своей матери Элизабет Пейтон даже доцеловался до того, то та в мае 1785 г. родила девочку, которой тоже дали имя Элизабет. Бетти Пейтон не стала требовать, чтобы Роберт на ней женился. Она удовлетворилась тем, что получила некоторую сумму, после чего скрылась, оставив на руках у молодого отца крошечную дочь. Кстати, за всю жизнь у Бернса родилось четыре дочери (от трех матерей) и три из них получили имя Элизабет.

Местные клирики, воспользовавшись случаем, наложили на Бернса епитимью за прелюбодеяние и заставили в воскресенье сидеть на «покаянной скамье» в церкви. Хотя Роберт никак не мог взять в толк, в чем он должен каяться. По его мнению, больший грех был бы, если бы он отрекся от своей дочери. Здесь же, наоборот, он ее признал, мать и сестры ухаживали за ней, а глуповатая и не очень красивая Бетти очень скоро утешилась с другим.

В год рождения дочери случилась в жизни Бернса еще одна знаменательная встреча. На танцах он познакомился со смуглой красавицей Джин Армор, дочерью богатого подрядчика Джорджа Армора. Джин была на шесть лет младше Роберта и, вероятно, самой красивой избранницей поэта.

В дом Армор полетели записки и стихи от влюбленного Роберта. Все мохлинские красотки были увековечены в его знаменитой песенке «Красавицы деревни Мохлин», которых «конечно, Джин Армор затмит».

В это лето — первое лето настоящей любви — Бернс написал лучшие свои стихи и песни. Казалось, что он даже разучился говорить прозой, в стихах ему было легче выразить все, что относилось к его чувствам. Но в феврале 1786 г. заплаканная и дрожащая от страха Джин сообщила Роберту, что беременна. Влюбленные решили по старинному шотландскому обычаю заключить тайный брак. Для этого достаточно было подписать брачный контракт (своеобразное «обязательство»), в котором оба признают себя мужем и женой.

Однако этому решительно воспротивился отец Джин. Узнав о связи дочери с Бернсом, он пришел в бешенство. Серьезному и основательному Армору не нужен был беспечный зять, к тому же без гроша в кармане. Несмотря на угрозу стать дедом незаконнорожденного ребенка, он добился того, что «брачное обязательство» было аннулировано в апреле 1786 г. Церковь

снова обвинила поэта в прелюбодеянии, а несчастную Джин отправили к родственникам, где она 3 сентября родила близнецов — мальчика и девочку. Арморы решили оставить у себя девочку, названную по имени матери — Джин, а мальчика отдали на воспитание матери Бернса, его назвали в честь отца Робертом. Через одиннадцать месяцев маленькая Джин умерла.

Разобиженный Бернс решил навсегда покинуть Шотландию и отправиться на Ямайку, где была возможность получить место бухгалтера. Причем уехать он собирался не сам, а с некой Мэри Кэмбл, которая его утешила после разрыва с Джин. Мэри, хорошенькая, веселая и очень добрая девушка, сама подошла к Роберту в церкви и назначила ему свидание за городом. Ей было жаль Роберта, а ему было жаль себя, и он проникся чувством благодарности к девушке за ее щедрую любовь, за бескорыстную ласку. Мэри была так же бедна, как и он, и с ней можно будет пережить все трудности новой жизни на Ямайке. А главное, светловолосая и голубоглазая Мэри поможет ему забыть смуглую черноглазую красавицу Джин с ее шелковистыми черными кудрями.

Но этим планам не суждено было сбыться. В октябре «горянка Мэри», как называл ее Бернс в своих стихах, скоропостижно скончалась от тифа, а Роберт неожиданно для себя стал знаменитостью. Его сборник «Стихотворения, написанные преимущественно на шотландском диалекте», изданный в августе 1786 г., понравился читающей публике. Половина тиража в 600 экземпляров разошлась по подписке, остальные были раскуплены в течение нескольких недель. Причем его поэзией заинтересовались не только знатные господа, но и простолюдины: не было пахаря, не было работницы, которые не отдали бы свои заработанные гроши за скромный томик стихов Бернса. Настолько грели их душу такие строки:

Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи, —
Простой, веселый, честный люд
Тебя сто крат богаче!

Так в одночасье к Бернсу пришла слава. Поэтому вместо Ямайки в ноябре Роберт отправился в Эдинбург, куда его пригласили «Каледонские охотники», члены влиятельного клуба для избранных. Они же взяли молодого поэта под свое покровительство, провозгласив его «Бардом Каледонии».

Эдинбургская знать настолько увлеклась молодым поэтом, что стала усиленно приглашать его в свои аристократические

гостиные. Для них он был экзотической диковинкой, этаким романтическим поэтом-хлебопашцем. Но Бернс, прекрасно понимавший, что «в кругу вельмож поэт-плугарь — престранное явленье», знал себе цену и в светском обществе держался в высшей степени просто и непринужденно.

«Я был мальчик лет пятнадцати, — вспоминал о поведении и внешнем виде поэта другой великий шотландец, Вальтер Скотт, — когда Бернс приехал в Эдинбург. Я видел его среди знаменитых литераторов. Конечно, мы, мальчики, сидели в сторонке и молча смотрели и слушали… Он был коренастый, простой поселянин, гораздо более массивный, чем его представляют на портретах. Глаза у него были большие и черные, и когда он говорил с жаром о чем-нибудь, они сверкали буквально точно уголья. Подобных глаз я положительно никогда не видывал. В Эдинбурге за ним очень ухаживали».

Сразу же после выхода своего сборника Роберт познакомился с владелицей замка Дэнлоп миссис Фрэнсис Уоллес Дэнлоп, вдовой, воспитывающей 13 детей. Миссис Дэнлоп было уже под шестьдесят, но она живо интересовалась всем, что делалось на свете, много читала, переписывалась с выдающимися литераторами и даже сама писала стихи. Стихи Бернса ее покорили. И она отправила слугу с письмом к поэту, которое стало завязкой многолетней дружбы и самой откровенной переписки. «Своему дорогому другу», как Роберт называл в письмах миссис Дэнлоп, он доверял все подробности мимолетных интрижек с женщинами.

А их было немало. И божественная Элиза Барнет, дочь лорда Монбоддо, хрупкая, серьезная девушка, чья игра на арфе доставляла Бернсу истинное наслаждение. И герцогиня Гордон, знаменитая красавица, украшение светского общества Эдинбурга. Имевшая легкий и веселый нрав, 37-летняя герцогиня могла танцевать до утра, пить вино, не пьянея, и обыгрывать в карты самых завзятых игроков. Эдинбургский высший свет обожал ее, прощал ей все шалости, гордился тем, что и при дворе в Лондоне она была первой дамой, что сам король — мрачноватый, унылый и болезненный человек — оживал при ее появлении.

Разве могла она пропустить мимо своего внимания эрширского земледельца-поэта? Наверняка и статью Генри Маккензи о нем прочитала, в которой говорилось, что этот «Богом наставленный пахарь из своей нищеты и невежества взирает на людей и нравы с необычайной проницательностью и пониманием». А встретившись с ним на одном из балов, герцогиня просто пришла в восторг — и хорош, и молод, и беседует мило, даже весьма кстати вставляет в разговор

французское слово. Всю ночь танцевала герцогиня с поэтом под возмущенный ропот знатных эдинбургцев. Прощаясь, Бернс наклонился к герцогине и поцеловал ее руку в перчатке. Это была неслыханная фамильярность. Но герцогиня, улыбнувшись, бросила небрежно окружающим: «Ваш пахарь совсем вскружил мне голову!»

Однако цену себе Бернс знал. Весь Эдинбург повторял историю о том, как Роберт повел себя, когда ему принесли приглашение от молодой избалованной дамы, которая сообщала о том, что ждет мистера Бернса к себе на вечер и надеется, что его приход развлечет гостей, созванных специально для встречи с ним. Прочитав это письмо, Роберт сказал лакею, который ждал ответа, что придет и развлечет гостей его хозяйки только в том случае, если она пригласит для развлечения своих гостей еще и дрессированную свинью, которую показывают на базарной площади.

В июне 1787 г. Бернс приехал в Мохлин — нужно было помочь матери деньгами, да и двое ребятишек без отца явно скучали. Слава не вскружила ему голову, и он оставался таким же простым и веселым парнем. Но изменилось отношение к нему горожан. Ведь теперь Роберт был не бедным хлебопашцем, а знаменитым шотландским поэтом, к тому же с деньгами. Отец Джин Армор тоже изменил свое мнение о Бернсе. Он уже был не прочь видеть его зятем. Старик Джордж даже дал дочери ключ от спальни, чтобы Роберт и Джин «отметили счастливую встречу».

Правда, теперь уже сам Роберт не хотел жениться. Сказалась гордая и страстная натура: его по-прежнему душила боль и обида на Арморов. Но с Джин время от времени он встречался. Как ни старался ее забыть, не мог, его словно влекла к ней какая-то непреодолимая сила. Обида не забывалась, но и любовь не проходила.

Осенью Бернс снова уехал в Эдинбург. И одной из причин отъезда было появление на свет еще одного маленького Роберта (Клоу). Эдинбургская служанка Пегги Камерон, родившая ребенка от Бернса, подала на него в суд, и ему снова (в который раз!) пришлось каяться в своих внебрачных связях.

Впрочем, не всегда Роберту сопутствовал успех в любовных делах. Были и разочарования, как, например, с мисс Маргарет Чалмерс. Кареглазая, изящная Маргарет очень нравилась Бернсу. Ее отец, небогатый фермер, дал дочери хорошее образование, не превратившее ее, однако, как других эдинбургских девиц, в светскую жеманницу. С ней Бернс чувствовал себя просто, непринужденно и даже написал для нее веселую песенку, где говорилось о ее грациозной фигурке, тонком личике и добром,

чистом сердце. Одно время Бернс совсем уже хотел жениться на Маргарет, но та предпочла ему богатого банкира.

Затем была короткая, но очень страстная связь с Мэй Кэмерон, следствием которой стало появление на свет второй незаконнорожденной дочери Бернса.

Необычно сложились отношения Роберта с образованной замужней дамой Нэнси Мак-Лиоз, которая сама воспитывала двоих детей, а ее беспутный муж, адвокат Джеймс Мак-Лиоз, жил на Ямайке, не заботясь о семье. Красавица Нэнси, увлекающаяся литературой и любившая поэзию, узнав о «неотразимом» поэте, решила во что бы то ни стало познакомиться с ним. И она добилась своего во время одного из званых обедов. Бернс был приятно поражен, увидев хорошенькую белокурую женщину с голубыми глазами. Он весь вечер ухаживал за ней и договорился, что навестит миссис Мак-Лиоз во время вечернего чая.

Однако в тот день, когда Роберт должен быть встретиться с Нэнси, он серьезно повредил колено и не смог прийти на свидание. И тогда между молодыми людьми завязалась оживленная переписка. Каждый день они писали друг другу романтические послания, в которых Нэнси называла себя «Клариндой», а своему поклоннику придумала еще более пасторальное имя — Сильвандер. Это были страстные, безумные письма — на десяти, пятнадцати страницах каждое, с признаниями, взаимными упреками, сетованиями на горькую судьбу, препятствующую воссоединению двух любящих сердец.

Наконец они встретились, но и эта встреча не принесла желанного успокоения. Кларинда по-прежнему страдала из-за неясности их отношений, трепетала от страха, боясь огласки их любовной связи, когда поздним вечером осторожно выпускала своего обожаемого Сильвандера из своего дома. Хотя поэт и убеждал ее, что ничего дурного они не делают, их встречи «не преступают границ дозволенного». Правда, эти границы для Бернса всегда были несколько размыты.

Клятвы, слезы, «небесное счастье» и горькое раскаяние — все было в этом коротком, но страстном романе. Кларинда знала о Сильвандере все: он рассказал ей о Джин, о своих незаконнорожденных детях. Она вышивала рубашечки для крошки Бобби и возмущалась поведением Джин. «Отречься от вас, — писала она Бернсу, — нет, эта милая девушка либо ангел, либо дурочка!»

А «милую девушку» в это время родители выгнали из дому: не сумела женить на себе Роберта, снова ждет от него ребенка — пускай теперь расплачивается за все сама. Джин приютила у себя на мельнице супружеская чета Мьюр, сочувствующая

бедственному положению молодой женщины.

Роберт узнал об этом из письма, которое отправили ему в Эдинбург родные. И он, еще вчера клявшийся Кларинде, что будет любить ее вечно, решил отправиться домой. Расставаясь с Клариндой, он обещал ей писать ежедневно, клялся, что будет ее боготворить и помнить о ней всегда, но та уже понимала, что пути их расходятся.

В Мохлин Бернс приехал в конце февраля 1788 г., успев посетить по дороге свою близкую приятельницу миссис Дэнлоп. Джин он застал в плачевном состоянии — подурневшая до неузнаваемости, робкая и растерянная молодая женщина была на последних месяцах беременности, которую очень тяжело переносила. В марте она родила девочек-двойняшек, одна из которых прожила всего 10 дней, а другая — 15. Судя по всему, Бернс сразу признал ее своей женой, хотя оглашение состоялось только в мае, а церковный суд утвердил их брак лишь 5 августа. Таким образом, Джин стала единственной законной женой Бернса. Причем тогда же он высказал любопытную, отнюдь не сентиментальную точку зрения на брак. Ее суть сводилась к следующему: «Иметь под рукой женщину, с которой можно спать, когда только ты этого захочешь, не рискуя получить до конца жизни это проклятие — незаконнорожденных детей… Вот вам очень солидная точка зрения на женитьбу». Однако сам он, как показала его недолгая жизнь, совершал поступки, совершенно противоположные той теории, которую проповедовал.

После женитьбы чета Бернс поселилась в Эллисланде, где Роберт взял в аренду ферму. К лету 1789 г. стало ясно, что в ближайшем будущем ферма дохода не принесет, и в октябре Бернс по протекции получил должность акцизного инспектора в своем сельском районе. С работой он справлялся неплохо, и через год его перевели в Дамфрис. Бернс отказался от аренды фермы, и с тех пор семья жила только на жалование акцизного инспектора.

И все-таки — какая ирония судьбы! Вольнолюбивый поэт, страстно воспевавший в своих стихах свободу и безудержную удаль, был обязан вести себя как образцовый служащий его величества короля Георга III. По долгу службы ему частенько приходилось объезжать всю округу в 200 миль, чтобы проверить, аккуратно ли платят сельчане налоги и не скрывают ли они незаконные доходы от казны!

Но если служащим Бернс хотя бы пытался быть образцовым, то в супружеской жизни постоянством отнюдь не отличался. Ибо, по его же словам: «Любви не знавший дуралей достоин сожаленья».

Зато Джин была прекрасной женой, верной, преданной, она

стала хорошей хозяйкой и матерью (Джин родила десятерых детей, четверо из которых умерли в младенческом возрасте). Она безмерно восхищалась своим умным мужем и прощала ему все его романы и любовные связи.

Справедливости ради надо сказать, что Бернс не раз собирался «вступить на стезю добродетели», но таким уж создал его Творец — влюбчивым во всех хорошеньких девушек, с которыми сталкивала его судьба. На свою беду Роберт ничего не умел скрывать, и о его увлечениях сразу же узнавал весь свет — из стихов, из писем, из его собственных рассказов.

И никто так откровенно, с таким восторгом не воспевал любовь, как Бернс! Он умел покорить женщину остроумием, восторженными комплиментами и конечно же очередной любовной песней. Так случилось и с Анной Парк — красивой, беспечной, веселой девушкой, с которой Роберт познакомился, когда Джин с детьми уехала погостить к родным. Роберт честно предупредил ее, что никогда не оставит Джин и детей. На все его доводы Анна отвечала смехом, бросалась ему на шею — и не уходила из его комнаты до утра. И снова Бернс влюбился, и снова появилась прекрасная песня, где говорилось о «золотых кудрях Анны».

В конце апреля 1791 г., когда Джин кормила их новорожденного сына Вильяма, Роберт рассказал жене, что Анна умерла от родов и что у ее родных осталась крохотная девочка, его дочка, такая же черноглазая, как все их дети. На что Джин сказала мужу, чтобы тот привез девочку к ней, она выкормит обоих детей.

Девочку назвали Элизабет, Бетси. Она выросла красивой, умной, вышла замуж за хорошего человека, ткача Томсона, родила ему семерых детей. О Джин она говорила одному из первых биографов Бернса: «Добрей и ласковей ее не было человека на свете…»

Джин редко бывала где-либо с Робертом. Утешение и отдохновение от трудов он искал в другом обществе. Едва открылся театральный сезон в Дамфрисе, как он тут же увлекся примадонной театра очаровательной мисс Луизой Фонтенель. Бернс старался не пропускать ни одного спектакля с участием прелестной актрисы. Он посылал ей стихи с комплиментами, а если не мог попасть в театр из-за неотложных дел, писал: «О, как завидна ваша участь! Вы сейчас будете играть…. Но, радуясь с теми, кто радуется, не забудьте поплакать с теми, кто плачет, и пожалейте вашего печального друга Роберта Бернса».

Можно только поражаться сексуальной энергии поэта, умудрявшегося заводить сразу два, а то и три романа,

добросовестно выполнять обязанности акцизного инспектора, писать стихи, гулять с друзьями в тавернах и еще думать о своих детях — законных и незаконных. Не успела в его жизнь войти Луиза, как следом за ней появилась молодая англичанка Мария Бэнкс Риддел, дочь губернатора одной из колоний, талантливая, остроумная женщина, с легким, непосредственным характером. Муж Марии, избалованный красавец Вальтер Риддел, отвез свою юную жену и новорожденную дочку в Шотландию к брату и совершенно ими не интересовался, вечно разъезжая по каким-то финансовым делам. Мария, очень любившая поэзию, была поражена, встретив в глухой шотландской провинции «настоящего поэта» — и какого! К тому же он оказался превосходным, остроумным собеседником и одним из образованнейших людей в округе!

«В нем было какое-то необъяснимое колдовство», — писала Мария впоследствии и, вероятно, ни с кем из друзей Бернс не был так откровенен и задушевно прост, как с ней. Он посылал ей свои новые стихи, сопровождая их маленьким письмом. «Что скажешь о них Ты — мой первый и прелестнейший критик?» — спрашивал он и подписывался: «Твой навеки».

Бернс неизменно сопровождал Марию в театр, иногда негодуя на то, что вокруг нее вертится слишком много молодых офицеров. Он даже настоял на том, чтобы кроме него и Марии в ложе больше никого не было. «На таких условиях и при такой капитуляции я согласен, чтобы моя некрасивая, обветренная, деревенская физиономия стала предметом украшения вашей ложи», — писал он ей.

Удивительно, но Марии Риддел, которая была очень дорога ему, Бернс почему-то не посвящал любовных стихов, кроме, пожалуй, довольно банальных поздравлений с днем рождения. На поэтические любовные откровения гораздо больше его вдохновляла дочь одного из окрестных фермеров, семнадцатилетняя синеглазая белокурая девушка. Он обращался к ней по-отечески нежно, называя свою очередную музу «Хлорис». К ней обращены его знаменитые песни «Малютка в локонах льняных», «Крэгберский лес» и другие.

Между тем во Франции уже вовсю пылал пожар революции, которую свободолюбивый Бернс принял с необыкновенным энтузиазмом. В Шотландии власти начали расследования относительно лояльности государственных служащих. И тут оказалось, что Бернс вольнодумец, что он отправил во Францию четыре мортиры в помощь бунтовщикам, что он позволяет себе всяческие вольные речи, тосты и тому подобное. К декабрю 1792 г. на Бернса накопилось столько доносов, что в Дамфрис

прибыл Главный акцизный Уильям Корбет, дабы лично провести дознание. Стараниями Корбета дело замяли, но Бернса обязали впредь речей крамольных не произносить.

С горечью писал он своему давнему другу миссис Дэнлоп, что «политическая буря, угрожавшая моему благополучию, пронеслась» и что он «наложил, отныне и впредь, печать на свои уста во всем».

После всех этих событий Бернс предпочел проводить свободное время в домашней обстановке и избегать встреч с людьми в общественных местах. Он не умел притворяться и скрывать свои мысли, особенно после кружки доброго эля или виски. Недаром ему приписывают такое высказывание: «Свобода и виски шагают рядом».

Любовь к этой «свободе» однажды крепко подвела Бернса. Как-то на званом вечере мужчины напоили Бернса почти до беспамятства. По их наущению он согласился разыграть сцену «похищения сабинянок»: его втолкнули в гостиную, где он страстно заключил в объятия первую попавшуюся даму и расцеловал на глазах у всех! Разгорелся невероятный скандал, после чего Мария смертельно обиделась на своего невоздержанного поклонника. Провинившийся Бернс посылал ей покаянные письма, стихи, но ответа не было. Более того, Мария в кругу друзей отзывалась о нем с нескрываемой насмешкой и презрением.

С Марией Бернс помирился уже перед самой смертью и был очень рад, что та не читала его злобных эпиграмм, написанных в ее адрес в порыве злобы и отчаяния. А утешился он, как и всегда, в семейном кругу. Подрастали дети, рядом была преданная Джин, а кроме того, в доме появилась юная Джесси Льюарс. Она помогала Джин по дому, нянчила детей и восторженно смотрела на их отца. Бернс подарил ей свою книгу с трогательной надписью и часто просил ее спеть народные песни — у Джесси был хороший, чистый голосок.

«Джесси — единственный ангел, еще оставшийся на земле», — говорил Бернс, и Джесси делала все, чтобы скрасить его жизнь.

Глядя в преданные девичьи глаза, у Бернса возникало неугасимое желание защитить от жизненных невзгод это хрупкое, беззащитное, юное существо. И сложилась песня, посвященная Джесси:

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой верный друг,

Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг…

Больше чем через полвека после того, как были написаны эти стихи, у подножья памятника Бернсу похоронили умершую на семьдесят восьмом году жизни почтенную мать семейства — миссис Томпсон, урожденную Джесси Льюарс. Как-то прохожие заметили, что по счастливой случайности плита над могилой Джесси даже в самый сильный дождь оставалась сухой. Мраморный Бернс укрывал от непогоды своего верного друга, как когда-то хотел укрыть живую.

Роберт Бернс умер 21 июля 1796 г. в возрасте 37 лет, в самом расцвете своего творчества. С молодых лет он, обладавший необычайной физической силой и выносливостью, страдал ревматизмом и ревматическим эндокардитом. Однако, безусловно, сказались на его здоровье и пылкий, неукротимый нрав, безудержная жажда жизни во всех ее проявлениях, мятежная душа, неумение беречь себя.

Проводить любимого поэта в последний путь 25 июля пришло множество народа. Только верная и любящая Джин не смогла участвовать в траурной церемонии. В этот день она родила Бернсу пятого сына, Максвелла.

Пушкин Александр Сергеевич

(род. в 1799 г. — ум. в 1837 г.)

Русский поэт. В его «донжуанском списке» были самые красивые и знатные женщины высшего света.

Имя Пушкина овеяно в России таким благоговением и любовью, каких не имел ни один русский гений. И не только потому, что он признанный основоположник классической поэзии, прозы и публицистики. Жизнь Пушкина, его судьба, характер, любовные увлечения и даже страсть пронизаны таким необыкновенным светом гармонии, что остается лишь поражаться и восхищаться соединением стольких достоинств в одной

личности. Он любил так же, как и писал свои стихи — легко, непринужденно, почти небрежно и при этом поразительно талантливо, чем еще более укреплял и без того огромную славу.

Повеса и донжуан, с влюбчивой кровью, которая загоралась от одного присутствия хорошенькой женщины, поэт мог иногда с приятелями цинично говорить о женщинах. Но в своих произведениях — а именно там надо искать настоящего Пушкина — он создал образы пленительных женщин, правдивых, чистых, глубоких, доблестных, одухотворенных. Поэт их не выдумывал, он их хорошо знал и был страстно влюблен в них. А стихи были лишь продолжением той вольной стихии творчества, которая питается живыми, искренними чувствами.

Родословная Александра Сергеевича Пушкина так обширна, что трудно точно проследить, какая именно ветвь наиболее повлияла на создание такого универсального гения, обладающего необычайной чувственностью и в то же время тонким прозорливым умом. И со стороны отца Александра Львовича Пушкина, и со стороны матери Марии Алексеевны, урожденной Ганнибал, поэт мог гордиться своими предками, среди которых было немало талантливых людей, отличавшихся, тем не менее, и буйным нравом, и легкомыслием.

И если предок поэта знаменитый Абрам — арап при Петре I и дочери его Елизавете — при бурной семейной жизни поднялся на самые верхние ступени чиновничьей лестницы, то его дед, Осип Абрамович Ганнибал, ни личным, ни патриотическим честолюбием не страдал. Он был не столько служака, сколько гуляка, не признававший над собой никаких законов. «Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекали его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представив фальшивое свидетельство о смерти первой», — сдержанно писал о нем Пушкин, составляя родословную своей семьи.

Предки по линии отца, хотя и «служили доблестно царям», тоже не отличались особыми семейными добродетелями. Внук дал такую характеристику своему сумасбродному деду: «Дед мой, Лев Александрович Пушкин, был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась…»

Свою семью поэт называл «очень неласковой». Отец, Сергей Львович, хотя и был достаточно образованным человеком, но жил легкомысленно, порой даже бездумно. Мать, Надежду Осиповну,

биографы поэта тоже характеризуют как взбалмошную и избалованную женщину, жизнь которой проходила между светскими забавами и частыми беременностями. Она родила восьмерых детей, из которых только трое — Ольга, Александр и Лев — пережили ее, остальные умерли в детстве. Любимцем был младший Лев, а старший сын Саша постоянно раздражал мать, поскольку до восьми лет был неуклюжим, медлительным толстячком, а не приятным и покладистым ребенком, каким она мечтала его видеть. И даже перемена, произошедшая в восьмилетием Саше, когда он превратился в живого, шаловливого мальчика, увлекся чтением и даже стал писать стихи, не растопила холодности матери.

Безусловно, Пушкины по-своему заботились о детях. Они ценили просвещение и дали Ольге, Александру и Льву приличное по тем временам образование, которое заключалось в том, что к ним в качестве воспитателей и учителей были приставлены иностранки и иностранцы. О том, чему успели научить мальчика воспитатели, можно судить по прошению, которое Сергей Львович подал в Лицей. В нем сказано, что сын его, Александр, получил воспитание дома, где «приобрел первые сведения в грамматических знаниях российского и французского языков, арифметики, географии, истории и рисования…»

Но не только учебники читал маленький Пушкин. Впечатлительный детский ум распаляли эротические французские книги, которые в большом количестве имелись в доме. «Любви нас не природа учит, а первый пакостный роман», — иронично замечал позже поэт. А кроме того, юный отрок с пробуждающимися мужскими инстинктами усердно внимал урокам науки любви еще и благодаря близости крепостной женской прислуги, легкодоступной и безответной.

Безмятежное детство Пушкина закончилось в двенадцать лет. В октябре 1811 г. он поступил в только что открывшийся Царскосельский Лицей и провел там почти безвыездно шесть лет, до июля 1817 г. Воспоминаний о его лицейских подвигах осталось предостаточно, причем не всегда благожелательных. Так, лицеист С. Д. Комовский утверждал, что профессора и лицеисты не очень любили Пушкина: «Его называли французом, а по физиономии и некоторым привычкам — обезьяной и смесью обезьяны с тигром…» И далее: «Он был до того женолюбив, что, будучи еще 15–16 лет, от одного прикосновения к руке танцующей во время лицейских балов взор его пылал и он кряхтел, как ретивый конь среди молодого табуна… У него господствовали только две стихии — удовлетворение плотских страстей и поэзия. В обеих он ушел далеко».

А вот князь П. А. Вяземский, который знал Пушкина с ранней юности, отмечал обратное: «Ничего трактирного в нем не было, а еще менее грязного. В любви его преобладала вовсе не чувственность, а скорее поэтическое увлечение, что, впрочем, отразилось в его поэзии… В гусарском полку Пушкин не только пировал, но и сблизился с Чаадаевым, который вовсе не был гулякой». К этому стоит добавить, что изменчивый в любви Пушкин всегда был верным и нежным другом.

Как видно, влюбчивость пробудилась в Пушкине так же рано, как и страсть к сочинительству. Ему было всего 15 лет, когда он пережил первую яркую влюбленность. «Я знал любовь, но я не знал надежды…» — эти строки посвящены Екатерине Бакуниной. Да разве мог он остаться в стороне, когда по молоденькой, хорошенькой фрейлине сходил с ума весь первый курс!

Но ни Бакунина, ни Наталья Кочубей (в замужестве графиня Строганова), о которой барон М. А. Корф писал: «Едва ли не она (а не Бакунина) была первым предметом любви Пушкина», не зародили в нем сколько-нибудь длительного чувства. Это была влюбленность в саму любовь, проявление юношеского романтизма. По своему темпераменту Пушкин мало был склонен к модным тогда безнадежным воздыханиям. А в последний лицейский год после романтических мечтаний о Вакхе и Дориде и платонической влюбленности он уже пережил «безумство бешеных желаний». Об этом откровенно говорят его стихи. «Письмо к Лиде» (1817 г.) написано уже не робким обожателем недоступной красавицы, а нетерпеливым и счастливым любовником.

К концу лицейской жизни поэзию Пушкина знали далеко за пределами Царского Села. Его стихи читали сочинители, образованные верхи, офицерство, особенно военная молодежь. Надо отметить, что в те времена юным гвардейцам было свойственно соединение умственного кипения с кипением страстей и буйными пирушками. И здесь Пушкин был в своей стихии, хотя следует сделать одно важное примечание: живя в атмосфере танцев, любовных увлечений, а позже и кутежей, среди лицейских занятий, развлечений и увлечений, постоянно проводя время в тесной товарищеской компании, шумной, озорной и неспособной уважать уединение, он за три года написал более 100 стихотворений. Ими восхищались, их переписывали, их заучивали наизусть.

Закончив Лицей, восемнадцатилетний Пушкин со всей страстностью своей влюбчивой натуры окунулся в светскую жизнь. Он сразу стал своим человеком в среде старших писателей. Перед ним открылись двери некоторых

великосветских салонов, где охотно принимали веселого кудрявого юношу, блестящего танцора, собеседника, да еще и поэта. Был еще один круг, где Пушкина встречали с восторгом, — его обожала так называемая «золотая молодежь», куда входили главным образом гвардейские офицеры.

Что касается любовных связей, то свои правила чести поэт определил для себя еще в юности. В частности, они предполагали беречь репутацию женщин, за которыми он ухаживал. Даже в те годы, когда молодые люди охотно выбалтывали приятелям свои любовные секреты, открытый и разговорчивый Пушкин умел молчать и окружать свою влюбленность тайной. Эту тайну он позволял себе раскрывать только в стихах.

Сохранились рассказы о том, что в молодости Пушкин был влюблен в жену историка Карамзина Екатерину Андреевну, женщину красивую, умную и обаятельную. И если внимательно проанализировать отношения Пушкина с семьей Карамзиных, то становится очевидным, что поэт был дружен не столько с главой дома, сколько с его женой и падчерицей. Анна Керн, женщина наблюдательная и достаточно объективная, в своих воспоминаниях прямо утверждала, что первой любовью Пушкина была именно Карамзина. Правда, сам поэт подобных свидетельств не оставил.

Женщины вообще занимали огромное место в разнообразной и деятельной жизни Пушкина. Он был прирожденным знатоком «науки сердца нежной». Знал он и тайну власти над женским сердцем:

Мои слова, мои напевы
Коварной силой иногда
Смирять умели в сердце девы
Волненье страха и стыда…

Но вот в стихах 1817–1820 гг. наряду с «бесстыдством желаний» есть беглые намеки на иные переживания:

…Чувство есть другое.
Оно и нежит, и томит.
В трудах, заботах и в покое
Всегда и дремлет, и горит…

По времени этот отрывок можно отнести к княгине Авдотье Ивановне Голицыной, в которую Пушкин влюбился вскоре после выхода из Лицея. Княгиня была очень красива. Память о ее

редкой красоте сохранили написанные лучшими художниками портреты и воспоминания современников. С мужем, за которого помимо ее воли она была выдана Павлом I, Голицина разошлась сразу после смерти императора и вела настоящую богемную жизнь. По вечерам в ее доме собирались многочисленные друзья и поклонники, писатели, художники. Очевидно, Пушкин познакомился с Авдотьей Голицыной у Карамзиных. Свидетельством этому может служить письмо историка Вяземскому: «Поэт Пушкин у нас в доме смертельно влюбился в пифию Голицыну и теперь уж проводит у ней вечера…» В то время Пушкину было восемнадцать лет, княгине — тридцать семь, но она была еще в полном расцвете своей «огненной, пленительной, живой» красоты. Трудно сказать, как долго продолжалось это первое светское увлечение Пушкина. Но в письме А. И. Тургенева к Вяземскому, написанном в 1818 г., есть такие строки: «Жаль, что Пушкин уже не влюблен в Голицыну, а то бы передал ее потомству в поэтическом свете…»

Вероятно, за три года петербургской жизни между окончанием Лицея и ссылкой на юг не одна только Голицына волновала Пушкина. Но никакого другого имени не сохранили нам ни его стихи, ни память современников. В годы своей ранней, буйной молодости он больше кутил, чем любил. А от «златом купленного восторга» вдохновение не рождалось.

Между тем слава Пушкина как поэта удивительно быстро распространилась по всей России. «Не было живого человека, который бы не знал его стихов», — свидетельствовал и Пущин. Но росло и раздражение, особенно против его политических эпиграмм. Опьяненный веселым хаосом петербургской жизни, вином, женщинами, славой своих дерзких стихов, молодой поэт даже не почувствовал, что уже приближался час горького отрезвления, следствием которого стала первая ссылка. Поводом для нее послужили, по словам императора Александра I, «возмутительные стихи, которыми Пушкин наводнил всю Россию». Поэту угрожала ссылка в Сибирь или водворение на покаяние в Соловецкий монастырь. От Сибири его спасло заступничество влиятельных друзей. Дело ограничилось переводом коллежского секретаря Пушкина из Петербурга в канцелярию генерала Инзова, попечителя Южного края.

В Екатеринослав, бывший в то время далекой южной окраиной, Александр Сергеевич прибыл в июне 1820 г. Правда, в этом городе он долго не задержался. Генерал Раевский, который вместе с дочерьми и сыном проезжал через него, направляясь на Кавказ, а затем в Крым, предложил опальному поэту присоединиться к ним. Что тот и сделал с превеликим

удовольствием.

Конечно же, влюбчивый Пушкин не мог не обратить внимание на очаровательных сестер Раевских и увлекался всеми ими по очереди. Их было четыре — две младшие, Мария и Софья, и старшие — Екатерина и Елена. Елене Раевской исполнилось тогда 17 лет. Высокая, грациозная, с прекрасными голубыми глазами, она была хрупкой и болезненной, что, впрочем, не помешало ей пережить поэта. Возможно, именно ей Пушкин посвятил написанное в Гурзуфе стихотворение:

Увы! Зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой…

Но не Елена зажгла в поэте таинственную и нежную любовь. Старшая Раевская, Екатерина, заняла в воображении Пушкина гораздо более значительное место. Она была умна, имела независимый характер, умела подчинять себе людей. Друзья прозвали ее Марфой Посадницей. По-видимому, ее имел в виду Пушкин, создавая свою гордую и властную Марину Мнишек.

И все же первой южной любовью поэта биографы считают Марию Раевскую. Много лет спустя в своих воспоминаниях Мария Николаевна писала: «Как поэт, он считал своим долгом быть влюбленным во всех хорошеньких женщин и молодых девушек». Сама того не подозревая, княгиня М. Н. Волконская-Раевская этим высказыванием подкрепила слова самого Пушкина: «Я был влюблен в большей или меньшей степени во всех хорошеньких женщин, которых знал».

Но при всей сдержанности в записках Волконской-Раевской звучит уверенность, что в то крымское лето Пушкин увлекся именно ею. Она отметила, что ей посвящены строки прелестной элегии «Я помню море пред грозою». Впрочем, тут же, точно спохватившись, Мария Николаевна написала мудрые слова: «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел».

Раевская была права: любовная лирика Пушкина полна непосредственности и всегда предполагает предмет обожания. Пушкин не мог не петь о любви, но имена возлюбленных таил с ревнивым лукавством нежного любовника и горделивой сдержанностью рыцаря.

Почти полгода Пушкин провел с Раевскими. Расстался он с ними в конце 1820 г. и тогда же прибыл в Кишинев в распоряжение попечителя колонистов Новороссийского края и

Бессарабии генерал-лейтенанта И. Н. Инзова. В Кишиневе Пушкин не очень тяготился службой, можно даже сказать, что он не столько служил, сколько ухаживал за местными красавицами. Хотя, как отмечал Липранди, «ни одна не могла порождать в нем ничего, кроме временного каприза». Его любовные шалости подчас переходили в настоящее озорство. К примеру, был случай, когда поэт, увидав в окне хорошенькую женскую головку, недолго думая, въехал верхом в чужой дом.

Но Пушкину все сходило с рук. Выручали приятели, прикрывал Инзов, искренне любивший поэта. И судьба еще берегла его. Даже бесчисленные кишиневские дуэли неизменно заканчивались благополучно. Правда, несмотря на постоянное волокитство и успехи Пушкина у молдавских дам, ссоры и дуэли происходили не из-за женщин. Вспыльчивый поэт готов был любое недоразумение разрешать пистолетным выстрелом. А вот ревнивым мужем он был вызван на дуэль только один раз. Бессарабский помещик Инглези застал свою жену на свидании с поэтом в загородной роще и захотел драться. Но и в этом случае вмешался Инзов: Пушкина посадил под арест, а ревнивому мужу посоветовал уехать за границу. Кстати, Людмила Инглези была единственным серьезным увлечением Пушкина в Кишиневе, да и сама она страстно его любила.

Первую ссылку Пушкина можно обозначить как начало своеобразной трилогии. Первая часть — Кавказ и Крым, юношеская влюбленность и светлая печаль робкой любви к Марии Раевской. Вторая — Кишинев, гостеприимный, дикий и пустой. Ни одного нового друга, только приятели; ни одного нового любовного приключения, только кратковременные, ни к чему не обязывающие романы с пригожими нетребовательными молдаванками. И, наконец, третья часть — год, прожитый в Одессе (с июня 1823 г. по 30 июля 1824 г.), когда Пушкин в полной мере насладился и восторгом творчества, и восторгом любви.

Прожив год в Одессе, Пушкин успел многое осуществить. Написал «Ночь», «Свободы деятель», значительную часть «Цыган». Но самое значительное, с чем связана Одесса, — это первые главы «Евгения Онегина» и сильные любовные страсти. Поэт был влюблен в двух женщин, совершенно разных по характеру и по общественному положению. Одна из них — Елизавета Ксаверьевна Воронцова, жена новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова, другая — жена богатого негоцианта Амалия Ризнич, по происхождению не то флорентийка, не то венская еврейка.

С красавицей Амалией Пушкин, вероятно, познакомился

сразу же по приезде в Одессу. Ей посвящено стихотворение «Ночь», датированное 26 октября 1823 г. Это своеобразный гимн утоленной страсти, где горячие строчки, насыщенные счастьем обладания, точно повторяют ритм крови, загоревшейся от поцелуев:

…Текут ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг… люблю… твоя… твоя…

Роман с Амалией Ризнич продолжался около полугода. В мае 1824 г. она с маленьким сыном уехала во Флоренцию, где через год умерла от чахотки. Официально она ехала лечиться, настоящей же причиной было желание ревнивого мужа разлучить ее с поклонниками.

Что касается Элизы Воронцовой, то не будь стихов Пушкина, трудно было бы восстановить по отрывочным воспоминаниям современников живую прелесть женщины, царившей в одесском обществе более 150 лет тому назад. Но поэт сумел запечатлеть и ее мягкую грацию, и женственную нежность, и ясность ее ума. «Ангел терпения… Ангел чистый… Волшебница… Ангел нежный» — такие определения давал Пушкин этой женщине. И если Амалия Ризнич вызвала в нем горячку ревнивой страсти, то Элиза Воронцова зажгла в нем пламенную и страстную любовь.

Казалось, их все разъединяло: положение Элизы в свете, ее обязанности матери и жены, репутация Пушкина, которого все считали дуэлянтом. Даже возраст — Воронцова была старше Пушкина на семь лет. Но пришла любовь и снесла все преграды, воссоздав нежный образ Воронцовой в ряде стихов, завораживающих красотой любовного экстаза — «Желание славы», «Сожженное письмо», отчасти «Разговор книгопродавца с поэтом», «Прозерпина», «Талисман», «Ангел», «Расставание».

Но высшим творческим проявлением, навеянным графиней Воронцовой, стал пленительный, совершенно новый в русской литературе образ Татьяны, который был создан там же, в Одессе, под непосредственным впечатлением от той глубокой и сильной женственности, с которой Пушкин в лице графини Элизы соприкоснулся едва ли не впервые.

Конечно, Татьяна не портрет Воронцовой. В ней отразилась не одна женщина, затронувшая сердце поэта, где действительность и мечта таинственно преобразились в чистый и гордый девичий облик. И все же между Татьяной, такой земной, простой, скромной, и Ангелом, который «главой сияющей поник»,

есть неуловимое, но несомненное сходство. Из всех многочисленных возлюбленных Пушкина, возможно, одна только графиня Воронцова дала ему полноту телесного и духовного счастья, которое для многих остается так и неиспытанным и потому невероятным, непостижимым.

К весне 1824 г. жизнь Пушкина в Одессе серьезно осложнилась. Весь город повторял его остроты и эпиграммы, направленные против графа Воронцова. 2 мая одесский генерал-губернатор в письме к министру по поводу политических настроений среди греков настойчиво просил убрать Пушкина и, не скрывая своего раздражения, писал: «Повторяю Вам мою просьбу избавить меня от Пушкина, это, может быть, превосходный малый и прекрасный поэт, но мне бы не хотелось иметь его дольше ни в Одессе, ни в Кишиневе».

Влиятельный вельможа добился своего. В июле 1824 г. Пушкин выехал из Одессы к месту новой ссылки в родовое имение Михайловское, находящееся в Псковской губернии. С помещиками, жившими в Псковском крае, он общался мало. Постоянно бывал только в соседнем Тригорском, с хозяйкой которого, Прасковьей Александровной Осиповой, познакомился после окончания Лицея, когда первый раз приехал в Михайловское. В то время ему было 18 лет, ей — 36. Она была дважды замужем, и от двух браков у нее было восемь детей. Казалось, все это должно было бы охладить романтическое воображение, но Пушкину не раз случалось увлекаться женщинами старше его. Что-то промелькнуло тогда между ним и Осиповой. Возможно, юный Пушкин и ее заразил «безумством бешеных желаний». Спустя семь лет они стали близкими друзьями. И теперь поэт относился к Прасковье Александровне с полным доверием, с шутливой, но ласковой почтительностью. А она бескорыстно, безмерно была предана Александру, как всегда его называла. И возможно, любила его больше, чем собственных детей.

Когда Пушкин появился в Тригорском, Осипова была уже вдовой, а в имении царила женская стихия — сестры Вульф, Анна и Евпраксия (она же Зизи); две девочки Осиповы, Екатерина и Мария; падчерица, хорошенькая Александра Ивановна Осипова (она же Алина). Да еще племянницы, кузины, среди которых была кокетливая Нелли и победоносная соблазнительница Анна Керн.

Пушкин то по очереди, то одновременно ухаживал за всеми красавицами Трех гор. Лучшее из стихотворений, знаменитое «Признание» («Я вас люблю — хоть и бешусь…»), досталось Алине, которой он если и увлекался, то очень мимолетно. Однако все чаровницы были забыты, когда в Тригорском появилась

белокурая красавица Анна Керн. Она была замужем за генералом Керном, который был на 40 лет старше своей жены. Прочным этот брак вряд ли мог быть, уж слишком разные были супруги: генерал имел скверный характер, а генеральша слыла кокеткой, весьма благожелательной к своим многочисленным обожателям.

Анну Керн и Пушкина сразу потянуло друг к другу. Оба были молоды, свободны, чувственны. А о том, что где-то существует генерал Керн, было просто смешно вспоминать. Осипова, уловившая чересчур соблазнительные взгляды племянницы, нашла, что в доме слишком сгущается атмосфера влюбленности. Она не рассчитывала на благоразумие Анны, еще меньше могла надеяться на сдержанность Александра. Поэтому, взяв с собой обеих Анн, дочь и племянницу, Осипова внезапно уехала на морские купания в Ригу.

Утром в день отъезда Пушкин принес Анне Керн вторую главу «Евгения Онегина» и в нее вложил листок, где были стихи: «Я помню чудное мгновенье…»

До нас дошло немного писем Пушкина к женщинам, если не считать его писем к жене. Графиня Элиза Воронцова, которая на полвека пережила Пушкина, перед смертью сожгла его письма. Так же поступила московская барышня Екатерина Ушакова, за которой Пушкин серьезно ухаживал. Анна Керн письма поэта сохранила, семь из них даже опубликовала. И когда читаешь их, то понимаешь, что не недоступному гению чистой красоты адресовались эти письма. В них можно уловить лишь отголосок горячей, земной влюбленности.

Когда год спустя Пушкин вернулся из ссылки, Анна Керн уже разошлась с мужем и жила у своих родных. Поэт часто встречался с ней в светских гостиных, но отношение к бывшей возлюбленной резко изменилось. Ни об одной женщине он так грубо не отзывался в письмах к друзьям, как о Керн. Сделал он это дважды. Раз назвал ее вавилонской блудницей, другой раз с неповторимым цинизмом упомянул о своей встрече с ней. То, что Керн после него увлеклась Александром Вульфом, имела любовные связи с Илличевским, с братом поэта Левушкой, с Соболевским, не могло Пушкина особенно удивить. И все же эта не в меру доступная женщина чем-то его задела. Возможно, оскорбила эстетическое чувство этого «аристократа в любви», как называл поэта проницательный Вяземский. Но, как бы там ни было, опьяняющая красота Керн озарила поэта пусть мгновенной, но творческой иллюзией. И несмотря на грубые слова, брошенные в письмах к приятелям, он сохранил к Керн добродушное, благожелательное отношение.

Ссылка Пушкина в Михайловском закончилась со смертью

Александра I. В конце 1825 г. он появился в Москве, где его приняли с распростертыми объятиями. Московские девицы наперебой старались привлечь его внимание, хозяйки салонов засыпали приглашениями. Москвичи острили: «Счастливая Москва сначала короновала царя, теперь коронует Пушкина». Поэт откровенно наслаждался славой и веселился, как в юности. Ему нравилось все — бесконечные балы, гуляния, буйные холостяцкие кутежи, встречи со старыми друзьями, новые знакомства, ухаживания за барышнями. Надо сказать, что Москва издавна славилась красавицами. Она была своеобразной ярмаркой невест, куда из всех дворянских имений их свозили потанцевать, повеселиться, а главное, найти жениха. Не случайно Пушкин повез свою любимую героиню Татьяну в Москву, когда решил выдать замуж. Он и сам в Москве поддался общему настроению и почувствовал себя женихом. Его потянуло к любви открытой и прочной, захотелось иметь свой семейный очаг. И потому в толпе хорошеньких юных девушек он стал присматривать себе невесту.

Череду юных красавиц, чьи имена сохранились только потому, что Пушкин отметил их своим вниманием, открыла маленькая чернокудрая и черноглазая, похожая на фарфоровую статуэтку, Софи Пушкина, дальняя родственница поэта. Но из этого сватовства ничего не вышло. «Малютка Пушкина предпочла крошку Панина», — острили в Москве.

Правда, Пушкин особенно не горевал. Чувства и впечатления более высокого порядка заслонили это случайное знакомство. Он познакомился с семьей Ушаковых, где были две хорошенькие дочки. Сначала поэт ухаживал за младшей Елизаветой, потом влюбился в Екатерину. Сестры частенько подразнивали Пушкина за его влюбчивость и волокитство. А тот и не думал оправдываться. Напротив, однажды под аккомпанемент итальянских арий, которые пела одна из сестер, он вписал в альбом Екатерины 27 женских имен. Теперь эти три странички именуются «Донжуанским списком Пушкина». Фамилий нет. Только имена, над которыми не одно поколение пушкинистов ломает голову. К примеру, так достоверно и неизвестно, кто скрывается под загадочными инициалами N. N.

Список начинается и заканчивается Натальей. В первой из них угадывают крепостную актрису, в которую был влюблен Пушкин еще будучи лицеистом. Последней может быть Наталья Гончарова, так как список составлен в конце 1826 г., уже после знакомства с ней. Есть две Екатерины, вероятно, Карамзина и Орлова. Есть Авдотья. В ней нетрудно узнать княгиню Голицину. Есть кишиневские красавицы Калипсо и Пульхерия. Есть

голубоглазая тригорская соседка Евпраксия. Пушкин так разошелся, что даже Элизу вписал, хотя это, скорее, не графиня Элиза Воронцова, а Элиза Хитрово, над которой поэт в первый год их знакомства не прочь был посмеяться.

С Екатериной Ушаковой у Пушкина дело почти дошло до свадьбы, но что-то не сложилось. Хотя она любила поэта гораздо сильнее, чем он думал. Только после его смерти она вышла замуж за помещика Д. М. Наумова. Муж так ревновал ее к памяти поэта, что даже уничтожил принадлежавшие ей два альбома, полные записей и рисунков Пушкина. Но до писем так и не добрался. Их уничтожила сама Екатерина. Умирая, она велела своей замужней дочери принести шкатулку, где эти письма хранились, и, несмотря на все ее просьбы, сожгла их. «Мы горячо любили друг друга, — сказала она, — пусть тайна любви умрет вместе с нами».

Проверить точность этих слов трудно. А поверить вполне можно.

На следующий год в Петербурге молва объявила Пушкина женихом Анеты Олениной, дочери президента Академии художеств А. Н. Оленина. Юная красавица, фрейлина двух императриц, она имела успех в придворных спектаклях как актриса и певица. Сам М. Глинка был ее учителем пения. Увы, и этот роман закончился ничем, если не считать стихов. Уезжая в 1829 г. на Кавказ, Пушкин написал в альбом Олениной одно из лучших своих лирических стихотворений: «Я вас любил…»

Очаровательная Анет через несколько лет вышла замуж за одного вельможу, была примерной женой, матерью, бабушкой, но счастья испытала мало. Ее внучка, издавшая через сто лет листки из бабушкиного дневника, писала: «Все, что относилось к памяти Пушкина, бабушка хранила с особой нежностью…»

Кроме Олениной, еще одна женщина увлекла Пушкина в то время — графиня Аграфена Закревская, жена генерал-адъютанта и министра внутренних дел, покорявшая многочисленных любовников своей страстностью. Достаточно опытный в любви, поэт был просто поражен ее «страстями безумными и мятежными».

Были у Пушкина среди женщин и верные, преданные друзья. Он вообще умел иногда обращать мимолетное любовное чувство в надежную длительную дружбу. В свои отношения с приятельницами поэт вносил отблеск рыцарской преданности, которую можно было принять за легкую влюбленность. С вдовой историка Карамзина Екатериной Андреевной он был почтительно ласков. С ее дочерью, княгиней Мещерской, вел себя как веселый товарищ. П. А. Осипову подкупал откровенностью и родственной теплотой. С Элизой Хитрово, дочерью фельдмаршала

Голенищева-Кутузова, капризничал, как избалованная женщина, но именно с ней охотно делился волновавшими его политическими событиями.

Элиза Хитрово была на шестнадцать лет старше Пушкина. Особой красотой не блистала, правда, гордилась своими белоснежными плечами и любила выставлять их напоказ, за что насмешливые друзья Пушкин и Вяземский прозвали ее Элизой Голенькой. Хитрово подкупала Пушкина своей деятельной добротой, искренностью, но часто пугала бурным проявлением чувств. Одно время она была открыто влюблена в него. Мимолетная связь, полная такой страстной нежности с ее стороны и шутливой небрежности с его, перешла затем в прочную дружбу. Пушкин не очень церемонился с Хитрово, но она была предана ему восторженно и вдохновенно, терпеливо снося все его причуды.

Свою будущую жену, Наталью Гончарову, Пушкин впервые увидел весной 1828 г. в танцклассе знаменитого учителя танцев Иогеля в толпе юных барышень. И сразу признал в ней свою суженую. «Красота ее меня поразила», — писал он, добиваясь руки Натали. У Натальи Николаевны были классически правильные черты. Только глаза поставлены слишком близко и один глаз слегка косил, что придавало ей чуть лукавое выражение (поэтому в разговоре с друзьями Пушкин иногда называл ее «моя косая Мадонна»). Высокая, великолепно сложенная, с широкими покатыми плечами и осиной талией, она двигалась с плавной грацией. А величественная походка и мягкий голос дополняли ее красоту.

Три года Пушкин упорно добивался руки Натали. Ее мать, Наталья Ивановна Гончарова, не отличалась мягким нравом. Дети и муж, Николай Афанасьевич Гончаров, трепетали перед ней. Три сестры Гончаровы страдали как от самодурства матери, так и от причуд дедушки, Афанасия Гончарова, промотавшего все состояние семьи. Когда девочек начали вывозить в свет, мать даже не хотела тратиться на наряды. Несчастные юные красавицы выезжали в старых, несвежих платьях и в сношенных бальных туфлях, на которых дырки замазывались мелом. Наталья Ивановна мечтала поскорее выдать дочерей замуж, но ее взбалмошный характер отпугивал женихов. Пушкин оказался первым серьезным претендентом на руку Натали. Но даже с ним Гончарова-мать несколько раз так ссорилась, что казалось, свадьбе не бывать. Тем не менее в мае 1830 г. состоялось формальное обручение. Чувства жениха Пушкин тогда же описал в небольшом черновом наброске, который начинается словами: «Участь моя решена. Я женюсь…», помеченном как перевод с

французского. Это даже не рассказ об обручении двух влюбленных, а юмористическое описание сделки между женихом и родителями безропотной невесты.

18 февраля 1831 г. Пушкин обвенчался с Натальей Гончаровой. Через несколько дней после свадьбы поэт писал Плетневу: «Я женат — и счастлив. Одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился». Вся его прежняя бурная любовная жизнь померкла перед счастьем открытой любви, перед сладостью обладания юной женой, которую природа наградила не только редкостной красотой, но и большой силой женского обаяния. В его донжуанском списке это была самая трудная, самая блестящая и самая радостная победа.

К третьему году семейной жизни Пушкина его жена из робкой девочки превратилась в одну из первых красавиц Петербурга. Сначала это тешило Пушкина, которому нравился «и блеск, и шум, и говор балов». И он только изредка ласково бранил ее за чрезмерное увлечение балами. И хотя Пушкин сам восхищался величественной красотой своей жены, тем не менее он нередко ревновал и завидовал тем, у кого «жены не красавицы, не ангелы прелести».

Наталья Николаевна тоже была ревнива. Молчаливая, всегда сдержанная на людях, дома она могла быть и вспыльчивой, и резкой до грубости. Не только мужа, но и его друзей в гневе обзывала дураками. Устраивая сцены ревности, Мадонна не только ножкой топала, но не гнушалась более решительными жестами. Как-то раз она даже дала своей маленькой ручкой внушительную пощечину своему мужу за то, что, по ее мнению, он на балу за кем-то усердно ухаживал. В письмах к жене Пушкин постоянно оправдывался, отшучивался от ее подозрений. Ревность «женки» забавляла и тешила его мужское самолюбие. Но она никогда не доходила до такого трагизма, до какого дошла ревность самого поэта.

К осени 1836 г., когда весь высший свет Петербурга дружно обсуждал небылицы о романе Натали с пустым франтом Жоржем Дантесом, ей исполнилось 24 года. За шесть лет замужества она родила четырех детей, но красота ее нисколько не померкла. Она была из тех редких женщин, которые с рождением каждого ребенка только хорошеют. Сочетание красоты, кокетства и чистоты только усиливало ее неотразимость. Но при всем своем кокетстве Наталья Николаевна умела держать поклонников на расстоянии. Красота, да еще такая ослепительная, сама по себе соблазн и на соблазны провоцирует. Но молодая Пушкина среди шумных светских успехов сумела сохранить свою репутацию

незапятнанной. Жорж Дантес два года на глазах у всех упорно и открыто увивался за ней. Многие наблюдали за этой красивой парой, одни с тревогой, другие со злорадным любопытством. Кстати сказать, Дантес был, по сути, единственным обожателем прекрасной Натали, которого всерьез можно было рассматривать в качестве ее возможного любовника.

Роковая дуэль, состоявшаяся 27 января 1837 г. и приведшая к смерти поэта, была вызвана не только ревностью, но и отвращением к грязным намекам и сплетням о его семейной жизни, распространяемым петербургскими злопыхателями. До самого конца Пушкин ни разу не упрекнул свою жену за ее поведение. А ведь от ревнивца трудно было бы ожидать такой сдержанности, тем более что поведение Дантеса давало основания ревновать, не говоря уж о подметных письмах, намекавших на неверность жены.

До сих пор так и неизвестно, была ли Наталья Николаевна влюблена в Дантеса, или только играла. Более того, мы не можем утверждать, что жена, из-за которой пошел на смертельный поединок Пушкин, все еще оставалась для него единственной, незаменимой женщиной, как в первые годы женитьбы. Но с полной уверенностью можно сказать, что своему кодексу чести Пушкин остался верен до конца. Вместе с ним ушла тайна огромной любви и преданности женщине, которая увенчала достойный любовный список гениального поэта и великого жизнелюбца.

Рассел Бертран

(род. в 1872 г. — ум. в 1970 г.)

Английский философ, логик, математик, социолог, общественный деятель, в жизни которого было немало любовных увлечений.

Принято считать, что мыслители, логики, а также люди с математическим складом ума менее подвержены любовным страстям, чем люди, наделенные богатым художественным воображением. Если это и так, то Бертран Рассел был очевидным исключением из этого, пусть и спорного, наблюдения. Каким-то удивительным образом он мог сочетать громадную

интеллектуальную деятельность с тем, что называют «простыми человеческими слабостями». В данном случае имеются в виду многочисленные чувственные проявления, которые сопровождали великого ученого на протяжении всей его почти столетней жизни. По вполне естественным причинам эту сторону активности Рассела затмила его уникальная научная деятельность, которая была всегда на виду у широкой общественности.

Впрочем, крупнейший философ, основоположник английского неореализма и неопозитивизма, автор двухтомной «Истории западной философии», выдающийся логик и математик, а также общественный деятель, Рассел был не лишен и литературных дарований. Подтверждение тому — Нобелевская премия по литературе, присужденная ему в 1950 г. за книгу «Брак и мораль». Пожалуй, главной в этой книге является идея о том, что самая важная вещь на свете — это любовь. Лишь она способна разбить непреодолимые преграды между отдельными людьми; без любви Вселенная была бы холодным, мрачным местом, сплошь населенным равнодушными друг к другу существами.

Тем интереснее проследить, как складывалась личная жизнь Рассела, оказавшаяся не менее богатой и насыщенной, чем жизнь в науке и литературе.

Бертран Артур Уильям Рассел родился 18 мая 1872 г. в старинной английской аристократической семье. Его отец, лорд Эмберли, был третьим сыном британского премьер-министра и лидера партии вигов Джона Рассела, которого отличали не только видное положение в обществе, но и глубокая образованность. Он был учеником и другом философа Д. Милля и автором философского труда «Анализ религиозной веры».

Расселы во все времена славились как поборники либеральных взглядов. Радикальным либералом был и отец Бертрана, особенно в вопросах войны и мира — предмете, который стал основным в политической деятельности будущего философа. Лорд Эмберли ближе, чем кто-либо другой в XIX в., подошел к позиции, которую в XX в. назвали пацифизмом. Он раньше других выдвинул идею о мировом правительстве, которую его сын активно проповедовал спустя 70 лет. Впрочем, наиболее страстной «либералкой» в семье была мать, леди Кэтрин, отстаивающая права женщин столь рьяно, что навлекла на себя гнев королевы Виктории.

Родителей Бертран лишился рано. Его и старшего брата воспитывала бабушка графиня Рассел, нанявшая для внуков швейцарских и немецких гувернеров. Братья учились в атмосфере, сочетавшей аристократическое уединение и свободомыслие. Опытные учителя, тщательно подобранная

библиотека способствовали прекрасному образованию и обеспечивали досуг, необходимый для чтения и для размышлений.

В конце 1889 г. 17-летний Рассел был принят в Тринити-колледж при Кембриджском университете, где проучился по июнь 1894 г. Тогда же, в студенческие годы к Бертрану пришло и первое любовное увлечение. Его избранницей стала

15-летняя Элис Смит, которая жила в Филадельфии и воспитывалась в очень религиозной семье. Через два года молодые люди поженились, и 22-летний Бертран смог на практике ощутить всю прелесть плотской любви. Иного мнения придерживалась Элис, считавшая секс «Божьим наказанием» женщине, что, впрочем, не мешало обоим супругам верить в свободную любовь. В течение последующих пяти лет Бертран и Элис всеми способами стремились сохранить видимость семейного счастья. Оно было нарушено лишь однажды, когда Рассел влюбился в Эвелину, жену своего соавтора, видного математика А. Н. Уайтхеда. По-видимому, ничего серьезного между ними так и не произошло, но увлечение Бертрана весьма существенно отразилось на его представлении о роли женщины в жизни мужчины. Он вдруг понял, что не любит свою жену, о чем и поспешил ее уведомить. Позже он писал: «Я не хотел быть жестоким по отношению к Элис, но в те дни я считал, что в интимной жизни следует всегда говорить правду».

Спустя два года Рассел окончательно понял, что семейная жизнь не удалась, хотя он прилагал некоторые усилия, чтобы восстановить прежние отношения. В своих воспоминаниях он признавался: «Примерно дважды в год я пытался восстановить наши сексуальные отношения, чтобы облегчить ее страдания, но она меня больше не привлекала, и эти попытки были безуспешными».

Новый этап в частной жизни молодого ученого начался со знакомства с леди Оттолин Моррел, которое состоялось в 1910 г. Она была женой члена парламента Филиппе Моррела и по описанию Рассела выглядела так: «высокая, с длинным тонким лицом и великолепными волосами». Вначале любовники тщательно скрывали свои отношения, чтобы не навредить политической карьере мужа Оттолин. Но тот вскоре обо всем узнал и, к своей чести, проявил полное понимание происшедшего. Рассел оставил Элис и встретился с ней только через двадцать лет, но уже как с «доброй знакомой».

Чувство к Оттолин явилось лишь началом бурных любовных приключений ученого. Серьезные романы перемежались легким флиртом, жены сменялись любовницами. И при этом, как ни

странно, Расселу всегда удавалось избежать громких скандалов и разоблачений. Более того, в письмах к той же Оттолин, как и к другим женщинам, он не таясь описывал свои посторонние интимные связи, и — что еще более удивительно — получательницы этих писем совершенно спокойно относились к подобным откровениям.

Надо признать, что любовь к прекрасному полу сыграла огромную роль в судьбе самого Рассела. Официально он был женат четыре раза, но число его любовных привязанностей было намного больше. Так же страстно, как он отдавался занятиям наукой, философией, политикой, Рассел увлекался и женщинами. Во время бурных, но чаще всего непродолжительных романов он зачастую оставлял все свои дела.

Подобно другому великому мыслителю Гете, он искал вдохновения в любви, но так же быстро и охладевал к предмету страсти. Свободные взгляды на семью и брак, между прочим, нередко портили репутацию ученого. Позже публика задавалась каверзным вопросом: как может рассуждать о морали человек, женатый в четвертый раз?

В 1914 г. Рассел был приглашен в Америку для чтения лекций в крупнейших городах страны. В Чикаго его внимание привлекла обаятельная Хелен Дадли, дочь известного американского хирурга. После близкого общения импульсивный Рассел пригласил ее в гости к себе в Англию. Причем тут же сообщил о своем намерении Оттолин, прибавив сакраментальную фразу: «Дорогая, не думай, что это означает, будто я стал тебя меньше любить».

Хелен приглашение приняла, но ко времени ее приезда в туманный Альбион Рассел уже успел несколько поостыть в своих чувствах. К тому же у него был новый роман — с талантливой и красивой девушкой по имени Айрин Купер Уллис. Как обычно, этот роман и на сей раз был кратким, и даже разочаровал Бертрана, так и не понявшего, зачем он вообще увлекся доверчивой Айрин.

Но привычка на то и привычка, что не знает отступления. И в 1916 г. неугомонный любовник в очередной раз пал жертвой стрел Амура. Предметом его страсти стала леди Констанция Маллесон, актриса, выступавшая на сцене под псевдонимом Колетт О'Нил. Она была замужем за актером Майлзом Маллесоном. Но супруги придерживались свободных взглядов на любовь, что не препятствовало Расселу отдыхать вместе с Констанцией и ее мужем. Как всегда, о своих любовных отношениях Бертран не забывал уведомлять Оттолин, уверяя ее, что «чувства к Колетт нельзя даже назвать тенью моих чувств к

тебе». Тем не менее эта дружба, а может, и любовь к Колетт длилась целых тридцать лет.

В 1920 г. Рассел в составе делегации лейбористской партии приехал в Россию, где встречался с Лениным, Троцким, Горьким и Блоком. Однако итог поездки — книга «Практика и теория большевизма» в целом была весьма критической по отношению к советскому режиму. Рассел не мог принять и оправдать насилие большевиков, подавление в стране свободы, нетерпимость к инакомыслию и тотальную централизацию власти. Такими методами, отмечал ученый, невозможно построить общество справедливости.

Война и те ужасы, которые она принесла людям, заставили Рассела усомниться в человеческой добродетели и навели на мысль о необходимости изменить психологию людей с помощью правильного воспитания и образования с детства. Как и всегда, он с энтузиазмом занялся написанием статей по этим проблемам.

Собственно, свои дети у Рассела появились поздно, когда ему уже исполнилось 50 лет. В 1921 г. Рассел после нескольких лет гражданского брака, наконец, женился на Доре Блэк, которая была его секретарем во время поездки в Россию. У них родилось двое детей — сын Джон и дочь Кэйт. Когда пришла пора отдавать детей в школу, Бертран и Дора решились на своеобразный эксперимент: изучив программы всех школ, они создали в 1927 г. свою собственную школу. Здесь сказался расселовский идеализм: он свято верил в чудодейственную силу просвещения, возводя в абсолют роль воспитания в формировании личности. Все эти проблемы послужили поводом к написанию целого ряд работ, посвященных вопросам семьи и брака, главная из которых — упомянутая выше книга «Брак и мораль», получившая международное признание.

В школе, основанной Расселом и Дорой, царила обстановка подлинного либерализма. Она же способствовала и сближению ученого с молодыми преподавательницами, что, вероятно, вполне отвечало духу свободной любви. Занятия не прерывались и тогда, когда Рассел снова получил приглашение читать лекции в Америке. Он уехал, предоставив Доре некоторую свободу, которой она не преминула воспользоваться. Дора завела роман с американским журналистом Гриффином Барри и даже родила от него двоих детей. Такое толкование свободной любви собственной женой явно не пришлось по нраву ее главному теоретику. Ведь в их брачном контракте было оговорено: «Если у жены родился ребенок от второго мужа, за этим должен последовать развод».

В любви Рассел всегда оставался личностью своеобразной. В

этом смысле характерен его роман с 20-летней Джоан Фолуэлл, последовавший после развода с Дорой. При более близком общении с Джоан Рассел не без наивного прямодушия заявил ей: «Единственное, чего я боюсь, это то, что я могу тебя не удовлетворить сексуально, поскольку я уже не молод… Однако существуют способы, при помощи которых можно исправить этот недостаток». Спустя много лет Джоан честно призналась, что именно мужская слабость

Рассела и стала причиной разрыва их связи, длившейся около трех лет.

В 1936 г. Рассел женился на Патриции Спенсер, симпатичной воспитательнице его детей, которая была на 40 лет моложе своего знаменитого мужа. Вскоре у них родился сын Конрад, а в 1938 г. семья уехала в США, где Расселы прожили до 1944 г. Живя в США, Рассел читал лекции в различных американских университетах, и там же были написаны две фундаментальные работы — «Исследование значения и истины» и «История западной философии». В последнем труде философ выступил как мастер научно-популярного жанра: легкость и доступность «Истории западной философии» дали повод известному американскому философу У. Куайну сказать, обращаясь к студенческой аудитории: «Я думаю, что многие из нас выбрали свою профессию философа под воздействием книг Рассела».

Вернувшись на родину, Рассел с удивлением обнаружил, что отношение к нему резко изменилось в лучшую сторону. Его либерализм оказался созвучным общественному мнению англичан, которые в 1945 г. проголосовали за партию лейбористов. Ученого ожидало и широкое признание в научных кругах. Его вновь пригласили читать лекции в Тринити-колледже, он много выступал по радио, читал лекции радиослушателям Би-Би-Си, писал статьи и эссе.

В последующие годы Рассела не оставляла энергия активного борца с ядерной угрозой. Он состоял в переписке с лидерами СССР и США в период острейшего Карибского кризиса, был инициатором Кампании за ядерное разоружение, участником Движения за мир, протестовал против войны во Вьетнаме, написал множество статей и книг по проблемам войны и мира, одна из которых называлась «Здравый смысл и ядерная угроза».

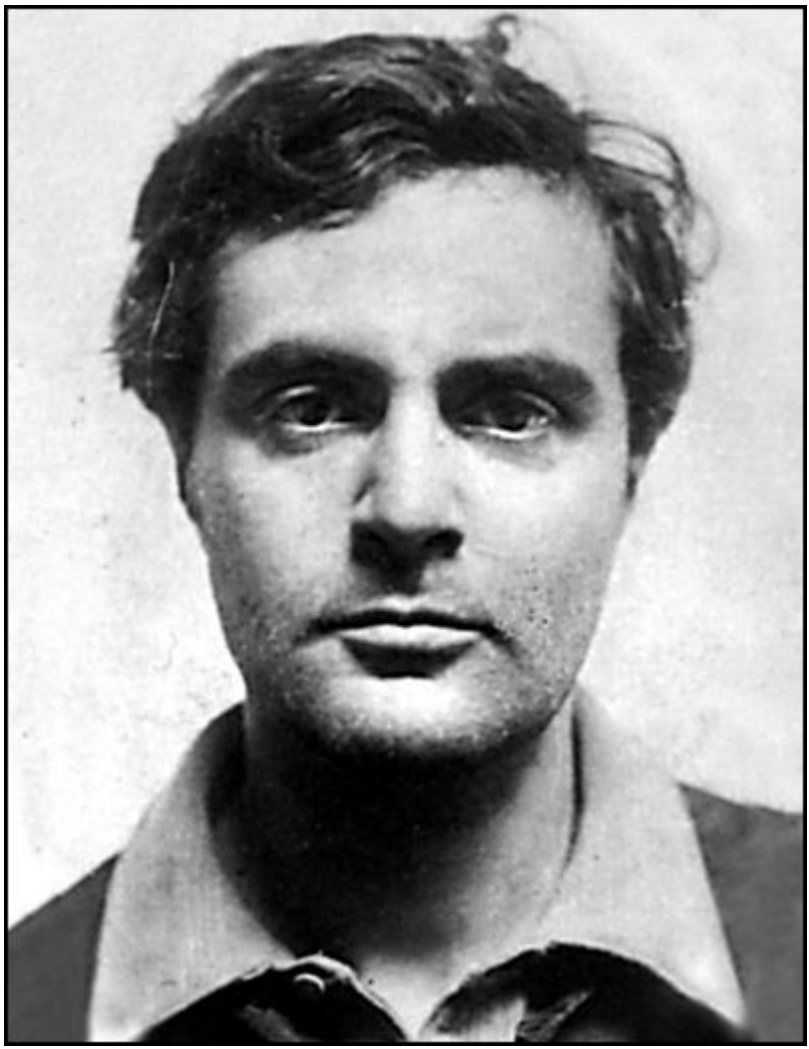
Единственным светлым моментом на фоне мрачных событий тех лет, за которыми Рассел следил с неослабевающим вниманием, стало знакомство с американской писательницей Эдит Финг. В 1952 г. он развелся с Патрицией, которая полностью разочаровалась в семейной жизни, и сразу же женился на Эдит. Если считать, что Рассел всю жизнь искал женщину, которая была

бы его единомышленницей, то можно утверждать, что на склоне лет ему действительно повезло. Эдит не меньше мужа была увлечена общественно-политическими проблемами, оказывала поддержку во всех его начинаниях. Вместе с мужем она участвовала в антивоенных демонстрациях и митингах, супруги часто путешествовали по Европе.

Последние годы жизни Рассел вместе с женой и внуками провел в Северном Уэльсе. Почти до самой смерти, которая наступила 2 февраля 1970 г., 98-летний ученый оставался энергичным и деятельным. Одним из последних его политических выступлений стало обращение к правительству СССР летом 1968 г. с требованием вывести войска с территории Чехословакии.

На склоне лет Бертрану Расселу, видимо, было о чем вспомнить. Редко встречаются личности, которые сумели столько сделать и столько перечувствовать. О таких людях обычно говорят «счастливый человек», ибо он смог отдать людям лучшее из того, что имел, и получить от жизни все, что может пожелать неутолимая и беспокойная человеческая душа.

Модильяни Амедео



(род. в 1884 г. — ум. в 1920 г.)

Знаменитый итальянский художник, скульптор и рисовальщик, чье неповторимое искусство оставалось непризнанным при жизни. Глубину его трагедии оценила единственная женщина — Жанна Эбютерн, разделив с ним одиночество и смерть.

«Я думаю, что человек — это мир, который порой стоит любых миров», — писал своему другу и бессменной «палочке-выручалочке» Леопольду Зборовскому неповторимый художник Амедео Модильяни. В его удивительных полотнах за подчеркнутой условностью и намеренным упрощением, под

прозрачно-ясной или нарочито затуманенной поверхностью изображения скрывались захватывающие глубины человеческих душ. Необычные, странные, но такие притягательные портреты увлекают страстной настойчивостью поэтического языка, нашептывают, подсказывают, что же является самым главным, самым тайным в человеке. Модильяни был поэтом в мире живописного изображения людей. Их лица и фигуры, на первый взгляд совершенно не похожие на оригиналы, оказывались легко узнаваемыми «изнутри». Художник чувствовал и понимал их тоску и мечту, их затаенную боль или презрение, забитость или гордыню, вызов или покорность.

Первым увидел это в его картинах Жан Кокто: «Модильяни не вытягивает лиц, не подчеркивает их асимметрии, не выкалывает человеку почему-то один глаз, не удлиняет шею. Все это складывается само собой в его душе. Так он рисовал нас за столиками в „Ротонде“, рисовал без конца, так он нас воспринимал, судил, любил или опровергал. Его рисунок был молчаливым разговором. Это был диалог между его линией и нашими линиями». Но только ближайшие друзья оценили художника при жизни. И женщины… Для них он был «тосканским принцем», тем мужчиной, который даже в обнаженной оболочке их тел видел не только прекрасную плоть, но и души.

Для Модильяни судьба уготовила тяжелую, неприкаянную, полную поисков своего пути жизнь. Первой почувствовала это его мать, Евгения Гарсен-Модильяни. Амедео появился на свет 12 июля 1884 г. как раз в тот момент, когда в Ливорно в дом его родителей явились судебные исполнители, чтобы забрать за долги имущество этой несчастной еврейской семьи. По итальянским законам вещи роженицы были неприкосновенны, и поэтому на кровать к мучающейся женщине родственники свалили все самое ценное, что было в доме. Мать увидела в этом дурное предзнаменование для новорожденного. Дэдо, так ласково звала она сына, был четвертым и самым любимым ребенком в семье. Мать он обожал всю жизнь за ее редкостные человеческие качества характера и ум. Своим образованием Амедео был обязан только ей. Евгения Гарсен, воспитанная в атмосфере полной свободы, в среде, где больше ценился ясный ум и талант, чем деньги, сумела сохранить эти качества и привить их детям в тягостной атмосфере семейства Модильяни, где кичились, что когда-то были «банкирами пап».

Отца Амедео не любил. Неудачливый коммерсант Фламинио Модильяни торговал дровами и углем и владел скромной маклеровской конторой, связанной с добычей серебра на Сардинии, но вести дела не умел. Надеяться, что он обеспечит

семью, жене не приходилось. И она, чтобы прокормить себя, своих сестер, престарелого отца и детей — Эммануэле, Маргариту, Умберто и Дэдо, — взяла в свои руки спасение разоренного дома. Великолепное знание европейской литературы и нескольких иностранных языков позволило ей с успехом заняться переводами и одновременно давать уроки детям. Вскоре она организовала на дому настоящую частную школу французского и английского языков, пользовавшуюся большой популярностью в городе. Для какого-то американца, решившего заняться литературоведением, Евгения Гарсен готовила многочисленные статьи, что позволило тому получить университетскую кафедру. Амедео рос в творческой обстановке. Впоследствии, уже живя в Париже и потрясая всех знанием языков, литературы и общей эрудицией, он с гордым смешком заявлял, что это естественно для «сына и внука банкиров» по отцовской линии и потомка философа Баруха Спинозы по материнской (его прабабка была урожденной Спинозой и, возможно, состояла в родстве с семьей философа, у которого не было детей).

Евгения Гарсен внимательно следила за развитием сына. Когда ему исполнилось два года, она записала в дневнике, что он «немного избалован, немножко капризен, но хорош собой как ангелок». Дэдо был скорее очаровательным чертенком, вспыльчивым и неуравновешенным, и только рядом с матерью оставался тихим и послушным, боясь огорчить ее. Лишь благодаря этому он успешно сдавал экзамены в лицее при всей его неохоте к учебе. Любимым занятием мальчишки было чтение. Философские книги Ницше, Бергсона, Д'Аннунцио, Спинозы, Уриеля д'Акосты, поэзия Леопарди, Верлена, Вийона, Рэмбо, Данте, Малларме создали отчаянного романтика и упрямого труженика, навсегда внесли смятение в его душу и заставили искать свой единственный, неповторимый путь.

О юном «философе», как звали его домашние и друзья, мать писала в 1895 г.: «Характер этого ребенка еще недостаточно сформировался, чтобы я могла высказать о нем определенное мнение. Посмотрим, что еще разовьется из этого кокона. Может быть, художник?» Она была провидицей. Сын рос слабеньким, часто болел. Плеврит и перенесенный тиф осложнились туберкулезом. Возможно, мать считала, что живопись будет для него лучшей профессией, даже не подозревая, по какому тяжелому пути поведет его талант.

В 1898 г. Амедео, бросив лицей, поступил в мастерскую ливорнского последователя импрессионистов Гульельмо Микели и обрел серьезные технические навыки. Через год обучение было прервано жестокой вспышкой туберкулеза. Лечение на юге

Италии затянулось — не без пользы для таланта Амедео. Он побывал с матерью в Торе дель Греко, Неаполе, Амальфи, на Капри, в Риме. Все увиденное произвело на юношу огромное впечатление, и ранней весной 1902 г., утвердившись в своем желании стать художником, он поступил в «Свободную школу рисования с обнаженной натуры», а через год продолжил обучение, но уже в Венеции. Амедео полюбил эти города, а с ними и всю Италию и искусство старых итальянских мастеров — такое поэтичное и тонкое. Его влекла живопись и скульптура, завораживали формы и линии, через которые можно было выразить глубины человеческой личности. Он очень серьезно относился к поискам выразительного языка в своем творчестве.

В этом состоянии смятения в 1906 г. Амедео прибыл в Париж. Мать, никогда не сомневавшаяся в его одаренности, наскребла ему небольшую сумму на первое время. Модильяни появился среди молодых художников, живущих на Монмартре своеобразной колонией, как принц из сказки. Он был ослепительно красив. Черные большие глаза лихорадочно сверкали на матово-смуглом лице, окаймленном слегка вьющимися иссиня-черными кудрями. Его летящая походка, гармоничный облик и «горячий» голос привлекали всеобщее внимание. Он был аристократически вежлив, но в то же время прост и общителен. За южной экспансивностью не сразу замечалась постоянная тревога. Амедео легко сходился с людьми. Обаятельный и умный, он участвовал в постоянных спорах о веяниях современного искусства, живо интересовался творчеством Пикассо, Матисса, Вламинка, Дерена, отстаивал право на существование творений старых мастеров, но сам не примкнул ни к одному из течений. Модильяни искал и совершенствовал свой неповторимый стиль.

Неправдоподобная условность, недосказанность и даже «неточность» имели свою притягательную властность. Плавная мягкая или твердая утрированная линии, «ведущие за собой цвет», создавали ощущение глубины, «видимость невидимого», очерчивали «модильяниевскую телесность». Художник умел заставить краски дышать, пульсировать, наливаться изнутри живым естественным цветом. Его поиски не были художническими ухищрениями. Многочисленные портреты и «ню» (обнаженная натура) получали психологическую определенность, при всей внешней схожести переставали быть бездушными и безликими. В них всегда угадывались «и характер, и судьба, и неповторимость душевного склада» человека. Ведь Модильяни — «великому сострадателю», как его называли друзья, было свойственно «мучительное, напряженное вглядывание в

людские души». «Человек — вот что меня интересует. Человеческое лицо — наивысшее создание природы. Для меня это неисчерпаемый источник», — говорил живописец, щедро растрачивая себя. Каждый портрет, каждый набросок становился частью его души, его боли.

Работы Модильяни не были замечены ни в многочисленных Салонах, ни на выставках независимых, ни на персональных выставках, организованных для него друзьями. Он оставался непонятым до конца жизни широкой публикой и богатыми торговцами картинами. Художник никогда не искал выгодных заказов и не опускался до рисования вывесок. Он был нищ материально и богат духовно. И этот разлад между внутренним и внешним тоже сжигал его. Амедео не умел бороться за себя и отстаивать свое искусство, — он жил в нем. Лучшими его друзьями становились такие же отверженные и неприкаянные таланты. Он любил их рисовать, как и простых прачек, белошвеек, циркачек, проституток, цветочниц. Модильяни видел их чистые, незапятнанные бытом и грязью профессий души в сумятице чувств и поступков. Он любил и понимал этих отверженных и возвеличивал своим искусством. Его портреты — это Моцарт и Достоевский в красках.

А жизнь стремительно летела под откос. Модильяни, казалось, не замечал этого. Зато видели другие. Всего за несколько месяцев пребывания в Париже он из элегантного денди в модном костюме превратился в бродягу в измятой одежде, но с неизменным красным шарфом или платком. И это неудивительно, ведь первым, с кем сблизился Амедео, был Морис Утрилло, талантливейший художник, у которого даже камни и штукатурка зданий оживали на полотнах. Он привлек Модильяни своей детской ранимостью, незащищенностью и потянул за собой в алкогольный омут. Но рядом с Морисом всегда была мать, известная в прошлом цирковая акробатка Сюзанна Валадон, позировавшая Ренуару, Дега, Тулуз-Лотреку, а теперь знаменитая художница. Она успевала вытянуть сына со дна. Амедео некому было помочь, да он и не принял бы ничьей помощи.

Полунищий Модильяни жил впроголодь, ютился в холодных трущобах, а свои рисунки отдавал за стакан дешевого вина. Но не было дня, чтобы он не работал, только на картины покупателей не находилось. Часто модели позировали ему без оплаты, сердобольные женщины подкармливали своего «тосканского Христоса» и согревали его постель.

Амедео нравился женщинам. Их подкупали его обходительные манеры. Он умел подарить скромный букетик фиалок с таким благородством и признательностью, словно это

были драгоценные камни.

Но чаще всего Модильяни питался из рук вон плохо и спал, где придется. Средств, высылаемых матерью, хватало не надолго. Деньги он не ценил и, не раздумывая, делился с нуждающимися. Особенно трудно стало сводить концы с концами, когда Амедео, познакомившись со скульптором К. Бранкузи, опять решился заняться ваянием (1909–1913 гг.). Он всегда мечтал придать линейному рисунку живость и пульсирующую чувственность «дышащих» объемов. Увлеченный негритянским примитивом и египетской пластикой, которые были близки абрисам его живописных моделей, Модильяни придавал своим скульптурам «облачную нежность» в «полусонной блеклости золотисто-розовых тонов» песчаника и дерева (знаменитые «Головы»). Но каменная пыль резко ухудшила состояние его больного горла и легких. Тетка, Лора Гарсен, навестив любимого племянника в «Улье», где он жил в нищенской комнатенке общежития художников, пришла в ужас. Он был на грани физического и нервного истощения.

Почти год Модильяни восстанавливал силы в родительском доме в Ливорно. Но для настоящей работы ему требовался «большой город» — Париж, куда он вернулся. Весной 1910 г. туда же в свадебное путешествие приехали Анна Ахматова и Николай Гумилев. Встреча Амедео и Анны произошла в одном из кабачков, где собиралась юная богема — художники и поэты, в том числе и много русских. Он показался ей очень живописным мужчиной рядом с изящным, талантливым, но нелюбимым мужем. В своих воспоминаниях Ахматова писала: «И все божественное в Амедее только искрилось сквозь какой-то мрак. У него была голова Антиноя и глаза с золотыми искрами — он был совсем не похож ни на кого на свете. Голос его как-то навсегда остался в памяти. Я знала его нищим, и было непонятно, чем он живет».

Два художника, кисти и слова, почувствовали невероятную магическую силу притягательности друг к другу. Они любили одних и тех же поэтов. Амедео с упоением слушал русскую поэзию, восторгаясь звучанием непонятного языка. Царственная красота юной поэтессы приводила в восторг его утонченный вкус художника. По признанию Ахматовой, она «видела его чрезвычайно редко, всего несколько раз», ведь рядом был муж. А всю зиму он писал ей полные страсти и любви письма. Для нее Амедео был далеким и в то же время близким, он присутствовал незримо в каждой стихотворной строчке.

В пушистой муфте руки холодели.
Мне стало страшно, стало как-то смутно.

О, как вернуть вас, быстрые недели
Его любви, воздушной и минутной!

По возвращении в Россию в сельской тиши под напором «глубоко пережитого чувства» у Ахматовой рождались строки, которые стали бесценным сокровищем поэзии. Они переписывались, а в самый разгар поэтического успеха и признания Анна вновь уезжает в Париж (1911 г.). На этот раз одна.

В воспоминаниях поэтессы не найти и намека на какую-либо интимность встреч. Спокойные прогулки в Люксембургском саду или в Латинском квартале. Тихий дождь, барабанящий по старому черному зонту. Два человека, тесно прижавшись, сидят на бесплатной лавке и читают стихи. Чинные мемуары звучат безлико. Но искусство не обмануть.

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах…
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.
Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаешься?
Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного…
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

Модильяни рисовал Анну. Из 16 рисунков, подаренных ей, она бережно хранила лишь один. Пристойный. Судьба остальных долгое время оставалась неизвестной. Ахматова говорила, что они сгорели в царскосельском доме. Но… «…На сером полотне возникла странно и неясно» царственная голова с челкой, длинная шея и обнаженное прекрасное тело. Именно такой предстала Анна на картине «Обнаженная с кошкой» (рис. № 47), выставленной на лондонской выставке 1964 г. А осенью 1993 г. в Венеции впервые состоялась выставка работ Модильяни из коллекции его друга и почитателя таланта П. Александра. 12 рисунков атрибутированы Августой Докукиной-Бобель как изображения Ахматовой. Эти прекрасные «ню» — свидетельства истинных чувств Анны и Амедео. О благопристойных воспоминаниях поэтессы откровенней всего высказался И.

Бродский: «„Ромео и Джульетта“ в исполнении царственных особ».

Ахматова вернулась в Россию. Она жила ожиданием писем, но их не было. Жизнь Амедео заполнили другие женщины. А еще он тонул не только в алкогольном, но и в и гашишном угаре, к которому пристрастился еще в Венеции. В письмах к своему другу Зборовскому Модильяни то обещал избавиться от зависимости, то признавался: «Алкоголь изолирует нас от внешнего мира, но с его помощью мы проникаем в свой внутренний мир и в то же время вносим туда внешний». И ни одна женщина не могла ему помочь. Они любили его таким, каким он был: нежным и ласковым, когда был трезв; буйным и жестоким в пьяном угаре. Но долго рядом с ним никто не выдерживал.

Почти два года (1915–1916 гг.), на которые пришелся наивысший подъем в творчестве художника, Модильяни жил с английской поэтессой и журналистской Беатрис Хестингс (наст, имя — Эмили-Элис Хэй). Они представляли странную пару. Высокая, статная рыжеволосая красавица в стиле Гейнсборо, всегда элегантно, но причудливо одетая, и Амедео — в живописных обносках, чуть помоложе ее и божественно красивый. Их жизнь была далека от семейной идиллии. Два буйных темперамента скрещивались так, что дрожали стены, летала домашняя утварь и приходилось вставлять стекла. Беатрис была самодостаточной женщиной и обладала многими талантами: выступала как цирковая наездница, писала стихи, прекрасно пела (регистр ее голоса был растянут от сопрано до баса), была одаренной пианисткой, в литературных кругах ее ценили как умного и «беспощадно остроумного» критика. Она, по собственному признанию, «безумно любила своего беспутного друга». Друзья признавали, что только Беатрис могла привести в чувство буянящего Амедео, но она и сама любила выпить.

Модильяни видел в ней двух женщин. Одна была необходима ему — и на картинах она беспомощна, обижена, очень женственна, без эпатажа и бравады. Другую он ненавидел и рисовал как карикатуру — угловатой, недоброй, надутой, колючей. Но талант художника она ценила: «У меня есть каменная голова работы Модильяни, с которой я не расстанусь и за сотню фунтов. А выкопала я эту голову из свалки мусора, и меня же назвали дурой за то, что я ее спасла. Эта голова с покойной улыбкой созерцает мудрость и безумие, глубокое милосердие и легкую чувственность, оцепенение и сладострастие, иллюзии и разочарования, замкнув все это в себе, как предмет вечного размышления. Этот камень читается так же ясно, как Экклезиаст, только его язык утешительный, потому что нет

мрачной безнадежности в этой чуждой всякой угрозы, светлой улыбке мудрого равновесия».

После «побега» от Модильяни Беатрис постепенно деградировала, а в его жизнь в 1916 г. вошла юная, тихая канадская студентка Симона Тиру. Она зарабатывала на учебу, позируя многим художникам, но душой и сердцем прикипела к Амедео. Любила его самозабвенно, но с ней он почему-то был особенно жесток. Робкие просьбы девушки быть мягче и меньше ненавидеть ее художник оставил без внимания и сына не признал. (Как утверждает Жанна Модильяни в своей книге об отце, ребенок, родившийся у Симоны и усыновленный после ее смерти в 1921 г. французской семьей, удивительно похож на Амедео и, по всей видимости, является ее сводным братом.)

Модильяни безжалостно расстался с Симоной и больше переживал, что не может работать с камнем. Все чаще его видели безобразно пьяным. Он скандалил, громогласно распевал песни и декламировал, пускался в буйные танцы. Непонимание, непризнание, неприкаянность, нищенское существование таланта выплескивались в неистовстве движений, которые так правдиво передал Жерар Филип в фильме «Монпарнас, 19», сыграв роль проклятого гения. Французы так и звали его «Моди» (maudit — проклятый). Наверное, даже самые близкие друзья, среди которых было немало признанных и отверженных до времени талантов (Л. Зборовский, Д. Ривера, Х. Сутин, М. Жакоб, М. Кислинг, Ж. Кокто, П. Гийом, О. Цадлин, М. Вламинк, М. Талов, П. Пикассо, Ж. Липшиц, Б. Сандар и многие другие), не осознавали глубины дисгармонии, царившей в душе художника.

В своем зрелом творчестве (1917–1920 гг.) Модильяни достиг совершенной прозрачности, ясности и насыщенности живописи. Непрерывный, непрекращающийся портретный поток просто поражает. Словно небрежный, в несколько штрихов, набросок раскрывал душу модели. Ж. Кокто сравнивал Модильяни «с теми презрительными и надменными цыганками, которые сами присаживаются за столик и гадают по руке». Он никогда не выходил из дома без привычной голубой папки и карандашей. Спрятаться от его проницательного взгляда не мог никто. Он рисовал без подготовки и без поправок. Друзья, желающие ему помочь, заказывали свои портреты (других заказов он не принимал, а работы дарил или оплачивал ими счета), но не слишком преуспели. Модильяни писал портрет за 3–4 часа, в один сеанс, который оценивал в 10 франков. Знаменитый художник Л. Бакст так говорил о подготовительном рисунке, который Амедео создал в несколько минут: «Посмотрите, с какой точностью это сделано. Каждая черта лица как будто

выгравирована иглой, и ни одной поправки!» Каждый рисунок был маленьким шедевром, и Модильяни, словно богач, не скупясь, раздавал их сотнями.

Контраст между гармоничностью и целостностью творческого видения художника и духовной безысходностью глубже всех поняла и оценила Жанна Эбютерн. Амедео познакомился с ней в июле 1917 г. И как можно было пройти мимо этой усердной начинающей художницы, трудолюбивой, спокойной и боготворящей его талант! Он, конечно, порастратил свою юношескую красоту: волос поубавилось, во рту чернели зубы, да и тех недоставало. Только лучистый взгляд и одухотворенность алебастрово-белого лица выдавали прежнего покорителя женских сердец. Для него 19-летняя Жанна была идеальной моделью. Маленькая шатенка с тяжелыми косами цвета темного золота, удлиненными, точно сошедшими с его картин пропорциями лица, шеи, тела и прозрачно-бледной кожей. «…Она казалась радом с ним неожиданной. Она была похожа на птицу, которую легко вспугнуть. Женственная, с застенчивой улыбкой. Говорила очень тихо. Никогда ни глотка вина. Смотрела на всех будто удивленно», — вспоминал И. Эренбург. Ее ум характеризовали как трезвый и скептический, а юмор называли горьким. Она сама была индивидуальностью с превосходными художественными задатками и душу Амедео читала, как книгу. Ради него Жанна оставила свою благополучную семью, которая считала, что полунищий, непризнанный, пьющий живописец, живущий как перекати-поле, и к тому же наполовину еврей, ей не пара. Но тихая девушка обладала такой силой характера, что, полюбив, она оставалась верной и преданной до конца, презрев все трудности, выпавшие на ее долю.

Дом Амедео и Жанны был скорее похож на нищенскую лачугу. Попытки наладить быт были заранее обречены на провал. Модильяни не признавал шкафчиков, полочек, салфеточек. Неудачей окончились и все робкие попытки спасти любимого от главной беды — вина и гашиша. Жанне часто приходилось разыскивать по кабачкам буянящего Амедео и с материнской заботой вести в дом, чтобы он не бродил по ночным улицам. Глядя на его одичалый взгляд, белые губы, исхудалое тело, заходившееся в жутком кашле, ему многое прощали и подносили очередной стакан вина. Жанне часто приходилось терпеть пьяные побои, но она никогда не жаловалась, потому что знала, что за буйным нравом скрывается истекающее болью сердце, непризнанный гений и прекрасный друг. Он обладал таким даром понимания людей, что за всю жизнь с ним не рассорился ни один человек.

Жанне не удалось заставить Амедео серьезно заняться своим здоровьем. В марте 1918 г. Л. Зборовский, добровольный маршан («торговец картинами»), посвятивший свою жизнь Модильяни, и примирившиеся с дочерью родители отправили их на лечение в Ниццу. Жанна ждала ребенка, и Амедео поехал скорее ради нее. Здесь 29 ноября родилась девочка, которую назвали, как и мать. «Очень счастлив», — писал Модильяни родственникам в Ливорно, но свое отношение к жизни не изменил. В письме к Зборовскому он откровенничал: «Ах, эти женщины!.. Лучший подарок, который можно им сделать, это ребенок. Только не надо с этим спешить. Им нельзя позволять переворачивать вверх дном искусство, они должны ему служить. А наше дело следить за этим».

А ведь Жанна была не только преданной женой, но и талантливой художницей, о чем свидетельствуют ее, к сожалению, немногочисленные пейзажи и портреты Модильяни и Марка Талова. Но в первую очередь она была любимой моделью для Амедео. Он создал множество ее портретов и карандашных рисунков. Все работы художника в этот период отличаются особой просветленностью и наиболее гармоничны из всего, что он создал. Чего нельзя сказать о его жизни. Когда озабоченные Зборовские твердили Жанне, что Амедео нужно спасать, она медленно и убежденно произнесла: «Вы просто не понимаете — Моди обязательно нужно умереть. Он гений и ангел. Когда он умрет, все сразу это поймут».

Ничто уже не могло изменить неизбежного, и Жанна понимала это как никто. Ни неожиданно возросший спрос на его картины (особенно за пределами Франции), ни крошка-дочь, которую он любил, ни ожидание рождения второго ребенка. Смерть стояла на пороге. Жанна и Амедео знали это. Зборовский случайно увидел две незаконченные картины Жанны: на одной она вонзала себе нож в грудь, на другой падала из окна…

В середине января Модильяни, привычно пьяный, бродил по Парижу за молодыми художниками, а затем заснул на заснеженной лавочке. Домой он вернулся на рассвете и слег. Жанна, не позвав никого на помощь, молча сидела рядом. Удивленные тишиной друзья, де Сарте и Кислинг, вызвали врачей. Диагноз был неутешительный: нефрит и туберкулезный менингит. 22 января Амедео перевезли в «Шаритэ» — больницу для бедных и бездомных, где 24 января 1920 г. в 20 час. 50 мин. он скончался. В последние часы он бредил Италией и звал за собой Жанну — женщину, на которой он так и «не успел» жениться, хотя давал расписку в присутствии свидетелей, которая родила ему дочь и была на девятом месяце беременности.

Жанна молча, без единой слезы постояла над его телом и

вернулась к родителям. 25 января в 4 часа утра она выбросилась с шестого этажа, уйдя к своему Амедео и унеся с собой их нерожденного ребенка.

Друзья похоронили Модильяни «как принца» (так просил его брат Эммануэле) на кладбище Пер-Лашез. Сотни людей пришли проводить его в последний путь. Через день на отдаленном парижском кладбище родители похоронили Жанну. Спустя год, по настоянию семьи Модильяни, в которой воспитывалась их дочь Жанна, невенчанные супруги упокоились под одной плитой. Рядом с именем Амедео высечено: «Смерть настигла его на пороге славы», а под фамилией Эбютерн — «Верная спутница Амедео Модильяни, не захотевшая пережить разлуку с ним». Они были верны друг другу в жизни, в горе и в смерти.

Всемирная слава — это «негреющее солнце мертвых» — осветила имя Модильяни сразу после смерти, как и предсказывала Жанна (ее портрет на аукционе в Сотби был продан за 15 млн долларов). Он стал «великим», «неповторимым», «гениальным». А ведь художник был таким всегда. Его трепетный, первозданно человечный талант нельзя измерить деньгами и посмертным поклонением. Гению надо быть понятым при жизни.

Хемингуэй Эрнест

(род. в 1899 г. — ум. в 1961 г.)

Американский писатель, жизнь которого была полна любовью, неистовыми страстями и приключениями.

Существует множество фотопортретов Хемингуэя. На одном из лучших камера запечатлела писателя на палубе его яхты «Пилар». В его легкой улыбке и прищуренных глазах светится радость жизни, вера в свою счастливую звезду и печаль горьких утрат. И лицо, и вся мощная фигура великого американца — живое олицетворение силы, мужества и воли. Таким он был в жизни, такими были и герои его лучших произведений. Редко кто

из людей среднего и старшего поколения не «переболел» Хемингуэем в юности. Притягивала не только его лаконичная и выразительная проза, но и удивительная судьба, испытавшая Хемингуэя войной, любовью, неистовыми страстями и приключениями.

Эрнест Миллер Хемингуэй родился в городке Оукс-Парк в привилегированном пригороде Чикаго 21 июля 1899 г. Его мать, урожденная Грейс Холл, выйдя замуж за Кларенса-Эдмонсона Хемингуэя, врача-терапевта, принесла в жертву, как она постоянно подчеркивала, свой вокальный талант оперной певицы. Самопожертвование жены дорого обошлось доктору Хемингуэю. Он был добрым, слабохарактерным человеком и во всем подчинялся своей жене, стараясь освободить ее от всех жизненных тягот. Грейс пела в церковном хоре, состояла членом многочисленных благотворительных обществ, участвовала в делах местной церковной общины.

Каждый из родителей стремился подчинить маленького Эрнеста своему влиянию, привить ему свои вкусы. И если отец читал ему книги по естественной истории, брал с собой на рыбную ловлю, охоту, поощрял его увлечение футболом и боксом, то мать мечтала об ином будущем для своего старшего сына. Она заставляла его петь в церковном хоре, одно время даже хотела сделать из него знаменитого музыканта, заставляя играть на виолончели. Для ребенка, у которого не было музыкального слуха, уроки игры на виолончели были настоящим мучением. Как вспоминал позже писатель, «на виолончели я играл хуже, чем кто бы то ни было на свете».

Тем не менее в течение нескольких лет ему приходилось ежедневно по часу заниматься музыкой.

Страсть к писательству владела Хемингуэем с самых ранних лет. Уже в школе он постоянно писал рассказы, стихи, которые публиковались в школьных газетах и журналах, и был активным участником школьного литературного клуба.

После окончания учебы в 1917 г. Хемингуэй начал работать корреспондентом в канзасской газете «Стар», а в мае 1918 г. уехал добровольцем в воюющую Европу и стал шофером американского отряда Красного Креста на итало-австрийском фронте. В июле 1918 г. Эрнест получил серьезное ранение в ногу. Находясь на излечении в госпитале в Милане, Хемингуэй влюбился в сестру милосердия Агнес фон Куровски, уравновешенную молодую женщину, на семь лет старше его.

Этот роман оказался на редкость драматичным. Любовная страсть переполняла молодого обаятельного солдата, умолявшего Агнес выйти за него замуж. Но та не торопилась связывать свою

судьбу с юношей, да еще иностранцем. В конце концов, она все-таки решила оставить Эрнеста, объяснив свой отказ разницей в возрасте. В прощальном письме Агнес писала: «Я по-прежнему люблю тебя, но как мать, а не как возлюбленная. Я не могу не учитывать того, что, по сути, ты еще ребенок».

Горечь первой любви проступила позже в «Очень коротком рассказе» Хемингуэя, а сама Агнес послужила прототипом Кэтрин Беркли в одном из лучших романов писателя «Прощай, оружие».

Вернувшись домой, Хемингуэй через общих знакомых познакомился с начинающей пианисткой Элизабет Хедли Ричардсон, которая тоже была старше него на восемь лет. Высокая, стройная, обаятельная, Хедли была очень музыкальна, начитанна, имела ровный и спокойный характер. Во время их знакомства она переживала не лучшие времена в своей жизни: недавно похоронила мать, отец покончил с собой.

Встреча с Хедли помогла Хемингуэю смягчить боль разлуки с Агнес. Меньше чем через год они поженились и переехали в Париж. В 1923 г. у них родился сын, которого назвали Джек Хедли Никанор. Хедли была прекрасной женой и матерью, хотя некоторые друзья считали, что она уж слишком потакает своему властному мужу.

Позже эпизод первой встречи с Хедли вошел в книгу Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой». А вот в романе «Фиеста» (другое название «И восходит солнце»), где узнаваемы многие персонажи, образ главной героини навеян уже не Хедли, а другой женщиной, Дафф Туизден. Именно она послужила прототипом для Бретт Эшли. Хемингуэй был увлечен этой обаятельной англичанкой, дважды разведенной и отличавшейся своим гордым и вольным нравом. Был ли между ними роман — неизвестно. Некоторые исследователи творчества писателя предполагают, что мужское бессилие героя «Фиесты», влюбленного в Бретт, символизировало безнадежную страсть автора.

Впрочем, сама леди Дафф особого восторга от своего литературного двойника не испытывала. Да и дружба между ней и Эрнестом была непродолжительной. Вскоре она вышла замуж за человека намного младше себя и была счастлива с ним до самой своей кончины. Дафф Туизден умерла в 1938 г. в возрасте 45 лет от туберкулеза.

В 1926 г. в жизнь писателя вошла новая женщина, 30-летняя американка Полина Пфайфер, работавшая в Парижском бюро журнала «Вог». Она была умна, остроумна, в круг ее знакомых входили писатели Дос Пассос и Фицджеральд. В Хемингуэя она влюбилась сразу. Да и он не смог устоять перед ее прелестями.

Сестра Полины, Джинни, то ли случайно, то ли умышленно, как-то в разговоре упомянула о их связи жене писателя. И здесь кроткая, все прощающая своему мужу Хедли совершила ошибку. Она предложила Эрнесту расстаться с Полиной на три месяца, чтобы проверить чувства, надеясь, что за это время роман закончится. Однако в разлуке любовная страсть только окрепла. Эрнест терзался, подумывал даже о самоубийстве, но в конце концов собрал вещи Хедли и перевез их на новую квартиру. Хедли вела себя идеально. Маленькому Джеку она объяснила, что отец и Полина любят друг друга. В январе 1927 г. супруги развелись.

Но, стоит заметить, Хедли страдала недолго. Вскоре она познакомилась с американским журналистом Полом Маурером, за которого позже вышла замуж и прожила с ним долгую и счастливую жизнь. Отношения с Эрнестом у нее всегда были дружескими, а Джек часто виделся с отцом.

Сразу после развода Хемингуэй женился на Полине. Они обвенчались в католической церкви (католиком писатель стал в 1918 г. в Италии), а медовый месяц провели в маленькой рыбачьей деревушке.

Новая жена обожала Эрнста и не уставала повторять, что они — одно целое. В 1928 г. у них родился сын, Патрик. Правда, дети Хемингуэя не очень интересовали. Одному знакомому художнику он даже признавался, что не понимает, почему тот так стремится стать отцом. Однако к своим сыновьям он был все же привязан, хотел, чтобы они были всегда с ним рядом, ходил с ними на охоту и рыбалку, мечтал сделать из них настоящих мужчин. Кстати, отцовские уроки пригодились старшему сыну, Джеку. Одно время он был управляющим по охоте и рыболовству в штате Айдахо и так успешно справлялся со своей задачей, что ныне жители штата, по указу губернатора, празднуют день рождения Джека Хемингуэя как день защиты окружающей среды.

В 1931 г. чета Хемингуэй приобрела дом на Ки-Уэсте, небольшом островке во Флориде. Они мечтали о дочке, но родился еще один сын, которому дали имя Грегори. Париж теперь мало интересовал писателя. С переездом в Ки-Уэст в жизнь писателя вошло новое увлечение — охота на крупную морскую рыбу. Эта страсть подталкивала Эрнеста на все более дальние рыболовные экспедиции — на Бикини, на Багамские острова, к берегам Кубы — острову, который он полюбил настолько, что с конца 40-х гг. избрал его своим местожительством. В 1933 г. Эрнест с Полиной отправились на сафари в Кению, где в знаменитой долине Серенги охотились на львов и носорогов.

К этому времени уже был написан его знаменитый роман «Прощай, оружие». Слава Хемингуэя как писателя росла, и его

дом в Ки-Уэсте стал местной достопримечательностью.

Куба привлекала Эрнеста не только рыбалкой. Там ему приглянулась Джейн Мейсон, ослепительно красивая жена заведующего гаванским отделением авиакомпании «Пан Американ». Полвека спустя Джейн, к тому времени уже похоронившая четырех мужей и пережившая инсульт, поведала журналистам о том, что в 1930 г. они с Хемингуэем чуть было не поженились. Такое утверждение представляется весьма сомнительным. Как известно, писатель любил женщин счастливых, здоровых и надежных, а у Джейн был весьма неуравновешенный характер. К тому же ее психиатр, доктор Кьюби, ловко владевший пером, имел неосторожность написать труд о творчестве Хемингуэя. В нем он, ссылаясь на свои медицинские познания, утверждал, что герои произведений Хемингуэя боятся женщин, а потому всячески стремятся демонстрировать свое превосходство над ними. Чтобы подтвердить свою мужественность, они часто рискуют жизнью и ищут опасностей. А самые теплые отношения в книгах писателя складываются между мужчинами, причем один из них, как правило, молод, а другой намного старше и мудрее.

Ознакомясь с изысканиями доктора Кьюби, Хемингуэй пришел в ярость и даже хотел подать в суд за клевету. Перепуганный психиатр отказался от намерения печатать свои наблюдения, но к Джейн после этого инцидента Эрнест заметно охладел. И вскоре в рассказе «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» она появилась в образе жестокой Марго Макомбер, убивающей своего мужа.

В 1930-х гг. в творчестве Хемингуэя наметился некоторый спад. В этот период писатель заболел пресловутой «звездной болезнью». Он начал изображать из себя «настоящего мужчину» (интерес к испанской корриде, американской охоте на хищников), что многими воспринималось как позерство. К главным произведениям этого периода относятся «Смерть после полудня», документальный рассказ об испанской корриде; «Зеленые холмы Африки», дневник первого сафари писателя, в котором описания охоты и африканских ландшафтов перемежаются пространными экскурсами в литературу и эстетику; «Иметь и не иметь», повесть, в которой главный герой вынужден в результате Великой депрессии стать контрабандистом. Однако только два рассказа — «Долгое счастье Фрэнсиса Макомбера» и «Снега Килиманджаро» — получили тогда одобрение критики.

Душевное состояние писателя в тот период оставляло желать лучшего. У него появились опасения, что его талант иссякает, он корил себя за то, что мало работает. Участились бессонница,

резкие переходы в настроении — от эйфории к депрессии. Подсознательно он винил в этом Полину. Не случайно в «Снегах Килиманджаро» писатель Уолден, умирающий в Африке от гангрены, размышляет о своей жене — богатой, избалованной женщине, погубившей его дарование.

Подобное состояние Хемингуэя не могло не сказаться на последующих событиях. В судьбе писателя появилась еще одна женщина — 27-летняя Марта Геллхорн. Она была известной журналисткой, яростно боровшейся в своих статьях за социальную справедливость. Широкую известность принесла ей книга, написанная в защиту безработных. У нее были даже довольно дружеские отношения с Элеонорой Рузвельт.

В 1936 г., на Рождество Марта с матерью и братом приехала во Флориду на отдых. Случайно они оказались в Ки-Уэсте, о существовании которого ранее и не подозревали. Марту привлекло название бара «Неряха Джо», куда она не преминула зайти. В баре сидел Хемингуэй. Через несколько минут они познакомились. А спустя некоторое время миссис Рузвельт получила письмо от своей младшей подруги, где та описывала Эрнеста как обаятельного оригинала и прекрасного рассказчика.

Второй раз они встретились в 1937 г. в Мадриде во время гражданской войны в Испании. Хемингуэй находился там в качестве военного корреспондента Североамериканской газетной ассоциации и сценариста документального фильма «Земля Испании». Марта тоже работала военным корреспондентом. У них начался серьезный роман. Их любовь в прифронтовой мадридской гостинице писатель изобразил в пьесе «Пятая колонна». В ней Хемингуэй вывел себя в образе отважного разведчика Филипа, притворяющегося шутом и растяпой, а Марте была отведена роль журналистки Дороти Бриджес.

Этот роман серьезно осложнил и без того непростую семейную жизнь Хемингуэя. Полина, узнавшая о том, что у мужа есть любовница, устраивала скандалы и даже грозилась броситься с балкона. Сам Эрнест был постоянно взвинчен, раздражителен, устроил драку во Флориде на танцплощадке, прострелил дома дверной замок, не желавший открываться. Наконец, в 1939 г. он оставил Полину и поселился с Мартой в убогой гаванской гостинице. Марта, страдавшая от неустроенности и неряшливости Эрнеста, на свои деньги сняла и отремонтировала запущенный дом под Гаваной. Но ей пришлось уехать в Финляндию, где она, как военный корреспондент, освещала ход советско-финской войны 1940 г. Хемингуэй томился один, жаловался друзьям, что Марта променяла его на журналистскую карьеру, хотя при этом постоянно рассказывал о ее храбрости.

Зимой 1940 г. Полина согласилась на развод. И в том же году Хемингуэй женился на Марте Геллхорн. Тогда же увидел свет мгновенно ставший бестселлером роман «По ком звонит колокол». Вскоре он был положен в основу одноименного фильма, где главные роли играли голливудские звезды — Гари Купер и Ингрид Бергман. Хемингуэй снова наслаждался славой. Правда, Марта была не в восторге от его образа жизни. Уж слишком много было в их доме суеты, шума, друзей и спиртных напитков. Да и любимые развлечения Эрнеста — бокс, коррида, скачки, рыбалка — не совпадали со вкусами утонченной Марты, предпочитавшей театр и кино.

И все же в начале их семейной жизни ссоры начались не столько из-за разных взглядов на жизнь, сколько из-за работы. Марта часто выезжала в другие страны в качестве корреспондента. Эрнесту хотелось, чтобы жена, наконец, угомонилась. А уж если хочет писать, то пусть подписывает свои статьи фамилией Хемингуэй. Марта противилась, она не могла долго оставаться на одном месте, да и от собственного имени отказываться не собиралась.

Их брак окончательно распался в 1944 г. Хемингуэй в качестве военного корреспондента отправился в Лондон, где участвовал в полетах британских ВВС, описывал высадку союзников в Нормандии. Писатель принимал такое активное участие в боевых действиях союзников, что едва не попал под трибунал за нарушение правил Женевской конвенции о поведении военных корреспондентов. Впрочем, это не помешало ему получить Бронзовую звезду за храбрость.

В Лондоне он познакомился с корреспондентом журнала «Таймс» Мэри Уэш, ровесницей Марты. Она была дочерью лесоруба из американской «глубинки» и в большую журналистику пробилась лишь благодаря своему таланту и настойчивости. В числе ее друзей были известные писатели Уильям Сароян и Ирвин Шоу. Последний сделал ее прототипом Луизы в романе «Молодые львы». Уже после третьей встречи Эрнест признался Мэри, что хотя он и не знает ее достаточно хорошо, но хотел бы на ней жениться.

Далее события развивались более чем драматично. Началось все с того, что Хемингуэй попал в автомобильную аварию, получив сильное сотрясение мозга. В больнице, кроме друзей, приносящих в обязательном порядке виски, его часто навещала и Мэри, с неизменным букетом цветов. Тогда же в Лондон прилетела Марта. Увидав эту картину, она заявила, что все кончено.

В августе 1944 г. Хемингуэй приехал вместе с Мэри в Париж.

В гостинице, где они жили, кипела настоящая богемная жизнь, шампанское лилось рекой. Эрнест познакомил Мэри со многими своими французскими друзьями, в том числе и с Пикассо. В то время он писал сыну Патрику: «Мэри — человек, который хочет всегда быть рядом со мной, и чтобы писателем в семье был я». Да и сама Мэри очень скоро поняла, что в семье должен быть не только один писатель, но и один хозяин. Когда она взбунтовалась против пьянства и беспутства приятелей Эрнеста в гостинице, тот ее ударил (кстати, на Марту он тоже иногда поднимал руку).

Описывая этот случай в своем дневнике, Мэри тогда выразила сомнения, что Хемингуэй вообще способен любить женщину.

Весной 1945 г. Мэри все же решилась приехать в гаванский дом Эрнеста. Увиденное ужаснуло ее. Несмотря на наличие одиннадцати слуг и четырех садовников, дом был запущен, вокруг рыскало около 20 не очень опрятных кошек, вода в бассейне не фильтровалась, а заливалась хлоркой. А Эрнест, привыкший в Париже с утра выпивать по литру шампанского и не долечившийся после аварии, страдал от головных болей, частичной потери памяти и слуха.

С Мартой Хемингуэй поступил явно не как джентльмен. По кубинским законам после развода он получил права на все ее имущество, поскольку заявил, что она его покинула. Эрнест оставил себе даже пишущую машинку Марты, присвоил 500 долларов в банке, находившихся на ее счете, не отдал и свои подарки ей — ружье и кашемировые брюки, в которых она ходила на охоту. Правда, ее фамильный хрусталь Эрнест ей все-таки возвратил. Но его так небрежно упаковали, что он почти весь разбился в дороге.

С Мартой Хемингуэй больше никогда не виделся и не переписывался, считая их брак огромной ошибкой. Хотя и признавал, что она была отважна, как львица, и неплохо относилась к его сыновьям.

Здесь следует заметить, что, размышляя о семейной жизни Хемингуэя, его друг, критик Малькольм Каули очень точно подметил: «Он романтик по натуре, и он влюбляется, подобно тому, как рушится огромная сосна, сокрушающая мелкий лес… Когда он влюбляется, он хочет жениться и жить в браке, а конец брака он воспринимает как личное поражение».

Весной 1946 г. Эрнест и Мэри поженились, хотя она и сомневалась в правильности своего решения. Но тут произошло событие, которое полностью изменило ее мнение о Хемингуэе. Ей уже исполнилось 38 лет, когда она забеременела. Врачи обнаружили у нее внематочную беременность. В больнице она

потеряла много крови и находилась уже на пороге смерти. Хемингуэй с несвойственным ему хладнокровием сам стал руководить переливанием крови, не отходил от жены ни на шаг, пока не миновала опасность. Этот поступок мужа Мэри помнила всегда и была ему безмерно благодарна.

Однако Эрнеста ожидала еще одна, уже последняя любовь. Как и первая, она осталась платонической. В 1948 г. во время поездки в Италию чета Хемингуэй познакомилась с 18-летней итальянкой Адрианой Иванчич, красивой и талантливой девушкой из знатной семьи. Писатель влюбился в нее необычайно пылко, писал ей с Кубы письма чуть ли не каждый день. Когда вышел его роман «Там за рекой, в тени деревьев», на титульной странице которого было посвящение «Мэри с любовью!», ни у кого не было сомнений, что его герой, полковник Кэнтвелл — сам автор, а 19-летняя венецианская графиня Рената — его новое увлечение. Кстати, Адриана была талантливой художницей и сделала к этой книге прекрасные рисунки.

Вскоре брат Адрианы получил назначение по службе на Кубу. Сестра с матерью приехали навестить его и провели в Гаване три месяца. Хемингуэй был вне себя от счастья, но понимал, что у него с Адрианой нет будущего. Семья Иванчич серьезно опасалась за репутацию девушки. После отъезда Адрианы отношения между ними заметно охладели, хотя она преподнесла писателю один ценный подарок — очень удачную обложку к знаменитой повести «Старик и море».

Судьба Адрианы оказалась трагичной. В 1963 г. она вышла замуж за графа фон Рекса, родила двух сыновей. В 1980 г. были изданы ее мемуары, где она рассказывала о встречах с Хемингуэем. А через три года Адриана фон Рекс покончила жизнь самоубийством.

Не менее печальной была и жизнь младшего сына писателя, Грегори, который стал косвенной причиной смерти своей матери, Полины, последовавшей в 1951 г. Тогда она пережила сильнейший стресс, вызванный тем, что у Грегори, проживавшего тогда в Лос-Анджелесе, были серьезные неприятности с полицией из-за наркотиков. Полина скончалась прямо на операционном столе.

Грегори все же удалось закончить институт и получить диплом врача. Но из-за серьезного пристрастия к наркотикам и алкоголю лицензию на медицинскую практику у него отобрали. После чего он уже вел беспорядочный образ жизни, переменил (или говорил, что переменил) пол, называл себя Глорией. В 2001 г. в возрасте 69 лет он был арестован за появление на улице в обнаженном виде, помещен в женскую тюрьму, где и скончался

в камере.

Последние годы жизни самого Хемингуэя тоже полны трагизма. Трудно даже себе представить, что этот жизнедеятельный, сильный человек, спортсмен, стал жертвой тяжких болезней, в том числе и психических. В 1960 г. у него появились признаки шизофрении, умственного расстройства и мании преследования. Лечение в клинике Мэйо в Рочестере не принесло результата. Выйдя из больницы, Хемингуэй понял, что не в состоянии больше писать. Жизнь потеряла для него всякий смысл, и 2 июня 1961 г. Эрнест Хемингуэй покончил с собой в своем доме в Кетчеме (штат Айдахо).

После смерти писателя интерес к нему, а особенно к его жизни, возрастал с каждым десятилетием. Обширные монографии о Хемингуэе выходят и сегодня. Рецензируя одну из них, американский новеллист Раймонд Карвер отмечал: «Как свежо и сегодня читаются лучшие произведения Хемингуэя!.. Если существует в природе общность между пальцами, листающими страницы, глазами, бегущими по строкам, и разумом, собирающим эти слова в мысли и образы, значит, Хемингуэй свое дело сделал, значит, он не устареет».

Легендами обросла и личная жизнь писателя. С годами его личность стала представляться в образе мужчины, который упорно идет к своей цели и стремится получить от жизни все, что она может дать романтическому герою.

Брехт Бертольд

Полное имя Эуген Бертхольд Фридрих Брехт (род. в 1908 г. — ум. в 1956 г.)

Выдающийся немецкий драматург, писатель, режиссер, театральный деятель, критик. Образованный от его имени театральный термин «брехтовский» означает — рациональный, блестяще язвительный в своем анализе человеческих отношений. По мнению исследователей, своими драматургическими успехами он во многом обязан таланту и самоотверженности женщин, которые его любили.

Гений Брехта, несомненно, принадлежит не только родной

Германии, чью духовную ситуацию конца двадцатых годов он выразил в своих беспощадных пьесах. Он принадлежит всему XX в., потому что Брехт, возможно, как никто другой из художников, смог с безграничной откровенностью сбросить все обольстительные и спасительные для человечества иллюзии и показать механику социальных отношений во всей их неприкрытой наготе, цинизме и откровенности, не знающей стыда. Если до XX в. человечество решало вслед за эльсинорским принцем вопрос: «Быть или не быть?» — то Брехт со всей прямотой задал в своих знаменитых пьесах другой вопрос: «Как выжить в жизненной схватке?»

Выдающийся театральный реформатор создал систему «эпического театра» с ее «отчуждением», ироническим пафосом, насмешливыми и агрессивными балладами, в которых скрыта затихающая мелодия человеческой души и невидимых миру рыданий. Когда в конце 1950-х гг. Брехт привез свой «Берлинер Ансамбль» на гастроли в Москву, это был мощный эстетический шок. Хелену Вайгель — мамашу Кураж, которая бесстыдным хриплым голосом продолжала торговаться из-за грошей, после того как всех ее детей забрала война, — зрители запомнили надолго.

И все-таки одной из важнейших фигур, определивших духовную атмосферу своего века, Брехт стал не потому, что открыл новую театральную систему. А потому, что решился с вызывающей прямолинейностью лишить человека спасительного покрывала традиционной психологии, морали, психологических коллизий, — он безжалостно разодрал все это «гуманистическое» кружево и, подобно хирургу, вскрыл в человеке и человеческих отношениях, даже лирических, интимных, их «популярную механику».

Брехт дерзко лишил человечество всяческих иллюзий относительно себя. Когда высокие истины пали в цене, он резко снизил в цене и высокие жанры: писал «трехгрошовые» оперы, оперы нищих. Его философия мира и человека, равно как и театральная эстетика, были неприкрыто бедны. Брехт не побоялся показать человеку его портрет без мистики, психологии и душевного привычного тепла; словно специально, заглушал в себе и в своих зрителях душевную печаль и сердечную боль. Он с отстраненной, почти бессердечной холодностью демонстрировал в своих пьесах некое всемирное люмпенство. Поэтому совершенно справедливо был увенчан титулом «проклятого поэта».

Бертольд Брехт родился 10 февраля 1898 г. в Аугсбурге в семье владельца бумажной фабрики. Закончив реальное училище, изучал философию и медицину в Мюнхенском университете,

принимал участие в Первой мировой войне. В студенческие годы написал пьесы «Ваал» и «Барабаны в ночи».

Виланд Герцфельде, основатель знаменитого издательства «Малик», как-то заметил: «Бертольд Брехт был своего рода предшественником сексуальной революции. И даже, как видно теперь, одним из ее пророков. Всем наслаждениям жизни этот искатель истины предпочитал два сладострастия — сладострастие новой мысли и сладострастие любви…»

Из увлечений юности Брехта прежде всего следует упомянуть дочь аугсбургского врача Паулу Бинхольц, которая в

1919 г. родила ему сына Франка. Чуть позже его сердце покорила темнокожая студентка медицинского института в Аугсбурге Хедди Кун. В 1920 г. любовница Брехта Дора Манхайм познакомила его со своей подругой Элизабет Гауптманн — наполовину англичанкой, наполовину немкой, также ставшей впоследствии его любовницей. В ту пору Брехт выглядел как молодой волк, худой и остроумный, стригущийся наголо и позирующий перед фотографами в кожаном пальто. В зубах у него — неизменная сигара победителя, вокруг него — свита поклонников. Он дружил с кинематографистами, хореографами, музыкантами.

В январе 1922 г. Брехт впервые входит в настоящий театр не как зритель, а как режиссер. Он начинает, но не заканчивает работу над пьесой своего друга А. Броннена «Отцеубийство». Но не бросает этой затеи, решает ставить экспрессионистскую пьесу по-своему, подавляет пафос и декларацию, требует отчетливой осмысленности в произношении каждого слова, каждой реплики.

В конце сентября состоялся первый спектакль Брехта-режиссера, а за ним появляется и первая драма Брехта-драматурга. В Мюнхене в Камерном театре режиссер Фалькенберг поставил «Барабаны». Успех и признание, к которым так тяжело шел молодой писатель, приходят во всей своей красе. Драма «Барабаны в ночи» завоевала премию Клейста, а ее автор стал драматургом Камерного театра и попал в дом к известному писателю Лиону Фейхтвангеру. Здесь Брехт покорил баварскую писательницу Мари-Луизу Фляйсер, которая позже стала его подругой и безотказной сотрудницей.

В ноябре того же года Бертольд был вынужден жениться на мюнхенской оперной певице Марианне Цофф, после того как она дважды забеременела от него. Правда, брак оказался недолгим. Их дочь Ханне Хиоб стала впоследствии исполнительницей ролей в пьесах своего отца. В этот период начинающий драматург познакомился с актрисой Каролой Неер, которая через некоторое время стала его любовницей.

Осенью 1924 г. Бертольд переехал в Берлин, получив место драматурга в Немецком театре у М. Рейнхардта. Здесь он познакомился с Хеленой Вайгель, своей будущей женой, которая родила ему сына Стефана. Примерно в 1926 г. Брехт стал свободным художником, читал Маркса и Ленина, окончательно убеждаясь в том, что главной целью и смыслом его творчества должна стать борьба за социалистическую революцию. Опыт Первой мировой войны сделал писателя противником войн и стал одной из причин его обращения к марксизму.

В следующем году вышла первая книга стихов Брехта, а также короткая версия пьесы «Зонгшпиль Махагони» — первой его работы в сотрудничестве с талантливым композитором Куртом Вайлем. Их следующее, самое значительное произведение — «Трехгрошовая опера» (вольная переработка пьесы английского драматурга Джона Гэя «Опера нищих») — было с огромным успехом показано 31 августа 1928 г. в Берлине, а затем во всей Германии. С этого момента вплоть до прихода к власти фашистов Брехт написал пять мюзиклов, известных как «учебные пьесы», на музыку К. Вайля, П. Хиндемита и Х. Эйслера.

В 1930 г. он создал новую оперу «Подъем и падение города Махагони», где развил мотивы предыдущих пьес. Там еще откровеннее, чем в «Трехгрошовой опере», прямолинейно, даже упрощенно высмеивается буржуазная мораль, а заодно и романтическая идеализация Америки. Музыку написал давний единомышленник Брехта — Курт Вайль. На первой же постановке в Лейпцигской опере, которая состоялась 9 марта, разразился скандал. Часть зрителей свистела, шикала, топала ногами, но большинство рукоплескало. В нескольких местах возникли драки, и свистунов выводили из зала. Скандалы повторялись на каждом спектакле в Лейпциге, а позднее и в других городах. А уже в январе 1933 г. на улицах немецких городов стали ежедневно происходить кровавые стычки. Штурмовики, часто уже при прямой поддержке полицейских, атаковали рабочие демонстрации и забастовочные пикеты. И это уже никак не было связано с театром Брехта, скорее, это было реакцией «зрителя» на действия театра политического.

В это время Брехт выписался из больницы, где его долго держал тяжелейший грипп с осложнениями. В обстановке всеобщего хаоса драматург не мог чувствовать себя в безопасности. Хелена Вайгель, ставшая к тому времени второй женой Брехта и ведущей актрисой брехтовских спектаклей, быстро собралась, и 28 февраля 1933 г., на следующий день после поджога рейхстага, они выехали с сыном в Прагу. Родившуюся же недавно дочь пока отправили в Аугсбург.

Брехт с семьей поселился в Дании и уже в 1935 г. был лишен немецкого гражданства. Вдали от родины драматург писал стихи и скетчи для антинацистских движений, а в 1938–1941 гг. создал четыре самые крупные свои пьесы — «Жизнь Галилея», «Мамаша Кураж и ее дети», «Добрый человек из Сезуана» и «Господин Пунтила и его слуга Матти».

В 1939 г. вспыхнула Вторая мировая война. Волна возмущения и нежелания подчиняться германскому диктатору прокатилась по Европе. Антифашистские конгрессы в Испании и в Париже осуждали войну, стремясь предупредить разъяренную националистическим призывом толпу. Богачи жаждали выгод от войны, они были готовы подчиняться фанатичной армии, которая принесет им реальные деньги, беднота шла в бой с одной лишь целью — наворовать себе богатства в других странах, они становились королями жизни, им подчинялся весь мир. Быть в авангарде такого движения, рвать глотку, пытаясь доказать тупой толпе что-то, — этот путь был не для философа Брехта.

Оказавшись в стороне от шума общественной жизни, Брехт начал работу над формулировкой основ «эпического театра». Выступая против внешнего драматизма, необходимости сострадать своим героям, выявляя «плохое» и «хорошее» в их личностных характеристиках, Брехт выступал и против других традиционных признаков драмы и театра. Он был против «вживания» актера в образ, при котором тот отождествляет себя с персонажем; против самозабвенной веры зрителя в правдивость происходящего на сцене; против «четвертой стены», когда актеры играют так, будто нет зрительного зала; против слез умиления, восторга, сочувствия. Этим система Брехта была противоположна системе Станиславского. Важнейшим словом здесь было слово «смысл». Зритель должен задуматься над изображаемым, попытаться осмыслить его, сделать выводы для себя, для общества. В этом с помощью соответствующих «приемов очуждения» ему должен помочь театр. Особенностью брехтовской эстетики было то, что его спектакли предъявляли к публике требование овладеть «искусством быть зрителем». Поскольку в постановках его театра основное внимание уделялось отношениям персонажей, то зрителей нацеливали не на развязку спектакля, а на весь ход действия.

В 1940 г. нацисты вторглись в Данию, и писатель-антифашист был вынужден уехать в Швецию, а затем в Финляндию. А в следующем году Брехт проездом через СССР очутился в Калифорнии. Несмотря на стойкую репутацию «оголтелого марксиста», он сумел поставить в США несколько своих пьес и даже работал на Голливуд. Здесь он написал «Кавказский

меловой круг» и еще две пьесы, а также работал над английской версией «Галилея».

В 1947 г. драматургу пришлось отвечать на обвинения, выдвинутые против него Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, а затем и вовсе покинуть Америку. В конце года он оказался в Цюрихе, где создал свое главное теоретическое произведение «Краткий театральный Органон», название которого перекликалось с названием знаменитого трактата Фрэнсиса Бэкона «Новый Органон». В этой работе Брехт изложил свои взгляды на искусство вообще и на театр, как жанр искусства, в частности. Кроме этого, он написал последнюю завершенную пьесу «Дни Коммуны».

В октябре 1948 г. драматург переехал в советский сектор Берлина, и уже в январе следующего года там состоялась премьера «Мамаши Кураж» в его постановке, с женой Хеленой Вайгель в главной роли. Тогда же они вдвоем основали собственную труппу «Берлинер Ансамбль», которой этот творец «эпического театра» и великий лирик руководил до самой смерти. Для своего театра Брехт адаптировал или поставил примерно двенадцать пьес. В марте 1954 г. коллектив получил статус государственного театра.

В последнее время все чаще стали появляться публикации, из которых следует, что великий немецкий драматург почти ничего не написал сам, а пользовался талантами своих секретарей, которые одновременно были и его любовницами. К такому выводу пришел, в том числе, и самый серьезный исследователь творчества и биографии Бертольда Брехта американский профессор Джон Фьюэджи. Он посвятил делу своей жизни более тридцати лет, в результате чего издал книгу о Брехте, вышедшую в Париже и насчитывающую 848 страниц.

Работая над своей книгой, он опросил сотни людей в ГДР и Советском Союзе, близко знавших Брехта. Он беседовал с вдовой драматурга и его помощницами, изучил тысячи документов, в том числе и архивы в Берлине, долгое время находившиеся под замком. Кроме того, Фьюэджи получил доступ к рукописям Брехта и неизвестным ранее материалам, хранившимся в Гарвардском университете. Рукописные варианты большинства произведений великого немецкого писателя и драматурга написаны не его рукой.

Оказалось, что Бертольд диктовал их своим любовницам. Все они готовили ему еду, стирали и гладили вещи и… писали для него пьесы, не говоря уже о том, что Брехт использовал своих пассий в качестве личных секретарей. За все это драматург расплачивался с ними сексом. Его девизом были слова: «Немного

секса для хорошего текста». Кроме этого, стало известно, что в 1930-х гг. будущий пламенный антифашист и верный ленинец не только не осуждал нацистов, но и советовал своему брату вступить в национал-социалистическую партию.

Многолетние исследования позволили американскому профессору сделать вывод, что автором «Песни Алабамы» является одна из литературных секретарей Брехта — дочь вестфальского врача студентка Элизабет Гауптманн. Она блестяще знала английскую литературу, и Брехт частенько использовал ее как золотоносную жилу для выбора темы своих произведений. Именно Элизабет была автором первых набросков «Трехгрошовой оперы», «Взлета и падения города Махагони». Драматургу оставалось лишь отредактировать то, что она написала. По словам Элизабет Гауптманн, именно она познакомила Брехта с японскими и китайскими классическими трудами, которые драматург потом использовал в своих сочинениях.

Актриса Хелена Вайгель была сначала любовницей, а потом и женой Брехта. Смирившись с бесконечными любовными похождениями мужа, Хелена купила пишущую машинку и сама перепечатывала его произведения, по ходу редактируя тексты.

С писательницей и актрисой Рут Берлау Бертольд познакомился в 1933 г. в Дании. Из-за него «восходящая звезда» Королевского театра развелась с мужем и отправилась вместе с писателем-антифашистом в изгнание в Америку. Биографы Брехта полагают, что Рут написала пьесу «Кавказский меловой круг» и «Сны Симоны Машар». Во всяком случае, он сам свидетельствовал о литературном сотрудничестве с красивой скандинавкой. В одном из его писем к Берлау есть такие слова: «Мы — два драматурга, пишущих произведения в совместной творческой работе».

И наконец, еще одна любовь Бертольда — дочь каменщика с берлинской окраины Маргарет Штеффин. Есть предположения, что она написала пьесы «Добрый человек из Сезуана» и «Круглоголовые и остроголовые». На обороте титульных листов шести пьес Брехта: «Жизнь Галилея», «Карьера Артуро Уи», «Страх и отчаяние», «Горации и Курации», «Винтовки Тересы Каррар» и «Допрос Лукулла» мелким шрифтом набрано: «В сотрудничестве с М. Штеффин». Кроме того, по мнению литературоведа из Германии Ганса Бунте, то, что Маргарет внесла в «Трехгрошовый роман» и «Дела Юлия Цезаря», невозможно отделить от написанного Брехтом.

Маргарет Штеффин повстречалась на пути начинающего драматурга в 1930 г. Дочь берлинского пролетария знала шесть

иностранных языков, обладала врожденной музыкальностью, несомненными артистическими и литературными способностями — иными словами, ей было вполне по силам воплотить свое дарование в значительное произведение искусства, которому была бы суждена жизнь более долгая, чем его создателю.

Впрочем, свой жизненный и творческий путь Штеффин избрала сама, избрала вполне сознательно, по собственной воле отрекшись от доли творца и выбрав для себя участь соавтора Брехта. Она была стенографисткой, делопроизводителем, референтом… Только двух людей из своего окружения Бертольд называл своими учителями: Фейхтвангера и Штеффин. Эта хрупкая белокурая скромная женщина участвовала сначала в левом молодежном движении, затем вступила в коммунистическую партию Германии. Ее сотрудничество с Бертольтом Брехтом продолжалось почти десять лет.

Тайна и отправная точка отношений безымянных соавторов к выдающемуся немецкому драматургу заключены в слове «любовь». Та же Штеффин любила Брехта, и ее верное, буквально до гробовой доски литературное служение ему явились, надо полагать, во многом лишь средством выражения ее любви. Она писала: «Я любила любовь. Но любовь не такую: „Скоро ли мы сделаем мальчика?“ Думая об этом, я ненавидела подобную размазню. Когда любовь не приносит радости. За четыре года я только однажды ощутила сходный страстный восторг, сходное наслаждение. Но что это было такое, я не знала. Ведь это мелькнуло во сне и, значит, не происходило со мной никогда. А теперь мы тут. Люблю ли я тебя, сама не знаю. Однако остаться с тобой желаю каждую ночь. Едва ты касаешься меня, мне уже хочется лечь. Ни стыд, ни оглядка не противятся этому. Все заслоняет другое…»

Были ли женщины Брехта его жертвами? Коллега драматурга, писатель Леон Фейхтвангер характеризовал его так: «Бертольд отдавал свой талант бескорыстно и щедро — больше, чем требовал». Требовал же творец «эпического театра» полной самоотдачи. А женщины? Женщины действительно любили отдаваться ему.

Брехт всегда был спорной фигурой, особенно в расколотой Германии последних лет его жизни. В июне 1953 г., после беспорядков в Восточном Берлине его упрекали в лояльности режиму, и многие западногерманские театры бойкотировали его пьесы. В 1954 г. так и не ставший коммунистом всемирно известный драматург получил международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами».

Умер Бертольд Брехт в Восточном Берлине 14 августа 1956 г.

Его похоронили рядом с могилой Гегеля.

В наших театрах Брехт сегодня идет редко. На него нет моды. Собственно, принципы его театральной системы, его «эпического театра» в чистом виде никогда на нашей театральной почве прижиться и не могли. В знаменитом любимовском «Добром человеке из Сезуана», с которого в 1963 г. началась легендарная Таганка, по выражению критики тех лет, «к брехтовской дидактике и беспощадным формулам была подмешана капля русской, цветаевской крови». Таганские актеры там неподражаемо сердечно пели под гитары стихи Марины Цветаевой, нарушая чистоту системы…

Как бы то ни было, но к своему столетию Брехт снова поднимается в цене. Потерянному поколению при всех великих депрессиях, на которые не скупился XX в., не меньше, чем вера в добро и чудо, необходима брехтовская трезвость мысли, неангажированная никакими, пусть даже самыми красивыми и гуманистическими идеями и лозунгами.

Вадим Роже

Настоящее имя Вадим Игоревич Племянников (род. в 1928 г. — ум. в 2000 г.)

Французский актер и кинорежиссер русского происхождения, автор картин, «обреченных» на сенсационный успех. Он доказал публике, что может снимать фильмы, способные рассчитывать не только на зрительский успех, но и на уважение критиков. Но более всего он знаменит как режиссер, «зажигавший звезды».

Когда уходит из жизни художник, обычно вспоминают о его творчестве. А когда умер французский кинорежиссер Роже Вадим, только и разговору было, что о его женщинах. Объяснение тут

простое: в них отразилось все его творчество. Они становились его женами, а он возводил их на пьедестал киноискусства. Им поклонялись все мужчины, и все они ему завидовали…

Будущий режиссер Вадим Племянников родился 26 января 1928 г. в семье русского эмигранта и француженки из Прованса. Детство будущего возмутителя спокойствия французских буржуа прошло в Египте и Турции, где его отец находился с различными дипломатическими миссиями. После смерти отца в 33-летнем возрасте мать с сыном перебрались на юг Франции, а по окончании войны — в Париж. Здесь Вадим меняет несколько лицеев, становится бакалавром по профилю общественных наук, но театр привлекает его гораздо больше. Театральная специфика заставляет его взять псевдоним. Так русский Вадим Племянников стал французом — Роже Вадимом. «В том, что касается воспитания и культуры, я, конечно, француз, — говорил он. — Но в отношении к жизни в отличие от французов-прагматиков я, видимо, скорее русский».

Вадим учился актерскому мастерству у Шарля Дюллена и исполнил несколько небольших ролей в пьесах «Король Лир», «Капитан Смит» и «Солдат и волшебница». Тогда же он написал роман, в котором достаточно неумело попытался передать атмосферу послевоенного Парижа, и показал его престарелому мэтру — Андре Жиду. Живой классик не оставил камня на камне от опуса начинающего автора, однако познакомил Вадима с маститым кинорежиссером Марком Аллегре. Режиссер взял 18-летнего юношу сначала своим ассистентом, а потом и соавтором киносценария.

Для нового фильма была нужна главная героиня, поисками которой и занимался молодой помощник режиссера. Неожиданно Роже нашел то, что искал, на обложке журнала «Эль».

Брижит Бардо, 15-летняя девочка из обеспеченной и добропорядочной парижской семьи, умудрилась по недосмотру родителей дважды попасть на обложку модного журнала. Правда, первый раз почти случайно и на заднем плане. Но для опытных фотографов этого оказалось достаточно — она была замечена. Теперь Брижит не сомневалась, что скоро ее обязательно пригласят сниматься в кино. Ее родители строили относительно дочери совсем другие планы: с ее внешностью она вполне могла бы сделать блестящую партию — выйти замуж за банкира, промышленника или даже за министра. Возможно, так оно все бы и случилось, если бы этот журнал с Брижит не попался на глаза начинающему ассистенту.

Когда Брижит пригласили на кинопробы, она была на седьмом небе от счастья. Брижит явилась домой к Марку Аллегре

— разумеется, в сопровождении мамы. Сам режиссер встретил дам в прихожей. В гостиной в кресле, вытянув ноги через полкомнаты, сидел Роже Вадим. Густые брови, черные глаза, сигарета чуть подрагивает в длинных пальцах. Брижит стало не по себе: так на нее еще никто не смотрел. Но маме он не понравился: длинные волосы, шотландская рубашка, неглаженые брюки — чего еще ожидать от киношников!

Когда выяснилось, что Брижит и Вадим серьезно влюблены и вообще собираются пожениться, родители поставили условие: жених должен найти постоянную работу. Пришлось устроиться репортером в «Пари-Матч». Три года влюбленные ждали, пока Брижит исполнится восемнадцать. Вопреки желанию родителей, 19 декабря 1952 г. в жизни молодых людей произошло переломное событие — в мэрии 16-го округа Парижа был официально зарегистрирован брак Брижит Бардо и Вадима Племянникова. Венчание было намечено на следующий день.

Свадебный ужин проходил в доме Бардо на улице Помп. Вечером, когда гости разошлись, новоиспеченный муж на законных основаниях отправился в спальню вслед за Брижит. Папаша Бардо преградил ему дорогу: «Ничего такого в моем доме, пока вы не будете женаты!» «Но мы женаты!» — закричали молодые. Папа не сдавался: «Ничего такого в моем доме до венчания!» Слегка придя в себя, Брижит уже собралась было закатить грандиозный скандал, но Вадим остановил ее. И послушно отправился ночевать в другую комнату.

Молодые безумно любили друг друга, и все было бы замечательно, если бы не изнуряющие бытовые неурядицы. Позже, в 1959 г., Брижит Бардо вспоминала: «В те годы мы страшно бедствовали. Ничего у нас не клеилось. Мы познали малоприятные последствия отсутствия денег. Эту усталость безнадежности и повседневную рутину, убивающую любовь, абсурдные ссоры по мелочам. Вадим был готов на все, чтобы заработать хоть немного денег». Да, малютке Брижит пришлось нелегко. Она снялась уже в 16 фильмах, и ни один не был серьезно замечен ни критикой, ни зрителями.

Так они жили четыре года. А в 1956 г. появилось кинематографическое чудо — Брижит Бардо в фильме Роже Вадима «И Бог создал женщину…» Молодая жена начинающего режиссера сыграла в нем саму себя: искреннюю в чувствах и готовую к неверности, ту самую, о которой мечтали мужчины в преддверии «сексуальной революции». Французские критики называли этот фильм «скандальным», «провокационным», а главную героиню «животной и необузданной». В Америке картина имела сногсшибательный успех.

Образ Жюльетты, придуманный Роже Вадимом и воплощенный его женой, стал символом французского кино 50-х. Женщину-миф по имени Брижит Бардо создал, несомненно, Роже Вадим — муж и режиссер. Он сгладил угловатые манеры девочки-подростка, поселил мерцающие огоньки в ее глазах, он научил ее быть сексуальной и свободной. Он открыл ей дорогу в кино, к славе, и по этой дороге она от него ушла.

Все началось на съемках того самого фильма. Хмуря брови и крутя в руках незажженную сигарету, Вадим просматривал отснятый материал. Подумать только, он ведь сам нашел ей партнера — никому тогда не известного молодого актера. Забавно, но Жан-Луи Трентиньян с первого взгляда ужасно не понравился Брижит. Не так чтобы красив, и маленького роста, и вообще… Что, интересно, такого разглядел в нем ее Роже? Позже она поняла что. Чувства, которые они изображали перед камерой, скоро перестали быть только игрой. Первым это понял, как ни странно, муж — он же режиссер, вынужденный по ту сторону камеры наблюдать за развитием романа собственной жены.

Кем была до встречи с Роже Вадимом Брижит Бардо? Да никем, начинающей фотомоделью с неясным будущим. Тогда даже Вадим еще не был настоящим режиссером. Теперь же фильмы с участием Бардо приносили Франции больше дохода, чем экспорт автомобилей. Однако прошло совсем немного времени, и в 1957 г. кинорежиссер и актриса разошлись. Но не разошлись их пути в кино. Брижит Бардо снялась еще в четырех его фильмах. Последний из них — «Женщина, как я» вышел на экран в 1972 г. А в следующем году еще молодая актриса навсегда ушла из кино. Добровольно, несмотря на мольбы многочисленных режиссеров. «Вадиму я верила слепо», — признавалась Брижит.

Когда датчанка Аннет Стройберг приехала в Париж в конце 1950-х гг., в ее активе числились длинные ноги, загорелое тело и платиновые волосы. Она считала, что этого более чем достаточно для достижения ее цели: во-первых, выйти замуж; во-вторых, сниматься в кино. Повертевшись в околокиношных кругах, Аннет быстро вычислила, кто может ей помочь — конечно же Роже Вадим, тем более что вот уже четвертый сезон он одинок, заброшен, покинут… в том смысле, что не женат. Наследница воинственных норманнов, 19-летняя Аннет не раздумывая отправилась из Парижа в захолустный рыбацкий порт Сен-Тропе на завоевание засевшего в своей берлоге холостяка.

Там на морском берегу Роже Вадим впервые стал объектом охоты, или соблазнения, — и нельзя сказать, что ему это не понравилось. Аннет прелестна, и к тому же она так влюблена.

Подумать только, чтобы купить ему подарок на день рождения, она продала свое единственное вечернее платье. И правильно — без платья она выглядит намного лучше…

В общем, Аннет добилась своего: 17 июня 1958 г. Роже женился на ней и, по своему обыкновению, начал снимать ее в кино. Вскоре выяснилось, что у мадам Вадим напрочь отсутствует актерское дарование, зато имеется амбициозность в сочетании с нежеланием учиться хотя бы чему-нибудь, в том числе французскому произношению. Режиссерская жена считала, что все эти «мелочи» — забота Вадима и он все подправит с помощью своих профессиональных штучек. Он снял ее в «Опасных связях 1960» вместе с Жераром Филипом и Жанной Моро. Роль Аннет в следующем фильме «…И умереть от наслаждения» критике не понравилась: «Юная Стройберг больше похожа на манекенщицу, чем на актрису». Аннет была удивлена — нет, она была просто вне себя от ярости и обвиняла во всем своего мужа.

Аннет Стройберг родила Вадиму прелестную дочурку Натали, но это обстоятельство мало повлияло на ее взбалмошный характер и отношение к мужу. Все чаще и чаще она не ночевала дома и путалась с какими-то безвестными любовниками. Аннет могла просто встать посреди ужина и уйти — всегда без объяснений, иногда с небольшой показательной истерикой. Роже горевал по этому поводу недолго: жена перестала для него существовать, а дочь он никогда от себя не отпускал.

В 1961 г. в баре парижского «Эпи-Клюб», где собирались молодые режиссеры и актеры, модели и фотографы, Роже разговаривал с эффектной блондинкой, актрисой Франсуазой Дорлеак. Вадим честно старался смотреть на собеседницу, но его взгляд как магнитом притягивала сидящая рядом девушка, очень похожая на Франсуазу, только темноволосая и неброско одетая. Она явно чувствовала себя скованно и молча вертела пальцами ножку бокала. Вадим знал, что младшую сестру Франсуазы зовут Катрин, она тоже актриса, и у нее даже есть псевдоним, девичья фамилия матери — Денев.

Вадим решил про себя: «Не знаю, что я сделаю, но эту девушку я не отпущу!» Вскоре Роже и Катрин дружески болтали в мини-баре студии, где снималась Франсуаза. А еще через пару часов окончательно потерявший голову режиссер вспомнил, где прячет ключ от своей квартиры один из его приятелей, который как раз был в отъезде. Они были знакомы несколько часов. Катрин было 17 лет, а ее новому другу — 32, и он, между прочим, был еще женат…

Потом были частые свидания — уже в доме Роже, хотя и существовала опасность внезапного возвращения блуждающей

Аннет, поездка в Бийанкур, где Вадим работал над очередным фильмом с Бардо. Именно Брижит первой разглядела в юной Катрин по-настоящему сильную женщину. «Ты не подумай, дорогой, что я ревную, — сказала она как-то Вадиму в перерыве между съемками, — но с ней тебе придется нелегко, у нее сильный характер».

В 1962 г. у знаменитого режиссера Роже Вадима уже была новая квартира — просторная и солнечная, с видом на Булонский лес. Катрин пришла туда как хозяйка и прекрасно справлялась с этой ролью. Теперь они жили все вместе: Роже,

Катрин и маленькая Натали. Вадим чувствовал себя по-настоящему счастливым. Застенчивая девочка превратилась в светскую даму. Режиссер конечно же вознамерился снимать ее в своем фильме, но любовница неожиданно уперлась: она не хочет идти по легкому пути, ей надо сначала набраться мастерства и опыта. И согласилась на второстепенную роль в фильме, который не сулил ей успеха. Верный своему принципу «гранильщика бриллиантов», Вадим все же снял Денев в своем фильме «Порок и добродетель» — и фильм практически провалился.

Постепенно Катрин начало раздражать то, что когда-то нравилось: толпы гостей, шумные вечеринки, богемная жизнь своего любовника, который часто являлся за полночь и не сообщал о том, что задерживается. Вадиму в свою очередь не нравились перемены, которые происходили с Денев, хотя это он сам научил ее уделять больше внимания одежде и прическам, выбирать дорогую обувь и «тяжелые» духи со сладким, почти приторным запахом. Катрин перекрасилась в блондинку и стала дерзить Роже на каждом шагу, все больше отдаляясь от него и становясь какой-то чужой. Ну как тут не вспомнить слова Брижит Бардо? И Вадим решает: надо срочно жениться. К тому же вскоре выяснилось, что Денев ждет ребенка. Брачный контракт был составлен и подписан. Оставалась одна маленькая формальность — оформить развод с Аннет Стройберг.

Однако именно это обстоятельство и стало камнем преткновения в их отношениях. Аннет позвонила своему мужу и заявила: «Я слышала, ты собрался жениться? Прекрасно. Поздравляю тебя, милый. Только имей в виду: если ты на ней женишься, я заберу Натали». Вадим растерянно смотрел на Катрин. Он видел, как ее широко открытые золотистые глаза сужаются и темнеют. «Я никому не хочу причинить боли», — отчетливо выговорила она и, повернувшись, вышла из комнаты.

В 1963 г. Катрин Денев родила Вадиму сына Кристиана, который впоследствии пошел по стопам родителей и тоже стал актером. Лето они все вместе провели в Сен-Тропе и постоянно

ссорились. Вадим утверждал, что у Катрин был роман с Джонни Холлидеем, ее партнером по фильму «Парижанки». Мол, это из-за него она изменила свой стиль, стала носить богемные юбки в пол… Как это глупо и скучно! Ей надоело оправдываться. А впрочем, все равно, скоро она уедет на съемки: «очаровательная, сентиментальная картана, что-то вроде мюзикла, забыла, как называется — какие-то зонтики».

Фильм «Шербурские зонтики» Жака Деми получил «Золотую пальмовую ветвь» в Каннах и сделал Катрин Денев звездой. Вадим был искренне доволен: он не ошибся в своем выборе, Катрин действительно великолепная актриса. Чувство творческого удовлетворения сблизило их еще на некоторое время. Но в один прекрасный день, придя домой, Роже застал ее собирающей чемодан. «Мне нужно уехать. Я потом тебе все объясню», — решительно пресекла она попытку любовника что-либо спросить. И ушла. Вадим испугался: похоже, она действительно решила его бросить. И был очень рад, когда она неожиданно вернулась — разумеется, ничего не объясняя. Но его неприятно поразил вид вернувшейся Катрин — она выглядела счастливой. У него не хватило духу потребовать объяснений.

Отношения режиссера с актрисой за все время их связи были далеко не безоблачны. У них действительно были разные характеры. У нее, во всяком случае, не менее сильный, чем у Вадима. Как-то в припадке гнева она бросила ему: «Ты что, принимаешь меня за Бардо?» Он ответил жестко: «Мне трудно объяснить разницу между бриллиантом и бутылочным стеклом». Сравнение не в пользу Денев, которую он считал «деспотичной домохозяйкой, склонной к эротическим фантазиям». Катрин позже напишет: «Моим настоящим и моим будущим я обязана Вадиму, при нем я всегда дрожала, потому что он считал меня ничего не знающей и ни на что не пригодной. Выйдя из его тени, я обрела уверенность в себе. Он мне напишет: „Извини, что я не понял, чего ты стоишь“». Что ж, художникам тоже свойственно ошибаться…

А через три дня в ресторане «Максим» Роже Вадим познакомился с хорошенькой американкой по имени Джейн. Его друг представил ее как дочь знаменитого актера Генри Фонда. Вадим благополучно забыл о ней, как только вышел из ресторана. Ему тогда и в голову не могло прийти, что эта девушка станет его женой.

В 1963 г. Джейн было 26 лет, и она была взрослой, самостоятельной и профессиональной актрисой. Большинство режиссеров, правда, видели в ней лишь фактуру — и Фонда это прекрасно понимала. Ей казалось, что в Европе она сможет

наконец избавиться от надоевшего амплуа «хорошенькой кошечки» и получить серьезную роль. Поэтому ее насторожило предложение сняться в фильме Роже Вадима: она была наслышана о нем как о «творце звезд» и известном сердцееде. Не надо из нее ничего делать, она сама прекрасно все знает и умеет. И в Европу она приехала вовсе не за этим. Нет уж, у Вадима ничего не выйдет! Хотя, конечно, кто ей мешает пойти с ним на встречу и немножко поговорить?

Встреча состоялась в номере лос-анджелесского отеля «Беверли-Хиллз» и продолжалась всего несколько минут. После того как Джейн ушла, обещав обдумать предложение, Вадим некоторое время напряженно размышлял: что его так поразило в этой девушке — ее откровенная прагматичность, деловитость, подчеркнутая небрежность облика? Или естественность, природная красота и обаяние, без наслоений косметики, нарядов и кокетства? Фонда произвела на Роже впечатление, прямо противоположное тому, что собиралась, — она очаровала его. Сама Джейн вернулась от режиссера с чувством смутной тревоги: произошло что-то, что совершенно не входило в ее планы. Вскоре Вадим получил ответ, напечатанный на машинке и подписанный агентом Джейн: «Мисс Фонда не видит возможности работать с вами…»

Когда Роже подыскивал подходящую блондинку на главную роль в фильме «Анжелика, маркиза ангелов», он направил предложение эффектной американке, которую не забыл. Ответ опять был напечатан на машинке и подписан агентом: «Мисс Фонда не видит возможности…» Что ж, подождем. Третье предложение Джейн приняла.

Однажды Вадим сидел с приятелем в баре парижской студии «Эпине» и пил пиво. За окнами барабанил дождь. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Джейн Фонда — в плаще, наброшенном поверх ночной рубашки, с трудом переводя дыхание. После съемок в постельной сцене она перебежала под дождем через двор, чтобы выпить кофе в студийном баре. Роже медленно поставил стакан мимо столика, встал, опрокинув стул, и, не замечая удивленного взгляд приятеля, направился к Джейн: «Мисс Фонда, мне кажется, вам срочно нужна помощь мсье Мартеля — если вы не выпьете коньяка, вы простудитесь. Нет-нет, не вздумайте отказываться, как режиссер я отвечаю за ваше состояние…»

Через два часа заботливый режиссер повез Джейн в ее отель и поднялся в номер — продолжить курс лечения. Вернувшись утром домой, Вадим вспомнил, что у него есть семья, дети, Катрин… Предстоял неприятный разговор. Катрин Денев выслушала его с

обычным своим непроницаемым видом — и согласилась на разрыв без видимого огорчения. Они уже давно были чужими.

Вадим был в восхищении от Джейн — его любимая оказалась прекрасной актрисой. Только вот под маской сильной женщины скрывалась уязвимая, застенчивая, неуверенная в себе девочка. Кроме того, она никак не соглашалась выйти за него замуж. Вадим внушил ей уверенность в собственных силах и уговорил, наконец, узаконить их отношения.

Они поженились в 1965 г. в Лос-Анджелесе, в отеле «Дюна», тихо и без помпы — на церемонии присутствовали только восемь человек. Через пять дней в Лондоне Катрин Денев вышла замуж за известного фотографа Дэвида Бейли. Вскоре и Брижит Бардо наконец устроила свою личную жизнь: она вышла замуж за миллиардера Гюнтера Закса.

Однажды на съемках фильма «Карусель» с Фондой в главной роли Вадим неудачно упал и сломал руку. Присутствовавшая здесь же в павильоне Аннет Стройберг бросилась вызывать «скорую», а Джейн Фонда, уронив оператора, — за льдом. Узнав о случившемся, с соседней площадки прибежала Катрин Денев. В клинику режиссера повезли все вместе. Когда пострадавшего грузили в машину, мимо на такси проезжала… Брижит Бардо. Увидев своего бывшего благоверного на санитарной каталке, она распахнула дверцу, едва не спровоцировав аварию, и бросилась на помощь. Можно представить лица врачей, увидевших сразу четырех кинодив вокруг бледного, но, должно быть, счастливого Роже Вадима.

Почти не прекращая сниматься, Джейн Фонда родила мужу дочь Ванессу, а когда ребенку исполнился год, заявила: «Достигнув 32 лет, я обнаружила, что потеряла 32 года своей жизни». И увлеклась политикой: «В жизни должна быть цель!» Вадиму это увлечение жены не нравилось. Но Джейн не желала ничего слышать. Теперь она говорила только о социальной несправедливости, о правах женщин, индейцев и негров, что сильно утомляло мужа. Он понимал, что их любовь осталась в прошлом — на пляжах Калифорнии или в Сен-Тропе, но предоставлял Джейн право первой сказать об этом. Зимой 1972 г. супруга заявила, что хочет развода, — она ждет ребенка от Тома Хейдена, известного политика, и хочет выйти за него замуж.

Как и со всеми своими женами, Роже Вадим сохранил прекрасные отношения и с Джейн Фондой. Он даже устраивал в своей парижской квартире ее встречи с крайне левыми политиками, которых сильно недолюбливал.

Помимо своих жен знаменитый режиссер снимал молодую Марину Влади (Полякову-Байдарову) в фильме «Семь смертных

грехов», итальянку Монику Вити в фильме «Замок в Швеции» по пьесе молодой французской писательницы Франсуазы Саган. Но, конечно, не все женщины Роже Вадима стали кинозвездами. Не стала ею и четвертая по счету его жена Катрин Шнайдер, на которой Роже женился в 1974 г. Но ей это было и не нужно. Дочь французского «сталелитейного короля» подарила Вадиму еще одного ребенка — сына Ваню. Через год они разошлись, оставшись добрыми друзьями и даже соседями по подъезду.

Когда Роже Вадима спрашивали, есть ли у него магическая формула покорения сердец, маэстро отвечал: «Должен вас разочаровать, нет у меня никаких ни формул, ни рецептов. Я, видимо, наделен какой-то внутренней антенной, позволяющей улавливать желания слабого пола. В противоположность донжуану, который подчиняет их своей воле, превращает в рабынь, я стремлюсь понять женскую душу, все, что ее волнует и беспокоит. И мне обычно отвечают взаимностью».

Этот статный, красивый мужчина, интеллектуал в полном смысле этого слова, обладал огромным внутренним обаянием, дружил с такими выдающимися людьми, как певица Эдит Пиаф, философ Жан Поль Сартр, художник Сальвадор Дали. Что касается личной жизни, то, по собственному его признанию, он «не мог долго жить с одной женщиной». Что делать, такова была судьба этой яркой личности.

После съемок фильмов «Карусель», «Добыча» и «Барбарелла» Вадим отправился искать счастья за океаном. Однако его картину «Если ты веришь, девчонка» ждал оглушительный провал. Роже вернулся во Францию, сначала пригласил Бардо сняться в «Дон Жуане-73», а затем и сам сыграл в собственной ленте «Убитая девушка». Актерствовать ему неожиданно понравилось, и в 80-е гг. он снялся в нескольких американских фильмах, из которых можно выделить «Богатых и знаменитых» Джорджа Кьюкора и «В ночь» Джона Лэндиса. Однако известности это ему не прибавило, и Вадим поставил несколько телефильмов (самый известный — «Красавица и чудовище» с Клаусом Кински) и театральных спектаклей. Именно в театре он встретил свою последнюю, пятую жену.

Роже Вадиму было 63 года, когда он снова женился. Его новой любовью стала театральная актриса Мари-Кристин Барро, племянница французского «короля сцены» Жана Луи Барро. Из всех женщин прославленного режиссера только Мари-Кристин овладела сложным искусством — быть просто женой. За 10 лет брака супруги ни разу не поссорились. Она трогательно заботилась о Вадиме — следила, чтобы он правильно питался и хорошо одевался, делала милые подарки. «Такое счастье до сих

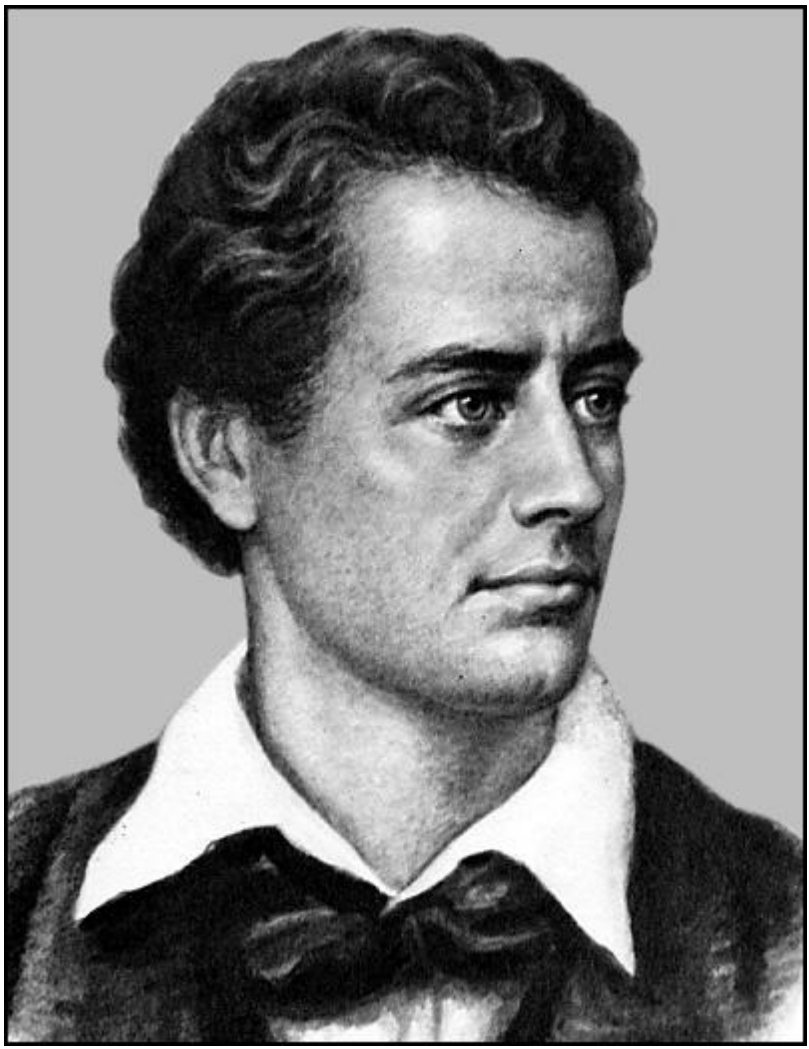
пор я знавал лишь по крохам», — признавался всемирно известный кинематографист.

Он наконец-то обрел желанный покой и вспомнил неудавшийся юношеский литературный опыт — в эти годы из печати вышли его книги «Мемуары дьявола», «Изголодавшийся ангел», «От звезды к звезде» и «Влюбленный безумец». Он уже не снимал фильмов. В феврале 2000 г., незадолго до смерти от неизлечимой болезни, он сказал своему сыну Кристиану: «Мой фильм еще не закончен, я никому никогда ничего плохого не сделал. Умирать — это не страшно. Кем мы были, теми и останемся…»

Как-то Роже Вадим пошутил о своем месте в истории: «Я отвожу себе скромную роль „гранильщика бриллиантов“. Думаю, что делал это удачно. Судите сами: для образа Марианны — символа Франции, бюсты которой украшают все мэрии страны, французы выбрали за послевоенную историю двух моих женщин — вначале Бардо, а потом — Денев».

Кумиры женщин

Байрон Джордж Гордон



Полное имя Джордж Ноэл Гордон Байрон (род. в 1788 г. — ум. в 1824 г.)

Великий английский поэт, родоначальник названного по его имени байронического течения в европейской литературе XIX в. Творчество Байрона вошло в историю мировой литературы как выдающееся художественное явление, связанное с эпохой романтизма. В интимной жизни слыл необузданным и страстным любовником.

Природа наградила лорда Байрона незаурядной внешностью и недюжинным умом. Ничто не могло помешать ему стать

гениальным поэтом и столь же гениальным любовником. Женщины играли в жизни Байрона огромную роль. Они тянулись за ним сверкающим шлейфом, готовые пожертвовать всем ради его внимания. Он же, подобно Наполеону, женщин презирал: «Они обитают в неестественном мире. Турки и вообще восточные народы лучше решают эти проблемы, чем мы. Они запирают женщин, и те более счастливы. Дайте женщине зеркало и несколько сахарных пампушек, и больше ей ничего не надо».

В любовных отношениях Байрон часто проявлял себя циником. Возможно, он просто мстил всем особам слабого пола за свою первую неудавшуюся любовь. Пережив унижение отвергнутого любовника в юности, в зрелости Байрон стремился показать всем, каким пользуется успехом.

Джордж Гордон Байрон родился в Лондоне 22 января 1788 г. Как со стороны отца, Джона Байрона, так и со стороны матери, урожденной Кэтрин Гордон, Байрон происходил из высшей аристократии Великобритании, английской и шотландской. Но детство поэта проходило в условиях крайней бедности. Отец Байрона, блестящий гвардейский офицер, так широко и расточительно жил, что за короткий срок растратил состояние двух богатых наследниц — первой своей жены и второй — матери Байрона.

Джон Байрон женился на Кэтрин Гордон, будучи вдовцом. От первого брака у него была дочь Августа, которая воспитывалась у своей бабушки, и ее дружба со сводным братом Джорджем началась лишь в 1804 г.

Родители Байрона разошлись вскоре после его рождения. Отец уехал во Францию и там умер, поэтому Джордж представлял его только по рассказам близких к нему людей, но к его имени относился почтительно. «Мы с Августой всегда любили память нашего отца так же, как и друг друга… Если он растратил свое состояние, это касается одних лишь нас, его наследников, и если мы его не упрекаем, кто же еще имеет на это право?» — писал Байрон в июле 1823 г. в письме по поводу своей биографии, опубликованной во Франции.

Раннее детство поэта прошло на родине матери в Шотландии. Он горячо полюбил горную страну, природа которой была столь своеобразна, а история так богата событиями, что картины Шотландии даже после того, как Байрон покинул ее, часто возникали перед его глазами.

До десяти лет он жил с матерью в шотландском городе Эбердине, где в 1794 г. начал учиться в так называемой Грамматической школе, в которой было пять классов. Когда Джордж окончил третий, пришло известие из Англии, что умер

его двоюродный дед Уильям Байрон. «Мальчику из Эбердина», как называл его дед, переходили по наследству титул лорда и родовое поместье — Ньюстедское аббатство, находившееся в Ноттингемском графстве. Поместье и замок были запущены, денег для их восстановления не было (от деда остались одни долги), и мать Байрона вскоре сдала аббатство в аренду, а сама с сыном поселилась неподалеку от Ньюстеда, в Саутвелле.

Детство, проведенное в нищете, тяжелые столкновения с властолюбивой, ожесточившейся матерью, — все это способствовало рано пробудившемуся чувству одиночества и собственной чужеродности окружающему миру. Кроме того, Байрон с детства был калекой. Роковая оплошность акушера при родах привела к параличу сухожилия. Когда мальчик подрос, врачи назначили болезненное лечение, которое не принесло никаких результатов, оставив лишь воспоминание о пытках, вызванных ношением специального ботинка. Поэтому он не терпел танцев, но обожал верховую езду, дававшую ему обманчивое ощущение полного здоровья.

В 1801 г. Байрон поступил в Харроу, закрытую школу для детей из богатых и знатных семей, где усердно изучали латынь, греческий язык и английскую литературу. В атмосфере ханжества, угодничества и разврата, царивших в школе, Джорджу было нелегко. Старшие мальчики насмехались над его хромотой, и он чувствовал себя несчастным. Однажды он случайно услышал, как девочка, в которую он влюбился с первого взгляда, говорила своей собеседнице: «Ты думаешь, мне есть дело до какого-то хромого мальчишки?»

В 1803 г., во время каникул, пятнадцатилетний Байрон встретился с юной Мэри Чаворт, которая вызвала в нем большое и сильное чувство. Байрон тогда не мог предвидеть, сколь глубокой окажется его любовь. За несколько месяцев до своей смерти в одном из писем он писал: «…я в ранней юности сильно полюбил внучатую племянницу мистера Чаворта. Она была старше меня двумя годами, и мы в юности много времени проводили вместе. Она вышла замуж за человека из старинной и почтенной семьи, но брак ее оказался несчастливым, как и мой». Байрон посвятил Мэри Чаворт целый ряд стихотворений, но особенно волнующе он передал свое страдание и любовь к ней в поэме «Сон», написанной в 1816 г.

В 1805 г. Байрон поступил в кембриджский Тринити-Колледж, высшее учебное заведение тогдашней Англии. У него появились новые товарищи, некоторые из них стали его верными друзьями на всю жизнь. Байрон отдавал дань молодости, веселью, наслаждениям, карточным играм и «искусству непомерного

поглощения алкоголя». Но это лишь внешняя сторона его жизни в Кембридже. Джордж продолжал свои систематические занятия спортом, начатые им в Харроу: успешно занимался плаванием, боксом, фехтованием, верховой ездой. По-прежнему много читал. Знания Байрона, почерпнутые в эти годы из множества книг, размышления над прочитанным были основой для быстрого и самостоятельного развития его личности.

Здесь, по его словам, зародилась «неистовая, но чистая любовь и страсть» к Джону Эдльстону, юному хористу, пение которого Байрон впервые услышал в храме Святой Троицы. «Сначала его голос, — писал Байрон, — привлек мое внимание, затем я был заворожен выражением его лица, а его обходительность навсегда привязала меня к нему… Определенно я люблю этого человека больше всех на свете, и ни время, ни расстояние не повлияют на мои (как правило) меняющиеся настроения». Некоторые ранние стихотворения Байрона посвящены Джону, например, «К Э…..», «Стансы к Джесси» и «Сердолик». Этот камень — подарок Эдльстона — поэт хранил до конца своих дней, и об этом можно прочесть в стихотворениях первого сборника Байрона «Часы досуга».

1808 г. Джордж провел в Лондоне, развлекаясь и отдаваясь «бездне чувственности», как говорил об этом сам поэт. У него был огромный любовный аппетит, и сохранились документы, в которых Байрон характеризуется как поклонник различных сексуальных приспособлений. В Лондоне у него было две постоянные любовницы, и, кроме этого, через его квартиру прошло великое множество безвестных проституток. Молодой повеса очень любил, когда одна из его любовниц наряжалась в мужскую одежду. Маскарад окончился, когда «у юного джентльмена прямо в гостиничном номере случился выкидыш».

В следующем году вместе с близким другом по Тринити-Колледжу Джоном Кэмом Хобхаузом Байрон предпринял длительную поездку в Португалию, Испанию, Албанию, Грецию и Константинополь. Это путешествие изменило его жизнь. Поэт влюбился в природу Средиземноморья, людей, его населяющих, и их образ жизни, который после Англии казался ему простым, естественным, раскрепощенным. Особенно очаровали его юные греки, и с некоторыми из них Джордж поддерживал любовные отношения. Среди них были Евстатис Георгио и Николо Жиро, которого Байрон по возвращении в Лондон включил в свое завещание. Интимная жизнь с Николо впоследствии сыграла не последнюю роль при разводе Байрона с женой.

В 1811 г. до Байрона дошла печальная весть о преждевременной смерти Джона Эдльстона. Поэт писал: «Вчера я

узнал

о смерти, которая потрясла меня, как никакая другая, о смерти человека, которого я любил, как никого другого, человека, которого я любил больше всех на свете и который, я верю, любил меня до конца своих дней». В память об Эдльстоне Байрон сочинил серию элегий «Тирза», однако изменил местоимения для публикации, чтобы не шокировать читателей.

Появившиеся в 1812 г. первые две песни «Паломничества Чайльд-Гарольда», созданные во время путешествия по Средиземному морю, принесли Джорджу известность. Поэзию Байрона воспринимали как манифест поколения, считавшего свою эпоху историческим безвременьем. Связывая, как многие сверстники, надежду на торжество справедливости и вольности с Великой французской революцией 1789 г., поэт трагически пережил перерождение республики в диктатуру, а затем в империю.

В этот период у Байрона был бурный роман с рыжеволосой светской львицей леди Кэролайн Лэм, 27-летней женой сэра Уильяма, который позже стал премьер-министром Англии. Связь продолжалась полгода и закончилась скандальным разрывом. Поэт также вкусил «осенних чар» Джейн Элизабет Скотт, 40-летней жены графа Эдварда Харли, которая поддерживала его радикальные политические настроения.

В 1813 г. Байрон безрассудно увлекся своей сводной сестрой Августой, бывшей замужем за полковником Ли. При встрече в каждом из них вспыхнула страсть, результатом которой стала их дочь Медора. В то время было принято считать, что кровосмесительные связи порождают чудовищ. После рождения дочери Байрон написал леди Мельбурн: «Это отнюдь не обезьяна, а если она на нее чуть-чуть и похожа, то это, видимо, из-за меня».

Биограф Байрона, французский писатель Андре Моруа, довольно подробно описал в своей книге «Письма к незнакомке» этот шокирующий факт в жизни поэта: «Когда я писал книгу о его жизни, мне пришлось заниматься довольно щекотливыми разысканьями по этому поводу. Многие английские ученые отрицали, что Байрон и Августа Ли вступили в преступную кровосмесительную связь. В конце концов, его родственница (в то время ей было 85 лет) допустила меня к тайным семейным архивам. Я провел волнующую ночь, расшифровывая интимные дневники и письма. К утру я уже все знал и с некоторым смущением отправился к достопочтенной хозяйке дома.

— Увы, леди Ловлас, — сказал я ей, — отпали все сомнения… Я обнаружил доказательства кровосмешения. Как добросовестный историк, я буду вынужден рассказать обо всем

этом в полном согласии с документами… Заранее прошу меня извинить.

Она с изумлением воззрилась на меня:

— А, собственно, в чем вы извиняетесь?.. — спросила она. — Байрон и Августа? Ну конечно. Неужели вы в самом деле сомневались?.. Как же иначе? Два юных существа разного пола оказались вдвоем в занесенном снегом мрачном замке и провели взаперти много времени… Как же, по-вашему, они должны были вести себя?

Из этого разговора я понял, что пресловутый запрет соблюдался в Англии XIX века не столь уж и неукоснительно».

Чтобы выпутаться из создавшегося положения, спустя два года Байрон женился на Анне Изабелле Милбэнк, происходившей из состоятельной аристократической семьи, строго придерживавшейся условностей света и требований церкви. С самого начала семейной жизни жена Байрона стремилась приобщить его к религии, была против его общественной деятельности, которую он вел, став членом Комитета по управлению театром Друри-Лейн. В это время он много пил и, напившись, бил и ломал дорогие вещи, грозился привести в дом свою очередную любовницу, актрису Сюзан Буасси. На этой почве в семье постоянно возникали размолвки.

В декабре 1815 г. у Байрона родилась дочь Ада Августа, а в январе 1816 г., то есть через год семейной жизни, жена Байрона ушла от него, фактически обвинив мужа в гомосексуальных наклонностях, что каралось тогда в Англии смертной казнью. Родители жены предприняли активные действия, чтобы начать бракоразводный процесс.

Байрон в эти дни писал ей: «…Относительно предъявленных мне обвинений ваш отец и его советники дважды отказались что-либо мне сообщить. Эти две недели я страдал от неизвестности, от унижения, от злословия, подвергался самой черной и позорной клевете и не мог даже опровергать догадки и пошлые толки относительно моей вины, раз ничего не мог добиться из единственного источника, где все должно быть известно».

Официальные политические круги давно уже настороженно относились к Байрону как к автору произведений и выступлений, обличающих внутреннюю и внешнюю политику Англии, поэтому начавшийся семейный разлад между Байроном и его женой получил резонанс в высшем свете и стал поводом для злобной травли поэта. Газеты раздували скандал, кредиторы описывали имущество. Байрону нельзя было появиться на улицах. Он оказался перед необходимостью оставить родину.

25 апреля 1816 г. поэт навсегда покинул Англию. Последним

стихотворением, написанным на родной земле, были «Стансы к Августе», сестре, которая все это тяжелое время была его опорой и поддерживала в нем твердость духа.

Пережитое потрясение стало «вечным ядом», отравляющим его жизнь в оставшиеся годы, наложило отпечаток на тональность цикла стихотворений «Еврейские мелодии», где отзываются метафоры Библии, на поэму «Шильонский узник», драматические мистерии «Манфред» и «Каин». Эти произведения, как и созданный в 1813–1814 гг. триптих «восточных поэм» («Гяур», «Корсар» и «Лара» с их ориентальным фоном, создающим ощущение красочности, эмоциональной насыщенности), закрепили представление о байроническом герое как истинном выразителе социальной психологии своего века.

Перед отъездом у Байрона была еще одна связь. Он получил несколько писем от Клер Клермонт, 17-летней приемной дочери Уильяма Годвина, активного проповедника свободной любви. Клер была привлечена к Байрону шумным скандалом, разразившимся вокруг его имени. В письмах она настойчиво предлагала ему пользоваться ее телом в любое удобное для него время. Байрон в конце концов уступил Клер за неделю до своего отъезда. В январе следующего года у нее родилась дочь Аллегра, которую поместили в пансионе при монастыре в Баньякавалло, и отец изредка навещал ее там.

Первоначально Байрон предполагал из Англии отправиться во Францию, а затем в Италию, но французские власти разрешили ему лишь проехать по стране, не останавливаясь в городах. Он поехал через Фландрию и вдоль Рейна в Швейцарию и поселился на берегу Женевского озера, на вилле Диодати. Поэт тяжело переживал разрыв с семьей и родиной. Свое состояние он описал в письме к сестре из Женевы: «…разрыв — разбил мне сердце: мне кажется, будто по нему прошел слон».

Первые месяцы изгнания прошли в одиночестве. Значительным событием в жизни Байрона стала встреча с молодым английским поэтом Перси Биши Шелли, которая положила начало их дружбе. Поэты оказывали друг на друга взаимное влияние. Осень 1816 г. застала Байрона уже в Венеции, где его спутником был Хобхауз и где, помимо романов с замужними и незамужними женщинами, поэт начал писать «Дон Жуана» — остроумное описание подвигов легендарного и неутомимого героя-любовника.

В это время Байрон был очень похож на своего героя. Позже он подсчитал, что почти половина всех денег, потраченных им за год проживания в Венеции, ушла на любовные утехи с более чем двумя сотнями женщин. Он писал: «Эта цифра, возможно,

неточна. Я их последнее время перестал считать». Отрицательной стороной такого образа жизни стала гонорея — «проклятие Венеры», как он ее называл.

Страстная влюбленность в 19-летнюю замужнюю графиню Терезу Гвиччиоли, лишенную возможности соединить свою судьбу с Байроном, способствовала сближению поэта с карбонариями и активному участию вместе с ее отцом и братьями в итальянском освободительном движении. Поэт, снискавший во всем мире репутацию «Колумба наших дней», как отзывался о нем А. Вяземский, мечтал о «поэзии политики», означающей прямую вовлеченность в революционные коллизии эпохи.

В 1819 г. Байрон из Венеции, где прожил более трех лет, переехал в Равенну. Это было вызвано тем, что туда отправилась его возлюбленная со своим мужем, который был старше жены на целых сорок лет. Старому графу льстило внимание знаменитого поэта к его жене, и он пригласил Байрона навестить их в имении на реке По. Здесь поэт вместе с братом Терезы Гвиччиоли, графом Гамба, принимал активное участие в движении карбонариев, готовящих восстание против австрийского владычества в Италии. Отныне его целью стали интересы итальянского народа и его свобода.

Связь с Терезой была для Байрона неоценимым благом. Он во всех отношениях переменился к лучшему, как заметил его младший друг поэт Шелли: «это касается и таланта, и характера, и нравственности, и здоровья, и счастья».

Сам же Байрон боялся не столько того, что любовь, как и всякая страсть, сделает его смешным, сколько того, что она разрушит все помыслы, направленные к добру и славе, ведь жена с ее холодным умом не пожелала считаться с его поэтическим призванием. Иное дело Тереза. Похоже, она понимала, что любить поэта нельзя, не зная и не любя его «безумств». Но в чем Терезе нельзя было отказать, так это в обворожительной простоте и естественности. В Италии, где характер женщины определяют две, казалось бы, несовместимые черты — кокетство и чопорность, она выгодно отличалась от местных дам.

Казалось, идиллия будет длиться вечно, и ничто не предвещало перемен. Они нагрянули внезапно. То ли старый граф сам что-то заподозрил, то ли нашелся доброхот, открывший ему глаза. Как бы то ни было, он неожиданно объявил, что едет в Болонью осматривать свое имение и что Тереза отправляется с ним. После этого свидания влюбленных стали крайне редкими: почти все время граф проводил в разъездах по провинции, и жена вынуждена была сопровождать его.

Но это обстоятельство их не остановило: Тереза заявила

своему отцу, что больше не намерена оставаться со старым ревнивцем, и испросила родительского разрешения вернуться к нему под его защиту. Отец согласился с дочерью и тут же направил просьбу папе Пию VII о «разделении» графа и графини Гвиччиоли (о полном разводе не могло быть и речи, так как в Италии его не существовало). После этого Тереза прожила с Байроном четыре года, вплоть до его отъезда в Грецию. Как писал поэт друзьям: «Теперь я считаю себя человеком, познавшим семейное счастье».

В 1821 г. Байрон переехал в Пизу, где жил Шелли. Дружба между поэтами, начавшаяся в Швейцарии, в Италии продолжала крепнуть. Младший товарищ с восхищением наблюдал, как развивается творчество Байрона: «Он прочел мне неопубликованные песни „Дон Жуана“ поразительной красоты. Это неизмеримо выше всех современных поэтов. На каждом слове печать бессмертия». Шелли приезжал к Байрону в Равенну, чтобы обсудить план создания журнала «Либерал». В Пизе с участием представителя издателя Джона Ханта готовился первый номер этого журнала. Но 8 июля 1822 г. во время шторма яхта, на которой совершал морскую прогулку Шелли, перевернулась. Внезапная гибель друга явилась большим горем для Байрона и невосполнимой утратой для английской поэзии.

С началом греческого восстания против османского владычества Байрон подчинил свою жизнь борьбе за освобождение Эллады, на собственные деньги собрав и вооружив отряд. В июле 1823 г. он направился на остров Иония в Кефалонии, где влюбился в 15-летнего юношу по имени Лукас Чаландрицанос и сделал его своим слугой. Вдвоем они поселились в городе Мисолонги, где располагалась армия принца Маврокордато.

В Греции, так же как и в Италии среди карбонариев, Байрон столкнулся с отсутствием единства в рядах повстанцев. Он развернул большую организационную работу по их сплочению, участвовал в подготовке кадров для греческой повстанческой армии. Эта напряженная жизнь была внезапно прервана сильной простудой, сменившейся лихорадкой, которой Байрон заболел после того, как провел несколько часов под проливным дождем. Его уложили в постель и предлагали госпитализировать, но он так и не согласился покинуть лагерь греческих патриотов. После очередного приступа лихорадки 19 апреля 1824 г. поэт скончался. Его последними стихотворениями были: «В день, когда мне исполнилось тридцать шесть лет», «Последние слова о Греции» и «Любовь и смерть».

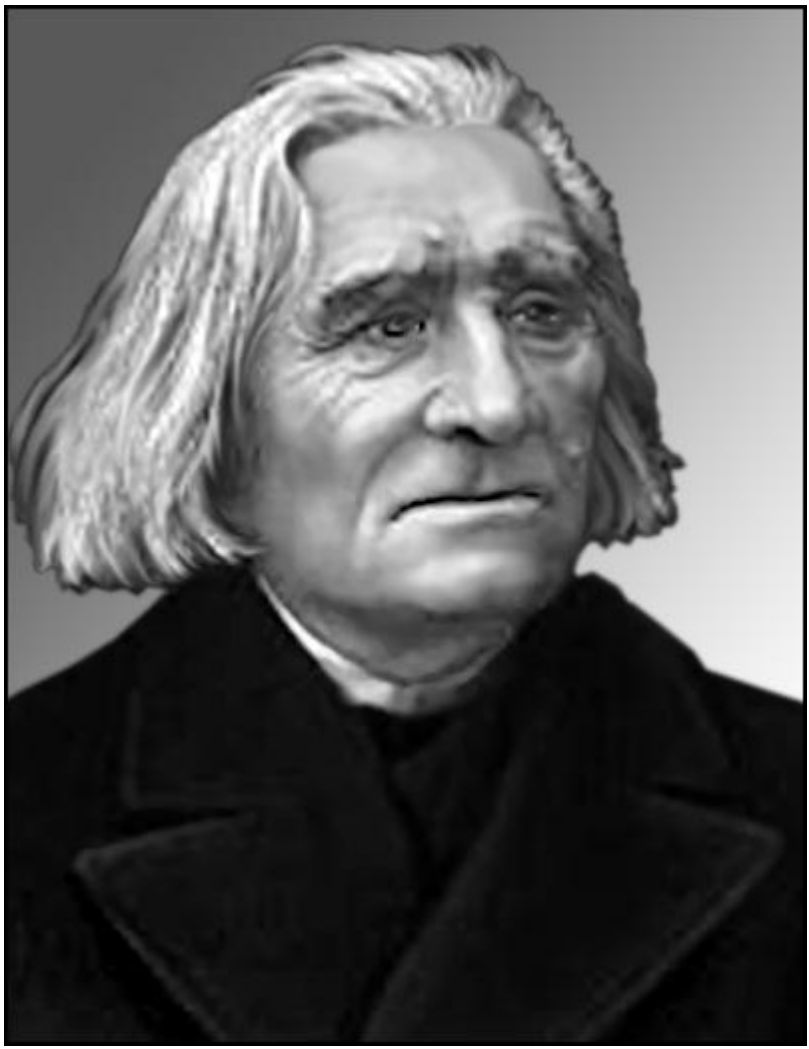
Гибель Байрона в 36-летнем возрасте болью отозвалась в

сердцах его поклонников. В Греции был объявлен национальный траур, останкам поэта были отданы воинские почести. Гроб с его телом отправили на родину. Он был похоронен в небольшой церкви, неподалеку от Ньюстеда. На надгробной плите выбили: «Здесь… покоятся останки Джорджа Гордона Ноэля Байрона… автора „Паломничества Чайльд-Гарольда“… который умер в Мисолонгах, в Западной Греции… при героической попытке вернуть этой стране ее древнюю свободу и славу».

Байрон был легендой своего времени и остается таковым в наше время. Он был романтиком, однако в отличие от своих собратьев по перу его романтизм был окрашен в более прагматичные тона, поскольку поэт придерживался несколько иных взглядов на ту непреодолимую пропасть, которая разделяет наши идеалы и реальность. За несколько лет до смерти он написал:

— Скажите: где любви начало?
— Вопрос коварный! Сколько раз,
Едва ты чей-то взор встречала,
В нем пламень вспыхивал тотчас.
А где конец любви? — Не скрою:
Всем сердцем знаю наперед —
Пока я жив, она со мною,
Когда умру — она умрет.

Лист Ференц



(род. в 1811 г. — ум. в 1886 г.)

Венгерский композитор. Его талант, красота и изысканность притягивали женщин, как магнит.

Венгерский композитор Ференц Лист обладал даром утонченного и даже артистичного обольщения женщин. Конечно, немалую роль в его успехах на любовном поприще играла слава величайшего виртуоза, чей талант особенно блистал на сценах концертных залов. Но даже если бы он и не был так знаменит, его воздействие на представительниц прекрасного пола было магическим. Да разве можно было не восхищаться этим

красавцем-музыкантом, который словно таинственный маг являлся перед публикой в безупречном черном костюме, оттененном белоснежным «байроновским» воротником, картинным жестом снимал перчатки, изысканно-театрально отбрасывал назад длинные волосы и, сев, наконец, за фортепиано, начинал творить настоящие чудеса.

Что же касается непосредственно музыкального творчества, то и здесь Ференцу Листу не было равных как среди современников, так и среди последующих поколений музыкантов. Он заложил основы современного пианизма и по праву считается одной из выдающихся и наиболее влиятельных фигур в истории европейской музыки XIX в. Истинный романтик, Лист дружил с Шопеном и Мендельсоном, поддерживал Вагнера и Грига, приветствовал появление Новой русской музыкальной школы.

Будущий композитор родился 22 октября 1811 г. в глухой венгерской деревушке Доборьян близ небольшого городка Шопрон. Венгры — народ музыкальный, и неудивительно, что Ференц жил в атмосфере зажигательных и сладострастных народных венгерских мелодий, так искусно вплетенных позже в его произведения. Его отец, Адам Лист, один из управляющих в огромном имении графа Эстергази, был музыкантом-любителем и всячески поощрял рано пробудившийся интерес сына к музыке. А маленький Лист любил ее до самозабвения. Уже в пятилетнем возрасте Ференц мог подобрать на фортепиано любую из услышанных мелодий, а в семь свободно импровизировал и поражал необычайной для его лет музыкальной техникой.

Весть о чудо-ребенке быстро разнеслась по округе, и вскоре юное дарование удостоилось чести играть в великолепном дворце графа Эстергази. Его исполнение настолько поразило гостей графа, что сразу несколько венгерских дворян вызвались оплатить дальнейшее музыкальное образование мальчика. Десятилетнего Ференца послали в Вену, считавшуюся тогда музыкальной столицей Европы, где он полтора года брал уроки игры на фортепиано у знаменитого педагога Карла Черни, прозванного «делателем виртуозов», а уроки композиции и гармонии — у самого Антонио Сальери.

Венский дебют Листа состоялся в декабре 1822 г. Публика была в восторге от одиннадцатилетнего музыканта, а критики тут же окрестили подростка «чародеем фортепьяно», подобно тому, как его старшего современника Никколо Паганини называли «чародеем скрипки». А в 1823 г. на одном из концертов Ференца обнял и поцеловал сам великий Бетховен, который к тому времени уже был глухим и не мог слышать игру пианиста, но он ее видел и сумел угадать в юном Листе большой талант.

В 1824 г. Адам Лист повез сына в Париж, планируя там продолжить его музыкальное образование. Но в приеме в консерваторию этому феноменально одаренному подростку было отказано по той причине, что он был иностранцем. Правда, трагедии из этого Ференц делать не стал и решил продолжить занятия частным образом с известным педагогом Антонином Рейхом. Пораженный блистательным исполнительским мастерством юного музыканта, Рейх не нашел более подходящей характеристики для Ференца, чем определение — «сатанинское дитя».

Но в Париже Лист занимался не только музыкой. Сразу же по приезде во французскую столицу он попал в водоворот светской жизни с ее балами, приемами, веселым легкомыслием и легким флиртом. Ференца с восторгом принимали в великосветских салонах, где его выступления всегда вызывали бурю оваций. Когда Листу исполнилось 16 лет, умер его горячо любимый отец, Адам Лист. Как бы предчувствуя судьбу сына, перед смертью он счел необходимым предостеречь его «от излишнего увлечения женщинами и религией». Однако и женщины, и религия сыграли в жизни композитора огромную, если не решающую роль. Лист был человеком страстным и неотразимо обаятельным, внешне красивым, артистичным, от него так и веяло духом настоящего романтизма, а потому каждый его концерт превращался в настоящее праздничное представление. Он очень рано стал кумиром всей музыкальной Европы, концертные поездки неизменно сопровождались не только восхищенными оценками музыковедов, но и обсуждением его бесчисленных любовных побед.

Свой первый роман Ференц пережил в семнадцать лет, когда страстно влюбился в одну из своих учениц, аристократку Каролину ди Сент-Грег. Девушка тоже была без памяти влюблена в своего учителя музыки, но ее семья категорически возражала против такого неравного союза, и влюбленным пришлось расстаться.

Впрочем, разочарованный Лист горевал недолго: обожание публики и все возрастающее восхищение поклонниц помогли легко пережить печаль разлуки. Тем более что очень скоро его утешила графиня Адель де ла Прунаре. Правда, ветреной Адели Листа оказалось мало, и она завела еще одного любовника. Узнав об этом, Ференц тут же порвал с ней всякие отношения.

Настоящая любовь и страсть пришли к нему в 22-летнем возрасте в образе 27-летней белокурой красавицы графини Марии д'Агу, с которой он познакомился на одном светском приеме, где, кстати, собрался весь цвет парижского общества: Шопен, Гейне,

Бальзак, Мицкевич, Полина Виардо. Ференц приехал туда прямо с концерта и, как обычно, сразу же стал объектом пристального внимания дам. «Он сел рядом, со стремительной грацией, разговаривал со мной довольно фамильярно, и я сразу почувствовала в нем скрытую силу и свободный дух», — вспоминала позже графиня д'Агу. Восхищение было взаимным. Некоторое время влюбленные переписывались, с трудом сдерживая свои чувства. Наконец, Мария, несмотря на то что была замужем и имела двоих детей, пригласила Листа в свой замок, где и произошла их первая интимная встреча.

Отношения между Ференцем и Марией напоминали взрывоопасную смесь из любви и ревности. Давая многочисленные концерты, на которых женщины буквально сходили с ума при его виде, маэстро не мог сдерживать свой любовный пыл. Не удивительно поэтому, что Мария никогда не была уверена в нем до конца, не без основания усматривая в каждой поклоннице таланта Ференца свою соперницу. Одно время серьезной претенденткой на сердце Листа она даже считала Аврору Дюпен, известную в литературных кругах как Жорж Санд, — самую эмансипированную и оригинальную женщину XIX века. Аврора поражала Париж своими экстравагантными мужскими костюмами, шокировала постоянным курением сигар. При этом писательница отнюдь не была красавицей, но благодаря тонкому уму и особому шарму имела огромный успех среди самых выдающихся личностей того времени.

История умалчивает о любовной связи Санд и Листа. Известно только, что он был постоянным гостем ее литературного салона и даже рискнул познакомить ее с Марией. Как ни странно, но женщины друг другу понравились. Проницательная Жорж Санд разглядела за красотой и аристократизмом графини природный женский ум, наблюдательность и посоветовала ей заняться литературным творчеством. Что впоследствии Мария д'Агу с успехом и делала, подписывая свои произведения псевдонимом Даниэль Стерн.

Роман Листа и Марии д'Агу, длившийся почти десять лет, постоянно переживал то взлеты, то падения. Мария похоронила старшую дочь, которая умерла от менингита, и так и не смогла добиться от мужа развода, хотя ушла от него почти сразу после встречи с Листом. Эгоцентричный Ференц не особенно затруднял себя моральными обязательствами. От житейских проблем он, как правило, уклонялся, находя утешение в музыке, религии и в тех же легких любовных интрижках. Чтобы хоть как-то отвлечься, неожиданно для самой себя графиня увлеклась журналистикой и

начала писать статьи на музыкальные темы, которые, кстати, имели большой успех.

В 1835 г. любовники встретились в Швейцарии, чтобы провести там чудесное лето. В одной из швейцарских гостиниц, где они останавливались, до сих пор бережно хранится регистрационная книга, куда Лист записал о себе следующие данные: «Род занятий — философ-музыкант, домашний адрес — Парнас, откуда прибыл — из сомнения, куда направляюсь — на поиски Истины».

В том же году у Марии и Ференца родилась дочь Христина. В документах о ее рождении графиня назвалась другим именем и скрыла свой возраст — это объяснялось отсутствием формального развода с графом д'Агу. Далее Мария продолжала заниматься литературой, а Ференц — концертной деятельностью. Он снова завоевал Париж, а вместе с ним и сердце очередной своей возлюбленной, итальянской принцессы Кристин Бельджиозо.

В ответ Мария позволила себе завести поклонника. И Лист, испытав настоящие муки ревности, тут же вернулся к ней, отказавшись на некоторое время от концертов. Они уехали в Италию, где родилась их вторая дочь, Козима.

Увы, дочери, которых Лист, кстати, очень любил, не смогли надолго удержать его возле Марии. Снова начались гастроли, а с ними возобновились и любовные отношения с многочисленными поклонницами. В их числе были прусская баронесса Ольга фон Мейендорф, молодая польская графиня Ольга Янина и, наконец, знаменитая куртизанка Мари Дюплесси, вдохновившая Дюма-сына на написание «Дамы с камелиями», а Верди — на сочинение «Травиаты»… Собственно, в каждом городе, где бывал Ференц, он одаривал своей любовью очередную поклонницу его таланта. Любопытная деталь: уходя из своего номера в гостинице и оставляя любовницу спящей, Лист неизменно закрывал двери на ключ во избежание нежелательных объяснений и сцен ревности. На горькие упреки Марии он покаянно отвечал: «Таким меня создал Господь». Действительно, влюбчивость композитора уже никого не удивляла: о нем говорили, что он за версту видит красивую женщину. А уж во всем, что касается обходительности и галантности, с Листом трудно было соперничать.

И Мария, и Ференц понимали, что разрыв неизбежен, тем не менее в этой явно напряженной атмосфере родился их третий ребенок — сын Даниэль. В 1839 г. любовники разъехались: она вернулась во Францию, в свой замок, он продолжил странствия по Европе. С Листом Мария продолжала периодически встречаться. Но чашу ее терпения переполнило известие о его бурном, хотя и непродолжительном романе со скандально известной

куртизанкой, испанской танцовщицей Лолой Монтес. Графиня отправила Листу прощальное письмо. И, как бы подтверждая окончательный разрыв, в 1845 г. опубликовала нашумевший роман «Нелида», в котором в главном герое-музыканте изобразила Ференца Листа, причем в весьма неприглядном виде плебея и выскочки, а себя — в образе благородной жертвы. Это была чисто женская месть брошенной и оскорбленной любовницы.

Лист тяжело перенес всю эту неприглядную историю с романом, ставшим предметом широкого обсуждения публикой. Ему не оставалось ничего другого, как сделать хорошую мину при плохой игре: то есть представить, что все герои романа — художественный вымысел автора.

Лишь музыка не предавала огорченного любовника. Поездки по Европе с концертами в 1835–1848 гг. принесли Листу мировую славу. Это был самый плодотворный период в его творчестве. Именно тогда он создал свои знаменитые симфонические поэмы, концерты для фортепиано с оркестром, этюды и пьесы. Казалось, в игре на фортепьяно для Листа не существовало технических трудностей. Он как бы заново открыл для музыки этот инструмент, выявил его безграничные возможности, при которых фортепиано звучало то как оркестр, то как мелодичный человеческий голос. Правда, природа наделила Листа не только музыкальным талантом, но и уникальными физическими данными, способствовавшими извлечению звуков чрезвычайно широкого диапазона. В частности, современники отмечали, что у него были огромные кисти рук, позволявшие ему брать одной рукой чуть ли не две октавы. Кроме того, Лист обладал феноменальной музыкальной памятью: один раз прочитав сложнейшую партитуру, он мог затем безошибочно дирижировать оркестром без всяких нот.

В 1844 г. маэстро стал капельмейстером при герцогском дворе в Веймаре. Этот небольшой немецкий город был некогда процветавшим культурным центром, и Лист мечтал вернуть Веймару былую славу столицы искусств. Поселившись в Веймаре, он отдавал все силы композиторской, дирижерской и педагогической деятельности, проявлял чудеса щедрости и великодушия, давая уроки музыки многочисленным ученикам, причем всегда бесплатно. О такой бескорыстной помощи другим Лист мечтал еще с ранней юности. Ведь ему помогли венгерские аристократы, и не в последнюю очередь благодаря их моральной и материальной поддержке он смог с триумфом взойти на музыкальный Олимп.

В 1847 г. Лист на время покинул Веймар и дал прощальные

концертные гастроли, побывав в том числе и в России. В Киеве он познакомился с княгиней Каролиной Зайн-Витгенштейн. Она была замужем за сыном российского фельдмаршала, князем Николаем Витгенштейном, имела дочь Марию, но с мужем, за которого ее, польскую дворянку, выдали по расчету, дабы прибавить к огромному приданому знатную фамилию Витгенштейнов, практически не жила. Князь прожигал жизнь в Петербурге и наведывался к жене с одной лишь целью — раздобыть у нее побольше денег.

Надо заметить, что Каролина была не только знатной дамой, но и одаренной личностью. Как ученица Россини, юная пани пела в венских дворцах канцлера Меттерниха, ее голос восхищал композиторов Карла Мейербера и Каспаро Спонтини, а знаменитый философ Шеллинг, встретив девушку в Карлсбаде, воспел ее в стихах, как «ангела во плоти».

Конечно, при таких талантах и светском успехе общество вечно просящего денег мужа никак не могло удовлетворить требовательную Каролину. В Листа она влюбилась заочно, когда однажды в костеле услышала мощные аккорды его «Отче наш», вызвавшие у чувствительной княгини поток слез. Уверовав в гений композитора, Каролина уверовала и в то, что лишь возле него сможет обрести свое женское счастье. И при первой же встрече призналась Ференцу, что страстно в него влюблена и готова отдать все свои богатства, лишь бы быть рядом с ним.

Ну разве мог знаменитый сердцеед остаться равнодушным к такой женщине?! Еще не завершив турне по южной России, Лист по дороге в Одессу писал Каролине: «Я схожу с ума, как Ромео, если, конечно, это можно назвать сумасшествием. Сочинять для вас, любить вас… я желаю сделать вашу жизнь красивой и новой. Я верю в любовь к вам и с вами, благодаря именно вам. Без любви мне уже не нужны ни небо, ни земля. Давайте же будем любить друг друга, моя единственная…»

Бросив все, Каролина приехала к Листу в Одессу, и здесь они обсудили не столько планы своего будущего, сколько, скорее всего, возможность устранения жизненных обстоятельств, которые могли бы помешать их воссоединению. В свои 37 лет Лист уже не желал очередной любовной интрижки — он устал от кутежей с поклонниками, кратких романов со случайными поклонницами и мечтал лишь об одном — брачном союзе с любимой женщиной.

Как раз это и было труднее всего осуществить — все-таки Каролина была замужней женщиной. То, что супруги жили порознь, — было обычным делом среди российских аристократов, но разводов русский император Николай I не терпел, полагая, что

они являются «потрясением основ» его империи.

Надеясь на свою мировую известность, Лист решил дать концерт в Елизаветграде, куда прибыл Николай I для смотра войск. Среди офицеров гарнизона находился тогда и молодой поэт Фет, который позже вспоминал, что город был переполнен приезжими: «Трудно описать этот энтузиазм, который он [Лист] производил своей игрой, и своей артистической головой с белокурыми, зачесанными назад волосами». Но в душе Николая I, от решения которого зависела судьба Ференца с Каролиной, энтузиазм публики особого отклика не вызвал. И хотя здесь, на подмостках сцены Елизаветграда, композитор объявил перед всеми, что он расстается с бездомной долей вечно кочующего артиста, перспективы на развод по-прежнему оставались весьма туманными.

Каролина в этой ситуации оказалась практичнее Листа, который пытался воздействовать на царя своей гениальной музыкой: она решила тайно уехать к нему, при этом без особой огласки распродавала свои имения, дабы ее любимый мог полностью посвятить себя творчеству, не думая о хлебе насущном.

В 1848 г. княгиня с дочерью Марией прибыла в Веймар. Ее тайный отъезд вызвал настоящий скандал при дворе Николая I, который велел наказать дерзкую даму. Поскольку брак Каролины с Витгенштейном был совершен по православному обряду, царь решил, что дочь Марию следует вернуть отцу, дабы тот воспитывал ее в духе православия. Ответ Каролины царю поражает своей дерзостью и бесстрашием. Дословно она сказала следующее: «Я крепко держу дочь в своих объятиях, пусть только попробуют оторвать ее от меня!» На этом история не закончилась. Разгневанный Николай потребовал переводить в казну весь доход от ее имений, но и здесь потерпел фиаско. Строптивая княгиня успела удачно распродать их, выручив огромные по тем временам деньги — миллион рублей.

В Веймаре Каролина и Лист прожили двенадцать лет. И это время биографы считают самым счастливым в жизни композитора, как в любви, так и в творчестве. Влюбленные поселились в роскошном замке Альтенбург, который Листу подарила великая княжна Мария Павловна, довольная тем, что может досадить своему венценосному брату. А Каролина приложила все силы, чтобы Ференцу было уютно, чтобы его окружали только красивые вещи, а над роялем, доставшимся ему от Бетховена, повесила его любимую «Меланхолию» — знаменитую гравюру Дюрера.

Благодаря Листу маленький Веймар стал центром

музыкальной культуры Европы. При его активном участии в Веймарском театре были поставлены оперы Вагнера, Берлиоза, Шумана, Верди, Глюка, Рубинштейна, Моцарта, Вебера. Лист исполнил все симфонии Бетховена, Шуберта, Берлиоза, активно пропагандируя творчество этих композиторов.

Между тем подрастали его дети от мадам д'Агу, выросла и дочь Каролины, Мария. В 1859 г. юная княжна Мария Витгенштейн вышла замуж за князя Гогенлоэ. Тогда же пришло известие из России о том, что бывшая гувернантка княжны стала женою князя Витгенштейна, а заодно и светлейшей княгиней. Этим браком с гувернанткой бывший муж Каролины дал ей повод считать себя женщиной свободной, и отныне, казалось, никаких препятствий к союзу с Ференцом Листом не существовало. Поэтому Каролина, которой к тому времени уже исполнилось 43 года, решила ехать в Рим. Убежденная католичка, она пожелала, чтобы и Ватикан утвердил ее расторжение брака с Витгенштейном, уже расторгнутого православной церковью.

Лист был опечален. Жить без Каролины он уже не мог, да и не хотел, она стала как бы частью его души. Более того, Лист допустил эту женщину к самому сокровенному — к своему творчеству, и это связало их еще сильнее, чем могли бы связать узы Гименея. До сих пор музыковеды разводят руками, недоумевая: как относиться к литературным сочинениям Листа, если почти все они написаны не Листом, а Каролиной? Историки музыки не смеют оспаривать творческий союз влюбленных, хотя и признают, что многие статьи Листа «представляют плод литературной фантазии Каролины».

Каролина уехала в Рим в 1861 г., и Ференц поспешил туда вслед за нею. Но они даже представить не могли, насколько изменится их жизнь в Вечном городе. Сначала все шло хорошо. Кардинал Антонелли, статс-секретарь папы, сообщил Каролине, что Пий IX исполнен самых благих надежд на услуги Ференца Листа в сочинении церковной музыки, при этом папа желает лично видеть спутницу его жизни. Была даже определена дата бракосочетания Листа с Каролиной — 22 октября 1861 г., уже и алтарь в римской церкви Сан-Карло на улице Корее был украшен живыми цветами. Поэтому для них было полной неожиданностью, когда кардинал Антонелли сообщил, что бракосочетание откладывается, а папа требует, чтобы Каролина дала церковную присягу в том, что стала женою князя Витгенштейна только по принуждению.

Что послужило причиной такого решения, так и осталось неизвестным. Но в Каролине вдруг заговорила женская гордость. Она категорически отказалась выполнить условия кардинала,

посчитав подобную присягу позором для себя. И бракосочетание расстроилось.

Казалось бы, после такого скандала Лист с Каролиной должны были вернуться в Веймар. Но случилось невероятное — такое, что не в силах были объяснить даже те люди, которые лично знали Листа и Каролину. Манфредо Пинелли писал по этому поводу: «Каролина не только решила посвятить остаток своей жизни… церкви, которая помешала ее земному счастью, но убедила и Листа пойти по пути того же непоколебимого решения, то есть облачиться в рясу монаха и сочинять только духовную музыку…»

Выходило, что церковь не соединяла их, а, наоборот, разлучала. Лист и раньше впадал в жестокую меланхолию, пытаясь найти спасение от нее в религии. Теперь же, на пороге старости он решил ей отдаться полностью? Как бы там ни было, но 25 апреля 1865 г. Ференц Лист был «рукоположен» в сан аббата и обрел новое пристанище — близ церкви дель Розарио, где его часто навещали папа Пий IX и римская аристократия. Вряд ли композитор был доволен своим новым положением, тем более что папа не слишком-то верил в искренность его религиозных порывов. Да и как можно было поверить в благочестие новоиспеченного аббата Листа, когда тот в присутствии самого Пия IX как-то подошел к роялю, чтобы сыграть и пропеть для его святейшества бесшабашную тарантеллу Россини:

И с брюнеткой и с блондинкой
Стану, папа, танцевать…

Каролина — иное дело! Будучи ревностной католичкой, она сомнений не ведала и в своем выборе между гением и церковью предпочла все-таки церковь. И папа в награду отметил ее щедро — она получила мантию кардинала. Такого в Ватикане еще не бывало. Возможно, папа таким странным образом решил отблагодарить женщину за то, что она ввела в лоно церкви великого композитора?

Каролина снимала квартиру на углу Виа-Бабуина и Алиберт, где круглый год была окружена живыми цветами, в комнатах ее было душно, словно в теплице. В таких условиях Каролина Петровна — уже не женщина, но и не мужчина! — мучительно и настойчиво, почти с фанатичным долготерпением писала книги религиозного содержания.

Но Листа она продолжала самозабвенно любить и очень скоро раскаялась в содеянном. «Клянусь, — писала она Ференцу

через два года после вступления его в сан, — я ежечасно думаю, что не сделала ничего хорошего, когда способствовала тому, чтобы вы вступили в духовное сословие. Больше того, не пожертвовала ли я вами, потому что в Риме, где ценили мои теологические фантазии, я чувствовала себя хорошо. И не было ли в этом чего-то такого, что с моей стороны напоминало Иуду Искариота! Господь наградил вас особым гением. Этот гений я поняла, я любила его, и я хвалила себя за свое желание жить ради славы вашего гения. Что делаю я теперь, когда побуждаю вас быть прикованным к Риму?..»

Правда, Каролина еще питала надежду, что папа сделает Листа управляющим Сикстинской капеллой и он раскроет свой гений в обновлении канонов церковной музыки. Но в 1869 г. композитор порвал с Ватиканом, окончательно рассорившись с папой. Он снова оказался в Веймаре, но теперь к его услугам были лишь две комнатки в скромном доме герцогского садовника. Отсюда он часто навещал баварский городок Байрейт, где жила его дочь Козима со своим вторым мужем, композитором Рихардом Вагнером.

А жизнь клонилась к закату, и великий маэстро, словно желая вернуть себе молодость, опять скитался по свету, и всюду — триумф за триумфом! Как и прежде, его преследовали молодые красавицы, влюбленные в него. Но уже пришли и страшные потери. Большим ударом была для Листа смерть зятя, Рихарда Вагнера, в 1883 г. Его памяти Ференц посвятил грандиозный концерт, который состоялся в Веймаре в том же году. Да и самого Листа здоровье все чаще стало подводить. У него стали опухать ноги, мучили частые рвоты, он стал резко терять зрение. Несмотря на явное нездоровье, в начале 1886 г. 75-летний Лист отправился в Англию, где был восторженно встречен почитателями и удостоен аудиенции у королевы Виктории. Из Англии уставший, плохо себя чувствовавший, к тому же подхвативший в дороге сильную простуду Лист с большим трудом добрался в Байрейт, где ожидали его выступления на ежегодном вагнеровском фестивале. Не излечившись от простуды, в этом городе он умер 31 июля 1886 г. от воспаления легких.

Каролина пережила своего возлюбленного на семь месяцев. Она скончалась в феврале 1887 г. Согласно завещанию, до самой могилы ее прах сопровождал реквием Листа, мелодию которого она так любила при жизни.

Есенин Сергей Александрович

(род. в 1895 г. — ум. в 1925 г.)

Русский поэт. В его жизни было много любовных историй и мало счастья.

У русского читателя к Сергею Есенину всегда было особое отношение. Мало кто из поэтов после Пушкина обладал такой естественной напевностью, стихотворной интонацией и силой простых человеческих чувств. К этому Есенин добавил щемящую печаль, тихую радость и немного наивный, но искренний восторг перед красотой природы. В то же время ему были присущи и некоторая манерность, и мания величия, откровенная игра на

публику, доходящая до эпатажа, и буйство, особенно тогда, когда он предавался пьяному разгулу. Да и с женщинами отношения у Есенина складывались далеко не просто, хотя любим он был всегда и многими. А если иметь в виду еще и трагическую гибель поэта, то получится, что подлинное счастье он находил только в творчестве. Там, в стихах, вероятно, и следует искать настоящего Есенина с его неуемной любовью к жизни, к славе, к женщинам, веселой удалью и грустью об уходящем времени.

Сергей Есенин родился в крестьянской семье в одном из красивейших уголков России — селе Константиново Рязанской губернии, расположенном на высоком берегу реки Оки. Мать поэта, красавицу Татьяну Титову, в 16 лет выдали замуж за нелюбимого ею Александра Никитича Есенина: такова была воля ее своенравного отца. Двое первых детей у Есениных умерли в младенчестве, а третий сын, Сергей, родился 3 октября 1895 г.

Неприязнь к мужу, которого она видела очень редко из-за его частых отлучек в Москву на заработки, и постоянные ссоры с властной свекровью заставили Татьяну вернуться с трехлетним сыном в родительский дом. Дед с бабкой взяли внука на воспитание, а дочь отослали в Рязань зарабатывать на жизнь себе и сыну. И хотя в конце своей жизни Сергей Есенин создал почти общенародный культ матери, ждущей сына и страдающей о нем, но, по сути, в детстве он почти не знал ни материнской любви, ни материнской ласки. Как вспоминала сестра поэта Екатерина: «Сергей, не видя матери и отца, привык считать себя сиротою, а подчас ему было обидней и больнее, чем настоящему сироте. Бабушка часто кормила его потихоньку от снох, на всякий случай, чтобы не вызвать неприятности».

Отсутствие родительской любви сказалось на характере и душевном состоянии юного Есенина. Впечатлительность, чувство одиночества, незащищенность, преодолеваемые напускной дерзостью, — все это позже выявилось в буйном нраве и гордой самоуверенности. Но в детстве Сергей рос не забиякой и сорванцом, а, скорее, деревенским мечтателем. И не к простому крестьянскому труду его тянуло, а к стихам, которые он начал писать еще в отрочестве. Тогда же пришла к нему и первая любовь в лице Лидии Кашиной — красивой молодой женщины, жены генерала, владелицы большого поместья в Константиново. Она была на десять лет старше Есенина и имела двоих детей. В свое поместье Лидия приезжала без мужа, чтобы отдохнуть и развлечься. Среди ее развлечений — прогулки на породистой лошади по окрестным полям в костюме амазонки, а также любительские спектакли, которые ставились в богатом кашинском доме. На одном из таких представлений и

познакомился шестнадцатилетний поэт с Лидией Кашиной.

Матери Есенина не очень нравились визиты сына к «барыне». Она прекрасно понимала, что привлекает Лидию в ее юном, красивом сыне. Татьяна Федоровна ничего не имела против флирта сына с местными учительницами, но богатая помещица, да намного старше его, да с двумя детьми… «Не пара она тебе, нечего ходить к ней. Ишь, нашла с кем играть!» — ворчала мать.

Но Есенин ревниво оберегал свои отношения с Кашиной от посягательств и насмешек домашних. К самой Лидии он, несомненно, испытывал чувства более глубокие, нежели почтительные или уважительные.

По-видимому, кульминацией этого таинственного романа была встреча Есенина с Кашиной летом 1917 г. К тому времени Лидия, продав свой дом в Константиново, переехала жить в другую усадьбу — Белый Яр, находящуюся в нескольких верстах от Константиново. Однажды утром Сергей сказал домашним, что уезжает в Яр с барыней. В тот день разразилась сильная буря, и Татьяна Федоровна очень переживала за сына, поскольку на разбушевавшейся Оке оборвался паромный канат, и паром унесло к шлюзам. Но Сергея на пароме не было, и вернулся он лишь поздно ночью, так никому ничего и не рассказав. Возможно, тогда были написаны эти строки: «Не напрасно дули ветры, Не напрасно шла гроза. Кто-то тайный тихим светом Напоил мои глаза».

В память о том лете и о каком-то прощании, ведомом только ему одному, Есенин через год написал стихотворение «Зеленая береза», посвященное Лидии Кашиной. Вполне вероятно, что и разговоры, которые он вел с Лидией в тот летний день, отразились впоследствии в одной из его самых лиричных поэм «Анна Снегина».

Но не только на Лидию Кашину заглядывался шестнадцатилетний Есенин, часто, хотя и не надолго влюбляясь в других девушек — то в Анюту Сардановскую, сестру своего друга, то в юную Машу Бальзамову. Читал им стихи, писал искренние, мелодраматические, немного пафосные письма, как бы желая вызвать сочувствие к своей судьбе. «Я не знаю, что делать с собой. Подавить все чувства? Убить тоску в распутном веселии?… Или — жить, или не жить?… Не фальшивы ли во мне чувства, можно ли их огонь погасить?» — писал он Бальзамовой в июле 1912 г.

Такое пессимистическое настроение объясняется тем, что в 1912 г. у Есенина произошел разлад с отцом: Александр Никитич был против того, чтобы сын зарабатывал на жизнь стихами. Он настаивал на том, чтобы Сергей пошел по его стезе и поступил в торговую лавку. На что сын заявил, что будет самостоятельно

искать свое место в жизни.

В 1913 г. Есенин отправился в Москву на поиски работы. Устроился в типографии «Товарищества И. Д. Сытина», где работал сначала грузчиком, а затем корректором. Здесь он познакомился с Анной Изрядновой, которая тоже работала корректором. Она сама зарабатывала себе на жизнь, увлекалась модными поэтами Бальмонтом, Северяниным, Ахматовой, ходила на лекции и митинги. Есенин сразу же приглянулся Анне. В своих воспоминаниях она писала: «С золотыми кудрями он был кукольно красив, окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом». Правда, Анна отмечала, что не все любили Есенина из-за его самолюбия и некоторой заносчивости.

Молодая самостоятельная девушка, да к тому же и влюбленная, быстро привлекла внимание Есенина. Можно только гадать, любил ли он ее по-настоящему или ему недоставало заботы и ласки в Москве, где он оказался без друзей и знакомых. Но как бы там ни было, молодые сняли комнатку возле Серпуховской заставы и начали семейную жизнь. Однако очень скоро Анна поняла, что «вербочный херувим» вовсе не создан для семейной жизни, поскольку все его устремления связаны с поэзией. Домом он не занимался, деньги, если они имелись, тратил на книги и журналы. Да и с Анной обращался сурово, чуть ли не деспотично.

В конце 1914 г. Анна родила сына, Юрия. Почти сразу после рождения своего первенца Есенин переехал к друзьям, поскольку мужем он оказался, надо сказать, никудышным. Не нужны ему были ни семейный очаг, ни налаженный быт. Единственное, чем он мог заниматься, так это писать стихи. Уже тогда он смутно понимал, что поэзия станет для него всем в этой жизни. Семьи, детей, уюта, покоя — другими словами, всего того, о чем мечтает каждый обычный человек, у него не будет. Женщины, романы, увлечения — другое дело, как же поэту без них?

И все же, несмотря на то что семейная жизнь с Изрядновой длилась всего около года, Есенин сохранил к ней добрые чувства. С большим уважением вспоминали Анну Романовну и дети Есенина, Татьяна и Константин. Татьяна

Сергеевна писала: «Анна Романовна принадлежала к числу женщин, на чьей самоотверженности держится белый свет. Все, связанное с Есениным, было для нее свято, его поступков она никогда не осуждала и не обсуждала. Долг окружающих по отношению к нему был ей совершенно ясен — оберегать…»

С начала сентября 1913 г. Есенин начал посещать народный университет, который организовал Альфонс Львович Шанявский,

заработавший огромный капитал на золотых сибирских рудниках. Это заведение так и называлось — «университет имени Шанявского». Полтора года учебы дали Есенину ту основу образования, которой ему так не хватало до сих пор. Вместе с товарищами по учебе молодой поэт наслаждался культурной жизнью Москвы, бродил по Третьяковской галерее, бывал в театрах. Но с кем бы ни встречался, какие бы разговоры ни вел, к концу 1914 г. он все чаще и чаще повторял: «Поеду в Питер, пойду к Блоку. Он меня поймет!»

В столице Есенин появился весной 1915 г. К этому времени он навсегда расстался с мыслью о работе, о службе, о постоянном заработке. Его будущая жизнь виделась ему только как жизнь поэта, свободного художника. Вероятно, именно поэтому был так важен для него отзыв о его стихах самого знаменитого поэта России, каким в те годы был Блок. И Есенин не ошибся в выборе авторитетного критика. Блок прослушал несколько стихотворений, одобрил их, охарактеризовав Есенина как «талантливого крестьянского поэта-самородка».

С легкой руки Блока, давшего Есенину рекомендательные письма к поэту Сергею Городецкому и влиятельному журналисту из «Биржевых ведомостей» Михаилу Мурашову, начался взлет есенинской известности. Вскоре он встретился с Зинаидой Гиппиус и Мережковским, навестил живших в Царском селе Гумилева и Ахматову, осенью побратался с Николаем Клюевым, приехавшим в Питер, чтобы познакомиться с рязанским самородком… «Литературная летопись не отмечала более быстрого и легкого вхождения в литературу. Всеобщее признание свершилось буквально за несколько недель. Я уже не говорю про литературную молодежь, но даже такие „мэтры“, как Вячеслав Иванов и Александр Блок, были очарованы и покорены есенинской музой», — вспоминал Рюрик Ивнев.

В литературных салонах Есенина окружили молодые поэты, представители не столько золотой, сколько «голубой» молодежи. Чаще всего они развлекались на вечеринках у Михаила Кузмина и Рюрика Ивнева. Ухаживали за поэтом-самородком и в богатых буржуазных салонах. Ему удивлялись, им восхищались, дамы угощали его, подавая еду на тарелках коллекционного фарфора, восторгались его стихами, красотой, васильковыми глазами и льняными кудрями.

По-крестьянски хитроватый Есенин сразу же почувствовал, что интерес к нему в этом обществе не всегда чист и бескорыстен. Он всем улыбался, позволял гладить себя по «бархатной шерсти», но уже тогда понимал, какими средствами достигаются успех и слава. И шел он к ним самым кратчайшим путем, ловко используя

журналистов, издателей, хозяев салонов, встречающихся на его пути и неравнодушных к нему. Лишь к немногим из них он сохранил бескорыстные и дружеские чувства. Ивнев в связи с этим отмечал: «Конечно, он знал себе цену. И скромность его была лишь тонкой оболочкой, под которой билось жадное, ненасытное желание победить всех своими стихами, покорить, смять…»

Что касается женщин из литературной богемы, то к ним, по воспоминаниям В. Чернявского, Есенин относился «с вежливой опаской и часто потешал ближайших товарищей своими впечатлениями и сомнениями по этой части. С наивным юмором, немного негодуя, он рассказывал об учащающихся посягательствах на его любовь. Ему казалось, что в городе женщины непременно должны заразить его скверной болезнью. На первых порах ему пришлось со смущением и трудом избавляться от упорно к нему на колени садившейся с ласками маленькой поэтессы. Другая дама, сочувствующая адамизму, разгуливала перед ним в обнаженном виде, и он не мог понять, как к этому относиться, поскольку не знал, что в Питере такие шутки были в порядке вещей. Третья, наконец, оказавшись особенно решительной, послужила причиной его ссоры с одним из приятелей. Он ворчал шутливо: „Я и не знал, что у вас в Питере эдак целуются. Так присосалась, точно всего губами хочет вобрать“. Такова была среда, в которой вращался Есенин и к которой он инстинктивно относился настороженно».

1915 г. стал для Есенина в определенном смысле знаменательным. В октябре он познакомился с известным крестьянским поэтом Николаем Клюевым, оказавшим огромное влияние на молодого Есенина. Это знакомство и положило начало их легендарной дружбе-вражде, в глубинах и тонкостях которой до сих пор разбираются литературоведы и биографы.

Надо сказать, что любовь у Клюева к Есенину была не только любовью поэта к поэту. Выходец из старообрядческой семьи, прошедший послушание на Соловках и искус в хлыстовских и скопческих сектах, Клюев имел наклонность к чувству, которое сегодня называют нетрадиционной любовью. Естественно, что юный красавец Есенин сразу же стал объектом и поклонения Клюева, и его притязаний. По воспоминаниям современников, Николай часто публично демонстрировал свою якобы влюбленность в молодого поэта, например, садился рядом с ним, когда хвалили стихи Есенина, начинал гладить его по спине, приговаривая: «Сокол ты мой ясный, голубень-голубарь» и тому подобное.

Есенин, который сразу же признал в Клюеве своего учителя,

оказался в глупейшем положении. Рвать с поэтом, стихи которого он ценил и без которого не мыслил своего дальнейшего пути к завоеванию читательских умов и сердец, ему конечно же не хотелось. Но и потакать Клюеву — он, молодой, красивый юноша со здоровыми мужскими инстинктами — конечно же не мог. Да и приставания друга иногда с трудом выносил. Об этом, в частности, свидетельствовал С. Городецкий: «У всех нас после припадков дружбы с Клюевым бывали приступы ненависти к нему. Бывали они и у Есенина. Помню, как он говорил мне: „Ей-богу, я его пырну ножом, Клюева“».

Скорее всего, Есенин отстоял себя от болезненных притязаний собрата, и именно это позволило ему позже с добродушным смехом относиться к клюевской патологической слабости, видеть в нем не драматические, а именно комические черты.

Современники поэта, касаясь темы его отношений с Клюевым, отмечая, что Есенин «буквально благоговел перед Клюевым как поэтом», сделали запретной тему их личных отношений. Так, В. Чернявский писал: «Эти сложные взаимоотношения двух индивидуально ярких поэтов, о которых опасно говорить в коротких словах, неизбежно станут большой и, вероятно, загадочной темой для будущего исследователя; она потребует тонкого и бережного анализа, которому не пришло еще время».

К сожалению, предостережения Чернявского не были учтены литературоведами. Связь Есенина с Клюевым не раз становилась предметом оживленных дискуссий, не всегда корректных и нередко принимающих однобокий характер. При этом часто упускалось из виду, что именно по инициативе Есенина произошел его разрыв с Клюевым, о чем последний горько сожалел и всячески сокрушался по поводу конца дружбы с «жавороночком». Примечательно, что, расставшись с Клюевым, Есенин тут же сбросил с себя опереточное одеяние (раньше на эстраде он появлялся не иначе как с завитыми в кольца кудряшками золотистых волос, в голубой шелковой рубахе с серебряным поясом, в бархатных навыпуск штанах и высоких сафьяновых сапожках, да еще и с балалайкой) и уже с 1917 г. одевался подчеркнуто аристократично. Кстати, бельгийский поэт Франц Элленс, переводивший на французский язык есенинского «Пугачева» и встречавшийся с Есениным в 1923 г. в Париже, отмечал: «Этот крестьянин был безукоризненным аристократом…»

Летом 1917 г. Есенин познакомился с молодой красивой секретаршей из эсеровской газеты «Дело народа» Зинаидой Райх.

Любовь вспыхнула мгновенно, и в августе они обвенчались. Первое время молодожены жили врозь, как бы присматриваясь друг к другу. Но вскоре поселились вместе, и Есенин даже потребовал, чтобы Зинаида оставила работу. Жили без особого комфорта, но не бедствовали, и даже принимали гостей. С гордостью Есенин сообщал всем и каждому: «У меня есть жена». Даже Блок удивленно отметил в дневнике: «Есенин теперь женат. Привыкает к собственности».

Однако времена были трудные, голодные, о «собственности» не приходилось и мечтать. И посему семейная идиллия быстро закончилась. На некоторое время молодые супруги расстались. Есенин отправился в Константиново, Зинаида Николаевна была беременна и уехала к своим родителям в Орел, где в мае 1918 г. родилась дочь Татьяна. Спустя почти два года родился их второй ребенок — сын Константин. Но семейного гнезда уже не было. Как писала дочь Есенина, Татьяна: «Насовсем родители разъехались где-то на рубеже 1919–1920 годов, после чего уже никогда вместе не жили».

Зинаида Райх прожила бурную, насыщенную жизнь, полную триумфов и драм. Трагичным оказался и ее конец. В одну из страшных ночей 1939 г., вскоре после ареста ее второго мужа режиссера Мейерхольда, она была найдена в квартире мертвой с многочисленными ножевыми ранениями. Убийц не нашли. Как водится, после этого по Москве пошли слухи, что она якобы обещала рассказать какую-то правду о смерти Есенина. Но сколько тогда ходило таких слухов!

Разрыв с Зинаидой Райх был для Есенина подлинной трагедией. Ни один свой разрыв с женщиной поэт не переживал так тяжело, как этот, ставший для него, да и для нее тоже, незаживающей раной. То, что он «свою жену легко отдал другому» и «Любимая! Меня вы не любили…» мучило Есенина до конца жизни.

Возможно, этот разрыв послужил одним из поводов к тому, что начиная где-то с 1921 г. Есенин пристрастился к вину. Все чаще и чаще, ссылаясь на скуку и усталость, он предлагал приятелям завернуть в тот или иной кабачок. Правда, он не столько пьянел от вина, сколько досадовал на чье-то не понравившееся ему в разговоре замечание, и тогда уже доводил себя до буйства и бешенства.

Именно в этот период в жизнь поэта вошла женщина поистине роковая. Айседора Дункан, знаменитая американская танцовщица, ирландка по происхождению, появилась в России 24 июля 1921 г. в сопровождении ученицы и приемной дочери Ирмы и камеристки Жанны. Приехала якобы по «приглашению

Советского правительства», хотя есть версия, что это был не более чем рекламный трюк. Дело в том, что в Европе успех Дункан был чрезвычайно кратковременным. Ее публичные выступления против «классического балета», ее «концепции танца будущего» вызывали не более чем тягу к необычному, шокирующему, провоцирующему спор или скандал зрелищу.

Безусловно, Айседора была талантливой актрисой, одержимой идеей обновления балета, но переворота в балетном искусстве ей все-таки совершить не удалось. Да и возраст уже не позволял. В 1921 г. ей исполнилось 43 года, хотя она все еще была на редкость хороша и обаятельна.

Женщина по сути своей богемная, Дункан чувствовала себя как рыба в воде в кругу московских писателей, художников, актеров. Именно в одном из самых известных мест артистической Москвы — в студии художника Георгия Якулова — произошла осенью 1921 г. ее встреча с Есениным. Дункан и Есенин сразу потянулись друг к другу. Они никого не замечали вокруг себя, разговаривали больше жестами и взглядами, при этом прекрасно понимая друг друга. Английского языка Есенин не знал, да и не собирался его учить. Айседора же едва владела русским языком. Под утро Дункан отправилась домой, Есенин уехал с ней. С этой ночи особняк на Пречистенке, где она обитала, стал есенинским пристанищем.

Это была встреча родственных душ. Оба — и Дункан, и Есенин — отличались редкой душевной щедростью и мотовством. Айседора бездумно проматывала состояния своих мужей и свои собственные гонорары. Есенин точно так же поступал со своими жалкими заработками. Еще один момент. Если Дункан увидела, помимо всего прочего, в Есенине сходство со своим трагически погибшим малолетним сыном, то для Есенина не меньшее значение имело ощущение не столько женской, сколько материнской ласки, которой ему не хватало в детстве. Да и женщины, которых он любил, все были старше его. Лидия Кашина — на десять лет, Анна Изряднова — на 4 года, Айседора Дункан — на 16 лет; старше была и Августа Миклашевская… Исключение составляла лишь Софья Толстая.

Очень скоро очарование Айседоры развеялось, и она стала надоедать Есенину. От ее ласк временами становилось тошно. Тогда он сбегал. Ночевал у друзей. Так проходил день, другой, третий, неделя. Но потом снова возвращался. «Любит меня… Чудная какая-то… Добрая… Славная… Да все у нее как-то не по-русски», — объяснял он свое возвращение.

В апреле 1922 г. Дункан решила отправиться в Европу, но не одна, а с Есениным. Для этого она обратилась к одному

импресарио с просьбой организовать двухнедельные гастроли ее, Ирмы, «великого русского поэта Есенина» и двенадцати своих учениц. Для получения заграничных паспортов Есенину и Айседоре пришлось пойти в загс и зарегистрировать свой брак. При этом поэт решил взять себе двойную фамилию: «Есенин-Дункан».

В начале мая молодожены прибыли в Берлин и поселились в одном из лучших отелей города. Там они провели полтора месяца, периодически выезжая в другие города Германии. Есенин в Берлине вел достаточно деловой образ жизни. Он посещал редакции, оговаривал с издательствами планы издания своих книг. Вечером, как правило, его ожидали гости, встречи, выступления, неизбежная выпивка и, конечно, скандалы с женой. В конце концов Есенин сбежал от Дункан и спрятался в одном из семейных пансионов, где полностью расслабился, спокойно попивал водочку с друзьями и писал стихи.

Узнав о его побеге, Айседора села в машину и за три дня объездила все отели и пансионаты в городе. Наконец, нашла беглеца и ворвалась в тихий пансион ночью, когда хозяева и жильцы уже спали, а Есенин с друзьями спокойно играл в шашки. Разъяренная женщина перебила всю посуду, сорвала со стены огромные часы, разорвала кружевные гардины. Закончив разбой, Айседора увела с собой перепуганного Есенина.

Дункан пришлось уплатить огромный штраф за разгром, после чего она вместе с Есениным решила уехать во Францию. Но поскольку французские визы еще не были получены, решено было заехать в Кельн, Страсбург, побывать в Бельгии и Швейцарии.

Как в наркотическом сне, пролетели перед взором Есенина великие немецкие города. Не потому, что он очень часто бывал пьян, он и трезвый не очень интересовался их достопримечательностями, как, впрочем, и Францией, и Италией, где они пробыли почти три месяца.

В сентябре 1922 г. Есенин и Дункан прибыли в Нью-Йорк. И здесь не обошлось без скандала — представители иммиграционного ведомства долго не выдавали им разрешение на въезд в Америку, опасаясь пропаганды коммунистических идей.

Опасения были не напрасными. Хотя Есенин и Дункан дали расписку о том, что они обязуются на представлениях не петь «Интернационал», этот революционный гимн звучал на всех выступлениях танцовщицы. Что на них творилось, можно судить по отзывам о концерте в симфоническом павильоне Бостона, где собралось 10 тысяч зрителей. Айседора кричала о своей любви к большевистской России. Публика на галерке, захлебываясь от

восторга, ринулась в партер, требуя исполнения «Интернационала». Дело дошло до того, что в зал въехала конная полиция и стала разгонять толпу. А Есенин в это время, по-видимому, больше от отчаяния, чем от озорства, открыл окно туалетной комнаты, выставил красный флаг и стал размахивать им, крича: «Да здравствует Советская Россия! Да здравствует большевизм!»

После Америки у Айседоры были запланированы выступления в Париже. Есенин уехал в Берлин, вскоре Дункан приехала к нему. И опять началось: шампанское, русские песни, танцы, сцены ревности, битье посуды, изгнание из отелей, успокаивающие уколы. Закончилось все семейным советом, на котором Айседора решила, что они должны вернуться в Россию. Туда они благополучно и прибыли в августе 1923 г.

О Европе Есенин почти никогда не говорил. Только по приезде бросил фразу: «Европа — мразь». Америка была удостоена более пространных излияний. «Да, я скандалил, — откровенничал он со своим другом Л. Повицким, — мне это нужно было. Мне нужно было, чтобы они меня знали, чтобы они меня запомнили. Что… я им стихи читать буду? Американцам стихи? Я стал бы только смешон в их глазах. А вот скатерть с посудой стащить со стола, посвистеть в театре, нарушить порядок уличного движения — это им понятно. Если я это делаю, значит, я миллионер, мне, значит, можно. Вот и уважение готово, и слава, и честь! О, меня они теперь помнят лучше, чем Дункан!..»

Не прошло и двух недель после возвращения из-за границы, как Есенин разорвал брачные отношения с Дункан и съехал с Пречистенки. Почти два месяца он скитался по разным квартирам, пока, наконец, не обосновался у Галины Бениславской, сотрудницы газеты «Беднота». Уже несколько лет страстно влюбленная в Есенина, она предоставила ему угол в своей комнате в Брюсовском переулке.

«Галина Артуровна Бениславская, или просто Галя, как звали ее мы, была молодая, среднего роста, с густыми длинными черными косами и черными сросшимися бровями над большими зеленовато-серыми глазами… Отец у Гали был француз, мать — грузинка», — так описывала эту женщину сестра поэта, Александра.

Есенин был искренне благодарен этой женщине, приютившей его и взявшей в дальнейшем в свои руки все дела по устройству рукописей и книг. Но при этом не испытывал к ней никаких сердечных чувств, что конечно же травмировало и оскорбляло ее. Открытые свидания с крутящимися вокруг девицами вроде Риты Лившиц, Нади Вольпин или Агнессы Рубинчик доставляли ей

немалые страдания, как и поездки Есенина на Пречистенку. Он долго еще не находил в себе сил окончательно порвать с Дункан и, уже оставив ее, испытывал обостренное желание видеться с ней хоть раз в неделю.

Двусмысленность отношений с Бениславской мучила и раздражала Есенина. Он жил в квартире у женщины фактически на правах мужа, здесь его ждали, заботились о нем, он полностью доверял ей свои деловые отношения — но и только! К Галине Есенин не испытывал ничего похожего на любовь. Хотелось чего-то высокого, чистого, постоянного.

Это «высокое» почудилось ему в актрисе Камерного театра Августе Миклашевской, с которой он встречался около месяца. Через много лет Миклашевская вспоминала, с какой удивительной нежностью и благородством относился к ней Есенин, как он повторял ей во время почти ежедневных встреч: «Я с вами, как гимназист». Писала с долей удивления, что не слышала от него ни одного не только грубого, но даже и резкого слова. Как будто во время встреч с ней отходило в сторону все, что мучило его, улетучивались тяжелые, невеселые думы, а сам он преображался на глазах.

Есенин посвятил Миклашевской семь стихотворений, составивших цикл с озорным названием «Любовь хулигана». Пожалуй, больше никому он не писал таких пронзительных строк:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.

Но встречи становились все реже и реже. И однажды, увидев Миклашевскую на улице, соскочив с извозчика, Есенин подбежал к ней и сказал: «Прожил я с вами всю нашу жизнь».

Здесь уместно заметить, что в своих любовных стихах Есенин никогда ничего не придумывал. Друг поэта И. Грузинов отмечал: «Всякая черточка, даже самая маленькая, в его стихах, если стихи касаются его собственной жизни, верна. Сам поэт неоднократно указывает на автобиографический характер его стихов…»

Это в какой-то степени может относиться и к знаменитому циклу «Персидские мотивы», написанному в Баку и Батуме, где Есенин жил несколько месяцев в 1924–1925 гг.

Из писем 1924–1925 гг. можно подумать, что Есенин жил в Батуме замкнуто и одиноко. «…Увлечений нет, — писал он Бениславской. — Один. Один. Хоть за мной тут бабы гоняются. Как же? Поэт ведь. Да какой еще известный. Все это и смешно и

глупо».

Хотя такие уверения не совсем соответствуют действительности. Были в Батуме и женщины, в их числе и Шаганэ Тертерян, и попытки драк, и другие всевозможные чудачества. Батумская знакомая Есенина Анна Лаппа-Старженецкая в своих воспоминаниях писала: «В те годы в Грузию, особенно в Батум, стекалось множество беженцев из России, женщин из богатых семей, перепуганных победоносным шествием большевиков. Многие выехали за границу, но многие осели в городе. Большинство женщин, не привычных ни к какому труду, хотя и образованных, предпочли „веселиться“ и вести легкую жизнь. Они были желанными гостями в доме княгини Тамары Михайловны Накашидзе, на нижнем этаже которого разместилось представительство англо-американской фирмы „Стандарт ойл“. Когда рассказывающая мне об этом Мария Михайловна Громова навестила свою знакомую Накашидзе с целью снять у нее комнату внизу, та ответила: „Что вам там нужно? Там бордель, конечно, негласная“. Вот в этой-то борделе встречался Сергей Есенин в бытность свою в Батуме со всеми женщинами, которые его осаждали, в том числе и с Ольгой Кобцовой, и с Есауловой, с Соколовской, с Шаганэ Тертерян. А не в „обществе педагогов“, как говорит Шаганэ, ибо в двухклассной армянской школе, где она временно работала групповодом „нулевки“, не было никаких педагогов, кроме ее сестры Катры».

Возможно, Анна Лаппа-Старженецкая полемизировала с Л. Повицким, который писал: «Сергей Александрович познакомился в Батуме с молодой интересной армянкой по имени Шаганэ…» Интересна была и ее младшая сестра Катя, тоже учительница. Она знала стихи Есенина и потянулась к нему всей душой. Есенин, однако, пленился ее сестрой, с лицом совершенно нетипичным для восточной женщины. Есенина пленило в ней и то, что:

Там, на севере девушка тоже,
На тебя она очень похожа…

Внешнее сходство с любимой девушкой и ее певучее уменьшительное имя вызывали у Есенина большое чувство нежности к Шаганэ. Свидетельство этому — стихи, посвященные ей в цикле «Персидские мотивы».

Сам же Есенин, кроме стихов, других биографических сведений на сей счет не оставил.

1 марта 1925 г. Есенин вернулся в Москву. И мартом этого года датируется его знаменитое стихотворение «Собаке Качалова». Там есть такие строки:

Мой милый Джим, среди твоих гостей
Так много всяких и не всяких было.
Но та, что всех безмолвней и грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?
Она придет, даю тебе поруку,
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.

Скорее всего, эти строки обращены к Галине Бениславской, которой незадолго до этого Есенин написал жестокое и оскорбительное письмо: «Милая Галя! Вы мне близки как друг, но я Вас нисколько не люблю как женщину». Он сознательно шел на открытый разрыв с Бениславской, поскольку в его жизнь вошла другая женщина — Софья Толстая, внучка великого писателя. Неожиданно и легкомысленно он принял решение жениться на ней.

По иронии судьбы, их знакомство произошло по случаю дня рождения Бениславской. 5 марта 1924 г. Галина устроила вечеринку, на которую была приглашена и Софья Толстая с ее любовником писателем Борисом Пильняком. Как писала сама Толстая, эта встреча «решила мою судьбу… Через несколько месяцев, весной 1925 г. я вышла за него замуж, в декабре Сергея Александровича не стало. Что я тогда пережила… Страшно подумать!»

Но в то время Есенин, представляя Галину друзьям, иногда называл не только своим другом, но и женой. И она никак не могла ожидать такого предательства. Тем более что в декабре 1924 г. Есенин писал из Батума: «Может быть, в мире все мираж, и мы только кажемся друг другу. Ради бога, не будьте миражом Вы. Это моя последняя ставка, и самая глубокая…»

Оказалась, что последнюю ставку он сделал на Софью Толстую. Как женщине, отдавшей свою жизнь Есенину, Бениславской было еще больнее оттого, что Софья была заурядной и неинтересной, полностью проигрывала по сравнению с ней. В этой невысокого роста женщине, с небольшими пронзительными глазами и нависшими бровями, многие видели поразительное сходство со знаменитым дедом. Характер у нее был неровный — в гневе она бывала властна и резка, и ласкова в хорошем настроении.

В душе у оскорбленной и униженной Бениславской бушевали настоящие страсти. Их она изливала в своем дневнике: «Погнался за именем Толстой — все его жалеют и презирают: не любит, а

женится… даже она сама говорит, что будь она не Толстая, ее никто не заметил бы… Сергей говорит, что он жалеет ее. Но почему жалеет? Не пожалел же он меня. Не пожалел Вольпин, Риту и других, о которых я не знаю… Спать с женщиной, противной ему физически, из-за фамилии и квартиры — это не фунт изюму».

И правда, Есенин не выглядел счастливым женихом. То он трезвый, тихий приходил с невестой к друзьям, а то смертельно пьяный кричал: «Вчера сбежал от невесты! Свадьбы не будет!» Затем снова мирился с Софьей.

Еще один нюанс. В то время, когда полным ходом шло сватовство к Толстой, у поэта возникли весьма серьезные отношения с Ириной Шаляпиной — дочерью великого русского певца. Он полушутя говаривал приятелям: «Что лучше — Есенин и Шаляпина или Есенин и Толстая?» Отношения, как можно предположить, развивались бурно и весьма драматично. Никто уже не скажет, с чего они начались и что послужило толчком к разрыву. Достоверно известно, что Есенин написал более двух десятков писем, адресованных Ирине Шаляпиной, которая их уничтожила — все до одного.

Так или иначе, он сделал свой выбор, женившись на Софье. Возможно, рассчитывал обрести наконец свой угол и зажить нормальной семейной жизнью. Но надежды оказались напрасными. «…С новой семьей вряд ли что получится, — жаловался он Вержбицкому буквально в первый месяц после свадьбы, — слишком все здесь наполнено „великим старцем“, его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня…»

Многие в то время говорили о беспробудном пьянстве поэта и даже строили планы помещения его в клинику для лечения. Но вот парадокс: именно два последних года своей жизни он работал как одержимый. Тогда было написано около сотни прекрасных стихотворений, не говоря о крупных поэмах. Друзья-собутыльники появлялись уже после работы — один-два стакана водки, и начиналось буйство. Но те, кто видел трезвого Есенина, отмечали, что он был деликатным и даже нежным человеком, сдержанным даже со своими врагами.

В ноябре 1925 г. Есенин все-таки решил подлечить нервы и лег в клинику, но пробыл в ней недолго. 21 декабря 1925 г. он прервал лечение и решил отправиться в Ленинград. Собирался основательно. В Госиздате написал заявление об отмене всех доверенностей на гонорары, снял все деньги со сберкнижки. Перед самым отъездом он появился в квартире брошенной им

Софьи. Мрачный, насупившийся, Есенин кое-как сложил вещи в несколько чемоданов, буркнул: «До свидания» — и, не обращая ни на кого внимания, ушел. Оказалось, навсегда.

По прибытии в Ленинград Есенин сразу же отправился в гостиницу «Англетер». А через четыре дня, 25 декабря 1925 г. его не стало. По официальной версии, он покончил жизнь самоубийством, повесившись в своем номере.

Хоронили Сергея Александровича Есенина с большим размахом. Расходы по погребению взяло на себя государство. Было решено перевезти тело в Москву для захоронения на Ваганьковском кладбище. На Доме печати висел транспарант: «Тело великого русского национального поэта Есенина покоится здесь». На кладбище поэта провожали толпы людей. Под плач и крики «Прощай, Сережа!» гроб опустили в могилу. На насыпанном холме воздвигли простой деревянный крест…

Галина Бениславская почти год спустя, 3 ноября 1926 г., застрелилась на могиле Есенина. Ее похоронили рядом с ним.

Уже после смерти Есенина исследователи его творчества отмечали, что чистое счастье любви поэт испытывал лишь тогда, когда эта любовь была как бы неземной, идеальной. Именно такое ощущение рождало, возможно, самые светлые страницы есенинской лирики, и именно мечта о такой бестелесной, не плотской, вечно длящейся любви не оставляла его на протяжении всей жизни. Возможно, поэтому самые светлые воспоминания Есенина были о женщинах, которых он любил, но которые сказали ему «нет». Собственно, и к любви, и к жизни Есенин отнесся как к волшебной сказке. А когда сказка закончилась, то любовь и жизнь потеряли всякий смысл.

Гейбл Кларк Уильям

(род. в 1901 г. — ум. в 1960 г.)

Знаменитый американский актер театра и кино. Исполнитель ролей искателей приключений и героев-любовников в 67 фильмах и в жизни. Среди его почетных званий и наград титул «короля Голливуда» (1937 г.) и «секс-символа» Америки. Но при всем обилии любовных связей он сумел не нанести обиды ни одной женщине.

Кларк Гейбл — единственный из американских кинозвезд, официально провозглашенный «королем Голливуда». После его кончины «Нью-Йорк Таймс» писала об актере: «В иерархии великих „звезд“, которых в те счастливые времена, освещенные

его присутствием, было немало, он был признан первым среди равных. Может быть, он был не слишком изощрен в актерской технике. Может быть, ему не хватало блеска, присущего входившим тогда в моду английским „звездам“. Но вот уж в чем у него не было недостатка — это в обаянии, мужественности… Он был настоящим мужчиной. До кончика ногтей». Гейбл и до сих пор занимает 8 место в списке мужчин секс-символов XX в.

Сам же актер сдержанно относился к своим громким титулам. Незадолго до смерти он говорил: «Знаете, вся эта мура насчет „короля“ и прочего — чушь собачья. Я ем, сплю, принимаю душ, как все обыкновенные люди. Я не чувствую в себе никакого внутреннего света, который делал бы меня „звездой“. Я — простой парень из Огайо, которому посчастливилось оказаться в нужном месте в нужный момент и получить поддержку умных людей». Даже когда было объявлено, что он выдвинут на соискание «Оскара», Гейбл совершенно искренне решил, что ему просто улыбнулась удача. «В кино столько хороших актеров, — сказал он. — Я попал в эту компанию случайно». С этой самооценкой актера можно согласиться лишь отчасти. Он никогда не завышал своих возможностей и действительно был обычным простоватым парнем, с обветренным лицом и мускулистыми руками, с грубоватыми манерами, которые скрашивались красотой, атлетическим сложением и обаятельной улыбкой. Но в том, что именно он стал избранником Голливуда, не было ничего случайного, ибо Кларк Гейбл всегда полагался не на удачу, а на свои собственные силы и труд, обладал исключительной настойчивостью и несокрушимостью.

Его путь в искусство был долгим и нелегким. Он родился 1 февраля 1901 г. в Кадисе, штат Огайо, в семье выходцев из Голландии по фамилии Гебел, которая со временем превратилась в английскую — Гейбл. Его отец, Уильям Гейбл, имел собственный буровой станок и занимался нефтедобычей. Мать Кларка, Аделина Гейбл, умерла, когда ему не исполнилось и года, и малыш был предоставлен заботам бабушки и дедушки. Вскоре отец женился на Дженни Данлеп и переехал с сыном в небольшой городок Хоупдейл. Здесь мальчик был окружен настоящей материнской заботой и любовью. Вспоминая о том времени, он не раз говорил: «Самым счастливым в моем детстве был день, когда я приехал к мачехе. Она была очень приветливой, любящей женщиной, словом, сама доброта». Дженни оказалась человеком жизнерадостным, общительным, она очень любила музыку и пение. У нее Кларк многому научился: доброте, вежливости, чувству собственного достоинства. Она же привила ему любовь к искусству, всячески поощряла его участие в самодеятельных

спектаклях, концертах школьного оркестра и сама учила его игре на пианино.

Когда Кларку исполнилось 15 лет, здоровье Дженни резко ухудшилось и семья обосновалась на ферме в Портедж-Каунти, недалеко от Равенны. Здесь подростку впервые пришлось заняться нелегким фермерским трудом и задуматься над своим будущим. Выбор, предложенный ему отцом — фермерство или нефтедобыча, — был ему не по нутру. Он решил уехать в более крупный город Экрон, чтобы закончить там школу и потом поступить на медицинский факультет. Отец, считавший, что всякий сильный и здоровый мужчина должен работать руками, был категорически против. Дженни, будучи сторонницей юноши, всячески защищала его. «Если бы не она, я, может быть, до сих пор фермерствовал бы в Огайо», — скажет потом Гейбл.

Но попав в многолюдный, сверкающий огнями реклам город, Кларк сразу же забыл о прежних намерениях. Школа осталась незаконченной, медицина стала неинтересной. Увлеченный театром, он стал бесплатно работать мальчиком для вызова актеров на сцену. Кларк ночевал в театре и питался на скудные чаевые, но чувствовал себя счастливым. Иногда ему перепадали крошечные роли. Но вскоре его «театральный праздник» закончился. Умерла Дженни. Отец потребовал его возвращения домой и забрал с собой на нефтяной промысел.

Четырехлетняя тяжелая работа нефтяника пошла молодому человеку на пользу: он возмужал, раздался в плечах, приобрел выносливость и атлетическое сложение, которые потом так пригодились ему в кинокарьере. Но стоило Кларку увидеть в газете объявление о создании в Канзас-Сити театра с постоянной труппой, как он тут же оставил работу на промысле. Пять лет прошли в скитаниях и борьбе за существование. Они вместили в себя бесконечные гастрольные поездки по маленьким городкам Среднего Запада, игру в оркестре перед началом спектаклей, перетаскивание декораций и крошечные, несуразные роли, вроде той, которую ему пришлось играть в спектакле «Злодей все еще преследует ее». В нем Кларк, изображая ребенка, появлялся на сцене в огромной детской коляске (при росте 185 см). Но иногда не было и этого, и ему приходилось работать на пилораме, продавцом в универмаге или попросту голодать. Одно время он жил в семье своей невесты, молодой талантливой актрисы Франц Дофлер, в которую был без памяти влюблен. Свадьба так и не состоялась. Франц предпочла безденежному жениху надежный гастрольный контракт.

Возможно, Гейбл так бы и остался актером бродячих театров, если бы не воспользовался единственным на то время шансом:

даже в годы безвестности он был избалован вниманием женщин. Помощь, поддержку и поистине материнскую заботу о начинающем артисте проявила Джозефина Диллон, преподававшая драматическое искусство. Разглядев в юноше большие возможности, она приступила к созданию потрясающего имиджа мужчины-сердцееда: шлифовала манеры, учила правильному произношению, репетировала с ним роли, которые Гейбл начал играть в спектаклях созданной ею труппы, и даже отправила к дантисту, где он приобрел «голливудскую улыбку». Джозефина настояла, чтобы актер отбросил свое первое имя Уильям. Так он и вошел еще в немой кинематограф под именем Кларк Гейбл. Позднее артист вспоминал: «Она научила меня чувству ритма, координации, искусству вхождения в роль… Я всегда буду благодарен ей за терпеливые и высокопрофессиональные уроки актерского мастерства».

Благодарность Гейбла распространилась не только на сферу искусства. Несмотря на то что его покровительница была старше на 13 лет, 13 декабря 1924 г. они стали мужем и женой. Впоследствии многие упрекали Гейбла в примитивном расчете. Конечно, обоюдной пламенной любви не существовало, но было доверие, взаимоуважение и понимание. После свадьбы чета Гейбл переехала в Лос-Анджелес, где Кларк дебютировал в фильме «Белый человек за пятнадцать долларов». Но двери студий он перед актером не распахнул. Джозефина считала, что Гейбл готов покорить Голливуд, но он предпочел театральную карьеру на нью-йоркской сцене. Супруги расстались по-дружески в марте 1929 г.

Только после удачного выступления в главной роли в спектакле «Последняя миля» Гейбла заметили кинорежиссеры и пригласили сняться в картине «Нарисованная пустыня». Она относилась к категории «В», но жалованье в 750 долларов в неделю скрашивало все недостатки этой работы, в том числе и необходимость в короткий срок овладеть искусством верховой езды. Хотя Гейблу и приходилось работать на ферме, но на лошадь он никогда не садился. Пришлось брать уроки в манеже. Впоследствии актер не без гордости говорил: «Первые несколько дней у меня все болело, и я с трудом мог ходить после занятий, но я это выдержал. Через пять недель, когда начались съемки в Аризоне, я уже вполне сносно ездил верхом».

Взяв это препятствие, Гейбл неожиданно для себя столкнулся с другим, оказавшимся более серьезным для его кино-карьеры. Несмотря на привлекательную внешность, настоящим камнем преткновения для создаваемого им образа мужественного героя-любовника оказались большие торчащие уши. Они постоянно

служили объектом всевозможных острот. Актер Милтон Бирл называл их «лучшими ушами нашей жизни», а киномагнат Говард Хьюз в своих воспоминаниях писал: «Его уши делали его похожим на такси с открытыми дверцами». Никакие ухищрения гримеров — приклеивание липкой лентой, нанесение темного тона — не могли решить эту проблему. Удивительнее всего, что она исчезла сама по себе после того, как Гейбл стал знаменитостью: их просто перестали замечать. Антрепренер актера, Мина Уорнер, вспоминала по этому поводу: «Он ничего не предпринимал, чтобы исправить свой недостаток. И однажды Джек Уорнер, посмотрев „Танцующих дочерей“, спросил: „Черт побери, что это за парень, почему мы его проморгали?“ „Это тот самый, — ответила я, — которого вы забраковали из-за ушей“. — „Быть не может! Он что же — сделал операцию?“ — „Нет. Они остались, как были“».

Фортуна улыбнулась Гейблу в лице светской дамы и состоятельной вдовы техасского нефтяного миллионера Рии Фрэнклин Прентис Лукас Лэнгхем. 43-летняя любовница способствовала выдвижению своего обворожительного протеже. В 1931 г. Гейбл снялся в 11 картинах. Его партнершами были такие звезды Голливуда, как Джоан Кроуфорд, Норма Ширер, Мирна Лой, Джин Харлоу. А после исполнения роли гангстера в фильме «Свободная душа» он сам стал звездой, создав на экране новый тип грубой мужской сексапильности. 19 июля 1931 г. Кларк женился на Рие.

Свои кинематографические успехи Гейбл отметил покупкой первой спортивной машины. Он так гордился ею, что друзья подозревали, уж не ночует ли он в ней. Но у него были более сильные увлечения. Герой-любовник на экране был не менее любвеобильным и пылким в жизни, тем более что вокруг было столько очаровательных женщин. Однажды, будучи уже всемирно известным, Гейбл, просматривая рекламный проспект, посвященный звездам киностудии, заметил: «Какое чудесное сборище красавиц — причем ни одну из них я не упустил». Действительно, перечень любовниц Гейбла мог бы занять не одну страницу, да и официальных жен у него было немало. Брак вовсе не мешал многочисленным любовным связям актера. Одна из них — с Джоан Кроуфорд — была самой длительной: в течение 30 лет он время от времени возвращался к ней и их роман разгорался с новой силой. Джоан, хорошо знавшая обо всех его слабостях и увлечениях, тем не менее признавалась: «второго такого обаятельного человека я не встречала».

С любовными похождениями Гейбла связано немало легенд. Есть среди них и «тайна, известная всем». Одной из его партнерш в кино и в жизни была блистательная Лоретта Янг, начавшая свою

карьеру в четырехлетием возрасте. С Кларком она познакомилась на съемках фильма «Зов предков». И если сильнейший затяжной снегопад навел уныние на всю группу, то влюбленные Янг и Гейбл были настолько поглощены страстью, что «не заметили», как Лоретта забеременела. Незамужняя кинозвезда ждала ребенка от женатого актера — это предвещало крах ее карьеры и скандал (для того времени) в Голливуде и в глазах католической церкви. О признании отцовства не могло идти речи, хотя Гейбл даже ушел от жены. Все отношения были срочно прерваны и, как оказалось, навсегда. В строжайшей тайне Лоретта родила девочку, окрестила ее как Мари Джудит Кларк (без упоминания имен родителей) и отдала на воспитание в католический приют. Спустя два года Янг удочерила собственного ребенка. Правду об отце Джудит узнала, когда ей исполнилось 30 лет, а Гейбла уже не было в живых. В откровенной книге о своих знаменитых родителях она рассказала о единственной встрече с отцом и разговоре с ним. На прощание он поцеловал 15-летнюю дочь в щечку, и потрясенная девочка несколько дней с восторгом рассказывала о визите к ней неотразимого красавца с проникновенным взглядом и ироничной улыбкой, сводившей с ума все женское население.

Справедливости ради надо отметить, что популярность Гейбла основывалась не только на его красоте и обаянии. От фильма к фильму росло и его актерское мастерство. Уже в картине «Сьюзен Ленокс» (1931 г.) он стал достойным партнером великой Греты Гарбо. А в 1934 г. актер сыграл одну из самых лучших своих ролей — предприимчивого репортера в фильме «Это случилось однажды ночью». Картина стала настоящей сенсацией, а работа актера была удостоена высшей награды Американской киноакадемии. Гейбл принял «Оскара» с ослепительной улыбкой, сказав только одно слово: «Спасибо». До самой последней минуты, помня о своих прежних неудачах, он боялся поверить в то, что сможет победить. Теперь актер занял ведущее положение на «фабрике звезд» и стал самым высокооплачиваемым. В трех из пяти лучших фильмов Голливуда 1930 гг. Гейбл сыграл главные роли: «Это случилось однажды ночью», «Мятеж на „Баунти“» и, конечно, «Унесенные ветром».

Растущая популярность не смогла «застраховать» Гейбла от неудач, которые были в основном связаны с его попытками изменить свой имидж. Так случилось с его работой в фильме «Парнел» (1937 г.), где он исполнял роль ирландского патриота, борющегося за независимость страны. Зрители с негодованием встретили этого героя, не желая, чтобы актер отказывался от ролей «настоящих мужчин» и изображал исторических деятелей.

После провала картины Гейбл заявил: «Никто никогда не заставит меня поддаться на подобные предложения еще раз, я знаю свои возможности, и действительно, мне больше всего подходит рубашка с расстегнутым воротом, джинсы и грубые башмаки». И актер вернулся к своему прежнему облику, который заставлял женщин дрожать от восторга, а мужчин — копировать его. Нахальный, но такой обаятельный, язвительный, циничный, иронично-умный неотразимый мужчина. Типичное воплощение «Великой американской мечты». Ковбой, гангстер, джентльмен, искатель приключений и любимчик женщин. На такого стоит равняться. И мужчины старались: костюмы и шляпы «под Гейбла», усики «а-ля Гейбл». А когда в одном из фильмов он рванул на груди рубаху и под ней не оказалось привычной майки, фирмам, производящим нательное белье, впору было обращаться в суд: мужчины перестали приобретать эту продукцию.

Вот таким безумно обаятельным, мужественным и нежным, волевым и покоренным, «добрым злодеем» Гейбл предстал в роли Ретта Батлера в «Унесенных ветром» (1939 г.). Посмотрев фильм, автор романа Маргарет Митчелл заявила, что созданный им на экране Ретт превосходен и что он точно такой, каким она себе его представляла. Фильм завоевал девять «Оскаров». Вспоминая об этом награждении, секретарь Гейбла, Джин Гарсо, писала: «Кларк радовался за Виктора Флеминга, удостоенного „Оскара“ за режиссуру, и, по-моему, совсем не расстроился, что не получил награды сам. „У меня уже есть „Оскар““, — говорил он».

Во время съемок все ожидали начала бурного романа между Кларком и «зеленоглазой Скарлетт» — Вивьен Ли. Они разочаровали публику. «Чопорная англичанка» думала лишь о несравненном Лоренсе Оливье, а Кларк жил любовью к великолепной актрисе Кэрол Ломбард. Они познакомились на съемках фильма «Не ее мужчина» (1932 г.), но ничего, кроме прекрасного комедийного дуэта, не состоялось. В январе 1936 г. Кларк встретил Кэрол в модном клубе, где он не любил бывать, а она там постоянно пропадала. Ломбард славилась своим невоздержанным поведением и грубыми манерами, что, в общем-то, всегда раздражало джентльмена Гейбла. Когда ей делали замечание, что такой красавице не пристало материться, она отвечала: «Если вы привлекательная блондинка, вам лучше знать подобные слова. Ничто другое так здорово не ставит мужчин на место!» Кларку на предложение подняться в номер она, удивленно выгнув брови, заявила: «Ты что думаешь, что ты Кларк Гейбл?»

Вскоре Кэрол исправила свой отказ «веселеньким подарочком» на День Святого Валентина. Кларку доставили

купленный за 15 долларов старый развалившийся «форд», мило покрашенный в белый цвет и разрисованный красными сердечками с откровенной надписью-призывом «Ты сводишь меня с ума». Это произвело на любителя женщин и автомобилей «неизгладимое впечатление». Он ответил достойно: пригласил даму, похожую на греческую нимфу, на ужин. Кэрол, предвкушая прекрасный вечер, принарядилась, набросила на плечи роскошное шиншилловое манто и вышла на порог. Ее ждал неотразимый Гейбл и «разрисованное чудо-юдо». Так, весело хохоча и дурачась, они «рванули» (на скорости 10 км — быстрее развалюха ехать не могла) к своей любви.

Это были самые счастливые годы в жизни Кларка. Правда, Рия три года не давала ему развода, поклявшись вытянуть из мужа все, что в него вложила. Свобода стоила ему почти всего состояния. Но и Кэрол была щедра к своему возлюбленному и оформила на него ранчо в Энсино стоимостью в 50 тыс. долларов. Кларк подарил своей невесте роскошный ярко-желтый кадиллак-кабриолет и… свою собственную статую в полный рост. Никогда и никому он не делал столь дорогих подарков.

29 марта 1939 г. Кэрол и Кларк обвенчались. Самая взбалмошная звезда Голливуда 30-х гг., на удивление всем, превратилась в спокойную домашнюю женщину. Супруги уединились на ранчо, жили скромно и по голливудским меркам странно: в обществе почти не появлялись, занимались огородом, ухаживали за лошадьми, рыбачили, охотились и много читали. Свое пристрастие к книгам Гейбл скрывал от поклонников, чтобы не испортить мужественный имидж. Их дом был всегда наполнен весельем, смехом. В нем все вращалось вокруг Кларка, его желаний и увлечений. Кэрол нередко говорила: «Кларк у меня на первом месте». Она не подписывала ни одного контракта на то время, когда муж не снимался.

Когда Америка вступила во Вторую мировую войну, Гейбла назначили председателем Отдела киноактеров в голливудском Комитете Победы. Принять участие в кампании штата Индиана по продаже оборонного займа он не смог из-за съемок в фильме «Шонки-Тонк». Кэрол с радостью согласилась помочь мужу и стране. Простить себе этого Гейбл не смог до конца жизни.

16 января 1942 г. Кэрол очень спешила вернуться домой и предпочла медленному поезду стремительный авиаперелет. Она очень ревновала Кларка, тем более что его партнершей была великолепная Лана Тернер. Самолет, на котором она летела, врезался в один из отрогов Столовой горы. Все пассажиры погибли. Смерть Кэрол стала для Гейбла огромным потрясением. Он прервал съемки, похудел на восемь килограммов, бесцельно

бродил по ранчо и пил. В комнате жены Кларк запретил прислуге что-либо менять и часто крутил на домашнем кинопроекторе фильмы с участием Кэрол.

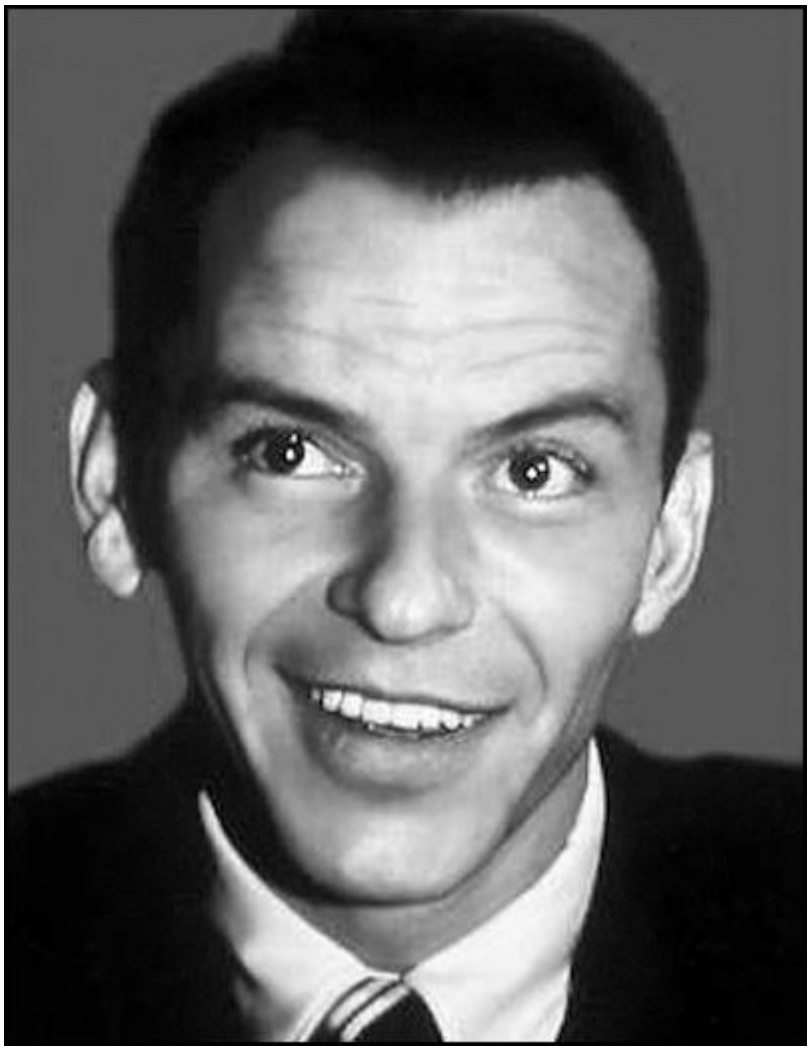
Затем Гейбл завербовался в ВВС США. Из него получился отличный пилот бомбардировщика. Немцы даже назначили цену за его голову. Кларк откровенно искал смерти, но она обошла его. Он уволился в запас в июне 1944 г. в чине майора и с двумя боевыми наградами. Лишь однажды Гейбл посетил публичное мероприятие — на воду спускали корабль «Кэрол Ломбард». И когда о его борт разбилась бутылка шампанского, все увидели, что «мужественный авантюрист» впервые в жизни плачет. Впоследствии об этой звездной паре был снят фильм, который так и назывался — «Гейбл и Ломбард» (1976 г.).

Но время и работа лечат любые раны. В 1946 г. Гейбл снова появился на экране, теперь уже в образе зрелого искателя приключений. В его жизни то появлялись, то исчезали женщины: Ава Гарднер, Грейс Келли (будущая принцесса Монако), Сьюзан Дадолл, Вирджиния Грей и Джоан Кроуфорд. В 1949 г. Гейбл вновь женился — на Сильвии Эшли, вдове актера Дугласа Фэрбенкса. Но уже через три недели понял, что «совершил чудовищную ошибку». Выдержав достойную паузу в полтора года, супруги без обид расстались.

Пятой женой Гейбла в 1955 г. стала начинающая манекенщица Кей (Кетлин) Уильямс, которая была моложе его на 15 лет. Кларку так хотелось иметь свой дом и крепкую семью. Двоих детей Кей от первого брака он усыновил, но мечтал о своем ребенке. Во время съемок фильма «Неприкаянные» (1960 г.) Гейбл изводил группу разговорами о предстоящем отцовстве. Он утверждал, что это обязательно будет мальчик. Но ни фильма, роль в котором актер считал своей лучшей работой после «Унесенных ветром», ни сына Джона Кларка ему не суждено было увидеть. 16 ноября 1960 г. Кларк Гейбл скончался от сердечного приступа.

В своем последнем разговоре с М. Монро, партнершей по «Неприкаянным», актер сказал: «Смерть такая же естественная штука, как и жизнь. Я заметил, что тот, кто боится умирать, точно так же боится и жить. Поэтому про нее надо забыть». И наверное, поэтому, когда речь заходит о Кларке Гейбле, никто не вспоминает, что актера уже нет в живых. Перед глазами встает обаятельный авантюрист Ретт Батлер, в которого, как сказала Ава Гарднер, «ни одна нормальная женщина просто не могла не влюбиться».

Синатра Фрэнк



(род. в 1915 г. — ум. в 1998 г.)

Американский джазовый и поп-певец, киноактер, обладавший необыкновенной сексуальной притягательностью.

«Сладкоголосый Фрэнк», «бархатный баритон», «вкрадчивый стиль», «неподражаемый тембр»… Такими эпитетами и определениями награждали Фрэнка Синатру критики и слушатели, завороженные его мягкими текучими музыкальными фразами, вызывающими, особенно у женщин, необычайное сексуальное возбуждение. Голос Синатры мог кого угодно вдохновить на любовь. Даже если мужчина и женщина были не

знакомы друг с другом, а просто оказывались рядом, пение «сладкоголосого Фрэнка» соединяло их сердца и души, заставляя забыть обо всех треволнениях жизни. За это его обожала публика, за это его любили самые красивые и чувственные женщины.

Имя Фрэнка Синатры трижды увековечили на плитах «аллеи звезд» — как певца, киноактера и телезвезды. Его бархатный баритон, согласно опросу, проведенному Би-би-си, признали «величайшим голосом XX столетия». Одним словом, «неповторимый Синатра», «лучший певец-мужчина всех времен и народов» стал целой эпохой, вписав свое имя золотыми буквами в историю американской поп-культуры.

Фрэнсис Альберт Синатра родился 12 декабря 1915 г. в небольшом городке Хобокен в семье выходцев из Италии. Его отец, Мартин Синатра, неудавшийся боксер, в поисках лучшей доли пересек океан и осел в штате Нью-Джерси, где встретился с энергичной Натали Джараванте, которая быстро подчинила себе непутевого, да еще страдавшего астмой спортсмена. Время от времени Мартин все же выходил на ринг и даже выигрывал некоторые бои, и тогда в доме появлялись лишние деньги. А Натали вскоре после свадьбы увлеклась политикой и возглавила местное отделение демократической партии.

Фрэнк был единственным ребенком, поэтому его любили и баловали. Когда ему исполнилось пятнадцать лет, родители сделали сыну царский по тем временам подарок — он стал обладателем собственного автомобиля. Вместе со своими дворовыми друзьями Фрэнк начал колесить по городу и знакомиться с девушками, которые любили его не за красоту (ею он особо не отличался), а за смелый и дерзкий характер.

Понятно, что при таком образе жизни Фрэнку было не до учебы. К тому же он отнюдь не отличался примерным поведением. За постоянные драки и хулиганские выходки в конце концов он был исключен из школы. Но Фрэнк не унывал и решил заняться настоящим мужским делом — налетами на мелких торговцев, рэкетом и торговлей спиртным.

Через десятилетия, когда его друзья станут главарями мафии, Синатре очень пригодятся связи, которые он завел в юности. Но тогда он ни о чем подобном не думал, а просто жил в свое удовольствие, предпочитая учебе свободный заработок. За два года Фрэнк сменил немало профессий: был переписчиком, курьером, спортивным репортером, но в конце концов увлекся джазом и решил, что может петь не хуже, чем кумир 30-х гг. американский певец Бинг Кросби. В итоге работа в газете была забыта, а вместо нее у Фрэнка, к большому неудовольствию отца, появился новый и, как оказалось, не худший источник доходов —

выступления в местных клубах и барах. Приятное, мелодичное пение понравилось публике, и в конце 1935 г. Синатра получил возможность принять участие в радиошоу молодых талантов. Перед началом концерта он узнал, что его программу объединили с выступлением танцевально-песенного трио и даже дали коллективу новое название — «Хобокенская четверка». Такой поворот не смутил начинающего певца, и теперь уже квартет, благодаря в основном Синатре, стал победителем радиошоу.

Наградой для удачливых музыкантов стало небольшое турне по Америке, в результате которого у Фрэнка появились первые поклонники и поклонницы. После возвращения с гастролей двадцатилетний дебютант решил упорядочить личную жизнь. Его привлекла скромная и симпатичная молодая итальянка Нэнси Барбато, жившая с родителями в Джерси-Сити. Матери Фрэнка невеста понравилась, и молодые люди поженились. У них родилось трое детей — Нэнси Сандра в 1940 г., Фрэнк в 1944 г. и Кристина в 1948 г.

Успешно продвигалась и профессиональная карьера Синатры. К 1938 г. он уже имел регулярные контракты на радио и работу в ресторанчике «Сельская хижина» в Инглвуде. А в следующем году известный в те времена музыкант Гарри Джеймс, ушедший из оркестра Бенни Гудмена и собиравший свой биг-бэнд, случайно услышал пение Фрэнка по радио. И тут же предложил ему стать основным вокалистом группы.

Однако Синатра задержался у Джеймса недолго. Гарри вспоминал позже, что Фрэнк уже тогда хорошо знал себе цену и был твердо уверен в своем звездном будущем. Разорвав двухлетний контракт, Синатра перешел в один из лучших свинговых бэндов того времени, возглавляемый Томми Дорси. С новым оркестром певец записал свои первые свинг-хиты — «Я не буду больше улыбаться», «Ночь и день», «Моя любовь». За два с половиной года работы в нем Фрэнк научился многому. На него произвела огромное впечатление манера игры Дорси на тромбоне — мягкая, лиричная, плавная, с музыкальными фразами, переходящими одна в другую почти без пауз. Синатра использовал этот прием в своем вокале, и именно тогда возник его неподражаемый стиль пения, который покорял слушателей сразу и навсегда.

Но Фрэнк никогда не останавливался на достигнутом. Став популярным в оркестре Дорси, он справедливо рассудил, что вершин славы можно достичь только с помощью сольной карьеры. Не без некоторого сожаления Синатра покинул биг-бэнд и подписал восьмимесячный контракт с нью-йоркс — ким кинотеатром «Парамаунт». Там же у певца появился и «ангел-

хранитель» — знаменитый пресс-агент Джордж Эванс. Ему понадобилось всего две недели, чтобы раскрутить молодого и практически неизвестного артиста. Первым делом Эванс нанял дюжину хорошеньких девушек. Они должны были во время концертов Синатры визжать, изображать, что чуть ли не падают в обморок от восторга, возбуждая своим поведением остальную публику. «О, Фрэнки-и-и!» — до хрипоты выкрикивали старательные «поклонницы», честно отрабатывая свой хлеб. Публика была в шоке. Поддавшись массовому психозу, некоторые девочки тинэйджеровского возраста устроили возле сцены настоящее столпотворение. Причем совершенно бесплатно. На следующий день нью-йоркские газеты вышли с заголовками «Пять тысяч девушек дрались за возможность взглянуть на Фрэнка Синатру». Эванс был доволен, он добился своей цели: его подопечного назвали «открытием года».

1940-е гг. были для Синатры периодом творческого подъема: вышли его многочисленные пластинки, он постоянно выступал на радио, давал сольные концерты, снимался в музыкальных фильмах. Кино принесло Фрэнку не только первый серьезный капитал (за роли в отдельных картинах он получал до 150 тысяч долларов) — он был признан одним из первых американских секс-символов, в основном благодаря тем же песням. А в фильмах он играл самого себя — обаятельного, с чувством юмора, молодого певца. В 1945 г. за фильм «Дом, в котором я живу» Синатра получил своего первого «Оскара».

Слава кружила Фрэнку голову, южный темперамент требовал выхода, а талант — разрядки, и кумир американцев пил, дебоширил, менял любовниц. Так, на съемках своего первого фильма «Все выше и выше» в 1943 г. он составил список из двадцати самых красивых актрис Голливуда, которых хотел покорить. К концу съемок все фамилии были зачеркнуты.

Нэнси смирялась с многочисленными романами мужа и не оставила его даже тогда, когда в Голливуде начали вовсю судачить о безумной любви Фрэнка к красавице Аве Гарднер. «Я просто голову потерял, — восхищенно вспоминал позже Синатра. — Как будто она мне чего-то в стакан подсыпала…» Такое признание ему, имевшему славу первостатейного сердцееда, было не свойственно. Среди самых известных его любовниц уже были и очаровательная блондинка Мэрилин Максвел, и королева экрана Лана Тернер, прославившаяся благодаря фильму «Почтальон всегда звонит дважды». Друзья Авы хором уговаривали ее не делать глупостей: «Не будь дурой, он разобьет тебе сердце». Тем более что в то время блистательная карьера Синатры оказалась под серьезной угрозой из-за болезни

голосовых связок. Его шоу на телевидении провалилось, музыкальный рынок был затоварен его продукцией, и у него были огромные долги. Но Гарднер никого не желала слушать. Фрэнк ушел из дома и ни на шаг не отпускал от себя Аву, всегда игравшую и в кино, и в жизни роковую женщину.

Роман Синатры с Гарднер вызвал невообразимый скандал. Газеты называли Аву распутницей и разрушительницей семей. Вездесущие репортеры следовали за влюбленными по пятам. Действительно, эта связь стала притчей во языцех. Ведь у Синатры был внешне вполне благополучный брак, он имел троих детей. И Аве постоянно приходилось отражать выпады прессы и поклонниц певца. Жена Фрэнка, Нэнси, то и дело выступала с обвинительными речами в адрес новой любовницы мужа. А та, в свою очередь, снимала стресс с помощью алкоголя.

Синатра долго добивался развода. Кроме того, что на него категорически не соглашалась Нэнси, были и другие трудности, связанные с тем, что супруги принадлежали к романским католикам. Только в 1951 г. Фрэнку удалось, наконец, развестись с женой, и он тут же женился на Аве. И хотя брак был заключен по любви, это не помешало ему превратиться в кошмар. Ни любвеобильный Фрэнк, ни своенравная Ава не считали нужным отказывать себе в интрижках на стороне. При этом оба ужасно ревновали друг друга.

Тем временем Синатре удалось вернуть былую популярность у публики. К счастью, проблемы с голосом оказались временными, он вновь вышел на сцену и напомнил о себе в кино, снявшись в картине Фреда Циннемана «Отсюда в вечность». Синатра великолепно сыграл роль униженного, но не сломленного духом американского солдата, заброшенного судьбой во время войны на Гавайи. Фильм имел огромный успех, и в 1953 г. Синатра получил второго «Оскара» как лучший актер за роль второго плана.

А вот в семейной жизни все складывалось не так благополучно. Супруги почти не виделись, плотные графики съемок и гастролей разлучали их на месяцы, а краткие встречи все чаще заканчивались неистовыми ссорами. Во время съемок «Могамбо» Ава поняла, что беременна, но у нее произошел выкидыш. Актриса чувствовала себя несчастной и подавленной, кроме того, ее угнетало то, что об изменах Фрэнка говорила вся Америка.

Развод стал логическим завершением этого страстного романа. «Знай, что бы ни было… я по-прежнему люблю тебя…» — произнес на прощание Фрэнк. И похоже, он не лгал. Он никогда не забывал Аву, часто встречался с ней, а в последние годы

жизни, когда она была уже тяжело больна, оказывал ей существенную материальную помощь. Но на похороны Авы (она скончалась в 1990 г.) Синатра не пришел.

После развода с Авой Фрэнк словно с цепи сорвался. Газетчики вновь оживились, сообщая об очередных похождениях ретивого холостяка. Женщины в его кровати менялись едва ли не чаще постельного белья. Американцев вообще трудно удивить пылкими романами или бурной личной жизнью звезд, однако более чем внушительный перечень любовных побед Синатры затмевал подвиги самых знаменитых донжуанов Голливуда. Ему приписывали романы с самыми недоступными красавицами мира: Марлен Дитрих, Грейс Келли, Элизабет Тейлор, Лорен Бэйккол, Мэрилин Монро, Жаклин Биссет, Анитой Эдберг, Джуди Гарланд, Рафаэллой Карра, Нэнси Рейган… Список можно продолжать.

Правда это или нет? Трудно сказать. Но в любом случае слухи лишь придавали новые краски образу звезды, обладающей отнюдь не впечатляющей внешностью: рост — 160 см, вес — 55 кг, не очень красивое, простоватое лицо… Но не случайно же Ава Гарднер говорила: «Вы спрашиваете, что я нашла в этом поющем парне весом 55 килограммов? Пять килограммов голоса и пятьдесят — секса!» А Том Дрессен, друг Фрэнка, путешествовавший вместе с ним по всему миру, сформулировал причины его фантастического успеха так: «Во-первых, все молодые девушки влюблены в тебя, как в мужчину, во-вторых, все солидные матроны считают тебя своим сыном, в-третьих, все подростки видят тебя своим идеальным отцом, и в-четвертых, все мужчины хотят выпить с тобой рюмочку в баре».

Душевную рану, нанесенную Авой, залечила актриса Лорен Бейккол. Фрэнк даже сделал ей предложение, но до венца дело так и не дошло. Причиной тому стала Мэрилин Монро, с которой певец был знаком довольно давно. Знакомство переросло в роман, когда Мэрилин рассталась с драматургом Артуром Миллером. Роман оказался страстным и продолжительным. Любовники то сходились, то расходились, и так до самой смерти Монро. Фрэнк и Мэрилин не клялись друг другу в вечной любви и тем более не обещали хранить верность. У Мэрилин были многочисленные любовные связи. Синатра тоже не пропускал ни одной красивой женщины. И даже публично объявил о помолвке с актрисой Джульет Проуз. Но и с Джульет свадьба не состоялась.

То, что не удалось Бейккол и Проуз, получилось у начинающей актрисы Миа Ферроу, первой исполнительницы роли Джейн в фильме «Тарзан». В 1966 г. 50-летний Синатра и 20-летняя Миа Ферроу официально зарегистрировали свой брак. Увидев фотографии новобрачных, на которых Миа с короткой

стрижкой напоминала тринадцатилетнего подростка, Ава Гарднер ехидно заметила: «Я всегда знала, что он закончит в постели с мальчиком».

Однако и женившись в третий раз, Фрэнк не собирался отказываться от привычной жизни. Вечерами он выступал на сцене, ночами играл в казино, посещал ночные клубы, заводил знакомства с женщинами легкого поведения, а днем отсыпался. Когда у него родилась внучка, Синатра и здесь остался верен себе: он громогласно пожелал ей иметь в сто раз больше мужчин, чем у него было женщин.

Миа никак не реагировала на измены мужа: он кутил, она занималась входившей в моду йогой и успешно снималась в кино. Отношения разладились вовсе, когда Фрэнк поставил юную жену перед выбором — либо он, либо ее актерская карьера. Миа проявила характер и выбрала кино. Через семнадцать месяцев они расстались. «Телевизор в постели, наши щенки, его невероятное обаяние, чистота его чувств. Его улыбка. Но все-таки разница в возрасте сыграла свою роль. Мне было больно чувствовать его отдаленность. Я была не в состоянии это преодолеть», — вспоминала позднее Миа, ставшая к тому времени женой не менее известного режиссера Вуди Аллена.

Итак, Синатра снова вернулся к холостяцкой жизни. Так продолжалось до 1975 г., пока он не встретил бывшую супругу известного комика, очаровательную Барбару Маркс, которая была моложе его на четырнадцать лет. Она всю жизнь занималась модельным бизнесом — консультировала конкурсы красоты. Барбара была очень рада удачному замужеству. Она с готовностью исполняла все капризы своего знаменитого супруга, отлично ладила с его друзьями и была абсолютно всем довольна. Другими словами, Синатра нашел то, что так долго искал: жена исполняла все его прихоти и не мешала жить собственной жизнью. Этот четвертый и самый счастливый брак Фрэнка Синатры продолжался целых двадцать лет.

Кроме женщин, у Синатры была еще одна слабость — он любил общество сильных мира сего — тех, кто имел не только славу и богатство, но и власть. Впервые ощущение непосредственной близости к власти Синатра испытал в сентябре 1944 г., когда его, первого певца Америки, пригласили в Белый дом на чашку чая к президенту Рузвельту. Непосредственно политикой он всерьез занялся в 50-е гг. Возможно, причиной этому послужил памятный ужин, который устроила студия «XX век Фокс» в честь советского лидера Никиты Хрущева и во время которого Фрэнк исполнял обязанности церемониймейстера. Из 400 звезд первой величины, присутствовавших на приеме, только

Синатра почти весь вечер провел рядом с Ниной Хрущевой. Он шутил, улыбался и был очень обаятелен. Синатра произвел впечатление не только на супругу заокеанского гостя, но и на сенаторов и конгрессменов.

Впоследствии он стал своим человеком в высших коридорах власти, дружил с демократическими партийными лидерами, принимал участие в кампании по избранию Джона Кеннеди президентом. В окружении Кеннеди заслуги певца оценили по достоинству и даже поручили организовать церемонию инаугурации. После вступления президента в должность Синатра пригласил его к себе в гости. Однако Кеннеди так и не удостоил Фрэнка своим посещением, поскольку к тому времени он уже располагал документами, свидетельствовавшими, что Синатра был связан с организованной преступностью и даже принимал у себя дома босса чикагской мафии Сэма Джанкану по кличке Момо. Остряки шутили, что на доме Синатры надо бы повесить мраморную доску: «Здесь почти ночевал президент Кеннеди».

Разговоры о связях с мафией сопровождали певца на протяжении всей его жизни. Еще в 50-е гг. журнал «Тайм» писал, что он «безусловно, внешне похож на общепринятый стандарт гангстера образца 1929 г. У него яркие, неистовые глаза, в его движениях угадываешь пружинящую сталь; он говорит сквозь зубы. Он одевается с супермодным блеском… носит богатые темные рубашки и галстуки с белым рисунком… Он терпеть не может фотографироваться или появляться на людях без шляпы, скрывающей линию волос». Многие считали его чуть ли не «крестным отцом» одного из кланов, постоянно напоминая певцу, что его отец родом из Сицилии.

Кстати, нелады с законом начались у Синатры еще в конце 30-х гг., когда некая дама подала шерифу штата Нью-Джер-си заявление, в котором обвиняла певца в том, что он соблазнил ее. Разумеется, в этом ничего противозаконного не было. Вина любвеобильного Фрэнка заключалась в другом: он скрыл от очередной подружки, что женат. А по законам штата супружеская неверность рассматривалась как серьезное правонарушение, за которое можно было привлечь к ответственности. Шериф не дал хода заявлению «потерпевшей», и Синатра выскользнул не только из ее объятий, но и из объятий американской Фемиды. Однако из поля зрения его больше никогда не выпускали.

ФБР было известно и о близких отношениях певца с одним из «авторитетов» криминального мира Карло Гамбино, и о его частых посещениях компании известных рэкетиров братьев Рокко, и о присутствии его в качестве почетного гостя на свадьбе дочери Джанканы. В досье хранились и материалы о поездке Синатры на

Кубу, где он встречался с особо известным в мафиозных кругах Лаки Лучано. При обыске в доме Лучано полиция обнаружила золотой портсигар с выгравированной надписью: «Моему дорогому другу Лаки от друга Фрэнка Синатры».

О связях певца с мафией знали все. Однажды он «совершенно случайно» оказался в самолете с братьями Капоне, летевшими на встречу гангстерского синдиката. Позже выяснилось, что Синатра владеет казино «Кал-Нева лодж» совместно с гангстером Сэмом Джианчиани… Чтобы хоть как-то сохранить имидж добропорядочного гражданина, певцу приходилось постоянно оправдываться — жертвовать деньги на благотворительность и давать концерты в помощь бедным.

Но, как известно, за дружбу, даже с гангстерами, в Америке не судят. Поэтому Синатра продолжал давать концерты и оставался любимцем публики. Однако в 1971 г. певец решил завершить артистическую карьеру, посчитав, что он достиг всего, чего можно было достичь в жизни и искусстве.

Несколько лет Синатра жил в свое удовольствие, развлекался, играл с вице-президентом США Спиро Агню в гольф. Но потом понял, что без работы жить не может, и в 1976 г. снова вышел на сцену. Публика не забыла своего кумира, она, как и раньше, неистовствовала на его концертах, раскупала выходившие миллионными тиражами новые диски Синатры.

Его по-прежнему влекла к себе политика, но теперь он уже поддерживал республиканцев — сначала Ричарда Никсона, а затем своего давнего друга Рональда Рейгана. Синатра стал частым гостем в Белом доме. После избрания президентом (1981 г.) Рейган пригласил его на свою инаугурацию. Певец посещал закрытые приемы, а первая леди Америки Нэнси Рэйган даже просила его устроить концерт в честь визита королевы Елизаветы II.

Старость Синатра встретил вполне обеспеченным человеком. Огромное, даже по американским меркам, состояние было нажито не столько благодаря гонорарам за выступления и грамзаписи, сколько доходам от участия в деятельности компании «ЛИПТОН», чей лучший сорт чая «всегда под рукой», а также фирмы, производящей томатные соусы с портретом певца на этикетке. Кроме того, Синатра владел двенадцатью корпорациями, банком, кинофирмой, радиостанцией, собственной авиалинией, долей собственности в фешенебельных отелях Лас-Вегаса. У него были роскошная яхта, личные самолеты и вертолет, земли в Калифорнии и Аризоне, дома в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке, ранчо в Палм-Спрингс. Он был удостоен высших наград Америки — медали Свободы и медали Конгресса

США.

В 1990 г. Синатра отметил свое 75-летие грандиозным национальным турне, еще раз показав всем, что, несмотря на потускневший голос, его обаяние и притягательная сила не ослабли. И прежде чем полностью удалиться от дел, певец в 1993 г. записал сразу же ставший знаменитым диск «Дуэты», где свои известные шлягеры исполнил вместе с Шарлем Азнавуром, Барбарой Стрейзанд и другими звездами первой величины.

Последние годы Синатра почти безвыездно жил в своем роскошном доме на Беверли-Хиллз, ограничив круг общения только самыми близкими родственниками и друзьями. Первый инфаркт сразил могиканина американского шоу-бизнеса осенью 1996 г., а после второго сердце певца не выдержало. Он скончался 14 мая 1998 г. в возрасте 82 лет, оставив мировому культурному наследию свой удивительный голос и неповторимый романтический стиль исполнения. А романтика, как известно, неподвластна никаким веяниям моды.

Мастроянни Марчелло

(род. в 1924 г. — ум. в 1996 г.)

Итальянский киноактер, бывший великолепным героем-любовником не только на экране, но и в жизни.

Красивый мужчина всегда был, есть и будет объектом внимания женщин. Но если он к тому же еще и фантастически талантлив, то общение с ним, не говоря уже о любви, — бесценный дар судьбы.

Марчелло Мастроянни… Само появление его на экране, дальнейшее международное признание в определенном смысле явилось уникальным явлением для Италии. По разным причинам

в национальном кинематографе до него не было ни одного «звездного» актера мировой величины. Конечно, огромную роль в становлении артиста сыграли выдающиеся режиссеры, такие как Л. Висконти, Ф. Феллини, В. Де Сика, Э. Скола и др. Но и сам Марчелло был актером широчайшего диапазона, умевшим передать тончайшие психологические нюансы своих героев. Этот поразительный актер мог одним изысканным движением руки, держащей сигарету, изображать бесчисленное множество людей — священников, водопроводчиков, жуликов, полицейских и наркоманов. Он был первым беременным мужчиной на экране, самоубийцей и нарциссом. Легендарный любовник прекрасных женщин настолько правдоподобно играл в фильмах роли импотента, гомосексуалиста и насильника, что многие наделяли и его самого чертами этих героев. Он негодовал и мурлыкал, пел и танцевал, заслужил дюжину самых престижных наград Каннского и Берлинского кинофестивалей и стал первым европейцем, получившим «Оскара» за лучшую мужскую роль.

Уже одних этих артистических качеств достаточно, чтобы сводить женщин с ума. Что и происходило порой даже помимо воли самого Мастроянни. Не случайно самые красивые женщины, кинозвезды Анук Эме, Брижит Бардо, Анна Маньяни, Моника Витти, Жанна Моро, Клаудиа Кардинале, Катрин Денев, Анни Жирардо, не говоря уже о Софи Лорен, которую актер считал «своей сестрой», на вопрос: «Кого из актеров вы бы назвали идеальным партнером?» — отвечали: «Марчелло Мастроянни».

Единственная женщина, которая «ускользнула» от вездесущего Мастроянни, была Мэрилин Монро. О том, что ему не удалось с ней встретиться, актер сожалел всю жизнь: «Наверное, я желал ее сильнее, чем любую другую женщину. Хотя и не был с ней знаком, но я был уверен, что она страдает от одиночества. Мне хотелось ее защитить, держать ее в руках, как маленькое белокурое облако. Она была единственной и последней в своем роде…»

Старший из трех сыновей простого ремесленника Отторино Мастроянни и Иды Иролле, Марчелло Винченцо Доменико Мастроянни родился 28 сентября 1924 г. в г. Фонтана Лири, расположенном в 50 километрах южнее Рима. Свои школьные годы Марчелло позже в воспоминаниях описывал как спокойное время, заполненное дружескими отношениями со сверстниками. Первое любовное чувство посетило его в 12 лет. Это состояние он описал так: «Когда я думаю о своей первой большой любви, я вспоминаю Сильвану. Она была настоящей красавицей, и больше всего меня в ней поражало то, как подпрыгивали и опускались ее длинные светлые волосы всякий раз, когда она играла в классики.

У меня довольно много времени заняло объяснение в любви и признание, что она является частью моих мыслей».

После окончания начальной школы Марчелло зачислили в ремесленное училище. Затем, благодаря математическим способностям, в 1943 г. он поступил в технический институт Карла Грелла и вышел оттуда с дипломом руководителя строительства. Позже, уже став известным киноактером, Марчелло признавался, что архитектура всегда оставалась его первой любовью.

Однако была еще одна страсть, которая одолевала молодого инженера с юных лет. О ней он говорил: «Профессия актера всегда привлекала меня… Я принимал участие практически во всех школьных спектаклях. Мне очень нравилось самолюбование, особенно когда я замечал, что представление производит впечатление на соседских девочек».

Свою первую роль — статиста в музыкальном фильме «Марионетки» — Марчелло сыграл в четырнадцать лет. А первую уже настоящую небольшую роль он получил в картине

Р. Фреды «Буря над Парижем», поставленной по роману Гюго «Отверженные». Примерно в то же время, в конце 50-х гг., Марчелло встретился с Сильваной Мангано, семнадцатилетней девушкой, тоже мечтавшей о карьере киноактрисы. По словам Марчелло, их отношения были «больше флиртом, нежели загулом». Впрочем, и для флирта имелись достаточные основания. Чувственные губы Сильваны, округлые бедра и тонкая талия, безусловно, вдохновляли на любовь молодого Марчелло. Они вместе посещали киностудию, участвовали в массовках, надеясь получить более серьезные роли. Как раз тогда продюсер Дино де Лаурентис искал красивую девушку для фильма «Горький рис». Сильвана ему понравилась, и продюсер тут же подписал с ней контракт. Таким образом Марчелло, этот герой-любовник, покоритель сердец местных девушек, остался без своей подруги. А имя Сильваны уже красовалось на афишах, она была покорена новым поклонником, богатым и всесильным. Спустя некоторое время актриса стала женой Дино де Лаурентиса.

Не достигнув особых успехов в кинематографе, Марчелло решил попробовать себя на театральных подмостках. Он попал в труппу режиссера Висконти, где сыграл сначала несколько второстепенных ролей, а затем маэстро доверил ему роль Митча в спектакле, поставленном по драме Т. Уильямса «Трамвай „Желание“». Это был первый серьезный прорыв в актерской биографии Мастроянни.

За кулисами бушевали другие страсти. Потерпев неудачу с Сильваной, Марчелло увлекся актрисой труппы Висконти Флорой

Карабеллой, 19-летней дочерью известного автора балетов, оперетт и музыки к фильмам, Эцио Карабеллы. После полутора лет знакомства, в августе 1950 г. Марчелло и Флора поженились. В качестве свадебного подарка Эцио Карабелла отдал дочери и зятю верхний этаж своего римского особняка — квартиру, которая принадлежала им в течение сорока лет. Их единственным ребенком была дочь Барбара, родившаяся в декабре 1951 г.

Мастроянни оказался не очень примерным супругом. Время от времени он уходил из дома, изменяя Флоре, но всякий раз возвращался, не решаясь порвать с ней раз и навсегда. Но даже когда Марчелло жил дома, он, по словам Флоры, был больше радушным хозяином, нежели мужем. «Я никогда не чувствовала, что он принадлежит мне одной, — признавалась она позже. — Может, раз в году мы были одни. Он всегда приглашал в дом людей, вокруг всегда были люди.

Или же бегал туда-сюда, без цели, за исключением разве что взгляда в зеркало».

Впрочем, Флора была умной женщиной и прекрасно понимала, что такой красавец, да к тому же любимец публики, никогда не будет хранить ей верность. Она была в курсе всех его любовных приключений и чаще всего оправдывала их, заявляя журналистам: «Вы должны понять психологию итальянского мужчины. Он любит новизну, чувство свободы и уверенности в себе. Поэтому его нужно отпустить, никак не сдерживая, и он, рано или поздно, вернется к домашнему очагу».

Марчелло, со своей стороны, был благодарен Карабелле за предоставленную свободу, заявляя: «Я считаю свой брак весьма успешным. Моя жена — это мой друг, и я отношусь к ней так же!»

Хотя проблемы у Карабеллы возникали не только из-за многочисленных измен мужа. Марчелло было трудно назвать рачительным хозяином. Он сам не раз признавался, что во многих фильмах снимался только ради денег, «потому, что я живу и трачу, трачу, трачу, деньги кончаются после уплаты налогов или чего-то другого».

Небрежность Мастроянни по отношению к своей чековой книжке была удивительной. В 60-х гг., например, он вдруг вспомнил о своем давнем увлечении, архитектуре, в течение двадцати лет он спроектировал восемь домов для себя с Флорой в различных частях Италии, забывая о большинстве из них, как только они были готовы к вселению. Приходилось продавать их почти за бесценок. Свои затеи, связанные с поместьями, он объяснял так: «Разумеется, мне не нужны дома, над которыми я работал. Это игра, дорогая игра, но это гораздо лучше, чем выбрасывать деньги за карточным столом в Монте-Карло».

Другой страстью, захватившей его на время, были спортивные автомобили. Мастроянни и Феллини буквально каждую неделю меняли «ягуары» на BM\¥, «порше» на «триумф», пытаясь превзойти один другого. Это увлечение настолько вышло из-под контроля, что адвокат актера убедил его жену тайно продать часть автомобилей. Но они опоздали, и Марчелло настигла налоговая инспекция. Учитывая деньги, потраченные на автомобили, а также на классический римский антиквариат, которым Марчелло тоже увлекся, ему был назначен многомиллионный штраф. Десять лет половина его годового дохода шла на погашение долга. Когда его спрашивали об этих неприятностях, он пожимал плечами и соглашался, что лучше пусть жена управляет его деньгами: «Я заработал много денег в свое время, но никогда не был действительно богат. Обычно тот, кто был беден, знает, как обращаться с деньгами. Но не я. Я всегда трачу больше, чем могу себе позволить. Всегда обращаюсь с деньгами как выскочка, который боится, что у него не хватит времени потратить все, что оказалось вдруг у него в руках».

Такие мужские «слабости», разумеется, не влияли на огромную популярность актера и не умаляли его мужских достоинств. «Он, несомненно, очень привлекателен. Гладкие волосы, чувственные губы, слегка обнажающие два ряда ослепительно-белых зубов, прямой нос, в дополнение ко всем этим прелестям легкие морщиночки вокруг глаз и ямочка на подбородке, которая увеличивается, когда он улыбается. Никто лучше его не знает, как преподнести печаль и утомленность, которые возбуждают страстное желание утешить его», — так писал французский еженедельник «Экспресс».

Ему вторила американская актриса Памелла Тиффин, снимавшаяся вместе с Мастроянни в картине «Белокурая жена»: «Я хочу, чтобы вы написали большими буквами, что я первая американская актриса, которая играла с Мастроянни, и я очень горжусь этим… Он действительно потрясающий. Он романтичный, он элегантный, он чувственный, он „латинский любовник“, но еще и плюшевый мишка. В нем есть что-то сумасшедшее. А его голос! Он заставляет вас трепетать!»

А известная французская актриса Жанна Моро, которой Мастроянни серьезно увлекся на съемках фильма «Ночь», через много лет в одном из интервью признавалась: «Мы не встречались годами, но жизнь Марчелло была важна для меня. Я смотрела все его фильмы, все фотографии в журналах. Во время съемок „Ночи“ мы были очень влюблены друг в друга. Когда мы встречаемся после стольких лет разлуки, мы как будто никогда не разлучались… Мы разные, но несмотря на это, понимаем друг

друга».

Таким Марчелло виделся со стороны. Но сам он критически относился к своей внешности. Мужчина, которого, согласно социологическим опросам, называли самым красивым в Италии, говорил о себе: «Я никогда не был красавцем и не считал себя таковым. Ален Делон, Тайрон Пауэр — вот это красавцы. Витторио Гассман красив, даже аристократичен с его орлиным носом. А я курносый. Полагаю, что я всего лишь симпатичен».

Для Мастроянни важнее всего была работа, сам процесс творчества. В этом смысле из всех качеств, которые он приписывал себе за годы публичного самопорицания, ни одно не было таким преувеличением, как его постоянно повторяющееся утверждение о собственной лени. Не считая появлений на сцене и телеэкране, в активе артиста 125 фильмов, в которых он снялся с начала 50-х гг., если не брать в расчет киностудии Египта и Индии; он был самым востребованным актером в мире. Причем в большинстве случаев Мастроянни играл главные роли, что каждый раз требовало от него многомесячных съемок и дублирования уже готового фильма.

К концу 1950-х гг. Марчелло Мастроянни был уже обладателем многих престижных наград кинофестивалей и конкурсов. Но по-настоящему знаменитым его сделал фильм «Сладкая жизнь». Популярность этой ленты имела много последствий. Само его название вошло в словари во всем мире как понятие праздного существования и потакания своим желаниям. Практически все, что было связано с героем Мастроянни, журналистом Моральдо — его солнцезащитные очки, полосатые рубашки и автомобиль, стало модным. Для самого же актера последствия картины были более материальными. Для начала он получил еще одну «Серебряную ленту» за лучшую мужскую роль года и собрал подобные награды в других странах. Восторженно принятый в Нью-Йорке, Лондоне и Токио, не говоря уже о Риме, Мастроянни стал символом возрождения итальянского кино и был переведен в разряд звезд, имеющих международную популярность. Кроме того, его стали отождествлять с образом «героя-любовни-ка латинского типа», созданным им в это картине.

Что касается роли «латинского любовника», которую пресса приписывала актеру как в кино, так и в жизни, то он категорически не соглашался с этим определением. «Мне всегда нравились возможности разрушения образа „латинского любовника“, — не единожды говорил Мастроянни. — Это действительно не очень приятный ярлык. В моих путешествиях по миру я всегда сталкивался с образом итальянца как какого-то

сексуального быка или барана. Прекрасно, если это правда, но давайте посмотрим поближе, правда ли это. И даже если это так, не будет ли интересно добавить итальянцам чувствительности, о которой иностранцы редко узнают. Вот почему я всегда играю героев-итальянцев, которые уязвимы или слабы в любви, которые способны любить ради любви больше, чем другие люди, но тем не менее находятся под властью как психологического, так и физического аспектов романа».

Казалось, что «Сладкая жизнь» станет вершиной творчества Мастроянни. Но на экран вышел и сразу же стал знаменитым фильм Пьетро Джерми «Развод по-итальянски», и зрители, а с ними и критики, вознесли Мастроянни на недосягаемую высоту. Все это можно в какой-то мере объяснить тем, что образы, созданные актером, вызывали доверие зрителей, пробуждая в них стремление к внутренней свободе. По сути, Мастроянни стал превосходным образцом мужчин середины XX века, в особенности итальянских. Он и сам был убежден в том, что является выразителем устремлений качеств современного итальянского мужчины. А если это так, то он должен вести себя достойно, в соответствии со своим образом.

Среди многочисленных любовных связей Мастроянни в 60-е гг. биографы единодушно отмечают бурный роман с американской кинозвездой Фэй Данауэй, с которой актер снимался в фильме Де Сика «Влюбленные». Это было сильное увлечение, длящееся более двух лет, заставлявшее Фэй прилетать из Америки в Италию на уик-энды, а Марчелло — провожать ее обратно в Калифорнию. Одно время Фэй даже собиралась выйти за Мастроянни замуж и создать с ним настоящую семью, но так и не дождалась его развода с женой.

Сам же Мастроянни спустя четверть века после этих событий признавался, что этот роман «почти разрушил меня. Я любил Фэй, любил очень сильно и знал, что она тоже меня любит. Все закончилось болезненно, и после этого мы не разговаривали. Я в своей жизни любил трех или четырех женщин и со всеми расставался дружески, а с некоторыми и сейчас поддерживаю дружеские отношения. Только с Фэй Данауэй получилось иначе, и я больше не хотел ее видеть».

Собственно, Марчелло Мастроянни был постоянен только в собственном непостоянстве. Он не пытался строго судить поступки других и не особенно задумывался о последствиях своих поступков для тех, кто был с ним связан. Разумеется, и здесь были свои исключения, как, например, в случае со знаменитой французской актрисой Катрин Денев. Она так поразила Марчелло своей красотой и экстравагантностью, что он, как признавался

позже, сразу же пришел к мысли, что «это и есть идеальная женщина». Несколько раз они встречались на съемках, но окончательно все разрешилось во время совместной поездки в Париж, где Марчелло и Катрин участвовали в съемках фильма «Это случается только с другими».

Страсть Марчелло к этой красавице, которую все характеризировали как неприступную и холодную, не знала границ. Это был единственный раз в жизни Мастроянни, когда он умолял жену о разводе: «Флора, отпусти меня, я не могу без нее жить». Три года беспрерывных поездок из Рима в Париж и обратно закончились тем, что Марчелло решил обосноваться во Франции — рядом со своей возлюбленной. Но его предложение о замужестве Катрин Денев отвергла, и ничто не могло повлиять на ее решение. «Когда Катрин бросила меня, я пошел к Феллини за утешением, хотелось, чтобы он мне посочувствовал. Да, да, все меня считают кем-то вроде Казановы, а меня дважды бросили. Но я не ною: такие коллизии тоже часть любви…» Еще одной частью этой любви стала Кьяра-Шарлотта — дочь Катрин и Марчелло, которая родилась в мае 1972 г.

Снявшись после этого вместе в нескольких картинах, Катрин и Марчелло расстались, причем для него это был мучительный, тяжелый разрыв, приведший к отъезду из Франции и даже к длительному запою. Позже он с горечью говорил журналистам: «Когда я впервые встретил Денев, я был убежден, что она и есть мой идеал. Потом я узнал ее получше и понял, что это совсем не так. Она — просто Катрин Денев, мать моей дочери Кьяры».

Пережив серьезную депрессию, Мастроянни снова вернулся в кино и даже снялся вместе с женой Карабеллой в фильме «Лунатики и влюбленные». Неизбежное общение на съемках привело к заметному примирению этой супружеской пары.

Пожалуй, наиболее точно выразил жизненную позицию Мастроянни по отношению к женщинам один из его биографов Дональд Дьюи: «Жена и мать, как основные фигуры матриархального католического общества, являлись безусловно необходимыми и обязательными персонажами в пьесе его жизни. Данауэй стала „женщиной, которая едва не разрушила его жизнь“. Денев была сильной личностью, „женщиной из реальной жизни“, матерью его ребенка. Режиссер Анна Мария была „настоящей женщиной из плоти и крови“. Лорен могла бы быть „идеальной сестрой“. Всех остальных тоже можно было бы разместить по этой шкале, в порядке убывания „идеальных“ качеств».

Несмотря на множество восторженных отзывов, у Мастроянни случались и серьезные конфликты с прессой. Один из них был

спровоцирован скандальными статейками в американском журнале «Конфиденшл», перепечатанными итальянской желтой прессой. На обложке журнала издатели поместили красочный заголовок «Я вышла замуж за сукиного сына», а затем следовали якобы рассказанные Карабеллой сенсационные истории из сексуальной жизни Мастроянни и ее собственной. Обычно снисходительный к газетным пересудам, на сей раз Мастроянни был в ярости. И его с трудом удалось уговорить не подавать судебный иск за клевету на американский журнал, поскольку это сделало бы изданию бесплатную рекламу. Выход своему возмущению Марчелло нашел в том, что удалил со съемочной площадки фильма «Жена священника», в котором в то время снимался, всех фотографов и долгое время после этого отвергал просьбы об интервью. Эпизод с журналом «Конфиденшл» был самым беспрецедентным примером вымысла, однако все понимали, что слава всегда имеет кроме светлой еще и теневую сторону.

Мастроянни и сам прекрасно знал цену успехам и неудачам в творчестве и любви. Но старался относиться к ним философски. Уже отметив 60-летний юбилей, он в одном из интервью сетовал: «Феллини всегда говорил, что как только мы пройдем шестьдесят лет, будет меньше тревог, больше покоя. Женщины прекрасны, но они осложняют жизнь. По ночам ты не спишь, говоришь, споришь, добиваешься любви к пяти утра, затем тащишься на студию — сумасшедший дом! Но и теперь нет покоя, даже хуже стало. Воскресным утром спущусь на пляж, посмотрю на этих милых девушек в купальных костюмах и схожу с ума. Я никогда не перестану мечтать о них, даже в сто лет!»

Неутомимость Мастроянни в работе и в проявлении любовных чувств не может не вызывать восхищения. Он активно продолжал сниматься и в 65, и в 75 лет, ничуть не утратив своего неподражаемого профессионального мастерства и шарма. Уже на закате дней он связал свою жизнь с режиссером Анной Марией Тато, с которой поддерживал творческие отношения с давних лет. Именно Тато после смерти великого актера и не менее знаменитого любовника (Марчелло Мастроянни умер 19 декабря 1996 г. от рака поджелудочной железы) поведала прессе о том, что в дополнение к завещанию Мастроянни она получила право распоряжаться его художественным наследием. Под дополнением следовало понимать единственное автобиографическое творение Мастроянни, представляющее семичасовый монолог актера, снятый Тато на кинопленку во время работы над последней картиной Марчелло «Путешествие в начале мира».

Это заявление повергло в шок законных и незаконных жен,

любовниц и дочерей Мастроянни, поскольку все знали, что его открытость была беспрецедентной. Таким образом, из заинтересованных особ образовался весьма обширный круг, включая главных действующих лиц — Кьяру Мастроянни, Анну Марию Тато, Катрин Денев, Флору Карабеллу, ее дочь Барбару. Понятно, что если самому «латинскому любовнику», как оказалось, скрывать было нечего, то у дам были все же основания опасаться того, что в прессу могут просочиться пикантные подробности их интимной жизни с неугомонным Мастроянни.

Впрочем, к богатой творческой судьбе Марчелло Мастроянни это уже почти не имеет отношения. Все его главные страсти, увлечения и страдания запечатлены не в мемуарных откровениях, а в сотнях километрах кинопленки, где он навсегда остался красивым, остроумным, талантливым и конечно же великим соблазнителем женщин.

Пресли Элвис

(род. в 1935 г. — ум. в 1977 г.)

Американский рок-музыкант, ставший не только суперзвездой, но и секс-символом своего времени.

В 50-е гг. XX столетия слово «имидж» на Западе служило в основном для определения индивидуальных черт того или иного политика. Но вот на эстраду взошел певец, который едва ли не первым создал собственный имидж применительно к музыкальному исполнителю. Имя этого певца — Элвис Пресли, а его образ был прост и понятен всем, и главным образом раскрепощенной молодежи, — бунтарь и секс-символ. Он стал

первой суперзвездой рока и одной из немногих звезд музыкального мира, которых можно сравнить с полубогами Голливуда великой эры. Никто не вызывал столь буйных девичьих восторгов, как Элвис. В белоснежном жилете, усыпанном бриллиантами, в позолоченной накидке с позванивающими при движении металлическими долларами, в обтягивающих брюках и кожаных туфлях на высоких каблуках, с гитарой наперевес синеглазый красавец неожиданно появлялся из-за кулис, вихрем проносился по сцене и широко распахивал объятия, как бы желая обнять весь огромный зал и каждую женщину в отдельности. Респектабельный Синатра тоже был кумиром, от него тоже падали в обморок, но таких страстей, которые бушевали во время выступлений Пресли, Америка еще не знала.

Поразительно и другое: никто до Пресли не совершал столь стремительный переворот в музыкальном мире, позволивший провинциальному безвестному юноше буквально за год-два взлететь на небывалую высоту в шоу-бизнесе.

Родина будущего короля рок-н-ролла и непревзойденного покорителя женщин — небольшой городок Ист-Тьюпело, в штате Миссисипи. Там 8 января 1935 г. миниатюрная брюнетка Глэдис Пресли, наполовину ирландка, наполовину еврейка, родила близнецов. Старшего назвали Джесси, но он родился уже мертвым, младший, Элвис, выжил. Его детство было далеко не безоблачным. Чтобы хоть как-то свести концы с концами, мать бралась за любую работу; отец, Вернон Пресли, человек достаточно агрессивный и склонный к запоям, подрабатывал шофером, но денег едва хватало на жизнь. Уже будучи знаменитым и очень богатым, Элвис с горечью вспоминал: «Мы жили, как говорят у нас, не на той стороне дороги. Но тогда „той стороны“ в Тьюпело не было. С питанием у всех обстояло плохо. Мы не голодали, но порой были близки к этому».

В надежде на лучшую жизнь в 1947 г. семья Пресли переехала в Мемфис, штат Теннесси. Но и там было не легче. Они жили под постоянной угрозой безработицы, голода, болезней.

И все же родительской любовью Элвис не был обделен. Особенно любила его мать. Она, как наседка, оберегала своего мальчика и всюду водила его за собой. В детстве он даже спал в ее кровати. Когда Элвис пошел в школу, Глэдис всегда провожала и встречала его. Этот ритуал соблюдался почти до окончания школы. В старших классах такая опека стала смущать сына, и он настоял на том, чтобы мать шла не рядом с ним, а по другой стороне улицы. Надо отметить, что и Элвис любил мать до самозабвения, буквально боготворя ее.

Музыкальные дарования у Элвиса проявились еще в раннем

детстве, когда он маленьким мальчиком пел в церковном хоре. Он испытал настоящее счастье, когда ему на день рождения в десятилетнем возрасте подарили гитару. Юный Пресли самостоятельно выучил основные аккорды, слушая блюзы и старинные духовные песнопения.

Особых забот Элвис родителям не доставлял, довольно неплохо учился в школе, в старших классах увлекался футболом, играл и пел на школьных вечерах и в местных клубах для мальчиков.

Единственное, чем он отличался от остальных ребят, так это манерой одеваться. У Элвиса было странное чувство цвета: он любил черные и ярко-розовые тона. Свои длинные (по тогдашним меркам) волосы он смазывал бриолином и зачесывал назад, лицо его обрамляли бакенбарды. Уже тогда он подсознательно создавал себе имидж, который позже станет копировать молодежь всего мира.

После окончания школы Элвис нашел работу водителя грузовика в одной компании, а вечерами занимался на курсах, чтобы получить специальность электрика. Возможно, он так бы и остался на всю жизнь никому не известным простым рабочим, если бы не случай. Тот самый случай, который, как известно, превращает Золушку в принцессу, а нищего — в принца. А все началось с того, что восемнадцатилетний Элвис решил подарить своей любимой маме ко дню рождения собственную пластинку. Тогда это было модно и вполне доступно. Две незатейливые песенки («Мое счастье» и «Когда защемит сердце») были записаны на небольшой студии звукозаписи «Sun Records» и обошлись самодеятельному певцу всего в четыре доллара. Когда Глэдис услышала на пластинке голос сына, она не сдержала слез радости. На этом все могло бы и закончиться. Если бы не Мэрион Кейскер, секретарша и по совместительству звукооператор упомянутой студии. Ей очень понравился голос Пресли, и она не раз обращалась к своему шефу Сэму Филлипсу с просьбой помочь талантливому юноше.

И чудо свершилось. В июне 1954 г. Филлипс пригласил Элвиса для профессиональной записи. А уже через несколько дней местный диск-жокей по желанию слушателей вынужден был крутить на радио песню «Мое счастье» четырнадцать раз подряд, после чего она стала хитом недели, а затем хитом месяца.

Позже Элвис говорил: «Если бы не Мэрион, я никогда бы не стал певцом. Эта женщина поверила в меня и подтолкнула на старте. Конечно же, студия принадлежала Сэму, но именно Мэрион уговорила его записать меня».

Вскоре продюсеры известного в те времена шоу «Louisiana

Hayride» заключили с Пресли годовой контракт. И за это время Элвис, восходящая звезда, исколесил с концертами южные штаты вдоль и поперек. Именно тогда он впервые продемонстрировал свое знаменитое «вращение» бедрами, которое привело подростковую аудиторию в бешеный восторг. И тогда же Элвис, весь в розовом, ритмично двигающийся в такт музыке, томно закатывающий глаза и со страстью бьющий по струнам, ощутил на себе настоящее безумство поклонения. К примеру, на одном из концертов в Джексонвилле, штат Флорида, несколько бьющихся в экстазе девиц вскочили на сцену и в клочья разодрали пиджак, в то время пока Элвис спасал гитару. А две самые отчаянные фанатки ползали у него в ногах, цепляясь за ботинки, — и один таки им удалось стащить. Еще одна девушка зубами захватила правую штанину, так что материя треснула. С тех пор Элвис выступал только в джинсах.

Казалось, не было ни одной юной американки, которая бы не восхищалась талантом певца. Но, на удивление, одна такая особа нашлась. Это была Дикси Локи, первая любовь Элвиса. Он был настолько влюблен в нее, что даже хотел жениться. В отличие от сотен других поклонниц, Дикси раздражал бешеный успех Пресли и его популярность среди молодежи. Она была вовсе не в восторге от того, что ее любимый постоянно гастролировал, редко звонил и слишком мало говорил о своей любви. Короче говоря, Элвис не показался Дикси солидным женихом, и через полтора года несостоявшаяся невеста стала женой другого, более подходящего, по ее мнению, мужчины.

Обожаемый многочисленными поклонницами Элвис печалился недолго. Тем более что на небывалый успех Пресли в южный штатах обратил внимание известный антрепренер-менеджер Том Паркер, по прозвищу Полковник. Сам бывший шоумен и менеджер известных эстрадных звезд, Паркер сразу же понял, что перед ним настоящий самородок. Элвис имел удивительный голос, сам нашел свой стиль, создал себе фантастический имидж (как заметил один комментатор: «Одежда Элвиса, клок волос, намазанный бриолином, его баки, ухмылки и вихляния — все это неотразимо действовало на девочек»). Паркеру, который стал менеджером Пресли в 1955 г., перекупив его у Филиппса, оставалось лишь заключать выгодные контракты и представлять своего протеже как можно чаще и как можно большему числу зрителей. За несколько месяцев он превратил Элвиса из местной знаменитости в настоящую суперзвезду Америки.

Контракт с одной из крупнейших фирм грамзаписи США «RSA Records» позволил Пресли купить в 1956 г. первый в своей жизни

розовый «кадиллак». Затем — заработать первый миллион и приобрести в родном Мемфисе огромный 23-комнатный дом стоимостью сто тысяч долларов, который он назвал «Грейсленд». Певец приказал выкрасить дом в небесно-голубой цвет и отделать позолотой, после чего огромное здание засияло даже в полумраке.

Машину любящий сын подарил матери. В дом переселил семью. Мечты стали реальностью — он разбогател сам и вытащил из нужды родителей. А главное, к нему пришла невероятная слава.

Теперь уже Пресли гастролировал по всей Америке. Причем работал он на износ, давая до 300 концертов в год, нередко по три в день. И где бы он ни выступал, у женщин, независимо от возраста, начинались приступы самого настоящего сексуального помешательства. Когда Элвис начинал свои концерты со знаменитого хита 1956 г. «Люби меня нежно!», одни девицы подпевали ему и танцевали перед сценой, другие рвались к кумиру, пытаясь дотронуться до него. Наиболее экзальтированные бросали к его ногам ключи от гостиничных номеров, тут же в зале снимали с себя трусики и размахивали ими над головой. Поистине это были первые «знамена» сексуальной революции в Америке, одним из вождей которой стал Элвис Пресли.

Совсем иначе реагировали на популярность певца проповедники, представители власти, критики и прежние звезды эстрады. У них он вызывал настоящую ненависть и праведный гнев. Блюстители нравов были настолько шокированы легкомысленными телодвижениями Пресли, что, когда он выступал в 1956 г. на популярнейшем телевизионном шоу, операторам было велено снимать его только выше пояса. Но славу Пресли уже ничто не смогло остановить. Его имя стало появляться на джинсах и майках, рубашках и шортах, бутылках со спиртным и браслетах и конечно же на гитарах. За красоту и обаяние Пресли иногда называли играющим на гитаре Марлоном Брандо, который был тоже кумиром, только киноэкрана.

Естественно, что при такой славе и обладая такой выигрышной внешностью, Элвис очень скоро оказался в Голливуде. Первый фильм с его участием, вышедший на экраны в 1956 г., имел такое же название, как и его первая пластинка — «Люби меня нежно». Это была сладкая мелодрама, где Элвис играл героя-любовника, который храбро сражался в Гражданской войне Севера и Юга на стороне южан и героически погибал в финале. Затем последовали мелодрамы «Тюремный рок» и «Король Креол». Успех был явный — эти фильмы, в основном

благодаря участию в них Элвиса и звучащим в них песням, собирали полные залы.

Удачное начало кинокарьеры неожиданно было прервано в 1957 г., когда Элвису пришла повестка в армию. Узнав об этом, певец, живший тогда в роскошном отеле Беверли-Хиллз, был настолько разгневан, что в порыве ярости выбросил на улицу несколько дорогих ваз и подсвечников. А вот продюсеры усмотрели в армейском призыве шанс еще больше поднять популярность певца, решив, что двухлетний перерыв лишь подогреет интерес к кумиру. Кроме того, возвращение на эстраду можно тоже превратить в национальный праздник.

Так оно и случилось. Сами проводы Элвиса в армию в марте 1958 г. превратились в настоящее шоу. Позируя перед многочисленными фото— и кинокамерами, бравый солдат лучезарно улыбался и заверял своих поклонников, что готов с честью выполнить свой гражданский долг по защите своей страны.

Воинскую службу рядовой Элвис Пресли начинал в местечке Форт-Худ. Как и его сослуживцы, он лихо крутил баранку джипа, драил ботинки на ночь, как все, дежурил в казарме, стоял в карауле. И конечно, развлекал товарищей письмами поклонниц, а их приходило ни много ни мало, а 15 тысяч в неделю.

В целом необременительная солдатская служба была омрачена лишь однажды, когда из дома пришло известие о тяжелой болезни матери. Дело было в том, что Глэдис, не в состоянии выдержать разлуки с сыном, впала в депрессию. Она успокаивала себя, принимая целые пригоршни таблеток, которые запивала приличными дозами виски. И в конце концов ее доставили в мемфисскую больницу с диагнозом «вирусный гепатит», где она скончалась в августе 1958 г. в возрасте сорока шести лет.

На похоронах матери Элвис, казалось, обезумел. Друзья пытались оттащить его от гроба, он рыдал, выл и отбивался от них руками и ногами, восклицая: «О боже! Я потерял все, для чего жил!» Позже один из очевидцев вспоминал: «Я никогда не слышал ничего более жуткого, чем этот плач отчаяния».

Пресли так никогда и не оправился от этой потери. Его биограф А. Голдман считал, что «духовная связь Элвиса с матерью не прерывалась до конца его жизни. Даже если бы она умерла на двадцать лет позже, то его горе было бы таким же. Такое неестественное поклонение матери как божеству определенно привело Элвиса к множеству сексуальных проблем. Чрезмерная материнская любовь и опека помешали ему стать сильной личностью».

Через месяц после смерти матери часть, где проходил службу Пресли, перевели в Западную Германию, и еще не пришедший в себя от горя Элвис сумел добиться разрешения, чтобы отец и бабушка могли жить неподалеку от места дислокации его части. Но утешение он нашел не у родных. Боль потери помогла смягчить очаровательная юная девушка Присцилла Буалье, отчим которой, капитан ВВС, тоже служил в Германии. Миниатюрная 14-летняя красавица, не по годам женственная, сразу привлекла внимание пресыщенного женской любовью Пресли. Ему показалось, что она чем-то неуловимо похожа на его мать, Глэдис, а значит, может хоть как-то заменить ее.

Несмотря на почти еще подростковый возраст Присциллы, у Элвиса начался с ней бурный роман. Уже после окончания службы в 1960 г. он пригласил свою возлюбленную к себе домой на Рождество. Присцилла с удовольствием гостила в роскошном особняке Пресли, но поскольку она была еще несовершеннолетней, ей вскоре пришлось вернуться в Германию. Элвис очень тосковал по ней и обратился к ее отчиму с просьбой отпустить Присциллу заканчивать учебу в Мемфисе под его присмотром. Наконец, отчим Присциллы дал согласие на переезд дочери, и в 1962 г. она снова поселилась в «Грейсленде».

Но избалованный славой Элвис и после приезда Присциллы не изменил свой образ жизни. Он регулярно уезжал на съемки очередного фильма, где без всякого стеснения заводил романы с партнершами. Присцилла читала об этом в газетах и злилась… но все же ждала своего часа. Она была уверена, что рано или поздно Пресли на ней женится.

К началу 1962 г. Пресли уже почти не выступал с концертами. Главным для него в то время стал Голливуд. Еще в начале своей кинокарьеры Элвис не раз говорил о том, что мечтает стать хорошим актером. Его любовь к кино была так велика, что он нередко арендовал кинотеатр и смотрел фильмы всю ночь напролет. После возвращения из армии он снялся в 29 фильмах, в среднем по три в год. Практически во всех картинах его герои, — а это были капитаны, боксеры, циркачи, автогонщики, ловцы жемчуга и просто миллионеры на отдыхе, — непременно пели. А вот кинозвезду он сыграл лишь однажды, в фильме «Каникулы в голову».

Ради кинокарьеры Пресли шел на все: будучи от природы шатеном, перекрасил волосы в черный цвет, поскольку на цветном экране они хорошо гармонировали с его голубыми глазами. И так как он начал рано седеть, то вынужден был красить волосы постоянно. Сделал он и пластическую операцию — подкорректировал форму носа. Кроме того, ему приходилось

отращивать бороду, говорить по-китайски и исполнять танец живота.

С большой ответственностью относясь к съемкам, Пресли не отказывался и от любовных наслаждений. В Голливуде бессменный менеджер Том Паркер устроил Элвиса и его телохранителей, которых называли мафией из Мемфиса, в особняк Бель Эр, раньше принадлежавший звездам американского кино Али Хану и Рите Хейуорт. Как отмечал биограф певца, Альберт Голдман: «Это гнездышко стало резиденцией самых знаменитых в истории Голливуда убежденных холостяков». Вечеринки начинались обычно около десяти вечера. Основная задача телохранителей состояла в том, чтобы найти привлекательных молодых особ, которые пришлись бы по вкусу пресыщенному Элвису. Ему нравились миниатюрные девушки, ростом не выше ста пятидесяти пяти сантиметров и весом не более пятидесяти килограммов. И, что особенно важно, они должны были быть не старше восемнадцати лет и желательно девственницами. Вообще Пресли всегда предпочитал иметь дело с не имеющими сексуального опыта юными девушками, которым не с кем было бы его сравнивать, поскольку, несмотря на славу и богатство, он был личностью легкоранимой, очень неуверенной в себе. Фотографии покоренных красоток Пресли хранил в специальном голубом чемоданчике, который, как и любимая гитара, был всегда при нем.

Словом, из скромного, тихого мемфисского паренька-красавчика Пресли превратился в высокомерного и вспыльчивого брюзгу, постоянно требовавшего, чтобы все вокруг его боготворили и слепо ему повиновались. С особой наглядностью проявлялся взрывной характер Пресли, если какая-нибудь из девиц осмеливалась ему хоть в чем-то возражать. Тогда он вел себя как истеричка — швырял в девушек арбузами и даже мог наброситься с ножом.

После того как Элвис отправлялся с избранницей в спальню, телохранители могли заняться остальными гостьями. Была еще одна забава, которую очень любил Элвис, — снимать свои сексуальные игры на любительскую видеокамеру.

В те же годы Элвис увивался и за актрисами, игравшими в его фильмах. Среди них были Тьюзди Велд, Урсула Андре, Ивонна Крейг и Энн Маргрет. Он назначал свидания даже самой Натали Вуд, первой красавице Голливуда.

Последним фильмом, в котором снялся Пресли, стала картина «Смена привычек». Несмотря на то что его партнершей была комедийная звезда Мэри Тайлер Мур, фильм оказался настолько скучным, что певец решил отказаться от кинокарьеры.

Было ясно, что великого актера из Пресли так и не вышло.

В мае 1967 г. Пресли наконец женился на Присцилле Энн Болье. В залитом огнями Лас-Вегасе в роскошном отеле «Алладин» при огромном стечении гостей сыграли поистине королевскую свадьбу. Молодожены провели медовый месяц на Багамах, затем переехали в Беверли-Хиллз. Через девять месяцев у них родилась дочь Лиза-Мария (как известно, она стала женой другого рок-идола — Майкла Джексона).

Однако женитьба и рождение дочери не уменьшили числа любовниц знаменитой рок-звезды, что не могло не привести к семейным ссорам и скандалам. Но в то же время брак дал Элвису новый стимул для творчества. В июле 1969 г., после долгого перерыва, он открыл свою знаменитую серию концертов в международном отеле в Лас-Вегасе. Тогда были побиты все рекорды посещаемости — на концертах побывало свыше ста шестидесяти тысяч зрителей, а само возвращение певца на сцену легло в основу документального фильма «Элвис: вот так это происходит». Такой успех побудил Пресли вернуться к студийным записям и возобновить концерты по стране. В 1971 г. он снова в десятке самых выдающихся личностей США. Шоссе по направлению к его «Грейсленду» переименовали в «Бульвар Элвиса». Его знаменитый белый жилет по-прежнему усыпан бриллиантами, на золоченой накидке позванивают долларовые монеты. В январе 1973 г. концерт Пресли в Гонолулу стал первой в истории телевизионной программой, которая транслировалась с помощью спутниковой связи на 40 стран мира.

Многочисленные концерты выматывали до предела, и Элвис постоянно обращался к наркотикам и стимуляторам для поддержания сил. Затем он начал быстро набирать вес, и пришлось принимать таблетки для снижения аппетита. Бывший его телохранитель Рик Стенли вспоминал: «Он перестал сдерживать себя и начал колоться. Когда он сел на иглу, я стал серьезно беспокоиться за его здоровье. Его тело стало напоминать подушечку для иголок». Постепенно концерты Пресли начали превращаться в фарс. Сильно располневший, одурманенный наркотиками, он порой забывал слова своих самых популярных песен, его поведение на сцене становилось вызывающим, а порой даже непристойным. Да и концерты все чаще приходилось отменять из-за болезни певца.

Не лучше обстояли дела и в семейной жизни. Присцилле надоело мириться с постоянными изменами мужа и его буйными выходками. В 1972 г. она, словно назло Элвису, стала открыто встречаться с его тренером по карате Майком Стоуном и начала говорить о разводе. По этому поводу Голдман писал: «Когда

Присцилла потребовала развода, Элвис был потрясен. И дело было вовсе не в самом акте разрыва, а в том, что были задеты его гордость и болезненное самолюбие. Как же — ведь весь мир узнает, что его отвергла женщина».

Свое решение расстаться Присцилла объясняла Элвису так: «Я ухожу от тебя не из-за другого мужчины. Я просто хочу жить как все нормальные женщины».

Элвис решил первым подать на развод, чтобы хоть как-то сохранить свое достоинство. В августе 1973 гг. он снова стал холостяком. Заботу о дочери Элвис взял на себя, обязуясь ежемесячно выплачивать 100 тысяч долларов на ее содержание. Что и делал до конца своей жизни. Сама же Присцилла позже сделала неплохую артистическую карьеру, став, в частности, звездой таких знаменитых телесериалов, как «Даллас» и «Голый пистолет».

После разрыва с женой Элвис опускался все ниже и ниже. Он месяцами подвергал себя добровольному заключению в «Грейсленде», вел ночной образ жизни, стал маниакально бояться людей. В безумном хаосе путались день с ночью, рассвет с закатом. Пресли просыпался в пять часов пополудни и принимался за завтрак, который состоял из круто посоленной яичницы из шести яиц, поджаренной на масле вместе с фунтом бекона, полдюжины сосисок и двенадцати печений. На обед ему подавали опять же бекон, две огромные булки, густо намазанные арахисовым маслом и земляничным джемом. Ложился спать он не раньше четырех часов утра, но перед этим съедал пять двойных гамбургеров и несколько огромных сандвичей.

Как и прежде, энергетика Пресли требовала мощной сексуальной подпитки. Женщины были для него тем же, чем являлись еда и наркотики, которые он поглощал в огромных количествах и без которых не мог обойтись. Он установил в стенах своего дома полупрозрачные зеркала, через которые тайно наблюдал за оргиями своих дружков. На видеокассетах Пресли хранил записи своих сексуальных утех и лесбийских игр многочисленных подружек.

Самым длительным романом Пресли после ухода жены стала связь с фотомоделью и победительницей конкурса красоты штата Теннесси Линдой Томпсон. Она преданно любила его и пыталась не только быть пылкой любовницей, но и заменить умершую мать, которую певец называл своей «первой девушкой». Но, видя, что он превращается в психически неуравновешенного человека, а ее жизнь становится адом, Линда оставила короля рок-н-ролла.

Встречался Пресли и со своими подругами прошлых лет. Когда они ему надоедали, помощник приглашал какую-нибудь из

особенно страстных поклонниц. Как, например, лос-анджелесскую манекенщицу Минду Миллер, женственную Алисию Джервин. От Райс Смит, юной блондинки, Пресли и вовсе потерял голову. Дарил дорогие подарки, не отпускал ее от себя ни на час. Райс тоже была влюблена в Пресли, но в конце концов в ней победило чувство благоразумия. Поняв, что он сознательно разрушает свою жизнь и может разрушить ее, она оставила Элвиса.

А жизнь короля рок-н-ролла все больше напоминала бег обреченного по замкнутому кругу: концерты, женщины, оргии, наркотики и вновь концерты, женщины, оргии. Женщины приходили и уходили, еда приедалась, наркотики не приносили облегчения. Когда-то телевизионную программу с его участием смотрело одновременно 54 миллиона американцев. Когда-то рейтинг его популярности был выше, чем у президента Эйзенхауэра. Когда-то за один год Элвис мог дать до тысячи выступлений, по нескольку в день на разных сценических площадках. Теперь все это постепенно уходило в прошлое.

Последней любовью Пресли стала 20-летняя красавица Джинджер Олден, с которой он познакомился в конце 1976 г.

Певец влюбился в нее так, как может влюбиться мужчина, который предчувствует свой близкий конец и надеется, что только женщина сможет его спасти. Пресли подарил Джинджер кольцо с огромным бриллиантом, роскошный «кадиллак» и даже собирался жениться на ней. Но было уже поздно. Страсть к еде и к наркотикам овладели Пресли настолько, что контролировать себя он уже не мог. В марте 1977 г. он лег на обследование в баптистский госпиталь. Появились слухи о том, что у него рак, инфаркт, просто период отвыкания от лекарств по уменьшению веса. Но скорее всего, Элвис все-таки решился на операцию по устранению лишнего веса, поскольку к тому времени весил уже около 130 килограммов. Однако операция вряд ли могла что-либо изменить. Сердце уже не выдерживало единоборства с ожирением и тысячами таблеток, которые по первому требованию прописывали Элвису покладистые врачи.

Великий Пресли скончался 16 августа 1977 г. в возрасте 42 лет. Грузное бездыханное тело певца нашла в ванной комнате Джинджер Олден, которой так и не суждено было стать его женой. Официальная причина смерти — сердечная аритмия. Хотя существует и версия того, что Пресли покончил жизнь самоубийством. Дело в том, что за две недели до смерти вышла книга бывших телохранителей певца Сонни Веста и Дэвида Хеблера под названием «Элвис, что с тобой стало?». В ней они поведали неосведомленной публике ужасную правду о жизни ее кумира. Прочитав ее, Пресли был шокирован, особенно его

ужасало то, что эту книгу может прочесть его дочь, Лиза-Мария.

В день похорон сотни тысяч поклонников собрались в Мемфисе, чтобы попрощаться с Элвисом. Из-за плохой организации похорон два человека погибли под колесами автомобилей. Гроб с телом Элвиса поместили в семейный склеп в Форрест-Ниле рядом с гробом матери. После двух попыток выкрасть его прах оба гроба перенесли в «Грейс-ленд» и похоронили в саду за металлической оградой. На надгробной плите Элвиса высечена надпись: «Он был лучом света в нашем доме».

Бывшая жена Элвиса Присцилла превратила «Грейсленд» в дом-музей. До сих пор это место в Америке после Белого дома самое посещаемое как американцами, так и зарубежными туристами. Ежегодно в поместье в Мемфисе, штат Теннесси, бывают до 700 тыс. человек, готовых заплатить по 22 доллара за экскурсию по первому этажу особняка и ознакомление с достопримечательностями — двумя реактивными самолетами, гостиницей «Разбитое сердце», рестораном, предлагающим любимые блюда Элвиса (жареные бутерброды с арахисовым маслом и бананом) и музеем его автомобилей.

Но самое поразительное то, что многие американцы и по сей день отказываются говорить о певце в прошедшем времени. Для них Элвис Пресли — это легенда, которая теперь уже никогда не умрет.

Делон Ален

(род. в 1935 г.)

Знаменитый французский киноактер, продюсер, сценарист и режиссер, признанный одним из самых красивых мужчин мира. Как романтический супергерой, стал мечтой миллионов женщин. Среди множества своих увлечений секс-символ Франции признал, что по-настоящему в его жизнь вошли только четыре из них.

Серо-голубые глаза, легкий изгиб густых черных бровей, девичий овал лица, взгляд романтика и ироническая улыбка. «Красив, как Ален Делон» стало нарицательным сравнением. Какая женщина не мечтала, чтобы ее избранник был хотя бы

внешне похож на звезду французского кинематографа, а тем более на созданных им экранных героев — незаурядных, сильных личностей, «одиноких волков, оторвавшихся от стаи». В большинстве своем это люди мужественные, энергичные, честолюбивые, но некоммуникабельные, как бы замкнутые в кругу своего индивидуализма, нередко скрывающие за красивой внешностью и манерами «двойное дно». Внешне они чаще всего сдержанные, а в действительности — страстные и непредсказуемые. Их судьба порой столь же трудна и загадочна, как и судьба самого актера.

Делон, тиражируемый миллионами экранов и, казалось бы, всем известный, на самом деле загадка для современников. Ее не смогли разгадать ни сотни въедливых журналистов, ни женщины, которые любили его и которым он отвечал взаимностью. Он всегда стремился быть во всем первым и стал знаменитым на весь мир: успешная и долгая карьера, поклонение публики, богатство, красивые женщины, — а в глазах затаенная тоска. В его жизни, особенно в юношеские годы и в начале артистической деятельности, много «темных пятен», недосказанности. Возможно, Делону не раз пришлось поступиться своим «я» и тайны прошлого бередят его душу, как грустные воспоминания детства: «Когда с самого детства чувствуешь, что никому не нужен, это не может потом на тебе не сказаться. Нет, лицо не меняется, но в душе на всю жизнь поселяется печаль». И именно лицо Делона, внешность, его герои стали, по словам президента Франции Франсуа Миттерана, «неотъемлемой частью облика Франции».

Свою ненужность Ален ощущал уже с четырех лет, с той поры, как его родители разошлись. Об отце, Фабьене Делоне, бывшем владельце кинотеатра в парижском пригороде, он вспоминал мало, характеризуя его как авантюриста. О матери же, Эдит Арнольд, мечтавшей о карьере киноактрисы, но работавшей скромным фармацевтом, он сохранил более теплые воспоминания, считая, что именно ей обязан любовью к кино. Ален после развода родителей большую часть своего детства провел в семье кормилицы, мадам Неро. Ее муж работал надзирателем, и тюремный двор стал для мальчика площадкой для игр. Это наложило отпечаток на всю его последующую жизнь. Под ангельски хорошенькой внешностью ребенка поселился сущий дьяволенок. Когда мать вторично вышла замуж за мясника Поля Булоня, жизнь Алена не стала счастливей. Отчим заставлял мальчика часами нарезать колбасу в мясной лавке, а он отлынивал от безрадостного занятия, как, впрочем, и от уроков. Буйный характер Делона проявился рано. Дисциплину он ненавидел, сменил 17 школ. Его упрятали в интернат,

славившийся строгими правилами, но и оттуда Ален сбежал. 14-летним подростком он попытался с другом уехать в Америку, но был пойман и исключен из школы с «волчьим билетом». Отчим забрал его из полицейского участка и заставил учиться на мясника на собственной скотобойне. В свободное время Ален занимался велоспортом и боксом.

Делон так мечтал вырваться из «колбасного плена», что в 17 лет отправился на войну в Индокитай и даже добился на то родительского согласия. Три года Ален отслужил в морской пехоте. «Слава богу, мне повезло: вернулся живым и здоровым… — вспоминал он. — Но война сотворила со мной ужасное: разрушила во мне остаток иллюзий…» Армейская дисциплина тоже не пришлась ему по душе — самоволка, украденный джип и отчисление со службы. По дороге домой он купил из-под полы револьвер и за попытку провезти оружие угодил на полтора месяца в тюрьму. Отбыв срок, домой Ален не вернулся, а уехал в Марсель. С этим городом связан самый таинственный период в его жизни. Французский журналист Бернар Виоле в своей книге «Тайны Делона» привел много документальных свидетельств о контактах будущего актера с мафией, об увлечении им наркотиками и связях с гомосексуалистами. Достоверно известно, что Ален недолго работал официантом в кафе для геев, а затем вернулся в Париж.

Среди многочисленных подружек Делона, появившихся в это время, была и молодая актриса Брижит Обер, которая познакомила его со своим приятелем, актером Жаном Бриали. Тот предложил Алену поехать вместе на Каннский кинофестиваль 1957 года. На юного красавчика сразу обратил внимание агент известного голливудского продюсера Д. Сэлзника, и после успешных проб Делон чуть было не подписал семилетний контракт. Но знакомая Жана, Мишель Корду, «перешла дорогу» американским кинематографистам. Она познакомила Алена со своим мужем, режиссером Ивом Аллегри. Фантастическая карьера Делона началась в 1957 г. с второстепенных ролей в фильмах братьев Аллегри «Когда вмешивается женщина» и «Будь счастлива и молчи». Первые опыты были настолько удачными, что в фильме «Кристина» (1958 г.) никому не известный начинающий актер получил главную роль. Его партнершей стала несравненная Роми Шнайдер. Ей было всего двадцать лет, но за ее спиной было 12 фильмов, принесших мировую славу. Свою любимицу немцы нарекли «Невестой Германии». За роль в «Кристине» Шнайдер предложили 75 млн франков, Делону — всего 300 тыс.

Первая встреча Роми и Алена состоялась в парижском

аэропорту, где французская кинокомпания устроила любимице публики пышную встречу. Шнайдер вспоминала: «У трапа стоял чрезвычайно красивый, чрезвычайно молодой и чрезвычайно модно одетый молодой человек — Ален Делон. Он не говорил по-английски, а я по-французски. Мы пытались разговаривать, мешая отдельные слова разных языков. С настоящим Аленом я познакомилась позже, в Париже. Это был совсем юный, растрепанный и дикий молодой человек в голубой джинсовке и спортивной майке. Он всегда и всюду опаздывал и с невероятной скоростью носился по улицам Парижа на своем „рено“. О нем постоянно рассказывали всяческие небылицы. Сначала мы совсем не понравились друг другу. Мы так ссорились, что Жан Клод Бриали, наш партнер по фильму, вынужден был постоянно быть рядом с нами, тщетно пытаясь примирить нас». Ален был невоспитан, Роми — жеманна, он грубил, она дулась, он насмехался, она презирала. В любовных сценах она смущалась, он пошлил, потому что в реальной жизни легко завоевывал любовь женщин. «Надутая немецкая гусыня, пресная венская булка», — бурчал Делон себе под нос. Роми капризничала как «императрица», но чаще заинтересованно поглядывала в его сторону — он был таким естественным, каким-то настоящим, совершенно непохожим на окружавших ее ранее мужчин.

Съемки подходили к концу, когда во время брюссельского кинофестиваля все недоразумения между ними остались в прошлом. Оказалось, что при всех различиях взглядов, манер воспитания, поведения молодых людей объединяет не только бешеная страсть, но и какая-то духовная близость, которая до конца жизни Роми будет притягивать их друг к другу. Близкий друг актрисы Франсуаза Саган вспоминала: «Она испытала с Аленом такую любовь, которая дается не каждой девушке. Это была настоящая юная любовь. Ален был мужчиной ее жизни, и Роми отдала бы все на свете, чтобы быть его женой». Да и как можно было не влюбиться в живого, яркого, остроумного «сына улицы»!

Влюбленные поселились в крохотной квартирке и были счастливы. Решение Роми жить с любимым человеком невенчанной было для нее очень смелым шагом. Ален мужественно перенес «пытку» помолвкой, которая состоялась в Лугано 22 марта 1959 г. под стрекот кинокамер, вспышки фотоаппаратов, ликование газет. Этот буржуазный балаган был ему чужд. Позже он с досадой вспоминал: «Роми принадлежит к тому слою общества, который я ненавижу больше всего на свете. За пять лет я не смог искоренить в ней того, что внушалось ей все двадцать лет ее предыдущей жизни… В ней было две Роми. Одну

из них я безумно любил. Вторую так же безумно ненавидел…» Первое время их жизнь была безоблачной. Шнайдер довольно быстро завоевала французский кинематограф, а Делон с фантастической скоростью стал звездой первой величины («На ярком солнце», 1959 г.; «Рокко и его братья», 1960 г.; «Затмение», 1961 г.; «Мелодии подземелья», 1962 г.; «Леопард», 1963 г.). Роми часто приходилось выслушивать откровения о любовных похождениях и пристрастиях Алена, но она смирилась с его свободой и с тем образом жизни, который он привык вести.

Постоянная занятость на съемках надолго разделяла самую красивую пару в мире. На любовные свидания Роми летала на самолетах. Последняя встреча «вечной невесты Алена Делона» и ненавидящего брачные узы «жениха» состоялась в Риме. Он был нежен и внимателен, она — беззаботно счастлива. А вернувшись в Голливуд, Роми обнаружила во всех американских газетах объявление о помолвке Алена и актрисы Натали Бартелеми. Делон прислал вслед трогательное пространное письмо Роми с благодарностью за счастливые совместные годы и сожалениями из-за необходимости расстаться: «Благоразумие заставляет меня сказать тебе „Adieu!“ Наш брак с самого начала был обречен. Из-за нашей профессии он не мог быть долгим. Возвращаю тебе свободу и навсегда оставляю тебе свое сердце!» Ален не лукавил. В общем-то, разрушив личную жизнь Роми, он сохранил к ней душевную привязанность и впоследствии приходил на помощь в трудную минуту. Покинутая женщина, как ни пыталась, не смогла изгнать Алена из своего сердца. Она постоянно сравнивала с ним всех своих мужчин и всегда не в их пользу.

22 марта 1959 г. Делон и Натали обручились в церкви, 13 августа состоялась свадьба, а 1 октября у них родился сын, которого назвали Энтони. Бартелеми была фотомоделью. Ален познакомился с ней в Испании на съемках фильма «Черный тюльпан», а она свою первую встречу с будущим мужем описала так: «Я познакомилась с ним в одном ночном клубе. Поначалу он был очень нелюбезен, даже груб, но меня тронуло, когда примерно в два часа утра поведение его, скажем так, несколько переменилось. Но затем он снова стал прежним, а потом просто впился в меня». Они были чем-то похожи: он — дерзкий, эгоистичный, невероятно обидчивый и даже жестокий, она — свободная, резкая, независимая. Оба не считали измену большим грехом. Войти в роль мужа Алену так и не удалось, хотя он искренне старался. В 1969 г. брак окончательно распался.

Делон много работал. Вместе с другом Ж. Бомом он владел собственной студией и мог снимать то, что хотел. Миллионы женщин выходили из кинозалов, мечтая о роковом красавце с

холодным взглядом и горячим сердцем. Но это был тяжелый период в жизни Делона. Он переживал, что ребенок будет рядом с ним, но в неполной семье: ведь Энтони исполнилось всего четыре года — Алену было столько же, когда его родители расстались. К тому же он был замешан в странной истории с убийством своего шофера и телохранителя Стефана Марковича. Как-то Делон при свидетелях заметил югославу: «Если ты меня обворуешь, я тебе это прощу. Но если ты переспишь с моей женой — могу и убить». Во время одного из скандалов Натали призналась, что изменяла ему со Стефаном, а через год — в 1968 г. — труп Марковича был найден на мусорной свалке. В письмах брату югослав указал, что ему угрожали Делон и Ф. Маркатони — марсельский гангстер и давний друг актера. Во время следствия всплыло много материалов, компрометирующих Алена: связь с мафией, «жареные факты», якобы свидетельствующие о его сексуальных взаимоотношениях с мужчинами. И хотя «счастливчик Делон» был оправдан, это разбирательство сильно ударило по его имиджу.

Делон очень нуждался в понимании и душевном тепле и хорошо знал, что только одна-единственная женщина способна поддержать его — Роми. Действительно, Шнайдер, которая к тому времени уже была замужем, имела сына Давида и практически оставила кинематограф, по первому же зову Алена приехала на съемки «Бассейна». И хотя Делон заявлял, что теперь они «любят друг друга точно по сценарию», журналисты следили за каждым шагом звездного дуэта: жаркие объятия в аэропорту, записки, цветы, подслушанные фразы… В результате этой встречи кинувшаяся на помощь Алену Роми навсегда лишилась призрачной надежды быть счастливой с другим мужчиной и уже никогда не смогла восстановить душевного равновесия. А Делон благодаря ей оставил душевный груз на дне «Бассейна». Он снова мог радоваться жизни и любви. Еще во время съемок фильма обложки журналов запестрели снимками Алена и Брижит Бардо в купальных костюмах на берегу ее виллы с недвусмысленной надписью: «Самые красивые любовники в мире». Кто мог поверить при их репутации, что они всего-навсего хорошие друзья и их объединяет только любовь… к животным.

Утешившийся Делон создал собственную кинокомпанию «Адель-продюксьон» (1969 г.), где выступал уже не только как актер, но и как продюсер психологических драм. К тому же Ален забросил многочисленных подружек и отдался новой любви — к неотразимой Мирей Дарк, замечательной актрисе и сценаристке. Ради возлюбленной он даже снял по ее сценарию фильм «Мэдли» (1970 г.). Мирей была всепрощающей и всепонимающей

спутницей Алена и смогла удержать его рядом с собой 15 лет, но он так и не решился оформить их связь официально. Кумир не умел отказывать ни своим желаниям, ни поклонницам, но тем не менее сохранил со всеми дружеские отношения. Журналисты с ехидством отмечали, что 1971 г. стал для актера сплошным медовым месяцем: на экраны вышли фильмы, в которых Ален сыграл с «вечной невестой» Роми, со своей бывшей женой Натали и нынешней возлюбленной Мирей.

Делона можно упрекнуть в бессердечности, с какой он расставался с подругами. Но никогда он не оставлял своих женщин в беде. Прервав съемки, Ален почти полгода не отходил от Роми, когда нелепая смерть унесла ее любимого сына (1981 г.). Он старался вырвать ее из страшного оцепенения: «Смотри, мы все еще самые лучшие! Мы с тобой еще лет двадцать можем быть первыми номерами», — шутил он перед журналистами на кинофестивале, где они были признаны лучшими актерами французского кино. Делон даже подобрал сценарий для их звездного дуэта. Но у Шнайдер хватило сил только на съемки фильма «Прохожая из Сан-Суси», посвященного памяти сына, которого она пережила лишь на год. Ален взял на себя все заботы по организации ее похорон. Через неделю «Пари-матч» опубликовал его своеобразный некролог «Прощай, моя куколка», обращенный к Роми. В нем он с большой искренностью и горечью говорил о преждевременном уходе прекрасной актрисы и женщины, ставшей частью его жизни: «Мне говорят, что ты мертва. Виноват ли в этом я? Да, это из-за меня твое сердце перестало биться».

Не менее благородно Делон поступил и с попавшей в автомобильную катастрофу Дарк. Он не отходил от ее постели, пока она не поправилась. «Своим ежедневным присутствием, вниманием и лаской Ален вселил в меня веру в жизнь», — говорила потом Мирей. Но после того, как она встала на ноги, он спокойно ушел к другой. И потом сам честно признал, что после их разрыва больше тосковал огромный пес, неаполитанский мастино Маню, чем он. Ведь как раз в это время он был поглощен новыми страстями. Роман с молоденькой актрисой Анни Перийо, так похожей на его первую жену Натали, казалось, был только в разгаре, как Ален уже воспылал испепеляющей любовью к Катрин. Эта девушка лишь месяц как вышла замуж за гонщика «Формулы-1» Пирье Пирони, но ради «красавчика Делона» готова была тут же развестись. Неожиданная гибель супруга освободила ее от брачных уз, но так и не обеспечила новым мужем.

Женщины и актерская карьера были только частью огромной империи, созданной Делоном. Он полностью реализовал себя в

кинематографии еще и как режиссер и продюсер. Не получив актерского образования, Ален сумел доказать, что артист — это не только красивое лицо, но и ум. Многие считают, что именно он поднял престиж французского кинематографа, ведь актер профинансировал и организовал съемки более 20 фильмов. В конце 90-х гг. у него возник грандиозный замысел снять цикл документальных лент об «истинно французских ценностях» — винах, кабаре, ресторанах и прочих вещах. Ведь во всем этом он прекрасно разбирается как человек тонкого вкуса и удачливый бизнесмен. Являясь одним из самых богатых людей Европы, Делон вкладывает деньги в недвижимость, предпочитая старинные замки. Финансово-промышленная империя Делона выпускает духи, очки, коньяк и сигареты под всемирно известной торговой маркой «АБ». Он владеет собственной киностудией, акциями авиакомпании «Транс-юнити», сетью магазинов по продаже белья, одной из лучших конюшен по разведению породистых скакунов, первоклассными яхтами, богатейшей художественной галереей, где представлены подлинники Дюрера и Рембрандта.

В 1990 г. Делон, научившийся скрывать свою личную жизнь, огорошил поклонников известием о рождении его дочери Аннушки. К удивлению «всезнающих журналистов», матерью ребенка, а затем и законной супругой актера оказалась не Катрин Пирони, а голландская супермодель Розали ван Бремен. Через четыре года она подарила ему сына. Ален был откровенно счастлив и не скрывал этого. «Розали моя жена. О ней нельзя говорить просто так, всуе. Розали надо боготворить. Она подарила мне самую большую радость — моих малышей… Дети наполнили жизнь новым смыслом, залили ее волшебным светом. Дом, родной очаг всегда имели для меня, маленького бродяжки из города-тюрьмы под Парижем, особый, сокровенный смысл. И такой дом — теплый, живой, уютный — наконец у меня появился! С Розали ван Бремен мы познакомились в телевизионной студии. Розали пригласили на телевидение танцевать, а меня… петь! Все как в итальянской комедии нравов. Нас призвали заниматься не нашим делом — ведь Розали манекенщица, а не танцовщица. Мы же времени зря не теряли: влюбились друг в друга с первого взгляда!»

«Месье Д.», как актера по-домашнему величают соотечественники, стал примерным семьянином. Он окружил жену и детей любовью, заботой и, естественно, богатством. Однако вскоре стало ясно, что очаровательная Розали, обладающая не только внешностью фотомодели, но и обширными и глубокими знаниями в различных науках — геологии, истории,

литературе Нидерландов, теологии, владеющая греческим, латинским, французским, английским и немецким языками, оказалась запертой в золоченой клетке. Такая жизнь стала для нее невыносимой. Делона всегда обвиняли в тиранстве и жестокости по отношению к любимым женщинам. После пятнадцати лет счастливого брака, забрав детей, Розали уехала от мужа в Голландию. Говорят, что, узнав об этом по телефону на съемках, Делон просто бился в истерике.

Роскошная вилла неподалеку от Женевы опустела. Ален предпочитает не распространяться о причинах развода: «Мы с женой принадлежим к разным поколениям. Нас разделяют 32 года. В свои 20 лет Розали отдала мне свои лучшие годы. Теперь она хочет наверстать упущенное». Конечно, он по-прежнему окружен поклонницами, занят бизнесом, и хотя решил оставить кино, недавно успешно сыграл в полицейском телесериале «Фабио Монтале». Сейчас Делон, по примеру своей давней подруги Брижит Бардо, встал в ряды ревностных защитников прав животных. Актер слывет неистовым любителем собак.

Сейчас, когда Делон остался в одиночестве, он с нежностью вспоминает счастливые мгновения семейной жизни. Так, за успех в спектакле «Загадочные вариации» он был вознагражден цветами от своей (тогда шестилетней) дочери Аннушки, впервые побывавшей в театре на выступлении отца, и не скрывал своих слез. Зрители, ошеломленные зрелищем плачущего супермена, легендарного сердцееда и красавца, в едином порыве, совсем как фанаты на рок-концерте, встали со своих мест и зажгли свои зажигалки.

В одном из последних интервью Делон сказал: «В молодости я казался себе слишком женственным, чересчур сладким. Вел же себя, наоборот, резко, порой даже грубо. Я смирился с моей физиономией лишь после того, как на экраны вышел один из самых известных моих фильмов „Бассейн“. Мне было тридцать три. Тогда я неожиданно понял: возраст Христа, душа самурая и внешность героя-любовника — вот в чем мое противоречие и в то же время актерский козырь. Впрочем, сейчас, на седьмом десятке, все карты давным-давно смешались. От Казановы-сердцееда остались лишь одни воспоминания…» Но, говоря это, он немного лукавил, ибо еще был любим. Теперь, обиженный предательством жены, он пришел к неутешительному выводу: «Исходя из моего опыта, я теперь спрашиваю себя: созданы ли мужчины для того, чтобы жить с женщинами? Я так и не научился их понимать. Я так и умру, не поняв женщин. Лучше всего — жить не вместе, а рядом с ними».

Челентано Адриано

(род. в 1938 г.)

Итальянский певец, композитор, актер, режиссер. «Сеньор Буф» — так именует его пресса, а женщины чаще называют «колдовским мужчиной».

Адриано Челентано — «фирменный знак» итальянской эстрады и кино. В стране, где поет каждый второй, а кинематограф имеет мировую славу, трудно стать звездой, не имея уникальных артистических дарований. Челентано в избытке обладает обаянием, артистизмом и неподражаемым чувством юмора, то есть всеми теми качествами, которые делают

популярной любую творческую личность. Надо ли после этого говорить, что этот темпераментный итальянец всегда был и остается любим женщинами, отвечая им той же искренностью и легкостью чувств, какие присущи ему в фильмах и в песнях.

Адриано Челентано родился 6 января 1938 г. на севере Милана в семье бедных апулийских крестьян Джудитты и Леотино Челентано, приехавших в этот город в поисках лучшей доли. Проучившись несколько лет в начальной школе, Адриано решил этим и ограничиться. Да и родители считали, что средства к существованию предпочтительнее зарабатывать не образованием, а хорошей профессией. Так в двенадцать лет мальчик стал подмастерьем своего дяди, часовщика Транквилло Гальвани. Кстати, это ремесло Челентано нравилось на протяжении всей жизни, и даже став знаменитым, он не отказывал себе в удовольствии чинить на досуге часы любому, кому это было необходимо.

А вот к музыке, несмотря на то что вся семья была очень музыкальной, Адриано поначалу относился равнодушно. Наверное, он так и остался бы часовщиком, если бы не случай. Каждый раз, идя на работу, он останавливался возле музыкального магазинчика, с витрин которого улыбались знаменитые в те годы поп-звезды Элвис Пресли и Литтл Ричард. Юноша стал все чаще и чаще задерживаться перед изображениями кумиров публики, пока не осознал, что в нем самом звучит нечто похожее на музыку. И это нечто неистребимо.

Реализовать свою увлеченность было несложно: в семье пели все, а значит, в любой момент кто-либо из родных мог помочь Адриано в его музыкальных импровизациях. Первое его публичное выступление состоялось в часовой мастерской родного дяди. Благодарными слушателями на этом концерте были сам дядя, его подмастерье и сосед синьор Мазетти, принесший часы для ремонта. Адриано исполнил несколько модных песенок и спародировал выступление известного в то время артиста Луи Прима, на которого, кстати, был поразительно похож. Публика осталась очень довольна и от души аплодировала. Синьор Мазетти порекомендовал шустрого паренька своим друзьям, устроителям местного праздника урожая, а те — друзьям друзей, играющим в самодеятельном молодежном театре.

В общем, через пять лет заметно подросший Адриано уже принял участие в первом итальянском конкурсе рок-н-ролла. Участники этого конкурса, пытаясь даже внешне походить на своего кумира, вырядились в яркие одежды и перепели чуть ли не весь репертуар Элвиса Пресли. И лишь Челентано испуганно и немного фальшиво исполнил песню собственного сочинения. Он

был странно одет и от волнения слегка дергался, но юным девицам это почему-то понравилось. А один из местных журналистов, подметив природную пластичность дебютанта, тут же придумал ему прозвище — Молледжато, что в переводе на русский язык означает «весь на пружинах». Под этим смешным именем его представили зрителям на фестивале популярной музыки в Анконе. А свою первую настоящую победу Адриано одержал на знаменитом конкурсе итальянской песни «Канцониссимо», который транслировался по всем радиоканалам. После чего на своей родной улице Глюк он стал вроде национального героя. Да и как им было не стать, когда на ней проживали в основном многочисленные родственники молодого певца. Согласно итальянским традициям, они сообща растили детей, ругались, дрались, плакали, а после обнимались и пели народные песни. Поэтому успех одного из членов этой большой семьи все остальные воспринимали как свой собственный. С этого дня Челентано повсюду сопровождала пестрая толпа обожателей, родственников, друзей и просто случайных прохожих. Темпераментные почитатели так часто говорили ему о том, что он самый лучший, самый красивый, самый талантливый и неповторимый, что в конце концов Челентано и сам в это уверовал. Тем более что после успеха на музыкальных конкурсах им заинтересовались студии грамзаписи, он подписал свои первые контракты, побывал на первых в своей жизни гастролях во Франции и Испании, получил возможность выступить по телевидению. От эйфории у Адриано кружилась голова: у него уже появились кое-какие деньги, к тому же в каждом новом городе всегда находилась симпатичная сговорчивая девчонка, по уши влюбленная в молодого артиста.

Веселая и беззаботная жизнь Адриано продолжалась до тех пор, пока в начале 1960-х гг. он не угодил в больницу с диагнозом «нервное истощение». Каждое утро больной выглядывал в окно, приветствуя многочисленных друзей и поклонниц, которые толпились у больничных ворот. Но вскоре он заметил, что с каждым днем их количество неуклонно сокращается. Наконец настал день, когда справиться о здоровье синьора Челентано не пришел ни один человек. Правда, через несколько недель старенький доктор, осматривая Адриано перед выпиской, пожаловался: «Если бы вы знали, что у нас тут сегодня творится! Такого столпотворения, такого количества телефонных звонков здесь никогда не было…» А причиной этого стала ошибка одного журналиста, который что-то недопонял и сообщил читателям, что Челентано умер в больнице, — вот все и сбежались посмотреть на похороны. Изумленный певец увидел из

окна, что толпа поклонников и репортеров с фотоаппаратами заполонила весь больничный двор, улицу и часть прилегающего сквера. Возможно, именно в этот момент Челентано и осенила гениальная мысль: самое главное в этой жизни не то, насколько хорошо ты поешь или играешь, а то, как умеешь рекламировать самого себя.

На волне такого ажиотажа Челентано выпустил свой первый большой диск, который сразу же возглавил все итальянские хит-парады. И примерно в это же время в жизни Челентано появилась очаровательная девушка, которой суждено было стать единственной и самой любимой женой. Это была Клаудия Морони, дочка драматурга, известная в кино как Клаудия Мори. Она тоже училась недолго, но знаменитой стала рано — еще совсем юной снявшись в фильмах, ставших классикой: «Рокко и его братья», «Содом и Гоморра». Причем Клаудиа прекрасно пела, и именно ее песни стали украшением фильма «Чезарелла». Поклонников у Клаудии хватало. Юной красавицей восхищалось почти все мужское население рабочего квартала Милана, в котором она родилась и выросла. Это и директор ночного варьете, где юная Клаудиа танцевала полгода; и почтенный городской судья, которому она собиралась подавать жалобу на собственного отца за постоянное пребывание в дурном настроении и нетрезвом виде; и один симпатичный футболист, с которым она одно время встречалась. Но назойливые ухажеры в то время мало интересовали молоденькую актрису. Клаудиа мечтала стать звездой экрана и прилагала к этому все мыслимые и немыслимые усилия.

В январе 1963 г. Клаудиа с большим трудом попала на съемочную площадку фильма «Странный тип». Причем роли ей в нем не досталось, пришлось довольствоваться работой ассистентки. А вот главная роль — молодого обаятельного парня, который поет и танцует, одновременно перевоплощаясь то в популярного артиста, то в мошенника, — досталась Челентано.

Во время съемок этого фильма и состоялось знакомство Адриано с Клаудией, причем при весьма драматичных обстоятельствах. Незадачливая ассистентка случайно наступила на электрический шнур, произошло короткое замыкание, стеклянный плафон осветительного прибора взорвался, и осколки оцарапали главному герою лоб и правую щеку. Перепуганная Клаудия бросилась извиняться, вытирать Адриано кровь своим носовым платком. Впрочем, досадное недоразумение не помешало молодым людям быстро найти общий язык, выпить кофе и даже поцеловаться несколько раз в темной костюмерной. Через несколько дней Клаудия получила приглашение на концерт

Челентано и его команды, скромно названной «Клан Челентано».

Они поженились 14 июля 1964 г. И, судя по всему, брак обещал быть счастливым, что впоследствии и подтвердилось. Сразу же после медового месяца молодые с энтузиазмом принялись за дело. Во-первых, надлежало срочно разобраться с «Кланом Челентано». Дело было в том, что несколько лет назад под давлением многочисленной родни, а кроме того, движимый желанием продемонстрировать всему музыкальному миру свою независимость, Челентано организовал частную звукозаписывающую компанию, которую назвал так же, как и свою группу: «Клан Челентано». Сотрудниками компании стали его друзья и постоянные собутыльники, а также близкие и дальние родственники. Руководство «Кланом» поручили старшему брату Челентано — Алессандро. Но поскольку никто из них не имел ни малейшего представления о том, как вести дела и составлять финансовые отчеты, компания разваливалась на глазах. Первая же пластинка, которую они записали сообща, была распродана миллионным тиражом, но деньги куда-то испарились.

Очень скоро практичная Клаудиа, призвав на помощь женскую логику и природное красноречие, доказала мужу, что Алессандро злоупотребляет его доверчивостью. В результате брату был сделан строгий выговор, половина сотрудников «Клана» уволена, а их места заняли опытный юрист и бухгалтер.

Не менее актуальной оказалась и задача создания эффектного сценического образа Челентано. И здесь интуиция подсказала Клаудии верное решение. По ее мнению, Адриано должен был одеваться еще более ярко, крикливо, даже подчеркнуто безвкусно. После чего он стал появляться на публике в сине-зеленой рубашке, всегда распахнутой на груди, в сапогах на высоких каблуках, а один глаз, чаще левый, был обведен густым слоем фиолетово-пунцовых теней. Поклонницы млели от восторга. А певцу приходилось постоянно оправдываться перед назойливыми журналистами, интересующимися тайными пассиями: «Мне что, нельзя вообще на женщин смотреть? Как-то девушка попросила у меня автограф — так на следующий день чуть ли не свадьбу объявили».

Поворотным в творчестве Челентано, по мнению многих критиков, стал 1966 г., когда он представил на фестивале в Сан-Ремо песню «Парень с улицы Глюк», рассказывающую о судьбе простого миланского парня. Это была первая острая социально-политическая итальянская песня, и в то же время она стала первой песней Челентано, которая обошла весь мир. Более четырех месяцев песня «Парень с улицы Глюк» возглавляла итальянские хит-парады, а позднее ее включили в школьные

учебники как призыв к бережному отношению к природе.

После торжественного награждения у лестницы театра «Аристон» в Сан-Ремо победителя ждала огромная толпа обезумевших поклонниц, готовых разорвать Адриано на части. Одна даже умудрилась проникнуть в его гостиничный номер и спрятаться в спальне.

«Дорогая, ты же знаешь, — оправдывался потом перед женой Челентано, — всему виной мои чувственные губы! Эти девицы виснут на мне как ненормальные…»

Челентано, конечно, лукавил — не губы, а его музыкальный талант и неотразимое мужское обаяние помогли ему стать кумиром не только женщин, но и всей итальянской молодежи.

В дальнейшем на протяжении десяти лет песенный фестиваль в Сан-Ремо неизменно проходил под знаком триумфального участия в нем Адриано Челентано. И этот успех он по праву делил с Клаудией. К примеру, когда они пели дуэтом веселую песенку «Кто не работает, тот не любит» на злободневную тему забастовок в Италии, в которой недовольная жена заявляла забастовщику, что «кто не работает, тот не занимается любовью», публика, как, впрочем, и жюри буквально покатывалась со смеху.

Помимо напряженной музыкальной деятельности Челентано постоянно снимался в кино. Всего он снялся в четырех десятках фильмов, среди которых такие известные картины, как «Сладкая жизнь», «Суперограбление в Милане», «Юппи Ду», «Блеф», «Гранд-отель», «Укрощение строптивого», «Бинго-Бонго» и др.

Кстати, Клаудиа даже не заметила, как ее брак постепенно превратился в надежное, приносящее стабильную прибыль предприятие. Супруги отлично разыгрывали свои роли на публике: она — образцовая мать и хозяйка, преданная жена и верный друг; он — надежный муж, открытый, простой, но смекалистый парень, за грубыми манерами которого прячется нежное сердце. Даже их дети стали невольными участниками этого феерического шоу. Когда Клаудия рожала в лучшей частной клинике Рима первого ребенка, Адриано, гастролировавший в это время во Франции, буквально не отходил от телефона. По возвращении он засыпал цветами жену и весь медицинский персонал больницы, сфотографировал крошечное личико своей новорожденной дочки, а на обороте фотографии написал размашистым почерком «Мой сладкий ангел Розита». Этот снимок и подпись на нем вскоре увидела многотысячная аудитория развлекательного телевизионного шоу, на которое он так кстати «случайно получил приглашение»…

Через некоторое время на свет появились сын Джакомо и еще одна дочка — Розалинда. Детей Челентано обожал и выполнял

любые их прихоти. Так, их вилла по желанию капризных крошек была превращена в зоопарк, где вместе с огромной армией охраны и прислуги жили кролики, курицы, кошки, собаки, попугаи, лошади и прочая живность. На детские дни рождения Адриано собственноручно пек бисквитные торты, не забывая при этом посылать свои фотографии, на которых он был запечатлен в поварском колпаке и фартуке, в редакции семейных и женских журналов.

Уже в шестнадцать лет его дочь Розита была помолвлена с одним из самых богатых женихов Италии, наследником цирковой династии Орфеи. Но скучный юнец ей быстро надоел, и она его вероломно бросила, решив посвятить свою жизнь эстраде. Розита выступала на телевидении, пела, танцевала, ее снимки публиковали бульварные журналы, и юная дива проявляла своенравный характер, унаследованный от любимого отца.

Розалинда не отставала от сестры и требовала сделать ее кинозвездой. Адриано пристроил младшую дочку в несколько телепроектов, фильм с ее участием даже открывал Венецианский кинофестиваль, но Клаудия предпочитает не вспоминать, скольких трудов и нервов им обоим это стоило.

Один Джакомо радовал родителей — рос спокойным и послушным ребенком, мечтал стать архитектором, чтобы строить для людей дома.

Наблюдая за поведением своего мужа, Клаудиа, в конце концов, уверилась в том, что он обладает уникальным талантом проповедника. Адриано с таким пылом призывал своих поклонников подумать о душе, что заподозрить его самого в каких-либо грехах было просто невозможно. С другой стороны, только она знает истинную цену его «святости» и никогда не упускает возможности напомнить дорогому мужу, к примеру, о Федерике Моро, с которой он снимался в фильме «Особые приметы: очень красив». Юная актриса, победительница национального конкурса красоты, конечно же не устояла перед ухаживаниями знаменитого певца и актера. Кроме того, были и другие поводы для ревности. В 1980 г. Челентано снялся в веселой комедии «Укрощение строптивого» вместе с зеленоглазой красавицей Орнеллой Мути. Заведя с ней роман, великий шоумен, видимо, решил еще раз доказать Клаудии, что ей не следует уж слишком расслабляться и считать, что она имеет полную власть над ним.

«Мой тогдашний муж Адриано Челентано…» — нет-нет да и проговаривалась иногда синьора Мути в беседах с журналистами. Она называла его «колдовским мужчиной», а их «брак» — наполненным страстью. А то, что муж был гражданским, а не

официальным, законным, — об этом она, естественно, умалчивала. Впрочем, и синьора Челентано не оставалась в долгу, заметив в одном из интервью: «Он написал мне письмо на 14 страницах. Что случайная измена вовсе не повод для расставания. Что она извинительна. Что для мужчины случайные связи — это как для механика техосмотр нового автомобиля».

Словом, то, что муж может уйти от нее, кажется синьоре Челентано маловероятным. И уверенность она объясняет так: «Дело не в его увлечениях, они бывают у каждого мужчины, а в том, что мы настоящая пара: мы едины втроем — Адриано, я и Христос. Он защищает нашу любовь».

Клаудиа знала, что говорила. Ведь сам Челентано в какой-то момент решил, что для него «Бог — самый великий комик и шоумен всех времен и народов, ведь и времена были придуманы им… Я бы много чего отдал, чтобы научиться тому, что он умеет… Это неправда, что я посланник Бога. Но это правда, что вера в Бога присутствует во всем, что я делаю. Это не поза. Это образ жизни и мое кредо».

А все началось с того, что Челентано прочитал Новый Завет, а потом и Библию… и лишился покоя. Он вместе с Папой Римским начал резко выступать против абортов. Папа такой благородный порыв оценил и в ответ посетил его концерт. Для Челентано все стало предельно ясно: «Мир — удивительный механизм, настолько совершенный, что мог быть создан только Богом. И мне стыдно, когда люди, называющие себя учеными, говорят о микробах, которые так долго размножались и соединялись, что появился человеческий мозг, и что люди произошли от обезьян». И в фильме «Бинго-Бонго» он талантливо проиллюстрировал всю нелепость этого утверждения, показав, что если бы что-то подобное и было возможно, то, скорее всего, с точностью до наоборот.

Но разве могли все эти деяния Адриано идти хоть в какое-то сравнение с вознесениями, явлениями и потопами, так замечательно описанными в святых книгах?! Нет — сурово ответил сам себе Челентано. И тогда он решился — снял фильм с длинным названием: «Джоан Луи: однажды в понедельник я приду на эту землю». «Луи» по-итальянски означает «он», в данном случае «Спаситель». И в фильме речь шла о Спасителе, который вернулся на Землю спустя две тысячи лет после своего распятия и обнаружил все те же пороки, только неимоверно усовершенствованные технически. Спаситель ужасается увиденным, а потом прорывается на телевидение и посредством мудрого и зажигательного рок-н-ролла пытается спасти человечество. Христу-Челентано подпевают певцы-апостолы и

подтанцовывает рок-балет из наркоманов и проституток. И тогда Адриано оставил Богу — Богово, а себе — кесарево.

Впрочем, эксцентричность Челентано проявилась не только по отношению к Богу. В 1987 г. итальянские зрители музыкального шоу «Фантастика» увидели своего любимого певца в совершенно иной роли. Вместо того чтобы петь, Челентано неожиданно произнес страстный монолог в защиту бедных тюленей. Он красочно описал бедствия несчастных, беззащитных животных, которых в угоду модницам жестоко и кроваво истребляют охотники. А в конце он даже прослезился и, вытерев слезы, написал на доске: «Охота — против любви». И велел зрителям писать эту заветную фразу на избирательных бюллетенях, поскольку в это время шла предвыборная кампания.

На следующий день четырнадцать миллионов итальянцев написали в своих бюллетенях: «Мы против убийств, мы за любовь, мы за Челентано»… Скандал был грандиозный. Все бюллетени, естественно, пришлось признать недействительными. Поступок Челентано квалифицировали как выпад против избирательного законодательства, а также использование служебного положения ведущего государственного телеканала. Он заплатил огромный штраф и был надолго отлучен от экрана.

Но с другой стороны, лучшей рекламы и не придумаешь. Ведь таким образом итальянцы еще раз (уже в который!) признались своему кумиру в любви. А заодно и тюленей пожалели.

В настоящее время Адриано Челентано живет в 100 км от Милана, на комфортной вилле, где в его распоряжении теннисные корты, бассейн, конюшня, футбольное поле, звукозаписывающая студия и вертолетная площадка. Он имеет все, что только можно пожелать: славу, богатство, веру в Бога, красавицу-жену, прекрасных детей, обожаемую маму, статую в Миланском музее восковых фигур, признание конкурентов, восхищение друзей. Ему остается только надеяться на то, что вскоре «изобретут лекарство от старости», и он станет снова молодым и красивым и сможет дождаться внуков.

Как ревностный католик, Челентано носит на шее большой крест и каждую неделю вместе с женой ходит в церковь. Он близко знаком с приходским священником и обсуждает с ним неудачные высказывания святого отца, иногда встречающиеся в его проповедях. А кроме того, точно так же, как и в юности, он занимается ремонтом часов. «У меня два ремесла, — говорит Адриано. — Одно я освоил в детстве, я — часовщик. Второе мое занятие — артист. Это стало главным. Я пользуюсь этим ремеслом, чтобы выражать то, во что верю».

Что ж, знаменитый итальянский певец и актер до конца

остается верен своему кредо, как и женщине, которая в немалой степени способствовала его невероятной популярности. Трудно сказать, чего в этой любви больше — страсти к единственной и самой любимой Клаудии, или прагматизма. Но в одном можно не сомневаться: Адриано Челентано всегда был, есть и наверняка будет оставаться самим собой — и в творчестве, и в любви.

Одна, но пламенная страсть

Абеляр Пьер

(род. в 1079 г. — ум. в 1142 г.)

Французский философ, теолог, поэт, чье имя обессмертили не только ученые труды, но и любовь.

Мыслитель раннего Средневековья Пьер Абеляр был личностью исключительной. Его жизнь и творчество наполнены триумфами и трагедиями, славой и преследованием со стороны воинствующих фанатиков. Любителям романтических историй хорошо известна возвышенная любовь Абеляра к Элоизе, не уступающая по силе чувств и драматизму классической повести о Ромео и Джульетте. Оказывается, можно стать великим

любовником даже тогда, когда за мужчиной вовсе не тянется шлейф многочисленных любовных приключений, но есть одно огромное, всеохватывающее чувство к своей единственной женщине.

Пьер дю Палле Абеляр родился в 1079 г. в небольшом городке Палле провинции Бретань. Отец будущего философа и богослова Беренже и мать Люси, нежная и любящая женщина, не только баловали своего сына, но и старались дать ему хорошее образование. Они мечтали о том, чтобы их сын в будущем получил рыцарское звание, а затем и права сеньора, которые обеспечили бы ему безбедную жизнь.

Когда Пьеру исполнилось 18 лет, его родители решили посвятить свою дальнейшую жизнь служению Богу и церкви. Вероятно, их смелый шаг повлиял на решение молодого Абеляра всерьез заняться изучением религии. С благословения отца в сопровождении слуг он стал бродить по провинциям от одной школы к другой, отчаянно вступая в спор с видными учеными схоластами. Выбрав себе такое занятие, Абеляр поступился своим правом наследника. Как старшему сыну, ему должны были перейти по наследству, кроме части состояния, еще и отцовские владения. Но он отказался от своих прав в пользу младших братьев.

Вдоволь попутешествовав по французским городам, Абеляр понял, что ему не хватает знаний. И тогда он отправился в Париж, который считался духовным центром Франции. Молодой богослов поселился в знаменитом Латинском квартале, получившем такое название потому, что приезжавшие из всех стран Европы студенты разговаривали на одном, понятном всем языке, — на латыни. Все они посещали монашескую школу, во главе которой стоял известный в то время ученый-богослов Гийом де Шампо, в чей класс и записался Абеляр. Учеба продвигалась успешно до тех пор, пока в юном студенте не заговорило честолюбие. Он имел неосторожность вступить в спор с авторитетным учителем, после чего церковные власти, дабы не поощрять свободомыслия, просто указали Абеляру на дверь.

Однако 22-летний Абеляр оказался крепким орешком. Он создал собственную школу и с энтузиазмом принялся проповедовать знания, которые считал более правильными, нежели те, которые проповедовали его бывшие учителя. Но сильное переутомление, вызванное многочасовыми лекциями, привело молодого эрудита к полному физическому истощению. Пришлось уехать в родную Бретань, чтобы восстановить силы и немного отдохнуть. В Палле Абеляр вел уединенный образ жизни, предпочитая философские размышления незамысловатым

сельским развлечениям. Немало красивых девушек, видимо, заглядывалось на ученого юношу, но он не обращал на них ни малейшего внимания.

Вскоре Абеляр получил известие о том, что его ярый соперник Гийом де Шампо рукоположен в епископы и оставил свою школу в Нотр-Даме. Молодой богослов тут же вернулся в Париж, чтобы занять освободившееся место. При Абеляре духовная школа приобрела большую популярность. Очень скоро блестяще образованный, красивый и красноречивый Абеляр разбогател, что способствовало обострению его чувства самоуверенности. Он уже стал открыто называть себя «единственным стоящим чего-то на земле философом», сознавая, что им восхищаются мужчины и обожают женщины.

Но внимание прекрасного пола Абеляра волновало мало до того самого момента, когда его судьбу раз и навсегда решила обаятельная парижанка по имени Элоиза, жившая всего в двухстах шагах от школы, где преподавал ее будущий избранник. Происхождение Элоизы до сих пор остается невыясненным. Известно только, что она рано осиротела и ее взял на воспитание парижский каноник Фульбер, по наиболее распространенной версии, ее дядя. Он отдал свою племянницу на воспитание в женский монастырь Св. Марии в Аржантёйе, где девочка получила блестящее образование. К 14 годам она не только умела читать, но и свободно говорила на латыни, греческом и древнееврейском языках.

Безусловно, Фульбер гордился своей племянницей. Он даже время от времени приглашал к себе отцов церкви и знаменитых ученых, чтобы продемонстрировать ее выдающиеся способности. Нет сомнений, что во время этих посещений ученые мужи называли и имя своего коллеги Абеляра, кто с восхищением, а кто и с явным осуждением. Но ни один из них не оставался равнодушным к философу и поэту, да к тому же еще и красивому молодому человеку. Конечно же, Фульбер не мог не пригласить Абеляра, чтобы, во-первых, похвастаться своей богатой библиотекой, а во-вторых, дать возможность по достоинству оценить ум и ученость своей племянницы. И такая встреча состоялась.

Это была поистине любовь с первого взгляда. Абеляру оставалось только одно: предложить себя в качестве домашнего учителя, что вызвало у каноника огромную радость. Бедняга и не предполагал, чем может обернуться его согласие. К обучению Элоизы новоявленный учитель приступил сразу же после того, как переехал к Фульберу. Тот, считая свою 16-летнюю племянницу все еще ребенком, просил наставника не стесняться и

быть с ней построже, давать уроки в любое время дня и ночи. «Так была доверена беззащитная овечка голодному волку», — откровенничал позже Абеляр в своей книге «История моих бедствий». И далее он писал: «Вначале нас соединила общая крыша, а потом уже жаркие сердца. Под предлогом занятий мы целиком отдавались любви; уроки стали для нас лишь теми минутами, когда нас влекла друг к другу таинственная, неодолимая сила; ученые слова вытеснялись нежными и любовными; объяснения трудных мест в текстах откладывались из-за страстных поцелуев; мои руки чаще блуждали не по страницам книг, а по упругим девственным грудям». Ночью, когда в доме все стихало, а Фульбер дремал в кресле, никто не слышал осторожных шагов влюбленных, которые направлялись в спальню, где Элоиза, как, собственно, и Абеляр, рассталась со своим целомудрием.

Любовным излияниям Абеляра вторила и Элоиза в письмах, ставших литературными шедеврами XII в. «Вы, — писала она своему возлюбленному, — кроме всего прочего, обладали еще двумя дополнительными талантами для завоевания женских сердец: талантом поэта и певца, исполнителя своих канцон… Вы сочинили ради меня столько любовных песен, которые из-за совершенства стихов и музыки распевали повсюду. Ваши стихи, в которых вы воспеваете свою любовь ко мне, сделали известным мое имя во многих чужеземных странах».

С этих пор жизнь Абеляра резко изменилась — днем он читал лекции в монастырской школе, а вечером спешил к своей возлюбленной. Однако теперь он смертельно скучал на своих лекциях. Куда подевались его поразительное красноречие, вдохновение, железная сила логики, очаровывавшие учеников! Утомленный ночными бдениями, он только отбывал время на кафедре, забросил сочинение о еврейском пророке Иезекииле и давно ожидаемые комментарии к сочинениям Аристотеля. Теперь Абеляр лишь слагал любовные песни (с примесью эротики) в честь Элоизы, которые распевала вся Франция.

В Париже уже все знали, что происходит в доме Фульбера, но, как это часто бывает, — все, кроме самого хозяина. Прошло несколько месяцев, пока, наконец, у каноника открылись глаза на то, чем занимается ученый постоялец с его племянницей. Однажды ночью он застал их в тот момент, когда обнаженные любовники крепко сжимали друг друга в объятиях. Потрясенный увиденным, Фульбер приказал Абеляру немедленно покинуть его дом.

После громкого скандала влюбленных ожидала долгая разлука. Лишившись возможности встречаться, они тайно

обменивались любовными письмами. Из этих писем Абеляр однажды узнал, что Элоиза скоро станет матерью. Он, конечно, понимал, что произойдет с его возлюбленной, если обо всем узнает ее дядя. Однажды ночью, когда Фульбера не было дома, Абеляр тайком проник к Элоизе и увез ее с собой в Бретань, где отдал на попечение своей сестре. Там вскоре и родился сын, которого нарекли весьма экзотическим именем Астролябий.

Элоиза была счастлива в Бретани, тем более что рядом постоянно находился ее избранник. Однако Абеляру предстояло вернуться в Париж, поскольку его никто не освобождал от профессорской кафедры. Он уже знал, что после похищения Элоизы каноник впал в ярость, поэтому молодой отец, не видя иного выхода, решил покаяться перед убитым горем Фульбером и просить прощения за содеянное. Абеляр даже выразил готовность жениться на его племяннице, но при одном условии, — что этот брак будет тайным ввиду монашеского обета, предполагавшего безбрачие.

Смягченный абеляровским красноречием, старик, прослезившись, согласился принять выдвинутое условие. Но, как впоследствии выяснилось, он в момент искреннего прощения лишь умело притворялся, затаив в душе чувство неудовлетворенной мести.

Абеляр тут же отправился в Бретань, чтобы привезти Элоизу в Париж и сделать своей женой. Но каково же было его изумление, когда любимая наотрез отказалась идти с ним под венец: хоть тайно, хоть явно. Она живо нарисовала Абеляру картину скучной супружеской жизни — орущие дети, пеленки, постоянные заботы о пропитании. Элоиза была убеждена, что низменные домашние хлопоты не приличествуют такому великому философу, каким является ее возлюбленный. Его удел — философия. И только она, то есть философия, может быть ему женой. «Оставить философию даже на краткое мгновение, — поучала мудрая Элоиза, — равносильно расставанию с ней навсегда. Только рискните сделать небольшой перерыв, и больше вы ее не найдете! Не забывайте о достоинстве философа. Подумайте о своей репутации».

Существовал, однако, и другой мотив, заставивший Элоизу отказаться от законного брака. Она считала, что любовь может существовать только ради ее самой, как существует искусство для искусства. Это было незнакомое для раннего Средневековья чувство, выразившееся позже в куртуазной любви, которая ничего не требует взамен, и ей не нужна никакая плата.

Несмотря на доводы Элоизы, Абеляр был неумолим, решив непременно сочетаться браком с любимой. Она покорилась его

твердому решению, произнеся фразу, которая, к несчастью, оказалась пророческой: «Нам ничего другого не остается, но подстерегающий впереди рок принесет нам такие страдания, которые по своей мучительности могут сравниться только с пережитой нами страстной любовью».

В течение нескольких дней любовники добирались до Парижа. По приезде Элоиза направилась в дом своего дяди, а Абеляр — в каменную келью в Латинском квартале. И однажды утром, когда весь город еще спал, Элоиза и Абеляр обвенчались в присутствии Фульбера и нескольких близких друзей, поклявшихся не разглашать тайну новобрачных. После брачной церемонии молодожены расстались. Абеляр возобновил курс лекций в монастырской школе, а Элоиза вновь поселилась у дяди. В то время Абеляру было уже под сорок, а его жене не исполнилось еще и восемнадцати лет.

Хотя заключенный брак давал Фульберу определенное моральное удовлетворение, он все же считал, что поруганная честь племянницы не восстановлена. И это чувство было настолько сильным, что каноник, в нарушение обязательств, принял решение не допускать более встреч Элоизы с мужем. Он запер племянницу в комнате, пригрозив держать ее до тех пор, пока она не научится уважать своего единственного родственника, предоставившего ей, сироте, пищу и кров. С этих пор жизнь Элоизы стала невыносимой.

Абеляр, наконец, понял, что пришло время вторично похитить возлюбленную, ставшую его законной женой. Вновь воспользовавшись отсутствием опекуна, он выкрал Элоизу из дома и отвез ее в монастырь Св. Марии, где она как послушница провела восемь долгих лет. Время от времени Абеляр посещал монастырь. И хотя это запрещалось правилами, сердобольные монахини понимали их чувства и старались оставить влюбленных наедине.

С течением времени слухи о «двух великих грешниках» и их «тайном браке» немного поутихли. Но Фульбер не смирился с похищением племянницы. Узнав, что она находится в монастыре и носит облачение Ордена бенедектинцев, он пришел в ярость. Ему показалось, что Абеляр решил навсегда избавиться от своей супруги и заставил ее насильно постричься в монахини, что непременно аннулировало и брачные узы. Фульбер решил, что наступил час возмездия. Однажды ночью, когда Абеляр спал, подкупленный слуга открыл дверь его комнаты на условный стук. На пороге стояли каноник с тремя родственниками и врачом. Набросившись на спящего ученого, они привязали его веревками к кровати и подняли ночную сорочку. В руках хирурга сверкнул

острый скальпель, и в ту же минуту острая боль в паху пронзила Абеляра. Торжествующий Фульбер поднес к его глазам окровавленный половой орган. Наскоро остановив обильное кровотечение, злоумышленники поспешили скрыться.

Наутро после этого зверского преступления парижане собрались у дома Абеляра. Все были глубоко шокированы злодейством, единодушно осуждая каноника и его сообщников. Злодеи понесли заслуженное наказание: Фульбер попал в дом умалишенных, а с другими соучастниками закон обошелся куда строже — всех их оскопили точно так же, как Абеляра, и выкололи глаза. Самого же Абеляра более всего угнетала мысль, что теперь закончилась церковная карьера, которой он так дорожил. Ведь по закону евнухи не имели права переступать порог храма. Однако церковные власти сделали для него исключение, и в конце жизни он даже занял престижный пост аббата в монастыре Св. Гильда.

Все случившееся радикально изменило жизнь как Абеляра, так и Элоизы. Богослов решительно отказался от всего мирского — от славы, светских удовольствий, известности и богатства. И только от любви к Элоизе он отказаться так и не смог. Волею судьбы влюбленные были разлучены на долгие годы, но ничто не охладило их чувств. Теперь Абеляр заботился только о спасении своей души и души Элоизы. В августе 1133 г. он решил рассказать потомкам о своей любви, о несчастьях, которые он перенес, душевных и физических муках. Книга «История моих бедствий» писалась четыре года. В соответствии с литературной традицией той поры, автор опубликовал ее в виде писем к другу, скрыв истинного адресата — Элоизу, чтобы не поставить ее в неловкое положение.

Книга Абеляра вдохновила его возлюбленную на написание первого проникновенного письма, положившего начало возвышенному эпистолярному жанру в эпоху Средневековья. «Ты, конечно, знаешь, мой возлюбленный, как знают все, что, потеряв тебя, я утратила все… Только ты один на свете в состоянии заставить меня грустить, только ты можешь доставить мне радость и облегчить страдания… Звание супруги всегда было более убедительным, более святым, но мне всегда было милее звание любовницы, и даже, если только тебя это не шокирует, сожительницы. Мне кажется, чем покорнее, послушнее я перед тобой, тем сильнее будет сошедшая на тебя благодать Божия, тем менее я запятнаю твою несравненную репутацию…» За первым письмом последовало второе, затем третье… Элоиза по-прежнему любила Абеляра, и тайная страсть к супругу и желанному любовнику жила в ней до самой ее смерти.

Пьер дю Палле Абеляр скончался 12 апреля 1142 г., обретя, наконец, покой, которого не имел на грешной земле. Узнав о его кончине, Элоиза дала обет каждый день молиться за его душу до самой своей смерти. Она выполняла этот обет в течение двадцати одного года и с любовью ухаживала за могилой Абеляра.

Элоиза Фульбер, как и ее возлюбленный, прожила шестьдесят три года. Их останки неоднократно переносились из одной могилы в другую, пока, наконец, в 1814 г. прах влюбленных не захоронили на кладбище Пер-Лашез в Париже, где они вместе покоятся и поныне.

Во французской столице есть еще одно свидетельство великой любви Элоизы Фульбер и Пьера дю Палле Абеляра. До сих пор на территории храма Нотр-Дам сохранился домик для священнослужителей, где можно прочитать надпись: «Здесь жили Элоиза с Абеляром. Искренне влюбленные. Драгоценные образцы для подражания. Год 1118».

Шуман Роберт

(род. в 1810 г. — ум. в 1856 г.)

Немецкий композитор, истоком музыкальной лирики которого стало его чувство к единственной возлюбленной.

Среди великих романтиков XIX века имя Роберта Шумана стоит в первом ряду. Гениальный музыкант надолго определил форму и стиль малых и больших жанров музыкального искусства, покорив слушателей и исполнителей проникновенной лиричностью, образным видением мира и тонким понимаем души в своих музыкальных произведениях. Музыкальная любовная лирика Шумана — вовсе не абстрактное представление о высоких

человеческих порывах, она питалась истоками искренних и живых чувств к женщинам, которые стали вдохновительницами многих его сочинений. И все же главное место в сердце Шумана заняла Клара Вик, знаменитая пианистка и очаровательная женщина, чья судьба стала судьбой и самого композитора.

Роберт Шуман родился 8 июня 1810 г. в живописном саксонском городке Цвиккау. Он был последним, пятым ребенком в дружном бюргерском семействе. Мать любила его больше других детей и очень хотела, чтобы он стал юристом. А вот отец, который занимался книжной торговлей и книгоизданием, в своих мечтах видел Роберта поэтом. Эта деталь примечательна: обычно в бюргерских семьях отцы стремились привить сыновьям склонность к практицизму, овладению более серьезной профессией.

Маленький Роберт вырос среди книг и книжных героев. Он долго не мог решить, чему отдать предпочтение — литературе или музыке, а когда все же выбрал музыку, то выразил в ней все свои творческие устремления. Но и литературу Роберт никогда не забывал: любил поэзию, античных авторов, зачитывался романами Жан Поля — мастера создания романтических грез и фантастических героев.

В 1828 г. после окончания гимназии Шуман по настоянию матери, не одобрявшей его увлечения музыкой, поступил в Лейпцигский университет, дабы стать юристом. К тому времени он пережил две личные трагедии: сначала его любимая сестра потеряла рассудок, а затем скончался отец. Эти потрясения разительно изменили характер юного музыканта. Его жизнелюбие, веселый нрав сменились молчаливостью и мечтательностью. В Роберте как бы слились две стихии. С одной стороны — страсть и пылкость, с другой — тонкость и ранимость.

В том же 1828 г. произошла первая встреча Роберта с Кларой Вик. В Лейпциге он часто наведывался к своим старым знакомым — певице Агнес Карус и ее мужу, в доме которых по вечерам частенько собирались музыканты. В один из таких вечеров искушенных в музыке завсегдатаев дома поразила своей игрой девятилетняя Клара Вик, дочь известного педагога Фридриха Вика. Девочка села за рояль и вместе с двумя профессиональными музыкантами блестяще исполнила свою партию в трио для фортепиано Моцарта. Восхищенный Роберт уже на следующий день пришел к Вику, чтобы тот помог ему овладеть исполнительским мастерством и не без тайного желания поближе познакомиться с чудо-ребенком.

Клара действительно была прелестным созданием: изящная фигурка, нежный цвет лица, густые черные кудри, умные

огненные глаза — все в ней дышало грацией и обаянием. Уже в одиннадцатилетнем возрасте начались триумфальные артистические гастроли юной пианистки по Европе. В Веймаре на концерте талантливой девочки присутствовал сам Гете и даже подарил ей собственный портрет с надписью: «Гениальной Кларе Вик».

Тем временем Роберт все больше склонялся к мысли, что юриспруденция не его призвание. Он добился у матери разрешения оставить университет и посвятить себя музыке, тем более что Фридрих Вик согласился работать с молодым музыкантом. Роберт оказался прилежным учеником. Под руководством маэстро он за короткое время великолепно овладел инструментом, поставив перед собой цель стать виртуозным пианистом. К сожалению, свою мечту ему осуществить не удалось. И не из-за недостатка таланта и упорства, а как раз наоборот, по причине страстного желания в совершенстве овладеть техникой игры. Шуман настолько любил фортепиано, что и часа не мог прожить без того, чтобы не прикоснуться к клавишам. Даже вне дома он тренировался на «немой клавиатуре» — своей верной спутнице в поездках. Но и этого ему было мало. Стремясь добиться беглости в игре, Роберт привязывал один палец к шнурку, укрепленному на потолке над клавиатурой, а другими ударял по клавишам. Такой тренинг привел к драматическим последствиям — анемии правой руки. Как говорят музыканты, Роберт «переиграл» руку, навсегда лишившись надежды стать известным пианистом.

Отныне ему оставалось только сочинительство, на котором он и сконцентрировал все свое творческое воображение. «Я не люблю людей, — говорил Шуман, — чья жизнь не согласуется с их произведениями. Каждое искусство требует целой жизни, непрерывной воли к совершенству».

В те прекрасные, полные вдохновения годы Шуман был настоящим центром притяжения для творческой молодежи Лейпцига. Ярко одаренный, пылкий, увлекающийся, полный обаяния, он заряжал неиссякаемой энергией своих друзей и поклонников. Его творческие планы были связаны не только с музыкой, но и с публицистикой. В 1834 г. он основал еженедельную музыкальную газету, носившую название «Новая газета», в которой печатал свои многочисленные статьи и эссе о музыке. Главной задачей этого издания было вернуть музыке идейную содержательность, поддержать молодые таланты. Газета просуществовала десять лет, став целой вехой в развитии музыкально-критической мысли.

Не менее насыщенной была и музыкальная деятельность

Шумана. В 1830-е гг. из-под пера композитора вышли самые лучшие его сочинения — «Карнавал», «Симфонические этюды», «Фантастические пьесы», «Детские сцены», фантазии и сонаты, позже вошедшие в золотой фонд фортепьянной литературы. Одним словом, жизнь Шумана протекала бурно и напряженно, а любовь к еще слишком юной Кларе Вик приняла романтический характер «рокового чувства».

Хотя здесь надо заметить, что Клара не была первой любовью Роберта. Еще в раннем отрочестве он был очарован некой девушкой Нанни из Дрездена. От этого «пламени первой любви» осталась поэтичная и несколько сентиментальная переписка. «Если бы я мог быть слезой — я плакал бы с нею, и если бы она снова улыбнулась — я с радостью бы умер на ее реснице», — писал о своих чувствах восторженный Роберт своему другу Флехсигу. Вскоре пылкое чувство к этой прелестной девушке погасло, но светлые воспоминания о своем «ангеле-хранителе», как называл ее Шуман, он сохранил на всю жизнь. Уже в зрелом возрасте композитор вспоминал: «Как в ореоле святости стоит эта милая девушка перед моим духовным взором. Я хотел бы пасть перед нею на колени и молиться ей, как Мадонне».

Вслед за Нанни его сердцем завладела красавица Лидди. Но и эта связь была непродолжительной: всего лишь одно легкомысленное критическое высказывание девушки о поэте Жан Поле, литературном кумире Шумана, — и возмущенный Роберт тут же разорвал с ней всякие отношения, ибо был не в состоянии простить «тех речей, которые она вела о Жан Поле».

Следующая романтическая страсть пришла к Роберту в пору его учебы в Лейпциге. Хорошо сложенный стройный юноша с длинными темными волосами и выразительными глазами, талантливый и умный, Шуман умел очаровывать девушек. Не случайно его первый биограф, музыковед Вильгельм фон Василевский, отмечал: «По комплекции Роберт Шуман был статным, даже крупным. В его осанке в хорошие времена было нечто горделивое, величественное, исполненное покоя и достоинства». Таким его увидела юная Эрнестина, дочь барона фон Фриккена, приехавшая из богемского городка Аш с целью брать уроки игры на фортепиано у Фридриха Вика. На время занятий она поселилась в доме учителя. Здесь и начался ее роман с Шуманом. Незаурядные музыкальные способности Эрнестины, ее молодость и красота вскружили Роберту голову и, пожалуй, впервые породили истинную страсть. Он, по его признанию, «готов был улететь на небо, чтобы никто не мешал думать, чувствовать и любить».

Это чувство было взаимным и даже привело к помолвке, но

затем роман Роберта и Эрнестины внезапно оборвался. До сих пор истинная причина разрыва этих отношений остается тайной. Возможно, отказ Эрнестины был продиктован волей ее отца, который не желал видеть в качестве зятя пусть гениального, но бедного музыканта.

Впоследствии Эрнестина вышла замуж за графа Цедвица и умерла молодой, но до конца своей жизни не могла забыть Шумана и как святыню берегла все вещи, связанные с воспоминаниями о счастливых днях ее юности.

А в жизнь Роберта после разрыва с Эрнестиной властно вошла Клара Вик, ставшая к тому времени настоящей красавицей. Любовь к ней затмила все былые увлечения. Отныне Шуман мечтал лишь об одном — о соединении их сердец и судеб. «Может быть, отец не отнимет руку, если я попрошу его благословения, — писал он своей любимой, — …мы предназначены судьбой друг для друга: я давно это чувствовал, но не смел тебе высказать этого раньше, не надеясь быть тобою понятым».

Клара прекрасно поняла Роберта, поскольку сама была влюблена в него. Молодые люди приняли твердое решение никогда не расставаться, однако на пути к своему счастью они встретили непредвиденное и серьезное препятствие в виде отца Клары. Фридрих Вик заявил Шуману, что Клара никогда не будет принадлежать ему. Отцовский эгоизм и тщеславие педагога сделало и без того жесткого Вика невыносимым по отношению к влюбленным. Любя Роберта как ученика, он находил в то же время, что молодой, скромный музыкант, небогатый и неизвестный — неподходящий жених для его всемирно прославленной дочери, которая, как он считал, достойна более подходящего мужа.

Надеясь, что разлука охладит чувства влюбленных, Вик настоял на том, чтобы Клара отправилась в концертное турне, которое продлилось больше года. При этом отец непрестанно клеветал на Шумана дочери, а тот, страдая от разлуки, не переставал бороться за Клару, поддерживая в ней дух противоборства с помощью нежных писем, которые удавалось передавать через друзей.

В конце концов хитрость старику не удалась, разлука только сблизила влюбленных. Смирив свое самолюбие, Шуман неоднократно просил руки Клары у несговорчивого Вика, и каждый раз получал оскорбительный отказ. Тогда отчаявшийся влюбленный решил прибегнуть к крайней мере и обратился в суд с просьбой разрешить это дело. А измученная Клара, устав от деспотизма отца, покинула его дом и переселилась к тетке в

ожидании решения суда.

Поскольку серьезных причин для отказа в браке у Вика не было, а Клара уже была совершеннолетней, суд склонился в пользу молодых людей. В сентябре 1840 г. более четырех лет боровшиеся за свою любовь, счастливые Клара Вик и Роберт Шуман наконец обвенчались в маленькой церкви села Шенфельд близ Лейпцига в присутствии своих самых близких друзей. Заветная мечта Шумана осуществилась — Клара ответила ему «да», отдав свое сердце и свой талант уникальной пианистки.

Радости Роберта не было предела, а вот для Клары их первый год совместной жизни стал настоящим испытанием.

Ей порой даже казалось, что отец в своем гневе был недалек от истины: Шуман беден и не сможет создать условий для процветания ее карьеры, да и дети, которые не преминут появиться на свет, сведут на нет все ее профессиональные амбиции. Но вскоре все ее сомнения рассеялись. Сразу же после свадьбы супруги выступили в совместном концерте, на котором Клара впервые вышла на сцену под фамилией Шуман. Успех окрылил Роберта, и наутро после концерта он торжественно сообщил жене: «Мою вторую симфонию я хотел бы назвать „Клара“. В ней я обрисую тебя флейтами, арфами и гобоями…» С тех пор что бы ни писал Шуман и как бы это ни называлось, во всем слышалось «Клара» — нежное, загадочное и красивое имя любви Роберта.

А имя это, как уже упоминалось, знала вся музыкальная Европа. Клара была настолько знаменита, что в 1844 г. во время концертного турне по России петербургские газеты писали: «К нам приехала прославленная пианистка Клара Шуман со своим мужем», а посетители концертов любезно спрашивали: «А вы, господин Шуман, тоже увлекаетесь музыкой?» Увы, гений Шумана оставался в тени, несмотря на все усилия Клары и его друга, композитора Ференца Листа, которые как могли старались пропагандировать его произведения.

Конечно, отсутствие признания со стороны публики и критиков угнетало Роберта. Порой он становился замкнутым и молчаливым, и только одна Клара умела слышать то, о чем молчал ее муж. Но в последние годы своей недолгой жизни он уже стал полностью уходить в себя, сторонясь всех без исключения, даже жены. А Клара фантастически стойко переносила все тяготы, выпавшие на ее долю. Практически всю свою жизнь она посвятила Шуману, его музыке, его здоровью, его детям. А делать это было ох как нелегко. В силу своего сложного характера и прогрессирующей душевной болезни Роберт не мог заниматься ничем, кроме сочинения музыки. Постепенно он

полностью отдалился от реального мира, стал живо интересоваться потусторонним, ради чего посещал сеансы спиритизма, во время которых, как он утверждал, слышал темы своих новых сочинений. В феврале 1854 г. ему «послышался странный тянущийся звук, возникла музыка в исполнении каких-то неземных инструментов, а потом все рухнуло — только страх, ничего больше». И тогда же, пытаясь избавиться от надоевших звуков-преследовате-лей, а заодно и от самого себя, недостойного, как он считал, любви близких, Шуман с моста бросился в Рейн. Его успели вытащить из воды. После этого эпизода он сказал жене: «Надо поместить меня в психиатрическую лечебницу — в своих чувствах я уже не волен…»

Кларе пришлось смириться. Страдая и коря себя за то, что не уберегла Роберта, она все же дала согласие на лечение мужа в психиатрической больнице. Была выбрана одна из лучших клиник — частная лечебница доктора Рихарца в Энденихе, близ Бонна, в которой для больного были созданы прекрасные условия. Здесь Шуман находился с марта 1854 г. до самой своей кончины.

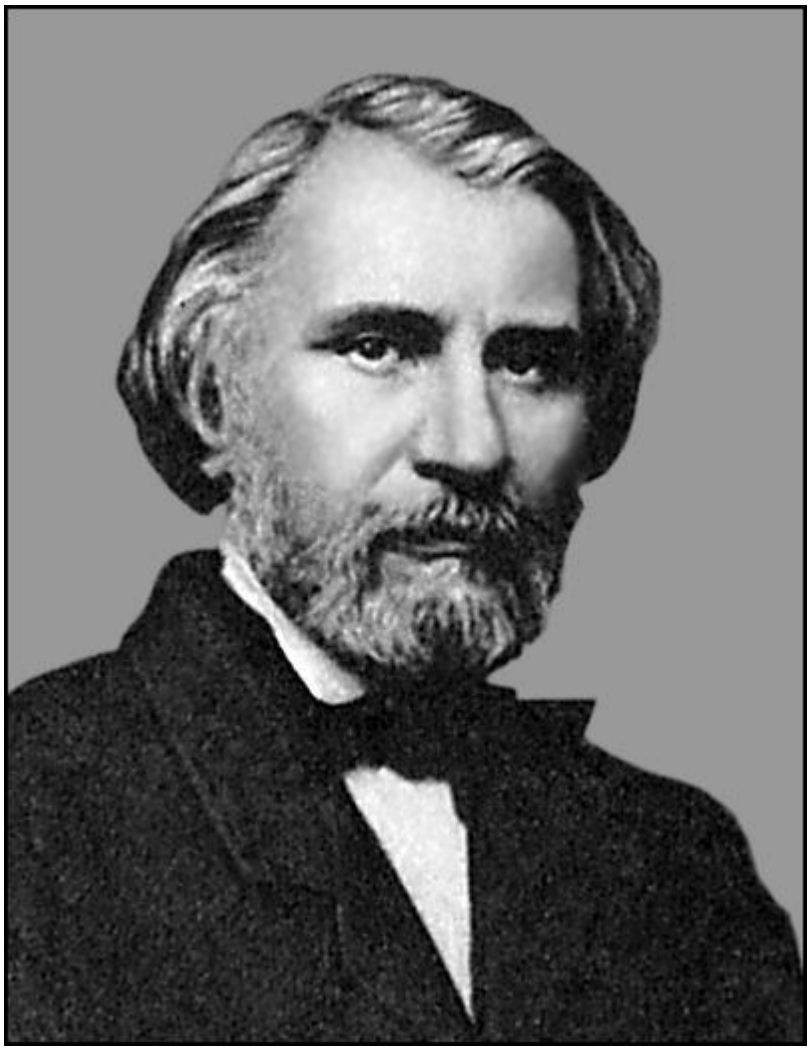
Первое время Роберт часто писал Кларе письма, встречался с ней и друзьями. Ему даже разрешали играть на фортепиано, и он в минуты просветления иногда музицировал в четыре руки вместе с композитором Брамсом, восторженным поклонником его таланта. Но затем посещения посторонних начали вызывать у больного такое сильное возбуждение, что друзьям запретили навещать его. В последние месяцы перед кончиной Шуман впал в глубокую меланхолию, сопровождавшуюся слуховыми, вкусовыми и обонятельными галлюцинациями. Он отказывался разговаривать, а также есть и пить, боясь, что его отравят. Из этого скорбного бесчувствия Роберт вышел лишь однажды, накануне своей смерти. В этот день к нему приехала Клара, он узнал ее и даже спросил о детях, а спустя несколько дней, 29 июля 1856 г. покинул этот мир навсегда.

Клара Шуман пережила своего мужа на целых сорок лет. Замуж она так и не вышла, сама воспитала восьмерых детей, еще долго давала сольные концерты, вела успешную педагогическую деятельность. Благодаря Кларе были восстановлены многие уничтоженные Шуманом в приступах неудовлетворенности собой его музыкальные сочинения. В 1871 г., когда музыка Шумана, при жизни понятая лишь немногими современниками, стала популярной и любимой во всей Европе, Клара приложила немало усилий для организации музыкальных вечеров, посвященных памяти композитора. Они состоялись в Бонне, где три дня в лучших концертных залах играли исключительно музыкальные произведения Шумана. Такие же концерты были устроены и в

других городах Европы. Благодаря сборам, полученным от них, на могиле Шумана появился прекрасный памятник с надписью: «Великому композитору от его друзей и поклонников. 2 мая 1880 года».

И хотя сегодня блеск имени Клары Шуман несколько потускнел под яркими лучами славы ее гениального мужа, она заслужила признательность потомков уже тем, что посвятила ему всю свою жизнь и вдохновила великого музыканта на создание бессмертных творений.

Тургенев Иван Сергеевич



(род. в 1818 г. — ум. в 1883 г.)

Русский писатель, на протяжении 40 лет испытывавший роковую страсть.

И в юные, и в молодые годы Иван Сергеевич Тургенев не был обделен любовью женщин, отвечая на их чувства с той искренностью, которая характерна для многих русских писателей-лириков XIX века. Но однажды его настигла страсть, которую иначе как роковой не назовешь. Французская певица Полина Виардо вошла в его жизнь величайшим смятением чувств, перевернувшим все прежние представления об отношении

мужчины к женщине. И он безоглядно пошел за своей «путеводной звездой», пожертвовав семейным счастьем, покоем и уютом обеспеченной жизни. Как бы не оценивали этот поступок Тургенева его биографы, можно сказать определенно: так преданно и беззаветно мог любить только русский человек, не ведающий в своем порыве ни границ, ни светских условностей.

Конечно, вся эта история может показаться немного странной, если учесть, что у Тургенева и до Виардо, и после знакомства с ней были женщины не менее достойные и более красивые. Судьба, однако, распорядилась иначе, определив писателю путь, который он безоговорочно посчитал для себя более естественным и отвечающим глубоко личным переживаниям и надеждам. И она же даровала ему идеальную, роковую, страстную и необъяснимую разумом любовь.

Род Тургеневых принадлежал к старинным и знатным дворянским родам России. В XVII в. предки Ивана Сергеевича Тургенева, первым прославившего эту знатную русскую фамилию на литературном поприще, занимали ответственные посты воевод в различных городах, в XVIII в. служили в коллегиях и армии или жили мирными помещиками в своих имениях. Сам Иван Сергеевич родился 10 ноября 1818 г. в дедовском доме в Орле, где жили в то время его отец, полковник гвардии Сергей Николаевич, и мать, Варвара Петровна, урожденная Лутовинова. Отец вскоре подал в отставку, и семья переехала в Спасское, огромное родовое имение помещиков Лутовиновых.

Сергей Николаевич Тургенев, красивый, высокорослый мужчина, поправивший свои дела женитьбой на самой богатой наследнице в губернии, слыл хлебосолом и страстным охотником, характер имел добродушный и мягкий и был равнодушен ко всему, в том числе и к детям. Варвара Петровна, наоборот, была женщиной властной, мстительной, обозленной и деспотичной. Сцены разнузданного барского произвола разыгрывались в Спасском ежедневно, и их отголоски слышны в знаменитом рассказе «Муму», где в образе жестокой помещицы Тургенев описал свою мать.

В такой же строгой дисциплине, безжалостно наказывая за любую, даже мелкую провинность, держала Варвара Петровна и трех своих сыновей. Правда, Ваня пользовался ее особым расположением. Однако открыто свои материнские нежные чувства Варвара Петровна не проявляла никогда. Воспитание детей было полностью отдано на откуп гувернерам, которые выписывались из-за границы.

Жизнь в Спасском протекала шумно, весело, разнообразно. Лошади лучших пород, своры собак, десятки покорных слуг.

Балы, маскарады, свой оркестр, свой театр с крепостными актерами — все это было к услугам каждого из многочисленных гостей. Благодаря безалаберности, царившей в этом переполненном праздным, посторонним народом доме, маленький Ваня пользовался завидной свободой. Он часто оставался один и, пользуясь случаем, любил забираться в глубь роскошного спасского сада, где слушал пение соловьев, радовался жизни и природе.

В 1828 г. Ваню отправили в Москву и отдали в частный пансион Вейденгаммера, позже учеба продолжилась в пансионе директора армянско-лазаревского института Краузе. Здесь Тургенев познакомился с сочинениями Карамзина, Батюшкова, Жуковского, изучал английский язык, французскому и немецкому его обучили гувернеры. Иностранные языки давались Тургеневу очень легко, и владел ими он в совершенстве. Недруги (а у Тургенева их, как и у любого талантливого человека, было немало) даже распространяли слухи о том, что многие произведения он пишет предварительно на немецком или французском языке, а затем уже переводит на русский.

Что касается любовных увлечений, то в дневнике Тургенева, который он именовал «Мемориалом», есть запись, датируемая 1833 г.: «Новый год в Москве. Княжна Шаховская. (Первая любовь)». Из этой записи впоследствии возникло название повести «Первая любовь», в ней впервые названа и фамилия девушки, послужившей прототипом ее героини Зинаиды Засекиной. Имеется в виду княжна Екатерина Львовна Шаховская (в замужестве Владимирова), поэтесса, племянница драматурга А. А. Шаховского.

Сюжет «Первой любви», написанной в 1860 г., уже после смерти матери писателя, автобиографичен. Н. А. Островская в своих воспоминаниях так передает рассказ Тургенева о событиях, нашедших свое отражение в этой повести: «В „Первой любви“ я изобразил своего отца. Меня многие за это осуждали, а в особенности осуждали за то, что я этого никогда не скрывал. Но я полагаю, что дурного в этом ничего нет. Скрывать мне нечего. Отец мой был красавец… Он был очень хорош — настоящей русской красотой. Он обыкновенно держал себя холодно, неприступно, но стоило ему захотеть понравиться — в его лице, в его манерах появлялось что-то неотразимо очаровательное. Особенно становился он таким с женщинами, которые ему нравились».

Юный Тургенев влюбился в молодую княжну Зинаиду так страстно, как можно любить только в отрочестве, когда разница в возрасте (она была старше его на четыре года), воспитании или

образовании не играет никакой роли. Поэтому с такой болью воспринял он «ужасную тайну», когда узнал, что Шаховская — любовница его отца.

За платонической любовью последовал и первый сексуальный опыт. В том же «Мемориале» 17-летний Иван записал: «…В 1-й раз имею женщину, Апраксею в Петровском». Апраксея (Евпраксия) Лобанова была крепостной матери Тургенева. По-видимому, Варвара Петровна сама подослала дородную статную девушку, дабы отвлечь сына от грустных мыслей и хандры. С ней и провел целое лето молодой барин, встречаясь в заброшенной избе в селе Петровском, недалеко от Спасского.

А потом каникулы закончились, и Тургенев вернулся в Москву, чтобы продолжать учебу, но свою первую женщину он не забыл. Когда до него дошли сведения, что мать преследует Евпраксию, он написал ей гневное письмо. «Какой же ты уморительный, Иван, когда пишешь о Евпраксии, — отвечала Варвара Петровна сыну, — никогда ни минуты не была она под наказанием… Она живет да стареется беспечно. А за что вольную давать старой девке… Дать ей ассигнацию и полно — мучить ее не за что, награжденья не стоит».

Кстати, некоторые литературоведы предполагают, что именно Евпраксия Лобанова выведена в рассказе «Живые мощи» в образе удивительной русской женщины Лукерьи.

Было у будущего писателя и краткое увлечение белошвейкой Авдотьей Ивановой, служившей по найму в доме Варвары Петровны, имело оно более серьезные последствия. От Тургенева Авдотья родила ребенка, девочку, которую назвали Пелагеей. До восьми лет она жила в Спасском на барском дворе вместе с прачками, выполняла тяжелую работу, постоянно подвергаясь насмешкам дворовых. Да и барыня не жаловала «запретный плод любви».

Конечно, никакой любви у Тургенева к Авдотье не было. Да он и сам позже признавался в письме к Полине Виардо: «Я был молод… это было десять лет тому назад — я скучал в деревне и обратил внимание на довольно хорошенькую швею, нанятую моей матерью, — я ей шепнул два слова — все как в сказке о волке. Впоследствии эта женщина жила как могла. Все, что я могу сделать для нее — это улучшить ее материальное положение — это мой долг. Что касается девочки, то надо, чтобы она совершенно забыла свою мать».

Но тем не менее Авдотье Ивановой Тургенев до конца жизни выплачивал пенсион, а девочку Полина Виардо согласилась взять к себе. Несмотря на резкое недовольство матери, Тургенев отправил дочку в Париж, ей дали французское имя Полина, и она

воспитывалась вместе с дочерьми Виардо. В 1857 г. Полина получила фамилию Тургенева, т. е. была признана согласно французскому законодательству законной дочерью писателя.

Но вернемся к 1840-м годам. Окончив университет, Тургенев, чувствуя явные пробелы в своем образовании, продолжил учебу за границей. Он «отправился доучиваться в Берлин», не забывая при этом и о путешествиях. Побывал в Австрии, посетил Италию, Флоренцию, Рим. Именно в Риме ему было суждено пережить краткое увлечение 17-летней Александрой Ховриной, в замужестве Бахметевой, которую все ласково звали Шушу. Она была дочерью пензенской помещицы Марии Дмитриевной Ховриной, чей дом был известен всей образованной Москве. Весной 1839 г. Мария Дмитриевна с дочерьми Александрой и Лидией отправилась в Италию, где с ними и познакомился молодой Тургенев.

Литератор Н. Станкевич, путешествовавший вместе с Иваном Сергеевичем, писал друзьям из Италии: «К Ховриным мы ходим все очень часто… Тургенев рассказывает всегда что-нибудь примечательное. Вчера сказал нам, что видел во сне, будто женится на Шушеньке, но уверял, что он боялся этого брака».

Надо сказать, что в окружении Александры он был самым молодым ухажером и явно проигрывал на фоне других ярких личностей. Наверное, поэтому молодой, романтический поэт, мечтательный и многословный, не смог привлечь более пристального внимания юной красавицы. Продолжение этого романа так и не последовало, да и, видимо, не могло быть, о чем писал и сам Тургенев своему другу Грановскому: «…У Ховриных меня привлекала дочь, милая умная девушка… Но мне кажется, я не мог быть вполне счастливым — Судьба-с!»

Зато остался другой след этой романтической встречи. Своей жизнью и судьбой Александра Николаевна как бы развила сюжетную линию «тургеневской девушки», но уже в замужестве, доведя до совершенства тот светлый образ, который так любил писатель. Ее жизнь — лучшая иллюстрация и продолжение его повестей: доброта, целеустремленность, жажда полезной деятельности, жертвенность — вот те черты, которые были присущи этой замечательной русской женщине.

После неудачного романа с Шушу, как считал сам Иван Сергеевич, неудачи в личной жизни преследовали его постоянно. Одним из свидетельств тому стал разрыв Тургенева с трепетно влюбленной в него Татьяной Бакуниной, дочерью известного русского анархиста. Их встреча, по существу, была почти случайной. Как-то Иван Сергеевич заехал в поместье своего нового друга Михаила Бакунина, где и встретился с его сестрой

Татьяной. Вместе они провели всего шесть дней, но все тургеневские стихи, посвященные Бакуниной, оказались тихими, просветленными и почему-то безрадостными.

И ваша тихая пустыня
Последний грустный звук речей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

А вот страсть Татьяны была намного сильнее. В марте 1842 г. она писала Тургеневу: «Боже мой! Хоть раз еще один увидеть вас… О, расскажите кому хотите, что я люблю вас, что я унизилась до того, что сама принесла и бросила к ногам вашим мою непрошеную любовь — и пусть забросают меня каменьями, поверьте — я вынесла бы все без смущения… Тургенев, если б вы знали, как я вас люблю!»

Возможно, Бакуниной и удалось бы увлечь мягкого и впечатлительного Ивана Сергеевича своей любовью, если бы не одно непреодолимое препятствие. Осенью 1843 г. в жизнь Тургенева вошла женщина, круто изменившая его судьбу, страсть к которой заслонила все прежние увлечения. Собственно, она разделила его существование на две разновеликие части: до нее и после встречи с ней.

Полина Виардо… Это имя знала вся музыкальная Европа. Тургенев увидел ее впервые на оперной сцене, когда прославленная певица приехала на гастроли в Петербург. В роли Розины в опере «Севильский цирюльник» она была неотразима. Увидел — и тут же влюбился без памяти. Позже близкий друг писателя, Полонский, в своем послании Тургеневу очень точно описал впечатление, которое производил тот, слушая пение Виардо:

«Но, чу! Гремят рукоплесканья! — Ты дрогнул… жалкое вниманье, — приподнимаешь складки лба, — как будто что тебя толкнуло… — Ты тяжело привстал со стула, — выходит. Она вошла… — Она поет… О это вкрадчивое пенье! — В нем пламя скрыто, нет спасенья. — Восторг, похожий на испуг, — уже захватывает дух. — Ты замер…»

Тургенев сразу же вошел в кружок ближайших почитателей певицы, который сосредоточился в доме Виельгорских, бывшем в то время петербургским музыкальным центром. Но европейская примадонна, окруженная сонмом поклонников, едва обратила внимание на восторженного и неуклюжего молодого человека. Позже она могла вспомнить о первом знакомстве только то, что: «Мне его представили со словами: это — молодой русский

помещик, славный охотник и плохой поэт».

Действительно, Иван Сергеевич был слишком стеснен, неловок в порыве охвативших его чувств, которые он не мог и не хотел скрывать. Но именно его искренность, беззаветная преданность и поклонение без всякой надежды на взаимность и привлекли, в конце концов, внимание великой певицы.

И все же чем увлекла эта французская дива тонкого, умного и талантливого Тургенева? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно ознакомиться с восторженной характерно — такой, данной Виардо французским композитором Берлиозом: «Черты Полины правильны, резки; она еще привлекательнее при свете ламп театральных люстр. Приятный и разнообразный до чрезвычайности голос; благородство в движениях, медленных и плавных. Все достоинства, вокальные и драматические, делают ее лучшим украшением Парижской оперы. Нелегко схватить всю ее нежность, всю восторженность, все разнообразие идей, выражающихся в движениях подобной артистки».

Поклонницей Полины Виардо была и французская писательница Жорж Санд. Она настолько была поражена необычным голосом, искренностью исполнения и внутренней красотой молодой певицы, что впоследствии сделала Полину прототипом главной героини своего самого известного романа «Консуэлло».

Если такой восторг был у знаменитого Берлиоза и не менее знаменитой Жорж Санд, то что говорить о скромном молодом помещике. Тургенев сразу попал под обаяние и неотразимое влияние этой гордой, самоуверенной, необыкновенной женщины, причем на всю жизнь. «Эта привязанность, — писал он в одном из писем, — срослась с моей жизнью, и без нее я был как без воздуха».

После окончания гастролей Тургенев вместе с семейством Виардо уехал в Париж. Уехал против воли своей матери, без денег, еще неизвестный как писатель. Через два года он вернулся в Россию, чтобы в январе 1847 г., узнав о гастролях Виардо в Германии, вновь уехать. Берлин, затем Лондон, Париж, турне по Франции и опять Санкт-Петербург — Тургенев как тень следовал за своей любимой, а если расставался с ней, то неизменно уверял в письмах: «Ах, мои чувства к вам слишком велики и могучи. Я не могу жить вдали от вас, — я должен чувствовать вашу близость, наслаждаться ею, — день, когда мне не светили ваши глаза, — день потерянный».

Существует легенда, что любовь Тургенева была платонической, однако это не так. Если обратиться к «Мемориалу», то можно обнаружить такую запись, датированную

1849 г.: «Новый год в Париже. Все лето в Куртавнеле. 14/ 26 июня я в 1-й раз с Полиной!» Да и переписка их в эти годы была особенно нежной и откровенной. «Здравствуй, моя любимая, самая лучшая, самая дорогая моя женщина… Родной мой ангел… Единственная и самая любимая…»

Муж Полины, Луи Виардо, который был старше ее на 21 год, казалось, ничего не замечал, полностью полагаясь на ее благоразумие. А оно и в самом деле никогда не покидало Полину. Она ничего не захотела менять в своей жизни: Тургенев оставался другом семьи, иногда — гостем, что устраивало всех, кроме, наверное, Тургенева. Однако летом 1850 г. многое могло измениться в его жизни. После смерти матери, которая всячески противилась связи сына с французской певицей, называя ее «проклятой цыганкой», Тургенев, страдавший от хронического безденежья, получил большое наследство и наконец стал богатым человеком. А вскоре пришла и литературная слава. Знаменитым его сделали «Записки охотника», которые возвели писателя на российский литературный пьедестал. Для читателей, и особенно для читательниц Тургенев стал кумиром и чуть ли не полубогом, чему способствовала и примечательная внешность Ивана Сергеевича. Как отмечал его друг, немецкий критик Людвиг Пич: «Головой и ростом он походил на Петра Великого в молодости. Эта массивная голова и тело вмещали в себе утонченный ум, добрую и мягкую, гуманную душу. Он был человек, не сделавший никому малейшего зла».

Таким образом, у Тургенева была возможность порвать все связи с Парижем и жить спокойной, размеренной жизнью богатого помещика. Но вычеркнуть Полину из своей жизни он уже был не в состоянии. Примечателен в этом отношении фрагмент письма Некрасова Льву Толстому, в котором шла речь о чувстве Тургенева к Виардо: «На днях мы как-то заговорили о любви — он (Тургенев) мне сказал: „Я и теперь еще, через столько лет, так люблю эту женщину, что готов по ее приказанию плясать на крыше нагишом, выкрашенный желтой краской!“»

И это еще мягко было сказано. В письме к самой Полине Тургенев изъяснялся куда более непостижимым образом: «Если бы я мог, — писал он своей возлюбленной, — то отдал бы всю жизнь, чтоб вы месили ее, как тесто для тех пирожных, которые делали в комнатке возле кухни, в Куртавнеле».

Еще один пример непреодолимой страсти. В 1852 г. Тургеневу пришлось пережить арест и ссылку в Спасское. Поводом для этого послужил некролог, написанный им на смерть Гоголя, и поскольку петербургская цензура запретила печатать его, он появился в «Московских новостях». Правда, статья о

Гоголе стала скорее поводом, чем причиной ареста и высылки писателя. Истинная причина заключалась в том, что жандармское управление считало Тургенева неблагонадежным человеком. Знакомство с Белинским, частые поездки за границу, рассказы об угнетении крепостных — все это вызывало у властей серьезные подозрения в благонадежности писателя. Узнав, что в марте 1853 г. Полина Виардо приезжает с концертами в Россию, Тургенев, которому было запрещено выезжать из имения, потерял голову. Он раздобыл фальшивый паспорт, переоделся мещанином и уехал в Москву, где пробыл две недели. Риск был немалым, учитывая, что писатель в эти годы был уже хорошо известен не только в литературных кругах, но и российской полиции. К сожалению, риск не оправдался. Полина явно охладела к нему. Несколько лет разлуки превратили ее любовь в вежливую дружбу.

И тем не менее Тургенев по-прежнему боготворил ее, признаваясь, что она заменила ему все: родных, друзей, семью, которую он так и не удосужился создать. А возможности такие были. Так, желая отвлечься от проблем личной жизни, писатель весной 1854 г. часто навещал одного из своих кузенов, Александра Тургенева, где познакомился с его восемнадцатилетней дочерью Ольгой. Тронутый ее наивной грацией и юной свежестью, 42-летний Иван Сергеевич не скрывал своего восхищения. Они часто встречались у родителей Ольги на даче в Петергофе, девушка была явно влюблена, да и Иван Сергеевич время от времени подумывал о женитьбе.

Но и это увлечение не имело никаких последствий. В последнем письме к Ольге Тургенев не оправдывался, но обвинял себя, признаваясь, что его пугает разница в возрасте и та дальнейшая ответственность, которую он не готов взять на себя. Ольга тяжело перенесла этот неожиданный разрыв, а для писателя она стала прообразом Татьяны — героини его романа «Дым».

Некоторое время спустя — еще одно знакомство, окончившееся личной драмой. На этот раз речь идет о сестре Льва Толстого, Марии. «На старости лет я едва не влюбился… — сообщал он в письме своему другу Анненкову после знакомства с Марией Николаевной. — Не могу скрывать, что поражен в самое сердце. Я давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния… Мила, умна, проста — глаза бы не отвел».

Это чувство тоже осталось чисто платоническим, на большее Тургенев так и не решился, хотя, по-видимому, и пытался вытеснить из своего сердца господствующую в нем страсть. Кстати, это почувствовала и тонкая по натуре Мария Толстая, уже после смерти Тургенева написавшая: «Если бы он не был в жизни

однолюбом и так горячо не любил

Полину Виардо, мы могли быть счастливы с ним, и я не была монахиней, но мы расстались с ним по воле Бога…»

Мария как в воду глядела. Роковая любовь к Полине Виардо заставила Тургенева в конце 1856 г. снова отправиться во Францию. На этот раз их встреча была волнующей и трогательной, а спустя девять месяцев у Полины родился сын Поль, но вопрос об отцовстве до сих пор остается невыясненным, поскольку в тот период у Полины был еще один любовник — известный художник Ари Шеффер, писавший ее портрет. Большинство западных исследователей жизни и творчества Тургенева полагают, что все-таки это был его сын. Кстати, и потомки рода Виардо склоняются к тому же.

Как бы то ни было, Тургенев тогда был по-настоящему счастлив с Полиной. Тем более что их объединяло много общего: любовь к литературе, музыке, театру и вообще к искусству. Благодаря семейству Виардо Тургенев познакомился и близко сошелся с Флобером, Жорж Санд, Эмилем Золя, другими выдающимися французскими писателями, художниками и артистами. В свою очередь, зная, как эти люди ценили Тургенева, Полина, конечно, гордилась тем, что под ее крылом приютился такой человек. Собственно, семья Виардо стала частицей его жизни: эмоционально он был привязан к Полине, с Луи Виардо его связывала настоящая дружба, и в их семье Тургенев не был в положении человека, которому, по выражению Достоевского, «некуда было идти». Он уже был не гостем, а стал своим, родным.

Но несомненно, что на горячую привязанность и почти благоговейное отношение Тургенева к Виардо она отвечала лишь дружбой, этой «любовью без крыльев», как говорят французы. А одной дружбы, как бы возвышенна она ни была, для полноты личного счастья все-таки мало. И в последние годы своей жизни он снова испытал чувство, не похожее на одностороннее восхищение, за которое платят одним дружеским расположением, — чувство, гораздо более сильное и острое. Такими были его отношения с молодой талантливой актрисой Марией Савиной в 1879 г., когда писатель приехал Россию в связи с печальным поводом, а именно смертью своего старшего брата Николая. Он познакомился с Марией Гавриловной на ее бенефисе, для которого она выбрала роль Верочки в его комедии «Месяц в деревне».

61-летнего писателя и 25-летнюю актрису разделяло целое поколение, но оба они, казалось, и не замечали этого. Были нежные и хрупкие чувства, литературные вечера в Спасском, где он читал свое новое творение «Песнь торжествующей любви».

Тогда же он написал: «На мое старое сердце недавно со всех сторон нахлынули молодые женские души — и под их ласкающим прикосновением зарделось оно уже давно поблекшими красками, следами былого огня».

А затем появились трогательные письма, мечты о совместной поездке в Италию, приглашение «милейшей Марии Гавриловне» посетить Париж, куда она и приехала в 1882 г. Но увидев дом Виардо и Тургенева в «чужом гнезде», Савина почувствовала что-то вроде жалости и ревности. Влюбленной женщине трудно было понять писателя. Кажется, он и сам себя не понимал, а порой даже ненавидел, но ничего не мог поделать. И что бы ни происходило в его жизни, Тургенев всегда возвращался к Полине, единственной, рядом с которой он находил душевное успокоение. Как в молодости, так и перед смертью. А последние два года жизни Ивана Сергеевича были омрачены смертельной болезнью — раком спинного мозга. Он безмерно страдал от мучительных болей, и утешало его только то, что рядом с ним была Полина Виардо, женщина, которую он так неистово любил на протяжении сорока лет. Ей он диктовал свои последние рассказы, письма, и она же присутствовала при его кончине 22 августа 1883 г.

Черчилль Уинстон

(род в 1874 г. — ум. в 1965 г.)

Английский премьер-министр, нашедший счастье с одной женщиной.

Можно по-разному относиться к успехам и неудачам выдающейся личности. Но, как известно, только время все расставляет по своим местам. Сэр Уинстон Черчилль и при жизни заслужил репутацию одного из самых знаменитых людей XX в., однако с годами его слава как великого государственного деятеля умножилась стократно. Он был не только умным и тонким политиком — мало ли знала Англия достойных премьер-

министров! Этот человек опередил свое время намного дальше, чем кто бы то ни было из его предшественников. Не все, например, знают, что Черчилль был конструктором танка, одним из первых осознал значение авиации, еще в 1930-е гг. проявил интерес к ракетам. По его приказу летчики стали разбрасывать алюминиевую фольгу, чтобы сбить с толку радары немцев. Он высказал идею создания трубопровода под Атлантическим океаном, изобрел навигационный прибор для пилотов. Он был и самым высокооплачиваемым журналистом своего времени, незаурядным художником, лауреатом Нобелевской премии по литературе, человеком, выигравшим две мировые войны.

Такой же уникальной была и личная жизнь Черчилля. Со своей женой Клементиной он прожил 57 лет и даже в свои девяносто по-прежнему называл ее «киской». Он любил ее всегда — и во времена взлетов, и в дни падений. И эту любовь Клементина ценила как ни одна другая женщина, всегда оставаясь верной и преданной своему «мопсу», как она ласково называла мужа.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль родился в аристократической английской семье лорда Рандольфа Черчилля, второго сына герцога Мальборо и черноглазой красавицы, дочери американского миллионера Дженни Джером. Учился юный Уинстон в одном из самых дорогих и модных закрытых учебных заведений английского королевства — в школе Сент-Джордж. Учился, правда, неважно. Постоянно получал плохие оценки и, как следствие, — очередную порцию розог, невзирая на свое знатное происхождение. Овладение науками продолжилось в школе Брайтона, а по достижении совершеннолетия Уинстон только с третьей попытки поступил в военное училище Сэндхерст, предпочтя ему салоны, клубы или университет. Кстати, попасть в это училище удавалось не многим юношам даже из аристократических семей.

В феврале 1895 г. младший лейтенант Уинстон Черчилль получил назначение в 4-й гусарский полк — один из самых блестящих в британской армии. Молодой офицер умел нравиться девушкам, хотя сам и не испытывал серьезных любовных пристрастий. За исключением одного случая, когда его настигла, как говорится, любовь с первого взгляда. В ноябре 1896 г. 22-летний Уинстон без памяти влюбился в Памелу Плоуден, дочь высокопоставленного чиновника. Эта молодая особа была на семь месяцев старше своего поклонника. Независимая, стройная, привлекательная, она кружила головы всем молодым военным. Черчилль уговорил ее прокатиться по городу и получил приглашение на обед. Краткий роман завершился помолвкой.

Однако военная карьера была для честолюбивого офицера гораздо важнее, чем ухаживание за невестой. И здесь Уинстон проявил невероятное упорство и стремление занять достойное место в английском обществе. Для начала он принял участие в англо-бурской войне в качестве военного корреспондента. Там он попал в плен, но бежал, проявив при побеге чудеса отваги и изобретательности. На родину Черчилль вернулся настоящим героем. Помимо этого, Уинстона ждал и литературный успех. В 1898 г. вышла в свет его первая книга «Малаканская полевая армия», а через год появилось второе документальное повествование под названием «Речная война». Обе книги читающая публика оценила по достоинству, и первые тиражи были распроданы мгновенно.

Удачно складывалась и политическая карьера, начало которой положило избрание 25-летнего Черчилля депутатом парламента. А вот в личной жизни для мечтавшего о женитьбе Уинстона все пока складывалось не совсем благополучно. В 1902 г. Памела Плоуден, с которой он был официально помолвлен, вышла замуж за графа Виктора Литтона. Сообщив Черчиллю о своем намерении, Памела предложила ему остаться добрыми друзьями. Свое поражение экс-жених перенес стоически.

Следующий шаг — предложение руки и сердца обаятельной и талантливой английской актрисе мисс Этель Бэрримор. И хотя Этель испытывала нежные чувства к претенденту на ее руку, но выйти на опасную политическую сцену вместе с Уинстоном не решилась.

И, наконец, еще один отказ. На сей раз Черчилля отвергла Мюриель Уилсон, наследница богатого судовладельца. Ходили слухи еще об одном вероятном союзе Уинстона — с дочерью премьер-министра Трансвааля Луиса Боты 19-летней Хелен. Но дальше слухов дело не пошло.

Собственно, во всех любовных неудачах Черчилля нет ничего загадочного. По одной-единственной причине — он никогда не был неутомимым покорителем женских сердец. Словно предчувствуя свою судьбу великого политика, он желал одного — стабильности и постоянства. Их Черчилль обрел с женщиной, которую ему, вероятно, уготовило само Провидение и перед обаянием которой он не устоял с момента первой встречи. Это была 23-летняя Клементина Хозиер, чья мать леди Бланш происходила из рода графов Эйрли. До этого молодые люди уже встречались, причем на Клементину Черчилль не произвел поначалу особого впечатления из-за того, что, общаясь с женщинами, он почему-то смущался и, видимо, чтобы скрыть смущение, вел себя довольно хвастливо. Зато мать Клементины

увидела в Уинстоне, перспективном политике и талантливом литераторе, выгодную партию для дочери. Но главное то, что сам 33-летний Черчилль давно считал, что в его возрасте пора остепениться, заиметь семью, тем более что к тому времени он уже занимал пост министра торговли.

Во время следующих встреч Уинстон проявил в разговорах с грациозной блондинкой гораздо большее остроумие, находчивость и произвел, наконец, то впечатление, на которое рассчитывал. В августе 1908 г. Черчилль сделал Клементине Хозиер предложение, а через месяц они поженились. Церемония состоялась в приходской церкви палаты общин Вестминстера в Сент-Маргерет. А свадебный прием был устроен в красивом здании на Портленд-плейс, предоставленном невесте ее тетей леди Сент-Хельер. Среди подарков была трость от короля Эдуарда VII с золотой гравировкой: «Моему самому молодому министру». Газета «Таймс» по достоинству оценила свадебный наряд невесты, а вот журнал мужской моды отнесся к жениху не столь благожелательно, отметив, что неудачно сшитый костюм делал его похожим на «приодевшегося кучера».

Впрочем, Уинстон мало обращал внимания на мелкие уколы прессы. Он наслаждался медовым месяцем в Венеции. Именно тогда счастливый молодожен написал ставшую впоследствии знаменитой фразу: «Я нахожу занятия любовью делом серьезным и восхитительно приятным». Причем сообщал об этом не кому-нибудь, а собственной теще.

В Англию Клементина вернулась уже беременной. И, как и все молодые жены, принялась обустраивать семейную жизнь. Уинстон был в восторге от энергии своей молодой жены, но в то же время его несколько смущала дотошная рачительность Клементины, которая стала вести строгий учет всех расходов семейного бюджета. Будучи холостяком, Черчилль не отказывал себе ни в чем. Другое дело теперь, когда необходимо было содержать семью. А поскольку у Черчилля, в отличие от большинства других английских политиков, не было крупного личного состояния, приходилось довольствоваться министерским жалованием и литературными гонорарами. Правда, при всей экономии расходы на питание не ограничивались. Уинстон был гурманом и никогда бы не отказался от деликатесов. Шампанское и бренди, которые в обязательном порядке подавались во время трапезы, должны были быть лучших марок, следовательно, стоили они очень дорого. Клементина жаловалась подругам, что она теряет аппетит, прикидывая стоимость их застолий.

Приспосабливаться друг к другу молодоженам приходилось не только в вопросах финансовых. По складу характера Черчилль

был «совой», привык поздно ложиться и поздно вставать. Клементина, наоборот, была «жаворонком». И все ее попытки наладить нормальный режим для мужа увенчались крахом. Поэтому супруги завтракали порознь, а год спустя решили завести отдельные спальни. И поскольку Черчилль довольно часто задерживался на службе допоздна, жена завела обычай оставлять ему записочки, из которых он узнавал, ждет ли его сегодня в спальне супруга или придется спать одному.

Частые отлучки мужа по служебным делам порой вызывали у Клементины подозрения в неверности. Уинстон, которого политика интересовала гораздо больше, чем женщины, естественно, обижался. Он никак не мог понять, чем вызваны сомнения жены. И в который раз убеждал Клементину верить ему, повторяя, что никогда он не полюбит никакую другую женщину.

Действительно, Клементина всегда оставалась для Черчилля единственной и неповторимой. Мысли о любовной связи с другими женщинами просто никогда не приходили ему в голову. Хотя порой он иногда и флиртовал с хорошенькими девушками. Да и поклонницы тоже были. Как, например, Мэксин Эллионт, богатая американская актриса, чей замок в Канне был открыт для всех знаменитостей. Нередко гостили там и супруги Черчилль. Мэксин Эллионт настолько серьезно увлеклась Уинстоном, что даже заслужила в свой адрес язвительные замечания добропорядочного общества. Хотя тот видел в ней не более чем просто знакомую. Что действительно увлекало Черчилля, так это казино. С неизменной сигарой в зубах и с бокалом коньяка в руке он с наслаждением играл до поздней ночи. И своими игорными выигрышами гордился не меньше, чем политическими успехами.

Кстати сказать, абсолютная верность Черчилля жене на протяжении всей жизни никогда не ставилась под сомнение ни одним его биографом и мемуаристом. Он вообще к женщинам относился немного свысока. И никогда не упускал случая ответить колкостью на колкость. Так, однажды он оказался за одним столом рядом с пожилой дамой, которая громко сказала ему: «Вы такой неприятный, что если бы я была вашей женой, то подлила бы в ваш бокал с вином яд». На что

Черчилль так же громко ответил: «Мадам, вы так ужасны, что если бы я был вашим мужем, то этот яд непременно бы выпил».

Что касается Клементины, то она обожала своего «мопсика». И разумеется, не помышляла об измене, вызывая своей верностью даже недоумение у некоторых подруг. Одна из них в частном разговоре недвусмысленно заявила Клементине, что если та желает способствовать карьере мужа, то должна завести себе богатого и влиятельного любовника. Когда же Клементина,

возмутившись, ответила резким отказом, ее собеседница воскликнула: «Милочка! Вы слишком эгоистичны».

В июле 1909 г. Клементина родила первую дочь, которую назвали Дианой. Затем на свет появился сын Рандольф и еще три дочери — Сара, Мэриголд и Мэри.

Несмотря на обилие семейных обязанностей, леди Черчилль находила время и для общественной деятельности. В частности, в годы Первой мировой войны она руководила столовыми на нескольких лондонских военных заводах и даже была удостоена за это правительственной награды.

Стремительно развивалась в это время и политическая карьера Черчилля, что, помимо увеличения забот, приносило и неплохие дивиденды. Став первым лордом Адмиралтейства, Уинстон получил в свое распоряжение роскошную яхту, по размерам и отделке уступающую разве что королевской. Бережливую Клементину радовало и то, что на яхте за счет казны постоянно пополнялся запас изысканных вин и провизии, и она, как радушная хозяйка, могла должным образом принимать друзей и знакомых, не тратя собственных средств.

К слову сказать, Черчилль показал себя и блестящим юристом. В 1911 г. он мастерски провел судебный процесс, положивший конец слухам о том, что король Георг V до своего брака с принцессой Мэй Текской тайно обвенчался на Мальте с дочерью одного адмирала, то есть был двоеженцем. Эти обвинения были опубликованы в парижской газете «Либерейтор». Автор их, некий Эдуард Ф. Милиус, разослал копии статьи всем депутатам парламента, после чего Черчилль с согласия Георга V начал против Милиуса процесс, в ходе которого доказал, что ни король, ни его предполагаемая невеста не находились на Мальте в указанные сроки. Журналист был признан виновным и приговорен к году тюрьмы, а Черчилль заслужил личную благодарность короля.

Впрочем, проблем тоже хватало. Одни суфражистки сколько нервов Черчиллю потрепали! Он был для них излюбленной мишенью, поскольку выступил против закона, расширяющего круг избирателей и в том числе дающего право женщинам на голосование. Воинствующие дамы преследовали его по всей стране. И хотя Черчилль с юмором воспринимал их нападки, те иногда заходили слишком далеко. Так, однажды на вокзале в Бристоне некая Тереза Гарнетт бросилась на него с кнутом. Один из ударов пришелся Уинстону по лицу. Затем посыпались угрозы близким Черчилля. Дело дошло даже до того, что полиция раскрыла заговор с целью похищения сына Рандольфа. Пришлось нанять охрану для нянь и детей.

Очень беспокоило Клементину и опасное увлечение Черчилля авиацией. Он не смог устоять перед соблазном и научился управлять самолетом, поднимаясь в воздух иногда по десять раз в день. Нельзя сказать, что у него был прирожденный талант пилота. Потому молодым летчикам, которые не хотели рисковать карьерой, приходилось лететь вместе с неопытным авиатором, у которого была замедленная реакция. К их понятной сдержанности добавлялись мольбы Клементины и уговоры друзей, взывавших к благоразумию отчаянного пилота. Но упрямый Черчилль сдался только тогда, когда пережил несколько серьезных аварий и чудом остался жив. Лишь после этого он горестно признался, что воздушная стихия не для него.

Внесла свои коррективы в счастливую семейную жизнь и Первая мировая война. В 1915 г. на Черчилля возложили вину за провал военной операции в Дарданеллах. Уйдя в отставку, он отправился в действующую армию. Личный советник короля, первый лорд Адмиралтейства, член правительства Его величества стал простым майором и был прикомандирован ко 2-му батальону гвардейских гранатометчиков. Почти два года (а именно столько находился Черчилль на фронте) любящая жена буквально сходила с ума от тревоги за мужа.

Вообще же эта пара достойно переносила и радости, и горести, выпадавшие на их долю. Особенно тяжелым стал для них 1921 г. Супругам пришлось пережить три страшные потери. В апреле умер брат Клементины, Билл Хозиер, который во время бракосочетания подвел ее к алтарю. По неизвестной причине он покончил жизнь самоубийством. 29 июня при трагических обстоятельствах скончалась мать Уинстона, Дженни, которую он буквально боготворил, называя «феей, излучающей свет подобно звезде». Спускаясь по лестнице в туфлях на очень высоких каблуках, она поскользнулась и сломала ногу в щиколотке. Началась гангрена, и ногу пришлось ампутировать выше колена. Когда дело уже шло на поправку, внезапно открылась рана, и Дженни умерла от потери крови. И, наконец, в августе умерла трехлетняя младшая дочь, Мэриголд, всеобщая любимица.

Горе утрат скрасило рождение в сентябре 1922 г. дочери Мэри. Конечно, она не могла заменить дорогую Мэриголд, но ее появление принесло семье огромную радость. Жизнь постепенно входила в привычное русло. В 1924 г. Черчилль снова вернулся в парламент и возглавил министерство финансов. И это стало началом его восхождения. Он уходил и возвращался еще не раз, постепенно становясь тем Черчиллем, без которого не обойдется уже никогда ни один учебник истории — жестким, хитрым, умным политиком, гению которого Англия обязана тем, что

заплатила за участие во Второй мировой войне столь малую, по сравнению с другими странами, цену (Черчилль стал премьер-министром в 1940 г.).

За последующие 30 лет фигура Черчилля была для Англии более значимой, чем даже фигуры монархов и членов королевской семьи. А поскольку топ-моделей и поп-звезд в ту пору еще не существовало, то нет ничего удивительного в том, что чета Черчилль была самой известной парой в Англии. При этом Клементину никак нельзя было назвать законодательницей мод. Одевалась она, правда, всегда со вкусом и изысканно. Но денег на туалеты старалась тратить как можно меньше, поэтому шила себе одежду в простых ателье, лишь изредка позволяя заказывать туалеты у известных кутюрье. Тем не менее свой вклад в моду она все же внесла: именно в подражание ей англичанки начали носить тюрбаны из цветных платков. Никогда не злоупотребляла Клементина и услугами салонов красоты, делая там лишь перманентную завивку. А вот ее рецепт укрепления волос никому не показался достойным применения: она периодически мыла волосы чистым бензином, уверяя, что это чрезвычайно полезно.

С годами супружеская связь становилась все прочнее. Они уже не мыслили жизни друг без друга, притом что нередко отдыхали порознь. Черчиллю нравился юг Франции, Италия, Монте-Карло. Он увлекался охотой, игрой в поло, все свободное время отдавал занятиям живописью. Крементина предпочитала английские курорты. Настоящим отдыхом она считала посещение музеев, выставок, театров, чего Черчилль терпеть не мог. Она была неплохой спортсменкой, увлекалась теннисом, в который играла до преклонных лет.

Единственная тучка на их ясном семейном небосклоне возникла в 1935 г., когда чувствительная Клементина, путешествуя на яхте «Росаура» вдоль островов Индонезии, увлеклась обаятельным агентом по продаже предметов искусства Теренсом Филипом. Но связь эта быстро прекратилась, по крайней мере всезнающая пресса, как ни старалась, так и не смогла узнать пикантных подробностей.

То, что жизнь существует и вне политики, Черчилль понял, когда приобрел старинное поместье Чартвелл. Из сооруженного во времена Генриха VII дома открывался великолепный вид, достойный кисти художника. Однако и работы предстояло немало: балки были изъедены червями, все вокруг заросло. С обычным для него азартом Уинстон взялся за обустройство Чартвелла. Он вырубил и сжег заросли, почистил пруд, сам клал кирпичи. Он был полон грандиозных планов, и если находился

какой-нибудь смельчак, готовый остаться у них на уик-энд, Уинстон тут же включал его в «особую бригаду» по «ликвидации» кустарника. Клементина, прекрасно понимавшая, какой это огромный труд — превратить Чартвелл в уютное гнездышко, мужественно выполняла самую неблагодарную работу. Хотя, конечно, предпочла бы воскресенья проводить за игрой в теннис. Да и дети тоже приложили руку к возрождению дома.

Спустя годы полностью отреставрированный Чартвелл распахнул свои двери для публики. И до сих пор в дни открытых дверей поток посетителей не иссякает. Они приходят посмотреть на работу знаменитого строителя, на черных лебедей и других птиц, плавающих в пруду, который вырыл сам Черчилль, и на его любимых золотых рыбок, снующих в бассейне.

В апреле 1955 г., после того как вся Англия торжественно отметила 80-летие Черчилля, великий политик подал в отставку с поста премьер-министра. По этому поводу 5 апреля в резиденции главы правительства был устроен пышный прием. На ужин прибыли королева Елизавета и герцог Эдинбургский. Королева предстала в великолепном платье, сверкая прекрасными бриллиантами. Черчилль надел все свои награды. По окончании приема галантный, как всегда, Черчилль вышел, чтобы придержать дверцу королевской автомашины. На следующее утро он в последний раз собрал кабинет министров, выпил чаю с членами своей команды и уехал в Чартвелл. Его пребывание у власти завершилось в лучших английских традициях.

Самоотверженная и терпеливая Клементина была счастлива — муж теперь принадлежал только ей. Но радовалась она преждевременно. Через пять лет ее супруг заявил, что не намерен бросать политику и рассчитывает быть переизбранным в палату общин. И хотя сэр Уинстон проводил больше времени на юге Франции, он был-таки выдвинут в качестве кандидата. Клементина сокрушалась — это были уже пятнадцатые выборы, с нее достаточно! Но с политикой Черчилль не расстался до самой смерти. В последний раз он присутствовал на заседании палаты общин 28 июля 1964 г., уже тяжелобольной. На церемонию прощания с парламентариями Клементина мужа не пустила, поскольку понимала, что она вызовет у него слишком сильные переживания.

В последние годы жизни Черчилль много болел, и порой Клементина сутками не отходила от его постели. В последний раз англичане увидели эту замечательную пару 30 ноября 1964 г. Улыбающиеся супруги смотрели из окна дома на толпу, собравшуюся, чтобы приветствовать своего кумира.

Уинстон Черчилль скончался 24 января 1965 г. После его

смерти Клементина тихо доживала свой век в Лондоне. Королева Елизавета II пожаловала ей пожизненное пэрство, и баронесса Спенсер-Черчилль Чартвельская изредка посещала палату лордов. Правда, участия в голосовании она не принимала, поскольку из-за глухоты не могла следить за дебатами.

Клементина дожила до того дня, когда вся Англия в ноябре 1974 г. отметила 100-летие со дня рождения Черчилля. В тот день она посетила могилу мужа и тихо произнесла: «Надеюсь, мне уже недолго осталось ждать встречи с тобой…»

Клементина пережила мужа на двенадцать лет, скончавшись на 92-м году жизни.

Такой была эта удивительная чета. В еще более романтичном виде она предстала перед чопорными англичанами, когда время и человечество выдвинуло Уинстона Черчилля в ряды величайших политиков XX века. Достойное место в истории нашлось и для его пусть не единственной, но такой красивой и неизменной любви.

Фицджеральд Фрэнсис Скотт

(род. в 1896 г. — ум. в 1940 г.)

Американский писатель, в судьбе которого любовь сыграла драматическую роль.

«Она — единственный бог, который у меня остался…» — так говорил известный американский писатель Фрэнсис Скотт Фицджеральд о своей невесте Зельде Сэйр перед свадьбой. Шестнадцать лет спустя он же писал, что женитьба на «единственном боге» явилась его самой непоправимой жизненной ошибкой. Но если первое утверждение легко объяснимо пылкой влюбленностью молодого человека, то второе воспринимается как

исступленный крик зрелого мужчины, уставшего бороться с самим собой и ясно понимающего: что бы ни делал, как бы далеко ни уехал, все равно эта женщина останется с ним и в нем.

Такая сумятица чувств объясняется как своеобразием личности американского прозаика, так и временем, в котором он жил. Фицджеральд принадлежал к тому поколению, которое, пережив ужасы Первой мировой войны, стало довольствоваться одним днем, словно наверстывая утерянную радость праздника жизни, развлечений, возбуждая себя джазом, виски и любовью. Фицджеральд, как человек 20-х годов XX в., точно уловил настроения молодежи, предугадав и кризис, который затем разразился в годы «великой депрессии».

Жизнь Фицджеральда всегда складывалась довольно удачно. Его отец, Эдвард Фицджеральд, был далеким потомком ирландского аристократического клана. Но ему не передались ни гордая независимость предков, ни их воинственный темперамент. Кроме того, Эдвард был явным неудачником, и от солидного состояния, оставленного ему отцом, ко времени рождения Скотта почти ничего не осталось.

Семья держалась на плаву только благодаря деду Фицджеральда по материнской линии, Макквилану — успешному предприимчивому дельцу, владельцу фирмы с оборотом более миллиона долларов в год. Для Эдварда и его жены Молли Макквилан он приобрел дом в приличном районе в городке Сен-Пол, штат Миннесота. Благодаря деньгам деда Скотт, родившийся 24 сентября 1896 г., спустя шестнадцать лет получил возможность учиться в одном из самых престижных американских университетов — Принстонском.

В университете Скотт решил для себя, что учеба скучна и не заслуживает особого внимания, поэтому первым делом записался в футбольную команду, откуда его отчислили через две недели как неперспективного игрока. Однако вести ничем не примечательную жизнь послушного студента Скотт не желал. Честолюбивому юноше, который мечтал стать невероятно успешным человеком во всех областях жизни, необходимо было привлечь к себе внимание, доказать, что он лучше всех. Для этого у Скотта было единственное средство: писательство. Еще в школе, написав как-то детективный рассказ о шефе полицейского участка и поместив его в стенгазете, он на какое-то время стал звездой класса, и теперь в Принстоне снова взялся за перо. Скотт публиковал свои юмористические рассказы в студенческих журналах, писал пьесы для принстонского театра, правда, полного удовлетворения ему это не приносило. Он мечтал играть на сцене, однако педсовет Принстона не допускал двоечников к

театру.

С учебой дело обстояло еще хуже. Да и в личной жизни тоже не все складывалось благополучно. Жинева Кинг, первая красавица Принстона, с которой у Фицджеральда был страстный роман, оставила его, предпочтя более солидного поклонника. Скотт впал в отчаяние и в конце концов решил, что незачем терять время на учебу, а лучше прославиться на поле боя Первой мировой войны. Он бросил университет и в 1917 г. ушел добровольцем в американскую армию.

21-летний Фицджеральд был уверен, что его тут же отправят на фронт, а там, конечно, убьют. На всякий случай он послал в издательство рукопись своего романа «Романтический эгоист». Однако ее вскоре вернули, а самого автора вместо фронта отправили в учебный лагерь «Шеридан», расположенный в небольшом городке Монтгомери, штат Алабама. Именно там летом 1918 г. Скотт, к тому времени младший лейтенант 67-го пехотного полка, на одной из вечеринок в клубе познакомился с дочерью судьи штата 17-летней Зельдой Сэйр и влюбился в нее с первого взгляда. «Я был немедленно сражен в самое сердце, — писал в дневнике Фицджеральд. — Она была самой красивой девушкой среди всех, когда-либо мною виденных. И с первого момента я понял, что просто должен быть с ней».

Да и как было не влюбиться в эту дерзкую, раскрепощенную красавицу, обладавшую хорошими манерами, которыми славились уроженки американского Юга. Правда, ни застенчивостью, ни сдержанностью, которые были присущи южанам, юная Зельда не отличалась. Правила предписывали ей быть послушной и тихой, она же росла независимой, отчаянной и абсолютно не способной думать о ком-либо еще, кроме себя самой. И если ей чего-то хотелось, она добивалась своего, не обращая ни малейшего внимания на правила и моральные принципы.

С Фицджеральдом Зельда познакомилась в год окончания колледжа, где была признана самой красивой выпускницей города. Внешне привлекательный, стройный, синеглазый Скотт тоже сразу понравился Зельде. Да и военная форма ему очень шла.

Тем памятным летом влюбленные почти не расставались. Скотт признался своей возлюбленной, что на самом деле он писатель и, скорее всего, великий, а лейтенантом стал просто от нежелания учиться в Принстоне. Однако помолвку пришлось отложить. Вмешался папа-судья, которому сообщили, что этот красавчик-лейтенант большой любитель пирушек. Засомневалась и мама Зельды, которая тоже рассуждала весьма трезво: да, Скотт

красавец, но как он сможет обеспечить достойное существование ее девочки, имея такую ненадежную профессию, как писательство. Да и сама Зельда опасалась, что ее любимого Скотта все-таки могут отправить на фронт, где он может и погибнуть. Как тогда быть с помолвкой?

Но Фицджеральд был не из тех мужчин, которые быстро сдаются. В одном из интервью он позже скажет, что стал писателем прежде всего потому, что хотел понравиться Зельде. Так это было или не совсем так, трудно сказать, но Фицджеральд уехал в Нью-Йорк и поступил на службу в рекламное агентство при городской железной дороге, а кроме рекламных объявлений писал юмористические рассказы и вскоре засел за переделку романа «Романтический эгоист». В начале 1920 г. книга была издана под названием «По эту сторону рая». Она далась молодому писателю нелегко. «Заканчивая ее, я выжал себя до последней капли», — признавался он позже.

Зато теперь Скотт мог торжествовать. Наконец-то осуществилась его «иллюзия мечты». Такая иллюзия характерна была для всей Америки в те годы. Начиналась недолгая, но яркая эпоха с небывалыми возможностями обогащения, безумной погоней за счастьем. Во весь голос заявило о себе поколение, которое уже не верило в честный и добросовестный труд, стремившееся к сиюминутной радости и упоению лихорадкой джаза и бесконечного веселья. Таким было настроение тогдашней американской молодежи, и Фицджеральд точно отразил его в своем первом романе.

Успех романа «По эту сторону рая» превзошел все ожидания. И сделал Фрэнсиса Скотта Фицджеральда не только знаменитым, но и богатым.

А Зельда все лето 1919 г. провела на балах и в плавательных бассейнах, причем стала еще привлекательней и более раскрепощенной. Когда однажды ей показалось, что в купальном костюме неудобно нырять, она просто-напросто сняла его и прыгнула с вышки обнаженной. Мужчины Монтгомери готовы были биться об заклад, что ни одна девушка в истории штата не делала ничего подобного, и спешили пополнить ряды ее поклонников. Однако когда через пять месяцев стоического молчания от Скотта пришло письмо, в котором он писал, что любит ее по-прежнему и хотел бы приехать в Монтгомери с единственной целью — увидеть ее, Зельда ответила немедленно: «Приезжай! Я безумно рада, что мы встретимся, и я хочу этого, о чем ты, должно быть, знаешь!»

Судья штата Алабама больше не возражал против брака дочери, но на свадьбу все же не приехал. Впрочем, и жениху, и

невесте не было до этого совершенно никакого дела.

Брак этой четы никак нельзя назвать скучным или однообразным. Сразу после свадьбы супруги с радостью ощутили, что понимают друг друга с полуслова. Им обоим нравилось и не нравилось одно и то же, они одинаково судили о жизни и людях, оба тяжело переживали минутные размолвки, и оба всегда были готовы к примирению. Медовый месяц их любви растянулся на долгие годы, и для Фицджеральда как для писателя это период стал лучшим временем жизни. Он написал несколько романов («Великий Гэтсби», «Ночь нежна», «Последний магнат»), ставших классикой американской литературы и обеспечивших писателю огромную популярность. Но главным романом в его жизни стала Зельда. Через нее, благодаря ей (в этом он сам не раз признавался) Фицджеральд постигал тайную суть женской души. Почти все женские образы его романов вобрали в себя те или иные черты характера и души его возлюбленной.

Правда, любое счастье относительно, тем более с такой женщиной, как Зельда. Она была отнюдь не из тех жен, которые способны обеспечить комфортное существование даже безмерно любящему ее мужчине. Вскоре после свадьбы Скотт выяснил, что его жена не умеет и не хочет ни готовить, ни стирать, ни поддерживать хотя бы элементарный порядок в доме. «Пойми, Скотт, я никогда ничего не смогу делать, потому что я слишком ленива, — честно признавалась она ему. — Я не хочу славы. Единственное, чего я хочу, — это быть всегда очень молодой и ни за что не отвечать… и просто жить и быть счастливой». А уж как хорошо провести время, эта женщина, всегда свежая, привлекательная, нарядно одетая и неистощимая на выдумки, знала и умела. Да и Фицджеральд готов был идти с ней хоть на край света. По словам одного из друзей этой семьи, он «растворился в Зельде и приобрел ее черты». Впрочем, другой человек, хорошо знавший Фицджеральдов, думал иначе: «Сложно определить, кто из них был заводилой. Они дополняли один другого, словно джин и вермут в коктейле».

Как бы там ни было, но Фицджеральды долгое время оставались самой экстравагантной парой в Нью-Йорке. Разделы светской хроники стали, по сути, хроникой их семейной жизни. Стиль этой хроники был протокольно лаконичным и в то же время откровенно шокирующим.

«Сегодня ночью мистер Фицджеральд с супругой предприняли необычную экскурсию по Манхэттену. Поймав такси на углу Бродвея и 42-й улицы, они сели в салон на заднее сиденье. Но уже в районе Пятой авеню им показалось, что так ехать неудобно, и, потребовав у водителя остановиться, они

изменили свое положение: мистер Фицджеральд забрался на крышу машины, а миссис Фицджеральд — на ее капот. После чего приказали ехать дальше…»

«На днях общественность Нью-Йорка была искренне взволнована внезапным исчезновением четы Фицджеральд: покинув в субботу вечером свой особняк на Лонг-Айленде, дабы ехать в Манхэттен, они не появились там ни в воскресенье утром, ни в понедельник вечером, ни во вторник днем… Нашли их лишь в четверг утром в весьма сомнительном отеле в Нью-Джерси. И мистер Фицджеральд, и Зельда были не в состоянии припомнить, как они провели эти четыре дня, сколько выпили и как оказались в Нью-Джерси…»

«…Он разделся на спектакле „Скандалы“ — остался практически без всего!..»; «…Она утром вышла из отеля „Плаза“ в чем мать родила и стала купаться в фонтане…»; «…Он сбил с ног полисмена в Уэбстерхолле…» и так далее и тому подобное.

Самое поразительное состояло в том, что все это было правдой. Да, они прокатились верхом на такси — потому что им так захотелось. Да, Зельда искупалась в фонтане — потому что ей стало жарко. Да, Скотт почти догола разделся в театре только потому, что в тот момент таким было его желание. Слава прожигателей жизни их не смущала, поскольку оба были уверены, что счастье — это полная свобода и нескончаемая радость.

И действительно, Фицджеральдами настолько все восторгались, что прощали им все, даже то, что другим вряд ли бы сошло с рук. Ведь красавец Скотт, который прекрасно одевался, носил элегантные шляпы, что было несвойственно писателям, и не имел распространенной среди литераторов привычки сутулиться, стал некоронованным королем для молодежи Америки, а эффектная Зельда с ее точеными формами — королевой. Молодые, красивые, лишенные всяческих предрассудков, они заказывали обеды в дорогих ресторанах, до утра веселились в ночных клубах, без них, будь то в Нью-Йорке или в Париже, куда они часто ездили, не обходилась ни одна богемная вечеринка.

Через год после свадьбы молодые супруги приехали в Сен-Пол, на родину Фицджеральда, где у них родилась дочь, которую назвали в честь отца Франс Скотт, среди домашних ее ласково звали Скотти. Что касалось воспитания дочери, то Зельда придерживалась принципа: «Я не хочу, чтобы она выросла серьезной, и не хочу, чтобы она стала великой. Пусть будет богата и счастлива, вот и все!» Наняв для Скотти няню, молодые родители вернулись в Нью-Йорк к прежней разгульной жизни.

Однако Зельда дарила Фицджеральду не только все радости,

какие может принести жена мужу, но и страдания. Однажды она увлеклась, причем на глазах Скотта, молодым французским летчиком Эдуардом Жозаном (который, обезумев от любви к ней, над их домом даже выполнял фигуры высшего пилотажа). Роман между ними, вероятно, не был серьезным, в том смысле, что вряд ли Зельда и Жозан были любовниками. Но Фицджеральд в своей ревности дошел до того, что запер жену на месяц на вилле и не давал видеться с ее поклонником.

И все же восхищение Зельдой затмевало в глазах Фицджеральда все ее слабости и проступки. Даже принимая на работу секретаршу, он заботился о том, чтобы та была образованна, привлекательна, но все же не настолько, чтобы могла затмить Зельду! И когда его однажды спросили, какая у него самая высокая мечта в жизни, он не задумываясь ответил: «Так же любить Зельду и быть на ней женатым и написать самый известный в мире роман».

Все бы ничего, да вот только с творчеством с каждым годом становилось все больше проблем. Признанный когда-то лучшим писателем Америки, Фицджеральд временами вообще ничего не писал, а если и писал, то так, что сам иногда приходил в ужас от написанного, не говоря уже о поклонниках его таланта. Язвительный и порой завистливый Эрнест Хемингуэй, наблюдая за угасанием таланта своего сотоварища, написал о нем суровые, но во многом справедливые слова: «Его талант был таким же естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки… Позднее он понял, что крылья его повреждены, и понял, как они устроены… но летать больше не мог». И впрямь, тот образ жизни, который вел Фицджеральд, его неутолимая любовь к единственной и неповторимой женщине рано или поздно должны были привести к драматическим последствиям.

Не все обстояло благополучно и с Зельдой. После тридцати лет она начала быстро стареть. А кроме того, ее поведение становилось все более неадекватным. Между прочим, зачатки ее безумия Фицджеральд мог бы заметить и раньше, не происходи они на таком фоне их образа жизни, при котором странности в поведении являлись чуть ли не нормой. Разве сам Скотт, стоя на подоконнике раскрытого окна, не обещал Джеймсу Джойсу, что сейчас выбросится вниз, потому что Джойс написал «Улисс», самую великую изо всех великих книг? И разве не он как-то устроил отвратительный погром в полицейском участке Канн?

В августе 1925 г., после того как Зельда бросилась вниз с лестницы в одном из известных ресторанов, о состоянии ее психики заговорил весь Париж. В тот злополучный вечер Фицджеральд, заметив за соседним столиком Айседору Дункан,

решил подойти к ней. Как только он встал, Зельда тоже вскочила, направилась к лестнице, ведущей на второй этаж, дошла до середины — и бросилась вниз. Перепуганные посетители были уверены, что она погибла, сломав себе позвоночник. Но Зельде необыкновенно повезло, она отделалась одним-единственным ушибом.

Чуть позже в Голливуде Зельда приревновала своего мужа к 18-летней начинающей актрисе Луис Моран. Скотт и в самом деле увлекся ею, но не настолько, чтобы можно было опасаться за семейную жизнь. А Зельда восприняла увлечение мужа чуть ли не как трагедию. Заставив его пренебречь выгодным контрактом, она немедленно увезла его из Голливуда. В поезде Зельда устроила настоящую истерику и в порыве ярости даже выбросила в окно платиновые часы с бриллиантами, которые Скотт подарил ей 10 лет назад.

После этого случая признаки психической неуравновешенности Зельды стали проявляться все очевиднее. То она вдруг полностью отказалась от еды, решив таким образом похудеть; как-то раз с таинственным видом сообщила Скотту, что их старые друзья хотят всех убить: и ее, и его, и их дочку Скотти; затем объявила, что не хочет двигаться — ни ходить, ни шевелить руками, ни даже поднимать брови — она будет только сидеть и слушать разные голоса, например, о том, как разговаривают лилии в саду; в другой раз Зельда сложила все свои платья в ванну и устроила из них костер; а однажды во время бешеной езды на автомобиле она чуть было не упала в пропасть…

Все это привело к тому, что в апреле 1930 г. с диагнозом «шизофрения», поставленным известным психиатром Оскаром Форелом, Зельда Фицджеральд попала в швейцарскую клинику для душевнобольных. Далее последовал целый букет болезней: «мания преследования», «нервная экзема», «маниакально-депрессивный психоз», и психиатрические лечебницы, пациенткой которых теперь стала миссис Фицджеральд, — больница в Балтиморе, госпиталь в Северной Каролине, клиника в Эшвилле.

Но и находясь в клинике, Зельда тревожилась о том, что Фицджеральд, занятый написанием сценариев в Голливуде, «постоянно находится в толпе красивых женщин». И даже не ревность одолевала ее, а мучительное чувство разъединенности. «Мой любимый, ненаглядный… — писала она мужу, проявляя удивительную ясность ума и чувств. — Мне так грустно от того, что я превратилась в ничто, пустую скорлупу. Мысль об усилиях, которые ты прилагаешь ради меня… была бы невыносима любому, кроме разве бездушной машины… Твоя доброта ко мне не знает пределов. Поэтому сейчас я могу сказать одно: в моем

сердце, во всей моей жизни не было более дорогого существа, чем ты… Я люблю тебя!»

Фицджеральд по-прежнему не мог жить без Зельды. Несмотря на занятость, всегда старался быть поближе к жене, селился в отелях неподалеку от клиник, где она лечилась, постоянно вел переписку с докторами. Какое-то время он надеялся, что болезнь Зельды пройдет сама собой, и даже пробовал забирать ее из больницы. Одно время пытался уверить себя, что причина безумия жены кроется в нарушении обмена веществ, которое было вызвано ее изнурительными диетами, что ее организму просто не хватает или соли, или железа, или какого-нибудь другого вещества. Мучительно сомневался — не он ли является причиной ее сумасшествия?..

Даже безумная, даже с нервной экземой, покрывшей ее лицо ужасными струпьями, даже выкрикивающая страшные проклятия, полные ненависти, Зельда оставалась для Фицджеральда единственной любимой женщиной. Он постоянно говорил о ней со знакомыми, да и просто со случайными собеседниками, рассказывал о том, как был счастлив с ней, и даже давать читать любовные письма жены. «Какая прелесть сидеть с ней часами, когда она склоняет свою голову ко мне на плечо, — писал он в дневнике после очередного посещения Зельды, — и чувствовать, что я всегда был, даже сейчас, ближе ей, чем кто-либо другой на свете…»

Фицджеральд не забывал Зельду и тогда, когда в его жизни появлялись другие женщины. А они, конечно, появлялись, поскольку все еще статный и красивый сорокалетний Скотт по-прежнему привлекал к себе всеобщее внимание.

Последние три года жизни рядом с Фицджеральдом была английская журналистка Шейла Грехэм, молодая, привлекательная и довольно обеспеченная женщина, жившая и работавшая в Голливуде. Она предлагала ему начать новую жизнь, в которой не будет ни хронического безденежья, ни хронического безумия. А он ей отвечал, что не может принять предложенную ему другую судьбу, потому что есть Зельда, которую с реальностью связывает только он, Скотт. И если он оборвет эту связь, она навсегда рухнет в темную пропасть.

В конце жизни Фицджеральд, не привыкший сдаваться, все еще пытался бороться с судьбой. «Сила духа проявляется не только в способности выстоять, — говорил он, — но и в готовности начать все заново». Необыкновенным усилием воли он заставил себя прекратить безудержное пьянство и начал писать роман под названием «Последний магнат», который, если бы он был завершен, возможно, и стал бы его «самым известным в мире

романом». Но именно в то время, когда писатель начал выходить из мучительного творческого кризиса, наступила трагическая развязка. 20 декабря 1940 г. Фрэнсис Скотт Фицджеральд, штатный сценарист Голливуда и известный писатель, скоропостижно скончался от обширного инфаркта.

Зельда пережила Скотта на восемь лет. Почти не выходя из клиники, она пыталась писать рассказы, рисовать. Иногда ее видели прогуливающейся в длинном темном платье с Библией в руке. В 1948 г. состояние здоровья Зельды немного улучшилось и она на несколько дней приехала из лечебницы навестить родных в Монтгомери. А на вокзале, уезжая обратно в клинику, она вдруг тихо сказала миссис Сэйр: «Не волнуйся, мама! Я не боюсь умереть. Скотт говорит, это совсем не страшно…»

Через несколько дней после ее возвращения на территории психиатрического госпиталя Хайленд в Эшвиле случился пожар. В числе других девяти пациентов в огне погибла и Зельда — безмерная боль и вечная радость, тяжелое испытание и светлая муза блистательного писателя Фрэнсиса Скотта Фицджеральда.

Эдуард VIII, герцог Виндзорский

Полное имя Эдуард Альберт Христиан Георг Эндрю Патрик Дэвид (род. в 1894 г. — ум. в 1972 г.)

Король Великобритании с января по декабрь 1936 г., царствовавший всего лишь 325 дней и получивший всемирную известность потому, что отрекся от короны, чтобы жениться по любви. Покинув трон, Эдуард получил титул герцога Виндзорского, который и носил до самой своей смерти.

Эдуард был рожден, чтобы стать королем. В то время при дворе его отца Георга V вместо роскоши и развлечений господствовала патриархальность и тишина домашнего уюта.

Даже официальные приемы Георг давал не в том дворце, где он жил. Как монарх, он считал, что важнее всего для королевской семьи — быть образцом порядка и дисциплинированности для своих подданных. Чтобы добиться этого порядка, он требовал от всех окружающих беспрекословного подчинения. От этого особенно сильно страдали дети, не избалованные родительским вниманием.

Принц Дэвид, будущий король Эдуард VIII, старший сын короля Великобритании Георга V и королевы Марии, родился 23 июня 1894 г. в Ричмонде. В детстве он был невысоким, щуплым и сутулым. Сверстники прозвали его Килькой. Мальчик рос без материнской ласки, королева Мария всю жизнь ощущала себя именно королевой, а не женщиной и матерью. Современники отмечали, что с малых лет Дэвид отличался задумчивостью, меланхолией, но лицо принца совершенно преображалось, когда его освещала улыбка. Он не любил дворцовых церемоний, предпочитая им прогулки на природе, активные, временами даже буйные, игры со сверстниками.

В 1907 г. принц был зачислен в военно-морской колледж в Осборне, а затем учился в Дартмутском Королевском колледже, по окончании которого в 1911 г. служил гардемарином. Во время учебы в морском колледже Эдуарду довелось быть гидом двоюродного брата своего отца — российского императора Николая II, посетившего это учебное заведение во время своего визита в Великобританию.

С 1912 г. до начала Второй мировой войны принц учился в Модлин-колледже Оксфордского университета. Там он подружился с социалистами и пел вместе с ними «Марсельезу», аккомпанируя себе на банджо. Ходили слухи о гомосексуальных пристрастиях Эдуарда. Он сам подлил масла в огонь, когда однажды публично пошутил, что, мол, никогда не женится, поскольку слишком увлечен спортом и театром. Правда, слухи быстро рассеялись, когда прессе стали известны пикантные подробности его времяпрепровождения.

Как и подобает наследнику, Эдуард вел беспечный образ жизни, путешествовал, заводил романы, однако о женитьбе не помышлял. Но сказать, что у него не было увлечений женщинами, было бы неправдой. Положение Эдуарда, его богатство и обаяние, а также внешняя привлекательность при солидном росте снискали ему положение самого завидного жениха Империи. Он наслаждался этой ролью и вниманием женщин, которое она ему приносила. Его романы в основном были короткими, а непостоянство вошло в поговорку. Казалось, принц был не способен на большое, глубокое чувство. Только четыре женщины

преуспели в том, чтобы приковать внимание Его Высочества более или менее надолго.

С леди Кок наследник престола повстречался, когда ему был 21 год. Она была старше на 12 лет и замужем, но, несмотря на это, любовь Эдуарда к ней длилась почти 3 года. Будучи в Англии, он проводил с ней все свое свободное время. А когда уезжал, осыпал ее нежнейшими письмами. Отвечала ли леди Кок на эту страсть, неизвестно. Однако точно известно, что брак ее был незыблем в течение всего периода ухаживания молодого повесы.

Во время Первой мировой войны Эдуард служил в штабе экспедиционных войск во Франции, Египте и Италии и использовал любую возможность, чтобы навестить раненых в полевых госпиталях. В 1915 г. он наконец побывал в окопах, где пользовался большой популярностью благодаря своему бесстрашию, общительности и простоте. Принц продолжал много путешествовать, и каждое путешествие добавляло ему популярности, он произносил речи, сажал деревья, присутствовал при спуске на воду новых судов и при закладке зданий.

В 1812 г. он познакомился с леди Фридой Дадли Уорд, женой члена английского парламента — они вместе оказались в бомбоубежище во время немецкого воздушного налета. Они разговорились, и наследник престола пригласил новую знакомую на вечеринку. С этого дня началась история их 16-летних отношений — Эдуард «униженно», как говорил один из его друзей, влюбился в остроумную и образованную Фриду. Он звонил ей каждое утро, представляясь горничной миссис Уорд булочником, и встречался с ней каждый вечер, ровно в пять часов.

Леди Фрида была на двадцать лет старше принца, ее занимали политика и умные мужчины. Это была очень милая интеллектуалка небольшого роста, изящная, очаровательная. Когда же Эдуард предложил ей руку и сердце, то получил отказ — леди Уорд прекрасно понимала, что король никогда не позволит сыну жениться на замужней женщине.

Случайные интрижки время от времени отвлекали внимание принца от Фриды, но отношения их продолжались вплоть до того момента, когда Эдуард повстречал 24-летнюю красавицу виконтессу Телму Фарнесс. Новая пассия была полной противоположностью предыдущей: писаная красавица и совершенно безмозглая. Беседовали они большей частью о пустяках.

Телма была сестрой-близнецом знаменитой Глории Вандербилт и женой лорда Мармадюка Фарнесса, британского судовладельца и миллионера. Это был брак, заключенный по

расчету, просуществовал он 7 лет и распался в 1933 г. из-за взаимной неверности супругов. Физическая страсть наполняла пятилетнюю связь Эдуарда и Телмы. Но, несмотря на несметное количество плюшевых медвежат, ставших символом их любви, роман этот не затронул принца глубоко.

К сорока годам, пребывая в статусе принца Уэльского, Эдуард оставался холостяком и пользовался репутацией самого элегантного бонвивана Европы (в 30-е гг. слова «плейбой» еще не существовало). Правда, говорили, что наследник престола при всем своем обаянии просто слабоволен и не в состоянии самостоятельно подыскать себе достойную пару.

Фрейдисты довольно точно определили, почему выбор будущего короля остановился на некой Бесси Уоллис Уорфилд. «Она была явно авторитарной личностью, — озвучил их точку зрения писатель Гор Видал, — а он, которого всю жизнь воспитывал сонм нянек и гувернанток, нуждался в сильной женщине, что могла и прикрикнуть на него».

В молодости Бесси пользовалась невероятным успехом у мужчин, хотя не была хороша собой: крупный нос, тяжелый волевой подбородок, большие, но глубоко посаженные глаза — до идеала красоты того времени ей было явно далеко. И все же она очаровывала мужчин своим остроумием и обаянием. Причем в родном Балтиморе Уоллис Уорфилд стала законодательницей мод. Она носила пикантную черную мушку на щеке, первая среди девушек своего города сделала короткую стрижку, надела узкую юбку, первая стала одеваться в экстравагантном «мужском» стиле. Облаченная в нарочито тесную блузку с широким отложным воротником, галстук и широкий лакированный ремень, подчеркивавший ее осиную талию, она показала новый тип женственности и сексуальности. При этом общество на нее не ополчалось — наоборот, ей подражали.

Первый брак Уоллис был неудачным. В девятнадцать лет она встретила блестящего молодого офицера, морского летчика Эрла Спенсера и впервые серьезно влюбилась. Поженились они через полгода. Но счастье было недолгим. Уже во время медового месяца Уоллис пришлось признать страшную правду: Эрл оказался алкоголиком.

Бесси знала, что ее консервативно настроенные родственники по религиозным соображениям будут против развода, поэтому она просто уехала от мужа-пьяницы. Она по-прежнему пользовалась успехом — теперь уже в светских кругах Вашингтона. А потому решила не оставаться в стороне от тех радостей жизни, которые просто идут навстречу молодой привлекательной женщине. Уоллис крутила роман за романом, в

основном с дипломатами. Сначала с итальянским аристократом князем Каэтани, потом с военным атташе Аргентины доном Фелиппе Эспилом.

В 1923 г. Эрла Спенсера перевели в Гонконг. И он снова стал осыпать мольбами жену переехать к нему. Уоллис не надеялась, что благоверный бросит пить, да и вообще к этому времени она его уже разлюбила. Но посетить загадочный Восток ей очень хотелось, и Уоллис приняла решение ехать в Шанхай, где и прожила около двух лет. В середине 20-х гг. это был центр международного шпионажа. Уоллис и здесь крутила романы, не очень-то разбираясь в знакомствах. Но главное, из-за чего она поехала в Китай, — изучение искусства любви, вернее, техники секса. В публичных домах Шанхая прошедшие специальную подготовку проститутки практиковали Тао любви: приемы, многократно увеличивающие сексуальную энергию и неутомимость партнеров. Уоллис получила то, что ее интересовало, а заодно «испортила себе анкету». Ее сомнительное шанхайское прошлое впоследствии шокировало английскую королевскую семью.

Бесси вернулась в Штаты в 1926 г. Еще год ушел, чтобы получить развод от Эрла Спенсера. Но к тому времени она уже успела познакомиться с брокером Эрнстом Симпсоном, сыном крупного бизнесмена, который и стал ее вторым мужем. Филиал фирмы папаши Симпсона находился в Лондоне, и вскоре молодая чета переехала в столицу Англии. Через сестру Эрнста Симпсоны вошли в великосветские салоны Лондона. Тогда-то, в 1931 г., Уоллис и встретилась с будущим королем Великобритании принцем Эдуардом. С этого времени над английской монархией завис дамоклов меч всепобеждающей любви.

Естественно, Эдуард встретил мисс Уоллис не на улице, а на вечеринке у общих друзей в Лейчертшире. Он прибыл со своей тогдашней любовницей Телмой Фарнесс, а она — со своим вторым мужем Симпсоном.

Принц и Бесси сразу потянулись друг к другу. Позже она вспоминала, что ее привлекли «его слегка взъерошенные, как от ветра, волосы, вздернутый нос и странное, задумчивое, едва ли не грустное выражение глаз, когда ему казалось, что на него никто не смотрит». Он же, отдав должное грациозности ее фигуры и непринужденности поведения, был тронут искренним интересом к нему и к его занятиям. Спустя годы Эдуард признался: «Именно тогда я сделал важное открытие: отношения между мужчиной и женщиной могут носить характер интеллектуального партнерства. Оно и положило начало моей любви к ней».

Муж Бесси скоро понял, что у них с принцем разные весовые

категории, и тактично удалился на задний план. Миссис Симпсон стала частой гостьей в Форт Бельведере, загородной резиденции наследника престола, к ее услугам были яхты, самолеты и лучшие отели мира. Естественно, их отношения не ограничивались лишь интеллектуальной и духовной близостью. По словам актрисы Джейн Сеймур, игравшей Уоллис в телевизионной постановке 1988 г., «Бесси дала ему возможность почувствовать себя настоящим мужчиной».

В январе 1936 г. Георг V скончался. Ночью Эдуард позвонил Бесси по телефону и сообщил ей скорбную весть, поспешив прибавить: «Ничто не может изменить моих чувств к вам». Но уже сразу после этого их встречи стали более редкими. И немудрено: на нового короля Эдуарда VIII свалилась масса неотложных дел.

Миссис Симпсон решила было, что их любви пришел конец. Но однажды, встретив ее в обществе, король заговорил о женитьбе. По его словам, дело это решенное, вопрос лишь в сроках. Теперь он понял, что Уоллис стала ему еще нужней, чем когда-либо. Она, однако, не верила в возможность брака. Слишком много препятствий возникло бы на их пути. Король Англии не принадлежит себе и не властен распоряжаться собой и своей жизнью. Но когда он произнес слово «жена», Бесси заколебалась и начала верить в то, что у него вполне серьезные намерения.

Эдуард VIII часто появлялся с нею в обществе, и толки об их связи все более ширились. Положение миссис Симпсон стало двусмысленным, а точнее говоря, просто невыносимым. Что она могла сказать мужу? Кончилось тем, что Эдуард VIII явился к мистеру Симпсону и прямо заявил: «Я не могу короноваться, если Уоллис не будет стоять со мной рядом». Мистер Симпсон ответил, что пусть, мол, она решает сама.

Ее выбор не заставил себя ждать. И не выгоды этого союза, не щедрые подарки Эдуарда склонили ее к этому. Оба они сознавали, что созданы друг для друга. В конце концов, Бесси решилась на развод с мужем.

Слушание дела о разводе в суде продолжалось девятнадцать минут. И вскоре «Таймс» разразилась сенсацией: «Король женится на Уоллис». В газете говорилось о поразившей короля пламенной любви к женщине не королевского происхождения. Вспоминались разные исторические примеры морганатических браков. Однако женитьба для членов королевских семей Европы всегда была вопросом политической целесообразности, и крайне редко династические браки заключались по любви. На роль будущих супругов подбирали претендентов из круга равных — тех, кто мог обеспечить наиболее прочный политический, военный или

финансовый союз. Брак с рядовым представителем дворянского сословия вызывал неодобрение, к нему относились с презрением.

Тем не менее наследник престола мог влюбиться в женщину, не подходящую по происхождению на роль супруги короля. В этих случаях и заключался так называемый морганатический брак. Морганатическая супруга не имеет права на титул, герб и состояние своего мужа, а их дети — права наследования. Такие союзы также называют «браком по левую руку», так как невеста стоит от жениха слева, а не справа, как обычно принято.

В случае с Эдуардом VIII его браку воспротивились ревнители королевской власти. В их числе был и премьер-министр Великобритании Стенли Болдуин. Когда он предупредил короля, что в империи никто не согласится на его морганатический брак с миссис Симпсон, Эдуард ответил: «Нет, нет и еще раз нет!»

Тогда королю предложили три варианта решения: отказаться от женитьбы; жениться, презрев рекомендации правительства; вообще отречься от престола. Все очень скоро поняли, что для Эдуарда дилеммы — Уоллис или престол — не существует: король предпочтет отречение, но не расстанется с любимой.

Газеты запестрели заголовками: «Любовь или престол», «Уоллис отрекается от короля», «Конец кризиса», «Эдуард остается на престоле». Вопреки последнему предсказанию в конце декабря 1936 г. Эдуард VIII подписал акт об отречении. Приехали три брата короля, чтобы присутствовать при церемонии подписания этого акта. Документ гласил: «Я, Эдуард VIII, король Великобритании, Ирландии и британских доминионов, император Индии, настоящим заявляю о своем твердом и окончательном решении отречься от престола и выражаю желание, чтобы акт этот вступил в действие немедленно…»

Как ни странно, Бесси, которая в то время была в Каннах, старалась удержать короля от непоправимого шага, но он ее не послушал. Позвонив ей, Эдуард сообщил, что решающий шаг сделан. Кто-то из слуг Уоллис утверждал позже, что она отчетливо произнесла: «Безмозглый дурень», — и разрыдалась.

Эдуард VIII царствовал 325 дней, 13 часов и 57 минут. После чего ему был присвоен титул герцога Виндзорского, и экс-король на миноносце покинул родину. Перед отплытием он попрощался с новым королем Георгом VI — своим братом — и почти без свиты отбыл в добровольное изгнание. Новоиспеченный герцог Виндзорский искренне радовался обретенной свободе. Поговорив по телефону с Уоллис, он, по свидетельству слуг, «долго пел в ванной», а затем занялся свадебными хлопотами.

По старинному обычаю жена герцога имела право на соответствующие привилегии: звание «ее королевское

высочество», дамы должны были приветствовать ее реверансом, а мужчины — низким поклоном. Это раздражало многих высокопоставленных персон, ненавидевших выскочку-американку. Под нажимом кабинета министров король вынужден был лишить Уоллис титула герцогини. Это было немыслимое оскорбление, которое Эдуард не мог ни забыть, ни простить. «Отличный свадебный подарок», — с горькой усмешкой произнес он и пожелал ускорить приготовления к свадьбе.

Были куплены обручальные кольца уэльского золота, на деревянной панели камина выжжены слова: «Эдуард — Уоллис — 1937», жених и невеста сфотографировались на память. Когда фотограф попросил их принять счастливый вид, Бесси ответила: «У нас всегда счастливый вид».

Замок, где совершилось таинство, находился неподалеку от французского городка Канде. Гостей было немного — шестнадцать человек, среди которых — сын Черчилля Рэндолф, супруги Ротшильд, консул Великобритании в Нанте и первый секретарь британского посольства. «Да, — писал Ральф Мартин, автор книги „Женщина, которую он любил“, — замечательная была свадьба, особенно если учесть, что жених всего полгода назад занимал престол Британской империи и повелевал полумиллиардом подданных».

Но только ли желание жениться на дважды разведенной, вульгарной, с точки зрения высшего света, женщине и некоторая леность в «работе с документами» стали причинами вынужденного отречения Эдуарда VIII?

Увлечение социалистическими идеями было в начале XX в. весьма модно. Не миновало оно и принца Эдуарда. Во время забастовки 1926 г. он даже внес средства в фонд помощи шахтерам, заработав репутацию «принца-радикала». Но это было, скорее, лишь проявлением «духа противоречия», столь свойственного молодому человеку. Знавшие экс-короля характеризуют его в политике как законченного консерватора. Эта странная смесь, видимо, и обусловила интерес наследника престола к фашизму. Видя социально-экономические проблемы Великобритании, Эдуард считал, что «нужно внимательно присмотреться к опыту режимов Италии и Германии». Эти его взгляды не были секретом для широкой публики, которая понимала, что угроза войны с Гитлером нарастает с каждым днем.

Уже после отречения Эдуард и Уоллис в 1937 г. нанесли визит в Германию, где были приняты Герингом, Гиммлером, Гессом, Геббельсом и, наконец, Гитлером. Есть свидетельства, что фашисты рассматривали возможность возвращения Эдуарда на

престол после победы над Великобританией. Немцы даже планировали похитить в 1939 г. герцога и герцогиню Виндзорских в Португалии, куда семейство переехало из оккупированной Франции. Миссия была поручена небезызвестному Вальтеру Шелленбергу, но поставленная задача почему-то не была выполнена.

Недавно рассекреченные ФБР материалы подтверждают давнишнее предположение о том, что американка Уоллис Симпсон была нацистским агентом. В одном из документов, в частности, указывается, что когда Иоахим фон Риббентроп был германским послом в Лондоне, он находился с Симпсон в интимной связи, а также использовал ее в качестве своего информатора. Видимо, это, как и многие другие факты из прошлого герцогини Виндзорской, так и осталось неизвестно ее мужу.

Победа над фашизмом в мае 1945 г. застала Эдуарда и Бесси в Нью-Йорке. Приближалась десятая годовщина их союза. «Прошли десять лет, но не любовь», — говорил герцог.

Потом они снова оказались в Париже. Уоллис занялась поисками подходящего жилья. «Мой муж был королем, и я хочу, чтобы он жил по-королевски», — не то в шутку, не то всерьез заметила она. Бесси даже подумывала приобрести особняк графини Дюбарри, знаменитой фаворитки Людовика XV, но быстро поняла, что могут возникнуть нежелательные ассоциации. Тогда выбор пал на дом, еще недавно служивший резиденцией Шарля де Голля. С любовью она занялась устройством их «гнездышка», где супруги прожили не один год.

В феврале 1952 г. умер король Георг VI, на похороны которого герцог поехал один. Новая королева Елизавета II, которая приходилась ему племянницей, заявила, что нежно любит своего дядюшку, но на коронацию ни он, ни тем более Уоллис приглашены не были. Однако это их мало волновало.

Тайна их вечного союза, их отношений заключалась в том, что Эдуард всегда чувствовал себя юношей, влюбленным в девушку. В 1970 г. на приеме в Белом доме, отвечая на тост президента Ричарда Никсона, герцог сказал: «Мне необыкновенно повезло, что очаровательная юная американка согласилась выйти за меня замуж и на протяжении тридцати лет была мне любящим, преданным и заботливым спутником». Те же чувства испытывала и Бесси. И на слова о том, как высоко ценит ее герцог, ответила: «Ну, теперь вы понимаете, почему я его полюбила».

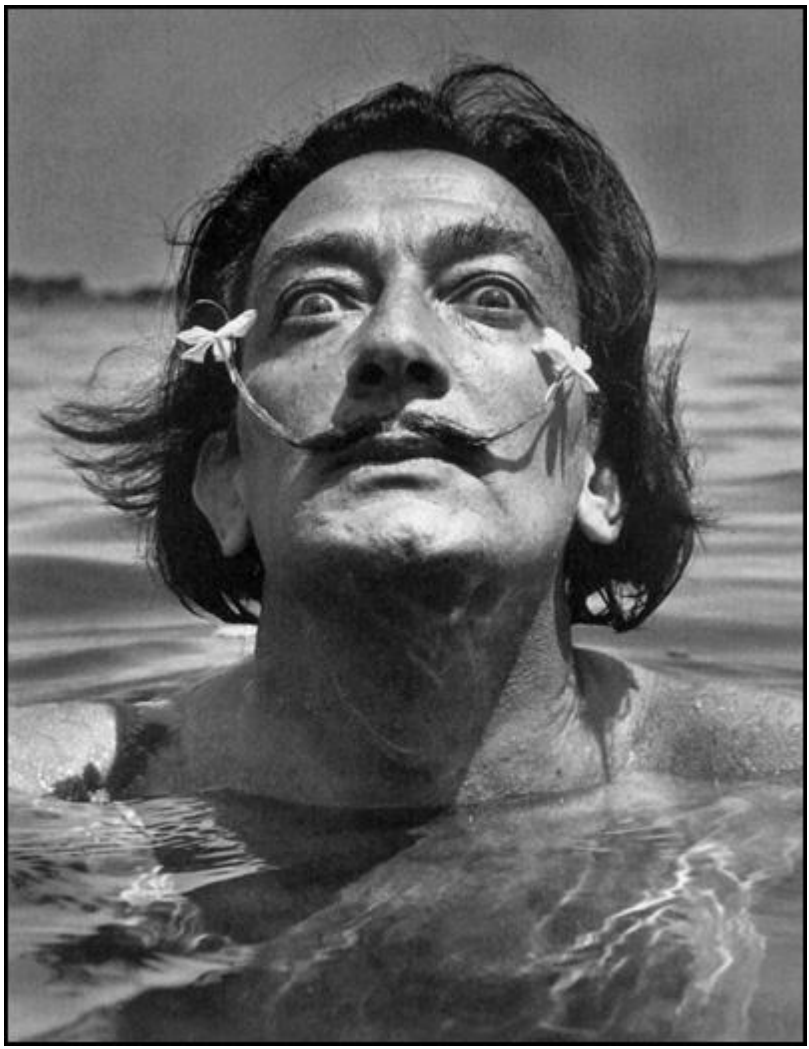
Жизнь текла размеренно и неспешно. Герцог играл в свой любимый гольф, много читал и много курил. «Сколько раз я просила его бросить эту дурную привычку!» — сетовала Уоллис.

Кончилось тем, что у него обнаружили рак. Смерть его не пугала, он боялся лишь разлуки с той, которую любил. Чтобы быть вместе и после смерти, он купил два места на кладбище, где завещал похоронить себя и жену, когда придет ее час. Незадолго до его смерти Эдуарда посетила Елизавета II, прибывшая с визитом во Францию. Герцог уже не вставал с постели. Уоллис с достоинством приняла королеву, ни словом не обмолвившись о прошлых обидах. А вскоре газеты сообщили, что 28 мая 1972 г. в своем парижском доме скончался герцог Виндзорский Эдуард. Тело герцога доставили на военном самолете в Англию. Прибыла сюда и его жена, которой королева предоставила свой личный самолет. Ее поселили в Букингемском дворце и пригласили на ленч и на обед. Вела она себя, как всегда, с достоинством, с благодарностью принимала заботу и внимание, но категорически отвергла предложение взглянуть на покойного мужа: ей хотелось запомнить его живым.

День погребения пришелся на тридцать пятую годовщину их свадьбы. Кто-то сказал у могилы: «Человек, который отдал ради любви так много, это настоящее чудо». Архиепископ Кентерберийский произнес надгробное слово. Уоллис не плакала, стояла застыв и опустив голову перед гробом. Едва тело предали земле, она сказала королеве, что покидает Англию.

«Великая история любви завершилась, — написала газета „Сан“, как бы подводя итог этой необыкновенной истории человеческих чувств, — единственная и неповторимая романтическая история короля, расставшегося с короной ради любимой женщины».

Дали Сальвадор



Полное имя — Сальвадор Феликс Хасинто Дали (род. в 1904 г. — ум. в 1989 г.)

Испанский художник, избравший единственную женщину своим кумиром.

В истории мировой живописи найдется немало художников, вдохновенно изображавших женское и мужское тело в естественном виде, то есть, как говорят, в костюмах Адама и Евы. Но все они вместе взятые блекнут перед творческой фантазией Сальвадора Дали, не стеснявшегося представлять зрителю самые сокровенные части человеческого тела, вплоть до искаженных его

видениями гениталий. Можно с уверенностью сказать, что Дали никогда не сковывал свое воображение эстетическими условностями. В этом смысле он достиг абсолютной свободы самовыражения, названной затем критиками и мистическим экстазом, и сюрреалистическим анархизмом, католицизмом и монархизмом, а также фанатической экспансией фрейдизма и ницшеанства.

Тем поразительнее демонстрация художником, можно сказать, классического образца постоянства в любви — любви к одной-единственной женщине, ставшей его богиней, Музой, гением, «уникальной мифологической Тала нашего времени». Стоит хотя бы прочесть посвящение Дали своей Музе в весьма талантливой книге «Дневник одного гения», в котором Тала предстает в таком неземном образе: «Я посвящаю эту книгу МОЕМУ ГЕНИЮ, моей победоносной богине ГАЛА ГРАДИВЕ, моей ЕЛЕНЕ ТРОЯНСКОЙ, моей СВЯТОЙ ЕЛЕНЕ, моей блистательной, как морская гладь, ГАЛА ГАЛАТЕЕ БЕЗМЯТЕЖНОЙ».

И еще одна цитата из этой книги: «Существуют два важнейших события, которые могут произойти в жизни современного художника:

1. Быть испанцем.

2. Зваться Гала Сальвадор Дали».

В этом весь Дали — страстный, порывистый, честолюбивый и, казалось, живущий и творящий лишь для того, чтобы утвердить собственное «я» и его неразделимую часть — прекрасную Гала.

Сальвадор Феликс Хасинто Дали родился в провинциальном каталонском городке Фигерасе в семье нотариуса Дали-и-Куси. В довольно-таки состоятельной семье он был поздним и очень желанным ребенком, которому позволялось буквально все, в том числе и считать себя «гением», «избранным» и «посвященным». Собственно, и само имя Сальвадор звучит весьма амбициозно — «спаситель».

В своих воспоминаниях Дали описывает себя как самого настоящего вундеркинда: «В три года я хотел стать поваром, в семь — Наполеоном. С тех пор мои амбиции неуклонно росли». По словам художника, в пять лет он сочинил гениальную сказку, в семь писал гениальные стихи, в десять его гением стал учитель рисования, а в четырнадцать юный живописец впервые принял участие в художественной выставке, да не как-нибудь, а в качестве единственного на всю округу авангардиста.

Уже в те годы жизнерадостный и веселый Дали-и-Куси верил в блестящую светскую карьеру сына, а набожная мать видела в нем ангела, ниспосланного ей в утешение самими небесами. Она рано ушла из жизни: юному Сальвадору в год ее кончины едва

исполнилось шестнадцать лет. Для него смерть матери стала настоящей духовной катастрофой, которую он переживал в духе любимого им доктора Фрейда. Десять лет спустя законченный фрейдист написал на одной из своих картин: «Я плюю на свою мать». Отец, не очень-то разбиравшийся в тонкостях психоанализа, не замедлил за это отлучить сына от дома. Вернуться под отчий кров Сальвадору удалось только во время гражданской войны в Испании, которая сближала и гораздо более рассорившихся людей.

В 1921 г. Дали не без некоторых трудностей поступил в Мадридскую Школу Изящных Искусств. Его привлекли футуристы и кубисты, то есть представители тех авангардных течений в живописи, которые заставляли молодые дарования скептически относиться к академическим штудиям. Увлечение модернизмом сблизило Дали с талантливой «золотой молодежью» мадридской Студенческой Резиденции. Экстравагантный и честолюбивый юноша сразу стал лидером студенческой богемы, решительно настроенной на революционные преобразования в искусстве. Особенно сблизился Сальвадор с Луисом Бунюэлем, будущим знаменитым кинорежиссером, и поэтом Фредерико Гарсиа Лоркой. На Бунюэля молодой художник смотрел несколько свысока, а Лоркой восхищался и немного завидовал — тот был тоже гением.

За студенческие проделки Дали раза два даже оказывался в тюрьме. Однажды группа юных каталонских националистов сожгла на площади в Фигерасе испанский флаг. Прибывшая полиция обнаружила на месте крамольного акта Дали, одиноко стоявшего возле кучки золы. Дерзкий злоумышленник был тут же арестован и препровожден в камеру заключения. Бравируя своим поступком, Сальвадор затем рассказывал друзьям, что сочувствующие ему жители города буквально завалили камеру шампанским и фруктами, так что заключение больше походило на праздничный пикник, чем на наказание.

Из тюрьмы Дали вышел героем, люди на улице узнавали его, восхищаясь смелостью молодого бунтаря. Известность пришлась ему по душе, но и испуг был не меньшим. Художник навсегда закаялся иметь какие-либо идейные и политические убеждения, поскольку из-за них так или иначе приходится страдать. А изнеженная душа Сальвадора не могла смириться ни с какими страданиями.

Выход оставался один: щекотать нервы и друзьям, и врагам, нести всякую чепуху, прославляя одновременно анархизм и абсолютную монархию, национализм и всемирный гений, инквизицию и психоанализ. Но делать это так, чтобы в конце

концов все оказывалось дешевым балаганом, за который нельзя было бы привлечь к ответу.

В 1926 г. Дали за очередную скандальную выходку исключили из Мадридской Школы Изящных Искусств, но его будущее было уже определено. Он отправлял свои картины на выставки в Париж, где ему покровительствовали известные земляки — Жоан Миро и сам Пикассо. Тем временем Бунюэль задумал создать сюрреалистический фильм и пригласил Дали в соавторы. Вдвоем темпераментные и честолюбивые молодые люди состряпали сценарий «Андалузского пса» — так в Студенческой Резиденции называли приезжих с юга Испании. Снимать фильм решили в Париже.

«Андалузский пес» вышел на экраны в 1929 г. Глаз, разрезанный бритвой, мертвые ослы и насекомые, аномальные половые акты и прочий диковинный антураж фильма вызвал у публики настоящий шок. Парижская богема торжествовала — фильм «Андалузский пес» был объявлен первой ласточкой сюрреализма в кинематографе. Дали быстро завел дружбу с молодыми ниспровергателями классического искусства литераторами Луи Арагоном, Полем Элюаром, художником Рене Магриттом. И наконец, был представлен и теоретику сюрреализма, писателю Андре Бретону.

Кстати, у Бретона были популярными вечера, которые назывались «снами наяву», напоминавшие то ли шаманские ритуалы, то ли спиритические сеансы. Дали с энтузиазмом принимал участие в них, видимо, втайне надеясь стать лидером скандально известной группы сюрреалистов. Он радушно приглашал своих парижских друзей погостить в Кадакесе, где у его отца был дом. Наведался однажды к художнику и Поль Элюар с женой, Еленой Дмитриевной Дьяконовой, русской по происхождению. В художественной среде все называли ее Гала.

В то время Сальвадор представлял собой закомплексованного 25-летнего девственника, панически боявшегося женщин. Гала же в свои 35 имела мужа, дочь и длинную вереницу коротких любовных связей. Она родилась в Казани, прослушала курс лекций в университете и занималась переводами на русский язык романов французских писателей. В юности Гала часто отдыхала на швейцарском курорте, где и познакомилась с Элюаром, который стал ее мужем в феврале 1917 г. Впрочем, она вовсе не собиралась играть прозаическую роль жены поэта, заявив, что никогда не станет домохозяйкой, а будет «как кокотка сиять, пахнуть духами и всегда иметь ухоженные руки с самым модным маникюром». Для своей дочери Сесиль Гала была не очень-то хорошей матерью, как не была и примерной женой Полю. Зато

она стала музой сюрреалистов, которые после всех ужасов Первой мировой войны объявили войну всякой логике. Любопытно, что супруги не скрывали друг от друга свои романы на стороне. Более того, Элюару доставляло удовольствие рассказывать Гала о своих любовных приключениях и слушать, что рассказывает о своих увлечениях она. В портмоне он всегда носил фото своей обнаженной супруги и с гордостью демонстрировал его друзьям.

В Гала Сальвадор Дали влюбился с первого взгляда. Она показалась ему самим совершенством. Его впечатлило не столько ее строгое лицо, сколько стройное мальчишеское тело и ягодицы, о которых Элюар писал: «Они удобно лежат у меня в руках». На следующий вечер после первой встречи Гала и Сальвадор бродили по оливковым плантациям, потрясенные возникшим чувством. Биографы художника утверждают, что именно тогда Гала произнесла: «Мой маленький мальчик, мы никогда не покинем друг друга!»

Вскоре они стали неразлучны. Дали потянуло к этой женщине с неистовой силой, но одновременно он до обморока боялся соединить с ней свою жизнь. Несмотря на влечение к Гала, он долго не мог даже отважиться на поцелуй. Но проходили дни, и постепенно Гала удалось излечить Сальвадора от его странностей. В 1929 г. она оставила Элюара и вышла замуж за Дали. Забавно, что супруги десятки раз проходили через брачную церемонию: художник вновь и вновь женился на Гала, освящая свой союз с ней под сводами различных церквей и регистрируя брак во многих странах мира. Он даже добился аудиенции у Папы Римского, получив у него благословение на брак со своей любимой женщиной. После очередного бракосочетания они давали торжественный обет и с восторгом отправлялись в свадебное путешествие.

Первое время супруги жили в крайней нужде. Однако постоянное отсутствие денег оставалось их гордой тайной: Гала и Сальвадор вращались в кругу богатых людей и талантливо изображали счастливых состоятельных молодоженов. Они жили замкнуто, не подпуская к себе богему, упоенные собой и не признавая «артистических» замашек — наркотиков, сигарет, посторонних связей. Гала научила художника изысканно одеваться, распознавать врагов, не сорить деньгами и заботиться о собственном здоровье. Она помогла Сальвадору найти свой путь в сюрреализме, заставила отказаться от влияния разнообразных веяний и течений, взяла на себя устройство их семейного быта, освободив мужа от всего, кроме живописи.

Впервые за многие годы жизнь испанского живописца стала упорядоченной и организованной. Почти каждый день Гала

посещала редакции журналов, наносила визиты владельцам салонов, галерей, меценатам и коллекционерам, предлагая им ознакомиться с работами Дали. Недаром он называл ее «мое сокровище», «мое божество», «мой золотой талисман». Его все восхищало в ней: и персиковый пушок на коже, и маленькая родинка на мочке уха, и цвет глаз, которому он долго искал определение и наконец нашел — подводно-ореховый. И все же Гала оставалась для художника земной, желанной, шаловливой, дерзкой и чувственной женщиной. Эпатирующий Дали был предсказуем только в одном — в любовных признаниях своей жене. «Я люблю Гала все больше и больше…», «Гала все прекрасней и прекраснее…», «Поцелуй Гала был сегодня самый нежный и прекрасный за всю мою жизнь…» — эти слова художник не уставал повторять в течение более чем полувека их супружеской жизни.

Сальвадор свято верил, что Гала всегда и во всем права. Возможно, эту уверенность внушал ее необыкновенный дар медиума. Так, она предсказала отцу Дали его судьбу, предрекла болезнь и смерть их общего приятеля, назвала точную дату объявления войны Германии в 1914 г. Многие считали, что набожный Дали чаще всего произносит только одну молитву: «Да восторжествует во веки веков моя безраздельная, безупречная верность Гала!» Их отношения всегда носили идеальный характер и не зависели ни от смены настроения, ни от случайностей. Она была одной из немногих любимых моделей художника: «Гала молитвенная», «Портрет Гала с омаром», «Гала обнаженная у окна» — так щедро делился художник со всем миром рафаэлевской красотой своей супруги. «Без Гала, — признавался Дали, — я не смог бы ни творить, ни жить». И далее: «Клянусь, что никогда не занимался любовью ни с кем. Гала — единственное существо, в котором хочется раствориться».

Разразившаяся гражданская война в Испании круто изменила привычный ход жизни супругов. Дали не собирался поддерживать какую-либо из сторон и в то же время не желал видеть страну оскверненной и разоренной. В 1936 г. Сальвадор и Гала уехали в Париж, а когда во Францию вошли немцы, эмигрировали в Нью-Йорк.

Дали понравилась Америка, куда с начала войны перебралась почти вся художественная интеллигенция Европы. Художник устраивал выставки, его приглашали читать лекции, издавали его книги, а картины покупали за огромные деньги. Он вел жизнь кумира, соперничая в роскоши с восточными шейхами. Дали прекрасно понимал, что демократическому обществу не менее, чем любому другому, необходимы небожители. В XX веке место

королей и святых заняли голливудские звезды, спортсмены и политики. На этом Олимпе, по его глубокому убеждению, должно было найтись место и для художника.

С неустанным трудолюбием Дали превратил свою жизнь в постоянно действующий аттракцион. Гала он подарил механическое сердце, усыпанное рубинами и бриллиантами. В этом подарке слышится отголосок знаменитой строфы итальянского поэта-футуриста Маринетти: «Мое сердце из красного сахара…» Дали приезжал на лекции в лимузине, салон которого был завален цветной капустой. К середине своей жизни художник приобрел облик полоумного гранда времен

Великой Армады: черные локоны до плеч, горящие глаза, впалые щеки аскета, а главное — невероятно закрученные усы, позаимствованные с автопортрета Веласкеса, — они у него всегда победно торчали вверх.

В годы своей необычайной популярности Дали приобрел привычку не принимать гостей, а давать им аудиенции. К визитерам он выходил то в мундире, увешанном орденами, то в халате из леопардовых шкур, то в белоснежном фраке, а то на античный манер — голым и верхом на лошади. Именно в обнаженном виде с саблей в руках он принял у себя советского композитора Арама Хачатуряна. Под звуки его знаменитого «Танца с саблями» экстравагантный художник обскакал вокруг ошеломленного гостя и, не произнеся ни слова, скрылся за дверью зала. Видимо, по представлению Дали, так должен был выглядеть особо почетный прием.

Если за океан Сальвадор уехал всего лишь известным испанским художником, то на родину в 1948 г. он вернулся уже звездой мировой величины. Франкистский режим принял его благосклонно: немного было тогда на Пиренеях деятелей с такой славой. К тому же особых противоречий с властями у Дали не было: он без стеснения глумился над западными демократиями, не способными вынести его умопомрачительных откровений. Уверял, что буржуазия цветет махровым цветом не где-нибудь, а в Советской России. Объявлял, что свобода — это вялая гадость вроде шпината, без вкуса и костей.

Впрочем, это ничуть не мешало его международному признанию. Мэтр, по заказам крупнейших мировых издательств, иллюстрировал классику — от Библии до маркиза де Сада, открывал один за другим свои персональные музеи (в основном на родине и в США), получал многочисленные награды от королевских домов и художественных академий. И все эти годы рядом с ним неизменно находилась его бесценная подруга. Начиная с 1950-х гг. Дали стал проповедовать настоящий культ

Гала. В его знаменитых религиозных аллегориях она уже представала олицетворением божественного начала в образе не только Мадонны нового времени, даже в его изображении Христа проступают знакомые черты «Гала Галатеи Безмятежной».

С середины 70-х гг. у Дали начала прогрессировать болезнь Паркинсона. О серьезной живописи уже не могло быть и речи: то, что выходило из-под кисти художника, не могло его удовлетворить. Гала, зная неистовую натуру мужа, решила всеми способами оградить его репутацию от превратностей судьбы, сохранить во что бы то не стало представление о дееспособности и неувядаемом таланте мастера. По ее просьбе некий Мануэль Баладас талантливо подделал некоторое количество картин Дали. Мистификация удалась — мир по-прежнему верил, что Сальвадор продолжает творить. Это была, пожалуй, единственная тайна Гала от мужа, которую она унесла в могилу и о которой Дали так и не узнал. Обман раскрылся лишь спустя два года после его смерти.

В последнее время в прессе появились публикации, в которых утверждается, что как у Гала, так и у Дали в конце жизни появились и другие привязанности. В частности, пишется о том, что рядом с прославленной Музой художника в 1963 г. появился некий молодой человек, с которым она уехала в Италию, где он через три года скончался. А с 1973 г. ее постоянным спутником якобы был певец Джеф Фенхолдт. Что же касается Дали, то он тоже не оставался в это время в одиночестве. Рядом с ним на всех официальных мероприятиях присутствовала американская певица Аманда Лир (именно такое имя взял себе транссексуал Алан Тэп после операции по смене пола). Однако пока все эти сведения не имеют достоверных документальных подтверждений. Да и что они могут изменить в истории отношений Гала и Дали, которые по сути ни в жизни, ни в искусстве неразделимы и друг без друга не существуют?

Гала скончалась в июне 1982 г. Безутешный Сальвадор с большим трудом перенес эту страшную для него потерю. После смерти жены он уединился в одной из башен своего театра-музея, выстроенного им в Фигерасе в 1974 г., полностью прервав связь с внешним миром. Он пережил свою Гала на семь лет, и до самой своей смерти в 1989 г. практически никого не принимал и никого не желал видеть.

Неистовую любовь Дали к жене многие его друзья считали одним из проявлений душевной болезни. Разумеется, каждый по-своему может толковать историю этой любви. Однако неблагодарное дело мимоходом разбираться в отношениях легендарной пары, которая была счастлива и свое счастье не скрывала перед всем миром. Не случайно же художник сказал:

«Самое главное на свете — это Гала и Дали. Я так люблю нас обоих». И он таки создал торжественный гимн себе, своим картинам, своим усам, своей тросточке и своему гению. А свою любимую женщину он вознес на такой пьедестал, на какой не возносил своих подруг ни один художник всех эпох и народов.

notes

Примечания

1

Здесь и далее стихи в переводе С. Маршака.